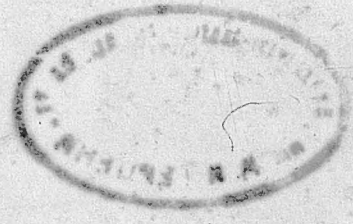
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ



РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

8286.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Пров. 50

издаваемый

М. Катковымъ.

ЛАРИНСКАЯ
ГИМНАЗІЯ.

ТОМЪ СОРОКОВОЙ.

№ 7

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1862.

Одобрено цензурой въ Москвѣ, 15 іюля 1862 года.

МѢСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ РОССІИ.

Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Спб. 1861. Архангельская губернія. Астраханская губернія. Бессарабская область.
Годъ на сѣверѣ. С. Максимова. Спб. 1859.
Памятная книжка Бессарабской области на 1862 годъ.

Точныя статистическія свѣдѣнія о Россіи такъ важны для насъ, особенно теперь, въ эпоху государственныхъ преобразованій, что каждое новое изданіе этого рода не можетъ не возбуждать особеннаго интереса. Нельзя пожаловаться, особенно въ послѣднее время, на недостатокъ такихъ изданій: и Географическое Общество, и Центральный Статистическій комитетъ, и нѣкоторыя отдѣльныя вѣдомства ежегодно умножаютъ массу матеріяловъ готовыхъ для изученія. Если есть на что пожаловаться, то развѣ на недостатокъ изученія всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ, хотя и отрывочныхъ матеріяловъ. Статистическія данныя и цифры рѣдко говорятъ сами за себя прямыми итогами и указаніями. Надобно приступать къ нимъ съ готовыми, созрѣвшими въ головѣ практическими вопросами. Тогда только они могутъ осмыслиться, и придти въ ту правильную и естественную комбинацію, которая требуется для того чтобъ отрывочныя слова, понятія и знаки получили смыслъ и разумъ, и интересъ житейскій. Иные думаютъ, что для достиженія этой цѣли достаточно только трудолюбія

и аккуратности со стороны изслѣдователя: оба эти качества, конечно, качества основныя, безъ которыхъ не можетъ обойдтись никакой трудъ, особливо трудъ надъ числами и категоріями. Но, кажется намъ, этихъ качествъ далеко еще недостаточно для работы которая имѣетъ въ виду не одно собираніе и размѣщеніе матеріяловъ. Для того чтобы создать и оживить нашу статистику какъ науку, потребенъ еще элементъ художественный, безъ котораго никакая наука не создается, и тотъ житейскій смыслъ который вмѣстѣ съ живостью воображенія даетъ человѣку способность, все на что направляется, и чѣмъ овладѣваетъ мысль его, связывать съ дѣйствительною жизнію. Статистика какъ наука только что еще начинается у насъ; еще мало самостоятельныхъ дѣятелей, которые посвящали бы ей свои силы, и могли бы совокупно раздѣлить между собою по рукамъ обширное ея поле. Многое вовсе еще не разработано; многіе важные вопросы не поставлены вовсе; многое изъ того, что разработано, требуетъ еще новой свѣжей переработки, ждетъ еще прикосновенія руки мастера. У насъ статистика, вмѣстѣ съ географіей, до послѣдняго времени относилась къ той скорбной категоріи „мертвенныхъ“ наукъ, которыя служатъ обыкновенно страшилищемъ и для ученика, и для читателя. Кажется, къ счастію, время это начинаетъ проходить и для той, и для другой науки: по крайней мѣрѣ есть уже задатки жизни и интереса впереди. Самое неутомимое трудолюбіе истощается и приходитъ въ уныніе надъ своею работой, когда интересъ ея замкнутъ въ одной искусственной, отвлеченной или кабинетной сферѣ, и не оживляется постоянною мыслью о дѣйствительности. Нибуръ разказывалъ о себѣ, какъ тяготило его еще въ ранней молодости, сознаніе того, что вся масса свѣдѣній пріобрѣтенныхъ имъ въ книгахъ, въ картинахъ и разговорахъ съ образованными людьми, составляетъ все-таки міръ книжной учености, имѣющій очень мало общаго съ дѣйствительною жизнію. Дѣятельный умъ его помогъ ему потомъ оживить свою сферу, и только съ той поры, какъ исторія сказалась ему не образами, а дѣйствительною жизнію, начинается творческая его дѣятельность.

Въ ожиданіи цѣльной науки, однакожъ, и матеріялы составляютъ для насъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Передъ на-

ми теперь начало новаго, весьма важнаго изданія предпринятаго центральнымъ комитетомъ: *Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи.* До сихъ поръ центральная администрація наша обходилась безъ точныхъ списковъ поселеній, хотя министерство внутреннихъ дѣлъ издавна принимало мѣры къ ихъ составленію. Еще въ 1836 году, поручено было начальникамъ губерній распорядиться о составленіи полныхъ списковъ; но представленные списки оказались неисправными, и не могли служить надежнымъ руководствомъ. Потомъ, въ 1852 году, въ исполненіе предположенія о статистическомъ изслѣдованіи Россіи посредствомъ нарочитыхъ экспедицій, двумя такими экспедиціями посланными въ Нижегородскую и Ярославскую губерніи собраны были свѣдѣнія о тамошнихъ поселеніяхъ. Въ 1854 году положено вновь составить списки чрезъ посредство мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, по сложной и обширной программѣ; но это предположеніе осуществилось только по двумъ губерніямъ. Между тѣмъ и по другимъ вѣдомствамъ собирались свѣдѣнія по тому же предмету. Департаментъ генеральнаго штаба имѣлъ списки селеніямъ, составленные офицерами его по поводу военно-статистическаго описанія губерній. Академія наукъ, по настоянію члена своего Кеппена, съ 1855 года собирала подобныя же свѣдѣнія изъ другаго источника, по церковнымъ приходамъ, отъ мѣстныхъ священнослужителей; и въ этихъ спискахъ, какъ свидѣтельствуетъ центральный комитетъ, заключаются наиболѣе точныя указанія относительно мѣстныхъ названій и этнографическаго состава и размѣщенія мѣстнаго населенія.

Наконецъ, въ 1858 году, по учрежденіи центральнаго статистическаго комитета, принята была общая мѣра для возможнаго, если и не вполнѣ совершеннаго достиженія предположенной цѣли. Отъ всѣхъ земскихъ судовъ потребованы свѣдѣнія о числѣ и принадлежностяхъ населенныхъ мѣстъ, тѣ самыя свѣдѣнія, которыя по закону должны быть собраны въ каждомъ земскомъ судѣ. Притомъ, для облегченія работы избрана была самая простая программа, съ исключеніемъ всѣхъ тѣхъ категорій, которыя потребовали бы повѣрки и особыхъ справокъ, слѣдовательно затруднили и замедлили бы исполненіе. Эти-то свѣдѣнія, полученныя уже въ комитетѣ къ 1861 году и провѣренныя

изъ другихъ источниковъ которыми могъ располагать комитетъ, послужили матеріяломъ для настоящаго изданія. До сихъ поръ вышло три выпуска его, въ которыхъ содержатся, свѣдѣнія о поселеніяхъ Архангельской и Астраханской губерній и Бессарабской области. Комитетъ обѣщаетъ издавать дальнѣйшіе выпуски не замедлительно, по мѣрѣ изготовленія, такъ чтобъ изъ нихъ въ послѣдствіи образовалась полная коллекція списковъ по всей имперіи, изданная по одному плану. Къ каждому выпуску приложена хромолитографированная карта губерніи; и въ началѣ, въ видѣ предисловія, помѣщены общія свѣдѣнія объ исторіи и географическомъ положеніи губерніи, объ этнографическомъ составѣ и размѣщеніи ея населенія; а также нѣкоторые выводы изъ данныхъ представляемыхъ списками. Въ самыхъ спискахъ означены: топографическое положеніе каждаго мѣста или его урочище, разстояніе отъ города и стана, число церквей и общественныхъ заведеній. Особенности топографическихъ терминовъ объяснены въ особомъ приложеніи, и въ концѣ каждаго выпуска помѣщенъ азбучный указатель всѣхъ поименованныхъ мѣстностей. Не ручаясь за окончательную полноту своихъ списковъ, и за безошибочность всѣхъ мѣстныхъ обозначеній, центральный комитетъ придаетъ своему изданію въ настоящее время значеніе перваго опыта, или пробныхъ листовъ, по которымъ въ послѣдствіи удобно будетъ пополнять недостатки и исправлять ошибки.

Нельзя не пожелать, чтобъ это полезное изданіе статистическаго комитета, вмѣстѣ съ извѣстнымъ изданіемъ хозяйственнаго департамента *Городскія поселенія Россійской имперіи* (2 тома, 1860 и 1861 г.), продолжались безостановочно. Въ ожиданіи слѣдующихъ выпусковъ, мы желали бы обратить вниманіе читателей на интересъ и важность тѣхъ свѣдѣній, которыя можно извлечь изъ выпусковъ уже изданныхъ въ свѣтъ. Постараемся указать на главнѣйшія черты описанія, которыми обрисовывается образъ каждой изъ трехъ губерній, съ ихъ населеніемъ.

I.

Архангельская губернія занимаетъ огромную площадь въ 673.692 квадратн. версты за исключеніемъ еще острововъ, а съ островами число это возрастаетъ до 775.386 квадратныхъ верстъ. Это огромное пространство представляетъ почву большею частью неспособную къ воздѣлыванію, бѣдную растительностью, каменистую и болотистую; оно богато водами и тундрами: поверхность только десяти важнѣйшихъ озеръ простирается до 6.000 кв. верстъ, и самая большая изъ тундръ не менѣе 1.000 верстъ въ длину и 400 в. въ ширину [1]. Только въ южныхъ уѣздахъ губерніи встрѣчается почва годная къ земледѣлію, и обширные луга благопріятствующіе разведенію рогатаго скота. Мхи растущіе на тундрахъ поддерживаютъ оленеводство. Нечего искать въ такомъ краю ни сильнаго промышленаго движенія, ни густоты населенія, ни удобныхъ путей сообщенія. О неудобствахъ путей сообщенія въ сѣверныхъ уѣздахъ можно судить потому напримѣръ, что отъ Архангельска до Колы почта ходитъ лѣтомъ не менѣе мѣсяца, а осенью 3 и 4 мѣсяца, и есть пути, по которымъ на 200 и на 300 верстъ возможно только пѣшее сообщеніе, по кочкамъ, посреди топкихъ болотъ съ той и съ другой стороны. Главными путями промышленности и въ восточной, тундристой части, почти единственными путями сообщенія. служатъ рѣки, которыми изобилуетъ губернія; по этимъ рѣкамъ и расположено почти все осѣдлое населеніе губерніи, особенно по большимъ рѣкамъ: Двинѣ, Онегѣ, Вагѣ, Мезени и Печерѣ: населеніе крайне скудное въ восточной части, густѣетъ къ югу и западу, особенно между рѣками Онегою и Двиной. Всего въ губерніи 250.565 жителей, и изъ этого числа около пятой части (52.561) приходится на долю городовъ. На городскихъ жителей приходится 2.444 дома, (около 21 души на домъ) на уѣздныхъ 34.049

[1] Генеральное межеваніе недавно еще началось въ Архангельской губ. и до сихъ поръ вполнѣ размежеванъ только Шенкурскій уѣздъ.

дворовъ (около 7 душъ на дворъ). Самый населенный изъ уѣздовъ—Архангельскій въ которомъ приходится до 99 человѣкъ на квадратную милю; но здѣсь населеніе городское (15.684 д.) составляетъ почти третью долю числа остального населенія; всего скуднѣе населеніемъ Мезенскій уѣздъ, въ которомъ на квадратную милю приходится до 4 душъ; здѣсь на 373.208 кв. верстъ всего только 34.146 жителей, въ томъ числѣ 1.353 городскихъ (25-я часть уѣзднаго населенія). Разница въ числѣ между городскимъ и сельскимъ населеніемъ всего значительнѣе въ самомъ южномъ, Шенкурскомъ уѣздѣ, гдѣ первое въ 62 раза менѣе послѣдняго Все это населеніе расположено въ 7 городахъ, (осьмой Кола въ послѣднее время присоединенъ къ Кемскому уѣзду) и 2.544 населенныхъ мѣстностяхъ. Всего болѣе (798) число такихъ поселеній, въ которыхъ живетъ отъ 50 до 100 душъ и отъ 10 до 15 дворовъ; поселеній отъ 200 до 300 душъ встрѣчается около 90, и только 13 такихъ, въ которыхъ живетъ болѣе тысячи. Въ городахъ (съ Колою) значится 37 приходскихъ церквей православныхъ, 2 иновѣрныхъ, 3 монастыря и 18 учебныхъ заведеній и школъ (въ томъ числѣ на долю Архангельска 11). Въ уѣздахъ всего 311 приходскихъ церквей, пропорція значительная по числу населенія (1 церковь на 733 души), но крайне скудная если сравнить ее съ поземельнымъ пространствомъ и взять во вниманіе трудность сообщеній. На каждый приходъ причтется среднимъ числомъ 2.493 квадратныхъ версты. Скудость этой пропорціи становится еще поразительнѣе если вывесть ее въ частности по уѣздамъ: такъ напримѣръ въ Мезенскомъ уѣздѣ приходится одна церковь на 10.086 квадр. верстъ, а въ Кемскомъ на 6.618 квадр. верстъ, въ Пинежскомъ на 1.322 кв. верстъ, въ Архангельскомъ на 610, въ Онежскомъ на 473, въ Шенкурскомъ на 335 и въ Холмогорскомъ на 267 кв. верстъ. Въ послѣднихъ четырехъ уѣздахъ всего гуще разселено русское племя, а Шенкурскій сплошь населенъ Великороссіянами, и въ немъ именно самое значительное число церквей (64), почти наровнѣ съ Холмогорскимъ уѣздомъ (62). Эти числа и пропорціи сами по себѣ уже показываютъ, въ какихъ условіяхъ быта находится наше духовенство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и въ какой мѣрѣ основательно было бы при подобныхъ условіяхъ обращать свое негодованіе на необ-

разованность и грубость священнослужителей. Очевидно, надобно имѣть исключительную натуру, одаренную особою энергіей для того, чтобы не упасть духомъ, сохранить способность духовнаго развитія и поддерживать въ себѣ дѣятельную ревность, когда приходится жить въ мѣстности удаленной отъ движенія жизни, и отъ общенія съ людьми одинаковаго призванія, когда кругъ дѣятельности простирается на нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ, и средства къ содержанію ничтожны. Еслибы мы всегда добросовѣстно принимали въ соображеніе всѣ мѣстныя условія, посреди которыхъ люди нерѣдко должны у насъ дѣйствовать, мы значительно должны были бы умѣрить порывы обычнаго негодованія противъ цѣлыхъ классовъ или сословій, и можетъ-быть еще подивились бы, какъ могутъ они при всѣхъ этихъ условіяхъ выставлять и то количество дѣятелей, какое выставляютъ. Духовенство наше, при множествѣ неблагопріятныхъ условій для своего развитія и при отчужденіи отъ высшихъ классовъ общества, все-таки является еще во многихъ мѣстностяхъ Россіи едва ли не лучшимъ представителемъ умственнаго образованія и духовныхъ интересовъ, особенно въ сравненіи съ классомъ уѣздныхъ и земскихъ чиновниковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и нынѣшнее изданіе Статистическаго комитета. Самые вѣрные и толковые изъ списковъ, послужившихъ матеріяломъ для изданія, составлены приходскими священниками; только эти лица, имѣющія постоянныя сношенія съ туземцами, и могли сдѣлать нѣкоторыя указанія весьма важныя въ этнографическомъ отношеніи; таковы напримѣръ отмѣтки о разселеніи древнихъ новгородскихъ выходцевъ.

Всего въ уѣздахъ показано 5 монастырей, 5 пустынь, 4 скита (Кемск.), 2 раскольничьихъ молитвенныхъ домовъ (Арх.) и 1 протестантская церковь (Арх.), 4 приходскихъ училища (Арх.), 1 уѣздное (Холм.) и 3 сельскихъ (Шенкур.) [1]. Очень странно кажется что по таблицамъ значится тюремный замокъ только въ одномъ изъ всѣхъ горо-

[1] У насъ въ Россіи опаснѣе чѣмъ гдѣ-либо дѣлать рѣшительные выводы изъ чиселъ той или другой категоріи, не опредѣливъ сначала имѣетъ ли фактъ той или другой категоріи постоянное и опредѣленное значеніе въ дѣйствительномъ быту общественной жизни. Такія ошибки и произвольныя заключенія у насъ встрѣчаются чаще чѣмъ гдѣ-либо, потому

довъ Архангельской губерніи, именно въ Онегѣ; если вѣрить таблицамъ безусловно, то пришлось бы заключить, что и въ Архангельскѣ нѣтъ тюремнаго замка. Стоитъ обратить вниманіе на таблицу разстояній, въ которыхъ находится каждое поселеніе отъ уѣзднаго города и отъ становой квартиры. Не входя въ подробные разчеты, укажемъ только на самыя большія разстоянія: и эти цифры сами объяснятъ себя. Въ Архангельскомъ уѣздѣ самое большое разстояніе отъ города на 350 в., отъ стана на 340. Въ Кемскомъ (не говоря о попарскихъ вѣжахъ, которыя еще вдвое дальше) самыя значительныя числа разстояній 555 и 2.756 в. Въ Мезенскомъ разстоянія доходятъ отъ города до 1.067 в., отъ стана до 590 в., часто встрѣчаются разстоянія отъ города до 600 и 700 в. Въ Онежскомъ уѣздѣ самыя большія числа 252 и 296; въ Пинежскомъ 285 и 152; въ Холмогорскомъ 400 и 130; въ Шенкурскомъ 219 и 246.

Населеніе Архангельскаго края состоитъ изъ туземныхъ племенъ и пришельцевъ. Къ туземцамъ относятся Лопари и Корелы (въ Кемскомъ уѣздѣ), Чудское племя (въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ), Зыряне и Самоѣды (въ Мезенскомъ уѣздѣ). О численности каждаго племени нѣтъ положительныхъ свѣдѣній въ нынѣшнемъ изданіи комитета. Остальное населеніе состоитъ изъ пришлыхъ московскихъ и новгородскихъ людей; кромѣ того встрѣчаются, большею частію по городамъ, Поляки и Литовцы (до 520 д. об. п.) осѣвшіе въ томъ краю, можетъ быть, со времени разброда польскихъ шаекъ по Россіи въ 17 стол. Наконецъ, почти исключительно въ Архангельскѣ, живутъ Англичане, Голландцы и Нѣмцы (изъ Бремена, Любека и Гамбурга), по дѣламъ бѣломорской торговли, которая въ ихъ рукахъ донынѣ находится.

что у насъ много именъ и учрежденій, имѣющихъ только формальное или призрачное значеніе: было бы крайне опасно каждое изъ нихъ принимать непремѣнно за фактъ дѣйствительно существующій. Такъ напримѣръ по числу училищъ можно было бы причислить Архангельскую губернію къ самымъ неграмотнымъ; между тѣмъ, по свидѣтельству людей знающихъ тамошній край (Максимовъ: *Годъ на сѣверѣ*), губернія эта есть одна изъ самыхъ грамотныхъ, если не самая грамотная въ Россіи. Г. Максимовъ причину этого явленія полагаетъ въ расколѣ, который издавна утвердился въ этомъ краѣ и способствовалъ распространенію церковной грамотности.

Въ Архангельскомъ краю повсюду живые слѣды исторіи. Всѣ города здѣсь образовались изъ старинныхъ поселеній новгородскихъ, издавна бывшихъ центральными мѣстами промышленнаго движенія: еще съ XVI и XVII стол. получаютъ они видъ остроговъ или укрѣпленій съ посадомъ. Кемь образовалась изъ богатой Кемской волости, принадлежавшей Маѳѣ Посадницѣ и подаренной его Соловецкому монастырю; Онега изъ старинныхъ слободъ Новгородскихъ составлявшихъ Усть-Янскую волость; Мезень изъ Окладниковой слободы; Пинега изъ старой деревни Волока; на мѣстѣ Холмогоръ еще въ XI вѣкѣ извѣстно большое поселеніе заволоцкихъ купцовъ, и Холмогоры уже въ XV ст. называются городомъ. Шенкурскъ происходитъ изъ старинаго Великоважскаго погоста. Даже бѣдная и дальняя Кола извѣстна еще съ XIII столѣтія, а въ XV славилась большимъ селеніемъ, потомъ стала ссылочнымъ мѣстомъ, и наконецъ крѣпостью для защиты края отъ Шведовъ. Самъ Архангельскъ моложе всѣхъ городовъ по началу поселенія, которое образовалось здѣсь искусственно, мѣрами правительства, по основаніи острожнаго города въ началѣ XVII столѣтія.

Новгородская колонизація дала, можно сказать, гражданское бытіе огромному Архангельскому краю: коренные обитатели его, данники новгородскіе еще съ IX вѣка, не могли сами, изъ среды себя, извлечь и развить начала жизни гражданской. Ихъ внесла сюда предпріимчивость новгородскихъ промышленниковъ, которые еще задолго прежде политическаго присоединенія территоріи этого края къ Новгороду утвердили въ немъ частную поземельную собственность, посредствомъ промысловъ, заимокъ или пріобрѣтенія отъ туземцевъ: такъ мало-по-малу образовались частныя владѣнія, заведенія, пожни, ловы и угодья не рѣдко въ обширныхъ размѣрахъ. Въ послѣдствіи, именно во XIV и XV вѣкѣ, эти частныя владѣнія значились уже въ составѣ волостей новгородскихъ. Съ паденіемъ великаго Новгорода, въ XV столѣтіи, начинается присоединеніе къ Москвѣ всѣхъ областей его; однакожь новгородская колонизація продолжается и подъ властію Московскаго государства. Однимъ изъ употребительныхъ у насъ способовъ заселенія пустыхъ мѣстъ было образованіе такъ-называемыхъ слободъ частными слободчиками. Поселялись для промысловъ или

для хлѣбопашества на новомъ мѣстѣ, получая отъ царя грамоту, которою предоставлялось имъ призывать вольныхъ людей, и „копить слободу на великаго государя“ и платить оброки съ промысловъ—въ казну. Такъ образовались въ Архангельскомъ краю многія значительныя поселенія: въ примѣръ можно указать на слободу Окладникову, въ дальнемъ и непріютномъ Мезенскомъ краѣ, основанную при Грозномъ двумя Новгородцами и въ послѣдствіи переименованную въ городъ Мезень; на Усть-Цыльинскую слободу, въ томъ же краю и въ ту же эпоху основанную по царской грамотѣ Новгородцемъ Ласткой. Независимо отъ экономическихъ цѣлей, для которыхъ стремились въ новыя мѣста смѣлые и предпріимчивые охотники и промышленники, дальній и обширный сѣверный край Россіи постоянно служилъ убѣжищемъ для людей отвергнутыхъ государствомъ или не находившихъ себѣ признаннаго мѣста и законной воли въ тогдашнемъ устройствѣ общественномъ: сюда стремились бѣглые изъ Сибири, изъ остроговъ, отъ вотчинныхъ властей, наконецъ раскольники основывали здѣсь, по лѣсамъ, поселенія и скиты свои. Съ утвержденіемъ власти Московскаго государства въ этомъ краѣ, и частная собственность, свободно въ немъ образовавшаяся, должна была подвергнуться преобразованію на основаніи политическаго вотчиннаго начала господствовавшаго въ Москвѣ, принять новую инвеституру отъ государя московскаго: еще въ XV вѣкѣ многія имѣнія Новгородцевъ въ Двинской области были отписаны на великаго князя. Впрочемъ это преобразованіе, какъ извѣстно, не успѣло совершиться вполнѣ, и поземельное владѣніе въ поморскихъ городахъ удержало свои особенности, свой характеръ вольнаго владѣнія, до послѣдняго времени. Въ то время когда повсюду въ Россіи признано было за правило, что одно только лицо служилыхъ классовъ можетъ владѣть землями на вотчинномъ правѣ, въ поморскихъ городахъ [1] старыхъ новгородскихъ областей и посадскіе и даже черные люди оставались при вотчинномъ владѣніи своими землями по вольному новгородскому обычаю, и право это устояло, какъ

[1] Къ поморскимъ городамъ причислялись: Устюгъ, Сольвычегодскъ, Вятка, Каргополь, Яренскъ, Кай-городъ, Тотьма, Соликамскъ, Пермь, Чердынь, Двина, Кевроль, Чаронда, Мезень, Пустозеро и Кола.

извѣстно, до 1801 года, когда всѣмъ людямъ свободнаго состоянія разрѣшено владѣть землями на правѣ полной собственности. Кромѣ того, посадскіе люди сохранили на своихъ земляхъ поселенныхъ людей на правѣ половничества и въ то время, когда въ остальной Россіи единственною формою отношеній землевладѣльца къ земледѣльцу стало крѣпостное право. Эти явленія слѣдуетъ, конечно, объяснять тѣмъ, что и право вотчиннаго землевладѣнія, и крѣпостное право состояли въ необходимой связи съ помѣстною и служебною системой, а поморскихъ городовъ помѣстное право не коснулось вовсе, и помѣстья въ этомъ краю не раздавались, безъ сомнѣнія потому что, по отдаленности, трудно было бы служилымъ людямъ являться отсюда на службу, да притомъ и самый край не былъ земледѣльческимъ по природѣ и почвѣ. Замѣчательно, что и до послѣдняго времени почти всѣ эти города принадлежали къ числу самыхъ бѣдныхъ крѣпостнымъ населеніемъ. Въ Архангельской губерніи вовсе не было крѣпостныхъ крестьянъ, и значилось по десятой ревизіи только 20 душъ дворовыхъ. Вологодская губернія принадлежитъ къ числу помѣщичьихъ, и въ ней болѣе 200.000 душъ крѣпостнаго населенія; но тѣ именно уѣзды ея, которые принадлежали къ поморскимъ, почти вовсе безъ крѣпостныхъ: въ Яренскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ ихъ не бывало; въ Устюжскомъ 24 души крѣпостныхъ крестьянъ; только въ Тотемскомъ ихъ около 2.000 душъ, но и это число объясняется тѣмъ, что часть уѣзда приписана была къ Тотьмѣ изъ сосѣдней Костромской губерніи. Изъ Пермской губерніи значительное количество крѣпостныхъ въ Пермскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, но это объясняется заводскою промышленостью того края и приписками людей въ XVIII столѣтіи къ частнымъ заводамъ.

Г. Максимовъ въ сочиненіи своемъ: *Годъ на сѣверѣ*, рисуетъ любопытную и оживленную картину промысловъ, которыми живетъ населеніе Архангельской губерніи. И здѣсь, какъ въ большей части русскихъ областей, промыслы эти сосгоятъ въ связи съ исторіей края и идутъ *пошлыми*, давними путями. Каждая мѣстность, по своему особенному положенію, имѣетъ и промыселъ особый. Такъ поморскіе уѣзды живутъ промысломъ морскаго звѣря; на Мурманскомъ берегу особенно развитъ тресковый промыселъ, на

Терскомъ ловля семги, въ Кеми сельдяной промыселъ; въ немногихъ мѣстахъ держатся еще остатки промысла, въ старину имѣвшаго большое значеніе для края,—выволочка соли изъ морской воды. Онега служитъ центромъ мѣстной лѣсной торговли съ Норвегіей; здѣшніе жители во множествѣ уходятъ въ Петербургъ на лѣсные дворы; капиталы здѣшніе привлекаются къ судостроенію, которое издавна производится въ Онегѣ въ большихъ размѣрахъ, и къ лѣсопиленнымъ заводамъ. Кемь, центръ поморскаго края, также производитъ мѣновую торговлю съ Норвегіей хлѣбомъ и досками, также славится судостроеніемъ, и славилась нѣкогда шкиперами, воспитанниками бывшаго здѣсь шкиперскаго училища; по рѣкѣ Кеми производится жемчужная ловля въ небольшихъ размѣрахъ. Въ Холмогорахъ, обширное скотоводство, гуртовой промыселъ, кожевенное производство и костяныя издѣлія извѣстныя во всей Россіи.

Этнографическій составъ населенія Архангельской губерніи почти не измѣнился съ XVI и XVII столѣтія: во многихъ мѣстностяхъ и теперь еще явственно обозначаются слѣды первоначальныхъ разселеній пришлаго племени; такъ что можно опредѣлить съ достовѣрностью, гдѣ живутъ потомки новгородскихъ, и гдѣ потомки владиміро-московскихъ выходцевъ; въ изданіи комитета собраны подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, по уѣздамъ и даже по деревнямъ. Вообще русское племя укрѣпилось преимущественно въ уѣздахъ ближайшихъ къ югу: въ Шенкурскомъ, Онежскомъ, Холмогорскомъ и Архангельскомъ: но только въ первомъ уѣздѣ преобладаетъ московскій элементъ. Къ сожалѣнію, въ спискахъ населенныхъ мѣстъ вовсе не встрѣчаемъ свѣдѣній о количествѣ населенія по сословіямъ и племенамъ. Не можемъ не указать еще на одну статью, по которой бы не только интересно, но и крайне важно имѣть точныя свѣдѣнія, хотя къ этому предмету наша статистика, можно сказать, покуда еще и не прикасалась, да нельзя и ставить ей это въ упрекъ, потому что собираніе такихъ свѣдѣній сопряжено съ затрудненіями, которыя едва ли и возможно еще осилить. Это—свѣдѣніе о количествѣ земель состоящихъ въ частной собственности, съ означеніемъ сословія, къ которому принадлежатъ владѣльцы. Такія свѣдѣнія особенно важны въ отношеніи къ сѣверному краю, гдѣ частные землевла-

дѣльцы съ давняго времени принадлежатъ большею частью къ податнымъ сословіямъ, а такъ-называемой дворянской собственности почти не имѣется. Сколько любопытнѣйшихъ выводовъ можно было бы, при помощи историческихъ указаній, сдѣлать изъ такихъ свѣдѣній, когда бы онѣ могли быть собраны по всей Россіи!

Нельзя забыть еще одинъ элементъ заселенія и движенія, который для обширныхъ и рѣдко-населенныхъ пространствъ сѣверной и сѣверо-восточной Россіи имѣлъ и до сихъ поръ имѣетъ величайшую важность. Мы говоримъ о монастыряхъ. Монастыри въ этихъ краяхъ особенно служатъ до сихъ поръ центрами постоянно или періодически притягивающими къ себѣ движеніе народной жизни, и не для однихъ только религіозныхъ цѣлей: къ монастырямъ весьма часто притекаетъ движеніе торговое и промышленное. Сюда сходятся люди изъ разныхъ, далеко разбросанныхъ мѣстностей, которые другимъ путемъ и другимъ способомъ никогда не сошлись бы и не могли бы ни обмѣняться словомъ и мыслью, ни ознакомиться съ интересами и потребностями дальнихъ мѣстъ и дальнихъ людей. Къ нѣкоторымъ извѣстнѣйшимъ монастырямъ идетъ, такъ сказать, постоянная *тяга* со всѣхъ отдаленнѣйшихъ концовъ Россіи: таковъ въ Архангельскомъ краю монастырь Соловецкій. Съ трехъ концовъ прилегаютъ къ нему изстари нахоженые пути, по которымъ съ востока и съ юга двигаются богомольцы изъ разныхъ концовъ Россіи по мѣстамъ и населеннымъ, и пустыннымъ. Впрочемъ, независимо отъ этого значенія монастырей, многіе изъ нихъ основанные въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, замѣчательны еще и тѣмъ, что служили первыми образцами правильнаго, благоустроеннаго хозяйства, и способствовали къ водворенію земледѣлія, развитію промысловъ и воздѣланію земель неспособныхъ. Соловецкій монастырь въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ. Нынѣшнее его устройство не только носитъ на себѣ слѣды хозяйственныхъ работъ прежняго времени, но на нихъ основано, ими держится до сихъ поръ, и все что̀ заведено въ монастырѣ въ XVI столѣтіи бывшимъ его игуменомъ, въ послѣдствіи митрополитомъ московскимъ Филиппомъ, сохраняетъ до сихъ поръ матеріяльное свое значеніе. Нельзя не удивляться той дѣятельности, которую выказалъ этотъ великій человѣкъ въ

теченіе восьмнадцатилѣтняго управленія монастыремъ, въ хозяйственномъ устройствѣ дикаго и пустыннаго Соловецкаго острова. Онъ прорылъ канавы, вычистилъ сѣнокосные луга и увеличилъ число ихъ, провелъ дороги черезъ лѣса, горы и болота, завелъ больницу, внутри монастыря устроилъ каменную водяную мельницу, и для нея провелъ воду изъ пятидесяти двухъ дальнихъ озеръ; устроилъ колодезь, въ который проведена изъ озера вода подземнымъ путемъ,—и всѣ эти заведенія донынѣ дѣйствуютъ. Онъ завелъ улучшенныя породы домашняго скота, развелъ на островѣ лапландскихъ оленей, которые живутъ тамъ и до сихъ поръ; близь монастыря устроилъ насыпи и разныя машины для облегченія работниковъ, построилъ кирпичные заводы, привелъ въ порядокъ управленіе монастырскими волостями, и управителей, тіуновъ и доводчиковъ перевелъ на постоянные оклады жалованья.

Разбираемая нами книга имѣла цѣлью представить только собраніе голыхъ чиселъ и данныхъ, относящихся къ состоянію населенія въ Архангельской губерніи; поэтому въ ней не слѣдуетъ искать этнографическихъ подробностей о бытѣ этого населенія, жизненныхъ интересахъ его и промыслахъ. Поэтому предмету явилось въ послѣднее время замѣчательное сочиненіе г. Максимова: *Годъ на Сѣверѣ*, представляющее живую и очень интересную этнографическую картину Архангельской губерніи. Въ дополненіе къ ней можно еще указать на статьи г. Ненарокова: *Селенія на Пезѣ и Цыльмѣ* и г. Брозовскаго: *Печорскій край*, помѣщенныя въ *Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ* за прошлый годъ. Повторяемъ, этнографическія подробности не относились къ задачѣ настоящихъ изданій Статистическаго комитета, что̀ доказывается самымъ заглавіемъ: *Списки* населенныхъ мѣстъ. Но при чтеніи этихъ списковъ и объяснительныхъ статей къ нимъ, невольно раждаются въ умѣ многіе вопросы, на которые крайне желательно было бы встрѣтить точный отвѣтъ, если не теперь, то хоть въ скоромъ времени. Новыя условія, въ которыя поставлена дѣятельность губернскихъ статистическихъ комитетовъ позволяютъ надѣяться, что на эти вопросы обращено будетъ вниманіе мѣстныхъ дѣятелей. Необходимость точныхъ статистическихъ свѣдѣній становится особенно ощутительною именно въ настоящую минуту, когда дѣло идетъ о пре-

образованіи всего строя нашей администраціи, системы судовъ нашихъ. Въ этомъ отношеніи мы укажемъ на одинъ чрезвычайно важный вопросъ. При разграниченіи округовъ и назначеніи центровъ всякаго управленія дѣло первой важности намѣтить всѣ черты и пункты не по произвольному разчету, не по кабинетнымъ и канцелярскимъ соображеніямъ, не по однимъ очертаніямъ пространства на картахъ, а въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными условіями жизни народной, какъ она представляется въ той или другой мѣстности. Для этого недостаточно изучить населеніе *въ покоѣ*, по голымъ числамъ и по группамъ и узламъ, въ которые собирается осѣдлое населеніе; необходимо изучить это населеніе *въ движеніи*; нужно знать, по какимъ *пошлымъ* путямъ совершается это движеніе въ каждой мѣстности, къ какимъ пунктамъ, въ какіе сроки и для какихъ интересовъ идетъ мѣстная *тяга* населенія. Тогда только можно будетъ и законодательству съ полною достовѣрностью намѣчать свои административные центры и проводить свои черты, не нарушая установившихся путей и не входя въ разладъ съ обычаемъ, который не даромъ существуетъ въ иной мѣстности съ незапамятныхъ временъ, и котораго не неизнасилуешь никакимъ положительнымъ закономъ, а сдѣлаешь только законъ неисполнимымъ. Намъ кажется, что разрѣшеніе этой задачи, хотя не полное и несовершенное, возможно и теперь, лишь бы только къ дѣлу было приступлено добросовѣстно и съ толкомъ. И теперь уже, относительно многихъ губерній, собрано достаточно сыраго матеріяла: удовлетворительные образцы такихъ собраній мы имѣемъ въ описаніяхъ нѣкоторыхъ губерній, изданныхъ отъ генеральнаго штаба. И изъ этого матеріяла, работая съ толкомъ и съ ясною задачей въ головѣ, можно извлечь много важныхъ выводовъ и по указанному нами предмету.

Мы позволяемъ себѣ еще привесть здѣсь изъ другихъ источниковъ нѣкоторыя любопытныя числа, которыя могутъ прибавить новую, не лишенную значенія черту къ характеристикѣ Архангельской губерніи. Весьма любопытно для каждой мѣстности опредѣлить мѣру перемѣщенія недвижимой собственности изъ рукъ въ руки. По офиціяльнымъ вѣдомостямъ видно, что 1859 году въ Архангельской губерніи было совершенно крѣпостныхъ актовъ въ гражданской палатѣ — на 66.000 руб. въ магистратахъ и

ратушахъ на 27.000 руб., и во всѣхъ уѣздныхъ судахъ, только на 688 руб. Разница очень значительная. И въ то же время видимъ, что въ сосѣднихъ губерніяхъ пропорція эта представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ: такъ напримѣръ, въ Олонецкой актовъ первой категоріи совершено на 30.000 руб., второй — на 110.000, и третьей — на 25.000 руб., а въ Вятской — по первой — на 410.000 руб., по второй—на 512.000, и по третьей—на 60.000 р. Въ томъ же году, во всѣхъ уѣздныхъ судахъ Архангельской губерб ыло всѣхъ вступившихъ дѣлъ гражданскихъ — не болѣе 95 и рѣшеныхъ—не болѣе 92, причемъ оказываются суды, въ которыхъ рѣшается въ годъ не болѣе 2, 3, 5 дѣлъ гражданскихъ. Уголовныхъ же дѣлъ значится — вступившихъ около 600 и рѣшеныхъ около того же числа. Въ магистратахъ и ратушахъ значится всего вступившихъ гражданскихъ дѣлъ 58 и рѣшеныхъ 52; уголовныхъ—92 и 99.

II.

Съ дальняго сѣвера Россіи, изъ Архангельской губерніи, второй выпускъ изданія переноситъ насъ на противоположный конецъ, въ Астраханскую губернію. Здѣсь уже встрѣчаемъ совершенно иныя натуральныя условія для поселенія, для быта и занятій человѣка. Астраханская губернія состоитъ изъ низменной равнины склоняющейся въ видѣ огромной впадины къ Каспійскому морю, на юго-востокъ. Почва этой равнины глинистая, съ разсѣянными по ней соляными озерами (числомъ до 700), болотами и частію сыпучими песками. Она пропитана солью, тѣмъ сильнѣе чѣмъ болѣе склоняется къ югу, такъ что ниже города Енотаевска, за 140 верстъ отъ Астрахани, становится уже вовсе неспособною къ земледѣлію. Горъ вовсе нѣтъ въ Астраханской губерніи, а рѣчная система ея, не раздѣляясь сѣтью по водораздѣламъ, сосредоточивается почти вся въ теченіи Волги, раздѣляющей губернію вдоль на двѣ почти ровныя части: правую, или нагорную, и лѣвую, или луговую. Со вступленіемъ въ Астраханскую губернію, Волга перестаетъ уже принимать въ себя притоки, но въ замѣнъ того начинаетъ отдѣлять отъ себя рукава и притоки, которыхъ всего

считаютъ до двухъ сотъ. Только по окраинамъ губерніи, въ нагорной и частію въ луговой сторонѣ, протекаютъ постепямъ незначительныя рѣчки, принадлежащія къ другой системѣ водъ и текущія по другимъ склонамъ. Природныя условія дѣлаютъ Астраханскую губернію неспособною къ земледѣльческому и даже просто къ осѣдлому поселенію, такъ что и поселенія въ ней имѣютъ большею частью видъ непрочныхъ становищъ. Они группируются преимущественно по берегамъ Волги и Каспійскаго моря, но правый берегъ рѣки ежегодно подмывается, лѣвый затопляется, а море мелѣетъ, такъ что селенія расположенныя по берегамъ должны переноситься на другія мѣста, или дальше и дальше отступать отъ берега; въ самыхъ городахъ иногда оказывается необходимость переносить улицы и строенія, а море съ конца прошлаго столѣтія удалилось уже на двѣнадцать верстъ отъ прежней черты своей. Вслѣдствіе того многія поселенія, особенно въ Красноярскомъ и Астраханскомъ уѣздахъ носятъ даже названіе временныхъ поселковъ. Степныя поселенія подвергаются той же перемѣнчивости отъ другой причины. Въ сухую пору, при сильномъ вѣтрѣ, поднимаются въ степяхъ пески, заносятъ пашни и удобныя земли, засыпаютъ озера и топи, такъ что цѣлыя селенія принуждены сниматься съ мѣста и подвигаться далѣе. Въ Астраханской губерніи встрѣчается особенный, ей только свойственный видъ поселеній, извѣстныхъ подъ названіемъ: *мѣсто торга*; доходя до значительныхъ размѣровъ, эти мѣста состоятъ изъ построенныхъ анбаровъ и лавокъ, при которыхъ постоянно живутъ хозяева, и при видимой осѣдлости имѣютъ характеръ какихъ-то таборовъ готовыхъ подняться съ мѣста стоянки при перемѣнѣ обстоятельствъ.

Эти топографическія особенности дѣлаютъ Астраханскую губернію способною только для обитанія кочевыхъ народовъ. И точно, съ древности кочевые народы смѣняли здѣсь другъ друга; черезъ этотъ край проникали въ Европу племена средней Азіи, осѣдая по временамъ около устьевъ Волги и по берегамъ Каспійскаго моря. Здѣсь было съ III вѣка по Рождествѣ Христовомъ царство Хазарское, здѣсь проходили потомъ Угры, Гунны, Обры, Мадьяры, Хвалисы, здѣсь останавливались по разрушеніи Хазарскаго царства, Половцы, здѣсь на берегахъ Ахтубы была знаменитая сто-

лица хановъ Золотой Орды. Въ XIII столѣтіи появляется Астрахань.

Постоянныя сношенія Русскихъ съ этимъ краемъ установились вслѣдствіе данничества ордынскаго, а съ присоединеніемъ края къ Москвѣ началась здѣсь и московская колонизація, усилившаяся въ XVII столѣтіи. Въ Астраханскомъ краѣ водворялись ратные люди, ссыльные и бродяги (отъ которыхъ нѣкоторыя деревни до сихъ поръ называются Безродными и Безпутными); но прочности заселенія препятствовали набѣги крымскихъ и ногайскихъ кочевниковъ, такъ что первоначальныя селенія устраивались въ видѣ остроговъ и укрѣпленій, и уже подъ охраной ихъ возникали группами другія. Всѣ города Астраханской губерніи, за исключеніемъ самой Астрахани, основаны были правительствомъ исключительно для этой цѣли, то-есть имѣли значеніе сторожевыхъ городковъ, подобно нынѣшнимъ казачьимъ кордонамъ. Такъ возникли Черноярскъ, Красноярскъ, и въ половинѣ XVIII столѣтія Енотаевская крѣпость, для охраненія русскихъ селеній отъ Калмыковъ и Кубанцевъ.

Населеніе Астраханской губерніи размѣщено въ ней не сплошною сѣтью, а скорѣе по линіямъ и гнѣздами. Всѣ осѣдлые поселенцы занимаютъ побережье морское и волжское и отчасти пограничную окраину къ сторонѣ Донскаго войска. Срединныя пространства заняты кочевниками, которые въ недостаткѣ рѣчныхъ водъ ищутъ себѣ приволья и воды въ мѣстахъ песчаныхъ, потому что подъ песками, на глинистой почвѣ съ весны долго держится вода, легко добывается и способствуетъ росту травъ. Болѣе половины всего населенія губерніи состоитъ изъ кочевниковъ, такъ что весь край сохраняетъ до сихъ поръ историческій видъ свой, видъ большаго кочевья. Старые кочевники оставили кое-гдѣ по степямъ слѣды свои въ видѣ кургановъ и каменныхъ бабъ. Движеніе кочевыхъ народовъ продолжалось здѣсь до послѣдняго времени, да еще и теперь едва ли можно счесть его вовсе законченнымъ. Въ XVII столѣтіи пришли сюда изъ-за Алтая Калмыки, составили особое ханство и потомъ вступили въ подданство Россіи; но долго еще сохраняли хищническія привычки, такъ что для охраны русскихъ селеній образованъ былъ казачій полкъ, вошедшій послѣ въ составъ Астраханскаго казачьяго войска, посе-

леннаго на правомъ берегу Волги. Значительная часть Калмыковъ въ 1771 году откочевала въ китайскія владѣнія, но на мѣсто ихъ явились Киргизы Малой Орды, которые и теперь расположены на луговой сторонѣ подъ именемъ Орды внутренней или Букеевской. Сюда, къ морскому побережью, перешли съ Кубани кундровскіе Татары, и уже въ настоящемъ столѣтіи явились Каракалпаки и Туркмены, не заходившіе въ этотъ край съ XVII столѣтія. Таковъ составъ кочеваго населенія. Русская колонизація особенно усилилась въ Астраханскомъ краѣ со времени императрицы Екатерины II. Здѣсь дозволено было водвореніе выходившимъ изъ-за границы раскольникамъ; сюда стали переселять малоземельныхъ казенныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, и начали раздавать въ собственность частнымъ лицамъ земли и участки морскихъ водъ. Для водворенія между Калмыками осѣдлости въ 1846 году велѣно основать на калмыцкихъ земляхъ 44 станицы, и 33 уже основаны: изъ нихъ 20 причитается на Астраханскую губернію. Съ конца XVIII столѣтія появились въ Царевскомъ уѣздѣ малороссійскія поселенія, хуторами, расположенными по солевозному тракту издавна знакомому Малороссамъ, по направленію къ Елтонскому озеру: эти Малороссіяне водворены здѣсь въ качествѣ солеломщиковъ и солевощиковъ обложенныхъ обязательною натуральною повинностью; кромѣ того, въ XVII же столѣтіи водворены здѣсь люди мордовскаго и, частію, чувашскаго племени.

Астраханская губернія занимаетъ площадь въ длину до 600 и въ ширину до 530 верстъ, и равняется 193.310 кв. верстамъ, такъ что уступаетъ въ пространствѣ только двумъ губерніямъ европейской Россіи — Архангельской и Вологодской. Населеніе расположенное на этомъ пространствѣ доходитъ до 480.523 душъ обоего пола: въ томъ числѣ на киргизскую орду приходится 133.795 душъ, а на калмыцкіе улусы 67.608 душъ. Кочевымъ племенамъ принадлежитъ: Татарамъ 520.000 десятинъ земли, Киргизамъ до 6.000.000 десятинъ, или до 57.600 кв. верстъ, и Калмыкамъ до 8.500.000 десятинъ, или 81.700 кв. верстъ. Городское населеніе состоитъ изъ 65.942 душъ, то-есть составляетъ немного болѣе седьмой части всего населенія губерніи. Изъ этого числа 44.790 душъ приходится на одну Астрахань, а изъ остальныхъ семи городовъ самый населенный Черный Яръ (4.462 души),

а наименѣе населенный—Енотаевскъ (2.035). Самый населенный изъ уѣздовъ—самый сѣверный Царевскій, 88.744 души на 24.411 квадр. верстъ); послѣднимъ, по числу населенія, оказывается—Красноярскій (19.799 душъ на 31.296); по пространству всѣхъ обширнѣе Астраханскій уѣздъ, въ которомъ считается 56.675 кв. верстъ, а жителей всего 40.776 душъ, такъ что во всемъ уѣздѣ менѣе жителей чѣмъ въ губернскомъ городѣ, къ которому онъ приписанъ. Въ числѣ населенія значатся, кромѣ поименованныхъ племенъ, еще юртовскіе Татары, потомки ордынскихъ, живущіе особою слободой въ Астрахани и въ селеніяхъ Астраханскаго уѣзда; Армяне, которые водворились въ краѣ съ XVIII столѣтія и составляютъ въ Астрахани особое общество; Персіяне, Грузины, Греки и малая часть Поляковъ, Евреевъ, Нѣмцевъ и Французовъ.

Все осѣдлое населеніе расположено въ 394 населенныхъ мѣстностяхъ (въ томъ числѣ 5 городовъ) и въ 33.412 дворахъ (въ томъ числѣ въ городахъ 6.400 домовъ). Всего болѣе такихъ уѣздныхъ поселеній, въ которыхъ отъ 10 до 25 душъ (64); поселеній отъ 600 до 1.000 душъ не болѣе 31; 33 поселенія отъ 1.000 до 2.000; 24 поселенія свыше 2.000 душъ. Въ городахъ всего 41 православная церковь (въ одной Астраханской 34) и 5 монастырей, 9 инославныхъ церквей и 15 мечетей. Въ уѣздахъ 2 монастыря и 79 православныхъ церквей, 66 мечетей и 4 ламайскихъ хурула. Въ Астраханскомъ уѣздѣ 38 мечетей, болѣе чѣмъ православныхъ церквей (22); въ Енотаевскомъ нѣтъ ни одной мечети и 15 православныхъ церквей; въ Красноярскомъ послѣднихъ 2, и 18 мечетей; въ Царевскомъ 2 мечети и 26 церквей,—и въ Черноярскомъ 14 церквей и 2 мечети. Наибольшія разстоянія поселеній въ Астраханскомъ уѣздѣ—отъ города 249 верстъ и отъ становой квартиры 253 версты, въ Енотаевскомъ 89 и 74; въ Красноярскомъ—259 и 200; въ Царевскомъ 329 и 132; въ Черноярскомъ 179 и 84 версты. Границы уѣздовъ и становъ въ Астраханской губерніи замѣчательны тѣмъ, что онѣ повсюду проведены прямыми линіями, такъ какъ по свойству и быту населенія нигдѣ не было необходимости стѣсняться въ проведеніи черты какою-либо живою или обычною межой.

Въ Киргизской ордѣ нѣтъ постоянныхъ жилищъ, кромѣ одного селенія находящагося при ханской ставкѣ. Волж-

скіе Калмыки раздѣляются на девять улусовъ, изъ коихъ шесть считаются казенными и имѣютъ правителей по назначенію палаты государственныхъ имуществъ; а остальные считаются владѣльческими и управляются наслѣдственными нойонами подъ наблюденіемъ палаты. Кундровскіе Татары живутъ зимой въ двухъ обширныхъ селеніяхъ Красноярскаго уѣзда, а лѣтомъ выходятъ на кочевку.

III.

Бессарабская область, въ нынѣшнемъ видѣ своемъ, по образованіи новой границы, занимаетъ площадь въ 30.670 квадратныхъ верстъ и по величинѣ своей уступаетъ всѣмъ остальнымъ губерніямъ, кромѣ Эстляндской, Курляндской, Тульской, Калужской, Московской и Ярославской. Верхнія части ея перерѣзаны горами, составляющими отрасль Карпатовъ и изобилуютъ большими лѣсами. Лѣсовъ въ Бессарабіи считаютъ приблизительно около 288.000 десятинъ, слѣдовательно лѣса занимаютъ около одиннадцатой части области, въ которой полагаютъ всего 3.275.637 десятинъ. Южная часть (Бендерскій и Аккерманскій уѣзды) состоитъ изъ плоской равнины, склоняющейся къ морю, которое покрывало въ доисторическія времена весь этотъ край вплоть до Карпатовъ. По мѣрѣ приближенія къ морю и почва измѣняется, превращаясь изъ богатой черноземной въ солончаковую и болотистую, и наконецъ въ голый песокъ. Къ особенностямъ края относится обильное орошеніе множествомъ мелкихъ рѣчекъ, ручьевъ и потоковъ: неспособныя къ судоходству, эти воды, извилистыя, быстрыя и измѣнчивыя, благопріятствуетъ главной промышленности края, садоводству, разведенію плантацій и обширному скотоводству. На границахъ губерніи протекаетъ съ одной стороны Прутъ, удобный только для лѣснаго сплава, и съ другой стороны на всемъ протяженіи внутренней восточной границы—Днѣстръ, большею частію сжатый въ крутыхъ берегахъ, быстрый и извилистый; каменистое дно, множество отмелей, подводныхъ камней, корчей и затопленныхъ на днѣ плотовъ дѣлаютъ его неудобнымъ для плаванія, такъ что и донынѣ по немъ ходятъ только мелкія перевозныя

суда или галеры, стариннаго устройства. Почва Бессарабіи, особенно въ сѣверной и средней части, отличается плодородіемъ, а въ южной очень удобна для скотоводства. При самыхъ благопріятныхъ природныхъ условіяхъ край этотъ, разоренный войнами, былъ въ самомъ жалкомъ состояніи, покуда находился подъ турецко-молдавскимъ владычествомъ; о торговлѣ и промыслахъ не могло быть и рѣчи, покуда населеніе принуждено было прятаться въ уединенныхъ мѣстахъ отъ Татаръ и сборщиковъ податей. Съ присоединенія къ Россіи начинается для Бессарабіи новая жизнь; съ того времени, въ теченіи сорока девяти лѣтъ, ея населеніе увеличилось впятеро, развились промыслы, и торговля, особенно хлѣбная, приняла значительные размѣры. Главнымъ источникомъ промысловъ, по природѣ Бессарабіи, служитъ сельское хозяйство, особенно хлѣбопашество, садоводство скотоводство и винодѣліе. Много хлѣба вывозится отсюда въ Одессу и въ Молдавію; Бессарабія отличается обширностію, если не качествомъ своихъ виноградниковъ; вино, табакъ и лошади вывозятся отсюда во внутреннія губерніи; а рогатымъ скотомъ производится обширный торгъ съ Австріей, и городъ Бѣльцы считается однимъ изъ обширнѣйшихъ въ Европѣ рынковъ этого товара. Лѣсныя богатства этого края гибнутъ отъ безпорядочнаго и небрежнаго хозяйства: торговля лѣсомъ, въ видѣ сыраго матеріяла, не переходитъ внутренней границы, и, по совершенному недостатку заведеній для выдѣлки лѣса, Бессарабія, при огромныхъ своихъ лѣсныхъ запасахъ, не имѣетъ у себя строительныхъ матеріяловъ; странно слышать, что лѣсистая страна получаетъ изъ Австріи и изъ Подольской губерніи всѣ лѣсныя издѣлія, какъ-то: распиленныя доски, гонтъ, дрань и т. п. Бессарабія была издревле классическою стороной рыбнаго промысла: отсюда доставлялась рыба еще къ столу римскихъ императоровъ, и есть основаніе полагать, что рыбною ловлей кормились и процвѣтали здѣсь старыя милетскія, римскія и италіянскія колоніи: превосходныя условія для этого промысла представляетъ дунайская дельта съ заливами и островами, берега моря и днѣстровскій лиманъ съ заливомъ Шабалатскимъ. Къ сожалѣнію теперь, и съ недавняго времени, промыселъ этотъ въ упадкѣ: самыя богатыя ловли дунайской дельты отошли отъ Бессарабіи съ проведеніемъ новой границы; но и ранѣе этого времени про-

мыслы упали съ тѣхъ поръ какъ поступили въ 1840 году въ вѣдѣніе палаты государственныхъ имуществъ и сдѣлались откупною статьей. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, откупъ задавилъ частную промышленность, и вовсе разорилъ промыселъ: тѣ заведенія, которыя, распредѣляясь по рукамъ, поддерживались исправно расчисткою канавъ на счетъ частныхъ промышленниковъ, оставлены и запущены вовсе подъ гнетомъ откупа: откупщики нажили себѣ огромную сумму, а промыселъ разоренъ, и монополія довела до того, что въ Бессарабіи, славящейся богатствомъ рыбы, цѣна на нее почти одинакова съ московскою.

Бессарабія, подобно волжскому низовью, была съ глубокой древности проходнымъ мѣстомъ, на которомъ сталкивались, смѣняя другъ друга въ теченіе двухъ тысячъ пятисотъ лѣтъ восточныя племена: сначала Киммеріяне и Скиѳы, потомъ Геты, Даки, готскія племена въ эпоху Аттилы, Авары, Булгары, Славяне, Угры, Печенѣги, Половцы. Въ VII столѣтіи появляется здѣсь имя Бессараба, предводителя одного изъ дакскихъ племенъ, оставшееся въ названіи всего края. Съ XIV столѣтія Бессарабія входитъ въ составъ Молдавіи и потомъ, вмѣстѣ съ нею, въ составъ владѣній Порты. Южная часть края, или Буджакская степь, съ XV вѣка дѣлается кочевьемъ Нагайцевъ, которые только въ началѣ нынѣшняго столѣтія окончательно выведены отсюда въ Крымъ и къ Азову русскимъ правительствомъ. Сосѣдняя съ старымъ Галицкимъ княжествомъ, издавна возбуждавшая завоевательные замыслы Польши, Бессарабія въ началѣ XVIII столѣтія въ первый разъ увидѣла въ своихъ предѣлахъ войска Московскаго государства, которое не могло быть и прежде равнодушно къ судьбамъ ея и потому уже, что здѣсь было, также какъ въ Крыму, гнѣздо грабителей-Ногайцевъ, постоянно грозившихъ сосѣдямъ разбойничьими набѣгами. Славянскія поселенія были здѣсь между Дунаемъ и Днѣстромъ еще до временъ Нестора; но и Греки, и Римляне, и потомъ Генуэзцы оставили здѣсь слѣды своихъ колоній и укрѣпленныхъ мѣстъ. Пестрота племенъ, проходившихъ черезъ Бессарабію и утверждавшихся въ ней, выражается и въ пестротѣ мѣстныхъ названій, въ которыхъ слышатся и славянскіе и румынскіе и турецкіе звуки: но большинство именъ относится къ славянской рѣчи.

И нынѣшнее населеніе Бессарабіи отличается пестро-

тою: число его вообще доходитъ до 909.920 душъ обоего пола. Большинство населенія принадлежитъ молдаванскому племени (до 515.000), всего гуще собранному въ среднихъ уѣздахъ: Молдаване считаются древнѣйшими поселенцами въ Бессарабіи. Молдаване принадлежатъ къ тому же племени, которое господствуетъ въ сосѣднихъ румынскихъ княжествахъ и называетъ себя Румынами или Романами. Сосѣдніе Славяне придали ему названіе Валаховъ, то-есть Италіянцевъ или Римлянъ; и дѣйствительно, историческія разысканія приводятъ къ заключенію, что племя это происходитъ отъ римскихъ поселенцевъ смѣшавшихся съ Дакскоготскимъ племенемъ. Самый языкъ ихъ имѣетъ неоспоримое италіянское происхожденіе, и особенно сходенъ съ нарѣчіемъ острова Сардиніи: простой румынскій крестьянинъ слышитъ въ италіянской рѣчи знакомые звуки. Въ румынскихъ княжествахъ племя это доходитъ числомъ до 4.200.000 душъ; но оно не ограничивается только княжествами и Бессарабіей: въ Трансильваніи считается Румыновъ до 1.500.000, въ Банатѣ болѣе 100.000; въ Венгріи почти столько же, и въ Буковинѣ, которая до 1774 года принадлежала къ Молдовалахіи, около 400.000 душъ; въ самой Россіи, кромѣ Бессарабіи, Молдаванъ много еще на другомъ берегу Днѣстра, въ Подольской губерніи. Кромѣ того, въ турецкихъ владѣніяхъ живетъ до 300.000 такъ-называемыхъ Куцовалаховъ, того же племени. Отчасти древняго же поселенія въ Бессарабіи, отчасти вышли сюда въ послѣднее время, избѣгая уніи,—Русскіе изъ Галиціи, которыхъ считается до 130.000 душъ; ими населенъ до $^3/_5$ частей Хотинскій уѣздъ. За Галичанами, по численности слѣдуютъ Малороссіяне (до 70.000 душъ); они начали водворяться въ Бессарабіи съ XVII столѣтія, во время казачьихъ войнъ. Число ихъ всего болѣе увеличилось съ XVIII столѣтія козаками бѣжавшими отъ государственныхъ преобразованій и крестьянами убѣгавшими отъ крѣпостнаго права. Бывшіе Запорожцы толпами бѣжали сюда по уничтоженіи Сѣчи. Наконецъ съ 1825 года началось хозяйственное переселеніе въ этотъ край государственныхъ крестьянъ изъ Малороссіи. Въ турецкую войну 1807 года изъ казаковъ и разныхъ выходцевъ образованы были два полка Усть-дунайскаго войска, переименованнаго въ послѣдствіи (1856 г.) въ новороссійское. Со времени турецкихъ войнъ, при императрицѣ Екатеринѣ, началось пе-

реселеніе въ здѣшній край турецкихъ Болгаръ, на земли бояръ молдавскихъ. По присоединеніи края къ Россіи, партіи переселенцевъ стали увеличиваться, и съ 1817 года получили правильное колоніяльное устройство, на казенныхъ земляхъ, по Буджакскимъ степямъ покинутымъ Ногайцами. Болгаръ считается теперь въ Бессарабіи до 57.000 душъ, въ 46 колоніяхъ и хуторахъ. Число великорусскихъ поселенцевъ въ Бессарабіи доходитъ до 17.500 душъ; они живутъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ кромѣ Кишеневскаго, гдѣ вовсе нѣтъ великорусскихъ поселенцевъ; водвореніе ихъ здѣсь началось съ половины прошлаго столѣтія: переходили изъ Россіи большею частью раскольники, которыхъ потомки и нынѣ живутъ особыми селеніями въ сѣверныхъ уѣздахъ, да бѣглые крѣпостные крестьяне и бродяги. Вообще Бессарабія издавна считалась пріютомъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей; иногда само правительство, въ видахъ заселенія безлюдныхъ мѣстъ разоренныхъ войною, смотрѣло снисходительно на этихъ выходцевъ и даже дозволяло имъ приписываться безъ справокъ о происхожденіи; здѣсь, до послѣдняго всемилостивѣйшаго манифеста, нерѣдко встрѣчались семейства искусственно и притворно составленныя изъ людей вовсе другъ другу чуждыхъ, которые записывались подъ именемъ умершихъ.

Евреи принадлежатъ къ стариннымъ поселенцамъ Бессарабіи: ихъ считается до 70.000 д., въ томъ числѣ 10.000 Евреевъ-земледѣльцевъ въ шестнадцати колоніяхъ. Съ 1814 года основались здѣсь иностранные поселенцы: Нѣмцы вышедшіе изъ Польши, изъ Баваріи и Виртембергскаго королевства; ихъ считается всего до 26.000 д. Всѣ нѣмецкія колоніи, числомъ двадцать четыре, расположены въ Аккерманскомъ уѣздѣ: эти колоніи, вмѣстѣ съ болгарскими, оживили и воздѣлали южную часть области, дотолѣ вовсе пустынную. Цыганъ считается въ области до 10.000: они съ давняго времени кочуютъ здѣсь, и еще при прежнемъ правительствѣ обращены были въ крѣпостное состояніе [1]. Теперь небольшая только часть Цыганъ состоитъ въ разрядѣ государственныхъ крестьянъ, нисколько впрочемъ несклонныхъ, подобно Евреямъ-поселенцамъ, къ земледѣлію. Въ числѣ осѣлаго бессарабскаго населенія состоятъ еще Армяне и Греки (всего до 3000 д.)

[1] Въ Румынскихъ княжествахъ считается всего 300.000 Цыганъ: полагаютъ, что они поселились здѣсь еще со временъ Тамерлана.

Поземельныя права въ Бессарабіи разнообразны: полная владѣльческая собственность здѣсь, также какъ въ земляхъ Московскаго государства, политическаго происхожденія. Во время присоединенія края къ Россіи, за исключеніемъ Аккерманскаго и Бендерскаго уѣздовъ, гдѣ всѣ земли оказались казенными, земли всѣхъ прочихъ уѣздовъ состояли въ частномъ владѣніи, во владѣніи бояръ и монастырей, которымъ розданы были молдавскими господарями по жалованнымъ грамотамъ. (Кромѣ того, по присоединеніи края, русское правительство, въ видахъ его заселенія, раздавало пустыя земли русскимъ сановникамъ и молдавскимъ боярамъ, принявшимъ присягу на подданство Россіи.) Эти-то грамоты вмѣстѣ съ нѣкоторыми актами турецкаго правительства составляютъ первоначальное основаніе поземельнаго права въ Бессарабіи. Разборъ и соглашеніе этихъ старыхъ актовъ, при разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ, представляетъ значительныя затрудненія, и вотчинныя бессарабскія дѣла принадлежатъ къ числу самыхъ сложныхъ и запутанныхъ. Затрудненія увеличиваются еще отъ существовавшаго въ Бессарабіи обычая, назначать и отчуждать имѣнія по количественнымъ частямъ (наприм. $^1/_8$, $^1/_{15}$, $^1/_{20}$ такого-то имѣнія), и отъ неопредѣлительности нѣкоторыхъ положеній мѣстнаго вотчиннаго права, которое до сихъ поръ ограничивается сборникомъ византійскихъ законовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ ручной книги *Арменопула* (XIV столѣтія). Кромѣ частныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, значительная доля поземельной собственности принадлежитъ въ Бессарабіи монастырямъ, не только русскимъ, но и заграничнымъ; въ ихъ владѣніи состоятъ лучшіе участки около Днѣстра и Прута; однимъ заграничнымъ монастырямъ принадлежитъ пространство составляющее $^1/_{12}$ часть цѣлой области и заключающее въ себѣ 262.961 десятину земли, то-есть болѣе 2.524 квадратныхъ верстъ; въ томъ числѣ есть монастыри, имѣющіе по 40 и по 50 тысячъ десятинъ. Самые лучшіе лѣсные участки принадлежатъ монастырямъ, въ томъ числѣ заграничнымъ, болѣе 40.000 десятинъ, а туземнымъ немного болѣе 5.000 десятинъ.

Въ послѣднее время Бессарабская область принадлежала къ числу самыхъ бѣдныхъ крѣпостнымъ населеніемъ: въ ней значилось всего 4.920 душъ крѣпостныхъ крестьянъ обоего пола, и 5.920 душъ дворовыхъ людей. Сначала здѣш-

ніе крестьяне были крѣпостными, но съ половины прошлаго столѣтія, еще при прежнемъ правительствѣ, крѣпостное право на Молдаванъ и Русскихъ было уничтожено; крѣпостными оставлены только цыгане въ качествѣ дворовыхъ людей; а прежніе крѣпостные перешли въ сословіе царанъ, считавшихся вольными людьми, въ обязательныхъ договорныхъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ. Сословные разряды бессарабскихъ жителей довольно многочисленны и разнообразны и теперь, хотя были еще разнообразнѣе въ прежнее время. Въ числѣ сельскихъ обывателей, различаются тамъ по историческому происхожденію—резеши, или царане, поселенные на своихъ земляхъ, мазылы и рупташи, происходящіе изъ духовнаго званія и потому оставленные при нѣкоторыхъ льготахъ, сравнительно съ другими поселянами (въ 1847 году они переименованы въ однодворцевъ и живутъ какъ на казенныхъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ), потомки иностранныхъ выходцевъ, получившіе еще отъ молдавскаго правительства особыя привилегіи и особое названіе Рупта-де-Вистерія и Рупта-де-Камара. Въ Бессарабіи дѣйствуетъ особая податная система. Подати взимаются тамъ съ мѣстныхъ жителей на томъ же основаніи и подъ тѣми же названіями, какъ при турецкомъ правительствѣ. Всѣ жители, за исключеніемъ дворянства и духовенства, платятъ посемейную подать подъ названіемъ *бира*. Но однодворцы—прежніе мазылы и рупташи, по старымъ привилегіямъ, платятъ вмѣсто бира, такъ-называемый даждій, тоже посемейно, но на 19 коп. меньше. Царане составляютъ въ Бессарабіи самое многочисленное сословіе: ихъ считается около 495.000 душъ обоего пола: они считаются свободными поселянами; а собственно государственныхъ крестьянъ въ области не болѣе 68.000. Послѣ царанъ всего многочисленнѣе классъ мѣщанъ: ихъ считается около 226.000, да цеховыхъ около 6.500. Дворянъ потомственныхъ 1.996 человѣкъ мужскаго и 1.799 женскаго пола.

Все населеніе Бессарабской области, по „спискамъ“, состоитъ изъ 909.926 человѣкъ обоего пола, въ томъ числѣ одного городскаго населенія 156.918 человѣкъ; такъ что вообще приходится безъ городовъ по 124 человѣка на квадратную версту или по 1.187 на квадратную милю; а съ городами по 29 человѣкъ на версту или по 1.435 на милю. (Впрочемъ, по другимъ свѣдѣніямъ, по памятной книжкѣ

Бессарабской области, все населеніе простирается до 988.000.) Все это населеніе расположено въ семи уѣздахъ, изъ коихъ самымъ люднымъ оказывается, сравнительно съ пространствомъ, средній, Кишиневскій уѣздъ, а самымъ малолюднымъ—южный, Аккерманскій: населенныхъ мѣстностей считается 1.298, и въ нихъ 143.461 дворъ, въ томъ числѣ городскихъ домовъ 12.674. Уѣздныя поселенія расположены большею частію въ видѣ разбросанныхъ хуторовъ, нерѣдко переносимыхъ съ мѣста на мѣсто, отчего и число дворовъ въ селеніяхъ бываетъ непостоянно [1].

Бессарабія, также какъ и Молдавія, съ древности обильна монастырями и скитами: ихъ всего считается 18, въ томъ числѣ 13 мужскихъ и 5 женскихъ. Всѣ они расположены въ средней части области, въ Кишиневскомъ, Сорокскомъ и Оргѣевскомъ уѣздахъ, особенно въ послѣднемъ, гдѣ 11 монастырей, такъ что одна изъ здѣшнихъ мѣстностей, по рѣкѣ Иккелю, въ глубинѣ лѣсовъ, названа „Бессарабскою Ѳиваидой.“

Православныхъ приходскихъ церквей въ уѣздахъ считается 782 да 22 въ городахъ, итого 804 на 1.290 населенныхъ мѣстъ и на 865.000—жителей православнаго исповѣданія; пропорція весьма значительная, 1 церковь на 1.076 человѣкъ. Всего болѣе церквей въ Оргѣевскомъ уѣздѣ (180), и всего менѣе въ Аккерманскомъ, гдѣ расположены нѣмецкія лютеранскія колоніи; за то здѣсь 5 лютеранскихъ церквей и 20 молитвенныхъ домовъ, и 1 католическая церковь [2]. Замѣчательно также что этотъ уѣздъ обиленъ сель-

---

[1] Любопытно сравнить эти числа съ соотвѣтствующими числами Румынскихъ княжествъ. Тамъ считается пространство Валахіи въ 1.330 квадратныхъ миль, и Молдавіи въ 957 квадратныхъ миль; въ первой приходится по 1.955 душъ на милю; въ послѣдней по 1.670.

[2] Большое количество православныхъ церквей и монастырей въ Бессарабіи объясняется тѣмъ, что этотъ край входилъ въ составъ Румынскихъ княжествъ, которыя множествомъ церквей всегда отличались отъ прочихъ государствъ Европы. Въ Молдавіи и теперь приходится по 1 церкви на 845 душъ населенія, а въ Валахіи на 607 душъ. Еще замѣчательнѣе въ этомъ краѣ множество монастырей: въ Валахіи ихъ 202, а въ Молдавіи 60 большихъ, кромѣ малыхъ. Монашество и пустынножительство извѣстно здѣсь издавна, такъ что въ XVIII столѣтіи, когда въ Россіи указами Петра и его преемниковъ установленъ былъ постоянный штатъ монаховъ и поступленіе въ монашество стало затруднительно, искатели монашеской жизни во множествѣ уходили въ Молдавію и потомъ, по воз-

скими школами (36); во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ мы могли насчитать по спискамъ не болѣе 5 приходскихъ и сельскихъ училищъ, но въ памятной книжкѣ Бессарабской области показано по уѣздамъ—въ казенныхъ селеніяхъ 52 школы да въ помѣщичьихъ 2, да въ городахъ 8 уѣздныхъ и 9 приходскихъ училищъ; въ болгарскихъ колоніяхъ 37 школъ, да 185 еврейскихъ училищъ съ меламдами.

Замѣчательно количество бѣлаго духовенства въ Бессарабіи: къ этому сословію принадлежитъ 7.230 человѣкъ мужскаго пола и 6.558 женскаго пола; несравненно менѣе монашествующихъ, именно 424 въ мужскихъ монастыряхъ и 231 въ женскихъ.

Города Бессарабской области—почти всѣ древняго происхожденія, и получили начало отъ старыхъ крѣпостей или колоній. Аккерманъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ поселеній и стоитъ на мѣстѣ старой греческой колоніи Офіуса; славянское названіе его Бѣлгородъ, извѣстно, въ исторіи польскихъ и казацкихъ войнъ съ Татарами Бѣлгородской орды въ XVI и XVII столѣтіи. Бендеръ славился какъ крѣпость, еще въ XVI столѣтіи. Городъ Сороки происходитъ изъ стараго генуэзскаго поселенія XIII столѣтія. Начало Хотина относятъ еще къ первому вѣку христіянства, но русскія лѣтописи приписываютъ этому городу вмѣстѣ съ Бѣлгородомъ славянское происхожденіе. Главный городъ области Кишиневъ еще въ XV столѣтіи былъ мѣстечкомъ принадлежавшимъ монастырю, и выкупленъ уже русскимъ правительствомъ послѣ 1818 г. изъ монастырскаго владѣнія. Два города Оргѣевъ и Бѣльцы состоятъ до сихъ поръ въ частномъ владѣніи (у помѣщиковъ Катаржи

вращеніи въ Россію, утверждали связь между тамошними и русскими монастырями,—связь, которая и донынѣ поддерживается. Центромъ молдавскаго монашества служитъ древній и знаменитый монастырь Нямецъ, или Св. Германа. Въ немъ живетъ до 1.100 монаховъ, которые занимаются изстари типографскимъ дѣломъ: въ монастырѣ этомъ помѣщается огромнѣйшая типографія, печатающая большею частью церковныя книги. Тутъ же, на сѣверѣ Молдавіи, два женскихъ монастыря: Агапія и Форатекъ; въ нихъ болѣе 1.000 монахинь. Надо прибавить, что румынскіе монастыри постоянно славились ученостью и учеными; въ XVII столѣтіи Снаговскій монастырь въ Валахіи пріобрѣлъ извѣстность своими изданіями Библіи въ переводѣ на разныя восточныя нарѣчія. До сихъ поръ ведется въ томъ краю обычай, что священникъ, овдовѣвши идетъ въ монастырь и посвящаетъ себя ученымъ занятіямъ.

и Скина): это значитъ, что земля занимаемая городами составляетъ собственность владѣльцевъ, и жители за право пользованія платятъ имъ оброкъ или чиншъ, по договору; кромѣ того, по закону, владѣльцамъ предоставлены доходы съ раздробительной продажи питей, съ домовъ и лавокъ, съ продажи скота, съ переправъ, съ вѣсовъ и мѣръ. Городъ Сороки, состоявшій тоже въ частномъ владѣніи, выкупленъ у владѣльца государствомъ въ 1848 г., за 100.000 рублей. По особому учрежденію Бессарабской области, нѣкоторые города ея не имѣютъ своего судебнаго управленія и своихъ органовъ городскаго хозяйства, но, вмѣстѣ съ другимъ городомъ, составляютъ округъ: такъ Оргѣевъ примыкаетъ къ Кишиневу, а Бѣльцы къ Сорокамъ. Въ большей части городовъ составъ населенія разноплеменный; въ Аккерманѣ все городское общество съ давняго времени дѣлилось по племенамъ, на нѣсколько отдѣльныхъ мѣщанскихъ обществъ: малороссійское, великорусское, болгарское, греческое, армянское, молдавское и цыганское; осьмымъ обществомъ считалось шляхетское, и всѣ общества подавали отъ себя отдѣльныя ревизскія сказки; но это дѣленіе сенатъ въ 1858 году призналъ незаконнымъ.

До сихъ поръ статистическая литература наша представляетъ немного свѣдѣній о Бессарабскомъ краѣ, любопытномъ во многихъ отношеніяхъ. Въ первый разъ еще, въ текущемъ году, бессарабское областное начальство выпустило въ свѣтъ памятную книжку области, составленную по общему образцу всѣхъ изданій этого рода. Кромѣ статистическихъ свѣдѣній, изъ которыхъ многія имѣютъ интересъ новизны и свѣжести, книжка эта содержитъ въ себѣ обозрѣніе исторіи края, и нѣсколько статей о разныхъ предметахъ его хозяйственнаго быта. Укажемъ въ особенности на любопытныя и толково составленныя статьи о бессарабскихъ лѣсахъ и о рыбныхъ ловляхъ въ Бессарабіи.

К. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ.

ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ

1848 ГОДЪ ВЪ ДАГЕСТАНѢ.

Гергебиль былъ взятъ, и экспедиція 1848 года въ Дагестанѣ считалась конченною. Часть отряда была распущена; въ Кумухскомъ ханствѣ оставались четыре батальйона ширванскаго полка, занятые частью устройствомъ дорогъ, частью охраненіемъ ханства отъ набѣговъ непріятеля чрезъ горы, непокрытыя еще снѣгомъ.

1848-й годъ былъ первымъ въ моей военной жизни. Я служилъ подъ начальствомъ командира ширванскаго полка, полковника Манюкина (нынѣ генералъ-лейтенантъ, начальникъ 8-й пѣхотной дивизіи). Отрядъ нашъ все лѣто оставался въ бездѣйствіи на высотахъ Турчи-Дага. Съ этихъ высотъ, покрытыхъ непроницаемыми туманами и орошаемыхъ безпрерывными дождями, мы прислушивались къ боевому шуму доносившемуся до насъ изъ Гергебиля. Въ концѣ августа мы спустились съ горы и расположились лагеремъ въ окрестностяхъ Курклю. Дагестанскій сентябрь дѣлалъ лагерную жизнь несносною; вокругъ все было спокойно; предполагали, что экспедиція кончена, и я терялъ надежду познакомиться въ этомъ году съ настоящею боевою жизнью.

Еще во второй половинѣ августа доходили до насъ темные слухи о большихъ сборахъ непріятеля; но гдѣ и куда онъ готовился вторгнуться—это оставалось тайною; въ концѣ мѣсяца было получено свѣдѣніе, что непріятель намѣренъ напасть на Самуръ; съ тѣхъ поръ извѣстія о вторженіи повторялись очень часто, со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, въ первыхъ числахъ сентября, все это разрѣшилось вѣстью, что Даніель-Бекъ вторгнулся въ Самурскій округъ, дошелъ до селенія Ратуна, но будучи встрѣченъ нашею милиціей, долженъ былъ отступить на верховья Самура. На этомъ замолкли грозныя вѣсти. Легко понять, почему ахтинское вторженіе застало насъ врасплохъ: куча тревожныхъ свѣдѣній, противурѣчивыхъ и преувеличенныхъ, имѣли характеръ мистификаціи и располагали къ недовѣрчивости. И снова водворился миръ въ лагеряхъ подъ Кумухомъ. Вдругъ, 10-го сентября, скачетъ нарочный прямо къ Манюкину; бумага была отъ подполковника Сѣраковскаго, воинскаго начальника въ укрѣпленіи и аулѣ Курагъ; [1] онъ писалъ, что непріятель 8-го сентября въ большихъ силахъ вторгнулся въ Самурскій округъ и идетъ на Ахты. Кюринскія владѣнія были въ тревогѣ, и для безопасности Курага онъ требовалъ батальйонъ пѣхоты. Извѣстіе было положительное и не допускало сомнѣній. Не медля, Манюкинъ отправилъ въ Курагъ первый батальйонъ своего полка съ двумя горными орудіями, стянулъ остальные батальйоны и донесъ князю Аргутинскому о своихъ распоряженіяхъ. Донесеніе опоздало: въ тотъ же день князь Аргутинскій получилъ въ Шурѣ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, собралъ отрядъ и двинулся на Самуръ. Съ полнымъ недовѣріемъ къ вѣрности послѣдняго свѣдѣнія, съ насмѣшками надъ замѣшательствомъ комендантовъ Ахтовъ и Курага, мы шли въ Курагъ въ пріятномъ убѣжденіи, что будемъ на зимнихъ квартирахъ прежде другихъ. 12-го числа 1-й батальйонъ Ширванцевъ пришелъ въ Курагъ, сдѣлавъ въ двое сутокъ сто верстъ. Не вдалекѣ отъ аула насъ встрѣтила толпа растрепанныхъ Татарокъ, съ воплями о помощи; мудрено было добраться толку въ смѣшанныхъ крикахъ, гдѣ безпрестанно повторялись имена Шамиля, Гаджи-Мурада,

[1] Въ Кюринскомъ ханствѣ, на главной нашей дорогѣ съ рѣки Самура въ Кумухъ.

Даніель-султана; въ видѣ поясненія онѣ указывали на гору вправо отъ дороги, но мы видѣли тамъ лишь нѣсколько всадниковъ и ничего не понимали. Вопіющая толпа провожала насъ до аула; тамъ били тревогу; гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ; на сакляхъ развѣвались значки вооруженныхъ Татаръ; чиновники госпиталя съ кинжалами и шашками наголо; всѣ растерялись, но никакихъ мѣръ не принимали, потому что никто не зналъ причины тревоги. Увѣряли, что авангардъ Шамиля былъ уже въ виду Курага, но мы имѣли много причинъ сомнѣваться въ этомъ. Насъ пряняли какъ избавителей, намъ старались доставить всѣ удобства, но Курагъ не славится постройками, и гости были помѣщены въ холодныхъ сакляхъ.

14 го числа прискакалъ гонецъ изъ Ахтовъ, съ увѣдомленіемъ, что самъ Шамиль въ селеніи Ахтахъ, близь укрѣпленія, и что Самурскій округъ въ полномъ возстаніи. Эта новость раскрыла намъ глаза, показавъ всю важность вторженія, подвергавшаго опасности Дагестанъ и Кубинскій уѣздъ; остроты наши надъ комендантами прекратились, а о зимнихъ квартирахъ перестали и думать. Мы находились въ двадцати-четырехъ верстахъ отъ Ахтовъ, и мѣры предосторожности были не лишними; немедленно три роты ширванцевъ съ двумя орудіями заняли позицію подъ Курагомъ; одна рота съ двумя линейными составили гарнизонъ укрѣпленія. Татары вооружились, и Курагъ снова взволновался; женщины снова стали проливать слезы и перетаскивать имущество въ госпиталь; а смотритель госпиталя, указывая на примѣръ Парижа въ томъ же 1848-мъ году, устраивалъ завалы на крышахъ своихъ владѣній; туда выносили койки, бочки и всякую лазаретную рухлядь. На площади, въ лавкѣ Цурикова, происходилъ рядъ военныхъ совѣщаній, а вокругъ толпились вооруженные чиновники; но непріятель не показывался, и къ ночи все пріутихло. Не могли только успокоиться войска на бивакѣ; морозъ и воспрещеніе раскладывать огни не давали имъ спать, а длинная ночь и ледяной вѣтеръ часто вынуждали прибѣгать къ горячительнымъ напиткамъ. 16-го пріѣхалъ къ намъ дербентскій военный губернаторъ, князь Гагаринъ [1], и принялъ на-

[1] Убитъ въ Кутаисѣ въ 1857 году, будучи генералъ-губернаторомъ кутаисскимъ.

чальство надъ войсками въ Курагѣ. Онъ объявилъ, что горцы съ Гаджи-Мурадомъ дошли до Хазры (на рѣкѣ Самурѣ, въ сорока пяти верстахъ ниже Ахтовъ). Для того чтобы остановить ихъ движеніе, онъ послалъ первый батальйонъ Ширванцевъ чрезъ сельцо Кабиръ къ сельцу Кырку, лежащему на спускѣ къ Самуру верстахъ въ десяти отъ Хазровъ; но такъ какъ Гагарину не извѣстны были силы непріятеля направленныя къ Хазрамъ, то намъ приказано было до Кырка сдѣлать два выстрѣла изъ горныхъ орудій, и, давъ такимъ образомъ знать о присутствіи нашихъ войскъ противъ Хазровъ, идти обратно въ Курагъ. Разстояніе отъ Курага до Кырка верстъ сорокъ; къ вечеру мы были уже недалеко отъ Кырка, но гонецъ догналъ насъ съ приказаніемъ немедленно вернуться и спѣшить въ Курагъ. Послѣ коротkаго отдыха, мы пошли назадъ темною ночью, подъ проливнымъ дождемъ, но съ надеждой ночью же дойдти до цѣли и присоединиться къ отряду, который по нашимъ разчетамъ долженъ былъ уже придти въ Курагъ. Въ семи верстахъ отъ Кабира насъ встрѣчаетъ новый гонецъ съ приказаніемъ опять идти по прежнему назначенію, и съ извѣстіемъ о прибытіи въ Курагъ князя Аргутинскаго. Признаюсь, это приказаніе, вмѣстѣ съ предыдущими обращавшее насъ въ машину для періодическаго мѣшанія грязи между Курагомъ и Кыркомъ, удалявшее насъ съ неопредѣленною цѣлью отъ отряда, тогда какъ каждую минуту слѣдовали ожидать открытія военныхъ дѣйствій, никому не понравилось; уныло поворотили мы въ Кабиръ, и пришли туда среди ночи, сдѣлавъ почти безъ отдыха 49 верстъ.

На другой день мы едва убѣдили командира батальйона, полковника Пирогова, не трогаться изъ Кабира въ ожиданіи какого-нибудь приказанія прямо отъ Аргутинскаго; въ самомъ дѣлѣ, въ 9 часовъ утра, оно явилось слѣдовать въ Курагъ и присоединиться къ отряду; забывъ усталость, мы весело пошли вверхъ по ущелью. На дорогѣ намъ сказали о выступленіи отряда въ Ахты; мы ускорили шагъ и вскорѣ увидѣли наши войска, которыя змѣей ползли на высокій и крутой подъемъ. Эта была первая колонна, вторая находилась еще въ одномъ переходѣ отъ Курага. Намъ передали приказаніе слѣдовать въ первой колоннѣ; въ 11 часовъ ночи мы присоединились къ ней и составили такимъ образомъ отрядъ изъ трехъ ширванскихъ и одного апшеронскаго

батальйона, четырехъ горныхъ орудій, и множества милиціи Кюринскаго ханства. Безпрестанныя передвиженія, такъ насъ утомившія, оставались для насъ совершенно непонятными, и теперь мы принялись за изысканіе ихъ причинъ. Отправляя насъ въ Кыркъ, Гагаринъ имѣлъ, кажется, въ виду хоть что нибудь сдѣлать до прибытія Аргутинскаго; но узнавъ, что Аргутинскій ѣдетъ, онъ воротилъ насъ, опасаясь что движеніе не будетъ согласно съ общимъ планомъ. Аргутинскій пріѣхалъ, спросилъ гдѣ первый батальйонъ; Гагаринъ доложилъ ему, что онъ отправленъ въ Кыркъ. Аргутинскій былъ недоволенъ безцѣльнымъ распоряженіемъ, отвлекавшимъ отъ отряда цѣлый батальйонъ; но зная, что батальйонъ возвратится на другой день и примкнетъ ко второй колоннѣ, онъ сказалъ недовольнымъ тономъ: „Пускай идетъ“. Гагаринъ, не ожидавшій такого оборота, не рѣшился объявить, что батальйонъ идетъ уже обратно и немедленно послалъ приказаніе идти на Кыркъ. Вотъ это-то приказаніе застигло насъ ночью, на дорогѣ къ Курагу, и было такъ тягостно для насъ. Если мы на другой день, 17-го, присоединились къ отряду, то обязаны этимъ только тому, что не исполнили буквально третьяго приказанія князя Гагарина: „идти на Кыркъ безостановочно“, а запоздали въ Кабирѣ. Если въ окрестностяхъ Хазровъ еще не было непріятеля, то наше появленіе у Кырка осталось бы безъ цѣли; въ противномъ случаѣ два выстрѣла и затѣмъ немедленное отступленіе не устрашили бы непріятеля и не ободрили бы нашихъ. Слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ первый батальйонъ Ширванцевъ не принесъ бы Хазрамъ ни матеріяльной, ни моральной пользы.

17-го, вскорѣ по пріѣздѣ Аргутинскаго, прискакалъ въ Курагъ, измученный и оборванный капитанъ Бучкіевъ, посланный наканунѣ изъ Ахтовъ отъ полковника Рота. Весь округъ былъ въ возстаніи, 14-го числа скопища Шамиля въ числѣ 15.000 человѣкъ осадили Ахты; непріятельская граната взорвала нашъ пороховой погребъ, и осаждающіе штурмовали разрушенный бастіонъ, но были отбиты; полковникъ Ротъ и нѣсколько офицеровъ были ранены; убыль гарнизона очень велика; капитанъ Новоселовъ принялъ начальство; а непріятель, продолжая осаду, сталъ распространяться внизъ по Самуру.

Такой грозный оборотъ дѣла вынудилъ Аргутинскаго, не

ожидая сбора всего отряда въ Курагѣ, немедленно идти впередъ съ войсками бывшими подъ рукой. 18-го, въ 4 часа утра, онъ двинулъ первую колонну на Ахты, послалъ сказать остальнымъ войскамъ, состоявшимъ изъ самурцевъ, дагестанцевъ, апшеронцевъ, дивизіона драгунъ, сотни донскихъ казаковъ и 6 горныхъ орудій, чтобъ они спѣшили къ головной колоннѣ. Въ 8 часовъ мы были въ виду Ахтовъ и услышали артиллерійскіе выстрѣлы укрѣпленія. Къ полудню показалась голова колонны, слѣдовавшей изъ Курага, и князь, не ожидая пока она стянется, двинулъ три батальйона ширванцевъ и четыре орудія на Ахты. СеленіеГра было занято горцами, устроившими завалъ на ближайшей высотѣ; значки показывали присутствіе многочисленной партіи, и пройдти по дорогѣ можно было только съ боя; вѣроятно это обстоятельство вынудило Аргутинскаго идти безъ дороги, мимо Гра, по лѣвому хребту ущелья. Мы шли извиваясь по горамъ, отыскивая доступные спуски; но покатости были такъ сильны, земляныя осыпи такъ круты и опасны, что мы спускали лошадей и артиллерію съ величайшею осторожностью, перенося иногда вьюки на рукахъ. Часто тропинка, пробитая стадами овецъ, терялась, увлеченная осыпью; тогда саперы возобновляли ее тонкою полосой, едва достаточною для прохода одного человѣка. Крутые и короткіе зигзаги по обрывамъ въ 60 и 70° требовали иногда до двадцати человѣкъ для спуска маленькаго горнаго лафета. Послѣ утомительнаго 5-ти часоваго марша, 1-й батальйонъ съ 2-мя орудіями и ракетной командой дошелъ до Самура. Остальные два батальйона были эшелонированы по спуску. Съ радостными криками бросились мы на оконечность хребта; Ахты, окруженныя многочисленнымъ непріятелемъ, открылись во всей красотѣ ихъ разрушенія, но мостъ черезъ Самуръ горѣлъ, и мы остановились. Густыя толпы непріятелей съ восточной стороны крѣпости заколыхались подъ нашими гранатами и ракетами, а смѣлая, до неосторожности вылазка сорока или пятидесяти человѣкъ ободреннаго гарнизона обратила ихъ въ бѣгство. 1-я гренадерская рота спустилась къ рѣкѣ и открыла огонь по ближайшимъ частямъ непріятеля. Намъ открывалась вся долина Ахтовъ, и мы съ жаднымъ любопытствомъ впивались во всѣ подробности дѣла. Надъ сѣрою массой аула развѣвалось знамя Шамиля; сады, скалистое русло Ахты-чая и

всѣ углубленія мѣстности были наполнены густыми толпами горцевъ съ многочисленными значками. Въ особенности много ихъ гнѣздилось на Ахты-чаѣ. Бастіонъ, разрушенный взрывомъ, былъ укрѣпленъ кулями съ мукой, и въ немъ былъ устроенъ такой же ретраншаментъ; весь брустверъ укрѣпленія, имѣвшій только поясную высоту, былъ дополненъ кулями. Противъ 1-го бастіона видны были подступы осаждающихъ; мостовое укрѣпленіе на Самурѣ было во власти непріятеля. Внутренность укрѣпленія пострадала отъ взрыва; никто не могъ показаться открыто на валу, потому что горцы стрѣляли безпрерывно. Ахты очевидно были въ положеніи опасномъ, но мы только въ послѣдствіи узнали всѣ бѣдствія гарнизона. Мы переговаривались съ гарнизономъ криками; Аргутинскій велѣлъ сказать: „приготовьте мостъ, а я скоро приду.“ Намъ отвѣчали: „нѣтъ бревенъ, мало людей.“ Конные мюриды, съ ловкостью свойственною горцамъ, переходили Самуръ версты полторы ниже Ахтовъ, по броду почти непроходимому, и тянулись въ ущелье влѣво отъ насъ. Могли ли мы воспользоваться этимъ бродомъ, перейдти черезъ Самуръ и освободить Ахты? Я не думаю: сдѣлать переправу подъ огнемъ многочисленнаго непріятеля, штурмовать террасы противнаго берега, не успѣвъ еще поставить на немъ ноги, едва-ли было возможно. Аргутинскій съ тоской смотрѣлъ на Ахты. „Захаръ Степановичъ, сказалъ онъ обращаясь къ Манюкину и указывая на Ахты,—здѣсь можетъ быть потеряно все, надъ чѣмъ я трудился шесть лѣтъ!“ Наконецъ онъ приказалъ отступать, и прибавилъ: „Теперь наше отечество — отрядъ.“ Не припомню, чтобы мнѣ случалось когда-нибудь видѣть испугъ, подобный испугу артиллеристовъ въ эту минуту; молодой офицеръ Добровольскій, командовавшій нашими орудіями, блѣдный какъ полотно, не твердымъ голосомъ приказалъ озадаченнымъ людямъ навьючивать, и было отъ чего испугаться. Въ три послѣдніе дня люди и лошади 1-го батальйона и двухъ при немъ орудій выдержали всѣ возможныя невзгоды, не имѣя и шести часовъ въ сутки для отдыха, а послѣднее движеніе сдѣлало ихъ почти сонными. И вотъ, намъ надо было подниматься по дорогѣ, по которой мы насилу спустились днемъ, а тутъ наступала темная осенняя ночь и паденіе орудія куда-нибудь въ обрывъ, въ ущелье, занятое непрія-

телемъ, который уже приготовился насъ преслѣдовать, легко могло повлечь за собою его потерю, потому что отыскать его можно было только днемъ,—а что случилось бы до свѣта? За подобный случай, очень вѣроятный при такихъ обстоятельствахъ, отвѣтственность такъ тяжела для артиллерійскаго офицера, что мы сочувствовали грустному, почти безвыходному положенію товарища. Кромѣ того, забота объ орудіяхъ лежала также и на нашемъ батальйонѣ, а перспектива тащить ихъ въ гору на рукахъ, или еще хуже, добывать ихъ со дна какой-нибудь трущобы, когда душа едва держится въ тѣлѣ, а о ногахъ и говорить нечего, сильно безпокоила насъ. Но возможно ли было оставаться на такой мѣстности, имѣя съ боковъ непріятеля! Я вспомнилъ мирную стоянку на Турчи-Дагѣ, порывы къ бою, тоску бездѣйствія и увидѣлъ, что я, какъ каждый новичокъ, и не подозрѣвалъ, какая дорога ведетъ къ лаврамъ и славѣ. Но въ нашемъ положеніи было величіе; мы сознавали, что въ насъ спасеніе Дагестана, а слова князя: „отрядъ—наше отечество“, подтверждали наше сознаніе. Я былъ только зерно въ отрядѣ, а подлѣ меня стоялъ старый начальникъ; у ногъ его Ахты гибли медленно, но несомнѣнно; тамъ умирали такіе же солдаты, какъ и мы, тамъ были женщины, обреченныя на смерть или на участь хуже смерти. Вокругъ полуразрушенныхъ стѣнъ волновалось населеніе покорное намъ уже девять лѣтъ; паденіе укрѣпленія могло имѣть послѣдствіемъ возмущеніе всего Дагестана. Князь зналъ все это и не могъ подать руку Ахтамъ. Кто скажетъ, какія мысли тѣснились въ его сѣдой головѣ!

Въ 6 часовъ вечера, вооружившись храбростью и терпѣніемъ, мы побрели на верхъ, удаляясь отъ Ахты. Маюкинъ оставался съ нами. Горцы обходили насъ съ обѣихъ сторонъ; но скоро ночь закрыла все, не прекративъ однако перестрѣлки. Часовъ въ 7 непріятель добрался изъ Гра до втораго эшелона; надъ нашими головами начался ружейный огонь, прерываемый выстрѣлами орудій; но совершенная темнота, не дозволяя ни одной сторонѣ предпринять что-нибудь рѣшительное, дѣлала результатъ перестрѣлки почти ничтожнымъ. Цѣпляясь по обрывамъ, мы поднимались очень медленно, и скоро настала ожидаемая бѣда. Оставался только одинъ ужасный подъемъ, когда лошади

артиллеріи отказались идти далѣе; онѣ дрожали, качались подъ вьюками и вскорѣ начали падать. Подъемъ шелъ крутыми зигзагами по обрыву, на которомъ едва можно было держаться на ногахъ; упала лошадь съ зарядными ящиками, стоявшая къ несчастію уже довольно высоко надъ подошвою подъема. Поднялись страшные крики: „берегись! берегись!“ Посторониться было некуда—вездѣ люди и лошади, а съ боку обрывъ. Громъ и крикъ въ нѣсколько секундъ пролетѣли пространство, отдѣлявшее меня отъ лошади; свистъ камней, вопли и грохотъ, сливаясь въ одинъ гулъ и постепенно замирая, замолкли на днѣ пропасти. Я уцѣлѣлъ, получивъ только ударъ камнемъ въ шею, но лошадь сорвала капитана Гурскаго, бывшаго недалеко отъ меня, и опрокинула его съ тропинки. Нѣсколько времени считали его погибшимъ, но къ счастію онъ упалъ на мягкую осыпь и вышелъ на тропинку, отдѣлавшись ушибомъ и испугомъ. Лошадь, падающая ночью съ вышины обрыва, распространяетъ ужасъ на пути своемъ; кровь стынетъ въ жилахъ и сердце замираетъ, когда закричатъ на верху: „лошадь падаетъ!“ Секунды ожиданія стóятъ пытки. Не прошло и десяти минутъ, какъ упалъ другой зарядный вьюкъ; лошадь подъ орудіемъ тоже упала, но была удержана молодцами-солдатами на тропинкѣ; орудія были на волосъ отъ гибели. Въ такой крайности всѣ вьюки сложили на тропинкѣ, предоставляя каждому шагать черезъ орудія, ящики, и пробираться подъ ногами лошадей. Оставалось одно средство—тащить артиллерію на рукахъ; двѣ роты взялись за работу, и къ 10-ти часамъ вечера мы достигли бивака. Положеніе наше было ужасно! Мы до крайности изнурили людей и лошадей, а впереди оставались еще двѣ трети подъема. Напрасно, чуть не съ мольбами, подносили лошадямъ ячмень; онѣ едва дышали и не дотрогивались до пищи. Меня терзали такія смутныя мысли, что иногда я забывалъ утомленіе, но жажда, которую нечѣмъ было утолить, мучила меня, и я со злостью жевалъ свинцовую пулю. Никогда не забуду я этой ночи! Бѣлыя облака легли на дно ущелій; они росли, поднимались и какъ будто потопляли каждый пройденный нами шагъ; облака застилали ахтинскую долину, но укрѣпленіе ясно обозначалось въ туманной глубинѣ. Надъ нимъ горѣло темнокрасными пятнами зарево зажженыхъ стоговъ сѣна и безпрестанно по-

являлись молніи артиллерійскихъ выстрѣловъ и струйки ружейнаго огня. Перестрѣлка и канонада значительно усилились послѣ нашего отступленія. Но мы тронулись, уступы горъ скрыли огненныя пятна, только гулъ выстрѣловъ доносился до насъ. Послѣ самыхъ напряженныхъ усилій, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, мы соединились съ третьимъ эшелономъ и продолжали тянуться къ верху.

Наконецъ показалась заря; мы ожили, какъ оживаетъ на разсвѣтѣ каждый кто провелъ ночь безъ сна и въ движеніи. Близкій конецъ мучительнаго положенія далъ намъ новыя силы; оставалось одно дурное мѣсто, но лошади не выносили болѣе вьюковъ, и орудія повезли на колесахъ, поддерживая ихъ людьми, которымъ мѣстность позволяла идти выше тропинки. Пятнадцать человѣкъ держали канатъ, а орудія катились на одномъ колесѣ, повиснувъ другимъ надъ пропастью. Уже пройдена была бо́льшая часть полувоздушнаго пути, какъ вдругъ крикъ и грохотъ заставили насъ броситься назадъ: одного орудія какъ не бывало; вмѣстѣ съ лошадьми и однимъ солдатомъ оно рухнуло внизъ, но гдѣ оно остановилось въ своемъ паденіи, никто не зналъ; мы были уже въ полусвѣтѣ, а внизу еще темнота. Колонна остановилась; бѣдный нашъ артиллеристъ и съ нимъ 150 человѣкъ поползли внизъ, саженяхъ въ 30 ниже тропинки, на травяномъ уступѣ, они нашли обѣихъ лошадей, которыя спокойно щипали траву, не обращая вниманія на людей; [1] упавшій солдатъ жестоко ушибся и не имѣлъ силы вылѣзть на верхъ. На днѣ глубокаго ущелья нашли орудіе, и часа черезъ два послѣ паденія мы съ любопытствомъ разсматривали остатки лафета, которые съ трудомъ встащили на верхъ. Орудіе оказалось въ цѣлости и это утѣшило артиллеристовъ; мы были довольны чужою радостью и тѣмъ что батальйонъ счастливо отдѣлался, простоявъ только четыре часа: съ другими бывало хуже. Въ 9 часовъ утра мы соединились съ главными силами на вершинѣ хребта, послѣ 29 часовъ, проведенныхъ въ движеніи, безъ воды и пищи. Я ѣлъ какъ волкъ, спалъ какъ сурокъ и былъ совершенно счастливъ. Въ ночь съ

[1] При тяжелыхъ, даже смертельныхъ ранахъ лошади всегда щиплютъ траву, какъ будто сохраняя спокойствіе: но это происходитъ отъ испуга и потери сознанія.

18-го на 19-е мнѣ пришлось въ первый разъ извѣдать какъ неистощимы силы человѣка; сто разъ мнѣ казалось, что я лягу и умру отъ изнеможенія; но неумолимая необходимость двигаться, чувство долга и роковое „иди“ снова поднимали на ноги. Много разъ еще мнѣ приходилось повѣрять этотъ опытъ, и я всегда получалъ одни и тѣ же результаты. 19-го была дневка; она была вынуждена утомленіемъ войскъ. Мы потеряли Ахты изъ вида, но пушечные выстрѣлы слышны были хорошо, давая знать, что укрѣпленіе еще продолжаетъ бороться. 20-го, мы шли горами по направленію къ Кабиру. Мюриды издали слѣдили за нами, но туманъ скрылъ насъ отъ ихъ вниманія. Къ вечеру мы спустились въ ущелье Кабиръ-чая, и послѣ не большаго отдыха, въ сумерки, двинулись далѣе, арріергардъ впереди авангарда, оставляя переднюю колонну въ хвостѣ,—движеніе часто употреблявшееся Аргутинскимъ, полезное для войскъ въ утомительныхъ переходахъ, потому что разлагаетъ тягость марша въ арріергардѣ на все войско. Находясь въ арріергардѣ, я съ удовольствіемъ воспользовался возможностію придти на мѣсто ночлега ранѣе другихъ; но мы и не подозрѣвали, сколько мы выигрывали передъ бѣднымъ авангардомъ. Нѣсколько времени мы тянулись вдоль по ущелью и поворотивъ направо, начали подниматься на гору; сильный дождь и темнота, не позволявшіе видѣть даже голову собственной лошади, задерживали насъ на каждомъ шагу; земляной подъемъ до того размыло, что люди и лошади ползли, скользили и падали. На встрѣчу изъ аула выбѣжали къ намъ Татары, освѣщая дорогу своими чирагами (ночниками), но дождь залилъ библейскіе освѣтительные приборы, и мы продолжали безславную борьбу съ темнотой и грязью, не имѣя даже свидѣтелей нашего мужества. Въ два часа по полуночи, пройдя аулъ, мы достигли мѣста ночлега, начавъ подниматься въ восемь часовъ вечера и сдѣлавъ, въ продолженіи шести часовъ, двѣ версты! Арріергардъ же, бывшій авангардъ, явился къ намъ только въ восемь часовъ утра. 21-го дождь провожалъ нашъ подъемъ на гору. Кабиръ остался за нѣсколько верстъ въ сторонѣ, и скоро мы рѣшили задачу, куда идемъ. Съ гребня хребта открылась красивая долина Самура; тамъ свѣтило солнце, лѣсъ былъ зеленъ какъ весною, и шумѣлъ неугомонный Самуръ. Долина Самура хо-

роша и сама по себѣ, но еще болѣе для войскъ, возвращающихся изъ суроваго и голаго Дагестана; пріятный климатъ, изобиліе фуража и дичи, хорошія стоянки въ прочныхъ и чистыхъ сакляхъ, ласковые жители, и къ довершенію благополучія, едвали не самыя красивыя женщины цѣлаго Кавказа: онѣ такъ привлекательны, что сами горцы отличаются здѣсь угодливостію къ прекрасному полу и вслухъ любуются, когда дѣвушка гонитъ буйволовъ или съ неподражаемою граціей несетъ тяжелый кувшинъ воды. А Лезгинка въ праздникъ или на свадьбѣ, когда красавица завернетъ чадру вокругъ шеи, влетитъ въ кружокъ и броситъ смѣлымъ взглядомъ вызовъ молодежи... Но этотъ предметъ можетъ увлечь очень далеко; сказаннаго довольно, чтобы понять, почему у войскъ Дагестана лежитъ сердце къ Самурскому округу. Верстахъ въ пятнадцати выше Кырка мы спустились на Самуръ; мы не шли, а бѣжали съ горы. Мрачная и душная атмосфера ахтинской экспедиціи исчезла; непогода и таинственная будущность оставались позади, впереди было солнце, костры и непріятель! Мокрые какъ рыбы, мы весело переходили сердитый Самуръ. Переправа кавказской пѣхоты въ бродъ, черезъ бурную рѣку,—картина занимательная и для насъ, людей бывалыхъ, а для пріѣзжихъ на Кавказъ она поразительна: по грудь въ водѣ, которая не несетъ, а кидаетъ человѣка! кавказская пѣхота въ отдѣленіяхъ, рука подъ руку, съ ружьями черезъ плечо, съ пѣсенниками и музыкою впереди, валитъ черезъ ревущій потокъ, не теряя ни одного человѣка! Мы очутились въ тридцати двухъ верстахъ ниже Ахтовъ, на правомъ берегу Самура, и на другой день, такъ или иначе, должны были встрѣтить непріятеля. Костры изъ цѣлыхъ деревьевъ запылали на бивакѣ; теплый воздухъ пріятно ласкалъ насъ послѣ жизни черезъ чуръ суровой, и долго ночью стоялъ надъ отрядомъ веселый шумъ.

На этотъ ночлегъ пришли къ намъ два солдата, посланные наканунѣ изъ Ахтовъ къ князю Аргутинскому съ извѣстіемъ о бѣдствіяхъ крѣпости. Непріятель взорвалъ первый бастіонъ и штурмовалъ оба разрушенные бастіоны, но штурмъ, хотя и съ трудомъ, былъ отбитъ; гарнизонъ убылъ на половину: люди были утомлены до крайности усиленною дѣятельностію; въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ былъ недостатокъ. Не оставалось сомнѣнія, что укрѣпленіе не вы-

держитъ слѣдующаго штурма, къ которому очевидно готовился непріятель. Солдаты-выходцы были одѣты оборванными Татарами; оба хорошо говорили по-тавлински и трудно было ихъ отличить отъ природныхъ Тавлинцевъ. Сюда же пріѣхалъ полковникъ Мищенко [1], кубинскій уѣздный начальникъ, и разказалъ занимательныя приключенія. Узнавъ о вторженіи въ Самурскій округъ, онъ собралъ кубинскую милицію и пошелъ вверхъ по Самуру развѣдать о непріятелѣ; отойдя верстъ восемнадцать отъ Хазровъ, онъ расположилъ свою полутора-тысячную кавалерію отдохнуть, пославъ впередъ сильный разъѣздъ; разъѣздъ наткнулся на нѣсколько десятковъ конныхъ Лезгинъ, которые, не долго думая, гикнули на Кубинцевъ съ крикомъ: „Гаджи-Мурадъ!“ Разъѣздъ назадъ, и давай кричать: „Гаджи-Мурадъ!“ Вся милиція на привалѣ подхватила этотъ крикъ, вскочила на лошадей и бросилась въ Хазры, не ожидая даже налета непріятеля. Мищенко, видя малочисленность непріятеля и подозрѣвая горскую хитрость, хотѣлъ остановить милицію, и незамѣтно, въ суетѣ, остался одинъ; тогда онъ принялся бѣжать, но погоня была все ближе и ближе. Мищенко свернулъ съ дороги вправо, въ лѣсистыя горы,—горцы за нимъ. Онъ доскакалъ до кустовъ и лѣса, бросилъ лошадь, и пѣшій, уже настигаемый горцами, бросился въ какую-то лѣсную трущобу; часть Лезгинъ также пѣшкомъ бросилась за нимъ, но отыскать его не могли. Стемнѣло; Мищенко былъ спасенъ, и утромъ дошелъ до Хазровъ, гдѣ снова принялъ команду надъ своею храброю конницей. Много было смѣху при разказѣ Мищенки; онъ самъ смѣялся, сознаваясь, что при всемъ комизмѣ своего бѣгства ему тогда было не до смѣху.

Еще костры наши не потухли, а мы были уже на походѣ, и разсвѣтъ засталъ насъ въ дорогѣ. Первый батальйонъ шелъ въ авангардѣ; этимъ оказано намъ было справедливо вознагражденіе за наши труды съ самаго начала экспедиціи. Пикеты непріятеля, какъ испуганныя птицы, снимались и улетали при нашемъ появленіи. Въ укрѣпленіи тифлисскомъ мы нашли первые слѣды разрушенія и смерти; отъ него остались только стѣны, черныя отъ пожара, а дворъ наполненъ былъ убитыми небольшаго гарнизона. Нѣ-

[1] Нынѣ генералъ-майоръ.

сколько убитыхъ лежали внѣ укрѣпленія, и по положенію труповъ было видно, что гарнизонъ попался въ расплохъ и старался бѣжать въ горы. Всѣ трупы были раздѣты донага и жестоко изсѣчены шашками. Утихъ веселый говоръ; молча, опершись на ружья, смотрѣли солдаты на тѣла товарищей; негодованіе и злость горѣли въ ихъ глазахъ и еще болѣе омрачали ихъ почернѣвшія лица.

Колонна подъ командою начальника штаба дагестанскаго отряда, полковника Катера [1], осталась у тифлисскаго, охраняя этотъ важный для насъ проходъ на случай отступленія; остальныя войска пошли на Ахты. Придя на Микрахъ-чай, верстахъ въ двѣнадцати отъ Ахтовъ, мы увидѣли непріятеля въ двухъ верстахъ передъ собою. Долина была перерѣзана завалами, сложенными изъ большихъ камней: три завала тянулись по уступу хребта, отдѣляющаго Микрахъ-чай отъ Мескинджинской долины; правый флангъ импровизированныхъ укрѣпленій упирался въ неприступную гору, лѣвый доходилъ до обрыва въ Самуръ, а средній завалъ, выступая передъ укрѣпленною линіей, обстрѣливалъ обѣ крайнія; гора была также занята горцами, а завалъ кишѣлъ народомъ и пестрѣлъ значками; Лезгины, какъ муравьи, таскали камни и выводили стѣну. На горѣ былъ Кибитъ-Магома, наибъ телетлинскій, а въ завалахъ Гаджи-Мурадъ и Даніель-бекъ. На возвышеніи, сзади завала, сидѣлъ на коврѣ лихой наѣздникъ Дагестана, окруженный чалмоносцами: начальствующіе Мюриды одинъ за другимъ подходили къ нему за приказаніями и скрывались въ толпѣ. Непріятель, сдѣлавъ намазъ, ожидалъ нашихъ дѣйствій.

Чтобы проникнуть въ Ахты, намъ предстояло на выборъ атаковать съ фронта сильную позицію, или обойдти ее горами влѣво; но обходъ днемъ, въ глазахъ непріятеля, былъ бы предупрежденъ, и расположеніе Кибитъ-Магомы доказывало, что Гаджи-Мурадъ не упустилъ его изъ вида. Надобно было ждать ночи, чтобы скрыть обходное движеніе. но исполнилось уже четыре дня, какъ мы бросили Ахты въ агоніи. Находясь теперь въ двѣнадцати верстахъ отъ Ахтовъ, мы не слышали пушечныхъ выстрѣловъ, несмотря на совершенную тишину; благоразумно ли было откладывать еще на неопредѣленное время спасеніе укрѣпленія?

---

[1] Нынѣ генералъ-лейтенантъ, сенаторъ.

Стянувъ войска на Микрахъ-чай, князь Аргутинскій сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для атаки мескинджинской позиціи: 1, 2 и 3 батальйоны ширванцевъ, съ 4 горными орудіями, были назначены для штурма заваловъ; 2-й батальйонъ апшеронцевъ и команда штуцерныхъ должны были прикрывать лѣвый флангъ штурмующихъ отъ покушеній Кибитъ-Магомы; а многочисленная конница, состоявшая изъ кубинцевъ, сотни донцовъ и двухъ эскадроновъ нижегородцевъ, подъ командой генералъ-майора Джафаръ-Кули Кубинскаго, должна была, перейдя Самуръ внѣ выстрѣла, пройдти подъ скалами лѣваго берега, и, миновавъ завалъ, снова выйдти на правый берегъ въ тылъ непріятелю; остальная пѣхота составила резервъ на Микрахъ-чаѣ, подъ командою командира апшеронскаго полка, полковника князя Орбеліани [1]. Штурмовыя колонны велъ Манюкинъ; на правомъ крылѣ, по Самуру, шелъ 3-й батальйонъ майора Алтухова [2], въ центрѣ 1-й батальйонъ полковника Пирогова, на лѣвомъ крылѣ 2-й батальйонъ подполковника Кишинскаго [3]. Горцы, не отвѣчая на огонь нашей артиллеріи, неподвижно и молча слѣдили за движеніемъ пѣхоты; гранаты, падая въ завалъ, колебали значки своими взрывами; но у подошвы высотъ насъ встрѣтилъ батальный огонь изъ всѣхъ заваловъ; 1-й батальйонъ взялъ правѣе указаннаго ему направленія и оставилъ центральный завалъ влѣво; кромѣ фронтальнаго огня, онъ попалъ подъ фланговый; избѣгая этого огня, пошелъ еще правѣе, наткнулся на 3-й батальйонъ и прижалъ его къ обрывамъ въ Самуръ. Капитанъ Добрышинъ, командиръ 1-й гренадерской роты, и поручикъ Лазаревъ [4], командиръ 7-й егерской роты, желая прекратить замѣшательство и ускорить развязку, бросились съ своими ротами на завалъ, но упали ранеными, а завалъ оказался въ два роста человѣка. Тогда не осталось другаго средства какъ выждать атаку Кишинскаго, и Манюкинъ положилъ людей между камней передъ самымъ заваломъ. Кишинскій потянулся по подошвѣ горы; партія Кибитъ-Магомы съ гикомъ полетѣла внизъ, но огонь крѣпостныхъ ружей оста-

[1] Въ послѣдствіи генералъ-адъютантъ, тифлисскій военный губернаторъ.
[2] Въ послѣдствіи командиръ Виленскаго пѣхотнаго полка.
[3] Въ послѣдствіи начальникъ 15 пѣхотной дивизіи.
[4] Въ послѣдствіи генералъ-майоръ, управляющій Верхнимъ Дагестаномъ.

новилъ ее внѣ ружейнаго выстрѣла, и Лезгины ограничивались скатываніемъ камней на ширванцевъ; лишь нѣсколько головорѣзовъ сбѣжали до низу и были переколоты. Отдѣлавшись отъ Кибитъ-Магомы, Кишинскій медленно выбирался на крутую возвышенность, увѣнчанную завалomъ праваго непріятельскаго фланга. У самаго завала онъ остановилъ батальйонъ, послалъ одну роту въ обходъ правой оконечности завала, и послѣ отдыха въ нѣсколько минутъ, ударилъ на непріятеля съ двухъ сторонъ; ружейный залпъ, посланный на встрѣчу 2-го батальйона, покрылъ завалъ облакомъ дыма; когда оно разсѣялось, солдаты закалывали на завалахъ остальныхъ мюридовъ. Радостное: ура, прокатилось по горамъ. Аргутинскій махнулъ шапкой; 1-й и 3-й батальйоны въ свою очередь кинулись на завалъ; разбрасывая камни, они ворвались въ него, но непріятель, потерявъ опору своей позиціи и угрожаемый обходомъ 2-го батальйона, не упорствовалъ въ защитѣ; нѣсколько ударовъ штыками очистили завалъ, и все скопище бросилось бѣжать. Между тѣмъ кавалерія Джафара-Кули, перейдя на лѣвый берегъ Самура, еще до открытія огня непріятелемъ, оставалась тамъ во все время дѣла; напрасно Аргутинскій, выходя изъ себя, трубилъ, желая тронуть эту массу: она въ своемъ спокойствіи не внимала сигналамъ и начала переходить Самуръ въ другой разъ только по занятіи заваловъ, такъ что первые всадники, ступившіе на правый берегъ, встрѣтились съ нами уже въ полуверстѣ за завалами. Къ этой ошибкѣ присоединилась еще другая; въ головѣ кавалеріи находились кубинцы, а Гаджи-Мурадъ, видя свое совершенное пораженіе, прикрылъ конницей мюридовъ густыя толпы бѣгущихъ, бросая на гибель пѣшихъ Лезгинъ, разсѣянныхъ по долинѣ. Вотъ надъ ними-то потѣшились кубинцы, и что̀ уцѣлѣло отъ штыковъ, то пало подъ шашками; но конныхъ мюридовъ милиція атаковать не осмѣлилась, а когда вышли на правый берегъ драгуны и казаки, бывшіе въ хвостѣ колонны, то толпы бѣгущихъ были уже далеко. Видя взятіе заваловъ, Кибитъ-Магома также обратился въ бѣгство; жители селенія проводили его съ оружіемъ; потерпѣвъ большую потерю, онъ соединился у Ахтовъ съ Гаджи-Мурадомъ. На высотѣ Мескинджи мы нашли лишь нѣсколько десятковъ лезгинскихъ головъ, поднесенныхъ намъ Татарами для полнаго убѣжденія, что

они люди храбрые и вѣрные. Равнина отъ заваловъ до садовъ мескинджинскихъ покрылась трупами. Солдаты кололи съ ожесточеніемъ; многіе докалывали раненыхъ, распростертыхъ на землѣ. Нашелся одинъ ширванецъ, который занимался этимъ чернымъ дѣломъ. Съ шашкой наголо, онъ не пропускалъ ни одного несчастнаго раненаго, и едва замѣчалъ какіе-нибудь признаки жизни въ окровавленномъ тѣлѣ, сейчасъ принимался за дѣло. Но Аргутинскій узналъ объ этомъ, и горе было негодяю. Видя ожесточеніе солдатъ, Аргутинскій спасалъ Лезгинъ, поручая ихъ офицерамъ на ихъ отвѣтственность; но и за карауломъ плѣнные не всегда были безопасны; случалось, что нѣсколько солдатъ, отуманенныхъ кровью, вырывали бѣдняка изъ среды зазѣвавшагося караула и посылали его къ праотцамъ. Но вотъ Аргутинскій наѣзжаетъ на кучку плѣнныхъ останавливается, смотритъ на нихъ пристально, вырываетъ изъ средины молодаго Лезгина лѣти восьмнадцати и, сверкнувъ глазами, приказываетъ заколоть несчастнаго; мальчикъ сперва испугался, но сейчасъ пришелъ въ себя, судорожно съежился и съ безмолвнымъ трепетомъ опрокинулся назадъ, когда солдаты вонзили штыки въ его сухое тѣло. Никто не смѣлъ спросить мрачнаго вождя о причинѣ этого поступка; всѣ старались отгадать ее, но никто ничего не узналъ.

Я оцѣнилъ бой тогда только, когда по взятіи заваловъ упало горячее увлеченіе, и я очутился среди побоища. Какія чувства замѣнили тогда напряженіе битвы? Состраданіе, и что-то болѣзненное, очень болѣзненное. Я не могъ ни смотрѣть на пролитую кровь, ни оторвать глазъ отъ нея; неодолимое любопытство влекло къ грустному зрѣлищу, а сердце сжималось и противилось жестокому любопытству;—но какъ не смотрѣть? Здѣсь знакомый солдатъ, тамъ товарищъ; одинъ умеръ, другой умираетъ, третій ждетъ своей участи, съ тоскою ждетъ медика и жадно смотритъ ему въ глаза, желая прочесть: что въ нихъ—жизнь или смерть; но медикъ исполняетъ свое дѣло, молчитъ, и лицо его одинаково для всѣхъ; напрасна пытливость раненаго. На самомъ завалѣ сидѣлъ Лазаревъ облитый кровью; странно было видѣть эту мужественную и колоссальную фигуру, склонившуюся подъ бременемъ страданій; его какъ ребенка поддерживали

два солдата, а онъ машинально снималъ и надѣвалъ огромную папаху. Скрѣпя сердце я шелъ впередъ; но все проходитъ, ко всему люди привыкаютъ, и привыкаютъ скоро. Въ мескинджинскихъ садахъ я былъ уже не тотъ, какъ на завалѣ; сердце не сжималось такъ крѣпко и нервы уже не отзывались болѣзненно. А послѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, какія побоища приходилось мнѣ видѣть! Тяжело подумать, съ какимъ равнодушіемъ пріучаемся мы разсматривать поле битвы; его мрачный видъ даже не портитъ веселаго расположенія духа, если сраженіе выиграно.

Дѣло было кончено, оставалось узнать, цѣлы ли Ахты; мы быстро шли впередъ, но Лезгины бѣжали еще быстрѣе, и когда князь Аргутинскій съ драгунами пріѣхалъ къ Ахтамъ, то не нашелъ тамъ непріятеля. Гарнизонъ въ ружьѣ съ нѣмымъ изумленіемъ смотрѣлъ вокругъ себя. Оставленные безъ надежды на спасеніе послѣ нашего отступленія 18-го числа, защитники Ахтовъ приготовились къ смерти, ожидая ее скоро и равнодушно; они сбирали силы, чтобъ умереть съ достоинствомъ храбрыхъ, платя ударъ за ударъ, и оставить о себѣ грозную память на Кавказѣ и въ цѣлой Россіи. Хотя гарнизонъ и замѣтилъ движеніе непріятеля внизъ по Самуру, но онъ не слышалъ слабыхъ выстрѣловъ нашей артиллеріи при Мескинджинской атакѣ, а подступы къ укрѣпленію продолжались съ тою же дѣятельностію, и третій, безъ сомнѣнія послѣдній, штурмъ былъ близокъ; онъ могъ произойдти 23-го или 24-го. Но вдругъ толпы непріятеля взволновались и потянулись къ аулу, оставляя крѣпость; чрезъ нѣсколько времени явились другія толпы отъ Мескинджи и также быстро исчезли; вслѣдъ за тѣмъ снова показалась конница, быстро подошла къ Ахтамъ,—и князь Аргутинскій убѣдилъ Ахтинцевъ, что они спасены. Пораженные изумленіемъ, они встрепенулись только въ эту минуту; спасители и освобожденные смѣшались въ одну толпу; порывы радости искренней и глубокой овладѣли гарнизономъ; объятія, поцѣлуи, смѣхъ и слезы, крики восторга и теплыя молитвы сливались въ одно трогательное цѣлое. Знакомые и незнакомые, кто не перебывалъ въ объятіяхъ другъ друга! Разказамъ еще не было мѣста; отрывистые вопросы и отвѣты удовлетворяли пока самое жадное любопытство. Женщины также принимали участіе въ

выраженіи радости; но самая интереснал изъ Ахтинокъ, дочь полковника Рота, осталась при раненомъ отцѣ невидимою для насъ. Главное вниманіе обращалъ на себя истинный защитникъ и спаситель Ахтовъ, капитанъ Новоселовъ; блѣдный, изнуренный многочисленными ранами прежнихъ экспедицій, слабый еще отъ раны, полученной за нѣсколько дней, съ лицомъ вялымъ и истомленнымъ, онъ былъ лишенъ геройскаго вида. Но дѣла его были на лицо! Весь гарнизонъ, други и недруги, называли его виновникомъ искусной и упорной обороны, той нравственной высоты, на которую поставленъ былъ гарнизонъ, и той холодной рѣшимости, съ которою онъ обрекъ себя смерти. Напрасно отыскивалъ я въ Новоселовѣ наружныхъ признаковъ героя; отсутствіе грознаго вида озадачило меня до крайности, а замѣчанія окружавшихъ, сказанныя сдержаннымъ голосомъ, показали, что не у меня одного поколебалось понятіе о герояхъ вообще. Да и какъ могли устоять эти понятія, когда передъ нами былъ живой настоящій герой, не владѣющій ни тяжелымъ кулакомъ, ни мечомъ Роланда! Чѣмъ болѣе было бѣдствій, тѣмъ выше поднимался этотъ герой во взглядѣ окружавшихъ. Не знаю, какъ думалъ объ этомъ Аргутинскій, но прежде чѣмъ благодарить Новоселова за его заслуги, онъ распекъ его за вылазку 18-го числа.

Дѣло 22 сентября выиграно рѣшимостью и умѣньемъ пользоваться мѣстностью, которымъ такъ отличаются кавказскія войска. Мескинджинская позиція, крѣпкая съ фронта, безопасная съ фланговъ, способствуетъ сильной оборонѣ; она была усилена высокими завалами, расположенными съ обычнымъ искусствомъ горцевъ, и занята непріятелемъ силою до 7.000 человѣкъ, подъ начальствомъ наиба извѣстнаго храбростью и вліяніемъ въ горахъ Дагестана. Но ширванцы не колебались во время атаки; 1-й и 3-й батальйоны, встрѣтивъ неприступный завалъ, рѣшили въ одно мгновеніе, что не имъ рѣшить бой, а Кишинскій, въ то же самое время, когда были остановлены батальйоны, ускорилъ свое движеніе, овладѣлъ заваломъ почти неприступнымъ и принудилъ непріятеля оставить почти безъ бою остальные завалы. Непріятель потерялъ 300 убитыхъ и 60 плѣнныхъ на полѣ сраженія; партія Кибитъ-Магомы потеряла до 100 человѣкъ при проходѣ черезъ деревню Мескинджи; но

потери непріятеля были еще значительнѣе во время его бѣдственнаго бѣгства по горамъ; снѣгъ, выпавшій тамъ въ ночь съ 22-го на 23-е, и непогоды въ послѣдующіе дни погубили нѣсколько сотъ Лезгинъ. Наша потеря заключалась въ 156 нижнихъ чинахъ и 6 офицерахъ; четверо изъ нихъ были лучшими офицерами ширванскаго полка. Подполковникъ Китинскій, раненый кинжаломъ, и поручикъ Лазаревъ были внѣ опасности, но капитанъ Добрынинъ былъ раненъ смертельно, а поручикъ Бухольцъ потерялъ ногу, раздробленную камнемъ, и оба умерли въ непродолжительномъ времени. Бухольцъ, живой, бойкій и остроумный, былъ любимцемъ и солдатъ, и женщинъ; Добрынинъ, скромный и застѣнчивый, перераждался въ огнѣ, и не было подвига, на который онъ не былъ бы способенъ. На всякомъ завалѣ онъ видѣлъ георгіевскій крестъ, и тогда единственная мысль его была— не дозволить никому сорвать его. Утрата этихъ офицеровъ, возбудивъ искреннее сожалѣніе товарищей и солдатъ, была утратой для всего полка. Но еслибы было выполнено прекрасное движеніе кавалеріи задуманное Аргутинскимъ, тогда горцы бросили бы завалы, и мы овладѣли бы мескинджинскимъ проходомъ съ ничтожною потерей. Куда бѣжали бы они, еслибы наша конница, выскочивъ на правый берегъ Самура, заняла узкую долину позади заваловъ? Налѣво неприступная гора, направо Самуръ; немногіе могли бы избѣгнуть смерти или плѣна. Конечно, рѣшась защищаться, непріятель не дозволилъ бы нашей кавалеріи перейдти даромъ на правый берегъ бѣшеной рѣки, но для нижегородцевъ этотъ подвигъ не составлялъ бы ничего необыкновеннаго, а генералъ Джафаръ-Кули поставилъ ихъ въ хвостѣ двухтысячной кавалерійской колонны. Нѣкоторые называли неподвижность Джафара во время дѣла благоразуміемъ, полагая обходное движеніе кавалеріи рискованнымъ, прежде успѣховъ пѣхоты; но вѣдь и ширванцы могли остановиться, выжидая успѣховъ кавалеріи. Такое благоразуміе съ обѣихъ сторонъ не повело бы насъ далеко; извѣстно, что всякая атака есть рискъ, а благоразуміе въ начальникѣ отдѣльной части, получившемъ опредѣленное приказаніе, достоинство очень двусмысленное.

Видъ Ахтинскаго укрѣпленія 22 сентября былъ очень назидателенъ для юныхъ и жаркихъ поклонниковъ военныхъ упражненій; онъ представлялъ во всемъ блескѣ пре-

лести войны. Разрушенныя стѣны опоясывали пространство, наполненное хаотическимъ смѣшеніемъ всего что̀ служитъ на потребу людямъ; бревна, доски, кули съ мукою, бочки, битая посуда, разломанныя повозки, артиллерія, тряпье,—все это наполняло площадки между зданіями разрушенными или поврежденными взрывомъ. Самыя зданія обратились въ госпиталь, гдѣ лежала половина гарнизона; безпорядокъ и нечистота, слѣдствія тѣсной осады, выгоняли изъ укрѣпленія самыхъ любопытныхъ изъ насъ; а вокругъ, на гласисѣ и во рвахъ, лежали тѣла Лезгинъ, смердѣвшія разложеніемъ. Но непріятель, несмотря на дѣятельную осаду, не можетъ вполнѣ присвоить себѣ дѣла разрушенія. Укрѣпленіе, не представляя ничего замѣчательнаго въ своей постройкѣ, по начертанію профиля и по вооруженію [1], было бы достаточно сильно для отраженія кавказскихъ горцевъ, еслибы только отчасти строитель, отчасти гарнизонъ не усовершенствовали его способомъ самымъ пагубнымъ для обороны. Главную ограду составлялъ мѣстами земляной валъ съ каменнымъ эскарпомъ, а мѣстами наружная стѣна оборонительныхъ казармъ; но эскарпъ въ видѣ бруствера поднимался не болѣе аршина надъ валомъ; вокругъ былъ ровъ разной глубины, отъ 5 до 2 аршинъ, а шириною съ восточной сторо̀ны до 6 саженей, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ едва достигалъ до полуторы сажени. Такая недостаточная ширина рва оставляла безъ боковой обороны три угла изъ пяти. Правда, склоненіе мѣстности передъ тремя фронтами укрѣпленія не дозволяло сдѣлать рвовъ широкими, а подошва покатостей, склоняющихся отъ крѣпости, была закрыта отъ крѣпостнаго огня. Но самая замѣчательная хитрость была на фронтѣ, обращенномъ къ Ахты-чаю: здѣсь мѣстность быстро спускается отъ самой стѣны укрѣпленія, лишая возможности выкопать ровъ, но его все-таки сдѣлали помощью насыпнаго контръ-эскарпа и гласиса. За то человѣкъ, ставшій во весь ростъ у подошвы этого гласиса, былъ не виденъ съ вала. Далѣе, въ 15 саженяхъ отъ укрѣпленія выстроенъ былъ рядъ глубокихъ и прочныхъ землянокъ для ротнаго двора, безъ всякаго приспособленія къ защитѣ. Въ укрѣпленіи не было ни туровъ, ни фашинъ для закрытія людей на валу, а для ору-

[1] Въ немъ было 14 орудій.

дій, дѣйствовавшихъ поверхъ вала, не было щитовъ. Наконецъ запасы пороха, зарядовъ и патроновъ хотя и были въ пороховомъ погребѣ; но это все равно что подъ открытымъ небомъ, потому что потолокъ погреба былъ пробитъ одною изъ 6-фунтовыхъ гранатъ, брошенныхъ непріятелемъ. 10-го сентября непріятель явился въ сельцѣ Ахты. Шамиль собралъ совѣтъ старшинъ, потомъ вышелъ на крышу сакли показаться народу; на немъ была лисья шуба. „Я слышалъ, что у васъ зимою холодно," сказалъ онъ тряхнувъ шубою,— „и запасся теплымъ." Предстоявшіе выразили удивленіе къ глубокой предусмотрительности имама. 14-го непріятель обложилъ укрѣпленіе. Гарнизонъ все еще состоялъ изъ одной линейной роты и своею численностью вовсе не соотвѣтствовалъ величинѣ укрѣпленія и обширности предстоявшихъ оборонительныхъ работъ; но во время самаго обложенія выросла какъ изъ земли 5-я гренадерская рота ширванскаго полка, подъ командой штабсъ-капитана Тизенгаузена; съ нимъ былъ Новоселовъ въ качествѣ волонтера. Встревоженный непріятель пытался остановить ширванцевъ; но маленькая колонна стройно пошла на укрѣпленіе, очищая дорогу штыками и пулями, и благополучно соединилась съ гарнизономъ, который принялъ ее съ восторгомъ, потому что начиналъ живо чувствовать свое безсиліе въ виду многочисленнаго непріятеля. 5-я гренадерская рота пришла изъ штабъ-квартиры ширванскаго полка, Кусаръ. Нашею бригадой командовалъ генералъ-майоръ Бриммеръ [1]; узнавъ о занятіи непріятелемъ Ахтовъ, онъ привелъ Кусары въ оборонительное положеніе и вооружилъ всѣхъ способныхъ носить оружіе, имѣя въ своемъ распоряженіи только одинъ 5-й батальйонъ. Несмотря на обширность штаба, онъ не колебался послать подкрѣпленіе въ Ахты, и не ожидая распоряженій Аргутинскаго, отправилъ туда гренадерскую роту въ составѣ 260 штыковъ. Она сдѣлала переходъ въ 70 верстъ, и 14-го числа въ 4 часа пополудни была въ Ахтахъ. На другой день, даже нѣсколькими часами позже, рота не проникла бы въ Ахты и, вѣроятно, не въ состояніи была бы отступить на такое огромное разстояніе какъ Хазры или Кусары, съ утомленными людьми, подъ ударами сильнаго

[1] Въ послѣдствіи генералъ-лейтенантъ, комендантъ крѣпости Новогеоргіевска.

непріятеля. Помощь небесъ не была бы болѣе кстати для Ахтинскаго укрѣпленія, какъ приходъ ширванцевъ. Съ этимъ согласятся всѣ защитники Ахтовъ и всѣ видѣвшіе Ахты 22 сентября 1848 года.

Я сказалъ, что Новоселовъ былъ волонтеръ. Въ 1848 году онъ лѣчился отъ ранъ; возвратясь въ Кусары, онъ поѣхалъ въ отрядъ, но былъ дурно принятъ командиромъ полка, уѣхалъ обратно въ Кусары, и просилъ Бриммера послать его въ Ахты, прикомандировавъ къ гренадерской ротѣ. Такимъ неожиданнымъ способомъ очутился въ Ахтахъ главный ихъ защитникъ.

Усиленный гарнизонъ ободрился; но уже было поздно избѣгнуть бѣдствій осады. Съ самаго появленія непріятеля, опасность была несомнѣнна; но низенькій брустверъ укрѣпленія не былъ возвышенъ, пороховой погребъ оставался съ своею эвирною крышей, а гласисы и ротные дворы такъ и манили непріятеля подъ свою защиту. Татары селенія Ахтовъ, пустивъ къ себѣ непріятеля безъ выстрѣла, явились къ коменданту съ предложеніемъ помѣститься въ укрѣпленіи, и защищать его вмѣстѣ съ солдатами; но они уже измѣнили намъ, семейства ихъ и имущество были въ рукахъ непріятеля; поэтому просьба Татаръ была вторая измѣна. Полковникъ Ротъ не пустилъ ихъ въ крѣпость, но предложилъ имъ защищаться во рву крѣпости, и выдалъ имъ 15 или 20 тысячъ патроновъ; Татары дѣйствительно пустили ихъ въ дѣло, но противъ насъ, присоединившись къ непріятелю. Непріятель занялъ сады, обрывы Ахты-чая, землянки ротнаго двора, и открылъ по укрѣпленію ружейный огонь; солдаты ползали по валу, и каждый, кто показывался изъза бруствера, платилъ за то жизнію или раной. Крѣпостная артиллерія пробовала дѣйствовать, но въ одинъ день изъ 27 артиллерійскихъ солдатъ осталось только шесть; самъ комендантъ былъ раненъ; гранаты, бросаемыя въ укрѣпленія изъ маленькой мортиры, взорвали пороховой погребъ; взрывъ разрушилъ цѣлый бастіонъ, повредилъ много строеній, и вывелъ изъ строя 70 человѣкъ. Непріятель штурмовалъ разрушенную часть, но былъ отбитъ; однакожь столько бѣдствій въ одинъ день имѣли вліяніе на гарнизонъ, особенно благодаря безначалію. И вотъ, чтобы положить безначалію конецъ, общій совѣтъ офицеровъ выбираетъ

мендантомъ Новоселова, минуя старшихъ. Первымъ дѣломъ новаго коменданта было вывести сорокъ человѣкъ, занимавшихъ мостовое укрѣпленіе на Самурѣ; орудіе, тамъ находившееся, заклепали, лафетъ разломали, а люди счастливо достигли укрѣпленія. Оставаясь въ мостовомъ укрѣпленіи безъ помощи изъ Ахтовъ, безъ хлѣба и воды, они были бы обречены на вѣрную гибель. Немедленно уложили брустверъ кулями съ мукой, и небольшимъ числомъ туровъ, найденныхъ въ укрѣпленіи, а на разрушенной части устроили цѣлый валъ изъ кулей; орудія заслонили деревянными щитами; смычки туровъ и кулей закрыли фашинами, а оборонительную линію раздѣлили на участки, поручивъ каждый опытному офицеру;—и гарнизонъ съ новыми надеждами принялся за оборону.

Между тѣмъ непріятель началъ осадныя работы. Съ одной стороны укрѣпленія, Лезгины шли траншеей; съ другой, избѣгая трудной работы земляныхъ подступовъ, они складывали продолговатыя кучи дровъ параллельно нашимъ веркамъ, и усѣвшись за ними, день и ночь перекидывали полѣнья чрезъ кучу съ задней части на переднюю ея часть, обращенную къ крѣпости; такимъ образомъ эти дровяныя закрытія плавно и незамѣтно шли на крѣпость. Пользуясь закрытымъ мѣстомъ за огромнымъ гласисомъ къ Ахтычаю, Лезгины пошли подкопомъ на первый исходящій уголъ; сперва они круто спустились, а потомъ повели, подкопъ горизонтально подъ дномъ рва Но глазъ Новоселова былъ вездѣ. Не будучи въ состояніи, по малочисленности гарнизона, идти подъ землею на встрѣчу непріятелю, или разбить его подкопъ колодцемъ изъ рва, Новоселовъ откатилъ орудіе на нѣсколько саженей отъ исходящаго угла и сдѣлалъ въ этомъ мѣстѣ ретраншементъ изъ кулей, въ срединѣ котораго поставилъ орудіе, зарядивъ его картечью. Окончивъ подкопъ, непріятель зарядилъ его и взорвалъ. Взрывъ былъ сигналомъ втораго штурма. Лезгины ринулись на три угла; впереди шли двое, желавшихъ добыть дочь Рота; Шамиль обѣщалъ ее тому, кто первый войдетъ въ укрѣпленіе. Одинъ изъ этихъ двухъ былъ нашъ бѣглый солдатъ. Потомъ шли мюриды и значки, за ними толпа простой рати, а сзади опять мюриды съ шашкой въ правой и ногайкой въ лѣвой рукѣ; они стегали всякаго кто заминался, и рубили того кто пятился назадъ.

Непріятель ворвался въ обвалъ сдѣланный миной, но картечь чуть не въ упоръ уложила многихъ смѣльчаковъ; другихъ перекололи штыками; уцѣлѣвшіе поспѣшили укрыться за гласисомъ, и нападеніе не повторилось. Штурмъ на бастіонъ, разрушенный взрывовъ погреба, былъ отбитъ прапорщикомъ ширванскаго полка Бенетомъ, а штурмъ на третій уголъ—подпоручикомъ гарнизонной артиллеріи Шлиттеромъ. Еще разъ гарнизонъ отстоялъ себя, но положеніе его было ужасно, и тѣмъ ужаснѣе, что было безнадежно. Послѣ появленія и удаленія отряда, 18-го сентября, Ахтинцы полагали, что князь Аргутинскій потерпѣлъ неудачу, и невольно вспоминали 1843 годъ, когда колонна дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ генерала Гурко, показалась въ виду бывшаго укрѣпленія Гергебиля, для того только чтобъ быть свидѣтельницей гибели гарнизона. Никто не думалъ, чтобъ Аргутинскій, съ его понятіями о чести, могъ ознаменовать себя такимъ дѣломъ, но опасались неудачи для отряда. Безнадежность вселяетъ апатію, а въ Ахтахъ нужна была самая напряженная дѣятельность, не для того чтобы жить, а для того чтобъ умереть съ честью; такъ понималъ свое положеніе Новоселовъ! Ничего не зная о Бучкіевѣ, онъ послалъ, послѣ отраженія штурма, двухъ солдатъ ширванскаго полка на поискъ отряда,—тѣхъ самыхъ, которые вечеромъ 21-го сентября явились къ Аргутинскому на бивакъ при Зукулѣ. Недостатокъ людей былъ замѣненъ женщинами, преимущественно въ исполненіи госпитальной службы; но нѣкоторыя изъ женщинъ носили заряды на батареи, а одна старушка, сестра гарнизоннаго артиллериста Тимоѳеева, безсмѣнно была на часахъ у склада боевыхъ припасовъ, и сидя на камнѣ, шила зарядные мѣшки. Скудная раздача провіанта производилась съ совершенною аккуратностію; на оборонительной линіи знали, гдѣ непріятель шелохнулся; бдительность поддерживалась сказываніемъ сказокъ и постояннымъ присутствіемъ Новоселова. Труды и безсонница склонили много слабыхъ душъ къ чарочкѣ; но Новоселовъ пресѣкъ это утѣшеніе, разбивъ всѣ бочки спирта. Даже близкая, какъ полагали, гибель гарнизона не была предоставлена случайности. Новоселовъ артистически сгруппировалъ оставшіеся боевые припасы, и гарнизонъ не сомнѣвался, что въ минуту взятія укрѣ-

пленія все кончится однимъ ударомъ; молча и равнодушно занимались солдаты своими погребальными приготовленіями, забывая въ этомъ занятіи огонь непріятеля. Весь гарнизонъ слился въ одну душу, въ одну волю.

Въ этомъ положеніи застало его освобожденіе; оно было совершенно неожиданно. Славные защитники отъ ожиданія неизбѣжной смерти мгновенно очутились въ кругѣ жизни со всѣми ея надеждами; потрясеніе этого перехода было такъ сильно, что разстрогало самыя закаленныя натуры.

Послѣ побѣды настали дни кары для виновныхъ; еще на дорогѣ къ Ахтамъ князь Аргутинскій приказалъ заколоть одного изъ плѣнныхъ. Осмотрѣвъ и распросивъ въ Ахтахъ плѣнныхъ, онъ взялъ за руку одного виднаго Лезгина, подвелъ его къ фронту 2-го ширванскаго батальйона и предоставилъ его солдатамъ. „Это большой мошенникъ, сказалъ онъ имя, дарю его вамъ ребята, поднимите его на штыки!“ И приказаніе было исполнено.

Въ послѣдующіе дни, 23 и 24, такому же рѣшенію подверглись еще нѣсколько ахтинскихъ Лезгинъ. Но когда грозный князь воротился въ Ахты, то въ послѣднихъ числахъ сентября произошла потрясающая казнь; къ нему привели пятерыхъ Лезгинъ—трехъ мущинъ и двухъ женщинъ, жителей Кумухскаго ханства, пойманныхъ и уличенныхъ въ стараніяхъ разжечь волненіе въ народѣ, во время ахтинской осады. Аргутинскій ходилъ передъ палаткой въ своемъ историческомъ, засаленномъ бешметѣ, и покуривалъ трубочку съ коротенькимъ чубукомъ, не менѣе достопамятнымъ для жителей Дагестана, потому что съ нимъ познакомились много муллъ, эфендіевъ, гаджи и другихъ знатныхъ людей, когда онъ ходилъ по ихъ головамъ; для этого съ чубука снималась трубка, а чубукъ принималъ роль дубинки. Поговоривъ съ Лезгинами, князь обратился къ караулу: „Караульные, разобрать ружья,“ и взявъ одного изъ Лезгинъ, приказалъ заколоть его, вслѣдъ затѣмъ онъ вывелъ другаго и третьяго; обезумѣвъ отъ ужаса, они безсмысленно смотрѣли на гибель перваго товарища и не трогались съ мѣста; ни у мущинъ, ни у женщинъ не достало словъ для мольбы, но женщины были пощажены; не знаю что̀ сталось съ ними послѣ. Былъ еще случай ускореннаго правосудія; изъ Кубы

въ лагерь при Ахтахъ былъ присланъ тамошній бекъ, какъ измѣнникъ во время ахтинскаго возстанія, но онъ явился не арестованнымъ, а пріѣхалъ какъ гонецъ съ бумагами отъ уѣзднаго начальника. Аргутинскій прочелъ бумаги, долго и спокойно говорилъ съ бекомъ и приказалъ его арестовать. Обезоруженіе, сколько мы замѣтили, не произвело на Татарина особаго впечатлѣнія; вѣроятно, онъ сознавалъ свои продѣлки и не удивлялся аресту; къ тому же онъ видѣлъ милость князя въ его мягкомъ обращеніи, а изъ-подъ суда надѣялся вывернуться, какъ и прежде вывертывался находясь подъ судомъ по уголовнымъ дѣламъ. Но каково было его изумленіе, когда послѣ вторичнаго допроса Аргутинскій приказалъ его заколоть: онъ всплеснулъ руками, началъ говорить, но слова вмѣстѣ съ жизнію замерли на губахъ его. Это была послѣдняя жертва гнѣвнаго князя. Дагестанъ трепеталъ, и въ остальныхъ случаяхъ достаточно было маленькаго чубука, который и не остался безъ дѣла.

Ночь послѣ Мескинджи мы провели на биваке подъ стѣнами Ахтовъ. Погода изъ теплой быстро перешла въ суровую осень, напоминая, что мы недалеко ушли отъ Дагестанскихъ горъ; дождь заливалъ наши костры изъ фруктовыхъ ахтинскихъ деревьевъ. Оставался одинъ стогъ сѣна для цѣлаго отряда, но онъ разошелся по клочкамъ, и тѣ, которые ходили удивляться ахтинскимъ героямъ и смотрѣть разрушеніе, нашли только остатки стога, на которыхъ лежали солдаты. Кто остался безъ подстилки, такъ растянулся въ грязи и съ терпѣніемъ или съ нетерпѣніемъ ждалъ утра; но ночь тянулась невыносимо долго, и чѣмъ сильнѣе хлесталъ дождь и завывалъ вѣтеръ, тѣмъ злѣе становились люди, лежавшіе на сѣнной подстилкѣ. Князь Гагаринъ, рѣшившись съ вечера ночевать какъ Спартанецъ, чрезъ нѣсколько часовъ ослабѣлъ въ этой рѣшимости, и вздумалъ оттягивать у какихъ-то солдатъ клочокъ подстилки, но получилъ отказъ: солдаты, закутавшись въ шинели, сердито ворчали. Бѣдный Гагаринъ бродилъ цѣлую ночь и заболѣлъ горячкой.

Освѣженные этою ночью, мы двинулись утромъ 23-го вверхъ по Самуру. Славный аулъ Ахты какъ будто выдержалъ осаду; окна были выбиты, улицы завалены разнымъ хламомъ и

немногіе жители сидѣли пригорюнившись. На углу большой сакли, на камнѣ, сидѣла красивая дѣвушка, и несмотря на шумъ нашего движенія, тупой взглядъ ея ни разу не оторвался отъ дали, въ которую она глядѣла безсознательно. Каріе глаза ея и безъ слезъ выражали разрушительное горе. Многіе изъ насъ пробовали заговаривать съ нею, но она не пошевельнулась, и взглядъ ея не измѣнялъ направленія. Переправа чрезъ Ахты-чай по воздушному ахтинскому мосту [1] стоила намъ нѣсколькихъ часовъ; Лезгины не успѣли разрушить его во время бѣгства и сорвали только настилку. Ее возобновили, но она прыгала подъ ногами лошадей, что было не совсѣмъ успокоительно при ширинѣ моста въ одинъ аршинъ, безъ перилъ, и на высотѣ восьми или десяти саженей надъ кипящею водой. Лезгины и лошади ихъ такъ привычны къ обрывамъ, что перила на мостахъ, даже вьючныхъ, какъ ахтинскій (а подобныхъ много въ городахъ), считаются безполезными и никогда не дѣлаются. По дорогѣ приводили намъ плѣнныхъ и раненыхъ, и являлись жители бившіе челомъ Аргутинскому. Но князь находилъ, что не настала еще пора для словъ милости. Онъ пропустилъ безъ вниманія нѣсколько ауловъ и остановилъ колонну близь селенія Хрюкъ. Войска уже расположились отдыхать, а изъ аула никто не показывался; онъ былъ пустой, потому что принималъ въ возстаніи горячее участіе, болѣе всѣхъ прочихъ ауловъ Самурскаго округа, и жители, зная строгость Аргутинскаго, сочли за лучшее избѣжать первыхъ проявленій его гнѣва. Ихъ нашли однако въ какой-то трущобѣ вблизи селенія, и зачинщики возмущенія были приведены къ князю; онъ велѣлъ заколоть ихъ, а Хрюкъ разграбить. Какъ голодные волки, ринулись солдаты на аулъ! Рогатый скотъ и бараны были въ нѣсколько минутъ пойманы и переколоты, аулъ былъ расхищенъ до чиста, даже пострадала недвижимость; солдаты тащили на бивакъ двери, ворота и цѣлыя бревна. Одинъ солдатъ говоритъ: „ворота знатныя, да что въ нихъ толку?“ Другой возражаетъ ему: „а что если возьмутъ Самурцы? вѣдь жалко будетъ, ишь какъ они къ нимъ

[1] Онъ былъ изображенъ въ *Памятной книжкѣ*, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

подбираются!“ И вслѣдствіе такого довода оба снимаютъ ворота, а Самурцы, которые и не думали подбираться къ воротамъ, видя ихъ уже въ рукахъ солдатъ заключаютъ: „вѣдь для чего-нибудь пригодятся,“ и тащутъ себѣ огромное бревно. Драгунъ несетъ изъ сакли зеркало и кувшинъ съ медомъ; онъ выбирается на просторъ, зеркало ставитъ къ стѣнкѣ, а самъ садится на камень насупротивъ; ружье и кувшинчикъ располагаются подлѣ камня. Засучивъ рукава, онъ начинаетъ ѣсть медъ горстями, не сводя глазъ съ зеркала и безпрестанно поправляя усы и прическу; долго сидѣлъ сибаритъ за лакомствомъ, отдуваясь, отпиваясь водой, потирая животъ и охорашиваясь. Но до дна кувшина далеко, а душа его уже насытилась; онъ взялъ ружье, далъ горшку пинка, прикладомъ разбилъ зеркало въ дребезги, и пошелъ себѣ домой. На бивакѣ уже готовился гомерическій, вѣрнѣе мингрельскій ужинъ, потому что въ Мингреліи ѣдятъ болѣе чѣмъ ѣли Греки глубочайшей древности. Большіе артельные котлы, маленькіе солдатскіе котелки, офицерскія кострюли, все было въ ходу; жидкости въ нихъ было очень мало, но мясо, смѣсь баранины, говядины и курятины, наполняло ихъ до краевъ, а приправа состояла изъ крупъ, пшеницы, кукурузы, чесноку, фруктовой кислоты, сушеныхъ фруктовъ, коровьяго масла и перцу; я пробовалъ это блюдо безъ названія оказывалось что-то необыкновенно питательное. Кромѣ того, на шомполахъ дѣлались шашлыки и съѣдались какъ закуска; доски, двери и ворота служили столами для битковъ; молоко расходовалось умѣренно, какъ сласть, вѣроятно для смягченія вкуса. Послѣ сытнаго, но не совсѣмъ чистаго обѣда, потому что птица въ видахъ сокращенія труда не обваривалась, а просто ощипывалась, и то на половину, и не у всѣхъ потрошилась, котлы съ котелками снарядились вновь. Такъ продолжалось до утра; по крайней мѣрѣ, просыпаясь ночью отъ мороза, я постоянно видѣлъ варившихъ и ужинавшихъ.

24-го, мы стали возлѣ Рутула Аргутинскій пощадилъ этотъ большой аулъ, приказавъ старшинамъ выдать войскамъ безплатно все необходимое для нихъ количество фуража. Рутулъ хорошо отстроенъ, но мѣстность его очень мрачная. 25-го, легкая колонна ходила въ Лючекъ, верхнее изъ селеній Самур-

скаго округа и къ вечеру возвратилась къ главнымъ силамъ въ Рутулъ. Непріятель изчезъ окончательно; жители Самурскаго округа возвратились въ селенія и все успокоилось. 26-го мы стали у Ахтовъ. Сдѣлавъ распоряженіе о передѣлкѣ укрѣпленія и назначивъ слѣдственную и военносудную коммиссію для разысканія и наказанія виновныхъ Ахтинцевъ, Аргутинскій пошелъ съ отрядомъ черезъ Кумухъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, оставивъ подъ Ахтами ширванцевъ. Къ 1-му ноября работы кончились, и мы были уже на зимнихъ квартирахъ.

Покушеніе Шамиля на Самурскій округъ, надѣлавшее въ Дагестанѣ столько тревоги, пало на его же голову. Послѣ успѣховъ въ 43 и 45 годахъ, Шамилю не посчастливилось въ 46 году при вторженіи въ сѣверный Дагестанъ, а въ два послѣдующіе года онъ потерялъ Салты и Гергебиль, приготовленные имъ къ упорной защитѣ. Желая изгладить изъ памяти мюридовъ послѣднія неудачи и поколебать наши горскія племена, онъ выбралъ для своихъ ударовъ долину Самура, для того чтобы взятіемъ Ахтовъ, очень важныхъ по своему положенію, устрашить впечатлительныхъ мусульманъ. Разчетъ Шамиля былъ хорошъ, время, когда отрядъ нашъ былъ распущенъ, выбрано имъ вѣрно, и трудно сказать, въ чемъ заключились причины его неудачи. Взятіе Ахтовъ до 22-го сентября было возможно, ибо укрѣпленіе пришло въ отчаянное положеніе, независимо отъ усилій непріятеля. Да и напрасно отыскивать причины успѣховъ или неуспѣховъ рати Шамиля; въ ней было много военныхъ элементовъ, но въ ней отъ малаго до великаго всѣ дѣйствовали на удачу, какъ во всякой неустроенной вооруженной силѣ. Уже одно желаніе остановить насъ у Мескинджи можно считать ошибкой въ военномъ смыслѣ. Посредствомъ завала на мѣстности хотя крѣпкой, но доступной, и нѣсколькихъ тысячъ вооруженной толпы,— нѣтъ возможности остановить сильнаго отряда, имѣющаго всѣ средства для упорной атаки. Будучи отбиты, мы могли штурмовать завалы еще нѣсколько разъ; допуская даже полную неудачу повторенныхъ атакъ, мы могли обойдти мескинджинскую позицію, и не въ одномъ мѣстѣ. Зная наши войска, Шамиль не могъ надѣяться остановить рѣшительнаго князя Аргутинскаго такими

средствами. Но Шамиль болѣе политикъ чѣмъ военный человѣкъ; онъ распорядился дать дѣло, разчитывая въ случаѣ неудачи сказать, что на этотъ разъ судьба ему не благопріятствовала, и внушить Татарамъ Самура, что, покоряя страну, онъ защищаетъ ее, а не предаетъ на жертву Русскимъ. Узнавъ о пораженіи при Мескинджи, Шамиль сѣлъ на лошадь и, сохраняя спокойствіе, сказалъ Ахтинцамъ: „надобно укрѣпить вашу деревню; поѣду взглянуть какъ построить укрѣпленіе“. Переѣхавъ мостъ, онъ отправился въ Рутулъ съ своими тѣлохранителями и оттуда уѣхалъ на слѣдующій день во свояси. Ему ничего болѣе не оставалось; броситься въ Дагестанъ съ голодною и унылою толпой было невозможно; тамъ были укрѣпленія и нѣсколько подвижныхъ батальйоновъ; при малѣйшей остановкѣ, его застигъ бы Аргутинскій изъ Ахтовъ черезъ Курагъ, и довелъ бы до развязки чувствительнѣе мескинджинской; къ тому же измѣнилась погода, повалилъ снѣгъ и приближалась дагестанская зима, которую Лезгины, дурно одѣтые и еще хуже обутые, не могутъ переносить внѣ дома. Выручивъ Ахты, князь Аргутинскій могъ поставить непріятеля въ самое затруднительное положеніе, еслибы двинулся изъ Хозрека, чрезъ Алахукъ-дагъ и Ихрекское ущелье въ Лючекъ, и направилъ при этомъ батальйонъ и часть милиціи для защиты Курага. Этимъ движеніемъ онъ закрылъ бы непріятелю отступленіе въ горы и заставилъ бы его безъ боя разсыпаться по горамъ для спасенія, а милиція при главномъ отрядѣ и въ Курагѣ ловила бы бѣглецовъ. Чрезъ главный хребетъ и его отроги на верховьяхъ Самура трудно проходить въ сентябрѣ по вьючнымъ дорогамъ. Провести отрядъ чрезъ эти ужасныя мѣста въ такое позднее время года можно только случайно, но Алахукъ-дагъ, какъ и всѣ отроги дагестанскихъ горъ отдаленные отъ главнаго хребта, всегда проходимы, когда нѣтъ метели, и я не знаю, отчего Аргутинскій не избралъ этого пути какъ кратчайшаго и обѣщавшаго самыя выгодныя и рѣшительныя послѣдствія. Можетъ-быть онъ опасался, двигаясь на Алахукъ-дагъ, открыть для непріятеля весь приморскій Дагестанъ, и полагалъ, что Шамиль рѣшится оставить Ахты, миновать Курагъ и броситься въ Кумухъ, Акушу или Куринское ханство; но такого отчаяннаго дѣйствія, ведущаго къ временному, случайному успѣху, а потомъ къ вѣрной ги-

бели, нельзя было ожидать отъ Шамиля; онъ не могъ и думать о такомъ отдаленномъ набѣгѣ, не имѣя другой опоры кромѣ полувзволнованнаго населенія приморскаго Дагестана. Можетъ-быть Аргутинскій надѣялся, что колонны лезгинскаго отряда пойдутъ черезъ главный хребетъ на сообщенія непріятеля, но эти колонны не оказали никакого содѣйствія. Генералъ-лейтенантъ Шварцъ пытался пройдти съ главными силами лезгинскаго отряда чрезъ перевалъ Сарубашъ, но не прошелъ, а генералъ-майоръ Бюрно, работавшій съ двумя батальйонами на военно-ахтинской дорогѣ, въ Шинскомъ ущельѣ, получивъ извѣстіе о вторженіи непріятеля, вмѣсто того чтобы идти чрезъ Салаватъ и прикрыть аулъ и укрѣпленіе Ахты, снялъ работы и поспѣшно отступилъ на плоскость. Словомъ, лезгинскій отрядъ не имѣлъ никакого вліянія на исходъ ахтинской экспедиціи, тогда какъ его помощь не дозволила бы ни вторженію, ни возстанію принять значительные размѣры; все рѣшилъ одинъ князь Аргутинскій въ Мескинджи. Мескинджинское дѣло успокоило Дагестанъ, и вмѣстѣ съ взятіемъ Гергебиля нанесло сильный ударъ непріятелю въ 1848 году. По Ахтинской экспедиціи можно судить какимъ тяжелымъ испытаніямъ часто подвергаются кавказскія войска. Одинъ такой походъ можетъ закалить рекрута и новичка-офицера.

КАВКАЗЕЦЪ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ [1]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I. Мелочи и анекдоты самаго труднаго времени.

Пребываніе у дяди Бориса Николаевича и вообще поѣздка моя со всѣми эпизодами описанными въ прошлыхъ главахъ, доставили мнѣ много развлеченія, но по части главнаго дѣла, привлекшаго меня въ деревню, оказались скорѣе вредными чѣмъ полезными. При новыхъ условіяхъ деревенской жизни, разумнѣе всѣхъ оказывался только тотъ помѣщикъ, который, разъ окунувшись въ хозяйственныя хлопоты, уже не отрывался отъ нихъ, а съ неотступнымъ терпѣніемъ дѣлалъ свое дѣло. И самъ онъ черезъ это скорѣе мирился съ неизбѣжною тяготой своего положенія, и крестьяне его, видя помѣщика не унывающимъ, скорѣе отрезвлялись отъ несбыточныхъ фантазій, и въ случаѣ надобности довѣрчивѣе относились къ нему. Смѣло могу сказать, что по крайней мѣрѣ въ нашемъ краѣ, помѣщичьи потери прошлаго года сократились бы на половину, если бы мы сами, землевладѣльцы, обрекли себя на нѣсколько мѣсяцевъ работы,—

[1] См. *Русскій Вѣстникъ*. № 2, 3, 5 и 6.

конечно тягостной и трудной работы. Барская лѣнь, а еще болѣе привычка полагаться на старостъ и управляющихъ вредила намъ чуть ли не болѣе чѣмъ дѣйствительныя трудности новаго положенія. Даже лучшіе изъ насъ трудились какъ-то неохотно и вяло, скоро утомлялись, ухватывались за первую возможность урваться изъ дома, отдохнуть, отвести душу въ разговорахъ ни къ чему не ведущихъ. Они будто ждали откуда-то невозможной помощи и совершенно упускали изъ виду то, что въ настоящемъ хозяйственномъ кризисѣ каждый больной прежде всего долженъ былъ сдѣлаться собственнымъ своимъ медикомъ.

Только что вернулся я въ Петровское, какъ на меня напали та тоска и та нерѣшительность, которыя уже были мнѣ знакомы по первымъ днямъ моего пребыванія въ имѣніи. Работы шли дурно: бывало къ половинѣ іюля значительная доля луговъ оказывалась скошеной и сѣно прибраннымъ, теперь же люди копались по недѣлѣ на какомъ-нибудь одномъ покосѣ; а между тѣмъ жаркое лѣто подвигалось и уборка озимаго хлѣба находилась въ близкой перспективѣ. Староста Власъ Васильевъ и сельскіе старшины нѣсколькихъ деревень выбивались изъ силъ, посредникъ раза три пріѣзжалъ на работы: благодаря этимъ усиліямъ, наружный порядокъ соблюдался, рабочіе выходили въ свой часъ, прогульщиковъ не оказывалось, а толку все выходило мало. Естественно, что мнѣ, при моихъ малыхъ способностяхъ къ хозяйственному дѣлу, много разъ приходила въ голову мысль отдалиться отъ хлопотъ, примириться съ безобразіемъ, которое все-таки не могло нанести великаго ущерба моимъ доходамъ, и пріискать на имѣніе какого-нибудь арендатора на самыхъ снисходительныхъ условіяхъ. По счастію, въ моемъ характерѣ имѣется положительное стремленіе не поддаваться тому что̀ вокругъ меня совершается и не считать за непреложную истину всего что̀ даже умными людьми навязывается за истину непреложную. Можетъ-быть я называю хорошими словами то, что̀ въ сущности должно назваться простымъ упрямствомъ; но какъ бы то ни было, въ прошлое лѣто, это упрямство оказало мнѣ не малую услугу. Слыша вокругъ себя жалобы и жалобы, видя въ самыхъ дѣятельныхъ сосѣдяхъ или выжиданіе, или отвращеніе, я рѣшился пойдти на встрѣчу всѣмъ

трудностямъ смутнаго года, бывать на всѣхъ работахъ, наймомъ пополнять то что̀ не додѣлано обязаннымъ трудомъ, не уклоняться ни отъ какихъ мелочей хозяйства и хотя отчасти противодѣйствовать билибердѣ кругомъ меня совершавшейся. Первые дни послѣ такого рѣшенія я самъ себѣ былъ смѣшонъ и страненъ; слуга, будившій меня въ шесть часовъ, смотрѣлъ на меня какъ на полоумнаго. Власъ Васильевъ, увидавъ мою особу на полѣ, около косцовъ, подумалъ что на мызѣ произошелъ пожаръ, и что я прискакалъ за помощью. За то рабочіе, не менѣе старосты удивленные моимъ приходомъ, возились съ сѣномъ нѣсколько добросовѣстнѣе, и хотя, конечно, не считали меня способнымъ на какія-либо мѣры строгости, но какъ оказалось изъ послѣдующихъ разговоровъ съ ними, сказали другъ другу: „самъ притащился,—значитъ что-нибудь да задумалъ!“

Обширное поле, открывшееся для моихъ наблюденій, скоро вознаградило меня за трудности моей новой роли. Такъ какъ я въ своемъ имѣніи всегда бывалъ скорѣе гостемъ чѣмъ бариномъ, и къ крестьянамъ какъ своимъ, такъ и къ чужимъ не питалъ ни суровости, ни нѣжныхъ чувствій, то меня вовсе не поражали тѣ уклоненія отъ старосвѣтскаго деревенскаго декорума, которыя прямо исходили изъ новаго порядка. Для меня совершенно не существовали тонкіе оттѣнки такъ-называемаго „неповиновенія“; я не заботился о томъ, снимаются или не снимаются шапки при моемъ появленіи, почтительно ли отвѣчаетъ мужикъ на мои разспросы или держитъ свою рѣчь бойко, не безъ подразнивающей шутливости. Преувеличенныя ожиданія скорыхъ благъ новой воли, безъ всякихъ работъ и повинностей, тоже не казались мнѣ непріятными; я слишкомъ мало зналъ крестьянина прежнихъ временъ, и мнѣ казалось вполнѣ естественнымъ, что труженикъ, за тяжелою работой, пытается увеселять себя помыслами о томъ, что когда-нибудь ему удастся лежать на боку, а хлѣбъ на поляхъ будетъ расти самъ собою. Всякій человѣкъ, по моему крайнему разумѣнію, по временамъ питаетъ такія фантазіи, что̀ не мѣшаетъ ему, разочаровавшись и поохавши, принимать жизнь такъ какъ она ему дается. Вслѣдствіе всего этого я стремился только къ двумъ цѣлямъ: удержать мое хозяйство отъ упадка, и, сблизившись съ крестьянами на

сколько возможно, положить начало новымъ сношеніямъ съ ними на общую намъ пользу. Теперь я стану разказывать насколько я достигнъ того и другаго.

Первые дни моихъ наблюденій за ходомъ полевыхъ работъ въ Петровскомъ ясно показали мнѣ, что въ дурномъ исполненіи крестьянами издѣльной повинности не имѣлось (говорю только про свое имѣніе и основываюсь на отзывахъ сосѣдей про нашъ околотокъ) ни неодолимаго отвращенія къ работѣ на помѣщика, ни злонамѣреннаго стремленія насолить этому помѣщику по мѣрѣ возможности. Всякій разъ, когда я возобновлялъ барщинникамъ мое предложеніе перейдти на оброкъ, они отзывались, что хозяйство ихъ устроено для полевой работы, что въ Питеръ набрело много народу и цѣна на мѣста упала, что они привыкли держаться земли, и всегда, и послѣ надѣла съ грамотой, хотятъ считаться со мной работой, а не деньгами. Можно бы было счесть слова эти пустою фразой, но истина ихъ оказалась на дѣлѣ. Демьянъ Павловъ, Ѳедотъ Васильевъ (братъ старосты Власа) и нѣсколько другихъ крестьянъ уважаемыхъ въ селѣ, стали нанимать у меня луга, съ которыми мнѣ не доставало силъ управиться, и всѣ они, одинъ за другимъ, въ уплату предлагали никакъ не деньги, а работу или половину сѣна какое будетъ накошено. Интересуясь вопросомъ, въ которомъ видѣлъ я выходъ или тѣнь будущаго выхода изъ хозяйственныхъ затрудненій, я доказывалъ наемщикамъ, что и на работѣ и на половинѣ сѣна они непремѣнно потеряютъ сравнительно съ денежнымъ наймомъ; но отъ всѣхъ получалъ отвѣтъ, что оно будетъ хотя не сходнѣй, а *вальготнѣе*.

Другое обстоятельство утвердившее меня въ той мысли, что между мной и крестьянами, несмотря на ихъ скверную работу, не существовало ничего враждебнаго, кинулось мнѣ въ глаза очень скоро. Стоило только сказать рабочимъ, что дѣло идетъ худо, и что при великой трудности добыть наемныхъ людей, мой скотъ останется на зиму безъ корма,—они всѣ преисполнялись рвеніемъ, какъ будто бы ихъ добрая слава могла пострадать отъ недостатка сѣна на мызѣ. Рвеніе тянулось иногда часъ, иногда два, а иногда

цѣлый вечеръ; вообще я замѣтилъ, что къ вечеру рабочій, будто нервная барыня, дѣлался несравненно ретивѣе и чувствительнѣе. Изрѣдка выпадали такіе часы, что работа кипѣла, и весь безпорядокъ дня вознаграждался съ лихвою; иногда люди, уходя съ поля послѣ вялаго дня и видя какъ мало ими сдѣлано, совѣстились, шли съ недовольнымъ видомъ и укоряли парней считавшихся особенными лѣнтяями. Чѣмъ болѣе я глядѣлъ на все это, тѣмъ болѣе убѣждался, что въ крестьянинѣ нашего края — да простятъ меня восторженные хвалители мудрости простаго народа,— имѣется чрезвычайно много дѣтскаго. Замѣчаніе нашего посредника, сравнившаго временно-обязанныхъ крестьянъ со школьниками передъ выпускомъ изъ заведенія, часто приходило мнѣ въ голову. Я вспоминалъ свое выпускное время и отдавалъ справедливость зоркости Владиміра Матвѣевича. И я и мои товарищи въ переходную эпоху отъ затворничества къ свободѣ, приводили въ отчаяніе учителей, раздражали начальниковъ. Ладить съ нами можно было лишь добрымъ словомъ, и то на короткое время. Всѣ мы оказывались праздными, неразсудительными, нелѣпыми, исполненными претензій дѣтинами, для сношенія съ которыми требовалось ангельское терпѣніе. Всѣ мы думали, что цѣлый свѣтъ дается намъ въ руки, и что мы обречены въ скоромъ времени, не шевеля пальцемъ, вкушать постоянное блаженство. Бо́льшая часть начальниковъ, поглупѣе (а мѣсто моего воспитанія не отличалось мудростью педагоговъ), прямо считали насъ непокорными чудовищами, неблагодарными извергами, для которыхъ было мало самой неумолимой строгости. Эти неспособные чудаки, призванные на то чтобъ хранить юность нашу, переставали почитать насъ дѣтьми именно въ ту пору, когда мы по преимуществу были дѣтьми.

Самымъ печальнымъ для меня результатомъ ребячества въ крестьянахъ оказывалась ихъ крайняя неразчетли́вость во всемъ что̀ касалось до ихъ собственнаго интереса. Собственныя работы шли очень дурно въ каждой семьѣ; въ маломъ видѣ совершалось то же, что у помѣщика: люди помоложе отвиливали отъ работъ и не слушались хозяина, батраки требовали надбавки цѣнъ, работали худо. Новыя условія труда ежедневно открывали мужикамъ случаи къ выгоднымъ сдѣлкамъ со мною, и изъ

десяти случаевъ девять пропадало напрасно. Эту главу моихъ замѣтокъ я набрасываю ровно черезъ годъ послѣ прошлогднихъ приключеній, посреди замѣтнаго отрезвленія и довольно утѣшительныхъ начинаній; оттого я не считаю нужнымъ скрывать того, что въ прошломъ году общее наше положеніе казалось почти невыносимымъ. Не отъ лѣни или недовѣрія, но отъ какого-то тумана, опьянившаго головы, крестьяне упорно отвергали всѣ мои предложенія, клонившіяся къ тому чтобъ измѣнить что-либо въ старомъ порядкѣ хозяйства. Положимъ даже, что по моей малой опытности, иныя предложенія были не безъ риска; но имѣлись и такія, гдѣ не могло оказаться ни малѣйшей потери, а между тѣмъ возраженія сыпались отовсюду, и дѣло кончалось тѣмъ, что мужики чужихъ имѣній являлись и ладили со мною, между тѣмъ какъ свои оставались ни при чемъ и вдобавокъ еще обижались.

Примѣровъ я могъ бы привести сотню, но ограничиваюсь самыми оригинальными. За сокращеніемъ запашки, у меня въ ржаномъ полѣ на будущій годъ осталось до двадцати десятинъ земли весьма хорошей, лѣтъ двадцать пять находившейся подъ пашней, и тщательно удабривавшейся. Бесѣдуя съ крестьянами въ одинъ вечеръ, когда работа шла особенно хорошо, я сказалъ имъ, и попросилъ Власа передать оброчникамъ, что эти двадцать десятинъ, съ моимъ навозомъ и сѣменами, я готовъ сдать на будущій годъ, въ раздробь или вмѣстѣ, за деньги, за извѣстное число рабочихъ дней, или за половину хлѣба какой на нихъ выростетъ. Крестьяне подумали, покачали головами, и сдѣлали мнѣ вопросъ: „А если, батюшка Сергѣй Ильичъ, да на десятинахъ ничего не выростетъ?“—Я расхохотался, и нельзя было не разсмѣяться: Илья Спиридоновъ, задавшій мнѣ такой вопросъ, имѣлъ отъ роду пятьдесятъ лѣтъ, никогда не ходилъ въ Питеръ, и всю жизнь сидѣлъ на пашнѣ. При смѣхѣ моемъ онъ замялся какъ дитя, отпустившее уже слишкомъ большую наивность, и поспѣшилъ отозваться, что дѣло это совсѣмъ небывалое, и потому непривычное. „Такъ потолкуйте же между собою, сказалъ я, до посѣва еще далеко, а на землю у меня ужь являлись наемщики изъ казенной волости. Для васъ я готовъ отдать ее гораздо сходнѣе. Рѣшите между собой и назначьте ваши условія, а я стану ждать до перваго августа.“ Черезъ три дни охотни-

ковъ на землю явилось много; глядя на ихъ добрыя, честныя лица, я невольно порадовался, что буду имѣть дѣло съ такимъ надежнымъ народомъ. Кто просилъ одну десятину, кто собирался брать пять; объ условіяхъ умалчивалось. Наконецъ оказалось, что одни предлагаютъ мнѣ пятый снопъ со всего сбора, а другіе намѣрены расплатиться трехдневною работой. Напрасно говорилъ я, что по первой оцѣнкѣ я могу даже не получить сѣменъ выданныхъ для посѣва, а по второй останусь въ значительной потерѣ; даже отдаленной надежды на соглашеніе не оказывалось. Въ тотъ же день казенные крестьяне пришли, и снова предложили мнѣ половину сбора, и довольно большое количество возовъ соломы. Я прождалъ до августа, согласно условію, раза три указывалъ своимъ крестьянамъ на крестьянъ казенныхъ, и получалъ такіе отвѣты: „они народъ продувной, у нихъ шиломъ брѣются“, „извѣстно, люди торговые, имъ сподручнѣе“, „они у нашего брата всегда кусокъ изъподъ носу отнимутъ.“—„Любезные друзья, возражалъ я теряя терпѣніе, да кто же у васъ отнимаетъ кусокъ изъподъ носу? Поле никому не отдано, для васъ я готовъ сдѣлать сбавку. Берите его съ Богомъ; значитъ дѣло не пустое, коли чужіе мужики за пятнадцать верстъ хотятъ пріѣзжать и пахать мою землю.“ На это было мнѣ сказано, что казенный народъ извѣстные шаромыги, и что если я согласенъ взять пятый снопъ, то землю возьмутъ свои, и еще за меня будутъ молить Бога.

Истощивъ всѣ увѣщанія попустому, я отдалъ землю казеннымъ наемщикамъ.

При мызѣ моей находился садъ огромнаго размѣра, напоминавшій русскіе сады до-петровскаго времени, съ прямыми дорожками, грядами, кустами ягодъ, какъ ихъ описывалъ, кажется, господинъ Забѣлинъ. Яблонь и вишень въ немъ росло такое множество, что въ хорошій годъ съемщики давали намъ за нихъ рублей до тысячи. Меня всегда дивило не количество дохода, а то куда сбывалась вся масса этой кислятины, и чьи богатырскіе зубы справлялись съ нашими яблоками, имѣвшими весьма много общаго съ рѣпой. Какъ бы то ни было, вѣроятно афера оказывалась надежною, если за съемщиками дѣло не останавливалось. Нечего и говорить о томъ, что нанимали сады всегда крестьяне казенные или чужіе; не одинъ обитатель

Петровскаго имѣлъ въ сундукѣ болѣе тысячи рублей, но пустить ихъ въ оборотъ считалъ дѣломъ не хорошимъ. Съ этимъ не могъ бы совладать помѣщикъ и подѣльнѣе моей особы; но мнѣ показалось возможнымъ попробовать, чтобы крестьяне Петровскаго по крайней мѣрѣ извлекали себѣ выгоду посредствомъ подвоза плодовъ въ столицу, и другія мѣста продажи, а выгода была не шуточная: нѣсколько сотъ рублей ежегодно издерживалось съемщиками на подводы. Собираясь сдавать садъ, я спросилъ мужиковъ, не желаютъ ли они, чтобъ я черезъ нѣкоторую уступку въ цѣнѣ, обязалъ съемщика нанимать подводы исключительно въ Петровскомъ, и деревняхъ мнѣ принадлежавшихъ. Къ удивленію моему, я не только получилъ отказъ, но мнѣ было сказано, что съ самаго основанія мызы, за всѣ годы съемки садовъ, ни одинъ изъ крестьянъ нашихъ не поставлялъ съемщикамъ подводы, а что охотники являлись изъ чужихъ имѣній, часто изъ-подъ уѣзднаго города, то-есть верстъ за сорокъ. „Дѣло оно для насъ небывалое, было мнѣ сказано въ видѣ объясненія, да и наши телѣги не такія; съемщикамъ нужна телѣга большущая.“

— Такъ откуда жь у чужихъ мужиковъ большущія телѣги? спросилъ я стариковъ, съ которыми шла бесѣда.

— Нарочно для извоза заводятъ.

— Стало-быть есть же прибыль подвозить яблоки въ городъ, коли въ чужихъ деревняхъ не только заводятъ особыя телѣги, а еще пріѣзжаютъ за сорокъ верстъ наниматься.

— Какъ же не быть прибыли, батюшка Сергѣй Ильичъ! Извѣстное дѣло, иной подводчикъ разъ пять за осень въ Питерѣ побываетъ.

— Такъ отчего жь бы вамъ не заняться такимъ дѣломъ?

Старики задумались, а Демьянъ Павловъ рѣшилъ, что пожалуй еще заведешь большую телѣгу, а яблочникъ тебя прижимать станетъ, или цѣна за подвозъ будетъ худая.

— Нельзя ли по крайней мѣрѣ хоть разъ попробовать, продолжалъ я, не ослабѣвая въ своемъ рвеніи.—У меня на мызѣ есть свободныя телѣги, возьмите ихъ у меня, когда придетъ пора яблочнику нанимать подводы. Пусть какой-нибудь расторопный малый начнетъ дѣло; тутъ мы и увидимъ какая окажется прибыль.

Но и это предложеніе было принято такъ вяло, такъ неохотно, что съ наступленіемъ осени, я не счелъ нужнымъ на немъ настаивать. Въ концѣ августа, сынъ Ильи Спиридонова пришелъ было къ съемщику сада наниматься до Петербурга, и телѣга у него оказалась большущая; только запросилъ онъ ровно вдвое противъ той цѣны, за которую яблочникъ подряжалъ подводы за осьмнадцать верстъ отъ насъ, въ имѣніи уже извѣстной читателю Варвары Михайловны. Наемщикъ и нанимавшійся поругались, назвали другъ друга погаными жидами, и разошлись безъ всякой надежды на какое-нибудь соглашеніе. Скоро пришлось мнѣ испробовать и на себѣ, на сколько люди нашего края, безспорно весьма развитаго и промышленнаго, туги на все сколько-нибудь удаляющееся отъ вседневной рутины. Кажется, я упоминалъ въ первыхъ главахъ, что многіе оброчники и барщинники Петровскаго, изъ домохозяевъ, видя своихъ дѣтей-питерщиковъ возвращающихся съ заработковъ больными и наклонными къ пьянству, питали большое отвращеніе къ нашей сѣверной столицѣ; въ разговорахъ со мною, старики не разъ ругали петербургскіе нравы, жалѣли о молодежи покидавшей семьи, даже говорили, что и безъ Питера обойдтись можно, только не добавляли того, что обходясь безъ Питера, все-таки слѣдуетъ брать за свой трудъ цѣну такую же какъ въ Питерѣ. Не зная этой послѣдней претензіи, я думалъ оказать услугу нашимъ мудрецамъ, особенно Демьяну Павлову строже другихъ хранившему дѣтей своихъ отъ питерской заразы. Съ августа мѣсяца я предположилъ имѣть на мызѣ, для сада, и вообще для работъ не терпящихъ отлагательства, трехъ наемныхъ рабочихъ, съ моимъ продовольствіемъ. Въ полной увѣренности, что на такія покойныя и сытыя мѣста окажется бездна желающихъ, я поспѣшилъ предложить ихъ двумъ сыновьямъ Демьяна Павлова, и еще одному молодому парню Ивану Антипову, который разстроилъ свое здоровье на сигарной фабрикѣ, и повидимому былъ не прочь вернуться навсегда къ сельскимъ занятіямъ. Молодымъ людямъ было выгодно получить мѣста вблизи отъ семей, отцы ихъ поблагодарили меня очень искренно; но когда дѣло дошло до условій, я безъ труда убѣдился, что мои будущіе представители вольнаго труда считаютъ меня или безобразнымъ дуракомъ, или очень благодѣтельнымъ че-

ловѣкомъ. Каждый парень запросилъ съ меня по сту двадцати рублей за годъ, и въ добавокъ еще то что̀ на мызѣ отпускалось каждому дворовому въ натурѣ, то-есть платье, сапоги, полотно и такъ далѣе. Какъ ни былъ я терпѣливъ и пріученъ къ неумѣреннымъ требованіямъ, но тутъ долготерпѣніе показалось мнѣ вреднымъ, а простой разчетъ обнаружилъ, что разъ уступивши въ пустякахъ, я самъ себѣ испорчу всѣ виды на соглашеніе съ мужиками въ дѣлахъ болѣе важныхъ. Сказавъ мои условія, я далъ парнямъ три дня сроку, и отпустилъ ихъ безъ всякой съ ними бесѣды. Когда три дня прошли, и отвѣтъ пришелъ ко мнѣ тотъ же, я написалъ въ Жадрино, къ Латышу Карлу Карлычу, прося его поскорѣй добыть мнѣ трехъ рабочихъ изъ Эстляндіи [1].

Къ половинѣ осени прибыли ко мнѣ три Латыша, совершенно похожіе другъ на друга и на Карла Карлыча, хотя вовсе не приходились родней ни между собою, ни съ управляющимъ села Жадрина. Безъ всякаго торга и споровъ, они взяли по сорока пяти рублей въ годъ, а насчетъ удобства жизни только освѣдомились, можно ли у насъ имѣть какую-то дешевую рыбу, названія которой я не упомню. Довольство на мызѣ повергло ихъ въ восторгъ, и когда я прибавилъ къ ихъ жалованью по нѣскольку рублей на драгоцѣнную имъ рыбу, они отправили къ Карлу Карлычу гонца съ изъявленіемъ благодарности за мѣсто, а мнѣ объявили съ самымъ сумрачнымъ видомъ, будто ругаясь: „у тебя жить хорошо, и тебѣ будетъ хорошо, и работать будемъ хорошо, повѣрь.“

Такимъ образомъ собственно мои дѣла устраивались понемногу, или по крайней мѣрѣ понемногу обозначалась тропинка, по которой слѣдовало брести для ихъ устройства. Сдача луговъ и части поля на будущій годъ показывали, что я всегда могу разчитывать на нѣкоторое количество

---

[1] Прошелъ ровно годъ съ того времени, какъ набросаны въ черновомъ видѣ эти замѣтки, и годъ этотъ объяснилъ мнѣ многое, казавшееся тогда загадочнымъ. Теперь я знаю навѣрное, что мои простодушныя усилія на счетъ вольныхъ сдѣлокъ со своими крестьянами, только располагали ихъ къ нелѣпымъ и неисполнимымъ запросамъ. „Изъ-за чего онъ бьется нанимать *насъ* и отдавать *намъ* землю въ наймы?“ задавали они себѣ вопросъ и рѣшили его такъ: *„вѣрно ему начальство такъ велѣло,* значитъ крайность, и можно его поприжать въ условіяхъ.“

продовольствія нужнаго для мызы, а наемъ чухонцевъ за сходную цѣну служилъ началомъ вольнаго труда, которому, при мало-мальски сносныхъ результатахъ, я могъ придать болѣе широкіе размѣры. За то неудача моихъ усилій по части хозяйственныхъ сношеній съ моими бывшими подданными огорчала меня не на шутку. Наступилъ августъ, самый трудовой мѣсяцъ, августъ прошлаго 1861 года,—и долго нашъ край будетъ помнить этотъ несчастный мѣсяцъ кризиса! Ожиданіе крестьянами новой воли дошло до болѣзненной степени; при усиленной потребности въ работѣ, столкновенія ихъ съ помѣщиками стали чаще; къ ропоту барщинныхъ тружениковъ присоединился ропотъ оброчниковъ, которые въ Петербургѣ и по другимъ городамъ встрѣчали конкурренцію отъ скопленія своей братьи, а въ промыслахъ терпѣли неудачу отъ общаго безденежья. Часть молодежи вернулась изъ столицы и промышленныхъ центровъ не сыскавъ себѣ занятія, исхарчившись и наслушавшись вѣстей самыхъ безсмысленныхъ. По крестьянскимъ семьямъ разгорѣлись раздоры, начавшіеся уже съ весны и сказавшіеся частыми дѣлежами семействъ; молодые люди не хотѣли работать какъ всегда работали за августъ, то-есть съ восхода солнца до поздней ночи, ругались съ отцами, собирались отдѣлиться отъ нихъ осенью, а между тѣмъ проводили время шатаясь по кабакамъ или деревенскимъ праздникамъ. На бѣду и наша неласковая мать, сѣверная природа, сдѣлала всевозможное для большей тягости натянутаго положенія: отъ сильныхъ жаровъ яровые хлѣба поспѣли почти что въ одно время съ озимыми, а въ самомъ разгарѣ уборки начались проливные дожди, изрѣдка смѣнявшіеся не ясными днями, а сырою и туманною погодой. Даже при обыкновенномъ, спокойномъ ходѣ хозяйства, такое бѣдовое время принесло бы съ собой потери: можно себѣ представить какъ разыгралось оно при тогдашней неурядицѣ, при убавкѣ женскихъ рабочихъ дней на одну треть, и при тѣхъ проволочкахъ, какими сопровождалась всякая попытка найма рабочихъ!

За этимъ нестерпимымъ августомъ, какъ въ послѣдствіи оказалось, должна была начаться пора общаго отрезвленія; но кто могъ ждать ея такъ скоро, кто былъ вправѣ на нее разчитывать? Крестьяне не только не подавались ни на какія разумныя соглашенія, но сами какъ-то сбились

съ толку, и отъ продѣлокъ ребяческаго упорства переходили то къ совершенной апатіи, то къ какимъ-то нелѣпымъ нѣжностямъ, достойнымъ самыхъ худшихъ временъ крѣпостнаго раболѣпства передъ помѣщикомъ. Въ одинъ изъ немногихъ теплыхъ вечеровъ такъ памятнаго мнѣ августа мѣсяца, шелъ я по длинной березовой аллеѣ, изъ тѣхъ которыми еще мой покойный отецъ украсилъ почти всѣ дороги пролегавшія по его ближайшимъ владѣніямъ. Порядочная полоса поля страдала отъ этихъ аллей, разросшіяся деревья мѣшали скудному нашему солнцу пригрѣвать посѣвъ на нѣкоторое разстояніе отъ дороги, но никто изъ нашей семьи не дерзалъ поднять руки на почтенныя березы и липы такъ украшавшія всю мѣстность. Нѣкоторыя деревья, помоложе другихъ, показались мнѣ особенно чахлыми, пожелтѣвшими раньше срока; я осмотрѣлъ ихъ и безъ труда отличилъ слѣды отвратительнаго вандальства, невозможнаго нигдѣ кромѣ Россіи, и неизвѣстно какъ укоренившагося въ нашемъ кроткомъ народѣ. Бѣдныя деревья были ободраны со стороны поля, и только часть коры оставлена на нихъ съ той стороны, откуда проходящій могъ бы подсмотрѣть сдѣланное варварство. Кому мѣшали несчастныя березки, дававшія тѣнь путнику, и если портившія что-нибудь, то портившія полоску помѣщичьяго поля? И какая надобность оказывалась безобразить аллею, когда въ лѣсу за двѣсти шаговъ росло все что̀ угодно, и еще вдали отъ присмотра? Какъ ни горька показалась мнѣ эта гадость, но взыскивать за нее я и не хотѣлъ, да и не могъ бы: березы обдираются весной, для сладкаго вещества около коры; смѣшно было бы передъ осенью поднимать хлопоты изъ-за школьничества давно сдѣланнаго. Тѣмъ не менѣе, въ тотъ вечеръ я какъ-то былъ расположенъ на все глядѣть съ унынiемъ, и десятка два погубленныхъ деревьевъ огорчили меня хуже иного серіознаго затрудненія по хозяйству. Сколько нравственной порчи и горькихъ слѣдовъ рабства, думалъ я, сказалось въ этомъ пустомъ дѣлѣ. Аллея стояла безъ вреда цѣлые годы, и первая весна, принесшая народу столько свѣтлыхъ перемѣнъ, ознаменовала себя попытками безжалостнаго истребленія. Наконецъ, еслибы самый вредъ былъ нанесенъ открыто, онъ потерялъ бы хотя часть своей гадости; но этотъ обманъ глаза, эти полоски коры, искусно оставленныя на виду, просто

возмущаютъ душу. Отъ этихъ мыслей я перешелъ къ другимъ столько же нерѣшительнымъ и мало-по-малу задумался, такъ что не обратилъ никакого вниманія на длинную вереницу телѣгъ, людей и лошадей, пронесшихся мимо меня какъ на пожаръ и порядочно забрызгавшихъ меня грязью. Когда эта орава осталась за мной, въ сторонѣ мызы, я въ самомъ дѣлѣ подумалъ не случилось ли чего-нибудь и оглянулся; но крестьяне сидѣвшіе на телѣгахъ и лошадяхъ, хохотали, кричали что-то веселымъ хоромъ и не имѣли вида особъ чѣмъ-нибудь встревоженныхъ. Кончивъ прогулку, я вернулся домой и даже ни разу не подумалъ о томъ чтобы могла значить кавалькада рабочихъ, такъ оживившихся на этотъ вечеръ.

Въ слѣдующій затѣмъ день работы оказывалось много, и люди работали лучше обыкновеннаго, но съ какимъ-то боязливымъ усердіемъ. Старики вели себя какъ всегда, но молодые парни какъ-то уклонялись отъ моего взгляда, робко отвѣчали на мои вопросы и отъ разговора бросались къ своимъ охапкамъ сѣна, съ такимъ рвеніемъ, съ какимъ прежде старались отойдти отъ сѣна и поболтать о чемъ придется. За то староста Власъ и сельскій старшина обходились со мной сухо, почти сурово, какъ бывало это всегда, когда они признавали меня непростительно слабымъ. Я собрался было спросить ихъ наединѣ о причинахъ такой немилости; но вечеромъ пришла почта, и у меня изъ головы вышли всякіе разспросы, не только на этотъ день, но еще дня на два.

На Петровской мызѣ ведется обыкновеніемъ всякій разъ когда приходится полупраздникъ, то-есть день уважаемый въ народѣ, но не ведущій съ собою прекращенія работы, посылать барщинникамъ на поле нѣкоторое болѣе или менѣе скромное угощеніе. Въ лѣто такихъ дней выдается около десяти, напримѣръ Петровъ день, Спасъ Маккавея, праздникъ Казанской Богоматери, стало-быть наша патріархальная любезность не можетъ назваться разорительною. Приходился одинъ изъ такихъ дней, и я далъ приказаніе чтобы кушанье приготовили поразнообразнѣе и вина отпустили побольше, такъ какъ работа дѣйствительно приходилась тяжелѣе обычной работы. Провозившись съ дѣтьми все утро, я пріѣхалъ на дальній покосъ, гдѣ совершалась трапеза, послѣ второй и послѣдней чарки.

Напиться было не изъ чего, весь обѣдъ стоилъ нѣсколькихъ рублей, если его перевести на деньги; но рабочіе, усиленные оброчниками отбывшими день смѣшанной повинности, встрѣтили меня такъ какъ будто бы я устроилъ для нихъ пиръ Вальтазара, только безъ руки начертавшей на стѣнѣ роковыя буквы. Демьянъ Павловъ, Федоръ Васильевъ, Илья Спиридоновъ, Кузьма Алексѣевъ и другіе сѣдобородые богачи, имѣющіе возможность каждый день обѣдать гораздо лучше, проливали слезы, будто какіе-нибудь дѣйствительные тайные совѣтники на своемъ юбилеѣ, послѣ огромныхъ трюфелей и столѣтняго рейнвейна. Меня окружили, осыпали благодарностями и ласковыми словами, даже пытались цѣловать мою руку,—обычай такъ давно уже брошенный въ нашемъ краѣ, что сами лобызатели усовѣстились, увидя съ какою досадой поспѣшилъ я спрятать обѣ руки по карманамъ. „Не позабылъ ты насъ, кормилецъ,“ голосила тоненькою фистулой баба, похожая ростомъ и плечами на гвардейскаго кирасира.—„Вотъ словно я смотрю на батюшку твоего,“ такъ же жалобно прибавлялъ Илья Спиридоновъ, „и онъ былъ нашъ отецъ, и ты также. За хлѣбъ за соль благодарны твоей милости. Не забывай насъ и впередъ, и безъ воли и съ волей. Мы за тобой всегда будемъ какъ были прежде. Убей меня Богъ, коли я въ чемъ стану перечить твоей милости.“—„Не угощенье твое дорого, громче другихъ возвысилъ свой голосъ братъ старосты, Ѳедоръ Васильевъ,—дорого намъ, то что ты на нашихъ ёрникахъ зла не помнишь.“

Я было не обратилъ вниманія на послѣднее привѣтствіе, но примѣтилъ около себя кучку крестьянъ чѣмъ-то сконфуженныхъ, и то собиравшихся подступить ко мнѣ, то переминавшихся съ ноги на ногу. Это были тѣ самые люди, которые на послѣднихъ работахъ вели себя какъ-то боязливо. „Что же мямлите? повинитесь!“ крикнулъ имъ Кузьма Алексѣевъ, соперникъ Власа по вліянію на рѣшенія міра,—„грязью бросаться умѣете, а на доброе слово языка нѣту!“

Десятка полтора парней, составлявшихъ кучку, подошли и низко поклонились.

За хлѣбъ за соль благодаримъ, батюшка Сергѣй Ильичъ, много виноваты передъ тобой и прощенія просимъ.

— Въ чемъ прощенія? съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Сами знаете, батюшка, намъ и вспоминать-то не приходится.

— Ничего не понимаю; и работали вы эти дни какъ слѣдуетъ.

— Батюшка Сергѣй Ильичъ, не выдержавъ, вмѣшался Демьянъ Павловъ,— да какже въ запрошлый понедѣльникъ, вечеромъ, эти сорванцы... и разказать стыдно!..

— Ничего не помню я за понедѣльникъ, отвѣчалъ я, въ самомъ дѣлѣ не припоминая ничего особеннаго.

Наконецъ, довольно безтолковымъ образомъ было мнѣ объяснено, что въ тотъ вечеръ, когда я сокрушался о загубленныхъ березкахъ, рабочіе возвращавшіеся съ покоса совершили со мною то, что̀ на языкѣ образованныхъ сословій называется непріязненною демонстраціей. Они припустили лошадей, подняли крикъ, и, не снимая шапокъ, пронеслись мимо бывшаго своего властелина какъ подобаетъ удалымъ и вольнымъ наѣздникамъ. При этомъ былъ я забрызганъ грязью, что̀ впрочемъ случилось бы, еслибы нѣсколько телѣгъ проѣхали мимо моей высокой особы и безъ всякаго свирѣпаго намѣренія. Выслушавъ признанія и показанія по поводу такого преступнаго нарушенія всѣхъ человѣческихъ законовъ, я принялъ глубокомысленный видъ и объявилъ, что такъ какъ обида причиненная мнѣ осталась совершенно незамѣченною, то и гнѣваться за нее я не считаю себя въ правѣ.

Послѣ описанной трапезы, всѣ *личныя* мои сношенія съ крестьянами приняли характеръ очень мягкій и пріятельскій, но по хозяйственнымъ дѣламъ никакихъ соглашеній между нами все еще не устраивалось, и всѣ мои попытки кончались лишь на одномъ добромъ намѣреніи.

II. Битва амазонокъ.

Я сказалъ уже, что прошлое лѣто мать-природа вела себя хуже всякой мачихи для нашего края, и что вслѣдствіе іюльскихъ жаровъ яровые хлѣба вызрѣли почти въ одно время съ озимыми. Между обѣими жатвами оказывалось не съ большимъ десять дней разстоянія, а какъ и сѣнокосъ не пришелъ къ концу, то всѣ работы набѣжали одна на другую, такъ что безъ наемныхъ людей, и въ большомъ

количествѣ, нельзя было пошевелиться. У насъ, неизвѣстно почему, хлѣбъ жнутъ серпами, а не косятъ; въ сараяхъ Петровской мызы, правда, валялись большія косы съ грабельками, давно принятыя вездѣ, гдѣ не любятъ тратить время попустому, но ихъ ни разу не употребляли въ дѣло, и рабочіе владѣть ими не пріучились. Посовѣтовавшись со старостой Власомъ, я рѣшился не отрывать нашихъ женщинъ отъ занятій по уборкѣ сѣна, а всю жатву произвести наймомъ съ платой подесятинно. Требовалось большое количество женщинъ расторопныхъ и способныхъ пользоваться каждымъ выгоднымъ часомъ перемѣнной погоды. Какъ ни былъ я разочарованъ прежними моими попытками относительно найма своихъ крестьянъ для вольной работы, а все-таки счелъ своею обязанностью предоставить возможность хорошихъ заработковъ имъ или вѣрнѣе ихъ женамъ „Можетъ-быть прекрасный полъ и положитъ начало нашимъ новымъ сосѣдскимъ сношеніямъ,“ думалъ я: „на женщинѣ, сколько я могъ замѣтить, опьяненіе воли дѣйствуетъ довольно слабо.“ Итакъ, дождавшись времени, когда рожь порядочно пожелтѣла, я назначилъ утро для переговоровъ съ желающими наняться и сверхъ того познакомилъ съ моимъ намѣреніемъ всѣхъ крестьянъ, съ какими только встрѣтился на работахъ.

Въ назначенный день, ранѣе шести часовъ, сестра прислала просить меня, чтобъ я всталъ и скорѣе покончилъ съ собравшимися бабами; онѣ стеклись на дворикѣ, вблизи дѣтскихъ комнатъ дома, а собравшись, подняли такой крикъ, что малютки повскакали съ постелей и прислуга встревожилась. Изъ моей спальни, находившейся на противоположномъ концѣ длиннаго дома, слышался большой шумъ, похожій на стукъ множества деревянныхъ колотушекъ на маслобойнѣ: очевидно, что женщины не бранились между собой и не свирѣпствовали, а вели простую утреннюю бесѣду. Я вышелъ къ нимъ какъ можно скорѣе. Всѣхъ охотницъ наниматься пришло до шестидесяти; къ удовольствію моему, всѣ оказались изъ Петровскаго и сосѣднихъ выселковъ. Каждая имѣла при себѣ серпъ и кошель съ провизіей, въ уголку двора стояло нѣсколько люлекъ съ крошечными дѣтьми, каждая колыбелька висѣла на трехъ шестахъ, какъ котелокъ, въ которомъ извощики по дорогамъ варятъ себѣ кашу. При появленіи моемъ, меня привѣтствовали

дружелюбно, но разговоръ не прекратился, и пришлось прождать нѣсколько минутъ пока бабы рѣшали точно ли Праскухина сестра воровка, и за что Дуняшкинъ отецъ подрался съ пономаремъ въ воскресенье.

Женщины нашихъ мѣстъ представляютъ типъ лица вполнѣ русскій, черноволосыхъ между ними почти нѣтъ, сложены онѣ сильно и стройно, но къ сожалѣнію, за наше короткое лѣто, въ теченіи котораго огромная часть работъ падаетъ на ихъ долю, онѣ бываютъ изнурены, и это періодическое изнуреніе не остается безъ вредныхъ послѣдствій. Говорятъ, что въ старое время, до оброка и питерщиковъ, старухи лѣтъ восьмидесяти не были рѣдкостью; теперь же, когда на бабахъ и дѣвушкахъ часто остается цѣлый домъ, онѣ быстро старѣются и падаютъ въ силахъ. Кромѣ мужскаго *абсентеизма*, женщинамъ нашимъ вредитъ отсутствіе той домовитости, которая дѣлаетъ напримѣръ Малороссіянку, безъ тяжелыхъ полевыхъ работъ, дорогою помощницей по хозяйству. Въ огородѣ работаютъ онѣ мало, со скотомъ и домашнею птицей обходятся небрежно, а между тѣмъ безропотно идутъ за сохой на дрянномъ клочкѣ выпаханной земли, съ котораго за весь трудъ достанется два четверика жита. По обычаямъ своимъ онѣ представляютъ смѣсь добра и зла, безмѣрнаго трудолюбія и неряшества, безотвѣтности и сварливости. И по наружности наша женщина не совсѣмъ обыкновенна: на праздничной порѣ вся въ лентахъ и галунахъ, въ шелковомъ сарафанѣ, она глядитъ не крестьянкою, а купчихой; за то, отправляясь на работу, прикрываетъ себя такимъ рубищемъ, отъ какого на югѣ Россіи иная нищая съ отвращеніемъ отвернется.

Такъ какъ особы явившіяся толковать со мною уже были совершенно готовы къ работѣ, то само собой разумѣется онѣ имѣли видъ компаніи питающейся подаяніемъ. Не хотѣлъ бы я чтобы кто-нибудь изъ друзей моихъ, считавшихъ меня за порядочнаго человѣка, увидалъ это собраніе женщинъ мнѣ подвластныхъ; при нашей готовности все обозрѣвать съ наскоку, au vol d'oiseau, онъ неминуемо назвалъ бы меня гнуснымъ плантаторомъ, раззорителемъ и утѣснителемъ меньшихъ братій. Даже на меня, помимо моей воли, эта скаредность въ убранствѣ имѣла вліяніе: я рѣшился выказать почти неограниченную сговорчивость.

Но казалось, женщины даже не желали подвергать меня хлопотливой процедурѣ переговоровъ. Едва я успѣлъ водворить нѣкоторое молчаніе и сказать нѣсколько словъ, какъ ближайшая ко мнѣ старушонка, съ лицомъ въ видѣ сморчка, повернулась къ воротамъ и сказала:

— Да ужь мы сами разберемся по десятинамъ, батюшка Сергѣй Ильичъ; нечего копаться безъ толку, того и гляди дождище еще припуститъ.

И она пошла со двора; другія бабы бросились кто къ кошелю, кто къ люлькѣ.

— Стой, стой, стой, возгласилъ я въ недоумѣніи.—Да какъ же вы пойдете на поле, коли мы еще въ цѣнѣ не порядились?

— Какой тутъ рядъ, возразила проходившая мимо меня очень красивая дѣвушка, отъ загара похожая на негритянку,—ужь отъ васъ нашей сестрѣ обиды не будетъ.

— Извѣстное дѣло, подхватило нѣсколько голосовъ,—съ вами ли, батюшка, станемъ мы торговаться!

— Остановитесь, неосмотрительныя поселянки! заговорилъ я слогомъ старинныхъ повѣстей и романовъ:—такъ для меня обойдется слишкомъ дорого. Вы не знаете того, что я большой скряга. Говорите вашу цѣну съ десятины; безъ ряды я не позволю никому работать.

Женщины остановились.

— Что̀ дадите, то и ладно, сказала одна, менѣе другихъ оборванная.

— Что̀ дадите, то и ладно. Кто же съ вами станетъ торговаться? Да развѣ вы не нашъ баринъ? добавили другія, справа и слѣва.

— Однако торговаться все-таки придется, возразилъ я, и обратился къ патріарху Власу Васильеву, стоявшему у крыльца съ такимъ видомъ, который говорилъ яснѣе всякой рѣчи: вотъ сейчасъ примется швырять деньги безъ толку!— Власъ Васильичъ, не извольте хмуриться, денегъ швырять мы не станемъ. У нашего посредника свои женщины наняты жать поле: по скольку взялись онѣ у Владиміра Матвѣича?

— Тѣ, что̀ возлѣ мызы, по два съ полтиной, дальнія—по три рубли съ десятины, отвѣчалъ Власъ, и лицо его просіяло.

За то бабы и дѣвушки выразили на лицахъ неудовольствіе.

— Вы слышали, сказалъ я имъ, и не удержался отъ глупаго желанія пощеголять щедростію, хотя хорошо зналъ, что цѣны принятыя у Матвѣева навѣрно разумны и безобидны.—Женщинамъ изъ Петровскаго я предлагаю по три съ полтиной за десятину, и по четыре тѣмъ, которыя изъ деревень дальнихъ.

Власъ Васильевъ отвернулся и махнулъ рукою. Но женщины повидимому думали иначе.

— Что это, батюшка, кисло сказала та самая баба, которая громче всѣхъ изъявляла невозможность торговаться съ бариномъ,—такихъ и цѣнъ не слыхано: ты говори дѣло; кто же пойдетъ ползать по десятинѣ за три съ полтиной?

— Извѣстное дѣло, ровно намъ своей работы мало!

— Слышите, дѣвки, три съ полтиной, во-какъ баринъ расщедрился!

— Нѣтъ, батюшка, прощенья просимъ, только утро прогуляли напрасно! Ишь ты, три съ полтиной за десятину!

— А какъ же у Матвѣева жнутъ за два съ полтиной? спросилъ я у женщины больше другихъ негодовавшей.

— Матвѣевъ извѣстно посредственникъ; на то и посредственникъ, чтобъ приневолить, отозвалась она безъ запинки.—Какія деньги два съ полтиной!

— Извѣстно, какія это деньги, подхватили женщины хоромъ.

— Будто ужь Матвѣевъ такой сердитый? спросилъ я, выжидая, что можетъ-быть собесѣдницы утомятся болтовней и опомнятся.

— Извѣстно что злющій, такого нехристя и не бывало.

— Конечно, злющій, приговорили всѣ бабы,—по два съ полтиной за десятину!

— Дуры вы, дуры! покачавши головой, замѣтилъ Власъ Васильевъ съ выраженіемъ полнѣйшаго презрѣнія: — а какая же бы ваша цѣна, сороки подтыканныя?

— Ужь по шести рублей положьте, батюшка Сергѣй Ильичъ, сказали женщины, видимо уклоняясь отъ всякихъ словопреній съ Власомъ.—Шесть рублей петровскимъ, а дальнимъ ужь что сами прибавите.

— Ужь дальнимъ по рублику накиньте, батюшка! пропищала изъ заднихъ рядовъ одна дѣвушка.

— И сбавки никакой не будетъ? спросилъ я.

— Какая тутъ сбавка? И то только для вашей милости!

— Ну такъ отправляйтесь по домамъ; такой цѣны я не дамъ, и толковать намъ нечего.

Нельзя было не подивиться упорству женщинъ: ни одна не запросила пяти рублей, ни одна не попыталась даже продлить совѣщаніе. Онѣ видимо считали меня доведеннымъ до крайности, обреченнымъ на всевозможныя уступки. И дѣйствительно передъ моимъ воображеніемъ носилась картина моихъ полей, покрытыхъ побѣлѣвшимъ, осыпавшимся, несжатымъ хлѣбомъ. Я всегда отличался порядочнымъ хладнокровіемъ къ земнымъ благамъ; но помимо всѣхъ потерь и денежныхъ разчетовъ, въ перспективѣ разрушающагося сельскаго хозяйства имѣется нѣчто такое, о чемъ не имѣютъ даже приблизительнаго понятія городскіе жители. У насъ въ Россіи, около большихъ центровъ населенія, народъ гульливѣе и очень распущенъ по части хлѣбопашества; такъ подъ Петербургомъ, и въ хорошіе годы мнѣ удавалось осенью, послѣ морозовъ, видѣть крестьянскія яровыя поля съ несжатымъ, перезрѣвшимъ и будто кинутымъ хлѣбомъ; не могу выразить какъ грустно и оскорбительно такое зрѣлище.

Власъ Васильевъ, не обращая вниманія на нерѣшительность, съ какою я все еще стоялъ середи двора, выпроводилъ женщинъ очень скоро. Иногда и глупость бываетъ полезна, и неразумное возвышеніе цѣны, которое я себѣ позволилъ, имѣя разумную норму въ цѣнахъ принятыхъ Матвѣевымъ, возбудило въ моемъ старостѣ энергію, не соотвѣтствующую его лѣтамъ. Онъ подошелъ ко мнѣ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Батюшка Сергѣй Ильичъ, сказалъ онъ,—да вѣдь эдакъ нанимать людей, какъ ты нанимаешь, и малое дитя не станетъ. Малое дитя не будетъ набавлять по рублю изъ своего кармана, когда старые хозяева разъ устроили настоящую цѣну. Деньги тебѣ надоѣли что ли? А вѣдь кажись этотъ годъ денегъ тебѣ и хлѣба-то не больно много придется. Вели-ка мнѣ дать телѣгу, да чтобы садовниковъ сынъ Иванъ со мной верхомъ поѣхалъ: мы тебѣ найдемъ работницъ за тѣ же деньги что у Владиміра Матвѣича.

Я конечно согласился и только спросилъ, откуда же Власъ надѣется добыть работницъ.

— Слава Богу, земля не клиномъ сошлась, отвѣчалъ онъ внушительно.—Еслибы ты раньше сказалъ, что собираешься нанимать бабъ для жнитвы, къ тебѣ бы пришли и солдатки, и бобылки отъ сосѣдей, и крестьянки изъ казенныхъ волостей; тогда и свое-то бабье не стало бы попустому ломаться. Только и ты, батюшка, пока меня здѣсь не будетъ, не поддавайся на сдѣлку съ своими. Хотятъ браться—берись пока я не уѣхалъ, а ужь потомъ и на дворъ не пускай ихъ, лоскутницъ. Да ужь я лучше брата Ѳедора попрошу, чтобъ онъ сегодня у тебя на мызѣ приглядывалъ.

Я не могъ не разсмѣяться усердію Власа, не совсѣмъ для меня лестному. Опасаясь, чтобъ я не сотворилъ какихъ-нибудь постыдныхъ уступокъ своимъ женщинамъ, онъ поручалъ и меня и дѣла по мызѣ надзору своего брата Ѳедора.

— Ужь ты себѣ смѣйся тамъ или не смѣйся, прибавилъ Власъ, очевидно обезоруженный моимъ послушаніемъ,—а я все-таки велю Ѳедору, чтобъ онъ всякую бабу отсюда гналъ въ три шеи. Нельзя, батюшка Сергѣй Ильичъ; въ нашемъ полевомъ дѣлѣ разчетъ нуженъ. Сегодня кинешь рубль, завтра вышвырнешь три, а потомъ хватишься въ карманъ, а въ горсти дыра будетъ.

Поѣздка старика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, женщины наняты были за три рубля подесятинно, и черезъ день цѣлая толпа наемныхъ работницъ разсыпалась по полю. Предосторожность насчетъ уступокъ и бдительность брата Ѳедора оказались лишними; за все время пока Власъ былъ въ отлучкѣ ни одна женщина изъ Петровскаго не предлагала ни малѣйшей сбавки. Но когда онъ пріѣхалъ съ довольнымъ лицомъ и когда первая партія нанявшихся изъ сосѣдняго малоземельнаго имѣнія пришла на мызу, упорство смѣнилось совершеннымъ малодушіемъ. Свои бабы стали забѣгать одна передъ другою, предлагая наняться за ту же цѣну, за которую нанялись женщины пришлыя; вслѣдъ за тѣмъ бо́льшая часть женщинъ упрямившихся наканунѣ пришла просить меня, чтобъ я прогналъ съ поля чужихъ мерзавокъ и передалъ работу своимъ, чтобъ и на людей намъ глядѣть было не стыдно. Само

собой разумѣется, я выгналъ самихъ предлагальщицъ, и только согласился, чтобы на десятины, которыя окажутся еще свободными, были поставлены свои бабы по найму, но не иначе какъ съ согласія и по распоряженію Власа, на предостереженія котораго онѣ недавно и глядѣть не хотѣли.

Прошло два дня, погода стояла сносная. Нанявшіяся женщины словно поселились на полѣ, которое взялись выжать: гдѣ онѣ ночевали? варили ли онѣ себѣ теплую пищу? это оставалось для меня загадкою; никто не видалъ ихъ около мызы, въ деревни около Петровскаго заходили онѣ неохотно, потому что наши бабы, негодуя на конкурренцію, жестоко ругались и даже собирались посчитаться съ бродягами отнявшими у нихъ кусокъ изъ-подъ носа. Желая поглядѣть какъ идетъ дѣло у новыхъ труженицъ, я собрался въ поле, и тутъ въ первый разъ на своихъ земляхъ увидѣлъ дѣйствительный вольный трудъ, безъ надзора и побужденія кипѣвшій такъ что глазу легко было слѣдить за постепенно-обнажавшимися десятинами. Всѣ условія были соединены для того чтобы трудъ шелъ въ совершенствѣ, назначенная цѣна казалась весьма почтенною для женщинъ неизбалованныхъ легкостью добыванія наличныхъ денегъ, а между тѣмъ онѣ знали, что, поскорѣй покончивъ съ моимъ полемъ, выгадаютъ себѣ еще нѣсколько дней и снова наймутся жать гдѣ-нибудь по сосѣдству. Было что-то тягостное въ этомъ неумѣренномъ, лихорадочномъ, трудѣ, тѣмъ болѣе что въ немъ принимали участіе и старухи изнуренныя цѣлою жизнью тяжкой работы, и дѣвочки едва вышедшія изъ младенчества: всякая работница, ставши на десятину, притащила съ собой и мать и сестренокъ, все чѣмъ могла только располагать себѣ въ помощь. Едва переводя духъ, не давая себѣ минуты отдыха и не разгибаясь, бѣдныя жницы усиленно хватали рожь огромными прядями, срѣзывали и клали ее въ снопы страшнаго объема, выгадывая тѣмъ едва замѣтную частичку времени отъ вязки. Я видѣлъ передъ собой дѣйствительную *страду*, какъ называютъ труды по уборкѣ хлѣба въ черноземныхъ губерніяхъ. Поздоровавшись съ женщинами и едва сказавши нѣсколько словъ, я убѣдился, что тутъ даже простой разговоръ невозможенъ: жницы въ простыхъ отвѣтахъ видѣли потерю времени; для отвѣта слѣдовало разогнуться и опустить руку съ серпомъ, а дорогое время не ждало.

Задумавшись, я отошелъ въ сторону и пережилъ нѣсколько минутъ, о которыхъ не можетъ имѣть понятія самый чувствительный городской филантропъ, сострадающій народу лишь со словъ глупыхъ чувствительныхъ книжекъ, писанныхъ людьми никогда не видавшими народа.

Сердце мое тосковало и болѣло за бѣдныхъ жницъ, безъ приказу и понужденій исполнявшихъ то, чего бы не могли сработать, подъ глазами самаго жаднаго плантатора, тройное количество невольницъ. Что могъ я для нихъ сдѣлать, какая мѣра была бы способна усладить эту мучительную работу, хотя отчасти умягчить неразлучное съ ней изнуреніе? Сказать имъ, что дѣло не къ спѣху, что торопливости мнѣ не надо?—но онѣ торопились вовсе не для моего удовольствія, а чтобы скорѣй освободиться для новаго найма. Объявить, что я прибавляю какую-нибудь сумму къ условленной платѣ?—Это бы конечно ихъ порадовало, но не дало бы лишней минуты отдыха ни одной измореннной старушкѣ, ни одной дѣвочкѣ работавшей черезъ силу. И что могла значить такая грошовая благостыня, случайная, произвольная, истекшая изъ минутной прихоти? Чтобы не сдѣлать подарка похожимъ на подаяніе, я собрался было сообщить, что женщинамъ особенно скоро кончившимъ дѣло, пойдетъ нѣкоторое вознагражденіе съ десятины, но къ счастію тотчасъ же удержался: это значило къ лихорадкѣ простой торопливости прибавить еще лихорадку соревнованія. А между тѣмъ я не былъ въ силахъ уйдти съ поля, не придумавши чего-нибудь, хотя бы безполезнаго, хотя бы глупаго. Я очень хорошо видѣлъ, что съ такими стремленіями не сдѣлаться мнѣ хозяиномъ мало-мальски сноснымъ, но что жь сдѣлать?—на счастье мое я и не былъ поставленъ въ необходимость быть хорошимъ хозяиномъ. Пока я колебался въ такихъ мысляхъ дождь, накрапывавшій все утро, усилился и положилъ на короткое время предѣлъ горячей работѣ. Женщины собрались въ кучки, поскорѣе составили снопы какъ слѣдуетъ и сѣли около: матери стали кормить ребятишекъ, дѣвушки и свободныя отъ дѣтей молодицы вынули изъ кошелей хлѣбъ; у немногихъ оказалась въ ведерочкахъ жидкая и холодная каша; на бѣду и пора стояла постная. Я подсѣлъ къ одному кружку и спросилъ одну худенькую бабу, глодавшую черствую корку хлѣба, изъ какой онѣ деревни.

— Изъ Дьячковой Горки, батюшка, отвѣчала она,—можетъ-быть знаешь—Антроповой помѣщицы. Отсюда верстъ шесть будетъ.

— Знаю, отвѣчалъ я,—и тебя какъ будто знаю, только не могу вспомнить гдѣ видѣлъ.

— А мужъ мой Егоръ у тебя года два въ кучерахъ нанимался. Бывала я и въ мызѣ твоей не разъ, и сестрицу твою знала; она меня, спасибо, отъ глазъ вылѣчила.

— Что же Егоръ, развѣ теперь безъ мѣста?

— Какъ безъ мѣста, батюшка! Въ Питерѣ, у генерала Брыкина, по десяти рублей получаетъ. И сына на фабрику отдалъ, за восемь въ мѣсяцъ.

— Такъ зачѣмъ же ты, больная такая, работаешь черезъ силу? Могли бы они оба о тебѣ позаботиться.

— Э, батюшка Сергѣй Ильичъ, извѣстно ужь какая у мужика про старуху забота! Жаловаться не могу, на хлѣбъ высылаютъ, недавно и платокъ прислали со своимъ парнишкой; ну, а деньги ужь сама добывай какъ знаешь.

— Отъ питерщиковъ-то, прибавила сидѣвшая возлѣ молодая женщина,—женамъ да матерямъ не перепадетъ лишней копѣйки. Коли завелось что въ кошелѣ, на то тамъ водятся свои подхалимки, и не замѣтишь какъ вытянутъ.

— Куда жь вы ходите ночевать съ моего поля? опять спросилъ я у старушки.

— Да никуда, батюшка, отвѣчала она, вынимая другую краюшку засохшаго хлѣба.

— Какъ никуда?.. вскричалъ я съ изумленіемъ.

— Дочка ходила прошлую ночь домой, а мнѣ не подъ силу. Матрену съ дѣтьми (старуха показала на сосѣдній кружокъ) въ Бобровѣ пустили заночевать, а ваши петровскія не пустятъ; бабы у васъ больно на насъ разозлились. Такъ вотъ здѣсь между снопками и приляжешь.

Мнѣ стало и совѣстно и досадно на себя. Я умѣлъ безплодно соболѣзновать о томъ чему пособить не былъ въ силахъ, а не догадался, нанимая работницъ, принять какую-нибудь мѣру для ихъ удобства. Изъ-за моего хозяйственаго тупоумія, усталыя жницы должны были или тратить часть ночи на двѣнадцативерстный путь, къ дому и обратно, или лежать подъ открытымъ небомъ, между мокрыми снопами. „Да что жь вы не придете на мызу, отчего вы не

ЛАРИНСКАЯ ГИМНАЗІЯ.

ночуете на мызѣ?“ спросилъ я уже говорившую со мной женщину.

— На мызѣ намъ всѣмъ и мѣста не будетъ, отвѣчала она,— да и твои-то люди, хоть и дворовые, а все-таки стоятъ за петровскихъ; извѣстно, у кого тетка, у кого кума въ деревнѣ.

— А ужь если ты, батюшка, сказала молодая догадливая баба, прозывавшаяся Матреною,—если ты хочешь намъ какое ни-на-есть добро сдѣлать, такъ велѣлъ бы ты отворить вотъ эту хоромину, тутъ намъ всѣмъ будетъ мѣста и поспать, и отъ дождя укрыться. И она указала на каменное строеніе на краю поля, въ которомъ помѣщались овины и токъ для молотьбы хлѣба. Такъ какъ до этой послѣдней операціи оставалось много времени, то строеніе стояло совсѣмъ свободное; но ворота его, задвинутые тяжелыми засовами, словно охраняли Богъ вѣсть какія сокровища.

Тутъ же я далъ обѣщаніе сдѣлать всѣ распоряженія для отвода хоромины, снабженія ея соломой для спанья, а можетъ-быть кое-чѣмъ и по съѣстной части. Воротясь домой, я передалъ все дѣло сестрѣ и вздохнулъ покойнѣе: я не могъ сдать его въ лучшія руки. Къ вечеру, она сама сходила навѣстить работницъ, и вѣроятно ея распоряженія были дѣльны, потому что женщины нашего Петровскаго, какъ сейчасъ окажется, разсердились еще пуще на пришлыхъ негодницъ.

Почти все озимое поле было выжато съ такою быстротой, что нѣкоторая часть денегъ истраченныхъ мною на наемъ работницъ должна была вернуться ко мнѣ черезъ экономію времени: въ прежнюю пору, при болѣе-медленномъ трудѣ, хлѣба должно было осыпаться на поле гораздо болѣе. Когда наступилъ вечеръ субботы, жнитва осталось такъ не много, что самыя усердныя работницы сочли возможнымъ дать себѣ отдыхъ и провести праздничный день у себя дома. Проработавъ до девятаго часа вечера, онѣ тронулись густою толпой, съ пѣснями, мимо мызы и сада; такъ какъ всѣ онѣ были наняты въ одномъ краю, то почти всѣмъ имъ путь лежалъ черезъ Петровское. Вечеръ былъ теплый и ясный, у сестры находились въ это время Варвара Михайловна съ дѣтьми и наша драгоцѣнная, хорошо извѣстная читателю, барышня Олимпіада Павловна.

Мы сидѣли на балконѣ, выходившемъ въ садъ; Варвара Михайловна передавала намъ не только придворныя извѣстія, но даже аристократическія новости, сообщенныя ей изъ Эмса и Баденъ-Бадена; барышня же Чемезова, ни мало не оробѣвшая отъ такихъ возвышенныхъ разговоровъ, сообщала какъ ея дѣвка причесывающаяся à la Помпадуръ продрала въ Петербургѣ съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ, на прощаньѣ поругалась съ помѣщицей, и не выживши въ столицѣ мѣсяца, вернулась подъ прежній кровъ къ Олимпіадѣ Павловнѣ, тощая, смиренная и едва не умершая съ голода. Все это было приправлено энергическими фразами и игривыми комментаріями, за которые мы съ Владиміромъ Матвѣевичемъ такъ обожали нашу сосѣдку.

Двѣ Англичанки,—живущая при моихъ племянникахъ и Англичанка Варвары Михайловны,—подобно двумъ принцессамъ, ходили надъ самою рѣкой, не вдалекѣ отъ балкона. Пѣсни жницъ имъ понравились; онѣ подошли еще ближе къ водѣ, взошли на горку, съ которой видна была дорога извивавшаяся по берегу, между кустами хмѣля, крестьянскими анбарушками и банями. Вдругъ пѣніе прекратилось. По чистому, недвижному воздуху, стали издалека доноситься къ намъ крики, гнѣвные возгласы; нѣкоторые возгласы, къ изумленію, шли будто не съ берега, а съ середины рѣки. Англичанки навострили уши, одна изъ нихъ вынула изъ кармана бинокль-дюшессъ, всюду возимый ею съ собой для изученія красотъ русской природы. И вдругъ, отдаленные крики перешли въ одинъ безобразный визгливый хоръ, а обѣ Англичанки, поднявъ руки кверху, тоже вскрикнули и бросились съ горки, такъ что ихъ чудовищные кринолины раздулись каждый въ родѣ воздушнаго шара. Мы всѣ двинулись къ нимъ на встрѣчу; Олимпіада Павловна твердыми стопами шла первая. „Что съ вами, мои заморскія красавицы? видно лягушкѣ на хвостъ наступили?“ спросила она насмѣшливо. Но Англичанки не понимали по-русски, и кромѣ того были слишкомъ взволнованы. Я побѣжалъ вверхъ по горкѣ, но и тутъ Олимпіада Павловна меня опередила. Она не торопилась и шла величественно, а между тѣмъ ранѣе меня попала на высоту, ранѣе меня окинула окрестность испытующимъ взглядомъ и ранѣе меня разглядѣла въ чемъ дѣло.

— Экія недотроги! съ усмѣшкой сказала она, взглянувъ на

удалявшихся Англичанокъ.—Голыя бабы у бань подрались! Смотри пожалуй, какая невидаль!

Я взглянулъ въ правую сторону и отдалъ справедливость зоркости барышни. На берегу и по дорогѣ извивавшейся въ уровень съ берегомъ надъ рѣкою, кипѣла свалка самая оживленная, въ которой участвовали только однѣ женщины, а изъ женщинъ этихъ пятнадцать или двадцать имѣли на себѣ нарядъ, который, по словамъ новѣйшихъ путешественниковъ, вышелъ изъ употребленія даже на островѣ Таити. Говоря безъ перифразъ, онѣ не имѣли на себѣ ровно никакой одежды, и даже нельзя сказать, какъ говорится въ подобныхъ случаяхъ, чтобы скромность очень украшала ихъ; замѣсто скромности онѣ дышали злобой и дѣйствовали кулаками безукоризненно. Не мудрено было, зная предшествовавшія событія, догадаться, что произошла баталія между наемными работницами и петровскими бабами, разгнѣвавшимися на конкурренцію. Если нападеніе было рѣзко и неожиданно, то и отпоръ оказался суровымъ: казенныя и антроповскія жницы, не развертывая своей густой колонны, воздавали толчкомъ за толчки, оплеухой за оплеуху, не разстраиваясь и не пугаясь. Азартъ былъ такъ великъ, что маленькія дѣвочки дрались въ разсыпную съ другими дѣвчоночками, а изъ бань разсыпанныхъ по рѣкѣ, по временамъ, выпрыгивали красныя фигуры съ распущенными волосами, и устремлялись въ битву, поднявши банную шайку надъ головою.

— Экія срамницы, спокойно сказала Олимпіада Павловна, орлинымъ взоромъ окинувъ вышеописанную сцену.—Пожалуйте сюда, матушка ваше превосходительство,—и она подала руку взбиравшейся на горку Варварѣ Михайловнѣ,—поглядите-ка какой у насъ идетъ тутъ *Баденъ-Баденъ!*

Варвара Михайловна вскрикнула, сестра встревожилась и отвернулась,—я съ своей стороны направился къ дорожкѣ ведущей въ деревню, но Олимпіада Павловна остановила меня строгимъ вопросомъ: „а ты, батюшка, куда собрался? Русалокъ глядѣть захотѣлось, или хочешь чтобъ тебѣ самому глаза выцарапали?“

— Нельзя же однако оставить ихъ драться, отвѣчалъ я барышнѣ.

— Да что ты съ ними сдѣлаешь? Будутъ онѣ тебя слушать? Жалко, что нѣтъ здѣсь посредника нашего, посмо-

трѣла бы я какъ онъ сунулся бы тутъ съ своими убѣжденіями! И вашъ муженекъ, Варвара Михайловна, все проповѣдуетъ, что строгія мѣры пора бросить; вотъ бы его сюда съ мѣрами-то кротости!

Есть на свѣтѣ особы, и весьма незлобныя, на которыхъ видъ всякой потасовки дѣйствуетъ какъ звукъ трубы на ретиваго коня. У меня былъ добрѣйшій и смирнѣйшій другъ, который, пріѣзжая въ Петербургъ, непремѣнно бралъ себѣ номеръ въ Пассажѣ, ибо по его, не знаю ужь справедливому или ложному, мнѣнію, въ Пассажѣ ни одинъ день не обходится безъ драки. Барышня Олимпіада Павловна, такая же добрая и безвредная, должно-быть имѣла кое-что общее съ этимъ моимъ другомъ. Слушая бранные клики и слѣдя за тѣмъ какъ кипѣли и волновались группы сражающихся женщинъ, она вся выпрямилась, глаза ея бойко заблистали; на пугливыя замѣчанія Вѣры и Варвары Михайловны она отвѣчала одною презрительною усмѣшкой. Къ сожалѣнію, я былъ лишенъ возможности долѣе наблюдать за нашею оригинальною гостьей: хотя и во мнѣ гнѣздилась полная увѣренность, что на разозлившихся бабъ не подѣйствуетъ никакое слово убѣжденія, но не хватало духа оставаться дома, зная, что въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ совершается великое безобразіе. Не долго думая, я вышелъ къ саду на большую дорогу; для сокращенія пути перелѣзъ черезъ два-три забора, пробрался крестьянскими огородами, и скоро очутился близь самаго побоища, вмѣстѣ съ порядочною кучкой крестьянъ привлеченныхъ зрѣлищемъ, не возбуждавшимъ въ нихъ особеннаго негодованія. Къ чести крестьянъ, нужно сказать однако, что ихъ сочувствіе оказывалось никакъ не на сторонѣ петровскихъ амазонокъ— они сообщили единогласно, что чужія бабы шли по дорогѣ никого не трогая, когда на нихъ посыпались угрозы и ругательства со стороны противницъ, частію шедшихъ въ бани, частію сидѣвшихъ въ рѣкѣ, какъ это у насъ водится послѣ паренья. Чуть наемныя жницы поровнялись съ берегомъ, купавшіяся женщины принялись кидать въ нихъ круглыми камнями, какихъ на днѣ лежало довольно; одна женщина, задѣтая камешкомъ, столкнула въ воду сарафанъ и сорочку, оставленные у берега, а при видѣ этого, послѣдовало общее нападеніе съ воды и съ суши.

Нечего говорить о томъ, что всѣ мои увѣщанія и усо-

вѣщиванья не привели ни къ чему доброму; только небольшое число амазонокъ, постыдливѣе, отлучились на минуту, да и тѣ, набросивъ на себя кое-что изъ платья, вернулись къ рукопашному бою. Фаланга наемныхъ жницъ держалась крѣпко, не размыкаясь и не думая объ отступленіи; нападавшія оцѣпили ее съ двухъ сторонъ; бо́льшая часть женщинъ таскали другъ друга за волосы, но были и такія, которыя дѣйствовали палками, даже тупою стороной серповъ, что̀ ужь грозило плохою шуткой. Сельскій староста, явившійся очень скоро, видѣлъ все это не хуже моего, но боялся дѣйствовать энерически: его не разъ ругало начальство за рукопашныя расправы, и онъ прежде всего думалъ чтобъ не подпасть новой отвѣтственности. Видя, что нечего ждать и что всякая потерянная минута можетъ привести къ серіознымъ увѣчьямъ, я обратился къ крестьянамъ около меня стоявшимъ и къ тѣмъ, которые поодиночкѣ пытались оттащить то одну, то другую женщину изъ числа нападавшихъ.—Надо съ этимъ покончить, братцы, сказалъ я, еще самъ хорошенько не зная что̀ дѣлать.

— Извѣстно надо, батюшка Сергѣй Ильичъ, — да кто ихъ растащитъ! ишь какъ разъяндорились, проклятыя!

Въ это самое время мнѣ пришло въ голову попробовать нѣчто въ родѣ маневра употребительнаго на пожарахъ, при отстаиваніи зданій. Я велѣлъ старшинѣ съ кучкой охотниковъ протискаться между сражающимися, а бойкому молодому парню, Ивану Алексѣеву, поручилъ поскорѣе захватить партію товарищей и произвести такой же маневръ съ другой стороны, на соединеніе съ старшиною. Самъ я отошелъ къ фалангѣ наемныхъ жницъ и приказалъ ей медленно двигаться по дорогѣ, къ околицѣ, пустивъ передъ собой старухъ и всѣхъ кто былъ послабѣе. Къ неописанному моему удовольствію, распоряженіе увѣнчалось успѣхомъ; когда я вернулся къ старому мѣсту, между фалангой и наступавшими амазонками уже протискался двойной рядъ мущинъ, протискался и сталъ какъ стройный военный отрядъ, плечо съ плечомъ и локоть съ локтемъ. Главная опасность миновала, наемныя женщины быстро удалялись, нобой женщинъ угрожалъ перейдти въ бой женъ съ мужьями и сестеръ съ братьями. Разгоряченныя бабы силились прорваться черезъ цѣпь, били парней по лицу, особенно двѣ или три изъ нихъ прыгали какъ лягушки на встрѣ-

ченное препятствіе. Парни начинали ругаться, и за удары платили ударами.

Въ это критическое время показался изъ-за угла престарѣлый, изобрѣтательный и всѣми чтимый мудрецъ Власъ Васильевъ. По случаю субботы, и онъ парился въ своей банѣ на концѣ деревни, но на крики прибѣжалъ къ намъ, набросивъ на себя лишь коротенькую сорочку. Въ этомъ нарядѣ Власъ былъ въ одно время и до крайности смѣшонъ, и до крайности величественъ: въ сущности одѣтъ онъ былъ совершенно такъ, какъ одѣвались у себя дома римскіе консулы и диктаторы, и съ лица онъ былъ благолѣпнымъ старцемъ, и формы его тѣла имѣли нѣчто богатырское,—всякій художникъ на него бы залюбовался,—но я, привыкнувъ видѣть Власа въ кафтанѣ и шляпѣ, схватилъ себя за бока и отъ хохота чуть не упалъ въ обморокъ при его появленіи. Парни помоложе тоже засмѣялись, и это смягчило ихъ начинавшееся негодованіе, а Власъ, оборотясь къ женщинамъ, грозно приказалъ имъ сейчасъ же идти по домамъ или банямъ. Одна злая особа хотѣла было что-то отвѣтить, но онъ спокойно взялъ ее зашиворотъ и закричалъ голосомъ Кесаря, подавляющаго военное возстаніе: „Эй парни, кто-нибудь сюда, да нарвите крапивы побольше!“

Съ этими словами, сумрачная драма мгновенно перешла въ рядъ сценъ болѣе или менѣе юмористическихъ. Не оказалось надобности сѣчь сердитую бабу; ея подруги оттащили и разсыпались. Но приказаніе „нарвите крапивы!“ возбудило веселыя мысли въ крестьянахъ, а такъ какъ по близости бань и задворковъ крапива растетъ огромными кустами, то черезъ минуту каждый парень, съ зеленымъ букетомъ въ рукахъ, перешелъ изъ оборонительной позиціи въ наступательную. Женщины съ визгомъ кинулись бѣжать и прятаться; молодежь, оставя старухъ въ покоѣ, бросилась догонять дѣвушекъ посмазливѣй, и скоро на полѣ недавней битвы остались лишь сельскій старшина да Власъ, съ грозно-поднятою правою рукой, въ положеніи и домашнемъ костюмѣ римскаго консула, подавляющаго возстаніе.

III. Арендаторъ петербургскій и арендаторъ остзейскій.

На утро послѣ сраженія женщинъ, описаннаго въ послѣдней главѣ, къ мызѣ нашей подъѣхалъ легонькій тарантасъ, съ фонарями и фордекомъ, устроенный такъ что издали его легко было принять за коляску на лежачихъ рессорахъ. Но одно изъ колесъ этого очевидно столичнаго издѣлія сокрушилось въ дорогѣ, и было замѣнено первымъ попавшимся подъ руку весьма аляповатымъ и нарушавшимъ общую гармонію щеголеватости. Слуга бойкаго вида соскочилъ съ козелъ, принялъ какую-то бумажку изъ рукъ высунувшагося господина и принесъ ко мнѣ эту бумажку, оказавшуюся письмомъ отъ Виктора Петровича, превосходительнаго супруга извѣстной читателю Варвары Михайловны. Я приказалъ просить гостя, а самъ пробѣжалъ посланіе отличавшееся всею игривостью, на которую только способны сановники новаго поколѣнія въ сношеніяхъ съ пріятелями, если только эти пріятели не нуждаются въ протекціи и не надоѣдаютъ имъ никакими просьбами.

„Добрый другъ и сосѣдъ, Сергѣй Ильичъ, гласила записка, письмо это передастъ вамъ чиновникъ нашего вѣдомства, Яковъ Антоновичъ Зубцовъ, котораго смѣло рекомендую, хотя вы и не терпите нашего брата чиновника. Къ нему впрочемъ да умягчится ваше сердце: онъ участвовалъ въ кое-какихъ, конечно не важнѣйшихъ работахъ по крестьянскому вопросу и былъ мнѣ очень полезенъ помощью по моимъ собственнымъ дѣламъ, въ которыхъ я также мало смыслю и теперь, какъ во времена моей золотой юности. Оставляя службу, онъ желалъ бы взять на аренду мое имѣніе въ вашемъ краѣ; но мнѣ кажется, что въ моемъ положеніи не ловко будетъ сдать имѣніе на чужія руки, особенно теперь, когда глупая часть помѣщиковъ поетъ Лазаря и увѣряетъ, что все ихъ хозяйство идетъ къ чорту.“

Чортъ бы тебя самого побралъ, канцелярскій мудрецъ, подумалъ я, возмутившись въ моемъ помѣщичьемъ самолюбіи, тебѣ можно не пѣть Лазаря, забирая изъ казны

тысячъ по двѣнадцати въ годъ, не считая денежныхъ наградъ да земель въ Самарской губерніи.

Изливъ мое негодованіе, я дочиталъ записку.

„Ваше положеніе, Сергѣй Ильичъ, совершенно другое. Вы человѣкъ независимый предъ общественнымъ мнѣніемъ, хозяинъ безпечный, и вѣроятно будете рады передать хлопоты по имѣнію человѣку дѣятельному, а ваше Петровское, о прелестномъ мѣстоположеніи котораго я часто вспоминаю, только выиграетъ отъ такой сдѣлки. Зубцовъ—человѣкъ живущій своимъ трудомъ и конечно не упускающій своей выгоды, но теперь крестьяне поставлены такъ, что ихъ притѣснить нельзя, и вы можете съ чистою совѣстью отдать имѣніе на аренду.“

— О радѣтель русской земли и сановный печальникъ о меньшихъ братіяхъ! сказалъ я складывая письмо:—тебѣ даже не приходитъ въ голову, что за остающіеся почти два года переходнаго срока искусному выжимателю доходовъ можно если не раззорить крестьянъ, то уже навѣрное притѣснить и довести до посѣщеній земской полиціи. Посмотримъ однако же, кого мнѣ Богъ послалъ въ мое уединеніе.

Яковъ Антоновичъ уже дожидался меня въ залѣ, которая служила мнѣ и библіотекой, и мѣстомъ вечернихъ совѣщаній съ сельскими властями. Онъ передалъ мнѣ самыя свѣжія вѣсти изъ столицы и поклоны отъ нѣсколькихъ общихъ знакомыхъ. То былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, но моложавый, съ благообразною, однако не прилизанною наружностью чиновника переходныхъ временъ, отъ стараго къ новымъ канцелярскимъ поколѣніямъ. Бакенбарды его опускались низко, но не имѣли дерзостнаго сходства съ бородой, волосы были длинны, но безъ либеральныхъ кудрей или какого-либо анархическаго пробора не на мѣстѣ. Рѣчь онъ велъ осмотрительно, но на первыхъ же пунктахъ бесѣды показалъ, что считаетъ меня книжнымъ червякомъ или италіянскимъ артистомъ, не пекущимся о благахъ сего міра. Безъ сомнѣнія, такъ живописалъ ему мою особу его сановный патронъ, и винить подчиненнаго во взглядахъ его начальника я не былъ въ правѣ.

— Викторъ Петровичъ, сказалъ мнѣ мой столичный гость,—настоятельно просилъ меня чтобъ я побывалъ у

васъ и передалъ ему подробныя извѣстія о томъ, какъ ваше здоровье и хорошо ли вы справляетесь съ настоящими хлопотами, а такъ какъ теперь я нахожусь у Варвары Михайловны для наблюденія за составленіемъ уставной грамоты, то и позволилъ себѣ явиться къ вамъ запросто.

Я поблагодарилъ и спросилъ какъ поживаетъ Варвара Михайловна.

— Очень хорошо, хотя я и не могу сказать чтобъ ея хозяйственныя занятія шли очень успѣшно. Что за милое семейство однакожь, и какъ оно все къ вамъ привязано! Еще вчера Варвара Михайловна спрашивала про васъ у посредника и говорила какъ должно быть тяжело въ настоящую пору человѣку, почти половину своей жизни прожившему за границей.

— Богъ знаетъ что еще лучше, возразилъ я улыбаясь,— прошататься ли цѣлые годы заграницей какъ моя особа, или насквозь просидѣть дюжины три казенныхъ департаментскихъ креселъ, какъ нашъ дорогой Викторъ Петровичъ. И то и другое не хорошо, но кажется мнѣ что путешествія полезнѣе канцелярской атмосферы. За границей все-таки видишь людей, и часто во всемъ похожихъ на нашихъ, а сидя за докладами и проектами и того не увидишь.

— Вы мнѣ позволите не вполнѣ согласиться съ вами, возразилъ въ свою очередь Яковъ Антоновичъ,—если я не ошибаюсь, вы судите о новыхъ дѣятеляхъ по старымъ чиновникамъ прежняго времени, отличавшагося пагубнымъ застоемъ. Трудно сразу отрѣшиться отъ чиновничьей рутины и бюрократіи, которая всѣмъ намъ можетъ быть такъ же противна какъ и ея противникамъ. Но и Викторъ Петровичъ и его сверстники по важной государственной дѣятельности, я надѣюсь, достаточно показали, какъ близки ихъ сердцу интересы народа и потребности современной жизни.

— И, что̀ трогательнѣе всего, доказали это не выходя изъ своихъ казенныхъ квартиръ и канцелярскихъ комитетовъ! Однако мы съ вами говоримъ о предметахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ цѣлью посѣщенія, за которое я вамъ весьма признателенъ. Викторъ Петровичъ пишетъ мнѣ, что вы желали бы войдти со мною въ сношенія насчетъ моей мызы и земель принадлежащихъ къ Петровскому?

Нашелъ ли Яковъ Антоновичъ неприличнымъ мою довольно-

но беззаботную рѣчь о предстоящей арендѣ, или захотѣлось ему съ своей стороны расположить меня къ уступчивости, но онъ отвѣчалъ довольно равнодушно:—Признаться откровенно, эта мысль скорѣе принадлежитъ его превосходительству.... Я дѣйствительно покидаю службу и желалъ бы обратить свою дѣятельность на сельское хозяйство, но...

— Но если вы къ этому не подготовились и не знаете нашего края, то я, по крайнему моему разумѣнію, не могу вамъ посовѣтовать брать имѣній въ аренду. Въ старое время, при хорошемъ разчетѣ, риска не было; теперь же, при необходимости хозяйничать на новыхъ основаніяхъ, неопытному человѣку легко поплатиться.

— Я не могу назвать себя очень неопытнымъ, замѣтилъ Яковъ Антоновичъ,—отецъ мой былъ помѣщикомъ, я началъ службу въ провинціи, и по теперешней должности чиновника особыхъ порученій, избавленъ отъ возни съ одними мертвыми бумагами. Я имѣю разныя работы по Вольно-экономическому Обществу, не пропускаю ни одного изъ его засѣданій. И въ вашемъ уѣздѣ я не въ первый разъ.

— Это дѣло другое.

— Даже ваше имѣніе я уже видалъ, и не скрою того, что оно всегда казалось мнѣ привлекательнымъ, болѣе по мѣстоположенію и по близости къ имѣніямъ Виктора Петровича. Потому, ежели вы не имѣете особеннаго недовѣрія къ моей особѣ, то я попросилъ бы у васъ нѣсколько свѣдѣній о положеніи имѣнія; а такъ какъ, къ сожалѣнію, мнѣ время очень дорого, то мы могли бы съ вами сегодня же покончить, по крайней мѣрѣ въ главныхъ условіяхъ.

— Не будетъ ли оно слишкомъ скоро? спросилъ я улыбаясь отъ поспѣшности, такъ быстро смѣнившей недавнее хладнокровіе гостя.

— Нынче все дѣлается скоро, былъ отвѣтъ,—и вамъ самимъ, вѣроятно, захочется поскорѣе отдѣлаться отъ хлопотъ принесенныхъ вамъ новыми порядками.

— Пожалуй и такъ, сказалъ я,—все же однако вамъ необходимо посвятить хоть одинъ день на полученіе свѣдѣній и осмотръ своими глазами. Въ конторѣ найдете вы моего прикащика Михайлу Матвѣева, который теперь за штатомъ; я велю, чтобъ онъ показалъ вамъ всѣ книги, проводилъ васъ въ поле, въ садъ и по разнымъ построй-

камъ. Если захотите оглядѣть лѣсъ и дальнія пустоши, верховыя лошади къ вашимъ услугамъ. Вѣроятно, въ одинъ день вы не успѣете сдѣлать многаго...

— Со всякимъ другимъ, а не съ вами, конечно, одного дня было бы мало, но для чего и были бы на свѣтѣ порядочные люди, если съ ними не кончать дѣлъ толково и скоро, на началахъ обоюднаго довѣрія?

Я поблагодарилъ посѣтителя за довѣренность, сказалъ ему часъ нашего обѣда, проводилъ его въ контору и уже не стѣснялъ его дальнѣйшихъ операцій. Сначала я думалъ, что все дѣло окончится вздоромъ; но взглянувъ на дѣятельность, съ какою Яковъ Антоновичъ принялся порхать, въ сопровожденіи бывшаго прикащика, по полямъ, саду и усадебнымъ строеніямъ, перемѣнилъ свое мнѣніе. Очевидно, подумалъ я, что этотъ человѣкъ не станетъ хозяйничать спустя рукава или распоряжаться землей по книжкамъ Вольно-экономическаго Общества, или вмѣсто хлѣба сѣять на поляхъ травы употребительныя лишь гдѣ-нибудь въ Бельгіи. Можетъ-быть, мы съ нимъ и поладимъ. Къ обѣду столичный посѣтитель явился немного измятымъ, порядочно измученнымъ, но все-таки неукротимымъ, попросилъ къ пяти часамъ верховой лошади и далъ замѣтить, что дѣйствительно въ одинъ день едва ли управится съ своимъ обозрѣніемъ.

— Такъ и не торопитесь же, сказалъ я ему, когда мы встали изъ-за стола и принялись за кофей.—Уставная грамота Варвары Михайловны не убѣжитъ, а вы проживите у меня сколько найдете нужнымъ: вы видите, что я не стѣсняюсь съ вами, и мы не мѣшаемъ одинъ другому.

Яковъ Антоновичъ поблагодарилъ, попробовалъ было передать сестрѣ кое-что любопытное изъ столичныхъ новостей, но къ изумленію разказы его шли нескладно; онъ весь предался разчетамъ по части будущаго своего хозяйства, и могъ только говорить о садѣ, поляхъ и населеніи Петровскаго. Нѣсколько разъ онъ замѣтилъ, что по его мнѣнію, мои крестьяне работаютъ несравненно хуже нежели люди другихъ извѣстныхъ ему имѣній и спросилъ меня между прочимъ, не обманулъ ли его прикащикъ, говоря что у насъ рабочіе дни смѣшанной повинности такъ незначительны количествомъ.

— Мнѣ досадно, Яковъ Антоновичъ, сказалъ я на это,—мнѣ

досадно, что по моей забывчивости вы потеряли нѣсколько времени на обзоръ барщинниковъ и собираніе свѣдѣній по части смѣшанной повинности. Все это для васъ дѣло постороннее, и я долженъ былъ сказать съ первыхъ словъ, что будущій арендаторъ Петровскаго, если я сдамъ имѣніе въ аренду, приметъ имѣніе не иначе какъ съ уставною грамотой, то-есть земли и мызу; съ крестьянъ же ему не будетъ никакихъ повинностей, кромѣ оброка положеннаго за полный надѣлъ къ нимъ отходящій.

При этомъ извѣстіи Яковъ Антоновичъ вершка на два подскочилъ со стула.

— Помилуйте, сказалъ онъ,—да вы еще, я знаю навѣрное, и не приступали къ уставной грамотѣ.

— И не приступлю до окончанія лѣтнихъ работъ въ полѣ. Впрочемъ и вы вѣроятно не пожелаете принимать имѣнія среди лѣта, до полной уборки хлѣба и хотя приблизительнаго свода годовыхъ счетовъ.

— Это такъ, но грамота... грамота!.. Для чего бы, во избавленіе отъ возни и толковъ съ крестьянами, вамъ не довѣрить мнѣ и составленіе грамоты?

— Подъ моимъ наблюденіемъ и тотчасъ же послѣ окончанія полевыхъ работъ?.. спросилъ я улыбаясь.

— Подъ наблюденіемъ вашимъ... на это я согласенъ. Или вы думаете, что я способенъ притѣснить крестьянина? Но отчего же тотчасъ послѣ полевыхъ работъ? Подумайте, что я начинаю дѣло новое. Мнѣ нужно хотя самое плохое подспорье въ какой-нибудь рабочей силѣ. За что же, въ періодъ кризиса, лишать себя выгоды предоставленной мнѣ самимъ *Положеніемъ*?

— Что же дѣлать, это моя прихоть, или вѣрнѣе, не прихоть, а необходимость соединенная съ моимъ положеніемъ въ имѣніи. Петровское съ незапамятныхъ временъ въ нашемъ родѣ; управлялось оно постоянно по одинаковому способу; рѣшайте же сами, помимо всякихъ сентиментальностей современныхъ,—могу ли я иначе проститься съ крестьянами, какъ не заключивъ съ ними грамоты и стало-быть не поставивъ ихъ въ независимость отъ всякаго посторонняго произвола? Будьте вы первѣйшій филантропъ Россіи, я не въ правѣ поступить иначе.

— Но заключая грамоту, вы можете же упомянуть, что она приметъ дѣйствіе лишь съ 19 февраля 1863 года.

— Въ такомъ случаѣ я и сдамъ вамъ Петровское не иначе какъ двадцатаго февраля шестьдесятъ третьяго года.

— И до того времени сами станете править имѣніемъ?

— Непремѣнно самъ: я сказалъ уже, что считаю неприличнымъ передать хотя что-либо изъ помѣщичьихъ правъ чужому человѣку.

Господинъ Зубцовъ очевидно не предвидѣлъ такого упорства.

— Я вамъ долженъ сказать, замѣтилъ онъ сухо,—что ваше рѣшеніе должно совершенно измѣнить тѣ условія, которыя я имѣлъ въ виду предложить вамъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, измѣнить, хотя не въ огромной степени. Лишній годъ плохой барщины не далъ бы вамъ многаго.

— Но я могъ бы усилить смѣшанную повинность.

— Этого вамъ не позволилъ бы нашъ мировой посредникъ.

— Во всякомъ случаѣ, годъ обезпеченнаго хозяйства...

— Не совсѣмъ обезпеченнаго, потому что теперь, оставивъ часть покосовъ и сокративъ запашку, я долженъ былъ нанять и рабочихъ для мызы, и рабочихъ поденныхъ для уборки хлѣба.

— Все это чрезвычайно странно, опять началъ столичный антрепренеръ,—а вы сами скажете...

— Я скажу только то, что по всей вѣроятности васъ ввелъ въ заблужденіе общій нашъ знакомецъ, Викторъ Петровичъ. Основываясь на словахъ его, вы конечно предположили, что я до крайности обремененъ имѣніемъ и радъ буду развязаться съ нимъ во что бы то ни стало.

Яковъ Антоновичъ немного покраснѣлъ и отозвался, что ничего подобнаго не сообщалъ ему Викторъ Петровичъ.

— Во всякомъ случаѣ, добавилъ онъ, возвращаясь къ вопросу объ условіяхъ,—ваше рѣшеніе относительно грамоты очень упроститъ наши переговоры. Даже знакомиться съ имѣніемъ въ подробности мнѣ не нужно—планы я осмотрѣлъ; знаю также, что земля въ настоящемъ владѣніи крестьянъ почти равна съ ихъ будущимъ надѣломъ. Мызу видѣлъ я во всѣхъ подробностяхъ, стало-быть мы можемъ прямо перейдти къ окончательному трактату.

— Очень охотно, коли вы находите возможнымъ.

— Итакъ, вопервыхъ, относительно полученія оброка

слѣдующаго съ крестьянъ по надѣлу, я устраняю отъ себя всякія хлопоты и предоставляю имъ вѣдаться съ вами.

— Я согласенъ на это, но предувѣдомляю васъ, что отклонивъ отъ себя полученіе оброка и передачу его мнѣ разомъ, въ концѣ года, вы обрекаете себя на необходимость имѣть всегда въ наличности порядочную сумму собственно вашихъ денегъ на вольнонаемное хозяйство.

Яковъ Антоновичъ спохватился. Оброкъ съ четырехсотъ душъ, собираемый по разнымъ срокамъ и до конца года не требуемый владѣльцемъ имѣнія, былъ такимъ пособіемъ для арендатора, что для него можно было рискнуть даже на нѣкоторый недоборъ или, попросту, недоимку.

— Вы лучше меня понимаете мои выгоды, сказалъ онъ любезно,—и мы еще потолкуемъ насчетъ оброка. Итакъ теперь остается самое существенное. За пользованіе остающеюся отъ надѣла землею, считая тутъ мызу, покосы, запашку и скотный дворъ, полагаю я...

— Вы позабыли нѣкоторыя статьи дохода, перебилъ я,—садъ при мызѣ, водяную мельницу и другія мелочи.

— Полагаю я, въ первые три года, до окончательнаго устройства моего хозяйства на новыхъ основаніяхъ, платить вамъ по пятисотъ рублей въ годъ. Въ контрактѣ, заключеніе котораго...

— Постойте, постойте, опять перебилъ я, едва удерживаясь отъ смѣха,—ужь вы не цѣните ли имѣній по методѣ журналиста, объявившаго на всю изумленную Россію, что за выкупъ имѣнія въ триста душъ, чуть ли не со всею землей, помѣщику будетъ довольно, кажется, пяти тысячъ?

— Не знаю, изъ какихъ причинъ предполагаете вы во мнѣ подобное мальчишество. Или вы думаете, что хозяйство съ вольнымъ трудомъ обойдется мнѣ безъ большихъ затратъ и пожертвованій?

— Бросивъ всю запашку и не выходя въ поле, вы отъ одного сада, мельницы и кое-какихъ иныхъ источниковъ получите вдвое болѣе пятисотъ рублей, не считая того, что будете пользоваться даровою дачей, которая конечно лучше всякой дачи на Аптекарскомъ острову или на Черной рѣчкѣ.

— Но я не намѣренъ кидать запашки, а поддержка ея требуетъ денегъ.

— За то принесетъ деньги; безъ этого не пожелали бы вы ее поддерживать.

— Мнѣ кажется, промолвилъ Яковъ Антоновичъ,—что взгляды наши совершенно расходятся, и дѣло едва ли состоится.

— А мнѣ оно не только кажется, но давно ужь яснѣе солнца. Это еще ничего, что вы желаете платить какъ можно менѣе: при вѣрномъ взглядѣ на вещь, которую покупаешь, такое желаніе натурально и не мѣшаетъ сдѣлкѣ. Но мало того, что вы хотите сдѣлать условіе для меня невыгоднымъ, вы ведете его такъ, что относительно насъ обоихъ оно не имѣетъ ничего серіознаго. *Что* берете вы въ аренду, мызу съ полями и покосами, или всю землю, которая за мною останется отъ надѣла? При имѣніи нѣсколько пустошей, которыхъ вы и не видѣли; есть строевой лѣсъ, въ который вы не заглянули. Если вы хотите взять мызу съ кускомъ обработанной земли, какой мнѣ разчетъ сдать ее вамъ, оставивъ за собой и хлопоты по оброку, и заботу о тысячахъ десятинъ пустопорожняго мѣста? Если вы хотите взять *все*, то какъ же вы мнѣ предлагаете пятьсотъ рублей, не опредѣливши правъ пользованія? Вѣдь если одинъ лѣсъ сдать въ ваше распоряженіе, вы уже на немъ выручите такой процентъ, какого ни одинъ откупщикъ не выручаетъ.

Но тутъ разговору нашему суждено было прерваться, и очень кстати, потому что толку въ немъ очевидно не оказывалось. Иванъ Петровичъ Германъ, втихомолку подъѣхавшій къ дому, влетѣлъ къ намъ подобно лѣтнему теплому вѣтру, съ вѣчною ясностью и весельемъ во взорѣ.

— Дайте мнѣ его сюда, кричалъ онъ, направляясь ко мнѣ и заключая меня въ объятія,—покажите мнѣ сего искуснаго фермера, бельгійскаго землевладѣльца, россійскаго Макъ-Кормика! (Тутъ только замѣтилъ онъ моего гостя, поклонился ему и продолжалъ привѣтствовать мою особу.) Весь уѣздъ исполненъ слухами о вашихъ подвигахъ. Уѣздный судья, проѣзжая, видѣлъ васъ на покосѣ и отъ изумленія не спалъ двѣ ночи. Судебный слѣдователь и докторъ, отправляясь потрошить утонувшую бабу, только и говорили что о вашемъ хозяйствѣ. Петръ Иванычъ, узнавъ, что вы встаете въ шесть часовъ и отправляетесь въ поле, присылаетъ вамъ крупинку *nux vomica* для

укрѣпленія физической силы. Носятся слухи, что экономическое общество назначаетъ вамъ въ подарокъ каталогъ своей выставки, медаль вызолоченную сусальнымъ золотомъ и коробочку голубинаго помета, которымъ превосходно удобрять озимое поле.

— Иванъ Петровичъ, сказалъ я смѣясь,—вы не догадываетесь, что можетъ быть отпускаете ваши остроты въ присутствіи одного изъ членовъ экономическаго общества. Позвольте познакомить васъ: сосѣдъ мой Иванъ Петровичъ Германъ, Яковъ Антоновичъ Зубцовъ, изъ Петербурга.

— Очень радъ, до крайности счастливъ, отвѣчалъ болтунъ, пожимая руку новому знакомцу.—Такъ и вы любите сельское хозяйство? Прекрасно же вы сдѣлали, что заѣхали въ нашъ край, да еще къ Сергѣю Ильичу, великому мастеру по этой части. Онъ вамъ сообщитъ о пользѣ паровой машины для тасканія гороху, и о знаменитомъ растеніи квиктъ, которое всегда родится самъ пять-сотъ, только къ сожалѣнію не употребляется въ пищу ни людьми, ни животными! Однако, Сергѣй Ильичъ, торопитесь добыть себѣ полную славу хозяина: въ нашемъ уѣздѣ вы знамениты, это правда, но въ сосѣднихъ не одинъ аферистъ разчитываетъ на вашу неспособность. Вѣдь ваше Петровское—золотое дно, если имъ признаяться, а вы не повѣрите сколько теперь развелось людей собирающихся надуть нашего брата, опѣшившаго помѣщика! Вѣдь съ Черноярovымъ у насъ разошлось.

— Слава Богу, сказалъ я отъ всего сердца,—сама судьба спасла отъ бѣды и васъ, и Петра Иваныча.

— То-то и есть; смотрите чтобъ и съ вами судьба-то не смастерила какой штуки! Вы не повѣрите какая тьма показывается у насъ разныхъ жуликовъ, охотниковъ молотить рожь на обухѣ, будущихъ арендаторовъ, управляющихъ и фермеровъ. А на кого имъ перваго броситься, какъ не на васъ, столичнаго сибарита? Хозяйничать теперь трудно, хлопоты скучны, помѣщикъ лѣнивъ, Петровское хорошій кусочекъ: нельзя ли дескать его какъ-нибудь подцѣпить на шаромыжку?..

— Вы мнѣ позволите распорядиться на счетъ лошадей, сказалъ Яковъ Антоновичъ Зубцовъ, и, не дожидаясь отвѣта, вышелъ изъ комнаты.

— Иванъ Петровичъ, промолвилъ я, когда дверь за нимъ затворилась,—дернула же васъ нелегкая наболтать грубостей этому господину. Вѣдь онъ пріѣхалъ ко мнѣ именно затѣмъ, чтобы брать въ аренду Петровское.

— Браво! возгласилъ сосѣдъ захохотавши:—вотъ выстрѣлилъ невзначай, да попалъ въ утокъ! По дѣломъ ему, шаромыжнику! Ужь по одной кошачьей рожѣ видно, что мазурикъ. Признавайтесь-ка, вѣрно хотѣлъ взять Петровское даромъ?

— Все-таки не за что браниться, а вѣдь вы его будто палкой по головѣ огрѣли.

— Такъ ему и надо, петербургскому прощалыгѣ! Смотрите,—тутъ Иванъ Петровичъ выглянулъ изъ окна,—пошелъ по дорогѣ, вѣрно велѣлъ закладывать, да ѣхать за собой, и проститься не хочетъ. Да не горюйте слишкомъ; будутъ у васъ арендаторы и почище. Евдокимовъ заѣзжалъ ко мнѣ справляться о вашемъ имѣніи.

— Много получишь съ Евдокимова, я думаю!

— Конечно много, коли только его не посадятъ на цѣпь до истеченія перваго года. Плѣшаковъ пьяный говорилъ тоже: „сниму имѣнье у этого Француза, Сергѣя Ильича, заживу паномъ!“ Да это все мелюзга; ужь умѣетъ ли нашъ русскій степнякъ шиломъ бриться? По этой части готовьтесь встрѣтить золотаго гостя. Самъ господинъ Фридрихъ фонъ-Шпербель завтрашній день къ вамъ пожалуетъ.

— Никакого господина Фридриха фонъ-Шпербеля я не знаю, Иванъ Петровичъ.

— За то онъ васъ знаетъ; это одно и то же. Фридрихъ фонъ-Шпербель, сударь мой, есть племянникъ извѣстнаго во всемъ краѣ выжимателя барона фонъ-Зильбера, управлялъ его имѣніями въ нашемъ уѣздѣ, бралъ съ мужиковъ, окромя другихъ поборовъ, по двѣ мышиныхъ шкурки въ годъ, и соорудилъ себѣ изъ нихъ теплую шубу. Получилъ за женой два гака земли, выстроилъ изъ навоза птичій дворъ, да съ одной курицы перьевъ на сто рублей продалъ! Вотъ это, батюшка, человѣкъ, всѣмъ своимъ свиньямъ по разу въ недѣлю кровь отворяетъ, и блут-вурсты на продажу готовитъ! Встрѣтилъ я его у Петра Иваныча; завтра ему путь на желѣзную дорогу, такъ спрашивалъ, можно ли къ вамъ заѣхать. А я его еще подзадорилъ, говорю ему:

„Сергѣй Ильичъ, съ новыми порядками, просто потерялъ голову, ни на имѣнье, ни на мужиковъ смотрѣть не хочетъ.“

— Какъ ни хорошъ вашъ герръ фонъ-Шпербель, замѣтилъ я,—а все едва ли ему угнаться за столичными мастерами. Знаете ли, что Зубцовъ давалъ мнѣ пять сотъ рублей за каждый годъ аренды, считая въ первые три года?

— А знаете ли, что хочетъ вамъ дать господинъ Фридрихъ фонъ-Шпербель за каждый годъ аренды, считая въ первые три года?

— Неужели менѣе пяти сотъ рублей?

— Да, немножко менѣе; я изъ него выпыталъ по дружбѣ. Онъ разчитываетъ не платить вамъ ничего первые три года, а потомъ уже войдти съ вами въ соглашеніе.

— Какъ же это ничего въ три года? Кажется такихъ и цѣнъ не бываетъ! перебилъ я улыбаясь.

— А видите, должно-быть бываютъ такія цѣны Имѣніе вамъ противно, хозяйству грозитъ упадокъ, фонъ-Шпербель беретъ за себя ваше хозяйство: поклонитесь же ему въ ножки за то, что онъ еще съ васъ чего-нибудь заломить не намѣревается!

IV. Кратковременное знакомство съ достопочтеннымъ господиномъ Фридрихомъ фонъ-Шпербелемъ.

Основываясь на нелестной рекомендаціи Ивана Петровича, я очень мало заботился о томъ, посѣтитъ или не посѣтитъ меня господинъ фонъ-Шпербель, котораго я воображалъ себѣ голоднымъ авантюрьеромъ въ нанковомъ сюртукѣ, авантюрьеромъ слишкомъ безцеремоннымъ въ своихъ стремленіяхъ, и потому не стоящимъ того, чтобы съ нимъ очень церемониться. Каково же было мое удивленіе, когда на другой день поутру, протаскавши толстяка Ивана Петровича верстъ съ десять по полямъ и рощамъ (это неизбѣжное истязаніе совершалъ я надъ моимъ другомъ въ каждое изъ его посѣщеній), я увидѣлъ стройнаго, хорошо одѣтаго и замѣчательно красиваго молодаго человѣка, который, вышедши изъ сада, пошелъ по дорогѣ къ намъ на

встрѣчу. Я было подумалъ, что это пріѣхалъ ко мнѣ кто-нибудь изъ новыхъ сосѣдей знакомиться, но Иванъ Петровичъ, хотя и раздосадованный долгою прогулкой, не преминулъ разсѣять мои сомнѣнія потокомъ обычныхъ своихъ возгласовъ. „Кто это предсталъ передъ наши очи? Откуда ты, эоира житель?“ закричалъ онъ обращаясь къ незнакомцу:—„а вы, Сергѣй Ильичъ, падите въ прахъ, посыпьте голову пепломъ, и привѣтствуйте высокороднаго барона Фридриха фонъ-Шпербеля, агронома изъ агрономовъ; одинъ взглядъ котораго превращаетъ песчаную пустыню въ плодоносныя поля, достойныя владѣній герцога Девонширскаго!... Хорошо ли вы доѣхали, дорогой герръ фонъ-Шпербель, не пострадали ли ваши баронскія кости отъ нашихъ грубыхъ дорогъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дорогами вашей благословенной родины?“

— Кости мои не баронскія, я не баронъ, а барономъ скорѣе назову я васъ, дорогой Иванъ Петровичъ, отвѣчалъ гость, шутливо, но не безъ достоинства.—У васъ что день, то баронская фантазія: вчера вы говорили, что предупредите Сергѣя Ильича о моемъ пріѣздѣ, а сегодня встрѣчаете меня, будто мы пять лѣтъ не видались.

— Не безпокойтесь на этотъ счетъ, сказалъ я привѣтствуя посѣтителя.—Иванъ Петровичъ говорилъ мнѣ о васъ; да наконецъ мы живемъ въ деревнѣ и въ предварительныхъ рекомендаціяхъ надобности не видимъ.

— Именно такъ, о перлъ деликатности и рыцарства! продолжалъ обращаться къ фонъ-Шпербелю неугомонный Иванъ Петровичъ:—мы здѣсь люди темные, не получаемъ нѣмецкой *Kreuz-Zeitung*, и живемъ подобно суровымъ медвѣдямъ. Напрасно вы совершали вашъ утренній туалетъ съ такимъ тщаніемъ: глядите въ какомъ я коломенковомъ хитонѣ; у насъ все дозволено! А про васъ я говорилъ много и съ большимъ краснорѣчіемъ, не скрылъ и того, что вы не прочь кинуть якорь въ нашемъ уѣздѣ, даже взять на свое попеченіе бѣдную и утлую ладію здѣшняго плачевнаго хозяйства!

— Ужь не слишкомъ ли нападаетъ Иванъ Петровичъ на ваше хозяйство? обязательно обратился ко мнѣ проѣзжій: —Я только мелькомъ видѣлъ мызу вашу, но не совѣтовалъ бы вамъ мѣняться между собою. Если ваша земля хуже,

у васъ ее больше несравненно, а когда есть земля, есть надъ чѣмъ и трудиться.

Пока Иванъ Петровичъ и фонъ-Шпербель перебрасывались шутливыми нападками, я оглядѣлъ моего гостя и не могъ не отдать справедливости его красивому, сдержанно-приличному виду. Ловкій, высокій, съ загорѣлымъ лицомъ, отъ котораго яснѣе выказывалась бѣлизна лба и шеи, мой претендентъ на арендаторство глядѣлъ настоящимъ представителемъ старой и чистой крови. Его бѣлокурые волосы слегка вились сами собою, усы цвѣтомъ походили на ленъ и лежали щеголевато, безъ всякаго закручиванія и разныхъ фиксатуаровъ. Не нравились мнѣ въ немъ его голубые глаза съ холоднымъ и жесткимъ блескомъ; да еще его манеры, при всемъ ихъ достоинствѣ, казались мнѣ не то чтобы самодовольными, но какъ-то не обязательными. Такія манеры случалось мнѣ подмѣчать лишь у заѣзжихъ иностранцевъ съ претензіями, поставленныхъ въ необходимость ладить и вѣдаться съ простыми русскими людьми: кажется все мягко и пристойно, а вдругъ въ усмѣшкѣ проглянетъ что-то заносчивое и обращеніе сдѣлается слишкомъ небрежнымъ.

— Да, да, нашъ драгоцѣнный потомокъ гермейстеровъ, нашъ благотворитель Эстовъ и Леттовъ, нашъ сельскій мудрецъ, возрастившій небывалыя кормовыя травы на болотахъ принадлежащихъ барону фонъ-Зильберу! говорилъ между тѣмъ Иванъ Петровичъ.—Поселяйтесь-ка въ нашемъ околодкѣ, пролейте на всю окрестность свѣтъ вашихъ агрономическихъ познаній, научите насъ какъ дѣлать золото изъ всякой дряни. Да чего же вамъ ближе: вотъ вамъ для перваго опыта Сергѣй Ильичъ, ничего не понимающій въ агрономіи и изъ силъ своихъ выбившійся; войдите въ его тягостное положеніе; съ нимъ и поладить легче чѣмъ табаку понюхать.

Тутъ Иванъ Петровичъ почерпнулъ изъ табакерки порцію мерзѣйшаго зеленаго табаку, къ которому имѣлъ особливое пристрастіе, вбилъ его себѣ въ носъ и началъ чихать такъ, что вся окрестность огласилась какимъ то стономъ.

И я и гость мой оба засмѣялись; чортъ знаетъ, что такое имѣлось въ веселыхъ рѣчахъ этого болтуница Ивана Петровича: онѣ побѣдили даже щепетильную сдержанность фонъ-Шпербеля!

— Я боюсь, сказалъ я гостю, когда нашъ смѣхъ и громозвучное чиханіе толстяка прекратилось, —я боюсь того, что если восторженные отзывы Ивана Петровича о вашихъ агрономическихъ познаніяхъ не преувеличены, нашъ край покажется жалкимъ мѣстомъ для вашей дѣятельности.

— Вашъ край не хуже всякаго другаго русскаго края, отвѣчалъ фонъ-Шпербель, принимая хвалу себѣ какъ должное, — а я думаю для васъ не будетъ новостью узнать, что во всякомъ русскомъ хозяйствѣ не хорошо только одно: приходится все въ немъ разрушать и затѣмъ уже приниматься за трудъ настоящій.

— Вотъ какъ! перебилъ Иванъ Петровичъ: — меня инда подъ бока кольнуло. Значитъ вы настоящій Маратъ для ржи и покосовъ, Робеспьеръ скотныхъ дворовъ и водяныхъ мельницъ. Я очень радъ, что Сергѣй Ильичъ совершенно раздѣляетъ ваши воззрѣнія, и совѣтую вамъ, не теряя времени, приступить къ условіямъ аренды.

— Нашъ добрый Иванъ Петровичъ вводитъ васъ въ заблужденіе, сказалъ я, замѣчая, что сосѣдъ, для забавы своей собирается устроить себѣ кое-что въ родѣ комедіи изъ моихъ переговоровъ съ посѣтителемъ.—Совершенно понимая вашъ взглядъ на презрѣнное состояніе россійскихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, я не вижу пользы въ ихъ полномъ разрушеніи; что же до моего имѣнія, то въ немъ ведется многое къ чему я привязанъ, и что должно, даже при всякой перемѣнѣ, оставаться на старомъ основаніи.

— Ну да, ну да, сказалъ Иванъ Петровичъ, — конечно никто не станетъ нарочно морозить вашего сада или разбирать господскаго дома по бревнамъ.

— Иванъ Петровичъ, съ нѣкоторою сухостью замѣтилъ фонъ Шпербель,—нашъ разговоръ начинаетъ касаться серіозныхъ предметовъ и можетъ имѣть вліяніе на дѣло, о которомъ, по вашимъ словамъ, Сергѣй Ильичъ давно думаетъ. Потому я попрошу васъ не перебивать насъ. Мнѣ желательно было знать, обратился онъ снова ко мнѣ,—какую часть вашего хозяйства вы считаете вполнѣ удовлетворительною, и что именно въ хозяйствѣ Петровскаго должно остаться неприкосновеннымъ, еслибы вы пожелали передать его въ другія руки?

Мнѣ началъ надоѣдать этотъ тонъ снисходительнаго эк-

заминатора, а еще болѣе сердился я, глядя, какъ подсмѣивается и веселится Иванъ Петровичъ. Надо было поскорѣе разъяснить дѣло, начинавшее впадать въ мистификацію.

— Я говорилъ не собственно о хозяйствѣ, обратился я къ Шпербелю: — на старомъ основаніи разчитываю я оставить не поля и покосы, но разные порядки на мызѣ, заведенные до меня и которые я всегда поддерживалъ.

Фонъ-Шпербель навострилъ уши и усилилъ вопросительный видъ своей физіономіи.

— Вотъ вамъ напримѣръ, спокойно продолжалъ я, —одно изъ условій стараго быта, которое я считаю неприкосновеннымъ, и которое долженъ безпрекословно принять всякій, кто бы рѣшился хозяйничать въ Петровской мызѣ. Здѣсь у насъ до тридцати дворовыхъ людей, изъ нихъ въ конторѣ, на скотномъ дворѣ и въ саду работаютъ человѣкъ семь, мущинъ и женщинъ; все остальное или дряхлые старики, или малыя дѣти. Семьи эти жили у насъ, постоянно работали и работаютъ какъ слѣдуетъ; новое положеніе нисколько не измѣнило ихъ отношенія къ помѣщикамъ; обѣ стороны свыклись и разойдтись имъ трудно. Поэтому правъ ли я, гарантируя этимъ людямъ связаннымъ со мною, вѣчный пріютъ у себя на мызѣ, полное довольство по старому положенію, тѣ же порядки и награды какія имъ выдавались и вѣчное право быть здѣсь домашними людьми до той поры пока они сами не пожелаютъ чего-нибудь иного?

Я ожидалъ противорѣчій, можетъ-быть смѣха и пожатія плечами, но очень ошибся: господинъ Фридрихъ фонъ-Шпербель промычалъ только: „а-а-а-а!“ и кинулъ на меня взглядъ, очень напомнившій мнѣ взглядъ Англичанки при видѣ нашихъ бабъ, во всей натурѣ выскочившихъ изъ воды для драки. Затѣмъ онъ замедлилъ шагъ и обратился съ какимъ-то вопросомъ въ полголоса къ Ивану Петровичу. Думая, что гости мои имѣютъ поговорить между собою о чемъ-нибудь особенномъ, я оставилъ ихъ за собою и тихо пошелъ къ дому. Сдѣлавъ сотню шаговъ, я оглянулся— они оба стояли на прежнемъ мѣстѣ и продолжали бесѣду. Я дошелъ до крыльца и взглянулъ опять: конференція кончилась. Иванъ Петровичъ шелъ ко мнѣ, махая руками, хо-

хотъ его разносился по окрестности, а толстое пузо тряслось и колыхалось. Фонъ-Шпербеля и слѣдовъ не оказывалось; только въ ту минуту какъ Иванъ Петровичъ добрелъ до дома, по проѣзжей дорогѣ пролегавшей за дальними надворными строеніями, послышался стукъ отъѣзжавшей повозки.

— Неужели ужь уѣхалъ? спросилъ я Ивана Петровича.

— Уѣхалъ, уѣхалъ, отрясая прахъ со своихъ сандалій! запыхавшись промолвилъ толстякъ, и пузо его заколыхалось пуще прежняго.—Огорошили же вы его, батюшка, съ вашими дворовыми! Не знаю ужь какъ и передать мнѣніе герра фонъ-Шпербеля про вашу особу!

— Ничего, передавайте; отъ мнѣнія меня не убудетъ.

— Чуть вы ему отвѣсили ваше соображеніе по поводу тридцати человѣкъ домашней челяди, фонъ-Шпербель подошелъ ко мнѣ словно побить меня собрался. „И это такъ-называемый умный человѣкъ? и это помѣщикъ? и это вашъ пріятель, съ которымъ поощряли вы меня имѣть дѣло?“ сообщилъ онъ съ великимъ гнѣвомъ. „Стыдно вамъ и имѣть такихъ пріятелей, а мнѣ вѣчный срамъ за то, что я поклонился ему и тратилъ слова по пустому. Вашъ сосѣдъ или отъ природы поврежденъ въ разсудкѣ, или дерзкій уродъ, отвѣчавшій оскорбленіемъ на мое доброе намѣреніе. Въ обоихъ случаяхъ я не хочу видѣть его!“

Долго смѣялись мы азарту горделиваго агронома, и хитрый Иванъ Петровичъ, воспользовавшись веселою минутой, сообщилъ мнѣ о главной цѣли своего посѣщенія. Мало того что ему никогда ни сидѣлось дома дальше трехъ дней, но онъ вмѣнялъ себѣ въ радость и другихъ сосѣдей похищать изъ домовъ въ самое трудное время.

— А вѣдь я рѣшился, батюшка, притянуть васъ въ уѣздный нашъ городъ, началъ онъ вкрадчиво. — Предводитель взялъ съ меня слово вытащить васъ изъ берлоги, а ужь торжество будетъ на славу! Да неужели къ вамъ еще не являлось приглашенія?

— Какая мнѣ надобность до предводителя, и какое тамъ торжество совершится въ уѣздномъ городѣ?

— *** ревизуетъ губернію, Викторъ Петровичъ прибудетъ съ нимъ, въ качествѣ друга и спичмейстера. Совер-

шится пиръ достойный Сарданапала и Камбсереса. Увидите всѣхъ мировыхъ посредниковъ, все начальство края пройдетъ передъ вашими очами, въ болѣе или менѣе трезвомъ видѣ! Ужь коли тутъ не будетъ пища вашему сатирическому уму, какъ сказалъ Жуковскій,—такъ прикажите надѣть на меня всѣ фуфайки и теплые сюртуки Петра Иваныча.

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ.

ПОЧТЕННЫЕ ЛЮДИ,

ОБРЕМЕНЕННЫЕ МНОГОЧИСЛЕННЫМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

„Le désir universel et immodéré des emplois publics est la pire des maladies sociales; elle crée une foule d'affamés capables de toutes les fureurs pour satisfaire leur appétit, et propres à toutes les bassesses dès qu'ils sont rasassiés. Un peuple des solliciteurs est le dernier des peuples: il n'y a pas d'ignominie par où on ne puisse le faire passer."

Montalembert.

Вообще говоря, изъ числа „почтенныхъ людей"... Позвольте, впрочемъ, не лишнимъ будетъ сказать что послужило поводомъ къ наблюденіямъ надъ почтенными людьми.

Года два назадъ, случилось мнѣ послать въ лавочку купить стеариновую свѣчку; ее принесли завернутую въ листѣ исписанномъ тѣмъ четкимъ почеркомъ, который называютъ обыкновенно канцелярскимъ. Съ первыхъ же строкъ рукопись возбудила мое любопытство; она заключалась въ слѣдующемъ:

„....Никогда не забыть мнѣ этого вечера! Онъ врѣзался неизгладимыми чертами въ моей памяти: насъ собралось человѣкъ тридцать, съ цѣлію составить подписку и основательно обсудить, кому заказать серебряный кубокъ, который рѣшено было поднести „въ знакъ признательности"

начальнику отставленному отъ должности за неспособность; такъ по крайней мѣрѣ разказывали. Намъ очень хорошо извѣстно было, что это служило ему въ то же время наградой и повышеніемъ, потому что ему давали мѣсто несравненно болѣе значительное прежняго. Тѣмъ не менѣе, слухи о его неспособности сдѣлавшіеся, такъ сказать, офиціяльными, глубоко оскорбляли насъ и самымъ невольнымъ образомъ повергали общество въ состояніе близкое къ унынію.

„Въ первую минуту, когда предложена была подписка, лица присутствующихъ изобразили отрадное воодушевленіе; немнится, начались горячія пренія, споры, увѣщанія съ одной стороны, крики и даже брань съ другой; но потомъ, когда чинъ, имя, отчество и фамилія послѣдняго изъ насъ занесены были на листъ и дѣло съ кубкомъ рѣшено было отдать Сазикову,—все какъ рукой сняло; воодушевленіе уступило мѣсто сосредоточенному раздумью, лбы нахмурились, и общество погрузилось въ молчаніе. Взглянувъ на насъ, можно было думать, что тутъ собрались не чиновники, но лица „заѣденныя горькою средой“, короче сказать, такія лица, которыя, говорятъ, нынѣ въ большой модѣ. Скука была смертельная; чтобы покончить съ нею, двое-трое взялись уже за шляпы. Въ самую эту минуту, одинъ изъ присутствующихъ, молодой человѣкъ, только что опредѣлившійся на службу, выступилъ впередъ, обвелъ глазами общество и обратился къ намъ съ такими словами: „Мнѣ кажется, господа, мы слишкомъ уже предаемся ме„ланхоліи... чтобы разсѣять ее, предложу вамъ вопросъ, ко„торый давно вертится у меня на языкѣ: вамъ, безъ со„мнѣнія, знакома общая всѣмъ намъ способность умиляться „передъ тѣмъ что̀ въ сущности не заслуживаетъ плевка, — „и главное: извѣстна та непомѣрная щедрость, съ какою „готовы мы всегда надѣлять эпитетами: *почтенный*, *много„уважаемый*, *достойный* и пр.,—такихъ людей, которые не „стоятъ выѣденнаго яйца... Желалъ бы я спросить васъ, „милостивые государи, изъ какого источника вытекаютъ „такія свойства?!..“

„Не могу вамъ передать, какъ непріятно подѣйствовала на меня эта выходка. Начать съ того, она была совершенно неумѣстна и, въ добавокъ, принадлежала человѣку, который былъ по лѣтамъ и чину моложе присутствую-

щихъ и долженъ бы былъ держать себя скромнѣе всѣхъ. Наконецъ, самоувѣренность тона, что-то задорное и непочтительное, лежавшее въ основаніи предложеннаго имъ вопроса, — все это не заслуживало отвѣта. Къ сожалѣнію, не всѣ раздѣляютъ мой образъ мыслей. Нашлись люди, которые не постыдились возражать молодому выскочкѣ; слово за словомъ, завязался общій разговоръ и, къ великому моему удивленію, въ немъ приняли участіе даже тѣ: на которыхъ привыкъ я смотрѣть съ уваженіемъ. Удивленіе мое возросло еще болѣе, когда я сталъ прислушиваться: одни приписывали щедрость въ отношеніи къ хвалебнымъ эпитетамъ — нравственной распущенности; другіе видѣли въ этомъ лѣнь; третьи — отсутствіе того начала, изъ котораго составляется общественное мнѣніе; четвертые основывали все на добродушіи, которое смѣясь называли: перележавшимъ гороховымъ киселемъ.... да, это ихъ собственное выраженіе! И представьте, хоть бы одинъ высказалъ настоящую причину, хоть бы одинъ нашелся объяснить все это великодушіемъ, столь свойственнымъ нашей природѣ!

„Быть-можетъ, я отсталъ отъ того что̀ принято теперь называть прогрессомъ и современнымъ развитіемъ; но все равно, я сохраню до гробовой доски свои убѣжденія, я твердъ въ нихъ и горжусь ими! Еще въ дѣтствѣ, читая старинныя христоматіи, я всегда съ жадностію пробѣгалъ глазами страницу, гдѣ опредѣлялся характеръ народовъ:

Испанецъ—гордъ.
Французъ—легкомысленъ.
Итальянецъ—страстенъ.
Турокъ—ревнивъ.
Нѣмецъ—разсудителенъ.

и т. д., и когда доходилъ до опредѣленія: „Русскій—великодушенъ“, я гордо подымалъ голову, сердце мое билось сильнѣе, и слезы невольно струились по щекамъ моимъ.

„Всосавъ такъ сказать съ молокомъ подобное убѣжденіе, я, какъ вы можете себѣ представить, не могъ оставаться равнодушнымъ слушателемъ того что̀ говорилось въ настоящую минуту; сердце мое вскипѣло отъ негодованія; я открылъ уже ротъ, чтобы высказать свое мнѣніе, но въ эту минуту выступилъ нашъ совѣтникъ, и я поневолѣ долженъ былъ замолкнуть.

„Предоставляю вамъ судить о моихъ чувствованіяхъ, когда я услышалъ слѣдующее:

„Милостивые государи, сказалъ совѣтникъ голосомъ, покрывшимъ на минуту всѣ голоса (съ первыхъ его словъ и движеній я могъ заключить, что онъ, такъ же какъ и я, затронутъ за живое), „милостивые государи! Прислушива„ясь къ сужденіямъ вашимъ по поводу вопроса... страннаго „вопроса... скажу болѣе, не совсѣмъ умѣстнаго вопроса, „предложеннаго здѣсь молодымъ человѣкомъ, я, признаюсь, „отказывался вѣрить ушамъ своимъ... Какъ! вы приписы„ваете лѣности, нравственной распущенности и т. д. такія „свойства нашего характера, которыя, можно сказать, слу„жатъ лучшимъ его украшеніемъ! Да, милостивые государи, „лучшимъ украшеніемъ! скажу болѣе: приносятъ намъ ве„личайшую честь, потому что настоящій источникъ этихъ „свойствъ не лѣность, не распущенность, какъ вамъ угодно „было выразиться, но то широкое, то безграничное велико„шіе, которымъ природа, столь щедрая всегда въ дарахъ „своихъ, такъ обильно надѣлила душу каждаго изъ насъ! „Отвергать этого вы не можете, милостивые государи, ни „въ какомъ случаѣ не можете! Не можете вслѣдствіе того „же самаго великодушнаго свойства, которое, я убѣжденъ, „кроется въ сердцѣ каждаго изъ васъ!! Неужели то что ежеднево свершается въ глазахъ вашихъ не достаточно под„тверждаетъ слова мои? Неужели, говоря объ этомъ, мнѣ „нужно прибѣгать къ доказательствамъ?...“ („Прибѣгайте! „Прибѣгайте!“ раздалось нѣсколько голосовъ; я взглянулъ на совѣтника: въ жизнь свою не видалъ я лица, сіявшаго болѣе благороднымъ чувствомъ.) „Доказательствъ! воскликнулъ совѣтникъ, воодушевляясь и простирая впередъ руку: „доказательствъ!—они вездѣ, всюду, во всемъ, милостивые „государи! Да, во всемъ!! Что скажете вы, напримѣръ, ка„сательно общаго похвальнаго стремленія занимать видныя „мѣста на службѣ отечества, — приносить для этой цѣли „всевозможныя жертвы, тратить деньги, унижаться передъ „людьми, которыхъ часто не уважаешь,—и все это—имѣя въ „виду только пользу отечества! Что скажете вы о благо„родствѣ, съ какимъ вообще всѣ начальствующія лица отка„зываются отъ собственныхъ интересовъ въ пользу подчи„ненныхъ и нижнихъ чиновъ, ввѣренныхъ ихъ отеческому по„печенію? Какое заключеніе выведете вы изъ того стократъ

„счастливаго случая, который занесъ меня въ провинцію на „выборы ратниковъ во время крымской компаніи? Я ви- „дѣлъ собственными глазами, какъ многіе изъ богатыхъ „помѣщиковъ, удостоенные чести выбора въ ополченцы, „въ защитники отечества, великодушно уступали мѣста „свои бѣднѣйшимъ изъ своихъ собратовъ и даже потомъ „награждали ихъ деньгами! Что̀ доказываетъ все это?! „Но зачѣмъ идти такъ далеко? Возьмемъ хоть то обстоятель- „ство, которое соединило всѣхъ насъ здѣсь, въ этой залѣ. „Нашъ начальникъ (голосъ совѣтника понизился; онъ оче- видно былъ тронутъ и не могъ громко выговаривать сло- ва) лишается мѣста и въ то же время получаетъ дру- „гое, которое несравненно почетнѣе и даже выгоднѣе пер- „ваго! Что̀ жь это такое, если не великодушіе! (Правда! Правда! закричало нѣсколько человѣкъ.) Требуются ли „еще новыя доказательства, милостивые государи? продол- жалъ благородный ораторъ:—требуются ли они?.. И нако- „нецъ, милостивые государи, позвольте замѣтить: отвергая „такъ легкомысленно присутствіе въ насъ великодушія, вы „сами себѣ жестоко противорѣчили! Сколько разъ, при мнѣ, „каждый изъ васъ давалъ эпитетъ *почтеннаго*, основыва- „ясь на томъ только, что у человѣка сѣдые волосы, и не „разбирая того, что онъ шулеръ и взяточникъ; сколько „разъ, руководимые благороднымъ порывомъ души, говорили „вы и писали: *достойный*, *многоуважаемый*, такому гос- „подину, вся заслуга котораго состояла только въ томъ, „что у него было много дѣтей!.. Наконецъ, не съ каждымъ „ли изъ насъ, и чуть ли не каждый день, повторяется такое „обстоятельство: сидимъ мы у себя дома или въ гостяхъ; „рѣчь идетъ положимъ о какомъ-нибудь Петрѣ Петровичѣ: „—Негодяй! говоритъ одинъ. — Отъявленный мерзавецъ! „подхватываетъ второй. — Представьте... начинаетъ тре- „тій, и тутъ же разказываетъ такой фактъ о Петрѣ Пет- „ровичѣ, что муравьи пробѣгаютъ по тѣлу. Въ самую „эту минуту, въ дверяхъ показывается Петръ Петро- „вичъ, и что жь? Мы все забываемъ въ ту же секунду, бро- „саемся къ нему на встрѣчу, кричимъ: почтенный Петръ „Петровичъ, сажаемъ его подлѣ себя, жмемъ ему руку, и „предлагаемъ карточку!.. Что̀ же это такое, какъ не изби- „токъ того великодушія, которое, позвольте мнѣ повторить,

„составляетъ основу и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее украшеніе „каждой истинно возвышенной души!?!..“

„При послѣднихъ словахъ я долѣе уже не могъ владѣть собою; слезы хлынули изъ глазъ моихъ и, чтобы скрыть ихъ, я поспѣшилъ взять шляпу и выбѣжалъ изъ собранія...“

Здѣсь оканчивался листъ.

Признаюсь чистосердечно, чтеніе это было для меня чѣмъ-то въ родѣ „новаго слова“,—того самаго новаго слова, которое высказалъ А. Григорьевъ въ давнемъ *Москвитянинѣ*; оно мигомъ расширило мой кругозоръ и переставило мою точку зрѣнія въ отношеніи къ самому себѣ и всему меня окружающему. Я не подозрѣвалъ въ себѣ столько великодушія, или, скорѣе, столько нравственной распущенности, потому что доводы, представленные почтеннымъ совѣтникомъ, показались мнѣ скорѣе пристрастными чѣмъ справедливыми.

До сихъ поръ мнѣ въ голову не приходило давать какое-нибудь значеніе эпитетамъ: „почтенный, многоуважаемый“ и проч.; я разсыпалъ ихъ по привычкѣ встрѣчному и поперечному; мало того: стоило назвать кого-нибудь при мнѣ „почтеннымъ“, я совершенно удовлетворялся такимъ опредѣленіемъ. „Почтенный“, думалъ я, „чего же больше? этимъ все сказано; господинъ этотъ заслуживаетъ отнынѣ и во вѣкъ полнаго моего уваженія!“ Успокоивая себя такимъ образомъ въ отношеніи къ почтеннымъ людямъ, изъ которыхъ состояло тогда для меня чуть ли не все человѣчество, я рисковалъ окончательно притупить свои наблюдательныя способности.

Прочитавъ рукопись, я съ того же дня далъ себѣ слово воздерживаться отъ тупоумной довѣрчивости. Какъ только раздавалось подлѣ меня слово: „почтенный“, я настораживалъ уши какъ заяцъ, заслышавшій лай;—какъ молодой, или, все равно, старый писатель, который, войдя въ кофейную наполненную народомъ, старается прислушаться къ сужденіямъ о его произведеніи только что напечатанномъ. Стоило спросить мнѣ: „кто этотъ господинъ?“ и получить въ отвѣтъ: „почтенный человѣкъ!“—я начиналъ уже подробно о немъ спрашивать, старался дать себѣ ясный отчетъ въ его дѣйствіяхъ, старался подбиться къ нему ближе, съ тѣмъ

чтобъ окончательно увѣриться, на сколько онъ въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ почтенія.

Занятіе это увлекло меня. Мало-по-малу „почтенный человѣкъ“ сдѣлался моею спеціальностью. Я наблюдалъ его въ домашнемъ быту, на улицѣ, въ общественной жизни, на поприщѣ гражданской и военной службы.

Результатъ моихъ наблюденій былъ такого свойства, что прежнія мои вѣрованія положительно опрокинулись навзничь.

Теперь уже ясно для меня: какъ не все то золото что блеститъ, такъ не все то почтенно что носитъ такое названіе! Мысль стара, если хотите; но что же новаго подъ луною, если не считать мыслей и взглядовъ, заложенныхъ въ основаніе нашихъ журналовъ!

Такъ какъ я каждый вечеръ записываю свои наблюденія, то у меня самымъ незамѣтнымъ образомъ составилась толстѣйшая рукопись. Современемъ, я издамъ ее въ свѣтъ подъ общимъ названіемъ: *Изслѣдованія о почтенныхъ людяхъ на поприщѣ гражданскомъ и въ частной жизни.*

Я преднамѣренно выпустилъ изъ нея все что тамъ говорится о лицахъ дѣйствительно почтенныхъ. Выставляя ихъ въ контрастѣ „сомнительнымъ или несостоятельнымъ или несостоятельнымъ почтеннымъ людямъ“, я думалъ сначала этимъ способомъ достигнуть двухъ цѣлей: принести должную дань уваженія первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придать вторымъ больше рельефности. Разсудивъ однакожь, я нашелъ, что это будетъ совершенно лишнее: истинно почтенные люди не нуждаются въ защитѣ и даже уваженіи частныхъ лицъ; они совершенно довольствуются общественнымъ уваженіемъ; всякая похвала даже противна имъ, сколько я замѣтилъ. Что же касается до „несостоятельныхъ почтенныхъ людей“, они сами по себѣ довольно ярки и выпуклы.

Не странно ли думать однакожь, что лица эти, несмотря на свою очевидную яркость, проскользали до сихъ поръ такъ сказать незамѣтно, или по крайней мѣрѣ мало останавливали на себѣ вниманіе наблюдателя!

Иначе, согласитесь, съ какой стати стали бы ихъ такъ часто мѣшать съ лицами точно почтенными, стали бы ихъ ставить на одну доску, давать имъ въ обществѣ одинаковое положеніе?

Вопросъ, очевидно, такъ важенъ, что давно требуетъ разрѣшенія.

И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же награда истинной добродѣтели, когда поминутно и съ такимъ легкомысліемъ навязываютъ ее встрѣчному и поперечному? Этимъ способомъ добродѣтель скоро потеряетъ всю свою цѣну. Это особенно обидно въ послѣднее время, когда, какъ нарочно, все дорожаетъ, — даже самые обиходные, грубые жизненные предметы. Вы проживаете годы, не видите серебрянаго рубля, между тѣмъ какъ не проходитъ такого дня, чтобы не встрѣтить нѣсколько добродѣтельныхъ почтенныхъ людей.

Избытокъ одного и недостатокъ другаго, — воля ваша, что-то подозрительно.

Скромно надѣемся, что книга наша, указывая въ чемъ состоитъ, по нашему мнѣнію, несостоятельность многихъ почтенныхъ людей, удешевитъ ихъ въ глазахъ читателя и тѣмъ самымъ возвыситъ цѣну тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ названія „почтенныхъ“.

Для образчика приведемъ отрывокъ подъ названіемъ:

„Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ“.

Общія черты.

Лица, составляющія категорію „почтенныхъ людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ“, такъ многочисленны, оттѣнки отличающіе ихъ другъ отъ друга такъ разнообразны, что нѣтъ возможности опредѣлить ихъ физіономію положительными чертами, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ нашихъ паспортахъ; скажутъ: „лицо круглое, носъ прямой, подбородокъ круглый, ротъ круглый, глаза сѣрые“, — и типъ русскаго человѣка бросается вамъ въ глаза словно отпечатанный.

Наконецъ, для насъ не столько нужна точность физическаго портрета, сколько нравственнаго.

Касательно внѣшности, достаточно будетъ сказать, что „почтенному человѣку, обремененному многочисленнымъ семействомъ“, бываетъ обыкновенно отъ сорока пяти лѣтъ до семидесяти пяти. Встрѣчаются, конечно, исключенія:

есть люди, которые такъ рано женятся! Есть также старички, которые, перейдя даже за семидесятипятилѣтній возрастъ, сохраняютъ столько еще свѣжести и силы, что дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и такимъ образомъ принимаютъ на себя всю отвѣтственность въ своихъ поступкахъ.

Въ обоихъ случаяхъ, какъ тѣ, такъ и другіе, вступаютъ въ категорію „несостоятельныхъ“ тогда только, когда дѣйствія ихъ отвѣчаютъ слѣдующей аксіомѣ: „каждый смертный, обремененный семействомъ, пользуется по всей справедливости названіемъ *почтеннаго* и не прикосновенъ до тѣхъ поръ, пока не проникается убѣжденіемъ, что многочисленность семейства даетъ ему несомнѣнное право на вниманіе общества и на полученіе доходнаго казеннаго мѣста.“

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что такъ какъ одни достаточные люди могутъ не тяготиться семействомъ и обойдтись безъ мѣста,—стóитъ быть бѣднымъ, чтобъ поступить въ разрядъ „несостоятельныхъ“.

Вовсе не такъ.

Напротивъ, чѣмъ бѣднѣе семейный человѣкъ, тѣмъ меньше у него шансовъ быть „несостоятельнымъ“. Какъ только самъ онъ не виноватъ въ своей бѣдности, онъ можетъ хлопотать о мѣстѣ сколько ему угодно, можетъ прибѣгать къ покровительству сильныхъ міра сего, можетъ даже, если найдетъ полезнымъ, трогать чувствительныя сердца частымъ повтореніемъ фразы: „обремененъ многочисленнымъ семействомъ!“ Крайность, нужда въ кускѣ хлѣба, служатъ ему прямымъ оправданіемъ.

Когда бѣдный семьянинъ, получивъ мѣсто, перестаетъ канючить, довольствуется своимъ положеніемъ и, чтобы сохранить его, начинаетъ работать какъ лошадь, онъ прямо уже переходитъ въ разрядъ истинно-почтенныхъ людей, достойныхъ всякаго уваженія.

Въ первоначальной рукописи приведено было множество такихъ примѣровъ; но, какъ уже сказано, я выбросилъ ихъ чтобы спеціально заняться лицами, которыя, бывъ совершенно обезпечены, идутъ тѣмъ не менѣе по стопамъ бѣдняковъ и дѣйствуютъ на основаніи вышеприведенной аксіомы. Но этого еще мало: чтобы попасть въ самый центръ круга „сомнительныхъ“, необходимо преслѣдовать свою

цѣль съ особымъ упорствомъ, необходимо пускать въ ходъ интриги, давать взятки, краснорѣчиво говорить о собственномъ достоинствѣ и добродѣтеляхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тереться въ передникъ, ползать и унижаться передъ сильными, необходимо сознавать собственное свое превосходство, какъ человѣка просвѣщеннаго, передъ бѣднякомъ, и оскорбляться тѣмъ, что онъ осмѣливается идти по одной дорогѣ съ вами; а главное, необходимо искать мѣста съ тѣмъ чтобъ оно служило ступенью къ другимъ мѣстамъ, чтобы на всѣхъ этихъ мѣстахъ получать какъ можно больше жалованья и ровно ничего не дѣлать.

Послѣднее соображеніе даетъ уже право на генеральскій чинъ въ категоріи „несостоятельныхъ почтенныхъ людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ.“

Они представляютъ, такъ сказать, совершеннѣйшій антиподъ тѣхъ, которые стремятся занять мѣсто съ цѣлью работать и быть полезными; впрочемъ, такъ какъ послѣдніе легко еще могутъ заблуждаться на счетъ себя, могутъ основывать свои стремленія на личномъ самолюбіи и тщеславіи, вѣрнѣе будетъ сказать, что первые антиподъ тѣхъ, которыхъ въ ту или другую должность призываетъ общество, имѣющее несомнѣнныя доказательства въ ихъ способностяхъ, опытѣ, трудолюбіи и знаніи дѣла.

„Несостоятельные“, кромѣ независимаго состоянія, должны еще имѣть нѣкоторое общественное положеніе.

Это ясно.

Извѣстно, что сермяга, лохмотья, прорванные локти, дѣйствуютъ болѣе на улицахъ, даже въ глухихъ переулкахъ чѣмъ въ пріемныхъ и раззолоченныхъ салонахъ сильныхъ міра сего; имъ даже въ голову не можетъ придти туда затесаться.

Можно сказать безъ преувеличенія: нѣтъ почти общественнаго положенія, которое не давало бы своего числа индивидуумовъ въ категорію „несостоятельныхъ почтенныхъ людей.“ Между ними въ изобиліи встрѣчаются помѣщики, домовладѣльцы, лица отставныя, служащіе по разнымъ вѣдомствамъ, литераторы, музыканты, ученые и даже художники.

Здѣсь слѣдовало бы, по настоящему, приложить таблицу, которая сразу опредѣляла бы, какое именно изъ этихъ общественныхъ положеній даетъ болѣе обильную цифру

„несостоятельныхъ“; но пока еще нельзя этого сдѣлать. Вообще у насъ нигдѣ такъ не легко сбиться съ толку, какъ въ точномъ опредѣленіи общественнаго положенія. Не на каждомъ ли шагу встрѣчается, напримѣръ, такое обстоятельство:

— Кто этотъ господинъ? спрашиваете вы.

— N. N., литераторъ (или все равно, живописецъ).

— Такъ это онъ! Я много слышалъ о немъ и его семействѣ отъ одного помѣщика, который сосѣдъ ему по имѣнью. N. N., стало-быть, не только литераторъ, но, еще и помѣщикъ?..

— Да; но онъ рѣдко бываетъ въ своемъ помѣстьи.

— Отчего же? Тамъ бы, кажется, всего лучше было ему работать...

— А служба!

— Какая служба?

— Да вѣдь онъ служитъ въ министерствѣ!..

— Изъ какого же рожна онъ служитъ, прости Господи! Вѣдь онъ помѣщикъ и сверхъ того еще литераторъ: онъ зарабатываетъ деньги трудомъ и кромѣ того получаетъ доходы съ имѣнія; чего жъ ему еще?..

— Да, конечно... но, знаете, надо вникнуть въ его обстоятельства: онъ обремененъ такимъ многочисленнымъ семействомъ...

Прошу сказать послѣ этого, къ какому общественному положенію причислить N. N.? Что онъ, литераторъ, помѣщикъ или чиновникъ?

Примѣчаніе. Семейные литераторы на службѣ преимущественно принадлежатъ къ разряду „несостоятельныхъ.“ Кромѣ того что литературный трудъ при талантѣ или трудолюбіи отлично теперь вознаграждается, литераторъ-чиновникъ подбивается всегда къ такому мѣсту, которое, прибавляя въ его жизни значительную долю комфорта, не отрывало бы его вмѣстѣ съ тѣмъ отъ поэтическихъ занятій. Замѣчено также, что служащій литераторъ болѣе другихъ раздражается, негодуетъ и считаетъ вопіющею несправедливостью когда осмѣливаются его безпокоить служебными обязанностями, возлагаемыми на него крупнымъ жалованьемъ.

Гдѣ, на какой почвѣ, въ какихъ пространствахъ дѣйствуютъ по преимуществу „сомнительные почтенные люди“?

На это отвѣчать не трудно: отъ невскихъ береговъ до величаваго Эльбруса и даже дальше; отъ западныхъ нашихъ границъ вплоть до устья Амура.

Москва и, особенно, Санктъ-Петербургъ служатъ главнымъ театромъ дѣйствій.

Не имѣя возможности распространиться подробнѣе, раздѣлимъ общую семью „несостоятельныхъ“ на три главные разряда: 1) *Неслужащіе*, 2) *тѣ, которые въ отставкѣ*, 3) *состоящіе на дѣйствительной службѣ*.

I. Неслужащіе.

Передъ нами разстилаются во всѣ стороны неоглядныя поля; рожь давно выколосилась и переливается изъ края въ край золотыми волнами; надъ нею, въ голубомъ небѣ, звонко, весело заливаются живоронки; теплый вѣтерокъ сладко щекочетъ ноздри нѣжнымъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ. Но что значитъ этотъ ароматъ передъ тѣмъ, который носится надъ палисадникомъ помѣщичьяго дома? Домъ виднѣется въ сторонѣ отъ деревни и тѣшитъ глазъ своею красною тесовою крышкой, выступающею на темномъ фонѣ стараго липоваго сада. Какой милый, привлекательный видъ! Широкій балконъ защищенъ отъ солнца полосатыми маркизами; вы сходите шестью ступенями въ палисадникъ; оттуда открывается видъ на луга и прудъ съ наклоненными головастыми ветлами...

Пріятное впечатлѣніе ни мало не нарушается при входѣ въ домъ; напротивъ того, хозяйка дома—милѣйшая изъ женщинъ; хозяинъ—добрѣйшій изъ людей; васъ обступаетъ толпа дѣтей, одинъ привлекательнѣе другаго. Съ перваго взгляда вы убѣждаетесь, что жизнь проходитъ здѣсь въ мирѣ, довольствѣ, счастіи. Васъ ведутъ въ гостиную и усаживаютъ на мягкій диванъ; вокругъ разсыпаны въ изобиліи кипсеки, изящныя бездѣлушки, картины обличающія тонкій вкусъ и высокую степень просвѣщенія.

Но не станемъ распространяться о жизни помѣщика; къ чему повторять то, что столько разъ и притомъ съ такою

поразительною вѣрностію описывалось нашими повѣствователями?

Разъ, въ этомъ домѣ, даже въ этой самой гостиной, происходитъ такой разговоръ:

— Сколько всего на всего получаемъ мы въ годъ доходу? спрашиваетъ жена.

— Если считать сады и мельницу, выйдетъ около пяти тысячъ, возражаетъ мужъ, устремляя грустный взглядъ черезъ дверь въ палисадникъ облитый солнцемъ:—какъ видишь, продолжаетъ онъ,—съ такими деньгами намъ невозможно жить въ Москвѣ или Петербургѣ и пользоваться всѣмъ чѣмъ здѣсь пользуемся; здѣсь мы живемъ соотвѣтственно нашему положенію; тамъ, съ тѣми же средствами, принуждены будемъ жить чуть ли не бѣдняками!.. А между тѣмъ, переѣхать необходимо; ты сама это знаешь: необходимо оставить этотъ домъ, который такъ милъ, необходимо проститься съ тихою жизнію, которая намъ обоимъ такъ по сердцу! Мы должны принести эту жертву для дѣтей... Ты конечно хорошо приготовила Катю и Машу, но обѣ уже въ такомъ возрастѣ, что имъ необходимъ фундаментальный учитель музыки; необходимъ такъ же учитель англійскаго языка (теперь это неизбѣжно, всѣ учатся по-англійски), такъ же учитель танцевъ; cela développe! Что жъ касается Пети и Васи, ими тоже пора серіозно заняться; я конечно готовъ былъ бы отдать ихъ въ пансіонъ, къ какому-нибудь хорошему учителю, который взялся бы приготовить ихъ основательно, готовъ былъ бы разстаться съ ними...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! съ жаромъ перебиваетъ жена.

— То-то и есть! И тебѣ больно, и мнѣ также. Изъ этого слѣдуетъ, что надо ѣхать въ столицу; но какъ это сдѣлать? Вотъ вопросъ... Какъ тамъ жить при нашихъ теперешнихъ средствахъ?.. Другаго выхода нѣтъ какъ поступить на службу и занять какое-нибудь мѣсто...

— Какое же мѣсто? спрашиваетъ жена.

— Все равно, мой другъ: все равно, лишь бы только отвѣчало оно моему общественному положенію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяло при нашихъ обстоятельствахъ сводить концы съ концами...

Прислушиваясь къ такимъ разговорамъ, сколько разъ

воскликалъ я внутренно: „Остановись, милѣйшій изъ людей! Остановись, не досказывай послѣдней мысли!!. Разсуди, что любое мѣсто, которое ты такъ случайно займешь, требуетъ своего рода знанія и дѣятельности; подумай, что нѣтъ мѣста, которое не отвѣчало бы какой-нибудь общественной или государственной потребности, что̀ въ сущности одно и то же; не приготовленный удовлетворить этой потребности, ты выполнишь ее криво и косо, вѣроятно, совсѣмъ не выполнишь, и это будетъ еще лучшее изъ того что̀ ты сдѣлаешь! Съ твоими пятью тысячами дохоу, дѣти твои получатъ прекрасное образованіе; не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу дѣтей бѣдныхъ родителей, которые отлично воспитаны и образованы? Не часто ли видимъ мы, что чѣмъ больше стоили дѣти, тѣмъ меньше сто́ятъ они въ послѣдствіи! Понимаю, что тебѣ грустно разстаться съ удобствами и комфортомъ, тебя окружающими; даже глубоко сочувствую этому; но какъ быть? пожмись немножко, поубавь барской спѣси, принеси эту жертву для дѣтей, какъ самъ ты прекрасно выразился!..“

Вы спросите, можетъ-быть, почему я восклицалъ только внутренно и не высказывалъ своихъ мыслей явно друзьямъ моимъ?

Пробовалъ, неоднократно пробовалъ; но это обыкновенно ни къ чему не вело, или вело къ тому, что въ дружескія наши отношенія проникала такая порція холоду, которая окончательно ихъ замораживала.

Попробуйте-ка идти противъ убѣжденій всосанныхъ съ молокомъ!—убѣжденій, которыя состоятъ въ томъ, что мѣста существуютъ исключительно для поправленія нашихъ домашнихъ обстоятельствъ; что казна и общество располагающія мѣстами—что-то въ родѣ богадѣленъ, гдѣ должны поить и кормить каждаго, кому только вздумается жить даромъ!

Все это столько разъ опрокидывало наповалъ собственныя мои убѣжденія, что я наконецъ упалъ духомъ и рѣшился никому ничего не говорить.

Иногда причина, заставляющая искать мѣсто, бываетъ такого рода:

Домъ, полосатыя маркизы, дѣти, палисадникъ, мягкій диванъ, словомъ, вся внѣшняя и внутренняя обстановка

могутъ, пожалуй, оставаться тѣ же; но только старшій сынъ Петенька ни за что не хочетъ учиться. Онъ переходитъ изъ одного пансіона въ другой, оттуда къ учителямъ, въ гимназію, изъ гимназіи снова отдаютъ его учителямъ, а между тѣмъ малому минуло уже шестнадцать лѣтъ.

На семейномъ совѣтѣ рѣшаютъ наконецъ опредѣлить его юнкеромъ; тутъ же, кстати, рѣшаютъ, что мальчикъ съ младенчества обнаруживалъ всегда военныя наклонности; папаша припоминаетъ, какъ обрадовался разъ Петя, когда ему подарили пушку, барабанъ и каску; бабушка утверждаетъ, что любимѣйшею игрой Пети были всегда оловянные солдатики; тетушка безъ слезъ припомнить не можетъ, какъ Петя всегда радовался, когда позволяли ему ѣздить верхомъ на сѣромъ коренникѣ и т. д. Проходитъ годъ, другой: Петя рѣшительно объявляетъ, что онъ скорѣе застрѣлится чѣмъ останется служить въ пѣхотѣ; онъ во что бы ни стало хочетъ быть уланомъ или гусаромъ.

— Петя, другъ мой, слабо, хотя тоскливо, возражаютъ отецъ и мать,—въ кавалеріи служить такъ дорого; мы не захотимъ, чтобы ты былъ хуже другихъ... и т. д.

Плачутъ, плачутъ, но покупаютъ лошадь, заказываютъ форму и дѣлаютъ походный несессеръ подъ аплике.

Все это, конечно, стóитъ много денегъ,—не считая тѣхъ, которыя втихомолку суетъ мать, и тѣхъ, которыя тратитъ отецъ, чтобы заплатить долги Петруши. А между тѣмъ, Маша и Катя подрастаютъ. Петя годъ отъ году убавляетъ приданое сестеръ. „Какъ быть? что дѣлать?“ восклицаютъ нѣжные родители: „нынче молодежь стала такъ разчетлива! Женихи не хотятъ уже довольствоваться прекраснымъ сердцемъ дѣвушки; ихъ не трогаетъ музыка, романсы и даже знаніе англійскаго языка; они говорятъ, что любовь безъ денегъ ничего больше какъ пара лаковыхъ ботинокъ безъ подошвъ! Какъ ни бейся, слѣдовательно, надо искать мѣста!..“

Мѣсто получено.

Спустя нѣсколько времени, у васъ дѣло, судьба котораго въ рукахъ отца Петеньки, Маши и Кати. Съ первыхъ же словъ открываете вы, что отецъ, не взирая на доброту его сердца, глупъ какъ баранъ и не только ничего не можетъ рѣшить, но даже нарочно оттягиваетъ дѣло, чтобы надъ нимъ не трудиться.

„Что же это значитъ!“ думаете вы. Но задавайте себѣ этотъ вопросъ хоть до втораго пришествія, вы ровно ничего не рѣшите. Придетъ ли въ голову, что не захоти Петенька въ уланы и не нуждайся Маша съ Катей въ приданомъ, ничего бы этого не было; на этомъ мѣстѣ сидѣлъ бы другой господинъ, который можетъ-быть сразу бы рѣшилъ ваше дѣло!

Бываетъ также вотъ какъ: папенька и маменька столько же заботятся о Петѣ, Машѣ и Катѣ, сколько слонъ о лайковыхъ перчаткахъ. Дѣти растутъ какъ грибы, съ тою только разницей, что вторые произрастаютъ въ лѣсу, тогда какъ первые въ домѣ. Они отлично ѣдятъ, пьютъ и спятъ, съ тѣмъ чтобы по выходѣ изъ родительскаго дома точно также умѣть ѣсть, пить, спать и родить дѣтей. Мыслительныя и духовныя способности маменьки поглощены нарядами. Когда что-нибудь не по ней, она, не говоря худаго слова, даетъ оплеушины своимъ горничнымъ (теперь впрочемъ, это выводится; какъ ни трудно побѣждать старыя привычки и обуздывать свои порывы, но, надо правду, сказать, въ обузданіи ихъ виденъ уже нѣкоторый прогрессъ). Папенька, съ своей стороны, любитъ задавать пирушки. Можно думать, онъ бьетъ на то, чтобъ его выбрали въ предводители дворянства; ничуть не бывало! Въ немъ нѣтъ служебнаго тщеславія и на маковую росинку; онъ попросту человѣкъ весь на распашку, хлѣбосолъ, широкая натура; или онъ въ гостяхъ, или у него гости; пирушки смѣняются пирушками; сегодня всѣ у него на кулебякѣ, завтра онъ на разварной стерляди. „Деньги—навозъ, тогда только и приносятъ пользу, когда ихъ разбрасываютъ!“ говоритъ онъ, хотя и не читалъ политической экономіи. Наступаютъ выборы, надо ѣхать, а денегъ нѣтъ,—закладывай деревню! Наступаютъ именины жены, званъ весь уѣздъ, обѣщанъ балъ, а денегъ нѣтъ,—продавай рощу! и т. д. Въ одинъ прекрасный день открывается, что въ долгъ никто уже не вѣритъ и перекусить нечего; продавать, закладывать также нечего. Словомъ, какъ говорится: позавтракали трюфлями, пообѣдали хлѣбомъ, пришлось ужинать стаканомъ воды.

— Мой другъ, мы раззорены! восклицаетъ жена, заламывая отчаянно руки и обливаясь потоками слезъ.

— Успокойся, душенька... Успокойся ради самого неба!

нѣжно возражаетъ супругъ:—дѣла наши, конечно, очень плохи, но положеніе наше еще не безвыходное!.. Мы всю нашу жизнь кормили и поили уѣздъ; насъ не оставятъ!.. Скоро выборы, буду хлопотать о мѣстѣ, и заранѣе тебѣ ручаюсь за успѣхъ!..

Послѣ выборовъ являетесь вы въ общество сосѣдей только что пріѣхавшихъ изъ губернскаго города (у всѣхъ еще горло хрипитъ отъ криковъ, и желудки разстроены отъ обѣдовъ).

— Кого выбрали въ исправники? спрашиваете вы.

— Ананасова.

— Какъ Ананасова? Того самого Ананасова, который проѣлъ и пропилъ свое имѣніе? Онъ раззорилъ свою деревню, а вы выбрали его устраивать уѣздъ! Всѣмъ извѣстно, что Ананасовъ безпутнѣйшій человѣкъ, и сверхъ того лѣнтяй и тунеядецъ перваго номера, какъ только дѣло нейдетъ объ обѣдѣ или травлѣ зайца...

— Конечно, возражаютъ вамъ:—что говорить? все это такъ; но съ другой стороны нельзя же... Онъ все-таки добрый, благородный человѣкъ... Притомъ, надо также взять въ разчетъ то обстоятельство: у него такое многочисленное семейство!..

Весь уѣздъ ломаетъ себѣ шею, подводы всюду завязаютъ, даромъ что мужички тщательно объѣзжаютъ всѣ мосты; въ продолженіи года по деревнямъ скрывается опасный бродяга, бѣжавшій изъ острога и котораго поймать никакъ не могутъ; дѣла земскаго суда лежатъ подъ спудомъ; вы говорите объ этомъ всѣмъ и каждому, указываете на Ананасова, который проводитъ дни попивая чай съ лимономъ, намекаете на обѣды, которые онъ снова началъ задавать; не пропускаете даже того обстоятельства, что онъ завелъ уже садокъ съ налимами и стерлядями и занимается ими больше чѣмъ своею службой; на все это отвѣчаютъ вамъ:

— Конечно, правда; но чтожь дѣлать, посудите: онъ обремененъ такимъ многочисленымъ семействомъ!..

Спускаясь ниже по степенямъ помѣщичьей обстановки, мы встрѣчаемъ совершенно такіе же симптомы; разница въ томъ только, что тутъ скромнѣе требованія: все ограничивается мѣстомъ смотрителя магазиновъ, или непремѣннаго члена,—помощника исправника. Этотъ непремѣнный

членъ не напоминаетъ ли вамъ слѣдующаго: „Софронъ, что ты дѣлаешь?—Ничего!—Ну, а ты, Антонъ, чѣмъ занимаешься?—Подсобляю Софрону!“ Но это мимоходомъ.

Былъ у меня пріятель, нѣкто Сюсюкинъ. На долю его выпала очень миленькая деревушка душъ въ шестьдесятъ. Жить было бы очень можно. Но вмѣсто того чтобы заняться устройствомъ Рожновки (такъ звали деревню), чего всѣ мы ждали, зная Сюсюкина за чадолюбиваго отца, онъ началъ съ того, что купилъ старшей дочери (ей было тогда семь лѣтъ) рояль, женѣ прехорошенькій фаэтонъ, а для себя собственно завелъ три своры борзыхъ. Пріѣзжаетъ онъ разъ къ Петру Степановичу Люлюкову, родственнику, занимавшему въ уѣздѣ видное мѣсто.

— Послушай, Вольдемаръ, говоритъ ему Люлюковъ:— вѣрю, что ты разстроился; вѣрю, и вполнѣ, братецъ, сочувствую твоему положенію; основываясь на этомъ, совѣтывалъ бы тебѣ послужить. Что говорить!—скучно; ты не привыкъ стѣснять себя, но теперь мѣстечко бы тебѣ пригодилось...

— Какое же я могу занять мѣсто?..

— Конечно, для начала нельзя быть очень взыскательнымъ; начни съ маленькаго; оно прочиститъ тебѣ дорогу къ другому; оно дастъ мнѣ поводъ предложить тебя на выборахъ къ другой должности...

— Что жъ мнѣ дѣлать?..

— Возьми теперь пока мѣсто смотрителя сельскихъ магазиновъ...

— Въ чемъ же состоитъ эта обязанность?

— Получать жалованье! сказалъ Люлюковъ, лукаво подмигивая лѣвымъ глазомъ.

— Какъ? И больше ничего?

— Ничего рѣшительно!

И точно; съ полученіемъ мѣста, Сюсюкинъ точно канулъ въ воду; въ продолженіе двухлѣтней его службы, ни одинъ магазинъ не видалъ его въ глаза.

Разъ одному изъ такихъ небогатыхъ помѣщиковъ я сунулся было посовѣтовать заняться устройствомъ образцоваго постоялаго двора въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Меня дѣйствительно тронуло отчаянное положеніе, въ которомъ находилось его семейство, состоящее изъ жены, бабки,

престарѣлой тещи и восьмерыхъ дѣтей, малъ-мала-меньше. Боже, еслибъ вы только видѣли, какъ онъ обидѣлся! На меня напустились за это даже и другіе сосѣди.

—Какъ?? Что вы говорите?!! Въ чемъ же тогда будетъ отличіе между дворяниномъ и простымъ дворникомъ? и т. д.

А между тѣмъ никто для него ничего не дѣлалъ. Потомъ уже узналъ я, что, когда онъ съ горя сдѣлался отчаяннымъ пьяницей, надъ нимъ сжалилась одна добрая душа и предложила его въ непремѣнные члены земскаго суда.

Переходя отъ помѣщиковъ къ дворянамъ-домовладѣльцамъ, мы встрѣчаемъ до такой степени однаковые случаи, что рѣшительно считаемъ лишнимъ о нихъ распространяться. За рѣдкими исключеніями, домъ—тоже деревня; какъ здѣсь, такъ и тамъ, нравы, потребности, взглядъ на вещи, остаются неизмѣнно тѣ же.

Считаю не лишнимъ замѣтить однакожь, что какъ первые, такъ и послѣдніе (не выключая изъ того числа ученыхъ и художниковъ, не служащихъ, но чающихъ опредѣлиться на службу), всѣ чувствуютъ въ равной степени неодолимое отвращеніе отъ частныхъ занятій, промышленности, службы по конторамъ, частнымъ заводамъ, фабрикамъ и т. д; они съ одинаковымъ рвеніемъ хлопочутъ о казенномъ, или, какъ еще говорится, коронномъ мѣстѣ.

Оно и понятно.

Въ первомъ случаѣ волей-неволей надо работать; даромъ не дадутъ денегъ; чуть-чуть что, и откажутъ. Казенное мѣсто (въ этомъ собственно заключается главное убѣжденіе „несостоятельныхъ почтенныхъ людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ“), во-первыхъ, легче достать; во-вторыхъ, оно ни къ чему почти не обязываетъ. Того и смотри дадутъ еще крестъ, аренду или пенсію.

Примѣчаніе. Одинъ господинъ, которому прочелъ я эту главу въ рукописи, сообщилъ мнѣ слѣдующіе два разговора, подслушанные имъ въ разныхъ концахъ нашего отечества; помѣщаемъ ихъ съ благодарностью:

— Милостивый государь, говорилъ промотавшійся помѣщикъ одному важному лицу, у котораго просилъ мѣста:— даю вамъ мое благородное дворянское слово!..

— Дайте лучше просто честное слово, это будетъ вѣрнѣе! перебилъ тотъ.

— Славное у меня мѣсто! сказалъ разъ нѣкто Бодасовъ своему пріятелю.

— Ты хочешь сказать: доходное!

— Ты привязываешься къ словамъ: не все ли это равно! весело возразилъ Бодасовъ.

II. Отставные.

Не желая затруднять читателя многосложными выводами и опредѣленіями, скажемъ коротко и ясно, что въ категорію „отставныхъ-несостоятельныхъ почтенныхъ людей“ не входятъ:

Вопервыхъ, лица высшихъ общественныхъ положеній и тѣ также, которыя достигли извѣстныхъ уже степеней на служебномъ поприщѣ. Причина ясная: такія лица никогда почти не бываютъ въ чистой отставкѣ. Лишившись одного мѣста, они тотчасъ же получаютъ другое, часто несравненно лучше перваго. Примѣръ этого встрѣчаемъ мы въ началѣ этого очерка, и надѣемся, онъ не первый и не послѣдній.

Вовторыхъ, лица вышедшія въ отставку по своему желанію. Они или богаты, или руководились въ этомъ случаѣ особенными убѣжденіями. Въ обоихъ случаяхъ, какъ тѣ, такъ и другіе тщательно избѣгаютъ службы, развѣ призоветъ ихъ къ тому само общество съ ясными доказательствами, какъ они для него необходимы.

Втретьихъ, лица отставленныя не по своей винѣ.

Послѣднія у насъ чуть ли не исключеніе.

Нельзя же предполагать въ самомъ дѣлѣ такой ужь страшный наплывъ способныхъ или превосходныхъ личностей, чтобы подъ конецъ ими вовсе не дорожили.

Остается слѣдовательно говорить о тѣхъ отставныхъ, которые, имѣя чѣмъ жить, не довольствуются своимъ состояніемъ и лѣзутъ изъ кожи, чтобы снова поступить на службу.

Первый взглядъ на индивидуума такого рода сопровождается всегда вопросомъ: „отчего онъ въ отставкѣ?..“

Вопросъ самымъ невольнымъ образомъ бросаетъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на человѣка.

Положимъ, онъ лишился мѣста не по своей винѣ.

Тогда является слѣдующее размышленіе:

Слухъ, молва, замѣняющія у насъ пока такъ успѣшно газеты, даютъ оцѣнку въ своихъ кругахъ каждому дѣйствительно полезному человѣку. Молва сыщетъ его въ отставкѣ. Ему предложатъ сто частныхъ мѣстъ прежде чѣмъ онъ подумаетъ просить ихъ.

— Какъ же могло случиться, что ты въ отставкѣ? спрашиваешь себя снова, и вмѣстѣ съ этимъ, самъ собою, приходитъ въ голову случай съ Самосвистовымъ.

— Тебя отставили? спросилъ N. N., встрѣтивъ на улицѣ Самосвистова.

— Да, и совершенно напрасно; даже глупо сдѣлали, что отставили: я только что устроилъ свои дѣла и готовился было приняться за служебныя...

Отставные „сомнительные“ рѣдко служили по гражданскому вѣдомству.

Сидѣнье ли на департаментскихъ и канцелярскихъ стульяхъ соединено уже съ тѣмъ чтобы пріучать природу человѣка къ осѣдлости; мирныя ли бумажныя занятія способствуютъ къ тому, чтобъ охлаждать темпераментъ и воображеніе; но только чиновникъ (за исключеніемъ развѣ экстренныхъ случаевъ) рѣдко выходитъ изъ колеи, въ которую разъ вдвинула его судьба. Онъ обращается къ пройденному поприщу безъ сожалѣнія, но и безъ злобы; поглядывая съ улыбкой кротости и умиленія въ будущее, онъ спокойно, безъ лихорадочной торопливости, двигается впередъ по предписанной ему дорогѣ. Дорога не всегда шоссейная, это правда; чины, разставленные по ней, какъ версты, постепенно затушевываются по мѣрѣ ихъ отдаленія; онъ, не унывая однакожъ, идетъ впередъ. Словомъ сказать, чиновникъ остается чиновникомъ до скончанія своего вѣка.

Исключенные изъ службы по своей винѣ (это обыкновенно или страшныя тупицы, для которыхъ слѣдовало бы устроить особую богадѣльню, страннопріимный домъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, или положительно никуда уже негодные люди), они рѣдко ищутъ мѣста; тѣмъ рѣже это случается, чѣмъ долѣе сидѣли они на службѣ. Вообще замѣчено, что люди, привыкшіе къ воздуху и почвѣ департаментовъ и канцелярій, легко уподобляются тѣмъ растеніямъ, которыя не выносятъ пересадки, не уживаются на новой почвѣ; они положительно вянутъ, чахнутъ, болѣю

частію спиваются съ кругу, гибнутъ или влачатъ презрѣнную жизнь, поддерживаясь на счетъ жены, которая съ дѣтьми клеитъ коробочки для аптекъ или выпрашиваетъ подаяніе, посредствомъ извѣстнаго рода писемъ.

Нужно ли говорить, что самый кровный, самый породистый типъ „отставныхъ сомнительныхъ людей обремененныхъ семействомъ", поступаетъ въ эту категорію прямо изъ служившихъ прежде въ военномъ вѣдомствѣ?

Вы узнаете такого субъекта по слѣдующимъ примѣтамъ,—не считая конечно упорнаго стремленія занять казенное мѣсто:

Онъ всегда въ нѣкоторомъ родѣ проливалъ кровь за отечество и, если въ отставкѣ, то причиной этому злые люди, личные враги, не разъ даже посягавшіе на его жизнь.

Онъ скорѣе готовъ будетъ, кажется, вычистить вамъ сапоги чѣмъ показать свой формулярный списокъ.

Вы просите его объяснить, хоть приблизительно, какого рода желаетъ онъ мѣсто; ему совершенно все равно; онъ готовъ куда угодно,—лучшее доказательство, что онъ никуда не годенъ.

Онъ съ особеннымъ стараніемъ напираетъ всегда на фразу: „многочисленное семейство", и придаетъ ей особенно чувствительную интонацію.

Слушая его, можно думать, что общество, правительство, наконецъ вы сами виноваты отчасти, что у него такъ много дѣтей.

Напрасно будете вы увѣрять его, что въ этомъ нѣтъ особенной заслуги, что такое обстоятельство могло развѣ поощряться въ древнія времена ради вопроса заселенія или пожалуй и теперь, но только на пустынныхъ берегахъ Амура; онъ непоколебимо останется при убѣжденіи, что дѣти даютъ ему право на особенное вниманіе общества. Онъ будетъ настаивать на этомъ до тѣхъ поръ, пока вы не объявите рѣшительно, что не желаете встрѣчаться съ нимъ на пути жизни.

Но этимъ еще не кончится. Въ скоромъ времени (если только вы лицо вліятельное), вы получаете письмо отъ знакомаго господина или дамы (чаще отъ дамы); въ немъ говорится, что такой-то господинъ былъ у васъ, просилъ о мѣстѣ и безуспѣшно; васъ просятъ войдти въ его положеніе и постараться опредѣлить его.

— Вы писали мнѣ о такомъ-то? спрашиваете вы, встрѣчая господина или даму, писавшихъ письмо.

— Да; вы его опредѣлили?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какой вы, право, ужасный человѣкъ!

— Помилуйте, съ какой же мнѣ стати опредѣлять его! Что онъ, инвалидъ что ли?

— Нѣтъ, но у него такое многочисленное семейство.

— Старшіе дѣти его, я справлялся, опредѣлены на казенный счетъ; объ остальныхъ я буду хлопотать; чтожъ касается до него, онъ можетъ работать.

— Помилуйте, ему уже пятьдесятъ лѣтъ! Какая тутъ работа!

— Начать съ того, что люди старѣе этого да работаютъ; вовторыхъ, у него пенсія.

— Онъ говоритъ, что этого ему недостаточно...

— Ну это его дѣло; зачѣмъ не умѣлъ онъ быть полезнымъ на столько, чтобъ остаться на службѣ...

— Фи, какой вы холодный человѣкъ!

Когда субъектъ такого рода достигаетъ довольно крупнаго чина, онъ очень охотно принимаетъ мѣсто управляющаго большимъ имѣніемъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, берется управлять заводомъ, снисходитъ даже до смотрителя большаго казеннаго дома. Но положительно можно сказать, когда чинъ не великъ, любимѣйшимъ мѣстомъ „отставнаго несостоятельнаго“ всегда было, есть и будетъ мѣсто городничаго.

Назойливость, съ какою преслѣдуется должность городничаго, объясняется не прежде какъ когда встрѣтите вы вашего просителя въ уѣздномъ городѣ, встрѣтите его жирнымъ, расплывшимся, сидящимъ на пролеткѣ возимой лошадьми пожарной команды, и провожаемаго низкими, не столь почтительными, сколько робкими поклонами мѣстныхъ торгующихъ купчиковъ и мѣщанъ.

III. Служащіе.

Обратимся снова къ важному лицу, о которомъ упоминается на первой страницѣ по поводу серебрянаго кубка.

Примѣръ этотъ, указывая только съ одной стороны какъ рѣдки въ настоящее время герои способные добровольно

отказываться отъ даровыхъ земныхъ благъ, объясняетъ съ другой стороны, что недостаточно еще служить и даромъ получать жалованье, чтобы поступить въ категорію „несостоятельныхъ, служащихъ почтенныхъ людей“. Для этого необходимо еще не довольствоваться своимъ мѣстомъ, необходимо лично или черезъ посредство покровителей стремиться къ болѣе выгоднымъ назначеніямъ, если можно, стараться даже занять въ одно время два, три и болѣе мѣста.

Если предположить, что въ основаніе такого рода дѣйствій входитъ поговорка: „рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ ищетъ гдѣ лучше“, то прямо можно сказать, что „сомнительные почтенные люди“ руководствуются ложнымъ принципомъ.

Рыба, уходя въ глубину морскую, ищетъ какъ словно тишины, уединенія, спокойствія; такое стремленіе прямо даже говоритъ въ пользу ея мирныхъ наклонностей. Лежа на брюхѣ, пропуская воду черезъ жабры, проглатывая время отъ времени собрата, для поддержанія существованія, она въ сущности не приноситъ особенной пользы, но также не причиняетъ особаго зла; въ морѣ остается все столько же рыбы и столько же воды; Нептуну и другимъ морскимъ божествамъ все равно, слѣдовательно, опускается ли рыба въ глубину, или идетъ на поверхность моря; въ обоихъ случаяхъ она имъ ничего не стоитъ. Кто знаетъ также, быть-можетъ, вовсе не лѣнь и не любовь къ комфорту влекутъ рыбу на дно морской пучины; она ищетъ тамъ спасенія отъ лютаго врага, отъ хищной акулы; вотъ эта послѣдняя такъ всегда почти лѣзетъ вверхъ, всегда рыщетъ въ какомъ-то безпокойствѣ, всегда пучитъ глаза свои съ такимъ жаднымъ, ненасытнымъ видомъ, какъ будто ей мало плавать въ одномъ морѣ, — нѣтъ, нельзя ли еще разомъ плескаться въ трехъ четырехъ моряхъ.

Итакъ, если ужъ пошло на сравненіе съ рыбами, вѣрнѣе будетъ кажется назвать служащихъ лицъ, стремящихся зацѣпить нѣсколько мѣстъ разомъ,—съ рыбой акулой.

Свойства совершенно тѣ же. Разница единственно въ томъ, что послѣдняя дѣйствуетъ въ морѣ, тогда какъ первые на сушѣ; разница, пожалуй, еще въ наружномъ видѣ.

Наружность двуногихъ акулъ представляется большею частію въ чрезвычайно отшлифованномъ, привлекательномъ видѣ. Ихъ отличаетъ солидная и въ то же время красивая по-

ступь, пріятность манеръ и любезность; многіе могутъ даже служить образцами въ знаніи утонченныхъ свѣтскихъ пріемовъ.

Вы очарованы обращеніемъ великолѣпнаго Македонскаго, очарованы его казенною квартирой, отдѣланною со вкусомъ дѣлающимъ величайшую честь штатному архитектору, служащему въ томъ же вѣдомствѣ; очарованы также дѣтьми Македонскаго, маленькими Македонскими, получающими такое изящное и фундаментальное образованіе въ казенныхъ заведеніяхъ; очарованы госпожею Македонской, успѣвшею еще сохранить поэтическую прелесть своего институтскаго воспитанія; но все это именно и ставитъ васъ въ тупикъ, когда узнаете вы, что Македонскій хлопочетъ еще примкнуть къ своей должности директорство такого-то спеціальнаго завода.

„Боже, чего жь еще надо?“ восклицаете вы въ наивности души. Но, можетъ-быть, приходитъ вамъ тутъ же въ голову, можетъ быть Македонскій особенно изучалъ такую-то отрасль промышленности; можетъ-быть имъ руководитъ мысль, „что конечно тяжело занимать два мѣста, но что же дѣлать? каждый долженъ быть готовъ жертвовать своимъ временемъ и спокойствіемъ, когда дѣло идетъ о пользѣ, которую мы принести можемъ...“

Ничуть не бывало!

Здѣсь вопросъ снова разрѣшается Петенькой, Машей и Катей; снова открывается, что общество или такая-то промышленность въ полной зависимости отъ Пети, Маши и Кати, и должны отвѣчать за устройство ихъ будущаго благосостоянія.

Пораженный такою странностію, начинаешь наблюдать за Македонскимъ; стараешься дознаться чѣмъ будутъ руководствоваться при опредѣленіи его къ директорству новой спеціальной части. Открывается... Но это уже составляетъ достояніе слѣдующей главы, гдѣ разсуждается о томъ за что̀ даютъ мѣста и какъ они пріобрѣтаются.

Какъ видите, соединеніе въ одномъ лицѣ литератора, помѣщика и чиновника не такъ еще удивительно какъ соединеніе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ, часто самыхъ разнородныхъ должностей.

Наблюденія наши нерѣдко приводили насъ къ открытію

большой непослѣдовательности, чтобы не сказать безсмыслицы.

Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, Опухловъ всю свою жизнь посвятилъ изученію свойствъ хлѣбныхъ зеренъ: смотришь, ему неожиданно дали мѣсто директора стеариноваго завода. Мерлушкинъ довелъ игру въ пикетъ и палки до степени высокаго художества; смотришь, онъ занимается успѣшнымъ разведеніемъ рыбы въ прѣсныхъ водахъ имперіи и т. д.

— Скажите пожалуста, спросилъ разъ М*, у своего пріятеля:—на какомъ основаніи К* засѣдаетъ въ Т* комитетѣ?

— А какъ же? Вѣдь у него собственный домъ на Литейной! отвѣчалъ пріятель.

И точно, другаго основанія не было.

Затѣмъ слѣдуетъ еще опредѣленіе къ такимъ мѣстамъ, которыя ни къ чему не обязываютъ, гдѣ положительно нечего дѣлать, или гдѣ можно ничего не дѣлать...

Тихихъ мѣстъ много; мы ограничимся хоть мѣстами докторовъ и архитекторовъ казенныхъ мѣстъ, такъ какъ мы не говорили еще о служащихъ ученыхъ и художникахъ.

Уже титулъ „свободный художникъ“ ясно говоритъ, кажется, что архитекторъ лицо частное, вольнопрактикующее. Но многимъ архитекторамъ недостаточно еще, если ихъ пригласятъ произвести или поправить такую-то постройку, точно также какъ недостаточно многимъ докторамъ дѣлать свои визиты частнымъ образомъ. Тутъ вѣдь въ виду только деньги; это само собой; но кто себѣ врагъ, отчего же не получать чины, кресты, казенную квартиру, дрова и свѣчи, когда представляется возможность? Доходя такимъ образомъ до зубныхъ врачей, которые точно также занимаютъ коронныя мѣста, мы всегда удивлялись, какъ еще сдерживаетъ до сихъ поръ свою зависть все не служащее человѣчество!

— Вы намѣрены кажется передѣлать печи? спросилъ В. у Ф.

— Да.

— Совѣтую вамъ пригласить архитектора Z; онъ особенно много занимался новыми системами отопленія.

— Зачѣмъ же? у насъ свой архитекторъ.

— Сколько онъ получаетъ?

— Семь сотъ рублей жалованья, квартиру, отопленіе, освѣщеніе и, сверхъ того, награду въ концѣ года.

— Прекрасно; помнится, вы говорили, что въ десять послѣднихъ лѣтъ, у васъ въ домѣ не происходило никакихъ построекъ и перемѣнъ; вы стало-быть даромъ истратили семь тысячъ рублей, не считая, чего стоитъ квартира, дрова и т. д.

— Все это такъ, мой почтеннѣйшій; но что же дѣлать, когда въ штатѣ у насъ полагается архитекторское мѣсто? Къ тому же, признаться, я самъ хлопоталъ объ опредѣленіи къ намъ теперешняго нашего архитектора.

— Что же побудило васъ къ этому? экономія?

— Нисколько; вопервыхъ, онъ прекраснѣйшій человѣкъ; вовторыхъ, слѣдовало то же взять въ разчетъ и то обстоятельство: онъ обремененъ такимъ многочисленнымъ семействомъ!..

Тотъ же разговоръ можетъ съ успѣхомъ прикидываться къ докторамъ, зубнымъ врачамъ, окулистамъ, акушерамъ и т. д.

Не думаете ли вы, что все это создано съ тою исключительною, благодѣтельною цѣлію, чтобъ избавить начальствующихъ лицъ отъ траты денегъ, когда имъ, или, все равно, ихъ женамъ, дочерямъ и родственницамъ требуется вырвать зубъ, вылѣчить мигрень или дешево выстроить дачу?..

Москва, но еще больше Петербургъ, служитъ главнымъ притокомъ всѣмъ чающимъ прирастить къ своимъ доходамъ доходы казенныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этого можно сказать безъ преувеличенія, что теперь въ Петербургѣ одно только свободное мѣсто, именно — Исакіевская площадь!

IV. Способы пріобрѣтенія мѣстъ и причины опредѣленія къ мѣстамъ.

На свѣтѣ даромъ ничего не дѣлается. Участіе, которое одинъ человѣкъ принимаетъ въ судьбѣ другаго, необходимо должно на чемъ-нибудь основываться. Это такія истины, противъ которыхъ, конечно, никто не станетъ спорить.

Лица со вліяніемъ (каждый человѣкъ, сравнительно вліятеленъ передъ другимъ, стоящимъ ниже его на ступеняхъ

общественной лѣстницы) должны слѣдовательно точно также руководствоваться какимъ-нибудь мотивомъ, чтобы стараться объ опредѣленіи ближняго.

Однимъ управляетъ въ отношеніи къ вамъ сердечное влеченіе; другой питаетъ несомнѣнную увѣренность въ вашихъ способностяхъ, талантахъ, честности, знаніи и проч.; третій беретъ во вниманіе тѣ услуги, которыхъ вправѣ будетъ отъ васъ требовать и т. д.

„Сомнительный почтенный человѣкъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ“, получивъ мѣсто, можетъ иногда ничего не дѣлать; но чтобы получить мѣсто, онъ неизбѣжно долженъ дѣлать что-нибудь.

Умноженіе семейства считается въ этомъ случаѣ ни во что. Мы знаемъ множество примѣровъ, которые доказываютъ, что повтореніе фразы „многочисленное семейство...“ и даже самый фактъ, что дѣтей дѣйствительно было изобиліе, ровно ни къ чему не послужили. За такими примѣрами ходить не далеко.

Всѣмъ было извѣстно, что Яхонтовъ, словно какъ нарочно, родился для такой-то должности; всю свою жизнь посвятилъ онъ изученію своей части. Однажды баронъ Фукъ, лицо, отъ котораго зависѣло мѣсто, приглашаетъ къ себѣ Яхонтова. Поговоривъ съ нимъ, баронъ Фукъ находитъ въ немъ человѣка основательнаго и между прочимъ обращаетъ къ нему такую рѣчь:—„Вижу, вы точно превосходный хозяинъ; послушайте: я купилъ недавно имѣніе и мнѣ хотѣлось бы пріобрѣсти для него машины; будьте такъ добры, выберите мнѣ ихъ у лучшаго нашего механика; я отмѣтилъ что мнѣ нужно на этомъ спискѣ.“—Яхонтовъ ѣдетъ къ механику; машины куплены. „Онѣ стоятъ двѣ тысячи рублей и механикъ требуетъ половину денегъ немедленно,“ говоритъ Яхонтовъ, возвращаясь къ барону Фуку. У послѣдняго въ это время какъ нарочно не случилось денегъ; Яхонтовъ сказалъ, что это ничего, — и взялся отдать изъ своихъ. Проходитъ недѣля, другая; механикъ неотступно пристаетъ къ Яхонтову, прося его объ уплатѣ второй половины. Яхонтовъ отправляется къ барону и деликатно разказываетъ ему дѣло. Баронъ Фукъ выслушалъ его на этотъ разъ съ явнымъ неудовольствіемъ:—„пусть подождетъ“, сказалъ онъ. Проходитъ мѣсяцъ. Механикъ лѣзетъ съ ножомъ къ горлу и грозитъ скандаломъ. Яхонтовъ снова

ѣдетъ къ барону. На этотъ разъ баронъ, оглянувъ его съ удивленіемъ, отдалъ ему сполна всѣ деньги. Но уже съ этого дня надежду получить мѣсто какъ рукой сняло.

Тутъ многочисленности семейства было недостаточно, говорили пріятели Яхонтова,—слѣдовало еще, и это главное, слѣдовало Яхонтову *понять* барона Фука.

„Несостоятельные почтенные люди,“ отыскивающіе мѣсто, кромѣ дѣтей, должны еще запасаться или быть надѣлены отъ природы особенною понятливостію, тонкимъ чутьемъ, находчивостію, изобрѣтательностію, ловкостію, передъ которой умѣніе пройдти по проволокѣ или канату сущее ребячество. Нигдѣ быть-можетъ не требуется столько такту, сколько на трудномъ пути отыскиванія хорошаго выгоднаго мѣста.

Вотъ вамъ, напримѣръ, обращикъ безтактности:

Кислякову не везло; сколько ни бился онъ, сколько за него ни хлопотали, начальникъ не обращалъ на него вниманія. Кисляковъ рѣшился наконецъ лично дѣйствовать; для этой цѣли онъ началъ съ того, что выходилъ на улицу, какъ только начальникъ отправлялся гулять; онъ принялъ намѣреніе попадаться ему какъ можно чаще и каждый разъ отвѣшивать ему низкій поклонъ. Онъ хотѣлъ этимъ выразить ему свою почтительность, уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ обратить на себя выгодное вниманіе начальника. Вотъ однакожь что вышло послѣ первыхъ трехъ попытокъ: начальникъ призвалъ ближайшаго начальника Кислякова и сказалъ ему сухо, даже съ сердцемъ: „Вашъ Кисляковъ рѣшительно надоѣлъ мнѣ; онъ поминутно кланяется мнѣ на улицѣ и тѣмъ самымъ заставляетъ меня самого, на морозѣ, вынимать руки изъ кармановъ и снимать ему шляпу; внушите ему, что кланяются только знакомымъ; кромѣ того что я вижу въ этомъ фамильярность, онъ рѣшительно меня безпокоитъ; внушите ему это пожалуста!“

Съ этого времени несчастный Кисляковъ пропалъ совершенно и сколько ни хлопоталъ, никуда уже не могъ опредѣлиться.

Добросовѣстные изслѣдователи „несостоятельныхъ“ положительно утверждаютъ, что вообще плохо также достигаютъ своихъ цѣлей люди талантливые и такіе также, которыхъ называютъ: горячія головы. Первымъ сильно вредитъ излишекъ самолюбія, обидчивости и даже нѣкотораго до-

стоинства; вторые идутъ по большей части на проломъ, лѣзутъ прямо съ парадnаго крыльца, не подозрѣвая, что съ этой стороны несравненно больше препятствій чѣмъ съ задняго хода. Человѣкъ разсудительный отлично понимаетъ, что фортуна покровительствуетъ смѣльчакамъ только развѣ въ военномъ дѣлѣ. Основываясь на этомъ, въ то время какъ горячія головы, не разбирая преградъ, берутъ приступомъ парадную лѣстницу, — люди разсудительные пробираются по черной, знакомятся съ камердинеромъ, предлагаютъ крестить у него ребенка или, все равно, предлагаютъ ему другое что-нибудь не менѣе пріятное. Такой пріемъ имѣетъ даже особый технический терминъ; это называется: *снюхаться, войдти въ сношенія или соприкосновенія.* Признано вообще, что въ извѣстныхъ случаяхъ успѣшнѣе дѣйствовать снизу вверхъ чѣмъ сверху внизъ.

Аксіома. Человѣкъ, носящій въ головѣ одну назойливую мысль и постоянно ее развивающій, сильнѣе того, у кого въ головѣ копошится обиліе мыслей.

Примѣры. Одно, очень важное лицо имѣло весьма простительную слабость для человѣка уже преклонныхъ лѣтъ, поддерживать свою наружность разными косметическими средствами. Взглянувъ на себя въ зеркало до туалета, онъ съ ужасомъ видѣлъ въ немъ старую обезьяну; взглянувъ послѣ туалета, не могъ достаточно налюбоваться Аполлономъ Бельведерскимъ. Въ первомъ случаѣ ни одинъ еще смертный не видалъ его. Переходя разъ утромъ прямо изъ постели въ отдаленную комнату, значительное лицо потрясено было видомъ Шилохвостова (незначительнаго чиновника въ его управленіи); Шилохвостовъ, съ своей стороны, не обнаружилъ никакого удивленія при появленіи грознаго начальника; напротивъ, онъ умышленно принялъ непочтительную позу, положилъ голову между ладонями, и даже, говорятъ, просвисталъ какой-то италіянскій мотивъ; глаза его небрежно смотрѣвшіе на знатнаго старца, ясно казалось говорили: нѣтъ, братъ, это не ты; онъ красавецъ— заглядѣнье; ты какой-то рыхлый старичишка. Словомъ онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не узналъ его. Начальнику это очень понравилось. Одѣвшись, онъ призвалъ Шилохвостова, который на этотъ разъ счелъ нужнымъ сробѣть и растеряться; но важное лицо обласкало его, спросило что̀ ему надо, и узнавъ, что Шилохвостовъ присланъ съ докладомъ,

по случаю болѣзни обыкновеннаго докладчика, приказалъ ему постоянно являться съ докладомъ. Шилохвостовъ лелѣялъ цѣлые два года сцену, которую такъ удачно разыгралъ. Съ тѣхъ поръ путь его умазался словно мыломъ; гдѣ онъ остановится, неизвѣстно!

Можно было бы еще привести городничаго, который, въ ожиданіи пріѣзда губернатора, цѣлые пять дней охранялъ въ чистотѣ лужу передъ подъѣздомъ уѣзднаго суда, имѣя въ виду лично перебросить черезъ нее доску въ ту минуту какъ подъѣдетъ къ крыльцу губернаторъ; можно бы присовокупить, что его превосходительство, обойдя въ этотъ пріѣздъ наградой всѣхъ чиновниковъ, отличилъ одного только городничаго; но и этого довольно кажется; чтобы пояснить силу одинокой мысли, постоянно развиваемой и питаемой.

Все приведенное нами (считая также извѣстный способъ посылать просить женъ, когда онѣ хорошенькія) носитъ впрочемъ печать обыкновеннаго и отзывается чѣмъ-то грубымъ. Между „несостоятельными почтенными людьми“ такимъ пріемамъ даютъ значеніе не болѣе какъ простому сложенію или вычитанію. До дифференціальнаго исчисленія доходятъ весьма не многіе.

Для разрѣшенія высшихъ задачъ въ дѣлѣ расчищенія себѣ дороги необходимо быть, такъ сказать, свыше одареннымъ. Тутъ даже ума мало; требуются многія душевныя и даже физическія качества.

Какое, напримѣръ, соединеніе энергіи и ловкости нужно чтобы не только не останавливаться передъ лужами и грязью, но умѣть перескочить черезъ нихъ съ особенною граціею, Что скажете вы, напримѣръ, о высокомъ искусствѣ умѣть повиноваться съ такою пріятностію, чтобы лицо, отъ котораго вы зависите, находило особенное наслажденіе отдавать вамъ приказанія?

Предположите тысячу человѣкъ скроенныхъ математически по одной мѣркѣ; предположите ихъ въ одинаковой степени равными по чину, заслугамъ и способностямъ. Если, не взирая на такія условія, одинъ изъ нихъ въ состояніи обратить на себя особенное вниманіе начальника,—смѣло заключайте, что онъ изъ числа одаренныхъ свыше. Такой случай именно произошелъ съ Берендѣевымъ. Значительное лицо, въ рукахъ котораго находилась судьба этихъ ты-

сячи человѣкъ скроенныхъ по одной мѣркѣ, отличило Берендѣева до такой степени, что оставило его у себя обѣдать (не въ примѣръ прочимъ), и потомъ пригласило его къ себѣ въ ложу. Мало того, въ скоромъ времени Берендѣева позвали на классическій музыкальный вечеръ, куда приглашались только избранные.

— Какъ же это такъ? говорили мы въ то время:—мы знаемъ навѣрное, что Берендѣевъ ровно ничего не смыслитъ въ классической музыкѣ...

— Ошибаетесь, отвѣтили намъ:—вчера онъ всѣхъ очаровалъ, играя *à quatre mains* Бетговенскую сонату съ дочерью значительнаго лица.

Когда Берендѣевъ успѣлъ выучиться на фортепіано, какимъ образомъ дошелъ до уразумѣнія Бетговена,—это навсегда останется его тайной. Онъ выросталъ не по днямъ, а по часамъ, какъ сказочный герой, и постепенно поднимался въ гору. Вскорѣ стало извѣстнымъ, что Берендѣевъ постоянно засѣдаетъ въ салонѣ, куда допускались лишь высшія лица и притомъ съ оттѣнкомъ набожности.

— Какъ же такъ, спрашивали многіе:—вѣдь онъ прощалыга, и въ добавокъ, положительно ни во что не вѣруетъ?

— Что?!.. Какъ?!.. возражали на это съ горячностію:—вы стало-быть просто не имѣете о Берендѣевѣ никакого понятія, или принимаете его за другаго! Посмотрѣли бы вы вчера, когда онъ разказывалъ о Іерусалимѣ; слушая его, всѣ плакали!..

По прошествіи года, не существовало чуть-чуть значительнаго дома, гдѣ бы Берендѣева не принимали съ распростертыми объятіями; онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ на всѣхъ раутахъ, вечерахъ, интимныхъ собраніяхъ и даже домашнихъ совѣщаніяхъ.

Ему довольно было одного утра, чтобы всюду поспѣть, вездѣ перебывать, вездѣ оставить пріятное впечатлѣніе.

Въ два часа онъ приглашался къ разрѣшенію затруднительнаго финансоваго вопроса; въ три часа, гуляя по Петергофу и проходя мимо рѣшетки роскошной дачи, вы видѣли его играющимъ въ *cerceau* съ дѣтьми значительнаго лица; въ пять часовъ онъ былъ уже во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и ѣхалъ въ Царское Село на дипломатическій обѣдъ; въ девять часовъ входилъ онъ въ гостиную, гдѣ за-

сѣдалъ министръ, генералъ и еще третье лицо безъ особеннаго значенія. „Ваше высокопревосходительство, честь имѣю кланяться; какъ здоровье вашего высокопревосходительства?“ говорилъ онъ, низко кланяясь министру.—„Ваше превосходительство, какъ ваше здоровье?“ говорилъ генералу.—„Здравствуйте!“ говорилъ третьему лицу, протягивая только мизинецъ [1].

Въ одиннадцать часовъ, заглянувъ на минуту въ салонъ набожной N, Берендѣевъ стремительно перелеталъ въ салонъ-помпадуръ Шарлоты Ѳедоровны, гдѣ всѣхъ очаровывалъ своею веселостію.

Святители! воскликнешь бывало: святители, какъ достаетъ его на все это?! Не на шутку начинаешь думать, что Берендѣевъ, подобно Пинетти, въ состояніи выѣхать въ одно время изъ двадцати семи заставъ Москвы. Но что такое Пинетти! Онъ школьникъ передъ Берендѣевымъ! Послѣдній въ состояніи предложить руку, получить согласіе и жениться на Шарлотѣ Ѳедоровнѣ! Если онъ не сдѣлалъ этого, такъ потому единственно, что ему ничего уже не оставалось почти желать, и это „почти“ могло быть достигнуто другимъ способомъ. Онъ зналъ, что сокровеннѣйшее желаніе Шарлоты Ѳедоровны состояло въ томъ, чтобы пріобрѣсти огромный каменный домъ въ Морской; зналъ также, что пріобрѣтеніе этого дома давно гложетъ сердце значительнаго лица, пламеннаго поклонника и прямаго покровителя Шарлоты Ѳедоровны. Вопросъ весь заключается въ полутораста тысячахъ, которыхъ достать положительно не откуда. Берендѣевъ взялся уладить дѣло. Онъ отыскалъ какого-то милліонера подрядчика, уговорилъ его купить домъ во что бы ни стало и уступить его потомъ Шарлотѣ Ѳедоровнѣ за сущую бездѣлицу. Домъ пріобрѣтенъ. Подрядчикъ получилъ на нѣсколько милліоновъ подрядовъ, и значительное лицо, въ избыткѣ благодарности, не зная уже, чѣмъ пополнить недостающее „*почти*“ въ карьерѣ Берендѣева, изобрѣло для него не существовавшее до того мѣсто.

---

[1] Въ провинціи, лица подражающіе Берендѣеву, ввели въ обыкновеніе называть: „ваше превосходительство“ каждаго, кто только достигъ чина статскаго совѣтника; обычай этотъ поддерживается съ большимъ успѣхомъ и нравится многимъ предводителямъ дворянства.

Къ чести нашей надо сказать, у насъ не рѣдко встрѣчаются факты, которые прямо обращаются даже въ похвалу нашихъ душевныхъ и сердечныхъ свойствъ. Многіе случаи даже умилительны и, слушая ихъ, нѣтъ возможности воздержаться отъ слезъ.

Александръ Петровичъ Помпейскій, нѣжный отецъ многочисленнаго семейства, выдалъ старшую свою дочь за барона Гаденбурга. У Гаденбурга не было никакого состоянія. Состояніе Помпейскаго заключалось въ большомъ каменномъ домѣ, который приносилъ очень ограниченные доходы; половина его была почти занята семействомъ; при домѣ находился, правда, отличный старый садъ,—но согласитесь сами что̀ сталъ бы съ нимъ дѣлать баронъ Гаденбургъ, еслибы Помпейскій отдалъ его въ приданое дочери? Недостаточность средствъ зятя и старшей дочери сокрушала нѣжное сердце Помпейскаго. Неоднократно прибѣгалъ онъ къ знатному Строфокамилову, прося его объ опредѣленіи зятя,—и всякій разъ безуспѣшно. Неожиданно, Строфокамиловъ переѣзжаетъ въ громадный казенный домъ, непосредственно примыкающій къ саду Помпейскаго и отдѣляющійся отъ послѣдняго только каменною стѣной. Помпейскій узнаетъ стороною, что Строфокамиловы, мужъ и жена, упомянули разъ о томъ, какъ бы хорошо было, еслибы дѣти ихъ могли дышать свѣжимъ воздухомъ въ сосѣднемъ саду. Помпейскій въ ту же ночь проламываетъ казенную стѣну, устраиваетъ красивую калитку и посылаетъ ключъ къ Строфокамиловымъ. Въ тотъ же день, подъ тѣнью раскидистой березы, произошла трогательная и совершенно случайная встрѣча между госпожею Помпейской и госпожею Строфокамиловой; въ полдень нельзя было довольно налюбоваться невинными играми маленькихъ Строфокамиловыхъ и Помпейскихъ; мѣсяцъ спустя, Помпейскій самъ рыдалъ, какъ дитя, когда Строфокамиловъ объявилъ ему, что его зять, баронъ Гаденбургъ, получилъ превосходное мѣсто.

V. Покровители.

Подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть тѣхъ добродѣтельныхъ особъ обоего пола, которыя, не имѣя возможности лично дать мѣсто или награду, берутся тѣмъ не менѣе доставлять то и другое и часто достигаютъ своей цѣли.

Дамы—надо быть справедливымъ—всего успѣшнѣе дѣйствуютъ на этомъ поприщѣ.

Касательно дамъ, можно, впрочемъ, вывести такую аксіому: чѣмъ покровительница красивѣе, или чѣмъ выше ея общественное положеніе, тѣмъ больше у нея шансовъ устроить ваше дѣло.

Наблюденія надъ покровителями вообще доказали, что слѣдуетъ раздѣлить ихъ на двѣ категоріи:

1) *Невинно-добродушно-наивныхъ*;

2) *Дѣйствующихъ на основаніи задней мысли.*

Первая исключительно почти состоитъ изъ тѣхъ нѣжныхъ, нервныхъ и впечатлительныхъ женскихъ существъ, которыя съ ужасомъ скрещиваютъ на груди руки и возводятъ глаза къ небу, когда узнаютъ, напримѣръ, что на свѣтѣ есть нужда и бѣдность. Достаточно произнести фразу: „многочисленное семейство“, чтобы потрясти ихъ нервы; достаточно выслушать имъ разказъ о чужомъ горѣ, чтобъ онѣ залились слезами, какъ петергофскій фонтанъ. Онѣ такъ добры, что готовы, кажется, выбѣжать на улицу и держать зонтикъ надъ уткой во время ненастья. Къ нимъ причисляются также старушки, которымъ стоитъ сказать съ особымъ театральнымъ эффектомъ: *Oh, ma mère! ma mère était une sainte femme!*“ или занять ихъ разказомъ о плачевномъ состояніи Іерусалима, чтобы расположить ихъ въ свою пользу.

Напрасно будете вы стараться открыть имъ глаза, напрасно скажете, что такой-то не стóитъ, чтобъ объ немъ хлопотали, что если онъ займетъ такое-то мѣсто, это скорѣе будетъ вредно чѣмъ полезно для общества; напрасно объясните вы имъ общее правило „сомнительныхъ почтенныхъ людей“, правило состоящее въ томъ, что проситель по-

даетъ умывальникъ, когда проситъ, и потомъ часто выливаетъ остатокъ воды на голову покровителя, когда достигъ своей цѣли; напрасно докажете, какъ дважды два четыре, что такой-то проситель ничего больше какъ кувшинъ, который нагибается чтобы зачерпнуть,—васъ не слушаютъ; вамъ скажутъ, что вы смотрите на вещи сквозь черную призму и повторятъ съ горячностью:

— Какое мнѣ дѣло! Онъ проситъ, онъ прибѣгаетъ ко мнѣ; я должна думать о томъ только что̀ велитъ дѣлать христіянскій долгъ,—я должна помочь ему!..

Дама бросается въ карету, мечется изъ одного конца города въ другой, взбѣгаетъ на высочайшія лѣстницы (кучеръ ея между тѣмъ часто мерзнетъ на морозѣ), преслѣдуетъ вліятельныхъ лицъ въ салонахъ, на улицѣ, и даже задаетъ у себя музыкальные вечера и танцовальные чаи, съ тѣмъ чтобы успѣшнѣе исполнить повелѣніе христіянскаго долга.

— Что за ангелъ эта М.! говорятъ вамъ:—представьте моего Мишу никуда не хотѣли опредѣлить! Она такъ хлопотала, что Миша поступилъ, даже не въ примѣръ другимъ мальчикамъ, и даже безъ экзамена.

Какъ видите, результатъ дѣйствій, внушенныхъ христіянскимъ долгомъ, не всегда бываетъ справедливъ и приноситъ полезные плоды; тѣмъ не менѣе между покровителями этого рода и лицами втораго разряда такая же неизмѣримая разница, какъ между истинно-почтенными людьми и „сомнительными“.

Послѣдніе краснорѣчиво доказываютъ, что съ виду даже лучшія побужденія наши всегда скрываютъ долю личнаго интереса.

Такіе покровители, безспорно, перестали бы существовать, еслибы покровительство съ одной стороны не давало возможности сознавать собственную силу и превосходство, словомъ, не льстило бы самолюбію,—съ другой стороны, не приносило бы существенныхъ выгодъ самому покровителю.

Одна дама отказывалась хлопотать за Х., который неожиданно получилъ очень важное мѣсто. Ей передали объ этомъ.

— Боже! воскликнула она съ испугомъ:—могла ли я это предвидѣть!

Она въ ту же секунду приказала заложить карету и отправилась съ визитомъ къ женѣ Х.; дорогой заѣхала еще нарочно къ Але, чтобы купить конфетъ для маленькихъ Х.

Хохулкинъ, напримѣръ, глубоко ненавидѣлъ Бузулукина и ужъ конечно не разогнулъ бы пальца, чтобы вытащить его изъ опасности. Онъ тѣмъ не менѣе бьется какъ рыба объ ледъ на дворянскихъ выборахъ, распинается и задаетъ обѣды, чтобы доставить Бузулукину почетное мѣсто.

— Взгляните, говорятъ вамъ, указывая съ умиленіемъ на сѣдую голову Хохулкина:—вотъ истинная-то добродѣтель! вотъ она гдѣ!.. Не любитъ человѣка и между тѣмъ хлопочетъ за него, какъ за роднаго сына!..

Да, дѣйствительно умилительно смотрѣть на все это, но только въ другомъ смыслѣ. Бузулукинъ, избранный стараніями Хохулкина, выкажетъ ему въ знакъ благодарности истинно сыновнія чувства: онъ не допуститъ, чтобы размотанное имѣніе Хохулкина продалось съ публичнаго торга и даже сниметъ съ него опеку!..

— Нѣтъ, я уже исправилась отъ страсти покровительствовать! говорила намъ на дняхъ одна почтенная старушка:—я перестала охотиться за вліятельными лицами, давно не осаждаю ихъ письмами, давно не пристаю къ теткамъ зятя, пріятеля секретаря начальника отдѣленія такого-то директора! Повѣрите ли, я даже не крещу теперь малютокъ безъ разбору! И въ самомъ дѣлѣ, что же это такое: приходитъ господинъ, проситъ окрестить сына или дочь, и потомъ, что жъ оказывается? Мало того что придется опредѣлить всѣхъ крестниковъ и крестницъ куда-нибудь на казенный счетъ, надо еще пристроить папеньку, его брата, свояка, зятя, и всѣмъ имъ выхлопотать или крестикъ, или награду... Нѣтъ, слуга покорный! На этотъ случай я застраховала себя теперь такою фразой: милостивый государь, говорю я:—по нашему закону это важная обязанность; я такъ глубоко проникнута ею, что рѣшительно не чувствую себя ни въ состояніи, ни въ силахъ принять на себя всю ея отвѣтственность!.. Вообще во всемъ,

что̀ касается покровительства, опытъ научилъ меня крѣпко держаться такихъ правилъ: или вовсе не покровительствовать, потому что, необдуманно дѣлая добро одному, часто причиняешь вредъ цѣлому обществу; или, ужъ если пошло на то, хлопотать о тѣхъ только, которые ищутъ частной должности; тутъ больше вѣроятія, что проситель не боится труда и не имѣетъ цѣли жить у Христа за пазушкой, какъ говорится. Но стоитъ только замѣтить мнѣ, что такой-то господинъ особенно настойчиво приступаетъ съ казеннымъ мѣстомъ, я напрямикъ ему отказываю!..

— И прекрасно дѣлаете! возразили присутствующіе въ одинъ голосъ.

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

РОМАНЪ ВЪ АНГЛІИ [1]

Жизнь за жизнь, переводъ съ англійскаго. *Русскій Вѣстникъ* 1860.

(*Посвящается Е. К. Коростовцовой.*)

Очень легко могло случиться, что прекрасный романъ *Жизнь за жизнь* не былъ бы мною прочитанъ. Заглавіе у него такое странное, имя автора было мнѣ неизвѣстно; а главное, это—переводный романъ, не манящій къ себѣ обѣщаніемъ познакомить меня съ тѣмъ что̀ меня окружаетъ, чему могу живо сочувствовать: что жь удивительнаго еслибы чтеніе его отложено было *до болѣе удобнаго случая*? Но вышло не такъ: я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія этого романа въ русскомъ переводѣ; помнится, я

[1] „Эта статья первоначально не назначалась для печати. Но когда она, въ рукописи получила извѣстность между знакомыми автора, многіе изъ нихъ выражали желаніе, чтобы она была напечатана и именно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, при которомъ былъ изданъ русскій переводъ романа *Жизнь за жизнь*. Уступая такому желанію, авторъ предлагаетъ свою статью редакціи *Русскаго Вѣстника* для напечатанія. Читатели этого журнала, конечно, хорошо помнятъ прекрасный романъ *Жизнь за жизнь*, и потому ихъ не затруднитъ чтеніе замѣтокъ, сдѣланныхъ по поводу этого романа, хотя уже прошло около двухъ лѣтъ послѣ его изданія.“

(*Изъ письма автора въ редакцію.*)

даже заходилъ раза два въ книжный магазинъ Базунова, чтобы справиться, скоро ли выйдетъ въ свѣтъ книжка *Русскаго Вѣстника*, въ которой должно было появиться начало романа. А когда, наконецъ, книжка была получена,—я прежде всего разрѣзалъ въ ней романъ *Жизнь за жизнь*. Мнѣ заранѣе рекомендовали этотъ романъ, еще до перевода его на русскій языкъ, когда еще не было извѣстно, будетъ ли онъ переведенъ; я услышалъ еще тогда относительно его нѣсколько восторженныхъ словъ,—и вотъ это заставило меня поспѣшить чтеніемъ.

Чтеніе началось; страница слѣдовала за страницей. Помню: первая глава заставляла меня не разъ улыбаться. Здѣсь героиня и вмѣстѣ разкащица очень наивно и мило резонерствуетъ; она еще и сама не знаетъ что̀ именно заставляетъ ее и писать, и резонерствовать; тѣмъ болѣе читатель не можетъ знать этого, а потому и нельзя ему не улыбаться на ея милое и наивное резонерство. Но чтеніе продолжается, страница смѣняется страницей, сущность дѣла начинаетъ объясняться,—и прежняя улыбка уже не смѣетъ появляться на моемъ лицѣ, и во мнѣ начинаютъ роиться серіозныя думы. Такъ сталъ интересовать меня уже самый романъ, и слѣдующей книжки *Русскаго Вѣстника*, съ продолженіемъ романа, я ожидалъ нетерпѣливо....

Романъ давно уже прочитанъ. Но я хочу возвратиться къ нему, чтобы пристальнѣе всмотрѣться въ черты его героевъ, чтобы больше познакомиться съ ними и тою жизнію, какою они жили, чтобы глубже укоренилось въ душѣ все передуманное и перечувствованное во времячтенія.

I.

Миссъ Дора—главная героиня романа. Она родилась въ суровомъ семействѣ пастора-ригориста. Въ этомъ семействѣ было преданіе объ убійствѣ. Но отецъ-ригористъ мало обращалъ вниманія на свою среднюю дочь; а убійство совершилось въ то время, когда она была еще очень мала. Старшая сестра миссъ Доры заступила въ семействѣ мѣсто матери, а младшая была квасавица; поэтому отецъ былъ къ нимъ ближе; но средняя дочь оставалась въ сторонѣ, она была предоставлена самой себѣ. Это сдѣлало зоркими ея глазки;

рано пріучило ее къ самодѣятельности. Примѣры суроваго ригоризма совершались предъ ея глазами; по временамъ, шепотомъ, полутаинственно, говорили при ней о несчастной смерти ея брата, бѣднаго Гарри: все это должно было дѣйствовать на воспріимчивую душу Доры,—и точно, все это оказывало на нее вліяніе, но очень своеобразно. Ригоризмъ прикоснулся къ ней болѣе своею поэтическою стороной какъ *героизмъ* и *самоотверженіе*. И вотъ она, еще молоденькая дѣвушка, уже мечтаетъ о самоотверженіи; въ драмѣ Шиллера встрѣчается она съ Теклой и Максомъ Пиколомини,—и они становятся для нея *идеалами* мущины и женщины. Еще оригинальнѣе подѣйствовало на нее семейное таинственное преданіе о насильственной смерти брата. На ея воображеніе убійство произвело впечатлѣніе не какъ кровавая катастрофа, которая заставляетъ содрогаться, которая даже въ самомъ добромъ и мягкомъ сердцѣ возбуждаетъ чувство ненависти и мести къ убійцѣ, — но просто какъ дурное дѣло, которое противно ея душѣ, кѣмъ бы, когда бы и въ какомъ бы видѣ оно ни было совершено. Съ такимъ взглядомъ она является на первыхъ страницахъ, на первыхъ строкахъ романа,—когда увѣряетъ и себя и другихъ, что она „ненавидитъ военныхъ.“ Эта ея ненависть къ военнымъ за то, что „они убиваютъ,“ воспитана въ ней семейнымъ преданіемъ объ убійствѣ брата. Но ненависть миссъ Доры къ военнымъ не была настоящая ненависть. Вѣдь она, на вечерѣ у мистриссъ Грантонъ, охотно пошла бы танцовать съ каждымъ изъ этихъ кавалеровъ, которыхъ такъ наивно ненавидѣла. Что же такое была ея ненависть? Это была только ея нелюбовь ко всему тому что кажется дурнымъ, — но нелюбовь спокойная, безъ всякой горечи, не простирающаяся на самаго человѣка, въ которомъ замѣчается или предполагается дурное, а напротивъ способная ужиться рядомъ съ теплымъ участіемъ къ этому человѣку, даже съ уваженіемъ къ нему, если въ немъ, кромѣ замѣченнаго дурнаго, найдется что-нибудь достойное уваженія. Вотъ какое прекрасное и рѣдкое свойство образовалось въ миссъ Дорѣ подъ вліяніемъ таинственнаго преданія объ убійствѣ брата! Это свойство въ послѣдствіи развивалось въ ней больше и больше,—и она не усомнилась отдать свою руку убійцѣ своего брата, когда убѣдилась въ высокихъ досто-

инствахъ этого убійцы. Говоря о прошедшемъ миссъ Доры, сдѣлавшемъ изъ нея такую обаятельную героиню, не могу не обратить вниманія еще на одно обстоятельство изъ первыхъ лѣтъ ея молодости. Это—дѣтская дружбы Доры съ „*моимъ Колиномъ*“, принятая было ею за настоящую любовь. Максъ Эрквартъ долженъ быть очень, очень благодаренъ Колину за эту его дружбу съ Дорой: не будь ея,—кто знаетъ? — быть-можетъ, онъ не нашелъ бы въ Дорѣ того съ чѣмъ она явилась передъ нимъ. Вѣдь, дѣло нравственнаго самовоспитанія, развитіе самостоятельности — дѣло слишкомъ трудное; часто оно бываетъ не подъ силу и мущинѣ. А миссъ Дорѣ, при этомъ, нужно было еще сохранить и развить въ себѣ женственность. Дружба съ „моимъ Колиномъ,“ освѣтившая ея первые молодые годы, очень много помогла ей въ этомъ случаѣ.

Итакъ много нужно было пережить миссъ Дорѣ, чтобы сдѣлаться героиней романа,—такъ много, что я нисколько не удивляюсь ея двадцати пяти годамъ, когда она дѣлается героиней. Какого же рода она героиня? Героиня любви,—но любви *разумной*, и вотъ въ этомъ заключается вся тайна ея чарующихъ свойствъ.

Задаю вопросъ: что̀ такое *разумная* любовь?—и, чтобъ отвѣчать на него, всматриваюсь въ личность Доры: вотъ прекрасный образецъ такой любви.

Самымъ яснымъ образомъ миссъ Дора доказываетъ, что разумная любовь требуетъ подготовки, что она можетъ родиться не во всякой душѣ,—и это прежде всего нужно замѣтить. Любовь воображенія (самая опасная) отрываетъ человѣка отъ дѣйствительности и уноситъ въ міръ мечтательный: человѣку дѣлается скучно и грустно въ той средѣ, гдѣ онъ жилъ доселѣ; ему любо уноситься въ самосозданный міръ, въ которомъ все выкроено по его мѣркѣ, все — по его вкусу. И вотъ человѣкъ дѣлается задумчивъ, грустенъ, нелюдимъ: по этимъ признакамъ, и самъ онъ, и всѣ окружающіе тотчасъ догадываются объ его любви. Любовь одного безсознательнаго чувства проявляется въ порывистыхъ, часто безтолковыхъ движеніяхъ души, которыя самымъ прихотливымъ образомъ смѣняются одно другимъ. Это — самый очевидный изъ всѣхъ видовъ любви. Любовь одного безсознательнаго чувства не отрываетъ человѣка отъ дѣйствительности, но ставитъ къ ней въ фаль-

шивое, иногда даже смѣшное отношеніе, и заставляетъ часто человѣка дѣлать очень странныя сумазбродства. Любовь разумная, какъ любовь цѣлой души, напротивъ, обращаетъ человѣка къ дѣйствительной жизни, — и въ этомъ ея главный признакъ. Мало того: разумная любовь ставитъ человѣка въ *истинныя* и *вѣрныя* отношенія къ дѣйствительности. Пробудившаяся душа начинаетъ внимательно всматриваться во все окружающее: что̀ прежде не замѣчалось, то теперь замѣчается; что̀ прежде затемняюсь какимъ-нибудь пристрастіемъ, или предразсудкомъ, то теперь выясняется и начинаетъ представляться въ истинномъ свѣтѣ; что̀ прежде дѣлалось вяло, безъ искренняго душевнаго участія, то теперь дѣлается живо, съ энергіей. Да, разумная любовь свое возбудительное и живительное вліяніе простираетъ на всего человѣка,—на всѣ его мысли, чувства, слова и дѣла: а между тѣмъ, повидимому, какъ будто никакой перемѣны не произошло въ человѣкѣ...

Это съ миссъ Доры я снимаю портретъ. Нужно повѣрить, точенъ ли онъ...

Вотъ она принялась писать нѣчто въ родѣ дневника, замѣтокъ или исповѣди. Что̀ это значитъ? Неужели это случайность, прихоть автора, создавшаго ея личность? Нѣтъ, это инстинктъ ея души, пробужденной начинающеюся любовію. А откуда эта необыкновенная вѣрность и послѣдовательность ея замѣтокъ, составившихъ самую стройную повѣсть? Старшая сестра Доры тоже писала, въ продолженіе десяти лѣтъ, длинныя воскресныя письма; но я увѣренъ, что изъ нихъ никакъ бы нельзя было составить что-нибудь связное и цѣлое. Кто же научилъ Дору этой удивительной стройности, послѣдовательности и связности? Любовь, та разумная любовь, которая зародилась въ ея душѣ. Подъ ея вліяніемъ, она стала озираться кругомъ и пристально всматриваться въ окружающую ее дѣйствительность; подъ ея вліяніемъ, она стала такъ хорошо понимать свою среду. Подъ вліяніемъ этой свѣтлой любви, миссъ Дора угадала то что̀ было недоступною тайной для всѣхъ прочихъ членовъ ея семейства, именно что у нихъ *странное семейство*. Мнѣ даже кажется, что она угадала и то, гдѣ причина этой странности, хотя ея языкъ, языкъ дочери, и не выговорилъ этого.

Пока человѣкъ, подъ вліяніемъ зараждающейся любви, всматривается въ окружающую его дѣйствительность, сама любовь остается въ его душѣ невидимою, безыменною гостьею. Но вотъ наступаетъ новый періодъ любви. На пестрой канвѣ окружающихъ человѣка предметовъ начинаетъ выдѣляться одинъ предметъ, одно лицо. Какъ бы постепенно приближаясь изъ мглистой дали, яснѣе и яснѣе начинаетъ оно представляться, чаще и чаще припоминаться, а вмѣстѣ съ этимъ ощущается какая то близость къ этому лицу, какое-то родство съ нимъ... Тайна объясняется... Невидимая безыменная гостья является въ опредѣленномъ образѣ, получаетъ имя... Страхъ, трепетъ, радость обнимаютъ душу при этомъ открытіи. „О Боже, я влюблена!“ воскликнула при такомъ открытіи одна русская героиня въ одномъ русскомъ романѣ (Елена въ *Наканунѣ* г. Тургенева).

Но это съ миссъ Доры я пишу портретъ, а не съ моей любезной соотечественницы. Черты Доры гораздо яснѣе и опредѣленнѣе чѣмъ у ней. Въ умныхъ разказахъ миссъ Доры съ дивною ясностію раскрытъ этотъ періодъ любви, когда любовь постепенно выясняется, когда открывается и то лицо, которое возбудило любовь и оживило душу... Въ первыхъ ея разказахъ, фигура Макса Эркварта является наравнѣ со всѣми прочими фигурами; она ее очерчиваетъ, но не больше и не яснѣе другихъ фигуръ; и не будь въ романѣ, рядомъ съ разказами Доры, разказовъ самого мистера Эркварта, не скоро бы можно было догадаться, что его судьба должна будетъ слиться съ ея судьбой. Но дальше, въ послѣдующихъ разказахъ, фигура Макса Эркварта больше и больше выступаетъ впередъ; наконецъ, она дѣлается центромъ, около котораго группируются прочія фигуры. Миссъ Дора не воскликнула, какъ моя соотечественница: „О Боже, я влюблена!“—когда для нея объяснилась тайна ея души, тайна ея судьбы, тайна всей ея жизни. Да, она не сдѣлала этого восклицанія: но это потому что она постепенно дошла до объясненія своей душевной тайны. Никакого перерыва нѣтъ въ ея разказахъ; между тѣмъ каждый можетъ указать: вотъ здѣсь, въ этотъ моментъ, произошла перемѣна. Чудный разказъ начинается обращеніемъ къ „милому мѣсяцу“; тѣмъ же самымъ обращеніемъ онъ и оканчивается. И что за раз-

дничный колоритъ разлитъ по этому разказу! Моему воображенію живо представляется лицо Доры въ эту минуту. Нѣтъ на немъ слѣдовъ порывистаго увлеченія; но все лицо ея свѣтитъ тихою, ясною радостью. Случалось мнѣ нѣсколько разъ видѣть на лицахъ такую радость, и изъ этихъ опытовъ я вынесъ убѣжденіе, что она даже урода дѣлаетъ красавцемъ. Но на миссъ Дору глядѣлъ только ея другъ, „милый мѣсяцъ“, когда ея лицо освѣтилось этою ясною радостію...

Многіе останавливаются на объясненіи для себя тайны своей жизни и своей судьбы. Любовь обаятельна, даже и въ то время, когда ея нѣтъ въ душѣ на самомъ дѣлѣ: потому-то и встрѣчаются иногда люди, воображающіе, что они любятъ, и даже сильно волнующіеся отъ такого воображенія. Тѣмъ болѣе обаятельна любовь, когда она живо ощущается въ душѣ,—такъ обаятельна, что для многихъ исчезаетъ все на свѣтѣ кромѣ этой любви и любимаго человѣка, и вся жизнь представляется имъ какъ сплошной праздникъ любви, и помрачись какъ-нибудь этотъ праздникъ,—вся жизнь пропала. На всѣхъ языкахъ написано множество романовъ, гдѣ на разныя манеры разказывается эта печальная исторія человѣческаго сердца... Я сказалъ: *печальная*, и вотъ причина: во всѣхъ подобныхъ случаяхъ *любовь* не достигаетъ послѣдней, самой важной, своей *разумно-человѣческой* цѣли. Оставаясь только наслажденіемъ, она не приноситъ человѣку тѣхъ нравственныхъ плодовъ, какіе должна принести, или не приноситъ въ той мѣрѣ, въ какой можетъ принести. Но Дора не изнемогла подъ этимъ обаяніемъ, оттого-то она сама вышла такъ обаятельна. Когда она убѣдилась, что ея душа не одинока, для нея начался тотъ періодъ самоиспытанія, когда человѣкъ получаетъ окончательный нравственный закалъ, когда въ немъ все бывшее доселѣ шаткимъ получаетъ твердость и крѣпость, когда все отрывочное и разрозненное въ душѣ получаетъ цѣлость и приходитъ въ стройную гармонію. „Я теперь не одинока“,—чувствовала она, и въ этомъ свѣтломъ чувствѣ заключалась для нея бездна побужденій къ той тонкой добросовѣстности, въ силу которой человѣкъ старается опредѣлить для самого себя что̀ онъ такое.

Какъ же это дѣлалось?

Самоиспытаніе миссъ Доры не походило на суровый от-

четъ холоднаго ума; оно не походило на обыкновенный анализъ своихъ поступковъ, мыслей и чувствъ—тяжелое свойство мущинъ. Я не могу прибрать слова, чтобъ имъ обозначить ея состояніе, и нахожусь вынужденнымъ прибѣгнуть къ сравненію и примѣру. Вотъ мы читаемъ страницу вдохновеннаго поэта; на нашей душѣ мирно и спокойно, и впечатлѣнія полною струею льются въ нашу душу. Душа не пассивно принимаетъ впечатлѣнія, но и сама дѣйствуетъ. Подъ вліяніемъ поэтическаго разказа, драматической сцены, лирической пѣсни, всплываютъ наверхъ дотолѣ таившіяся въ душѣ убѣжденія, и съ этой минуты дѣлаются именно нашими убѣжденіями, которыя мы проводимъ потомъ въ жизнь и дѣятельность. Здѣсь нѣтъ напряженія и усилія, а между тѣмъ мы пріобрѣтаемъ нравственной пользы, набираемся нравственной силы гораздо больше нежели сколько можетъ доставить самый тяжелый трудъ, самое напряженное усиліе. Самая жизнь стала для нея чудесною поэмою, вызывающею изъ глубины ея души всѣ таившіяся въ ней убѣжденія и соединяющею ихъ въ стройное цѣлое: и въ этомъ-то состоялъ тотъ отчетъ, который она отдавала себѣ о себѣ, когда почувствовала, что ея душа не одинока. Вотъ, во время болѣзни мистера Джонстона, въ одинъ вечеръ, все его семейство собралось въ кружокъ, и началась бесѣда. Рѣчь зашла о любви. Ея младшая сестра, беззаботная Лизабель, со смѣхомъ увѣряетъ, что она за ничто считала бы своего Августа, еслибъ онъ ей, своей *богинѣ*, не принесъ въ жертву всего, всего, даже своихъ обязанностей, своего долга. А Дора, напротивъ, съ жаромъ утверждаетъ, что она не могла бы ни любить, ни даже уважать того мущину, который бы для нея пожертвовалъ своими обязанностями. Здѣсь, при этомъ случаѣ, выступило наружу ея задушевное убѣжденіе; оно теперь вполнѣ выяснилось для нея, и она, съ этой минуты, уже всегда будетъ руководиться этимъ прекраснымъ убѣжденіемъ. И такъ стало случаться съ нею при всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Въ разказахъ повсюду встрѣчаются прекрасныя размышленія Доры, и, читая ихъ, чувствуешь, что это—*убѣжденія, убѣжденія живыя*, исходящія изъ глубины души и достигающія полнаго сознанія.

И вотъ окрѣпла ея душа для подвиговъ жизни. И она

стала совершать ихъ, но уже не одна, а вмѣстѣ съ своимъ добрымъ другомъ, Максомъ Эрквартомъ. Ея жизнь слилась съ его жизнію, хотя они и разлучились; слилась до того, что Доры нельзя и представить безъ Макса Эркварта. Поэтому я теперь долженъ обратиться къ мистеру Эрквартy; но предварительно сдѣлаю два-три замѣчанія относительно миссъ Доры.

Первое замѣчаніе—касательно ея разлуки съ мистеромъ Эрквартомъ. Она разлучилась съ нимъ, при полной увѣренности въ него, въ себя и въ свою общую свѣтлую будущность,—разлучилась, питая самую твердую надежду снова сойдтись, и потому безъ тѣхъ тяжелыхъ мукъ, которыми, обыкновенно, сопровождаются подобныя разлуки. Мнѣ даже кажется, что еслибъ ея разлука была навѣки, еслибъ обстоятельства, раздѣлившія ее съ мистеромъ Эрквартомъ, были непреодолимы,—и въ такомъ случаѣ не было бы болѣзненной агоніи: въ себѣ самой, въ окрѣпнувшей и нравственно-закалившейся своей душѣ, она нашла бы силы перенести и такую разлуку. Въ этомъ меня увѣряетъ то, что, около времени разлуки, свѣтлая любовь миссъ Доры дошла до того предѣла, когда послѣдствія любви, нравственные плоды ея, ощущаются сильнѣе чѣмъ даже самая любовь.

Второе замѣчаніе касательно характера подвиговъ Доры. Всѣ свои богатыя силы она отдала другимъ, окружающимъ ее лицамъ. Она поддержала свою старшую сестру въ самыя страшныя минуты ея жизни и помогла ей одержать побѣду надъ самой собою, помогла ей преобразиться въ новаго человѣка. Подъ ея чарующимъ вліяніемъ, пошатнулся ея отецъ, и понялъ, что есть нѣчто выше безпощадной Немезиды, и это нѣчто есть человѣческое чувство, освѣтленное живою мыслію и укрѣпленное нравственными убѣжденіями. При помощи обратившагося отца, сестры Пенелопы и своего друга, Макса Эркварта, Дора спасла отъ конечной погибели Франсиса, Лидію и ихъ маленькаго сына. Но она совершала всѣ эти подвиги, сама не зная имъ цѣны. Это—высшее проявленіе человѣческой нравственности: такъ можетъ дѣйствовать только душа вполнѣ умирившаяся и устроившаяся, для которой дѣлать добро стало уже естественною потребностію. Съ другой стороны, всѣ ея подвиги совершались такъ просто и такъ естественно, такъ непринужденно, что

ихъ какъ будто и не замѣчали окружающіе люди, разумѣется, исключая ея добраго друга, мистера Эркварта.

Сдѣлаю еще *третье* и *послѣднее* замѣчаніе. Та разумная любовь, которой миссъ-Дора представляетъ такой прекрасный образецъ, всегда бываетъ счастлива. Здѣсь подъ счастіемъ я разумѣю не *обстоятельства* болѣе или менѣе благопріятныя, а именно то что̀ въ любви есть главное счастіе: я разумѣю *взаимность*. Еслибы судьба Доры была иная, еслибъ ея романъ кончился печальною катастрофой, — и въ такомъ случаѣ я не усумнился бы ея любовь назвать счастливою. Да, разумная любовь, въ смыслѣ взаимности, всегда счастлива, и миссъ Дора не составляетъ исключенія. Не вѣрить въ счастіе такой любви значитъ отказаться отъ вѣры въ человѣческую природу, когда она дѣйствуетъ и проявляется во всемъ своемъ достоинствѣ.

I.

Первоначально Максъ Эркартъ не производилъ на меня большаго впечатлѣнія; въ его личности я даже находилъ много недоконченнаго, много противорѣчій. Я особенно не могъ примириться съ двумя явленіями въ его жизни: зачѣмъ онъ убійца? и зачѣмъ онъ женился на сестрѣ убитаго имъ человѣка? Но потомъ, глубже вникнувъ въ характеръ и образъ дѣйствій этой замѣчательной личности, я совершенно помирился съ нею и оцѣнилъ ее.

Чѣмъ кончила Дора, тѣмъ начинаетъ Эркартъ. Въ самомъ началѣ романа онъ уже принадлежитъ не себѣ, а другимъ; онъ является лицомъ вполнѣ сознавшимъ, что служить другимъ—обязанность каждаго человѣка. Всѣ его убѣжденія уже сложились; на каждый случай жизни у него есть уже правило, на каждый предметъ есть свое воззрѣніе; онъ уже успѣлъ побѣдить въ себѣ разныя эгоистическія наклонности и привычки. О немъ идетъ, между всѣми добрыми людьми околотка, завидная слава какъ о человѣкѣ непоколебимой честности. Автору угодно было, чтобы мистеръ Эркартъ воспиталъ себя до этой степени подъ вліяніемъ воспоминанія о совершенномъ убійствѣ. Пусть такъ: дѣло не въ томъ что̀ его сдѣлало такимъ или инымъ, а въ томъ,

какovъ онъ въ то время когда дѣлается героемъ и встрѣчается съ Дорой. Въ это время, въ немъ есть уже все то, въ чемъ состоитъ человѣческое совершенство, и это завидное богатство собрано имъ посредствомъ труда и борьбы съ собой.

Въ лѣта моей юности, случилось мнѣ читать сочиненіе одного нѣмецкаго психолога (память не сохранила мнѣ его имени), въ которомъ онъ опредѣлялъ психическій процессъ любви въ мущинѣ и женщинѣ. Помнится, онъ тамъ замѣтилъ: „для мущины любовь—награда, которую онъ долженъ непремѣнно заслужить; для женщины любовь—школа, которую она должна прилежно пройдти, чтобы сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ.“

Въ этомъ замѣчаніи есть доля правды какъ относительно мущины, такъ и относительно женщины. По крайней мѣрѣ, оно довольно идетъ къ мистеру Эрквартy и къ его другу, миссъ Дорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ, что мистеръ Эрквартъ не трудился надъ собою, и на вечеръ къ мистрисъ Грантонъ, гдѣ онъ повстрѣчался съ Дорой, явился обыкновеннымъ смертнымъ: онъ былъ бы не замѣченъ ею и самъ остался бы равнодушенъ къ ней; и все шло бы своей обычною колеей, и даже миссъ Дора, быть-можетъ, осталась бы съ одними мечтами о Шиллеровомъ Максѣ Пиколомини. Но мистеръ Эрквартъ трудился надъ собою, и вотъ любовь явилась къ нему какъ награда за добрый трудъ. Въ этомъ отношеніи совершенно правъ достопочтенный Нѣмецъ.

Оправдывая нѣмецкаго психолога въ одномъ отношеніи, мистеръ Эрквартъ опровергаетъ его въ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно ли и ему, при всѣхъ его совершенствахъ, посидѣть на школьной скамейкѣ, чтобы сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ?.. Вотъ онъ бесѣдуетъ съ своимъ молодымъ другомъ, капитаномъ Трегерномъ, въ то время когда любовь едва-едва коснулась его своимъ крыломъ, когда онъ еще, такъ сказать, въ первобытномъ состояніи, когда онъ еще то чѣмъ самъ себя создалъ. Очевидно, онъ любитъ Трегерна, онъ отъ души желаетъ ему добра. Но что это за нетерпѣливость и суровость, съ какою онъ читаетъ ему мораль? Что это за рѣзкость, съ какою онъ судитъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ? Наконецъ, ужь не зависть ли это копошится въ его сердцѣ, когда онъ сухо и холодно трактуетъ о его любви и его „*богинѣ?*“

Въ школу, въ школу вамъ нужно, мистеръ Эрквартъ, не смотря на всѣ ваши совершенства! Вамъ необходимы уроки, хоть и не такіе, какъ вашему другу, миссъ Дорѣ! Вамъ нужно поучиться, какъ распоряжаться своимъ богатствомъ! Все ваше богатство—сырой матеріялъ, которому нужно дать достойную форму, одушевивъ ее кое-чѣмъ, чтобъ она не была мертвою!

И онъ попалъ въ школу. Первый урокъ былъ данъ ему на вечерѣ у мистриссъ Грантонъ. Онъ его принялъ, и воротившись въ свой лагерь, началъ репетировать. Онъ началъ писать больничный журналъ (должно-быть это его обычное занятіе) и занесъ въ него нѣсколько фактовъ. Но скоро больничный журналъ забытъ, и факты забыты.... Мысли унеслись куда-то; но рука, безъ вѣдома ума, выдаетъ тайну и пишетъ сама, машинально, куда унеслись мысли. Рука чертитъ на бумагѣ:

„*Максъ Эрквартъ Д. М. Максъ Эрквартъ Д. М.*“

Да, не къ кому иному, а именно къ самому Максу Эркварту, въ самую глубь его души, обратились невольно мысли безучастнаго составителя больничнаго журнала.... А въ душѣ, между тѣмъ, пока рука машинально чертитъ эти слова, совершается одинъ изъ тѣхъ актовъ, которые, быстро совершившись, не забываются потомъ во всю жизнь,—потому что на всю жизнь имѣютъ вліяніе,—но о которыхъ разказать, которые разъяснить нѣтъ никакой возможности. Они понятны только тому, кто пережилъ ихъ.

Минута самозабвенія прошла.... Удивленіе.... какой-то стыдъ предъ самимъ собою.... Рука хочетъ вырвать листокъ изъ медицинскаго журнала.... Но душа не даромъ заглянула въ глубь самой себя; она успѣла поразиться своимъ одиночествомъ, успѣла обдаться тѣмъ холодомъ, который таится въ ней: друга, друга ей понадобилось! Но гдѣ же этотъ другъ? Его еще нѣтъ, его еще не разсмотрѣлъ мистеръ Эрквартъ: и онъ рѣшился создать себѣ воображаемаго друга, чье невидимое общество согрѣвало бы его. Должно-быть, онъ слишкомъ пораженъ своимъ одиночествомъ, когда онъ, такой раціональный человѣкъ, рѣшился завѣдомо ввести себя въ обманъ... Таковъ былъ первый урокъ мистера Эркварта въ новой для него школѣ.

За первымъ урокомъ скоро послѣдовалъ второй. Онъ происходилъ въ церкви, во время проповѣди мистера Джон-

стона. Когда мистеръ Эрквартъ всматривался въ лица членовъ семейства пастора, и на него упалъ взглядъ Доры,—онъ сумѣлъ прочитать участіе въ этомъ взглядѣ, онъ живо почувствовалъ нужду въ участіи, и тепло стало на его душѣ отъ взгляда Доры...

О третьемъ урокѣ разказываетъ сама Дора. Мистеръ Эрквартъ съ нею встрѣтился, когда она вышла гулять раздосадованная своими обѣими сестрами. Она и его встрѣтила не слишкомъ благосклонно; но тѣмъ яснѣе, при такой обстановкѣ, высказалась его душа и вліяніе на нее миссъ Доры. Мистеръ Эрквартъ заговорилъ о Трегернѣ,—и какимъ сердечнымъ участіемъ къ этому молодому человѣку зазвучали теперь всѣ его слова! А какое глубокое почтеніе къ самой собесѣдницѣ! Какая покорная внимательность къ каждому ея слову! Полный успѣхъ этого замѣчательнаго урока обнаружился при концѣ его, когда мистеръ Эрквартъ, на прощаньи, попросилъ свою собесѣдницу, чтобъ она дружески протянула ему руку.... Невидимый, безыменный другъ теперь уже воплотился для него въ особѣ Доры...

Четвертый и послѣдній урокъ былъ не задолго до свадьбы Лизабели. Новая близкая встрѣча съ Дорой и новая бесѣда съ нею: но теперь рѣчь не объ одномъ Трегернѣ. Робко, нерѣшительно мистеръ Эрквартъ заговорилъ о предметѣ преслѣдующемъ его днемъ и ночью: значитъ, его сердце раскрылось уже для довѣрчивой откровенности. А Дора отвѣчала ему задушевными словами вѣры въ высшее провидѣніе, надежды на Божіе милосердіе.... Въ эту минуту въ своемъ другѣ мистеръ Эрквартъ нашелъ врача и учителя...

Итакъ, въ четыре урока пройденъ полный курсъ. И въ то время какъ миссъ Дора, сіяющая тихою и свѣтлою радостію, повѣряла „милому мѣсяцу“ тайну своей жизни,—мистеръ Эквартъ дѣлалъ самъ себѣ тяжелыя признанія, находясь подъ гнетомъ двухъ противоположныхъ чувствъ. Трагическій герой съ первой страницы романа, онъ теперь горько почувствовалъ страшный трагизмъ своего положенія; онъ почувствовалъ также, что трагизмъ этотъ еще далеко не исчерпанъ. Не многословенъ онъ въ своихъ признаніяхъ; видна нерѣшительность въ его планахъ относительно своихъ дѣйствій, относительно своей будущности.

Этой нерѣшительности я первоначально не понялъ, и мнѣ показалось, что мистеръ Эрквартъ, въ самую критическую минуту своей жизни, измѣнилъ самъ себѣ, упалъ съ той высоты, на какую былъ поставленъ въ самомъ началѣ романа и на которой доселѣ держался. Мнѣ казалось, что ему слѣдовало бы сразу выпить свою чашу, и навѣки разстаться съ Дорой. Не понявъ мистера Эркварта въ самую критическую минуту его жизни, я не понималъ и всей его послѣдующей жизни: она мнѣ казалась сцѣпленіемъ случайностей, а онъ самъ — жертвою и притомъ (что мнѣ было особенно непріятно) добровольною и вялою жертвой слѣпыхъ случайностей. Но потомъ мнѣ удалось поближе заглянуть въ душу мистера Эркварта и подмѣтить въ ней такія явленія, которыя все дѣло стали представлять совершенно въ иномъ видѣ.

Да, мистеръ Эрквартъ такъ и поступилъ бы, какъ я назначалъ ему, еслибъ онъ оставался прежнимъ мистеромъ Эрквартомъ, докторомъ медицины, и если бы предварительно не принялъ четырехъ уроковъ отъ своего друга, миссъ Доры. Да, онъ поступилъ бы *рѣшительно*,—но эта рѣшительность, красивая по наружности, много уступала бы его настоящей нерѣшительности. Впрочемъ, я неточно выражаюсь. То, о чемъ я говорю, не есть нерѣшительность. Я бы употребилъ здѣсь слово *смиреніе*, еслибъ это прекрасное слово, одно изъ самыхъ выразительныхъ словъ русскаго языка, не было испорчено дурнымъ употребленіемъ. По недостатку точнаго слова, мнѣ приходится прибѣгнуть къ описанію.

Подъ гнетомъ обстоятельствъ, человѣкъ сознаетъ свое собственное безсиліе. Но надежда на возможный добрый исходъ не оставляетъ его, хотя онъ и не понимаетъ, на чемъ опирается и какъ можетъ осуществиться эта надежда. Въ то же время человѣкъ видитъ бездну готовую поглотить его. Въ душѣ возникаетъ борьба между надеждою на спасеніе и страхомъ погибели; и понимаетъ человѣкъ, что ему нужно дѣйствовать, непремѣнно дѣйствовать; а между тѣмъ, сдѣлай онъ одинъ невѣрный шагъ, одно неосторожное движеніе, — онъ погибнетъ. Среди такой страшной борьбы всѣ силы души доходятъ до необычайнаго напряженія. Женщина, въ подобныхъ обстоятельствахъ, ищетъ подкрѣпленія въ горячей молитвѣ, и ея молитва часто звучитъ тогда

самымъ возвышеннымъ лиризмомъ; мущина поникаетъ своею гордою головой и погружается въ тяжелое мрачное раздумье. Но исходъ борьбы одинъ, какъ въ мущинѣ, такъ и женщинѣ: человѣкъ *добровольно* отказывается отъ права дѣлать выборъ и распоряжаться своими дѣйствіями и поступками; но за то онъ беретъ на себя обязанность уловлять и подмѣчать тотъ внутренній таинственный смыслъ, который имѣютъ всѣ событія, проносящіяся надъ нашими грѣшными головами, и дѣйствовать по ихъ указанію. Его душѣ, пришедшей въ крайнее напряженіе, дѣлается яснымъ и понятнымъ, что есть *смыслъ* въ ходѣ событій, что *мудрая рука* управляетъ ими, и этой-то мудрой рукѣ онъ ввѣряетъ себя и всю свою жизнь, и миръ (насколько возможно) сходитъ въ его душу... Много великаго совершено людьми, пришедшими къ такой вѣрѣ въ смыслъ совершающихся событій и свободно склонившимися подъ руку управляющую событіями

Къ этой вѣрѣ пришелъ и мистеръ Эрквартъ; онъ рѣшился склониться подъ руку, управляющую событіями его необыкновенной жизни. Такому рѣшенію предшествовало мучительное колебаніе, среди котораго смягчилась его душа. Въ разказахъ не ясно видно, долго ли длилось такое состояніе; но я догадываюсь, что оно было довольно продолжительно. Между временемъ, когда мистеръ Эрквартъ созналъ весь страшный трагизмъ своего положенія, и временемъ его рѣшенія, случилась встрѣча съ Дорой въ лагерѣ, послѣ военнаго концерта, встрѣча неожиданная и для нея и для мистера Эрквартъ,—и она-то главнымъ образомъ расположила его къ мудрому рѣшенію. И здѣсь не обошлось безъ Доры!

Съ той минуты, какъ Эрквартъ принялъ мудрое рѣшеніе, характеръ романа совершенно измѣняется. Онъ представляетъ рядъ эпизодовъ, повидимому, совершенно *случайныхъ* (такими именно они казались мнѣ первоначально) и ничѣмъ не связанныхъ между собою. Но на самомъ дѣлѣ не такъ. Каждый изъ эпизодовъ есть ступень къ исходу; каждый изъ нихъ представляетъ новое оправданіе той вѣры, которой отдался Эрквартъ въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ своей жизни.

Первый эпизодъ — совершенно *нечаянная* болѣзнь митера Джонстона и его старшей дочери. По случаю этой

болѣзни, мистеръ Эрквартъ, въ качествѣ медика, долженъ былъ на нѣсколько недѣль совсѣмъ почти переселиться въ домъ ректора. Здѣсь, по цѣлымъ днямъ, онъ оставался съ миссъ Дорой, а она держала себя предъ нимъ съ тою непринужденностію и откровенностію, какая возможна для дѣвушки только при постели умирающаго отца, когда сама собою спадаетъ съ нея обыкновенная женственная застѣнчивость, иногда, въ лучшихъ натурахъ, скрывающая ихъ совершенства,—и Эрквартъ почувствовалъ какъ укрѣплялась въ немъ надежда на спасеніе.

За первымъ эпизодомъ слѣдуетъ другой, совершенно иного характера. Мистеръ Джонстонъ спасенъ; въ его семействѣ начинаетъ водворяться тишина и спокойствіе; даже душа мистера Джонстона начинаетъ находить нѣкоторый миръ. Въ это время помощнику мистера Джонстона вздумалось сказать, въ его церкви, проповѣдь „*о градахъ убѣжища.*“ Закоренѣлый ригористъ этимъ возмущается до глубины души и начинается сцена, которая, въ одно и то же время, живо напоминаетъ Эрквартъ о его прошломъ и вмѣстѣ показываетъ, чего ему нужно ждать, въ его положеніи, отъ лицъ окружающихъ. Но онъ уже достаточно твердъ теперь; новый ударъ, тяжелое напоминаніе, вмѣсто того чтобы поразить его, побудило къ двумъ рѣшеніямъ: онъ сказалъ Дорѣ такія слова, отъ которыхъ ея душа переполнилась; въ то же время онъ принялъ намѣреніе, узнавъ все обстоятельно, признаться во всемъ своему „безцѣнному другу“ и ея отцу, и отъ нихъ ждать себѣ приговора.

Но онъ еще слабъ, чтобы выполнить такое геройское рѣшеніе. И вотъ слѣдуетъ новый эпизодъ; наступаютъ такія событія, среди которыхъ должно было укрѣпиться рѣшеніе. Этотъ эпизодъ—болѣзнь его „безцѣннаго друга“. Душевные перевороты, происходившіе въ послѣднее время, нравственное и физическое потрясеніе, произведенное болѣзнію отца, наконецъ послѣднее объясненіе съ Эрквартомъ окруженное таинственностію,—вотъ что было причиною болѣзни миссъ Доры. Среди заботъ о болящемъ своемъ другѣ, среди опасеній за ея жизнь, Эрквартъ понялъ цѣну этого друга; онъ пережилъ въ это время тотъ періодъ, когда страхъ потери возбуждаетъ въ душѣ желаніе пріобрѣтенія и располагаетъ чело-

вѣка сдѣлать все, все, принесть всѣ жертвы, въ виду желаемаго пріобрѣтенія. И когда миссъ Дора выздоровѣла, Эрквартъ рѣшился назвать ее *своею женою*, *своею будущею женою*; а затѣмъ, уже почти объявленный женихъ въ рокмонтскомъ семействѣ, отправился въ Салисбэри за послѣднимъ испытаніемъ.

Обстоятельства, среди которыхъ вращалась доселѣ жизнь Эрварта и которыя отправили его теперь въ Салисбэри, имѣли вліяніе и на прочія соприкосновенныя ему лица. Мистеръ Джонстонъ, спасенный отъ смерти, даже по началамъ своего ригоризма, не могъ быть неумолимо строгъ къ Эрварту; неблагосклонная къ нему Пенелопа также нѣсколько смягчилась и стала болѣе внимательна къ нему, частію по той же самой причинѣ, а частію потому что, въ это время, ея собственный романъ приближался, повидимому, къ хорошей развязкѣ, и притомъ не безъ участія Эрварта.

Поѣздка въ Салисбэри увѣрила его, что онъ—убійца Генри Джонстона, брата Доры. Признаніе въ этомъ предъ Дорой, объясненіе съ ея отцомъ, разлука съ рокмонтскимъ семействомъ и полный, повидимому, разрывъ съ нимъ, исключая миссъ Доры,—вотъ какія были послѣдствія открытія въ Салисбэри. Не могу не прибавить здѣсь, что Эрквартъ разстался съ своимъ другомъ также твердо и мужественно, какъ и она съ нимъ; и его не покинули, въ это тяжелое время, тѣ надежды, которыя одушевляли ее. Но когда должны осуществиться эти надежды?—этого не зналъ ни онъ, ни она; это они предоставили волѣ Провидѣнія.

И оно не замедлило указать, въ ходѣ событій, что̀ нужно сдѣлать для осуществленія надежды. Слѣдуетъ въ романѣ послѣдній эпизодъ.

Мистеръ Эрквартъ—врачъ при тюрьмѣ. Частію по тяжелымъ воспоминаніямъ своей жизни, а еще болѣе благодаря вліянію Доры, онъ всею своею душею преданъ нравственно-болящимъ своимъ братьямъ и заботится сколько объ ихъ тѣлахъ, столько же, если не больше, о душахъ. О немъ между тѣмъ распространяются неблагопріятные слухи. Маленькій другъ мистера Эрварта, ребенокъ, дочь директора тюрьмы, открываетъ ему глаза, и онъ понимаетъ смутно, что мало ждать и терпѣть, мало найдти успокоеніе и утѣшеніе въ своей совѣсти, но нужно еще объясниться съ

человѣческимъ правосудіемъ и этимъ путемъ примириться со всѣми людьми. Но мистеръ Эрквартъ связанъ словомъ; его тайна принадлежитъ уже не ему, а мистеру Джонстону: и вотъ слѣдуютъ сцены, которыя, по моему мнѣнію, въ высшей степени характеристичны. Начинается борьба—между мистеромъ Эрквартомъ, какова онъ былъ до встрѣчи съ Дорой, съ Эрквартомъ, твердымъ и непреклоннымъ, старающимся выполнить свое слово до послѣдней точности, и Эрквартомъ, ученикомъ Доры, который даетъ вѣсъ и значеніе стремленіямъ и голосу своего чувства. Въ борьбѣ сначала одержалъ *первый* Эрквартъ: при объясненіяхъ съ своими сослуживцами онъ отказался дать прямые отвѣты и рѣшился выйдти въ отставку. Но вотъ пришелъ къ нему капелланъ тюрьмы, пришелъ съ словами пріязни, участія, довѣрія,—и живо припомнилась Эрквартy Дора и все что̀ онъ въ ней видѣлъ и что̀ отъ нея слышалъ. И добрый наставникъ восторжествовалъ: мистеръ Эрквартъ рѣшился на послѣднюю жертву—отдать себя въ руки правосудія, испросивъ на это разрѣшеніе мистера Джонстона.

А мистеръ Джонстонъ, между тѣмъ, уже не прежній мистеръ Джонстонъ; его суровый ригоризмъ поколебался, его обдало теплымъ вліяніемъ его дочери. Онъ самъ явился на судъ защитникомъ убійцы своего единственнаго сына.

Итакъ горькая чаша выпита до дна, но не *залпомъ*, какъ я считалъ нужнымъ сначала; нѣтъ, не *залпомъ*, а капля по каплѣ, тѣми размѣрами, какіе назначались свыше. Вся горечь чаши испытана вполнѣ; но она не произвела кружения въ головѣ, не произвела агоніи; напротивъ, привела къ жизни, и какой еще жизни!.. Не то было бы, еслибы чаша выпита была *залпомъ*.

И вотъ въ заключеніе романа, мистеръ Эрквартъ, вмѣстѣ съ своею женой, мистриссъ Теодорою Эрквартъ, на палубѣ *Европы*, отправляется въ Канаду. Ему предстоитъ далекій путь; предъ нимъ жизнь чужой сторонѣ, вдали отъ друзей... Но миръ въ его душѣ; съ нимъ Теодора,—Божій даръ,—и прочь всякое сомнѣніе въ прочность его счастія!..

III.

Съ самыми грустными мыслями я приступаю къ обрисовкѣ третьей замѣчательной личности въ романѣ, Пенелопы, или миссъ Джонстонъ. Между другими личностями романа она позже всѣхъ обращаетъ на себя вниманіе, но за то въ такой мѣрѣ, что невольно обращаешься назадъ, приблизившись уже къ концу романа, и начинаешь соображать и припоминать всѣ слова, сказанныя этою замѣчательною личностію, всѣ дѣла совершенныя ею и вскользь указанныя въ разныхъ разказахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было со мною.

Пенелопа—по преимуществу дочь своего отца, она такая же ригористка,—и здѣсь разгадка какъ ея характера, такъ и всей ея трагической судьбы.

Ровность, твердость, спокойствіе, любовь къ порядку, неумолимая строгость къ себѣ и другимъ, и рядомъ съ этимъ религіозное соблюденіе приличій во всѣхъ мелочахъ, и неумѣніе отличить важное и существенное отъ пустаго и незначительнаго; поклоненіе долгу, но поклоненіе рабское, безъ задушевнаго участія къ тому что составляетъ самую сущность долга и обязанности, а потому безъ нравственной способности воспользоваться плодами отъ исполненія долга и внести ихъ въ свою душу, привить ихъ къ своей натурѣ; наконецъ, мелкое самолюбіе, тѣмъ болѣе опасное, что прикрывается надуманными софизмами; отсюда — крайняя раздражительность и строптивость: таковы общія свойства Пенелопы, какъ ригористки; таковы свойства и вообще ригоризма. Сущность его состоитъ въ томъ, что человѣкъ беретъ изъ области нравственности только одну *матеріяльную* часть, не возвышаясь до ея *духа;* беретъ только форму, не заботясь о содержаніи... Поэтому ригористъ все тяжелое, налагаемое на насъ законами нравственности, выполняетъ съ полною отчетливостію и безъ всякаго упущенія; а награды ему за это нѣтъ никакой. Напротивъ, чѣмъ дальше онъ идетъ по своему пути,—тѣмъ болѣе растетъ его тяжесть,

потому что тѣмъ большая слѣпота нападаетъ на его умъ, тѣмъ больше холодѣетъ его сердце.

Отецъ передалъ свои правила старшей дочери; ея талантливая натура очень хорошо усвоила эти правила. Но еще во время воспитанія, въ эту натуру ворвалась живая струя и увеличила разладъ въ ней. Вмѣстѣ съ дочерью у мистера Джонстона воспитывался молодой человѣкъ знатнаго рода. Что такое былъ Франсисъ по своей природѣ—рѣшить довольно трудно. Думаю: это былъ человѣкъ не слишкомъ далекихъ умственныхъ способностей, но съ теплымъ сердцемъ; изъ него, при другихъ условіяхъ, могло бы выйдти много добраго. Но уроки ригоризма продолжались и принимались обоими учениками, подавляя въ нихъ живые инстинкты души. Они не могли сойдтись между собою, они могли быть только связаны между собою цѣпями неволи. Они связали себя цѣпями, которыя особенно крѣпки для подобныхъ личностей,—взаимнымъ обѣщаніемъ.

Цѣпи неволи несли они неодинаково. Мощная натура, способная бороться съ противорѣчіями до послѣдней крайности, способная до конца сохранить силы къ перерожденію, Пенелопа несла цѣпи, обвивая ихъ цвѣтами. Въ ней сохранялось воспоминаніе о томъ времени, когда она еще живыми глазами смотрѣла на міръ Божій, когда онъ еще не былъ заключенъ для нея въ тѣсную рамку нѣсколькихъ узкихъ понятій, когда она весело и беззаботно бѣгала по лугамъ Рокмонта съ своимъ Франсисомъ, смотря на него сквозь призму молодаго воображенія. Да, она сохраняла въ своей душѣ это свѣтлое воспоминаніе; она любила его, насколько могла любить ея душа; она любила именно это воспоминаніе, а отнюдь не самого Франсиса, какимъ онъ вышелъ изъ педагогическихъ рукъ ея папа. Этого Франсиса она не любила, да и не могла любить... Иначе, какъ же объяснить странныя явленія въ ея жизни и характерѣ? Нѣтъ близь нея Франсиса—и она нѣжна къ нему, она не можетъ наговориться съ нимъ и пишетъ ему длинныя-предлинныя письма; не видя возлѣ Франсиса, но только ожидая его, она дѣлается даже ласкова и привѣтлива ко всѣмъ окружающимъ. А какъ скоро прибылъ къ ней Франсисъ, ея обычная угрюмость и раздражительность возвращаются къ ней, и сидитъ она возлѣ него по цѣлымъ часамъ, не говоря ни слова. Да, я вполнѣ увѣренъ, что привязанность

миссъ Пенелопы къ Франсису, ея упорная десятилѣтняя вѣрность ему, была не инымъ чѣмъ какъ *протестомъ*, неяснымъ для нея самой *протестомъ* ея души противъ того ригоризма, въ которомъ она была воспитана. Что же мѣшало ей услышать и понять вовремя этотъ протестъ? А ригоризмъ... Въ отвѣтъ на неясный протестъ онъ выставлялъ и разукрашалъ соблазнительную мысль о непреклонной твердости, которая, не въ примѣръ другимъ обыкновеннымъ женщинамъ, можетъ бороться со временемъ и ждать, терпѣть... И говорила эта мысль гордости, женскому тщеславію, и заглушала поднимавшійся изъ глубины души живой голосъ неяснаго протеста.

А что Франсисъ? Онъ какъ несъ цѣпи неволи?

Это былъ очень оригинальный ученикъ мистера Джонстона. Ригоризмъ не привился къ нему, а только испортилъ его натуру. Тѣхъ положительныхъ правилъ, которыя составляютъ ригористическій катихизисъ и которыя заключаютъ всю жизнь человѣка въ опредѣленныя рамки, недалекій Франсисъ не усвоилъ себѣ; но онъ понялъ изъ уроковъ своего учителя только то, что *чему-то* надобно непремѣнно подчиняться. Недалекій Франсисъ понялъ изъ уроковъ своего наставника и то, что нужно быть тверду въ своемъ словѣ. Какъ свѣтскій человѣкъ, онъ нашелъ для себя *идолъ* въ томъ что называется *свѣтомъ*. И вотъ изъ ученика мистера Джонстона вышелъ *благопріличный джентльменъ*. Покланяясь своему идолу со всею добросовѣстностію ригориста, Франсисъ, какъ человѣкъ безъ положительныхъ правилъ, считалъ себя свободнымъ во всемъ прочемъ, а потому частная его жизнь исполнена грязныхъ закулисныхъ тайнъ.

Будь Франсисъ и Пенелопа похожи другъ на друга въ своемъ ригоризмѣ,—ихъ положеніе было бы безвыходное. Чего добраго, они, пожалуй, сочетались бы законнымъ бракомъ: и тогда, что бы тогда было?.. Но въ направленіи и особенностяхъ той и другой личности были такія черты, что рано или поздно должна была непремѣнно произойдти катастрофа. Такъ и случилось. Закулисная жизнь Франсиса обнаружилась; Пенелопа узнала объ оскорбленіи, которое должно было поразить ее какъ женщину и особенно какъ ригористку: и это спасло и ее, и Франсиса.

Я бы взялъ на себя трудъ рѣшительно не по силамъ,

еслибы рѣшился подробно очерчивать Пенелопу въ періодъ страшной катастрофы. Это дѣло тѣмъ болѣе трудное, что великое измѣненіе совершалось внутри ея, мало и какъ-то отрывочно проявляясь наружу. Впрочемъ, и то что̀ проявлялось наружу, слишкомъ громко говоритъ о Пенелопѣ и ея замѣчательномъ характерѣ. Сначала Пенелопа—вполнѣ ригористка. Съ гордо-величавымъ спокойствіемъ она встрѣчаетъ нанесенное оскорбленіе. Нѣтъ ни одного слова жалобы; только нетерпѣливость и нѣкоторая рѣзкость отвѣтовъ обличаютъ въ ней внутреннее волненіе. Но вѣдь это такъ часто случалось съ нею, а потому даже проницательная Дора не замѣтила, что случилась катастрофа. Слѣдуетъ сцена разрыва съ Франсисомъ; здѣсь опять Пенелопа во всемъ величіи ригоризма. Но вотъ начинается внутренняя ломка. Она проявляется наружу только въ одномъ—въ полномъ бездѣйствіи; прочее все скрыто. Но разговоръ, происшедшій между Пенелопой и ея сестрою, Дорой, позволяетъ догадываться, какого рода эта была ломка, и что̀ во время ея испытывала несчастная миссъ Джонстонъ. Что̀, въ продолженіи десяти лѣтъ, неясно говорила ей ея прекрасная натура, въ этомъ теперь она убѣдилась съ безпощадною очевидностію: вся ея жизнь потрачена на безплодную мечту. Внутри ея пропасть силъ, но нѣтъ содержанія. Представлялся самъ собою вопросъ: гдѣ причина, гдѣ вина этой горькой траты? Силы, могучія силы, сознаваемыя въ душѣ, но не направленныя ни на что̀, говорили только въ пользу себя и въ пользу самой страдалицы: и вотъ вся вина отнесена на другихъ. „Франсисъ во всемъ виноватъ... да и всѣ люди таковы,“ таково было ея рѣшеніе. Такое рѣшеніе могло быть послѣднимъ рѣшеніемъ Пенелопы, или, по крайней мѣрѣ, она могла долго-долго не разставаться съ нимъ. Пенелопа была въ это время слишкомъ близка къ той страшной болѣзни, которая называется *мизантропіей*, потерею *вѣры въ людей*. Но близъ нея находился человѣкъ, который былъ въ состояніи спасти ее, и дѣйствительно спасъ отъ страшной болѣзни.

— Не вѣрь, говорила Пенелопа Дорѣ,—не вѣрь.., обманетъ... Всѣ они обманываютъ.

А Дора, между тѣмъ, сидѣла возлѣ своей страдающей сестры съ полною вѣрой въ своего Макса и съ письмомъ

въ рукахъ отъ него. И повѣяла на страждущую душу Пенелопы живительная струя этой вѣры способной переставлять горы, и приняла въ себя спасительную струю прекрасная натура Пенелопы, и не случилось страшной болѣзни.

О, безцѣнный другъ Мокса Эрквартa! Въ эту минуту вы совершили истинно-великое дѣло...

Какъ зрѣла въ душѣ Пенелопы навѣянная на нее отъ сестры вѣра въ людей, самая великая сила въ людяхъ послѣ вѣры въ Бога, это—тайна души Пенелопы. Мы видимъ послѣ этого Пенелопу, когда она ищетъ оправданія и подтвержденія этой вѣры, и для этого отправляется туда, гдѣ жили непосредственные свидѣтели нанесеннаго ей оскорбленія, и гдѣ она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ своимъ оскорбителемъ, Франсисомъ.

Катастрофа, такъ глубоко поразившая Пенелопу, не произвела глубокаго впечатлѣнія на этого господина. Въ этомъ случаѣ, его лукаво поддержалъ тотъ бездушный идолъ, которому онъ поклонялся. Этотъ идолъ внушилъ ему, что подобныя жертвы онъ благосклонно принимаетъ не отъ одного Франсиса. Но ему готовились иныя вразумленія. Будущій губернаторъ имѣлъ много долговъ, и кредиторы, опасаясь выпустить изъ рукъ свою жертву, стали преслѣдовать его. Въ этомъ случаѣ бездушный идолъ не могъ поддержать своего поклонника, даже презрительно отвернулся отъ него, и бѣдный Франсисъ, лишенный добраго имени, попалъ въ тюрьму. Холодное отчаяніе овладѣло имъ, и онъ бы погибъ самымъ жалкимъ образомъ, еслибы не спасъ его Максъ Эрквартъ. Оставленный всѣми, побуждаемый Эрквартомъ снова начать жизнь и ободряемый имъ, онъ сталъ искать вокругъ себя людей, которые были бы ему преданы, въ которыхъ онъ могъ бы найдти себѣ поддержку. И вспомнилъ онъ о женщинѣ, брошенной имъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ, вспомнилъ также о покинутомъ ребенкѣ, и отправился въ Рокмонтъ. Здѣсь онъ и встрѣтился съ Пенелопой.

Встрѣча была очень поразительная. Оба встрѣтившіяся лица были уже не то чѣмъ они разстались нѣсколько времени тому назадъ. Каждое изъ нихъ успѣло значительно оживиться и освободиться отъ того холода, который доселѣ проникалъ ихъ. Эти два лица теперь стали походить на тѣхъ Франсиса и Пенелопу, которые, десять лѣтъ тому на-

задъ, свободно гуляли по полямъ Рокмонта,—и десять лѣтъ какъ будто вычеркнуты изъ ихъ жизни. И я думаю, во всѣ эти вычеркнутые десять лѣтъ, Пенелопа и Франсисъ не говорили такъ задушевно, такъ искренно, не чувствовали себя такъ свободно и хорошо, какъ теперь. Недалекій Франсисъ даже позабылся и сталъ дѣлать Пенелопѣ такое предложеніе, которое было рѣшительно безумно. Но Пенелопа все поняла.

И стала она совсѣмъ иная женщина. Опытъ, для совершенія котораго она приходила къ коттеджу мистриссъ Кертрайтъ, съ избыткомъ подтвердилъ то что̀ на нее навѣяно было ея сестрою. Она здѣсь почувствовала ясно всю сладость добра совершаемаго отъ сердца. Она здѣсь увидѣла, что и тѣ люди, о которыхъ ригористы стыдятся и подумать, способны понимать и цѣнить добро, а слѣдовательно способны и къ исправленію... Все это здѣсь увидѣла и почувствовала Пенелопа: и *вѣра въ людей* сдѣлалась главною ея силой; служить людямъ—сдѣлалось ея главною цѣлью.

Авторъ сказалъ ясно и опредѣленно, какая была послѣдняя судьба всѣхъ героевъ его романа. Одна Пенелопа оставлена въ таинственномъ полумракѣ, и мы не знаемъ что̀ съ нею сталось. О подобной личности и нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Кто исчислитъ всѣ случаи, когда человѣкъ нуждается въ дѣятельной помощи своего ближняго? Кто можетъ исчислить всѣ поводы къ горю и плачу? А ко всѣмъ нуждающимся въ помощи, ко всѣмъ плачущимъ и горюющимъ будетъ подходить Пенелопа—то съ помощью, то съ утѣшеніемъ...

IV.

Слышится мнѣ вашъ беззаботный смѣхъ, восхитительная Лизабель, и грустныя мысли навѣянныя на меня судьбою Пенелопы прячутся въ глубь души, и яснѣе становится на душѣ! Смѣйтесь, смѣйтесь своимъ беззаботнымъ смѣхомъ! Я не имѣю ни малѣйшаго желанія чѣмъ-нибудь помѣшать ему; я буду только прислушиваться къ вашему смѣху и разбирать его музыку.

Да, обо многомъ говорится въ смѣхѣ Лизабели и ея беззаботности. Я думаю, трудно найдти человѣка, даже самаго черстваго по своей душѣ, который бы, встрѣтившись съ личностью подобною Лизабели или ея Августу, остался совершенно равнодушенъ къ ней, который бы и самъ не улыбнулся добродушно, хотя бы не улыбался во всю свою жизнь. О беззаботномъ дѣтствѣ нашемъ напоминаютъ намъ подобныя личности; они говорятъ намъ о жизни безъ тяжелыхъ думъ, безъ томительныхъ тревогъ, о томъ, что возможна такая жизнь и что она счастлива.

Лизабель — личность не вкусившая отъ древа познанія добра и зла. Она осталась на всю жизнь подъ вліяніемъ инстинктовъ и не возвысилась надъ ними. Ни умъ, ни чувство въ отдѣльности не управляютъ ею; ею управляетъ вся ея природа взятая въ совокупности, и достоинство Лизабели заключается въ томъ, что каждый докладъ ея внутренней природы доходитъ до нея, не затемняясь никакимъ выводомъ ума, не заглушаясь никакимъ увлеченіемъ чувства. Что̀ другіе люди *узнаютъ*, иногда съ большимъ напряженіемъ мысли, то Лизабель *угадываетъ*, и угадываетъ иногда скорѣе чѣмъ другіе узнаютъ; гдѣ другіе *разсуждаютъ*, *выбираютъ*, *колеблются*, тамъ Лизабель дѣйствуетъ, какъ бы по вдохновенію, совершенно необдуманно, а между тѣмъ съ большимъ тактомъ. Другіе, при встрѣчѣ съ новыми предметами, лицами и при перемѣнѣ образа жизни и занятій, любопытно оглядываются кругомъ, иногда дѣлаютъ усилія, чтобы приноровиться къ новой обстановкѣ или приноровить ее къ себѣ: Лизабель — въ Рокмонтѣ ли, въ Парижѣ ли, въ скромномъ ли домѣ ректора, или роскошномъ Трегернъ-кортѣ, дѣвица или замужняя женщина—всюду и при всѣхъ обстоятельствахъ совершенно одинакова. Она вездѣ какъ дома; никто и ничто ее не изумитъ, не заставитъ задуматься; вездѣ она будетъ дѣйствовать и дѣйствовать хорошо, безсознательно выполняя подсказы и внушенія природы. Какъ же ей не смѣяться звонкимъ своимъ смѣхомъ!

Одного только боятся личности въ родѣ Лизабели и ея *обожателя* (и какъ идетъ къ нему это названіе!), Августа Трегерна: *бѣды* и *несчастія*. Ну, на этотъ разъ они—ничто, рѣшительное ничто! *Бѣда* и *несчастіе* требуютъ отъ человѣка самостоятельности и упругой воли, а того и

другаго не даетъ людямъ природа; то и другое они должны сами брать и часто съ бою. Лизабель и ея обожатель (который, спѣшу прибавить, второй экземпляръ Лизабели, съ немногими варіантами) занимаютъ довольно большое мѣсто въ романѣ, но дѣйствуютъ слишкомъ мало, потому что за нихъ дѣйствуютъ другіе. Впрочемъ, имъ удалось показать каковы они бываютъ въ несчастіяхъ. Вотъ Лизабели вздумалось покататься вмѣстѣ съ Колиномъ,—и это *несчастіе* до того поразило ея бѣднаго обожателя, что онъ явился къ своему другу, мистеру Эрквартy, въ такомъ видѣ, въ какомъ муцинѣ не позволительно являться даже къ друзьямъ одного пола. Въ другой разъ, въ виду подобной бѣды для Трегерна, миссъ Дора до-нельзя перепугалась за него; она чуяла, что севастопольскій герой не устоитъ противъ удара. А что было во время болѣзни мистера Джонстона? Бѣдные Эрквартъ и Дора не знали что дѣлать съ Лизабелью и ея мужемъ, и должны были прибѣгать чуть-чуть не къ полицейскимъ мѣрамъ противъ нихъ... Да, Лизабель и Августъ Трегернъ не рождены, чтобы встрѣчать лицомъ къ лицу бѣду и несчастіе... Но въ томъ-то и заключается секретъ жизни и натуры подобныхъ личностей, что ихъ обходитъ бѣда, что ихъ всегда щадитъ несчастіе. Отчасти причина этого заключается въ нихъ самихъ: если они не умѣютъ бороться съ бѣдой, то умѣютъ заранѣе ускользать отъ ней. Вѣдь всякая бѣда не сразу поражаетъ насъ; она подготовляется, и всего чаще нами самими, нашими уклоненіями отъ прямаго пути жизни. Слѣдуя внушеніямъ природы, личности въ родѣ Лизабели и Трегерна спасаются отъ этихъ уклоненій, а вмѣстѣ и отъ бѣдъ. Но главная причина, почему они бываютъ счастливы, заключается въ томъ, что они оберегаются другими людьми, и именно людьми *думающими*, людьми *мыслящими*. Это—не случайность, что беззаботный Августъ Трегернъ имѣетъ самаго заботливаго друга въ лицѣ Макса Эрквартa. Это — не случайность, что Дора плачетъ о Лизабели, проводивши ее изъ дому. Это—не случайность, что старые Трегерны смотрятъ не насмотрятся на Лизабель. Да, все это не случайности; все это — обыкновенныя явленія жизни. Есть какая-то связь между людьми мыслящими и беззаботными. Никакъ нельзя сказать, чтобы первые слишкомъ ува-

жали послѣднихъ, чтобъ они не понимали ихъ, чтобъ они считали ихъ идеалами человѣческой природы. Совсѣмъ нѣтъ! Никакая Дора не согласится быть Лизабелью; никакой Максъ Эрквартъ — Августомъ Трегерномъ. А между тѣмъ каждая Дора хлопочетъ о Лизабели и съ любовію смотритъ на нее; каждый Эрквартъ заботится о Трегернѣ,—да еще какъ заботится! Оберегаемые и охраняемые своими думающими друзьями, Лизабель и Трегернъ платятъ имъ за это только тѣмъ, что беззаботно смѣются предъ ними своимъ звонкимъ смѣхомъ, и говорятъ имъ этимъ смѣхомъ, что есть жизнь безъ тяжелыхъ думъ и томительныхъ тревогъ, что такая жизнь возможна и что она—счастлива по своему...

Есть драгоцѣнное свойство въ личностяхъ подобныхъ Лизабели и Трегерну. Счастіе никогда ихъ не портитъ, не мѣняетъ ихъ по отношенію къ людямъ, хотя часто и возвышаетъ ихъ надъ людьми. Не задающіе вопросовъ жизни, не принимающіе на себя труда вдумываться въ свое положеніе, сравнивать одно положеніе съ другимъ, они остаются совершенно равнодушны къ благосклоннымъ взглядамъ фортуны. Правда, они всегда встрѣчаютъ эти взгляды съ шумнымъ весельемъ: но какъ добродушно это веселье, какъ далеко оно отъ самолюбиваго удовольствія разчетливаго честолюбца или самодовольнаго гордеца! Если взять жизнь Лизабели или Трегерна на небольшомъ пространствѣ времени, то трудно уловить какую-либо нравственную перемѣну въ ихъ духовной организаціи. Но если взять ее на значительномъ пространствѣ, то окажется, что они дѣлаютъ большіе успѣхи. Они вѣчно остаются беззаботными дѣтьми; но убаюкиваемые счастіемъ, заботливо охраняемые своими ближними, они пріобрѣтаютъ, съ теченіемъ времени, необыкновенную мягкость. Старички,—они самые привѣтливые и добродушные люди. Громкій, беззаботный смѣхъ пропадаетъ, конечно; но онъ замѣняется постоянною улыбкой. Съ этою улыбкой они и умираютъ.

Между личностями, какова Дора торопливо пробирающаяся впередъ и впередъ, къ свѣту и свѣту, каковъ Эрквартъ весь отдавшійся глубокимъ задачамъ своей жизни, какова Пенелопа поставленная въ трагическія коллизіи, проистекающія изъ ея воспитанія и личныхъ свойствъ,—между такими личностями, которыя постоянно трудятся,

думаютъ, мучаются, очень эффектны Лизабель и Трегернъ. Но не здѣсь главная причина, почему имъ дано въ романѣ значительное мѣсто.

О Лизабели нужно сказать, что она, сама по себѣ и по своему отношенію къ основной идеѣ романа, имѣетъ прямыя и неотъемлемыя права занимать это мѣсто; что же касается до Трегерна, то онъ занимаетъ его по своему отношенію къ Лизабели. Лизабель—также дочь своего отца-ригориста. А какъ она приходится сродни своему папа въ этомъ отношеніи, объ этомъ она сама сообщила своей сестрѣ незадолго до замужества, — сообщила не подумавши, а между тѣмъ удивительно мѣтко и вѣрно. Она тогда сказала Дорѣ, къ великому изумленію послѣдней, что о замужествѣ она, Лизабель, мечтала со дня своего рожденія. Въ этихъ полушутливыхъ словахъ „богини“ Августа Трегерна слышится протестъ противъ того нравственнаго давленія, которое господствовало въ достопочтенномъ семействѣ рокмонтскаго ректора. Этотъ протестъ, и въ такомъ видѣ, могъ родиться только въ натурѣ стѣсненной. Да, такова Лизабель. Беззаботность ея не совсѣмъ даръ природы, а противоборство окружающей средѣ; оттого-то ея беззаботность соединяется съ какою-то сдержанностію, плавностію и ровностію, и не походитъ на шумную беззаботность Августа Трегерна. Итакъ, и беззаботная счастливица Лизабель есть дочь своего отца, суроваго ригориста, и слѣдовательно необходима для полнаго раскрытія основной мысли романа...

А мысль романа состоитъ въ томъ, чтобы въ судьбѣ ригористическаго семейства показать, какъ ригоризмъ не состоятеленъ самъ въ себѣ, и какъ онъ разными путями перерождается въ ясную жизнь, дающую просторъ человѣческому чувству. Три исходныхъ пути представляется въ романѣ, и на одинъ изъ нихъ указываетъ Лизабель своимъ беззаботнымъ и добродушнымъ смѣхомъ.

V.

Дора, Максъ Эрквартъ, Пенелопа, Лизабель,—всѣ эти главные герои романа *Жизнь за жизнь* прошли передо мною поодиначкѣ, каждый своею собственною поступью. Для окончательнаго знакомства съ ними, я еще хочу теперь

посмотрѣть на нихъ въ той жизненной связи, въ какой представляетъ ихъ романъ; хочу посмотрѣть на нихъ, каковы они въ обществѣ другихъ людей.

Предо мною прекрасная картина, и она, какъ обыкновенно бываетъ съ такими картинами, совсѣмъ безъ рамокъ, которыя бы сдерживали глазъ и не позволяли ему удаляться отъ центра картины. Да и никакъ нельзя наблюдателю удержаться около этого центра: чѣмъ болѣе и долѣе смотришь на картину, тѣмъ болѣе кругозоръ расширяется. Воображеніе невольно забѣгаетъ впередъ. рисуя то что совершалось до открытія занавѣса, когда миссъ Дора, послѣ вечера въ Кедрахъ, стала писать свои замѣтки на страницахъ своей новенькой книжки; равнымъ образомъ воображеніе не останавливается тамъ гдѣ кончается романъ, но идетъ далѣе и рисуетъ много сценъ дополнительныхъ. И нельзя сказать, чтобъ эти дополненія и добавленія были простымъ капризомъ воображенія; нѣтъ,—они какъ-то невольно вызываются самимъ романомъ. Нельзя также сказать, чтобъ эти дополненія и добавленія портили картину изображенную въ романѣ. Онъ представляетъ такое стройное и такое прочное зданіе; такъ хорошо, полно и ясно указаны въ немъ всѣ основные законы и требованія архитектуры, что даже трудно сдѣлать къ нему такую пристройку, которая могла бы испортить его. Но буду говорить безъ сравненій. Въ романѣ *Жизнь за жизнь* представляется намъ отрывокъ изъ жизни цѣлаго народа, и достоинство этого отрывка заключается главнымъ образомъ именно въ томъ, что онъ даетъ намъ понять, какова та жизнь, въ цѣломъ своемъ объемѣ, къ которой онъ относится и изъ которой взятъ. Нужна особенная стройность въ самой жизни, чтобы по частному отрывку можно было судить объ общемъ; съ другой стороны, и автору произведенія нужно слишкомъ проникнуться этою жизнью, слишкомъ хорошо понять всѣ ея стихіи, слишкомъ полно ощущать всю ея атмосферу, чтобы быть въ состояніи взять изъ жизни и представить въ своемъ произведеніи такой эпизодъ, по которому можно было бы свободно и легко судить о жизни, въ полномъ ея составѣ и объемѣ. Оба эти условія равно необходимы. Явись геніальнѣйшій писатель у народа, котораго жизнь состоитъ изъ

капризныхъ случайностей или изъ дикихъ наростовъ: онъ сдѣлается, можетъ-быть, прекраснымъ разсказчикомъ, милымъ повѣствователемъ, занимательнымъ анекдотистомъ; но его произведеніе не наведетъ насъ на мысль о цѣлой жизни народа. Мы будемъ съ живымъ интересомъ читать его разсказы; но наше вниманіе будетъ поглощено содержаніемъ разсказовъ, и за ихъ рубежъ мы не перешагнемъ: потому что занимательные разсказы *сами по себѣ*, а жизнь, сложенная изъ прихотливыхъ капризовъ и случайностей, тоже *сама по себѣ*, и нѣтъ никакой возможности по первымъ судить о послѣдней. Ясно также и то, что какъ бы ни была стройна сама по себѣ жизнь, — не всякій можетъ понять эту стройность, вслушаться въ ея музыку. Это доступно только чуткой душѣ художниковъ, да еще глубокимъ мыслителямъ, у которыхъ, на днѣ великаго ума кипитъ живой родникъ поэзіи. Англійская жизнь—именно такая жизнь, которая отличается стройностію, а писатель романа *Жизнь за жизнь* обладаетъ, какъ видно, художественною чуткостью къ окружающей его жизни: вотъ почему его произведеніе имѣетъ достоинство эпизода, говорящаго намъ о цѣлой жизни и настраивающаго наше воображеніе къ тому, что оно далеко выходитъ за предѣлы романа, и само какъ бы дѣлается творцомъ.

Но въ романѣ *Жизнь за жизнь* есть и другая особенность, благодаря которой онъ такъ настраиваетъ воображеніе читателя, что оно не можетъ удержаться въ предѣлахъ романа. Все то что̀ можетъ придать героямъ романа, ихъ дѣйствіямъ и состояніямъ пластическую опредѣленность, что̀ можетъ какъ бы приковать ихъ къ опредѣленному мѣсту и времени,—все это о̀тброшено. Дѣйствіе романа, главнымъ образомъ, происходитъ въ одномъ мѣстечкѣ Рокмонтѣ. А что̀ такое Рокмонтъ? — даже и это не описано въ романѣ. Изъ одного мѣста въ немъ мы узнаемъ, что тамъ шелъ дождь и была слякоть, изъ другаго—что былъ прекрасный день: вотъ и все, или, лучше сказать, все въ этомъ родѣ. Если литературное произведеніе, отличающееся пластическою опредѣленностью, можно сравнить съ пѣніемъ, гдѣ извѣстный текстъ даетъ направленіе мыслямъ и чувствамъ слушателя; то произведеніе безъ этой опредѣленности можно сравнить съ му-

зыкой, которая даетъ несравненно больше простора и мысли, и чувству, и воображенію слушателя, позволяя его душѣ, подъ чарующіе звуки, уноситься въ недовѣдомую даль. Слабая, безъ глубокой мысли, музыка, конечно, не унесетъ слушателя слишкомъ далеко; но произведеніе, проникнутое глубокою идеей, непремѣнно раздвинетъ предъ слушателемъ широту жизни. Романъ *Жизнь за жизнь*, раскрывающій полноту и разнообразіе внутренней духовной жизни въ прекрасныхъ, законченныхъ типахъ, походитъ именно на такое произведеніе. Опредѣленность въ очертаніяхъ внѣшней жизни, со всею ея обстановкой, произвела бы здѣсь нѣкоторое стѣсненіе. Дора, какъ живая личность, встрѣтившаяся съ замѣчательнымъ человѣкомъ, понявшая и оцѣнившая его, конечно, ничего не потеряла бы; но Дора, какъ типъ, какъ представительница извѣстнаго характера, какъ лицо развивающее въ себѣ извѣстные общечеловѣческіе интересы,—эта Дора непремѣнно поблѣднѣла бы. Мнѣ кажется, что и наше сочувствіе къ ней тогда значительно уменьшилось бы: потому что тогда мы видѣли бы въ ней обитательницу Рокмонта, а теперь мы видимъ въ ней *женщину, человѣка;* теперь ничто не мѣшаетъ намъ перенести эту прекрасную личность куда угодно, хоть, напримѣръ, подъ сѣрое небо Петербурга; теперь ничто не мѣшаетъ намъ (и это самое главное) принять и приложить къ своей собственной душѣ всѣ тѣ духовно-нравственные интересы, которые занимали и волновали Дору. То же самое должно сказать и про всякую другую личность романа, и про цѣлый романъ. Отсутствіе въ немъ пластической опредѣленности въ очертаніяхъ, преобладаніе типическаго надъ случайнымъ придаютъ ему идеальный характеръ, а все идеальное свободно, широко и никакъ не можетъ улечься въ опредѣленныя рамки.

Итакъ, повторяю, романъ *Жизнь за жизнь*, когда я представляю его себѣ въ цѣломъ его составѣ, является предо мною прекрасною, широкою картиной, нестѣсненною никакими рамками, проникнутою идеальнымъ характеромъ. Кромѣ живыхъ и движущихся отдѣльныхъ фигуръ, я вижу на этой картинѣ еще *жизненныя нити*, которыми перепутаны фигуры во всѣхъ направленіяхъ и которыя соединяютъ ихъ со общею жизнію, окружающею ихъ со

всѣхъ сторонъ; я вижу на этой картинѣ своего рода *нравственную атмосферу*, которою дышатъ эти живыя отдѣльныя личности.

По поводу Лизабели и ея беззаботнаго смѣха, я уже имѣлъ случай замѣтить, что въ романѣ *Жизнь за жизнь* представляется переходъ отъ безпощаднаго ригоризма въ жизнь дающую просторъ человѣческому чувству и всѣмъ его законнымъ правамъ. Ригоризмъ съ своими представителями поставленъ въ дали и тѣни; жизненное начало—на главномъ планѣ, и дѣйствіе романа открывается съ того пункта, когда это начало объявило войну и стало уже торжествовать надъ своимъ противникомъ. Но каждый внимательный читатель романа очень ясно видитъ другія сцены, предшествовавшія началу романа, когда было полное торжество ригоризма, когда онъ ломалъ и крушилъ все что̀ ему ни попадалось: видитъ онъ мистера Джонстона, молодаго и энергическаго, прилагающаго свои правила при воспитаніи своего бѣднаго сына; видитъ, какъ эти правила нравственно сгубили несчастнаго сына, какъ онъ безжалостно былъ оттолкнутъ отъ семейства, и наконецъ безславно погибъ въ пьяной дракѣ; видитъ онъ, далѣе, сцены безмолвія и гробовой тишины въ ригористическомъ семействѣ, слѣдовавшія за смертію изгнаннаго сына, когда воспитывались дочери пастора въ тѣхъ же самыхъ правилахъ. Видятся читателю и другія сцены, тоже предшествовавшія началу романа: видятся ему два брата, связанные дружбою и взаимною откровенностію, разлука этихъ братьевъ, уклоненіе младшаго съ прямаго пути жизни, кончившееся убійствомъ, пробужденіе и муки совѣсти въ убійцѣ, продолжавшіяся цѣлыхъ двадцать лѣтъ, смягчаемыя и въ тоже время усиливаемыя воспоминаніемъ о преждевременно потерянномъ старшемъ братѣ, нѣжномъ другѣ и умномъ руководителѣ. И въ этихъ сценахъ является также духъ ригоризма, но только другаго рода. Въ первыхъ сценахъ дѣйствуетъ ригоризмъ какъ *ученіе*, дошедшее по преданію. Въ послѣднихъ дѣйствуетъ ригоризмъ какъ внутреннее *ощущеніе*, какъ неудовлетворяемая потребность нравственной чистоты; представитель этого ригоризма, какъ всегда бываетъ съ людьми, путемъ опыта и жизни, а не одного преданія и доктрины, дошед-

шими до извѣстнаго настроенія, строгъ преимущественно къ самому себѣ, мучитъ себя, а всѣмъ другимъ старается служить и помогать, хотя не съ тою полнотой живаго сочувствія, съ какою должна подаваться помощь ближнимъ. Тѣ и другія сцены полнаго господства ригоризма ясно видятся читателю романа, хотя они прямо и не начерчены въ немъ; поэтому романъ разширяется далеко-далеко, и съ трудомъ усматриваетъ глазъ гдѣ его начало.

Но вотъ передъ глазами уже дѣйствительныя сцены, прямо и ясно начерченныя въ романѣ и составляющія его содержаніе. На почвѣ самаго ригоризма выросли три бойца, выступившіе противъ его исключительности и деспотизма. Три амазонки выступили съ однимъ оружіемъ — любовью; но каждая изъ нихъ по своему владѣла этимъ оружіемъ; въ битву онѣ вступили при разныхъ обстоятельствахъ, и не одинаковую одержали побѣду. Какъ и слѣдовало, первая вышла старшая сестра. Это — боецъ сильный и крѣпкій, но у него оружіе заколдовано непріятелемъ. Борьба длится долго-долго, и кончается... право, я затрудняюсь сказать чѣмъ она кончается... она кончается пораженіемъ, но такимъ пораженіемъ, которое славнѣе иной побѣды. Потомъ выступаетъ другая амазонка, средняя сестра. Это — не простой боецъ, а геніальный полководецъ. За то и битва у него трудная. На его долю выпало вести атаку вдругъ противъ обоихъ видовъ ригоризма, сопоставить ихъ другъ съ другомъ, примирить между собою и наконецъ подчинить своему вліянію. Не удивительно, что такая сложная война велась тоже очень долго. На долю этого же геніальнаго полководца выпало принять непосредственное участіе и въ воинскихъ трудахъ другихъ двухъ амазонокъ. Старшая сестра уже десять лѣтъ ведетъ утомительную борьбу; средняя еще только готовится къ борьбѣ: въ это время выступила младшая сестра. Повидимому, она совершенно безоружна; а между тѣмъ, эта удивительная амазонка скорѣе другихъ выходитъ изъ борьбы, доказывая своею судьбой, что природа съ своими инстинктами бываетъ иногда сильнѣе человѣка съ его разумомъ и сознаніемъ.

Когда я смотрю на эту борьбу, меня поражаетъ необыкновенное соотвѣтствіе между дѣйствующею силой и успѣхомъ дѣйствія, между трудомъ и его плодами.

Кому дано больше, тотъ больше трудится, тому тяжелѣе, тотъ медленнѣе достигаетъ побѣды; но за то его побѣда блистательнѣе и величественнѣе: этотъ неизмѣнный законъ человѣческой нравственности составляетъ душу этой великой борьбы, рисуемой въ романѣ *Жизнь за жизнь*. Борьба кончена; романъ заключенъ: но воображеніе читателя не прекращаетъ своей дѣятельности. Ему рисуются сцены дополнительныя. Мистеръ Джонстонъ, оставленный въ романѣ человѣкомъ поколебавшимся въ своихъ понятіяхъ, представляется, въ этихъ дополнительныхъ сценахъ, болѣе и болѣе сродняющимся съ новою живою стихіей. Пенелопа рисуется обрѣтающею покой, высокое наслажденіе въ подвигахъ любви и самоотверженія, и окруженною ореоломъ всеобщаго уваженія. А тамъ, далѣе, выступаетъ новое поколѣніе, для котораго суровый ригоризмъ — уже одно преданіе...

Въ качествѣ эпизода или отрывка характеризующаго цѣлую народную жизнь, изъ которой взято его содержаніе, этотъ романъ отражаетъ на себѣ общее направленіе этой жизни: и здѣсь-то причина и основаніе почему въ немъ такъ, а не иначе, расположены тѣни и свѣтъ. Это направленіе—*прогрессъ*.

Передъ каждымъ человѣкомъ лежатъ въ жизни два пути. *Одинъ* путь добра и истины, ведущій человѣка къ большему и большему нравственному облагороженію и совершенству. Этотъ путь давно названъ *узкимъ*, потому что онъ ведетъ человѣка постоянною борьбой съ окружающею дѣйствительностію; но въ то же время этотъ путь нужно назвать *прогрессивнымъ*, потому что онъ ведетъ человѣка къ новымъ и новымъ торжествамъ; его нужно также назвать путемъ къ *счастію*,—но къ счастію внутреннему, основывающемуся на внутреннемъ мирѣ человѣка, его душевной стройности и силѣ, слѣдовательно къ счастію самому прочному. Идя по *другому* пути, человѣкъ *живетъ какъ живется*; куда толкнутъ его обстоятельства, туда и направляетъ онъ свои покорные шаги; мудреныхъ вопросовъ: хорошо ли это? достойно ли это меня?—не любитъ задавать себѣ человѣкъ идущій по этому пути, давнымъ-давно названному *широкимъ*. И этотъ широкій путь часто ведетъ къ счастію. Человѣкъ, постоянно толкаемый туда и сюда, пріобрѣтаетъ умѣнье и

навыкъ *лавировать*, приноровляться къ разнымъ обстоятельствамъ, избѣгать непріятностей, дѣлать даже разныя пріобрѣтенія, впрочемъ такія, которыя сегодня хороши и прибыльны, а завтра, можетъ-быть, никуда не будутъ годиться. Какъ вся жизнь на этомъ пути случайна, такъ и счастіе случайно, эфемерно и мелко. Отъ самаго человѣка, отъ его *свободной воли*, зависитъ избрать тотъ или другой путь жизни; отъ его свободной воли зависитъ переходить съ одного пути на другой. Но на его рѣшеніе, при выборѣ пути, всегда имѣютъ большое вліяніе слѣдующія два обстоятельства: *знаетъ ли* онъ и *умѣетъ ли различать* оба пути одинъ отъ другаго? а также: *вѣритъ ли* онъ въ силу и крѣпость того нравственнаго закона, который всѣмъ управляетъ на узкомъ пути? Не умѣя различать одинъ путь отъ другаго, человѣкъ постоянно будетъ сбиваться; не вѣря въ силу нравственности, онъ не рѣшится идти по узкому пути, хотя бы и зналъ его.

Итакъ, въ личной жизни есть прогрессъ, по крайней мѣрѣ, онъ здѣсь возможенъ, и я не знаю, найдется ли хоть одинъ человѣкъ, который бы рѣшился оспаривать эту истину. Но и народъ — своего рода *личность*; законы жизни народа тѣ же самые, какіе существуютъ для отдѣльнаго человѣка. Тѣ же два пути лежатъ передъ каждымъ народомъ. По первому пути народъ можетъ нейдти (потому что это зависитъ отъ его свободы); но самый путь будетъ существовать. По элегическому выраженію пророка Іереміи, онъ будетъ *рыдать*, не видя на себѣ путниковъ; но уничтожить его нельзя, и народъ, обладающій свободой, подобно отдѣльному человѣку, во всякое время можетъ услышать беззвучное рыданіе оставленнаго имъ пути и вступить на него. Въ отдѣльномъ человѣкѣ *знаніе* двухъ путей жизни и *вѣра* въ путь прогресса могутъ образоваться вмѣстѣ, а также вмѣстѣ расти и крѣпнуть. Но въ такой сложной личности, какъ народъ, *вѣра* въ прогрессъ должна предшествовать *знанію*.

VI.

Какъ я уже сказалъ, въ романѣ *Жизнь за жизнь*,—когда его представляешь себѣ въ полномъ объемѣ и составѣ,—поражаетъ необыкновенное соотвѣтствіе между дѣйствующею силой и успѣхомъ дѣйствія, между трудомъ и его плодами. Гдѣ причина такого явленія? Вокругъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, принадлежащихъ къ двумъ борющимся партіямъ, обвивается *одна* жизненная нить, прикасаясь къ ихъ чувствительнымъ нервамъ,—и эта нить своимъ прикосновеніемъ производитъ удивительное явленіе. Что это за нить? Прежде чемъ назовемъ ее, посмотримъ какъ она обнаруживается между людьми.

Кончивъ воспитаніе своихъ дочерей, мистеръ Джонстонъ освободилъ ихъ отъ постоянной опеки, и предоставилъ каждой изъ нихъ дѣйствовать какъ угодно. Вслѣдствіе этого, разнохарактерные члены семейства скоро раздѣлились и, находясь въ одномъ домѣ, жили уединенно другъ отъ друга—„по своимъ берлогамъ“, какъ выразилась однажды проницательная миссъ Дора. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда непремѣнно требовалось участіе мистера Джонстона, какъ главы семейства или пастора, онъ вступался въ дѣла и судьбу другихъ. Такъ, по случаю сватовства Трегерна, онъ обнаружилъ свои ригористическія требованія относительно этого молодаго человѣка. Еще яснѣе показалъ онъ ригоризмъ свой, когда обнаружилась исторія Эрквартa. По случаю проповѣди своего помощника, по случаю возвращенія въ Рокмонтъ Лидіи съ маленькимъ Франки, также были тяжелыя сцены въ ригористическомъ духѣ. Мистеръ Джонстонъ, этотъ великій ригористъ, не стѣснялъ однако другихъ, хотя и зналъ, что они, въ своемъ собственномъ кругу, поступаютъ даже вопреки ему. „Не пишешь ли ты къ мистеру Эрквартy?“ спросилъ онъ однажды Дору, послѣ разрыва съ Эрквартомъ.—„Да, папа,“ отвѣчала Дора. Что̀ значитъ такая умѣренность въ мистерѣ Джонстонѣ?

Пенелопа съ перваго разу почувствовала нѣкоторую антипатію къ Эрквартy и была съ нимъ очень суха, если

не груба. Она знала объ отношеніяхъ его къ Дорѣ, — по крайней мѣрѣ догадывалась о нихъ: а между тѣмъ и эта ригористка ни разу не рѣшилась передать Дорѣ свои личныя антипатіи къ Эрквартy, ни разу не рѣшилась подчинить такъ или иначе сестру своему вліянію. И только однажды, въ минуту страшной сердечной боли, она сказала ей: „не вѣрь, обманетъ."

Дора и Лизабель съ удивленіемъ смотрѣли на десятилѣтнюю, необыкновенную вѣрность Пенелопы Франсису. Первая не разъ высказываетъ это удивленіе въ своихъ запискахъ; беззаботная Лизабель высказала его только однажды, но за то слишкомъ ясно. — „Неужели же томиться какъ Пенелопа?" сказала она Дорѣ, объявивъ ей о своемъ намѣреніи выйдти за Трегерна. Между тѣмъ, ни Дора, ни Лизабель ни разу не показали желанія передать Пенелопѣ свой взглядъ на ея отношенія къ Франсису, тѣмъ болѣе измѣнить какъ-нибудь по своему эти отношенія. Въ другой странѣ, при другомъ строѣ жизни, это можетъ-быть назвали бы *равнодушіемъ*, даже *недостаткомъ сестриной любви*; прибавлю: въ другой странѣ, при другомъ строѣ жизни, можетъ-быть и шло бы такое названіе. Но когда читаешь романъ *Жизнь за жизнь*, то какъ-то невольно чувствуешь, что Дора и Лизабель и не могли иначе вести себя по отношенію къ своей старшей сестрѣ, при всей своей любви къ ней. Что жъ это значитъ?..

Но особенно замѣчательны отношенія противниковъ ригоризма къ его главному представителю. Во всемъ романѣ нѣтъ ни одного случая, когда бы они сдѣлали на него прямое и рѣшительное *нападеніе*, хотя иногда къ этому располагали ихъ личные интересы. Въ рокмонтскомъ семействѣ, особенно къ концу романа, все рѣшительно назрѣло такъ сильно и больно, что читая, такъ и ждешь семейной катастрофы: но катастрофы не случилось... А между-тѣмъ, съ какою твердостію, съ какою настойчивостію, съ какимъ постоянствомъ шли бойцы къ своей цѣли, особенно Дора! Вотъ она убѣдилась, что бѣдную Лидію съ ея маленькимъ Франки нужно принять ласково въ рокмонтскомъ приходѣ, что ее нужно окружить вниманіемъ, участіемъ. Кротко, даже робко она сообщила, при удобномъ случаѣ, свои мысли отцу. Этотъ не согласился съ

нею. Дора не настаиваетъ, не пускается въ длинныя опроверженія взглядовъ своего папа, даетъ ему срокъ подумать, а между тѣмъ сама отправляется въ коттеджъ мистриссъ Кертрайтъ. Что же вышло? Туда же, вслѣдъ за нею является и ея папа... Едва ли бы случилось это, еслибы Дора дѣйствовала иначе... Въ высшей степени замѣчательна та сцена романа, когда Дора, рѣшившись отдать свою руку Эркварту, объявляетъ объ этомъ отцу. Эту сцену можно назвать генеральнымъ сраженіемъ двухъ противоположныхъ направленій, въ которомъ каждая сторона дѣйствовала своеобразно, въ своемъ собственномъ духѣ, но въ высшей степени честно, сохраняя полное уваженіе къ сторонѣ противной. Рѣшеніе Доры непреклонно и неизмѣнно,—но не безъ нѣкоторыхъ приготовленій она объявляетъ о немъ своему папа. И сколько мягкости, нѣжности, почтенія, а вмѣстѣ сколько твердости въ этомъ объявленіи!.. Согласіе, прямое и рѣшительное согласіе, не было дано, по крайней мѣрѣ оно не было высказано, хотя можетъ-быть оно и было въ душѣ... Дора не настаиваетъ, не принуждаетъ своего отца, чтобъ онъ выговорилъ ей согласіе... Это, по моему мнѣнію, рѣдкая черта деликатности со стороны Доры; это—благородное великодушіе побѣдителя, который не хочетъ вынуждать признанія у побѣжденнаго въ своемъ пораженіи... За такое благородное великодушіе достойно отплатилъ и мистеръ Джонстонъ,—отплатилъ не словами, а самымъ дѣломъ, когда явился въ лондонскую церковь къ вѣнчанію своей дочери и, въ самую торжественную минуту священнаго обряда, произнесъ свое согласіе на ея бракъ съ Эрквартомъ...

Но довольно предаваться воспоминаніямъ о событіяхъ разказанныхъ въ романѣ. Пора назвать ту жизненную нить, которою опутаны всѣ герои романа; пора объяснить что она такое... Эта нить—то же самое что вѣротерпимость въ дѣлахъ религіи, что уваженіе къ чужой національности въ международныхъ отношеніяхъ, что уваженіе ко мнѣнію другаго въ сферѣ мысли и частной жизни. Это то что обыкновенно называется *гуманностью;* это — уваженіе одной личности къ другой, основывающееся на сознаніи, что всякая другая личность, подобно мнѣ, имѣетъ полное право быть съ своими собственными убѣжденіями, дѣйствовать

въ духѣ этихъ убѣжденій, и что, слѣдовательно, подавлять ихъ какими-нибудь насильственными мѣрами значитъ поступать незаконно, значитъ гордо считать себя единицей, а всѣхъ прочихъ людей нулями.

Какъ уваженіе къ личности всякаго другаго человѣка, или какъ уваженіе къ нравственной силѣ, заключенной въ личности другаго человѣка, *гуманность* можетъ образоваться только тогда, когда есть увѣренность, что существуетъ эта нравственная сила, что она проявляется и можетъ проявляться въ каждомъ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ. При этой увѣренности, человѣкъ въ себѣ и въ каждомъ видитъ не столько людей поставленныхъ въ различныя, часто случайныя отношенія (знатнаго къ плебею, богатаго къ бѣдному, ученаго къ необразованному, начальника къ подчиненному и пр. и пр.), сколько представителей и носителей нравственной силы, съ безконечнымъ разнообразіемъ проявляющейся въ отдѣльныхъ личностяхъ и всегда стоящей выше каждой отдѣльной личности. Въ томъ обществѣ, гдѣ гуманность есть жизненная стихія окружающая людей со всѣхъ сторонъ, такое воззрѣніе на людей имѣютъ всѣ, хотя не всѣ даютъ сами себѣ отчетъ въ этомъ. Я увѣренъ, что мистеръ Джонстонъ, Пенелопа, а тѣмъ болѣе Лизабель не разсуждали о гуманности; а между тѣмъ всѣ они дѣйствуютъ въ духѣ гуманнаго воззрѣнія, то есть чувствуютъ, что въ каждомъ другомъ человѣкѣ заключена сила, которую надобно уважать, по крайней мѣрѣ обходиться съ нею осторожно. Отъ гуманнаго воззрѣнія на людей проистекаетъ очень много послѣдствій, и притомъ самыхъ благодѣтельныхъ для людей. Самое существенное изъ нихъ—*безпристрастіе*, или, точнѣе, *два безпристрастія. Первое* безпристрастіе, самое трудное для людей, *безпристрастіе къ себѣ и другимъ людямъ*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я могу ослѣпляться на свой счетъ, если живетъ во мнѣ это убѣжденіе, что я и всякой другой—равныя единицы, что всѣ мы представители одной силы, и что тотъ изъ насъ выше и лучше, кто лучше представляетъ эту силу и полнѣе проявляетъ ее въ своей жизни? Каждый человѣкъ есть существо нравственное во глубинѣ своей природы, и по природѣ питаетъ уваженіе къ нравственной силѣ; поэтому, если только онъ возвысится до живаго представленія этой

силы, если онъ пойметъ, гдѣ и какъ живетъ она, онъ непремѣнно заглушитъ въ себѣ мелкую страстишку самолюбія, такъ часто ослѣпляющую людей. Но заглушая страстишку самолюбія, то же самое безпристрастіе, о которомъ у меня теперь рѣчь, возбуждаетъ и вызываетъ въ человѣкѣ уваженіе къ себѣ, какъ представителю нравственной силы. Имѣя уваженіе къ себѣ, человѣкъ не сидитъ сложа руки, когда другіе дѣйствуютъ, но и самъ дѣйствуетъ, и умѣетъ согласить свои дѣйствія съ дѣйствіями другихъ, не стѣсняя ни себя, ни другихъ. Уваженіе къ себѣ спасаетъ человѣка отъ того опаснаго и важнаго недостатка, который всего скорѣе и больше грозитъ людямъ съ гуманными отношеніями къ другимъ,—отъ того, что̀ на языкѣ религіи, науки и общественности, называется, *индифферентизмомъ*. Кто уважаетъ себя какъ представителя нравственной силы, тотъ никогда не сдѣлается и не будетъ въ жизни индефферентистомъ, потому что, не стѣсняя другихъ, и самъ будетъ дѣйствовать въ духѣ своихъ убѣжденій, и если эти убѣжденія истинны, они рано или поздно одержатъ верхъ. *Другое* безпристрастіе, раждающееся отъ гуманнаго воззрѣнія на людей, тоже чрезвычайно трудно для нихъ. Оно состоитъ въ умѣньи и нравственномъ мужествѣ различать въ человѣкѣ представителя и носителя нравственной силы и особу поставленную въ разнообразныя, иногда благопріятныя, иногда стѣснительныя обстоятельства, и перваго всегда предпочитать послѣдней. Обстоятельства эти слишкомъ разнообразны, почти всегда случайны; но, при встрѣчѣ съ каждымъ человѣкомъ, они прежде всего бросаются въ глаза и овладѣваютъ вниманіемъ. Когда-то я узнаю, каковъ мой новый знакомый, какія у него убѣжденія, какія стремленія и цѣли? Но мнѣ не стоитъ никакого труда узнать: какого онъ происхожденія, каково его общественное положеніе, каковы матеріяльныя средства? Что же, если я остановлюсь на этомъ и не пойду далѣе? Что, если я удовлетворюсь этимъ дешевымъ и наглядным знакомствомъ и буду судить о людяхъ, даже дѣйствовать по отношенію къ нимъ только сообразно съ этими обстоятельствами? А такъ случается сплошь да рядомъ. И вотъ проходятъ годы; человѣкъ оглядывается назадъ. Что̀ же онъ видитъ? Жизнь—какъ прихотливая проселочная до-

рога, съ безчисленными изгибами и загогулинами; пропасть встрѣчъ съ такимъ-то и такою-то, при такихъ-то обстоятельствахъ; послѣ встрѣчъ—разлуки столь же случайныя какъ самыя встрѣчи, совершавшіяся по волѣ тѣхъ же всесильныхъ обстоятельствъ,—вотъ что̀ представляетъ услужливая память. Но что̀ осталось отъ этихъ встрѣчъ? Былъ ли въ нихъ какой-нибудь смыслъ? Увы! на эти вопросы нѣтъ отвѣта, да и не можетъ быть: потому что, когда случалались встрѣчи, человѣкъ не давалъ себѣ труда пристально всматриваться въ людей...

Благодаря уваженію къ личности, никакая сила не пропадаетъ въ комъ бы она ни проявилась, среди какихъ бы обстоятельствъ ни суждено было ей проявляться; благодаря такому взгляду на личность, все стѣснительное для нея, все мѣшающее такъ или иначе ея проявленіямъ, заботливо устраняется, или вѣрнѣе сказать, само собою отпадаетъ и изчезаетъ. Вслѣдствіе этого, въ человѣческой жизни начинаютъ дѣйствовать уже *одни* силы нравственныя, заключенныя въ разныхъ личностяхъ. Между ними завязывается борьба, потому что безъ борьбы ничего не совершается въ человѣческой жизни; но какъ въ образѣ веденія этой борьбы, такъ равно и въ ея исходѣ, осуществляются уже не случайности человѣческой жизни, а коренные законы нравственной силы, именно: сила *бо́льшая* могущественнѣе дѣйствуетъ и къ бо́льшимъ приводитъ результатамъ, хотя бы она и была заключена въ такой личности, которая, по своему внѣшнему положенію, не слишкомъ богата средствами къ дѣятельности; напротивъ, сила слабѣйшая, тѣмъ болѣе сила фальшивая, невольно уступаетъ болѣе могущественной силѣ, хотя бы она и была поддержана всякаго рода внѣшними подпорами. И вотъ молодая дѣвушка оказывается гораздо сильнѣе чѣмъ мущина, въ теченіи многихъ лѣтъ постепенно слагавшійся въ своемъ характерѣ; дѣвушка, плохо знающая Ветхій Завѣтъ и не слыхавшая *о градахъ убѣжища*, рѣшаетъ въ своей жизни мудреный вопросъ относительно внутренняго смысла и значенія Ветхаго Завѣта и Новаго, рѣшаетъ его несравненно вѣрнѣе чѣмъ спеціалистъ-богословъ, старый пасторъ, и гораздо благоразумнѣе чѣмъ другой богословъ, молодой пасторъ, рѣшившійся возстать противъ ригоризма,

который свирѣпствовалъ въ рокмонтскомъ приходѣ, думавшій подорвать этотъ ригоризмъ свидѣтельствомъ самаго Ветхаго Завѣта, и съ этою цѣлію сказавшій проповѣдь *о градахъ убѣжища*. Авторъ романа *Жизнь за жизнь* представителями побѣдоноснаго жизненнаго начала сдѣлалъ женщинъ. Это не случайность; это не капризъ романиста; это и не подражаніе древнимъ, которые все жизненное любили олицетворять въ образѣ женщинъ. Нѣтъ, въ такомъ выборѣ представителей жизненнаго начала высказалось въ авторѣ просто умѣнье—яснѣе и полнѣе оттѣнить могущество и крѣпость нравственныхъ силъ, при ихъ свободѣ отъ всѣхъ внѣшнихъ стѣсненій, благодаря гуманной стихіи, въ которой вращаются эти силы.

Гуманность даетъ просторъ нравственнымъ силамъ, освобождая ихъ отъ всякихъ стѣсненій: но *что* развиваетъ эти силы, *что* поддерживаетъ въ нихъ жизненность, *что* направляетъ ихъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ? Эти вопросы сами собою возникаютъ теперь, и настойчиво требуютъ себѣ рѣшенія.

Нравственная сила, безъ сомнѣнія, и сама себя можетъ развивать, потому что въ ней заключено много жизненныхъ началъ; но такое развитіе можетъ идти только до извѣстной степени, именно на столько, на сколько позволятъ тѣ жизненныя начала, какими владѣетъ та или другая личность. Притомъ, это самостоятельное, самозаключенное, это уединенное развитіе нравственной силы, никакъ не можетъ спастись отъ какой-нибудь односторонности, какой-нибудь угловатой оригинальности. При такомъ развитіи, могутъ появляться очень замѣчательныя личности, способныя наполнить цѣлый міръ своею славой; но не можетъ образоваться стройно и всесторонне-развитаго общества, въ народной жизни не можетъ быть послѣдовательной передачи добытыхъ нравственныхъ пріобрѣтеній,—однимъ словомъ, не можетъ быть того что называется прогрессомъ, а если и будетъ прогрессъ, то какой-нибудь односторонній. Нѣтъ, въ уединеніи можно готовиться къ жизни, можно отдыхать послѣ бурь житейскихъ; но жить никакъ нельзя. Такъ именно понимаетъ это дѣло авторъ нашего романа, или, вѣрнѣе, такъ именно понимаютъ это дѣло въ Англіи. Главные

ЛАРИНСКАЯ ГИМНАЗІЯ.

герои романа начинаютъ уединеніемъ. Дора сначала ведетъ самозаключенную жизнь; въ моральномъ отношеніи, такую же жизнь ведетъ сначала и Эрквартъ. Но героями они дѣлаются въ то время, когда выходятъ изъ самозаключенія, а предшествующая уединенная жизнь только приготовляетъ ихъ къ тому, чтобъ они сдѣлались героями въ собственномъ смыслѣ.

Окружающая насъ природа можетъ давать очень много побужденій и даже матеріяловъ къ развитію нравственной силы. Природа до безконечности разнообразна; въ ея явленіяхъ есть соотвѣтствія съ движеніями и состояніями души человѣческой. Но, при всемъ сочувствіи къ природѣ, нельзя приписать ей слишкомъ большаго значенія въ великомъ дѣлѣ развитія нравственной силы. Пока эта сила молода, ей нужна природа, какъ колыбель для младенца, какъ занимательная сказка для едва-начинающагося смысла ребенка. Но когда эта сила возмужаетъ, тогда она сама почувствуетъ, что для нея мало природы. „Степь хороша, я всей душой люблю ее; но она глуха и безотвѣтна“,— такъ говорилъ Кольцовъ, когда сталъ сознавать свои силы. На Пушкина весною и лѣтомъ нападала апатія, особенно когда онъ жилъ въ деревнѣ; но осенью, когда темныя ночи, слякоть, вьюги, загоняли его въ кабинетъ къ книгамъ, или въ кружокъ умныхъ и чувствующихъ людей, осенью, когда природа отталкиваетъ отъ себя, — на него сходило вдохновеніе, и всѣ его лучшія произведенія написаны въ эту грустную пору года. Тамъ, гдѣ люди слишкомъ отдаются вліяніямъ природы,—они подчиняются ей и утрачиваютъ многое истинно-человѣческое. Типъ Обломова могъ развиться только на Руси, гдѣ люди воспитываются и живутъ въ томъ привольи, какое описано въ романѣ г. Гончарова. Не трудно понять, почему природа не можетъ имѣть большаго значенія въ дѣлѣ развитія нравственной силы. Природа слишкомъ массивна и матеріяльна, и потому можетъ подавить человѣка или наложить на него слишкомъ рѣзкую печать мѣстности. Романъ *Жизнь за жизнь* почти не признаетъ вліянія природы на развитіе своихъ героевъ; по крайней мѣрѣ, въ немъ ничего не говорится о такомъ вліяніи.

Да, нѣчто другое, а не природа, развиваетъ героевъ этого романа, поддерживаетъ въ нихъ жизненность, направ-

ляетъ ихъ дѣятельность къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Это—*общественность*, и она составляетъ *другую* жизненную нить, которою связаны всѣ герои романа.

Что же такое *общественность?* Это—такое отношеніе между людьми, при которомъ разнообразные характеры, наклонности, расположенія, однимъ словомъ, всѣ богатства, какими владѣютъ отдѣльныя личности, пускаются въ оборотъ и дѣлаются болѣе или менѣе общимъ достояніемъ. Безъ искренности невозможна общественность. Тамъ, гдѣ люди живутъ какъ бы совершая какой-нибудь церемонный обрядъ, не можетъ быть общественности. Обрядъ скученъ и утомителенъ; совершающіе его понимаютъ это болѣе или менѣе ясно и живо; свое неудовольствіе они переносятъ на тѣхъ людей, съ которыми совершаютъ утомительную церемонію, и рано или поздно расходятся съ ними, расходятся даже безъ всякаго видимаго повода. Тѣмъ болѣе не мыслима общественность безъ уваженія одной личности къ другой, безъ живаго сознанія, что всякій другой человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, въ качествѣ нравственной силы, можетъ быть мнѣ нравственно полезенъ. Безъ гуманности, безъ свободы, невозможна и самая искренность между людьми; безъ нея люди непремѣнно будутъ остерегаться, даже бояться одинъ другаго. Вообще, связь общественности и гуманности, такъ тѣсна, что первую изъ этихъ двухъ жизненныхъ нитей можно считать продолженіемъ послѣдней.

Тамъ, гдѣ завяжется узелъ общественности, онъ постепенно будетъ расти и крѣпнуть, и каждый отдѣльный человѣкъ, хотя одинъ разъ испытавшій прикосновеніе этой жизненной нити, непремѣнно ощутитъ родство съ нею, и если эта нить оборвется для него, онъ будетъ скучать и грустить. Когда бываешь въ кругу людей симпатичныхъ и искреннихъ, когда видишь ясно и въ рѣчахъ, и во взорахъ, и во всѣхъ поступкахъ своихъ собесѣдниковъ непринужденную искренность, тогда невольно и самъ оживляешься: раждаются въ головѣ мысли, какихъ одинъ никакъ бы не надумалъ; испытываешь такія движенія чувства, какихъ прежде не знала душа; чувствуешь въ себѣ силу исполнить то, передъ чѣмъ непремѣнно сробѣлъ бы въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ. Это общественность, какъ жизненное начало, прикоснулась къ душѣ и вызвала изъ

нея то что̀, безъ этого прикосновенія, было бы похоронено въ ней, да быть-можетъ никогда бы и не ожило. И объ этомъ прикосновеніи жизненной нити никогда не забудешь, потому что забыть о немъ значило бы забыть о такомъ моментѣ, когда видимо и осязаемо для себя вырасталъ и развивался; равнымъ образомъ, никогда не забудешь и о тѣхъ людяхъ, черезъ которыхъ прикоснулась къ тебѣ чудная жизненная нить. Сохраняя о нихъ воспоминаніе, питая къ нимъ своего рода благодарность, и при встрѣчѣ съ другими новыми людьми будешь искать того же самого, а потому будешь относиться къ нимъ съ тою непринужденною искренностію, которая составляетъ основу истинной общественности. Такъ постепенно расширяется сфера общественности. Вмѣстѣ съ этимъ расширеніемъ, вмѣстѣ съ этимъ умноженіемъ числа людей, связанныхъ жизненною нитію, увеличивается и общее богатство людей: увеличивается, съ одной стороны потому что большее и большее число людей начинаетъ получать жизненное возбужденіе, а съ другой стороны потому что въ общую лабораторію жизни постепенно втягиваются люди разныхъ характеровъ, направленій, убѣжденій, и разнообразіемъ своихъ нравственныхъ натуръ даютъ больше и больше матеріяла силѣ общественности.

Съ того времени, когда люди стали понимать значеніе и силу общественнаго начала, существенно измѣнился характеръ исторіи. Прежде люди дѣйствовали массами. Тѣсно сплоченныя и спаянныя, направляемыя къ извѣстной цѣли одною или нѣсколькими выдающимися личностями, массы душили въ себѣ отдѣльныхъ людей, не давая имъ должнаго простора. Что̀ же, поэтому, представляла исторія? Массы скоро выдыхались, замирали и дѣлались неспособными къ жизни; къ тому же вся судьба этихъ массъ зависѣла совершенно отъ одной или нѣсколькихъ личностей. Погибала подобная личность,—погибала и масса или переживала тяжелую и безплодную агонію, пока не отыскивалась другая личность, способная сплотить массу и подчинить ее себѣ. И въ то время, въ общей человѣческой жизни, было движеніе впередъ, но движеніе медленное и неровное: смѣна одной отжившей и выдохшейся массы другою, новою, свѣжею мас-

сой, — вотъ чѣмъ производилось это движеніе. Да, наплывъ дикихъ ордъ въ то время былъ необходимъ. Но теперь все измѣнилось. Благодаря сознанному жизненному началу общественности, стали пробуждаться къ жизни и тѣ народы, которые, при старомъ порядкѣ вещей, казались уже мертвыми.

Существуетъ ли въ извѣстной странѣ общественность, какъ двигатель развитія, и какъ далеко довела она народное развитіе и какое дала ему направленіе: все это, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается въ характерѣ любви между мущиной и женщиной. Чета, состоящая изъ двухъ людей,— какой маленькой міръ! Любовь... что̀ можетъ болѣе принадлежать личности человѣка, что̀ болѣе можетъ составлять неотъемлемую личную собственность человѣка!... Все это правда; но и то отнюдь не парадоксъ, что въ этомъ маленькомъ міркѣ, несравненно болѣенежели въ чемъ нибудь другомъ отражается отсутствіе общественности у извѣстнаго народа или извѣстная степень ея развитія.

Все содержаніе любви зависитъ отъ той среды, въ которой родились и получили образованіе мущина и женщина. Если эта среда не развита, если въ ней нѣтъ общественности, любовь между мущиной и женщиной проявляется какъ одно влеченіе, можетъ быть очень сильное, но *безъ всякаго содержанія*. Когда я читаю или слышу пѣсню младенческихъ временъ народа имѣющую своимъ предметомъ любовь, то мнѣ ясно слышится въ ней страсть любви, восторгъ, отчаяніе, свѣтлая радость, грусть, тоска. Но что соединяется съ этою страстью, къ чему она хочетъ направиться, что именно ее питаетъ или стѣсняетъ: обо всемъ этомъ ничего нельзя узнать изъ пѣсни. И въ средѣ, безъ всякой общественности, въ средѣ съ противуобщественнымъ направленіемъ, можетъ явиться сильная личность, съ страстнымъ неудержимымъ влеченіемъ. Спаляемая внутреннимъ огнемъ, неспособная объяснить себѣ свое стремленіе, свои потребности и уже въ этомъ отношеніи испытывающая страшныя муки, подобная личность, сверхъ того, инстинктивно приходитъ въ разладъ съ окружающею ее средой, и чрезъ это увеличиваются ея муки, и несчастная личность дѣлается жертвой ужасной катастрофы. Катерина (въ *Грозѣ* г. Островскаго) приходитъ мнѣ на память, съ ея неяс-

ными сердечными муками, съ ея безсвязными воплями, съ ея насильственною смертію...

Если среда, окружающая мущину и женщину, имѣетъ нѣкоторое образованіе, но лишена общественности; то любовь между мущиною и женщиной бываетъ влеченіемъ болѣе или менѣе сознательнымъ (смотря по личному развитію мущины и женщины), но непремѣнно *эгоистическимъ*. Оба живутъ и жертвуютъ другъ для друга всѣмъ, или требуютъ другъ отъ друга всякихъ жертвъ. Любовь составляетъ для нихъ все, и внѣ ея нѣтъ ничего. Повидимому, чего же лучше? Но у этой медали есть и другая сторона. „А что мнѣ отецъ, товарищи, отчизна?“ говорилъ Андрій (*Тарасъ Бульба* Гоголя), воспитанникъ кіевской бурсы, очаровавшей его Полькѣ. „Нѣтъ у меня никого, никого, никого! Кто сказалъ, что моя отчизна Украйна? Кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что̀ милѣе для нея всего. Отчизна моя—ты. Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣка... и все, что̀ ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну!“ Такъ говорилъ Андрій, и бѣдный сдержалъ свое слово.

„О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь...“

Такъ отвѣчала Марія Мазепѣ на его предложеніе пожертвовать для него своимъ отцомъ...

Но эти примѣры слишкомъ исключительны, да и страшны; къ тому же они взяты изъ стараго времени... Ну, возьмемъ что-нибудь поновѣе и не такъ страшное. Вотъ, напримѣръ, чета Маниловыхъ: по отзыву Гоголя, они счастливы другъ другомъ и любятъ другъ друга. Но далѣе сюрпризовъ въ формѣ бисерныхъ чехольчиковъ на зубочистку, далѣе чувствительныхъ рукопожатій, томныхъ поцѣлуевъ, нейдетъ ихъ любовь. Или вотъ еще, но уже не частный примѣръ, а указаніе на такое явленіе, которое часто и теперь повторяется въ моемъ любезномъ отечествѣ. „Опозорь писалъ Гоголь Языкову,—опозорь въ гнѣвномъ диѳирамбѣ новѣйшаго лихоимца нынѣшнихъ временъ, и проклятую его роскошь, и жену его, погубившую щеголяньями и тряпками и себя и мужа, и презрѣнный порогъ ихъ богатаго дома, и гнусный воздухъ, которымъ тамъ дышутъ...“ Но

это опять страшно и, можетъ-быть, исключительно!.. Да, страшно въ лирическомъ возгласѣ поэта-моралиста, но отнюдь не страшно въ дѣйствительной жизни, а напротивъ слишкомъ обыкновенно. Мужъ, изъ любви угождающій женѣ, окружающій ее всѣми удобствами жизни, доставляющій ей всѣ удовольствія, необходимыя по его мнѣнію для ея счастія, жертвующій для этого своею совѣстію; жена, принимающая можетъ-быть съ искреннимъ чувствомъ благодарности такую внимательность къ ней мужа, платящая за нее своею любовію, но не имѣющая привычки входить въ дѣла своего мужа за порогомъ дома, не интересующаяся ни его службой, ни его обязанностями, и не задающая себѣ скучныхъ вопросовъ касательно источниковъ, какими пользуется мужъ, чтобъ окружить ее всѣми этими удобствами: ну, есть ли тутъ что-нибудь страшное, что-нибудь необыкновенное?.. А между тѣмъ этотъ мужъ, по существу дѣла, чѣмъ лучше Гоголевскаго Андрія? Да, если разбирать разные виды проявленія эгоистической любви, непремѣнно доберешься либо до чего нибудь грустнаго и тяжелаго, въ родѣ нарушенія долга и обязанностей, и постыднаго равнодушія ко всему выходящему изъ тѣснаго круга домашней жизни, либо до чего-нибудь смѣшнаго, либо вовсе ни до чего не доберешься... Но, по крайней мѣрѣ, въ своемъ-то собственномъ кружкѣ вполнѣ ли счастлива подобная любовь? Увы, и это не всегда бываетъ! Въ подтвержденіе достаточно указать на одинъ, довольно обыкновенный, спутникъ такой любви,—на *ревность*, эту недовѣрчивость, происходящую изъ эгоистическаго требованія, чтобы мущина вполнѣ и исключительно существовалъ для женщины, а женщина для мущины. Да и нельзя сказать, чтобы слишкомъ прочна была эгоистическая любовь. Ея интересы заключены въ слишкомъ тѣсномъ кружкѣ и могутъ скоро сузиться,—и вотъ начинается охлажденіе... Народъ можетъ быть очень образованъ, но если въ немъ не развиты начала общественности, то любовь, въ средѣ его, будетъ проявляться не больше какъ въ такихъ эгоистическихъ формахъ. Доказательство Франція, страна условной, обрядовой жизни, гдѣ любовь проявляется именно такимъ образомъ, какъ это раскрылъ, года три тому назадъ, Мишеле въ своей книгѣ (*l'Amour*), обратившей на себя вниманіе всего читающаго міра.

Наконецъ, если среда, окружающая мущину и женщину, развита или развивается на началахъ общественности, то психическая основа любви становится понятна какъ для мущины, такъ и для женщины, при самомъ пробужденіи въ нихъ или дальнѣйшемъ развитіи этого чувства, и любовь является здѣсь съ своимъ основнымъ характеромъ,—*общественностью*. Нѣтъ въ такой любви того пылу и страсти, какимъ отличается пустое влеченіе безъ всякаго содержанія, или, лучше сказать, этотъ пылъ и эта страсть есть и здѣсь, но они находятъ для себя слишкомъ обширное и разнообразное приложеніе, и потому не проявляются залпомъ, не обнаруживаются какимъ-нибудь взрывомъ; равнымъ образомъ, нѣтъ въ такой любви замкнутости, она отличается ровностію, даже кажущимся спокойствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ теченіемъ времени, она разширяется и крѣпнетъ больше и больше, по мѣрѣ того какъ разширяются тѣ нравственные интересы, съ которыми соприкасается и которые обнимаетъ собою эта счастливая любовь.

Основный мотивъ любви, раскрываемой въ романѣ *Жизнь за жизнь*, есть общественность. Три четы представляетъ романъ. Къ каждой изъ нихъ, при особыхъ условіяхъ, прикоснулось это жизненное начало, и въ каждой своимъ прикосновеніемъ произвело особенныя дѣйствія.

Беззаботная Лизабель не переживала тѣхъ моментовъ, когда любовь подступаетъ къ душѣ, растетъ въ ней и постепенно разливаетъ въ ней жизненную теплоту. Къ этому она была неспособна. То же самое нужно сказать и про ея обожателя Августа Трегерна. Съ маленькимъ измѣненіемъ, онъ въ дѣлѣ любви поступилъ такъ же точно, какъ Юлій Цезарь въ войнѣ: пришелъ, увидѣлъ—и былъ побѣжденъ. Поэтому, въ началѣ ихъ скороспѣлаго романа, есть явленія, которыя напоминаютъ обыкновенную эгоистическую любовь: съ одной стороны—кокетство, съ другой—ревность. Но когда романъ Лизабели и Трегерна приблизился къ вожделѣнному концу, со всѣми лицами окружающими счастливцевъ и могущими имѣть на нихъ вліяніе, произошла великая перемѣна: Дора, Эркартъ, а наконецъ и Пенелопа были охвачены уже жизненною нитію, и черезъ нихъ-то она коснулась беззаботныхъ счастливцевъ, Лизабели и Трегерна. Пропущенное вначалѣ стало теперь возна-

граждаться. На долю Пенелопы выпала несчастная любовь. Мощная, хотя и самозаключенная натура, она, въ продолженіи многихъ лѣтъ, собирала и ревниво сохраняла въ себѣ теплоту, не удѣляя изъ нея никому ничего, ничего. Оказалось, что напрасно она собирала этотъ жаръ, что онъ не нуженъ ни ей, ни тому, кого она такъ долго считала достойнымъ своей любви. Въ это-то время и коснулась ея жизненная нить; въ это-то время и поняла Пенелопа, что кромѣ маленькаго мірка, который она хотѣла создать,—мірка, состоящаго изъ нея самой и ея воображаемаго друга,—существуетъ широкій міръ людей. Поняла это Пенелопа,—и весь внутренній жаръ своей души посвятила этому обширному міру, не оставляя для себя уже ничего, ничего... Дора и Эрквартъ проходили школу любви со всею постепенностію, начиная съ азбуки, а потому достигли громадныхъ успѣховъ. О нихъ всего меньше нужно здѣсь распространяться. Но нельзя не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Дора, болѣе всѣхъ свободная отъ ригоризма, находила совершенно естественнымъ, что ея личная любовь къ Эрквартy не ограничивается тѣснымъ кружкомъ ея личныхъ интересовъ и интересовъ ея добраго друга. Не совсѣмъ то было съ Эрквартомъ. Чувствуя, что его личная любовь къ Дорѣ проявляется въ теплой, искренней заботливости о Трегернахъ, Франсисѣ, Лидіи, маленькомъ Франки и другихъ личностяхъ, и что въ этой заботливости выражается его любовь къ Дорѣ, онъ удивляется самъ себѣ и своему нравственному состоянію. „Какое странное любовное письмо!“ не разъ повторяетъ онъ. Показавъ такое, едва уловимое, различіе между Дорой и Эрквартомъ, авторъ романа, по моему мнѣнію, обнаружилъ въ своемъ талантѣ удивительную наблюдательность и способность оттѣнять самыя сходныя, повидимому, психическія проявленія.

Но вотъ вопросъ: въ это семейство, по началу ригористическое, въ этотъ замкнутый кружокъ, какъ и откуда проникла жизненная стихія *общественности?* Движеніе этой стихіи какъ она постепенно охватывала разныхъ членовъ семейства и постепенно переобразовывала ихъ, кого изъ нихъ коснулась больше, кого меньше,—все это ясно видишь, читая романъ. Но, повторяю, откуда она взялась?

Въ романѣ есть личность, при посредствѣ которой внесена, въ кругъ главныхъ героевъ общественность,

внесена какъ готовое начало, выработанное и развитое общею народною жизнію. Главнымъ героямъ романа принадлежитъ только та честь, что они почувствовали прикосновеніе къ себѣ жизненной нити, и романъ показываетъ намъ, какъ общественность, уже развитая у народа, охватываетъ большее и большее число людей, проникаетъ черезъ разные органы въ такіе уголки, которые доселѣ были ей чужды, находитъ здѣсь новые органы,—органы, можетъ-быть лучшіе прежнихъ,—преобразуетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ новыхъ людей, и такимъ образомъ подвигаетъ впередъ общее дѣло народной жизни.

Добрѣйшая мистриссъ Грантонъ, и о васъ, наконецъ, я вспомнилъ! Да, вы, вы, мистриссъ Грантонъ, та личность, при посредствѣ которой въ замкнутый кружокъ ригористическаго семейства внесена жизненная стихія общественности. Вы—олицетворенная общественность. Вы для всѣхъ—все. Съ мистеромъ Джонстономъ вы толкуете о приходскихъ дѣлахъ, о томъ, нужно ли давать бѣднымъ пиво; въ то же время вы хлопочете о томъ, чтобы молодая дѣвица имѣла кавалера въ танцахъ: такъ было въ знаменитый вечеръ, когда въ вашемъ домѣ Дора въ первый разъ встрѣтилась съ Эрквартомъ. Съ необыкновенною прозорливостію вы угадываете людей, заглядываете въ ихъ душу. Вы первая оцѣнили мистера Эрквартa и первая почувствовали къ нему истинное и глубокое уваженіе. Когда семейство рокмонтскаго ректора еще не представляло ничего особеннаго, вы уже поняли и оцѣнили его,—поняли, какіе добрые задатки таятся въ молодыхъ членахъ ректорскаго семейства, и потому свои материнскія мечты относительно *моего Колина* слили съ мечтами объ этомъ семействѣ. Заболитъ ли кто,—вы уже озабочены, вы уже хлопочете. Попадетъ ли кто на дурную дорогу, увлечется ли дурными примѣрами, о, какъ вы бываете огорчены этимъ, какое живое, теплое состраданіе ощущаетъ ваша душа при этомъ случаѣ! Вы первая стали отыскивать бѣдную Лидію. Да, мистриссъ Грантонъ, вы—олицетворенная общественность; вы вся—искренность. Вы вѣрите въ людей; вы вполнѣ убѣждены, что нѣтъ неисправимаго человѣка. По отзыву Доры, вы взялись бы даже за исправленіе самаго дьявола, почувствовали бы къ нему состраданіе, и не теряли бы надежды исправить этого неисправимаго

джентльмена. Сливъ свои материнскія мечты относительно *моего Колина* съ мечтами о молодыхъ членахъ ректорскаго семейства, вы были особенно радушны къ этому семейству, особенно искренни съ нимъ, и потому имѣли на это семейство почти роковое вліяніе,—преимущественно же на Дору, вашу даровитѣйшую ученицу въ усвоеніи общественности. Что̀ жь? Ужь не заподозрить ли васъ, на этомъ основаніи, въ нѣкоторомъ эгоизмѣ — материнскомъ эгоизмѣ? О, глубокое оскорбленіе нанесетъ вамъ тотъ, кто заподозритъ васъ въ этомъ! Онъ покажетъ вмѣстѣ и свою недальновидность. Вѣдь вы, добрѣйшая мистрисъ Грантонъ, ясно доказали, что вы хотя и любите *моего Колина*, но чужды материнскаго эгоизма! Вѣдь вашимъ мечтамъ относительно ректорскаго семейства не суждено было сбыться; вѣдь эти мечты одна за другою полопались, какъ мыльные пузыри; а между тѣмъ ваши отношенія къ ректорскому семейству нисколько не измѣнились, и вы оказались нисколько не похожими на тѣхъ матерей - эгоистокъ, которыя, въ подобныхъ случаяхъ, пріязнь смѣняютъ холодностію, а иногда дикою враждой...

Итакъ, мистриссъ Грантонъ—вотъ та личность, которая послужила проводникомъ общественной стихіи въ уединенный ригористическій кружокъ. Но почему же она, при чтеніи романа, такъ мало и поздно обращаетъ на себя вниманіе? Вотъ и я теперь только, почти при самомъ концѣ своихъ замѣтокъ, вспомнилъ объ этой личности...

Почему?.. Но еслибы съ подобнымъ вопросомъ обратиться къ самой мистриссъ Грантонъ,—она вмѣсто отвѣта удивилась бы только самому вопросу... Гдѣ жизнь идетъ впередъ, гдѣ люди сознаютъ и чувствуютъ это движеніе, тамъ подобное явленіе слишкомъ понятно и не возбуждаетъ никакого недоумѣнія. Дѣло въ томъ, что мистриссъ Грантонъ — уже зрѣлый плодъ, готовый для посѣва, достоинство котораго опредѣляется достоинствомъ новаго всхода; она представительница стараго поколѣнія, роль и назначеніе котораго состоятъ въ томъ, чтобы все добытое жизнію передать новому поколѣнію. Чѣмъ лучше выполняется эта роль, чѣмъ полнѣе развивается, подъ вліяніемъ стараго поколѣнія новое, чѣмъ послѣднее болѣе дѣлаетъ

успѣховъ и чѣмъ болѣе въ этомъ отношеніи затѣняетъ собою старое поколѣніе,—тѣмъ болѣе чести старому поколѣнію. Вотъ почему мистриссъ Грантонъ такъ мало замѣтна въ романѣ! Еслибъ она не исполнила своей роли и своего назначенія, еслибы, подъ ея вліяніемъ, не образовалась Дора, затѣнившая ее собою: какъ была бы тогда замѣтна мистриссъ Грантонъ?

VII.

Мнѣ нужно теперь коснуться едва ли не самой важной стороны романа *Жизнь за жизнь*, по крайней мѣрѣ, стороны болѣе внутренней.

Вмѣстѣ съ развитіемъ общественности, вмѣстѣ съ возрастаніемъ нравственнаго богатства, въ народѣ совершается особенный процессъ, который, съ одной стороны, приводитъ въ порядокъ уже добытыя богатства, а съ другой облегчаетъ пріобрѣтеніе новыхъ богатствъ. Разнообразныя стихіи жизни, расширяясь и развиваясь, получаютъ въ чувствѣ народа каждая свой удѣльный вѣсъ. Сверхъ того, всѣ стихіи выходятъ изъ своей первоначальной разобщенности, проникаютъ одна другую, и между ними образуется связь живаго организма. Надобно прибавить, что этотъ процессъ совершается постепенно; надобно еще прибавить, что, въ сознаніи народа, сначала уясняются стихіи менѣе важныя, но болѣе близкія къ вседневной жизни, а важнѣйшая стихія, именно религіозная, уясняется послѣ всѣхъ другихъ. Но уясняясь, она проникаетъ всѣ другія: религія перестаетъ жить исключительно только въ храмахъ, проявляться только въ священнослуженіяхъ и обрядахъ, но переходитъ въ жизнь какъ частную, такъ и общественную. Наконецъ, нужно еще прибавить и то, что уясненіемъ религіозной стихіи процессъ не заканчивается. Начала, лежащія въ основѣ того или другаго христіянскаго вѣроисповѣданія, прикасаясь дѣйствительной жизни, проникая ее и управляя ею, подвергаются чрезъ это самое своего рода испытанію: тутъ открывается, вполнѣ ли истинны сами по себѣ эти начала, вполнѣ ли вѣрны духу Евангелія, нѣтъ ли въ нихъ чужой примѣси и прибавленій, нѣтъ ли какихъ-либо урѣзовъ сдѣланныхъ человѣческою рукой.

Въ Англіи давно уже начался великій внутренній процессъ; здѣсь онъ достигъ уже того момента, когда религіозная стихія, важнѣйшая изъ всѣхъ стихій, дѣлается въ жизни господствующею и всепроникающею стихіей. Мало того: религіозныя начала здѣсь уже стали подвергаться испытанію, и потому вопросъ объ истинномъ христіанствѣ или объ истинномъ христіанскомъ вѣроисповѣданіи—самый живой теперь вопросъ въ Англіи, и его рѣшеніемъ заняты не одни спеціалисты-богословы. Такое состояніе страны отражается очень полно и ясно въ ея литературѣ, не только учено-богословской, но и въ литературѣ беллетристической. Вслѣдъ за школой, къ которой принадлежатъ и во главѣ которой стоятъ великіе юмористы и сатирики, Диккенсъ, Теккерей и Бульверъ, безпощадно-казнящіе антигуманные и противуобщественные остатки англійской старины, образовалась новая многочисленная школа писателей, которые въ своихъ произведеніяхъ разрѣшаютъ религіозные вопросы. Къ этой школѣ принадлежитъ и авторъ романа *Жизнь за жизнь*.

Я слышалъ, да и читалъ, что этотъ романъ произвелъ въ Англіи сильное впечатлѣніе. Дѣйствительно, *Жизнь за жизнь*—прекрасный романъ; но по своимъ художественнымъ достоинствамъ онъ нисколько не возвышается надъ обыкновенными произведеніями англійской литературы. Поэтому мнѣ кажется, что большой успѣхъ его въ Англіи надобно объяснять именно тѣмъ, что въ немъ поднятъ религіозный вопросъ, касающійся самой сущности англиканскаго вѣроисповѣданія, и что этому вопросу дается въ немъ такое рѣшеніе, какое возможно именно въ средѣ англиканскаго вѣроисповѣданія. Какой же это вопросъ и какъ онъ рѣшается?

Въ романѣ *Жизнь за жизнь* очень ясно представлено то религіозное колебаніе между двумя довольно различными, но проистекающими изъ одного источника, направленіями, какое теперь совершается въ Англіи. Одно изъ нихъ называется *ригористическимъ*; но мнѣ кажется, его можно назвать *ветхозавѣтнымъ*. Другое направленіе, въ разныя времена, въ разныхъ религіозныхъ партіяхъ, получало различныя названія, но не имѣетъ общаго имени; мнѣ кажется, его можно назвать, въ противоположность первому, *новозавѣтнымъ*. Такое названіе идетъ этому на-

правленію, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что христіане, слѣдующіе ему, *искали и ищутъ* въ чемъ состоитъ духъ и сущность Евангелія.

Нужно сказать два-три слова относительно того, какъ образовались эти два направленія.

Сущность христіанства слагается изъ двухъ сторонъ, самымъ тѣснымъ образомъ соединенныхъ между собою. *Таинства* — вотъ одна сторона христіанства: человѣкъ, искупленный страданіями Богочеловѣка, находится въ живой связи съ Богомъ; отъ Него онъ получаетъ жизненныя духовныя силы; между Богомъ и человѣкомъ существуютъ проводники, посредствомъ которыхъ невидимо, но ощутимо для человѣка, льются на него токи оживляющей благодати, очищающей его, возвышающей къ Богу. Въ уясненіи и опредѣленіи этой стороны христіанства прошли первые восемь вѣковъ. Но христіанинъ не исчезаетъ въ Богѣ; онъ — самостоятельная *личность*, цѣнная и дорогая въ очахъ самаго Бога; чѣмъ тѣснѣе связь его съ Богомъ, чѣмъ обильнѣе льются на него токи благодати, тѣмъ онъ способнѣе къ *личной*, *самостоятельной*, *свободной жизни и дѣятельности*: это другая сторона христіанства. Уклоненіе католицизма состояло въ томъ, что онъ, извративъ первую сторону христіанства, замѣнивъ Христа въ благодатномъ царствѣ намѣстникомъ Его, бюрократомъ папой, превративъ епископовъ и священниковъ въ чиновниковъ, сдѣлавъ изъ таинствъ орудіе деспотизма и позорную продажу, почти совершенно уничтожилъ другую сторону христіанства, и посягнулъ на личную свободу искупленнаго человѣка, дорогую въ очахъ самаго Бога. А реформаторы, въ противоположность католичеству, развивая вторую сторону христіанства, посягнули на первую. Кромѣ крещенія, они всѣ остальныя христіанскія таинства или вовсе отвергли, или перетолковали совершенно человѣкообразно, или заподозрили. Англичане—народъ очень послѣдовательный по своему характеру. Когда они сдѣлались протестантами, они сразу почувствовали смутно односторонность своего новаго исповѣданія, и у нихъ протестантизмъ принялъ особенное направленіе, совсѣмъ не то, какое въ Германіи. Вмѣстѣ съ протестантизмомъ, они какъ бы отшатнулись отъ новозавѣтныхъ книгъ Писанія и стали пи-

тать особенное сочувствіе къ книгамъ ветхозавѣтнымъ. Имена ветхозавѣтныхъ праведниковъ сдѣлались народными именами въ Англіи и стали даваться людямъ предпочтительно предъ именами собственно христіянскими. Здѣсь даются имена такія, какія не даются въ другихъ христіянскихъ странахъ, или же даются очень рѣдко: Адамъ, Сетъ (Сиѳъ), Джонатанъ (Іонаѳанъ), Ева, Сара, Ребекка, Юдиѳь. Новый Завѣтъ постоянно указываетъ на таинства; между тѣмъ какъ Ветхій, хотя исполненъ чудесъ, не содержитъ таинствъ и представляетъ все таинственное въ какой-то дали отъ дѣйствительной жизни: вотъ гдѣ главная причина сочувствія Англичанъ къ ветхозавѣтному, предпочтительно предъ новозавѣтнымъ. Въ этомъ случаѣ они слѣдовали указанію своего вѣроисповѣданія, и въ священномъ писаніи стали предпочитать то, что было болѣе сообразно съ духомъ и направленіемъ этого вѣроисповѣданія.

Преобладаніе ветхозавѣтной морали образовало въ христіянствѣ то что называется *ригоризмомъ*. Ригоризмъ есть явленіе исключительно англійское. Въ другихъ христіянскихъ странахъ его нѣтъ, хотя и есть повсюду явленія похожія на англійскій ригоризмъ. Напримѣръ: въ моемъ любезномъ отечествѣ, лицемѣріе и ханжество часто принимаютъ видъ ригоризма; но это отнюдь не ригоризмъ, которому никакъ нельзя отказать въ *искренности*, а просто—или пошлый обманъ, или тупоуміе. Но было время, когда въ христіянскомъ мірѣ ригоризмъ былъ явленіемъ очень общимъ. Такъ было въ III и IV вѣкахъ. Но тотъ ригоризмъ имѣлъ другія основанія. Таинственная сторона христіянства еще не была вполнѣ раскрыта въ сознаніи вѣрующихъ; не было еще вполнѣ понято, какую силу и значеніе имѣетъ *таинство покаянія*, и какъ оно существенно необходимо въ христіянской жизни. Христіянинъ тогда зналъ, что *крещеніе* дѣлаетъ человѣка чистымъ; но въ то же время онъ чувствовалъ, что въ немъ нѣтъ силъ на всю жизнь сохранить эту чистоту. Что же согрѣшающему человѣку можетъ возвратить его первоначальную чистоту, полученную въ крещеніи?—на этотъ вопросъ не могъ отвѣтить себѣ христіянинъ III и IV вѣковъ, и дѣлался ригористомъ. У нѣкоторыхъ этотъ ригоризмъ проявлялся въ томъ, что они до самой смерти откладывали *крещеніе*. По этимъ именно побужденіямъ Константинъ Ве-

ликій крестился уже на смертномъ одрѣ. Другихъ ригоризмъ побуждалъ къ чрезвычайнымъ подвигамъ самоотверженія; такъ многіе сами искали и напрашивались на мученичество. Втретьихъ ригоризмъ производилъ особенную строгость къ своимъ братіямъ, слабымъ христіянамъ, и они требовали, чтобы всѣ такъ-называемые *павшіе*, особенно отрекавшіеся отъ христіянства по страху мученій, не были вновь принимаемы въ общество вѣрующихъ. Вся церковь глубоко была потрясена этимъ ригоризмомъ; было нѣсколько соборовъ, на которыхъ разсуждали о причинѣ великаго волненія и какъ успокоить его. Умы и сердца всѣхъ обратились за разрѣшеніемъ великаго вопроса къ новозавѣтному писанію, и плодомъ усиленнаго и самаго тщательнаго вниканія въ его смыслъ было полное уясненіе *таинства покаянія*, какъ такого священнаго дѣйствія, которое возвращаетъ вѣрующему во Христа ту чистоту, какую онъ получилъ при *крещеніи*. Такъ палъ ригоризмъ въ первые вѣка христіянства. Но почему же развился онъ снова послѣ многихъ столѣтій? Почему событія древнихъ временъ не послужили вразумительнымъ урокомъ для временъ позднѣйшихъ? Потому что протестантизмъ захотѣлъ перенестись къ самому началу христіянства, къ апостольскому вѣку, помимо тѣхъ вѣковъ, которые отдѣляли его отъ этого вѣка, и сдѣлаться *евангелическимъ* вѣроисповѣданіемъ. Вотъ почему пропали для протестантизма уроки прошедшей жизни христіянства, стоившіе ему кровавыхъ трудовъ, многихъ жертвъ и великихъ усилій...

Въ другомъ религіозномъ направленіи, образовавшемся въ Англіи со времени введенія протестантизма, видно стремленіе отыскать и уяснить для себя затѣненную въ протестантизмѣ таинственную сторону христіянства. Въ чемъ проявляется связь Бога съ искупленнымъ человѣкомъ? Какъ льются въ душу токи небесной благодати? Вотъ вопросы, какіе задавали себѣ христіяне другаго направленія. Очевидно, они сознавали неполноту протестантизма и искали его восполненія. Но свои вопросы они хотѣли рѣшить не выходя изъ круга начерченнаго протестантизмомъ. Въ христіянствѣ или христіянскомъ мірѣ они видѣли только безчисленный рядъ отдѣльныхъ личностей, не соединенныхъ между собою въ одно духовное общество, и

не возвысились до идеи о томъ что́ называется *Церковію*. Поэтому свои вопросы англійскіе христіане рѣшали такимъ образомъ: на каждаго отдѣльнаго христіанина непосредственно льются благодатные токи, на каждаго непосредственно нисходитъ озареніе Святаго Духа. Такое рѣшеніе вопросовъ повело къ иллюминатизму, религіознымъ экзальтаціямъ, мистицизму. Люди съ горячимъ воображеніемъ, особенно женщины, стали считать себя за пророковъ, собственныя фантазіи стали выдавать за внушенія Святаго Духа. Послѣдовательный и практическій характеръ Англичанъ спасъ ихъ отъ той крайности, къ какой привело ихъ исканіе таинственной стороны христіанства, и скоро (именно въ началѣ нынѣшняго столѣтія) религіозное направленіе, о которомъ у меня теперь рѣчь, существенно измѣнилось въ своемъ характерѣ. Все мистическое, все экзальтированное было отброшено, какъ ведущее къ одному дурному, оставлено только самое главное и существенное, лежащее въ основѣ этого направленія, именно убѣжденіе, что человѣческая душа, человѣческое чувство,—вотъ источникъ всего добраго, нравственнаго, святаго. Когда англійскіе христіане дошли до такого убѣжденія, имъ стало особенно близко и родственно новозавѣтное ученіе *о любви*, какъ началѣ всей нравственности. Въ любви они стали видѣть всю сущность христіанства, всѣ его таинства, и сдѣлались горячими проповѣдниками любви. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ Англіи образовалось очень много миссій, которыя дѣйствуютъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Предметъ проповѣди у всѣхъ миссіонеровъ одинъ—*любовь*. И съ какимъ энтузіазмомъ, съ какою непобѣдимою силой они раскрываютъ этотъ предметъ! Вотъ, напримѣръ, въ маѣ 1861 года, былъ въ Парижѣ англійскій миссіонеръ г. Радклифъ. Всѣ его проповѣди содержали въ себѣ одну мысль: „Богъ возлюбилъ насъ, и мы должны любить другъ друга.“ Это мысль слишкомъ простая и обыкновенная въ христіанствѣ; а между тѣмъ она выражалась съ такою силой убѣжденія, что дѣйствовала электрически на слушателей, и съ каждою новою проповѣдью нужно было мѣнять залу, потому что прежняя оказывалась тѣсною. Видя въ любви самую сущность христіанства, средоточіе всѣхъ его таинствъ, новѣйшіе англійскіе проповѣдники совершенно равнодушны къ тѣмъ догматическимъ различіямъ, какія существуютъ между хри-

стіянскими вѣроисповѣданіями. Но надобно думать, что на этомъ дѣло не остановится у нихъ; рано или поздно они увидятъ неполное рѣшеніе занимающаго ихъ вопроса, рано или поздно найдутъ истинное христіянское вѣроисповѣданіе, котораго давно ищутъ: кто ищетъ, тотъ найдетъ.

Первоначально ригоризмъ былъ преобладающимъ направленіемъ въ Англіи; между тѣмъ другое направленіе, пока оно запечатлѣно было мистическимъ и экзальтированнымъ характеромъ, существовало въ частныхъ религіозныхъ сектахъ, съ разными именами. И надобно отдать должную справедливость англійскому ригоризму: несмотря на свои недостатки, онъ имѣлъ доброе вліяніе на воспитаніе англійскаго національнаго характера. Та ровность, твердость, законность, послѣдовательность, вѣрность принятымъ началамъ, всѣ эти прекрасныя качества развиты въ Англичанахъ подъ вліяніемъ ригоризма. Но когда другое религіозное направленіе измѣнилось въ своемъ характерѣ, оно быстро стало торжествовать надъ ригоризмомъ, или вовсе уничтожая его, или смягчая и оживляя. Торжеству этого направленія чрезвычайно много способствовало распространеніе гуманныхъ идей. Такія идеи усвоили себѣ сами ригористы и вмѣстѣ съ этимъ сдѣлались совершенно безсильны передъ другимъ жизненнымъ направленіемъ.

Авторъ романа *Жизнь за жизнь* принадлежитъ, очевидно, къ этому послѣднему направленію; но онъ очень хорошо понимаетъ сущность и перваго направленія, а также и тѣ взаимныя отношенія, въ какихъ находятся между собою, въ настоящее время, оба направленія. Поэтому оба направленія представлены въ его произведеніи очень ясно и полно, и въ этомъ заключается высокое достоинство романа *Жизнь за жизнь*.

Но, смотря на героевъ этого романа, ихъ дѣйствія, ихъ убѣжденія, вообще на послѣдніе результаты ихъ жизни, съ высоты того христіянскаго вѣроисповѣданія, къ которому принадлежу я самъ, и которое полнотою христіянскихъ началъ (но, увы, не приложеніемъ къ дѣйствительной ихъ жизни!) несравненно выше англиканскаго, — я не могу не видѣть, что великія общехристіянскія и общечеловѣческія начала: гуманность и общественность еще не довели до конца своего дѣла, что ими еще не все выработано и уяснено что̀ должно быть выработано и

уяснено для полноты и совершенной прочности жизни. Новозавѣтная нравственность восторжествовала надъ ветхозавѣтною: это великій шагъ. Живому человѣческому чувству отданы его законныя права: этому нельзя не радоваться. Но гдѣ это самое чувство должно находить для себя оправданія и повѣрки? Гдѣ оно должно искать для себя опоры и утвержденія? Въ чувствѣ или симпатіи другаго? Такъ отвѣчаетъ романъ. Но прочна ли такая опора? Въ свою очередь и она не нуждается ли въ поддержкѣ? Скрѣпя сердце, дѣлаю предположеніе: пусть мистеръ Эрквартъ лишится своей Доры,—дѣло очень возможное. Сохранится ли въ его душѣ тотъ миръ, какой внесла въ нее Дора? Не возвратится ли въ его душу прежняя тяжелая тревога? Не станетъ ли противъ него укоромъ даже и то, что онъ сдѣлался мужемъ Доры? Дѣлаю другое предположеніе, опять скрѣпя сердце: пусть Пенелопа, которая была такъ счастлива при первомъ проявленіи своей любви къ ближнимъ, пусть она будетъ встрѣчать въ отвѣтъ на свое чувство одну холодность, черную неблагодарность—дѣло очень возможное. Сохранится ли въ ней вѣра въ людей, и что̀ будетъ поддерживать въ ней эту вѣру? Не воротится ли къ ней прежняя ея холодность? Авторъ романа не только не рѣшаетъ подобныхъ предположеній, но и не дѣлаетъ. Конечно, и я не буду рѣшать ихъ; потому что это значило бы заглядывать въ будущее жизни, и притомъ чужой жизни.

Такъ, общехристіянскія и общечеловѣческія начала: гуманность и общественность въ Англіи еще не довершили своего дѣла. Но они дѣйствуютъ въ англійской жизни, ими проникнута вся эта жизнь: и я думаю, я вѣрю, что рано или поздно они довершатъ свое дѣло...

Этою утѣшительною мыслію я и оканчиваю свои замѣтки...

Ораніенбаумъ.
27 іюля
1861 года.

М. ШАВРОВЪ.

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЦЕНА

ИЗЪ

ДОНЪ ЖУАНА

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ

Въ настоящую минуту, когда въ Россіи кипятъ жизненные интересы, когда завязывается и разрѣшается столько общественныхъ вопросовъ,—вниманіе публики къ чистому искусствузначительно охладѣло, и предметы мышленія, находящіеся внѣ жизни гражданской, занимаютъ весьма немногихъ. Искусство уступило мѣсто административной полемикѣ, и художникъ, не желающій подвергнуться порицанію, долженъ нарядиться публицистомъ, подобно тому какъ въ эпохи политическихъ переворотовъ люди выходящіе изъ домовъ своихъ надѣваютъ кокарду торжествующей партіи, чтобы пройдти по улицѣ безопасно. Мнѣніе, что искусство безъ примѣненія его къ какой-нибудь гражданской цѣли—безполезно и даже вредно, какъ занимающее въ жизни напрасное мѣсто, сильно распространилось и находитъ себѣ много приверженцевъ.

Отдавая полную справедливость непосредственнымъ двигателямъ отечественнаго преобразованія, ставя гражданскую дѣятельность весьма высоко, я не могу однако не упрекнуть враговъ искусства въ нѣкоторой близорукости. Они какъ будто забыли, что броженіе вопросовъ и интересовъ, которые такъ сильно и такъ справедливо занимаютъ ихъ, есть не что иное какъ примѣненіе къ жизни общихъ теоретическихъ истинъ, не принадлежащихъ исключительно той или другой странѣ, тому или другому вѣку, но составляющихъ достояніе всего человѣчества, въ какія бы то ни было времена. Уясненіе этихъ истинъ и приведеніе къ общимъ законамъ, есть задача философіи, а облеченіе ихъ въ художественную форму—задача искусства. Отвергать искусство или философію, во имя непосредственной гражданской *пользы*, все равно, что не хотѣть заниматься механикой, чтобъ имѣть болѣе времени строить мельницы. Diese Herren, какъ выражаются Нѣмцы, sehen vor lauter Bäumen den Wald nicht. А по-русски это называется: слона-то я и не примѣтилъ.

Велика заслуга гражданина, который путемъ разумныхъ учрежденій возводитъ государство на болѣе высокую степень законности и свободы. Но свобода и законность, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознаніе народа; а оно зависитъ не отъ законодательныхъ или административныхъ мѣръ, но отъ тѣхъ духовныхъ стремленій, которыя внѣ всякихъ матеріяльныхъ побужденій. Удовлетвореніе этихъ стремленій столь же важно для духовной стороны человѣка (безъ которой никакое общество не мыслимо), сколько важны для его физической стороны воздухъ, пища, одежда и пр. Стремленія эти проявляются въ безотчетномъ чувствѣ прекраснаго и нераздѣльны съ любовію къ искусству для искусства. Чувство прекраснаго, въ большей или меньшей степени, врождено всякому народу, и хотя можетъ быть заглушено и подавлено въ немъ внѣшними обстоятельствами, но не иначе какъ въ ущербъ его нравственному совершенству. Чувство это такъ тонко и нѣжно, что легко улетучивается. Оно проявляется только въ народѣ достигшемъ извѣстной степени нравственной развитости; но въ этомъ-то и признакъ его превосходства надъ матеріяльною стороной человѣка. Тотъ народъ, въ которомъ оно развито сильно и полно, въ ко-

торомъ оно составляетъ потребность жизни, тотъ народъ не можетъ не имѣть вмѣстѣ съ нимъ и чувства законности и чувства свободы. Онъ уже готовъ къ жизни гражданской, и законодателю остается только облечь въ форму и освятить уже существующіе элементы гражданственности. Примѣръ народовъ, не имѣющихъ большаго художественнаго смысла, не опровергаютъ этой истины. Гражданственность можетъ существовать безъ чувства прекраснаго, но чувство прекраснаго, въ своемъ полномъ развитіи, не можетъ проявляться безъ чувства свободы и законности. Въ Италіи гражданственность и художество жили и умерли вмѣстѣ, и вѣроятно вмѣстѣ воскреснутъ.

Не признавать въ человѣкѣ чувства прекраснаго, находить это чувство роскошью, хотѣть убить его, и работать только для матеріяльнаго благосостоянія человѣка, значитъ отнимать у него его лучшую половину, значитъ низводить его на степень счастливаго животнаго, которому хорошо потому что его не бьютъ и сытно кормятъ. Художественность въ народѣ не только не мѣшаетъ его гражданственности, но служитъ ей лучшимъ союзникомъ. Эти два чувства должны жить рука объ руку и помогать одно другому. Ихъ можно сравнить съ двумя колоннами храма, или съ двумя колесами, на которыхъ движется государственная колесница. Храмъ объ одной колоннѣ не проченъ; колесница объ одномъ колесѣ тащится на боку. Вотъ однако къ чему клонится въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи ученіе о безполезности чистаго искусства. Ученіе это въ послѣднее время дѣйствовало, къ сожалѣнію, довольно успѣшно. Въ самомъ дѣлѣ, наше общество уже мало сочувствуетъ художеству. Въ литературѣ оно интересуется только тѣмъ что̀ прямо или косвенно затрогиваетъ его непосредственные жизненные интересы, оставляя безъ вниманія вопросы общіе и чисто человѣческіе.

При такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, писатель, посвятившій себя искусству для искусства, доженъ опасаться отъ большинства публики холодной или непріязненной встрѣчи. Таково было и мое положеніе, когда я рѣшился выступить передъ публикой съ драматическою поэмою *Донъ Жуанъ*, напечатанною въ апрѣльской книгѣ *Русскаго Вѣстника*. Оставляя совершенно въ сторонѣ досто-

инство этой поэмы, которая, быть-можетъ, мнѣ и не удалась, и которой во всякомъ случаѣ я не судья, скажу только, что смыслъ ея былъ общечеловѣческій, а содержаніе не только относилось къ современнымъ вопросамъ, но вращалось именно на любви къ прекрасному безо всякаго примѣненія къ пользѣ. Это былъ случайный и невольный протестъ противъ практическаго направленія нашей беллетристики. Мнѣ неизвѣстно какъ вообще поэма была принята публикой, но я слышалъ, что въ одномъ кругу ее даже почли съ моей стороны за неучтивость. „Что, молъ, когда дѣло идетъ о мировыхъ посредникахъ, онъ пришелъ толковать намъ о какомъ-то Испанцѣ, который можетъ-быть никогда и не существовалъ?“

У тѣхъ, которые это говорятъ, я прошу прощенія и становлюсь подъ покровительство тѣхъ немногихъ, которые еще сочувствуютъ искусству для искусства. Если Донъ Жуанъ доставилъ имъ хотя малую долю художественнаго удовольствія, если возбудилъ въ нихъ какую-нибудь новую мысль, или родилъ въ нихъ какое-нибудь новое чувство, это послужитъ для меня большимъ утѣшеніемъ, ибо я не могу сказать какъ Гете: „Das Lied, das aus der Kehle dringt, ist Lohn der reichlich lohnet.“ Я даже сомнѣваюсь въ совершенной искренности Гете, когда онъ это сказалъ. По моему мнѣнію, ни самый Гете, ни Данте, ни Байронъ, не продолжали бы пѣть, еслибъ ихъ постигла участь Робинсона и пришлось бы имъ жить на необитаемомъ островѣ. Для художника необходима среда, въ которой отражалась бы его мысль; иначе онъ будетъ какъ свѣча, горящая въ пространствѣ и которой лучи ни во что не упираются. Но если хотя нѣсколько человѣкъ склоняютъ свой слухъ къ пѣснѣ пѣвца, тогда онъ поетъ не даромъ и получаетъ отъ слушателей своихъ новыя силы. Да простятъ же меня враги чистаго искусства, если имѣя въ виду немногихъ друзей его, я, послѣ напечатанія моей поэмы, старался, по крайнему разумѣнію, ее усовершенствовать и исправить. Нѣкоторыя сцены показались мнѣ недовольно ясными, особенно сцена Сатаны и духовъ на кладбищѣ, составляющая какъ бы узелъ драмы. Бо́льшую часть этой сцены я передѣлалъ совершенно и покорнѣйше прошу васъ, м. г. если найдете возможнымъ, помѣстить ее въ новомъ видѣ въ вашемъ журналѣ. Не знаю, скажетъ ли критика что-нибудь

о произведеніи несовременномъ и *антипрактическомъ*, но не могу устоять противъ соблазнительнаго случая оправдаться теперь же передъ нѣкоторыми лицами, коихъ сужденія мнѣ сдѣлались извѣстны и могутъ быть раздѣляемы другими. Меня обвиняютъ въ подражаніи *Фаусту*. Положа руку на сердце, скажу, что такое обвиненіе, относящееся впрочемъ до одного пролога, мнѣ не кажется основательнымъ. Не говоря уже о томъ, что попытка подражать созданію, получившему извѣстность и значеніе всемірныя, была бы безполезною дерзостію и обнаружила бы не только неуваженіе къ образцу, но и неуваженіе къ самому искусству, я замѣчу, что обвиненіе, падая на сходство внѣшней формы обоихъ прологовъ, по мнѣнію моему, не довольно серіозно. Въ *Донъ Жуанѣ*, какъ и въ *Фаустѣ*, выведены на сцену злой духъ и добрые духи; но говорятъ они совершенно другое. Значеніе пролога *Фауста*—это *борьба въ человѣкѣ* свѣта и тьмы, добра и зла. Значеніе пролога *Донъ Жуана необходимость зла*, истекающая *органически* изъ существованія добра. Самая форма Фаустовскаго пролога не принадлежитъ Гете исключительно, но заимствована изъ средневѣковыхъ мистерій и потому есть достояніе всѣхъ писателей. Еслибъ основывать обвиненіе въ подражаніи на тождественности дѣйствующихъ лицъ, въ такомъ случаѣ *Донъ Жуанъ* есть еще болѣе подражаніе Тирсо де-Молина, Мольеру, Байрону, Пушкину, и наконецъ всего болѣе аббату Да-Понте, сочинителю либретто Моцартовской оперы. Но не одна тождественнооть лицъ навлекла на меня порицаніе. Тѣ же, впрочемъ благоволительные, обвинители находятъ, что Сатана говоритъ у меня языкомъ Мефистофеля. Это совершенная правда. Чортъ есть чортъ. Онъ можетъ говорить только на два лада: или возвышенно, какъ Сатана Мильтона и Луциферъ Байрона, или обыденно и тривьяльно, какъ Гетевскій Мефистофель. Середина была бы безхарактерностію. По моему же мнѣнію, такъ какъ злое начало есть противуположность добраго, то и языкъ ему лучше дать противуположный языку добраго начала. Это побудило меня избрать для Сатаны не возвышенность, но иронію и тривіальность, и съ *этой стороны* онъ сдѣлался похожъ на Мефистофеля, какъ былъ бы похожъ на Луцифера еслибы говорилъ возвышенно. Главное, что Мефистофель и Сатана говорятъ совершенно другое и дѣйствуютъ совер-

менно иначе. Они даже по характеру несхожи. Мефистофель ближе къ человѣку; онъ есть болѣе личность; онъ, по ясно-выраженному намѣренію Гете, есть чортъ чисто земной, чортъ 14-го класса:

Von Sonn und Welten weiss ich nichts zu sagen,
Ich sehe nur wie sich die Menschen plagen.

Сатана же въ *Донъ Жуанѣ* есть болѣе отвлеченное понятіе зла. Міросозерцаніе ихъ также различно. Мнѣ кажется, что кромѣ наружной формы рѣчи, въ нихъ нѣтъ ничего общаго.

Что же касается до содержанія самой драмы, то я полагаю, что упрекъ въ подражаніи собственно къ нему не относится. Стремленіе Фауста заключается въ жаждѣ безконечности и проявляется особенно ненасытностію знанія. Донъ Жуанъ стремится только къ прекрасному, которое есть лишь одинъ изъ видовъ безконечности, и сосредоточиваетъ свое стремленіе въ любви къ женщинѣ. Окончательная и недосягаемая цѣль обоихъ есть—совершенство; но пути, которыми они идутъ, столь различны и раждаютъ столь различныя психическія положенія, что всякое заимствованіе дѣлается невозможнымъ.

Предлагаемая здѣсь сцена, какъ развитіе идеи пролога, можетъ, надѣюсь, способствовать къ моему оправданію и очистить меня отъ подозрѣнія въ святотатномъ посягательствѣ на великое созданіе Гете.

САТАНА *(является между могилъ).*

Люблю межь этихъ старыхъ плитъ
Прогуливаться въ часъ вечерній.
Довольно смѣтано здѣсь общество лежитъ,
Между вельможъ есть много черни;
Но это не бѣда, а жаль, что посѣщать
Иныя мнѣ нельзя гробницы:
Здѣсь есть двѣ-три отроковицы,
Пять-шесть еретиковъ, младенцевъ дюжинъ съ пять,
Къ которымъ не могу и носа показать.
Подъ вѣдѣньемъ небесной силы
Ихъ состоятъ могилы;

Мнѣ портятъ ангелы житье.
Не нужно напрягать имъ слуха,
Сейчасъ провѣдаютъ по духу,
Такое тонкое чутье!
Ужь я ихъ слышу приближенье...
Ну, такъ и есть, явилися сюда...
Мое нижайшее почтенье,
Слуга покорный, господа!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ.

Оставь усопшимъ ихъ забвенье,
Оставь гробы до страшнаго суда,
Не преступай священнаго предѣла!

САТАНА.

На этотъ разъ до мертвыхъ нѣтъ мнѣ дѣла.
Иною мыслью занятъ я.
Вы помните, друзья,
Нашъ давній споръ про донъ Жуана?
Я говорилъ, что поздно или рано
Онъ будетъ мой. И что жь? свѣтъ побѣдила мгла.
Не понялъ той любви святаго онъ значенья,
Которая бъ теперь спасти его могла,
И слѣпо онъ свершитъ надъ нею преступленье.

ДУХИ.

Въ безмолвіи ночи.
Мы съ нимъ говорили,
Мы спящія очи
Его прояснили;
Изъ тверди небесной
Къ нему мы вѣщали
И міръ безтѣлесный
Ему показали.
Онъ зрѣлъ, обновленный,
Въ чемъ сердца задача,
И рвался къ намъ, сонный,
Рыдая и плача.
Въ дневной же тревогѣ
Земное начало
Опять отъ дороги
Его отвращало;

Онъ помнилъ видѣнье,
Но требовалъ снова
Ему примѣненья
Средь міра земнаго,
Пока его очи
Опять не смежались
И мы, среди ночи,
Ему не являлись;
И вновь онъ преступный
Гналъ замыслъ обратно,
И мысли доступна
И сердцу понятна
Стремленья земнаго
Была неудача,
И нашъ онъ былъ снова,
Рыдая и плача!

САТАНА.

Я вижу изъ сего, что путь его двойной,
И самъ онъ, кажется, двоится;
Во снѣ онъ вашъ, но на яву онъ мой—
На этомъ я согласенъ помириться.

ДУХИ.

Высокой онъ душой на ложь ожесточенъ,
Невѣріе его есть только плодъ обмана;
Сгубить лишь на землѣ ты можешь донъ Жуана,
Но въ небѣ будетъ онъ прощенъ!

САТАНА.

Тогда бы въ небѣ толку было мало!
Онъ сердится на ложь—сердиться воленъ всякъ.
Но съ правдой ложь срослась и къ правдѣ такъ пристала,
Что отскоблить ее нельзя никакъ.
А онъ скоблитъ сплеча, да ужь едва ли
Насквозь не проскоблилъ всѣ истины скрижали.
Не вѣритъ на слово онъ никому ни въ чемъ;
Вѣковъ работу предпринявъ сначала,
Онъ хочетъ все, что̀ намъ преданье завѣщало,
Своимъ изслѣдовать умомъ.

Немножко щекотливо это!
Я самъ вѣдь врагъ авторитета,
Но пообтерся межь людьми;
Бѣда все отрицать! Въ иное надо вѣрить,
Не то, пришлось бы, чортъ возьми,
Мнѣ самого себя похѣрить!

ДУХИ.

Лукаво ты его смущалъ,
Ты истощилъ его терпѣнье,
И гнаться онъ усталъ за тою бѣглой тѣнью,
Что̀ лживо на землѣ ему ты показалъ.

САТАНА.

Прошу покорно извиненья!
Конечно, я его морочилъ много лѣтъ,
Но нынѣшній его предметъ
Есть между всѣми исключенье.
Могу вамъ доложить, безъ лести и похвалъ,
Она, точь въ точь, на свой походитъ идеалъ,
И даже самому мнѣ странно,
Что въ форму вылилась такъ чисто донна Анна.
Когда бъ ее съумѣлъ онъ оцѣнить,
Свершилось бы неслыханное чудо:
Моихъ сѣтей разорвалась бы нить
И со стыдомъ бы мнѣ пришлось бѣжать отсюда.
Но слѣпъ онъ, словно кротъ. Къ чему жъ еще обманъ?
Ужъ нечего мнѣ болѣ добиваться;
Могу я руки положить въ карманъ
И зрителемъ въ комедіи остаться.
Безъ цѣли за него идетъ у насъ борьба;
Теперь бы отдохнуть могли мы;
Вліяній нашихъ нѣтъ—влечетъ его судьба
И неизбѣжности законъ неумолимый!

ДУХИ.

Вкругъ дѣлъ людскихъ загадочной чертой
Свободы грань очерчена отъ вѣка;
Но безъ насилья можетъ въ грани той
Вращаться вольный выборъ человѣка.
Лишь если онъ предѣлы перейдетъ,
Въ чужую область вступитъ святотатно,

Впадаетъ онъ въ судьбы водоворотъ
И увлеченъ теченьемъ невозвратно.
Въ тревогѣ думъ, въ разгарѣ мощныхъ силъ,
Жуанъ блуждаетъ, дерзостенъ и страстенъ,
Но за черту еще онъ не ступилъ
И къ правдѣ онъ еще вернуться властенъ.
Лукавый духъ! Бѣжишь ты со стыдомъ!
Святой любви таящееся чувство
Сознаетъ онъ.

САТАНА.

Я сомнѣваюсь въ томъ.
Я отказался здѣсь отъ всякаго искусства,
На гвоздикъ я свою повѣсилъ сѣть;
Но къ милой онъ пошелъ, совсѣмъ ужь сбитый съ толку,
И вамъ, я думаю, пришлось бы покраснѣть,
Когда бъ на нихъ теперь вы поглядѣли въ щелку!

ДУХИ.

Тотъ къ истинѣ придетъ, кого туманный взоръ
Уже провидѣлъ лучъ божественнаго свѣта!

САТАНА.

А что̀ есть истина? Вы знаете ли это?
Пилатъ на свой вопросъ остался безъ отвѣта,
А разрѣшить загадку сущій вздоръ:
Представьте выпуклый узоръ
На бляхѣ жестяной. Со стороны обратной
Онъ въ глубину изображенъ;
Двоякимъ способомъ выходитъ съ двухъ сторонъ
Одно и то же акуратно.
Узоръ есть истина, Господь же Богъ и я
Мы обѣ стороны ея;
Мы выражаемъ тайну бытія—
Онъ верхней частью, я исподней;
И вотъ вся разница, друзья,
Между моей методой и Господней.

ДУХИ.

Когда, какъ хоръ одушевленный,
Земля и звѣзды и луна
Гремятъ хвалой Творцу вселенной,
Себя со злобою надменной

Ему равняетъ Сатана!
Но бѣса умствованья ложны,
Тождественъ съ истиною Тотъ,
Кого законы непреложны,
Предъ чьимъ величіемъ ничтожны
Равно кто любитъ иль клянетъ!
Какъ звѣздный блескъ въ небесномъ полѣ
Яснѣй выказываетъ мгла,
Такъ на твою досталось долю
Противурѣчить Божьей волѣ,
Чтобъ тѣмъ свѣтлѣй она была!

САТАНА.

Извѣстно, что отъ всякаго контроля
Должны выигрывать дѣла.

ДУХИ.

Два разнородныя начала,
Тому равно подвластны мы,
Кого премудрость указала
Намъ быть глаголомъ идеала,
Тебѣ же быть глаголомъ тьмы!

САТАНА.

Согласенъ и на то. Безъ комплимента,
Мы, значитъ, въ родѣ парламента;
Мы, такъ сказать, правленія вѣсы.
Сознайтесь, что Господь здѣсь только для красы;
Онъ символъ лишь замысловатый;
Дѣлами жь правимъ мы, двѣ равныя палаты;
Точнѣй: коль на Него ты смотришь съ двухъ сторонъ,
Выходитъ вы да я, мы совокупно—Онъ.
Разрывъ нашъ—только умозрѣнье,
Но въ самомъ дѣлѣ мы одно;
А для пустаго развлеченья
Дробиться цѣлому смѣшно.
Пора двухъ половинъ устроить сочетанье:
Химически смѣшавъ со злобою любовь,
Въ итогъ безстрастія сольемся вновь
И погрузимся въ самосозерцанье!
А міръ совѣтую предать его судьбѣ,

Какъ заведенную разъ навсегда машину.
Когда же внѣшности съ себя мы смоемъ тину
И будемъ сами по себѣ—
Какое дѣло намъ какимъ путемъ къ сознанью,
Съ какого именно конца,
Съ параднаго иль съ чернаго крыльца,
Придетъ какой-нибудь маркезе де-Маранья?

ДУХИ.

Едино, цѣльно, недѣлимо,
Полно творенья своего,
Среди міровъ, невозмутимо,
Царитъ надъ ними Божество.
Но въ немъ осуществилось ясно
Чего постичь не могъ никто:
Несогласимое согласно,
Съ грядущимъ прошлое слито,
Совмѣстно творчество съ покоемъ,
Съ невозмутимостью любовь,
И возникаютъ новымъ строемъ
Ея созданія все вновь.
Всемірнымъ полная движеньемъ,
Она свѣтиламъ кажетъ путь,
Она нисходитъ вдохновеньемъ
Въ пѣвца восторженную грудь;
Цвѣтами рдѣя полевыми,
Звуча въ паденьи свѣтлыхъ водъ,
Она законами живыми
Во всемъ, что̀ движется, живетъ.
Всегда различна отъ вселенной,
Но вѣчно съ ней съединена,
Она для сердца несомнѣнна,
Она для разума темна.
Замолкни, жалкій сынъ паденья,
И словъ язвительныхъ не трать—
Тебѣ святаго Провидѣнья
Душой холодной не понять!

САТАНА.

Я только пошутилъ. Хотѣлъ вамъ доказать я,
Что всѣмъ системамъ, безъ изъятья,

Есть въ безпредѣльности просторъ,
И что, куда мы нашъ ни кинемъ взоръ,
Мы мѣтя въ кругъ неизмѣримый,
Никакъ попасть не можемъ мимо.
Въ той области, гдѣ центра нѣтъ,
Гдѣ центромъ служитъ каждый пунктъ случайный,
Гдѣ вмѣстѣ явно все и тайно,
И гдѣ условны мракъ и свѣтъ—
Тамъ всѣ воззрѣнія возможны,
Всѣ равно вѣрны, или равно ложны.
Поэтому и вашъ я допускаю взглядъ,
И если на явленій рядъ
Съ извѣстной точки посмотрю я,
Готовъ, какъ вы, кричать я: Аллилуя!
Ура! Осанна! Свять, свять, свять!
Усердья моего ничье не перевысить;
Досадно то, что результатъ
Отъ точки зрѣнія зависитъ.

ДУХИ.

Царь тьмы, къ чему ведетъ двусмысленная рѣчь?

САТАНА.

Къ тому чтобъ васъ предостеречь
Отъ безполезнаго старанья
Спасти Жуана де-Маранья.
Какую бъ намъ систему ни принять:
Систему вѣры, иль рацьонализма,
Деизма, или пантеизма,
Хоть всѣ до одного оттѣнки перебрать,
Которыми привыкла щеголять
Философическая призма—
Того, кто Промысла отвергнулъ благодать,
Но сѣсть не хочетъ въ кресла фаталисма,
А претъ себѣ впередъ, и въ сторону, и вспять,
Какъ по льду гладкому скользя—
Спасти нельзя!

ДУХИ.

Господь! Постигнуть дай Жуану
Что̀ смутно видѣлъ онъ вдали!

Души мучительную рану
Сознаньемъ правды изцѣли!
Но если, тщетно званный нами,
Онъ не пойметъ Твоей любви,
Тогда сверкающій громами
Свой гнѣвный ликъ ему яви,
Да потрясетъ Твой зовъ могучій
Его какъ голосъ судныхъ трубъ!

САТАНА.

На эти чудеса Господь довольно скупъ,
И скромно прячется за тучей
Когда гремитъ. На всякій случай
Позвольте мнѣ сюда ту силу пригласить,
Которая, безъ воли и сознанья,
Привыкла первому служить,
Кто только дастъ ей приказанье.
Кто бъ ей ни овладѣлъ, порокъ иль благодать,
Слѣпа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить иль созидать,
Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовутъ душой земли,
Ты, что магнитный токъ сквозь міръ всегда струила,
Услышь теперь мой зовъ, словамъ моимъ внемли,
Явись, таинственная сила!
Ты, жизненный агентъ, алхимиковъ азотъ,
Незримое астральное теченье,
Твой господинъ тебя зоветъ,
Явись принять его велѣнья!
Ты, что людской всегда питаешь потъ и трудъ,
Ты, что такъ много душъ сгубила,
Усердье, преданность, иль какъ тебя зовутъ,
Явись, безсмысленная сила!

(Является туманная фигура.)

Смотрите, вотъ она, покрыта пеленой,
Еще не знаетъ чѣмъ ей выйдти изъ тумана.
Готовься жь петлю, спутанную мной,
Разсѣчь иль затянуть, по выбору Жуана!
Отнынѣ будь ему во всемъ подчинена:
Чтобъ ни задумалъ онъ отъ прихоти иль скуки—

Все слѣпо исполняй. Теперь я сторона,
Я совершилъ свое и умываю руки!
Смотрите: ревности полна,
Уже дрожитъ и зыблется она,
Всѣ виды принимать и образы готова.
Терпѣнье, бабушка! Жди знака, или слова,
Потомъ уже не знай ни страха, ни любви,
Свершай что̀ онъ велитъ, безъ мысли ни пощады,
И воплотившись разъ, топчи, круши преграды —
И самаго его въ усердьи раздави!

ДУХИ.

Постой, внемли и намъ! Въ то страшное мгновенье
Когда на бездны край ужь ступитъ Донъ-Жуанъ,
Послѣднее ему неси остереженье
И духа тьмы предъ нимъ разоблачи обманъ.
Тогда лишь, если онъ отъ правды отвратится —
Его судьба да совершится!

(Фигура исчезаетъ.)

ГР. АЛ. ТОЛСТОЙ.

О ЗНАЧЕНІИ

КЛАССИЧЕСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ВЪ

ГИМНАЗИЧЕСКОМЪ КУРСѢ.

Между тѣмъ какъ духъ времени побуждаетъ насъ обозрѣвать все окружающее насъ испытующимъ взоромъ, съ цѣлію измѣнить и преобразовать устарѣвшее, безобразное, безполезное и вредное, нельзя не видѣть, съ тревожнымъ опасеніемъ за будущее, что подъ вліяніемъ этихъ законныхъ въ своемъ корнѣ стремленій колеблется иногда и то, что зиждется не на измѣнчивыхъ потребностяхъ или текучихъ понятіяхъ того или другаго времени, а на коренныхъ законахъ человѣческой природы, на неотъемлемыхъ свойствахъ той исторической цивилизаціи, къ которой мы принадлежимъ или въ область которой мы стараемся вступить. Мы имѣемъ въ виду одинъ изъ главныхъ вопросовъ, касающихся до высшаго общаго образованія: слѣдуетъ ли не только удержать, но и усилить въ нашихъ гимназіяхъ изученіе классическихъ языковъ, или же должно замѣнить преподаваніе этихъ языковъ чѣмъ-нибудь другимъ? Этотъ вопросъ, при теперешнемъ общемъ сознаніи недостаточности

нашего общеобразовательнаго курса и при готовящейся реформѣ нашихъ учебныхъ заведеній, требуетъ строгаго обсужденія прежде нежели мы приступимъ къ его рѣшенію: отъ рѣшенія его зависитъ дальнѣйшее направленіе и успѣхъ всей умственной жизни нашего отечества. Постараемся съ своей стороны этими замѣтками нѣсколько способствовать правильному его рѣшенію, не имѣя впрочемъ притязанія исчерпать дѣло въ этой краткой журнальной статьѣ.

Не удивительно, что въ Россіи встрѣчается много противниковъ изученія классическихъ языковъ. Даже на Западѣ многіе утверждаютъ, что приготовленіе мальчиковъ въ высшія учебныя заведенія не должно болѣе основываться на греческомъ и латинскомъ языкѣ. Изученіе этихъ языковъ, говорятъ, страдаетъ сухостію и подавляетъ въ воспитанникахъ охоту къ ученію; оно безполезно для жизни; да притомъ каждый, если захочетъ, можетъ познакомиться съ произведеніями классической древности, нынѣ впрочемъ вообще рѣдко читаемыми, по переводамъ, не убивая огромнаго количества времени и труда единственно ради удовольствія читать классиковъ въ оригиналѣ. Говорятъ еще, что собственная литература европейскихъ народовъ нынѣ уже такъ богата и такъ важна, что одна можетъ поглотить все вниманіе учащихся. Греческимъ и латинскимъ образцамъ, говорятъ далѣе, новая Европа уже достаточно долго подражала; пора сбросить ей съ себя это иго; она превзошла наставниковъ и болѣе въ нихъ не нуждается. Въ параллель этому, указываютъ на науки естественныя, которыя въ послѣднее время такъ далеко двинулись и столь разнообразно обогатились; уже по этой важности ихъ, говорятъ, нѣтъ возможности обойдтись безъ нихъ въ дѣлѣ современнаго воспитанія, даже независимо отъ той чрезвычайной практической пользы, которую эти науки могутъ принести воспитанникамъ, по выходѣ ихъ изъ школы. Наконецъ, каково бы ни было будущее назначеніе воспитанника, знаніе по крайней мѣрѣ двухъ новѣйшихъ языковъ для него во всякомъ случаѣ необходимо, если онъ готовится къ высшему образованію. Итакъ, если принять въ соображеніе, сколько требуется времени чтобъ овладѣть этими, уже безусловно необходи-

мыми предметами изученія, то, говорятъ, и времени не останется на изученіе еще латинскаго и греческаго языковъ.

Всѣ эти и подобныя возраженія противъ классическаго образованія получаютъ повидимому особенную силу, когда рѣчь идетъ о Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, для западно-европейскихъ народовъ изученіе классическихъ языковъ, или по крайней мѣрѣ, латинскаго, имѣетъ прямую, для всѣхъ очевидную важность. Бо́льшая часть италіянскихъ, испанскихъ, португальскихъ французскихъ и англійскихъ словъ, ведутъ начало свое отъ латинскаго; у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ этотъ языкъ былъ, а у нѣкоторыхъ и доселѣ остается единственнымъ церковнымъ языкомъ; тотъ же языкъ, во всѣ средніе вѣка, былъ въ Европѣ единственнымъ органомъ литературы и цивилизаціи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи даже Нѣмцы раздѣляли общую участь европейскихъ народовъ; слѣдовательно и для нихъ, хотя ихъ языкъ не принадлежитъ къ романской отрасли, изученіе латинскаго языка получаетъ важность, почти равную важности изученія собственной исторіи. Впрочемъ и въ филологическомъ отношеніи, латинскій языкъ, какъ болѣе коренной и болѣе обильный формами, можетъ служить лучшимъ основаніемъ для изученія общей грамматики чѣмъ языкъ нѣмецкій. Но никакой подобной важности латинскій языкъ не имѣетъ для Русскихъ. Нашъ языкъ не находится ни въ какой зависимости отъ латинскаго. Латынь не была языкомъ ни нашей литературы, ни нашей церкви; да при томъ, и для изученія общей грамматики достаточно, повидимому, положить въ основаніе языкъ славянскій, который тоже есть языкъ коренной и богатъ правильными формами. Слѣдовательно, у насъ по преимуществу не должно ли основываться воспитаніе, даже въ высшихъ классахъ гимназій, на изученіи нашего собственнаго языка, на образцовыхъ произведеніяхъ новѣйшей литературы, и на точныхъ наукахъ?

При разсмотрѣніи этихъ возраженій противъ классическаго образованія должно различать два совершенно противоположные взгляда, изъ которыхъ они вытекаютъ, основываясь частію на одномъ, частію на другомъ. Первый изъ этихъ взглядовъ принадлежитъ направленію *реалистовъ*, другой такъ-называемымъ *гуманистамъ*. Реалисты взвѣши-

ваютъ степень важности какихъ бы то ни было языковъ, древнихъ и новыхъ, исключительно по практической пользѣ, которую тотъ или другой языкъ можетъ приносить въ общежитіи; отъ воспитанія, по ихъ мнѣнію, главнымъ образомъ требуется, чтобъ оно снабдило молодыхъ людей сколь возможно болѣе обширнымъ знакомствомъ съ положительными и преимущественно прикладными науками, сообщило учащимся сколь возможно большее количество практически полезныхъ свѣдѣній. По взгляду гуманистовъ, напротивъ, воспитаніе прежде всего должно *развивать способности* учащихся, укрѣплять умственныя силы ихъ и давать имъ надлежащее направленіе, однимъ словомъ, снабжать молодыхъ людей такимъ орудіемъ, которое въ послѣдствіи они сами могутъ прилагать къ пріобрѣтенію спеціальныхъ свѣдѣній, нужныхъ для той или другой житейской профессіи. Вопреки этому послѣднему мнѣнію, реалисты утверждаютъ, что духовныя силы воспитанника сами собой будутъ достаточно развиваться и укрѣпляться чрезъ пріобрѣтеніе такъ-называемыхъ общеполезныхъ свѣдѣній, что методъ, предлагаемый гуманистами, только даромъ отнимаетъ время и трудъ, да еще наводитъ на молодыхъ людей скуку, и отталкиваетъ ихъ отъ ученья. А нашъ методъ воспитанія, говорятъ они, легокъ и привлекателенъ для молодыхъ людей; безъ потери трудовъ и времени учащіеся обогащаются познаніями, которыя полезны и сами по себѣ, и способны вообще возбуждать и поддерживать интересъ и энергію.

Какъ судить о такомъ взглядѣ на воспитаніе? По нашему мнѣнію, онъ льститъ низшимъ способностямъ человѣка, отлагая попеченіе о высшихъ; онъ старается расторгнуть связь между новѣйшею цивилизаціей и ея источниками; для воспитанія мысли онъ предлагаетъ въ руководство произведенія нерѣдко сомнительнаго достоинства потворствующія при томъ предубѣжденіямъ моды или національной гордости, и отвергаетъ произведенія свободныя отъ случайныхъ увлеченій нашего вѣка, и между тѣмъ удивительно приспособленныя къ тому, чтобы быть основою всякаго умственнаго развитія и истинной цивилизаціи.

Что касается собственно до наукъ положительныхъ, онѣ безъ сомнѣнія полезны; объ этомъ нечего и говорить. Нѣтъ

сомнѣнія также, что открытія и изобрѣтенія, имѣющія приложеніе къ практической жизни, достойны всякаго вниманія и удивленія. Не даромъ древность сохраняла благоговѣйную память о первыхъ строителяхъ городовъ и о первыхъ изобрѣтателяхъ въ металлургіи и другихъ искусствахъ, какъ о гигантахъ, герояхъ или благотворителяхъ человѣческаго рода. Въ лицѣ семи мудрецовъ Греціи, древній міръ, какъ извѣстно, выразилъ свое почтеніе не только къ мудрости въ области нравоученія и политики, но и къ умѣнью предсказывать солнечное затменіе или за годъ впередъ опредѣлять плодородіе оливковыхъ деревъ. Да и въ наши дни не даромъ воздвигаются колоссальныя статуи въ честь такихъ людей, каковы Уаттъ и Фультонъ. Однимъ словомъ, несомнѣнно, что знакомство съ открытіями и результатами прикладныхъ наукъ представляетъ большой интересъ. Справедливо и то, что обогащеніе ума положительными знаніями, независимо отъ непосредственной пользы, которую они доставляютъ своею приложимостію, содѣйствуетъ въ то же время и общему развитію духовныхъ силъ, укрѣпляетъ память, возбуждаетъ и упражняетъ способность анализировать и сочетавать понятія, и т. д. Но несмотря на весь интересъ и всю пользу наукъ реальныхъ, мы рѣшительно утверждаемъ, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя полагать въ основу общей системы воспитанія. Хотя пріобрѣтеніе разнообразныхъ, практически полезныхъ знаній можетъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ служить средствомъ для развитія таланта, масса учащихся ни въ какомъ случаѣ не вынесетъ изъ такого преподаванія ни силы, ни твердости въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Для большинства разнообразіе занятій должно имѣть своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разсѣянность и въ самомъ счастливомъ случаѣ разовьетъ лишь пассивную воспріимчивость, которая лишитъ потомъ молодыхъ людей способности самостоятельно прилагать пріобрѣтенныя ими познанія къ живому дѣлу. Къ тому же не внѣшній міръ долженъ быть главнымъ предметомъ изученія для людей, приготовляющихся къ жизни, а человѣкъ. Человѣку чрезвычайно полезно пріобрѣсти знаніе объ устройствѣ неба и земли или знакомство съ искусствами основанными на этомъ знаніи; но всего необходимѣе ему

пріобрѣсти понятіе о самомъ себѣ и человѣческомъ обществѣ, объ умственныхъ и нравственныхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ человѣческой природы, наконецъ о цѣли человѣческаго существованія, и о способахъ къ его усовершенствованію. А къ этой-то цѣли ведутъ такъ-называемыя humaniora. Ихъ предметъ есть собственно человѣкъ и главный даръ человѣка—слово, представляющее собою непосредственное выраженіе всей духовной жизни человѣка.

Въ древности, великою заслугою Сократа было то, что утвердивъ философію на истинномъ основаніи и сосредоточивъ ее на изученіи человѣка, онъ поставилъ и воспитаніе въ правильное отношеніе къ прочнымъ началамъ экономіи, политики и естественной религіи. Онъ видѣлъ, что всѣмъ людямъ присущъ одинъ и тотъ же общій законъ совѣсти, несмотря на разнообразіе частныхъ человѣческихъ страстей и стремленій; на познаніи этого божественнаго голоса и на повиновеніи ему онъ утвердилъ собственное воспитаніе, и къ нему же старался направить воспитаніе другихъ, какъ домашнее, такъ и общественное. По его ученію, стремленіе къ мудрости есть не что иное какъ приведеніе человѣческихъ силъ и способностей въ гармонію съ тѣми божественными свойствами, которыя усматриваются въ устройствѣ видимой природы и въ нравственномъ міроправленіи. Утвержденіе этой истины дало Сократу то высокое значеніе, которое онъ занялъ въ древности. Не даромъ явилось изреченіе: e coelo descendit *γνῶθι σεαυτόν* (съ неба сошло выраженіе: познай самого себя). Сообразно съ тѣмъ, и воспитаніе со временъ Сократа и его учениковъ (какъ-то Платона, Ксенофонта, Эвклида и въ послѣдствіи Аристотеля) утвердилось главнымъ образомъ на изученіи натуры мысли и слова, на нравственной и политической философіи; музыка, геометрія и гимнастика при этомъ также не были пренебрегаемы, но преподаваніе этихъ искусствъ и наукъ было не передачей собственно какихъ-нибудь свѣдѣній, а частію изъясненіемъ законовъ чистой математики, частію же служило опять-таки главнымъ образомъ къ развитію собственно человѣческихъ *способностей*, духовныхъ и тѣлесныхъ (какъ именно въ гимнастикѣ). Вотъ существенный смыслъ того, что̀ называется гуманнымъ, то-есть человѣчественнымъ образованіемъ.

Многіе достигли, правда, высокаго совершенства въ разныхъ отрасляхъ знанія, не получивъ общаго гуманнаго образованія. Геній можетъ найдти себѣ путь независимо отъ внѣшнихъ средствъ и поддержекъ, особенно при томъ сродствѣ, какое все-таки существуетъ между разными спеціальностями, какъ бы онѣ сами по себѣ ни были ограничены и ничтожны, и высшими законами человѣческаго духа. Но слѣдуетъ ли отсюда, что результатъ былъ бы менѣе блестящимъ, если бы тѣ же люди, съ самаго начала, получили общее образованіе? Да притомъ на кого же и можно указать въ новой исторіи, кто, не получивъ классическаго образованія, прославился однако такою послѣдовательностію и силою мышленія, что пріобрѣлъ чрезъ это себѣ имя въ исторіи развитія человѣчества? Напротивъ, не замѣчается ли слишкомъ общій фактъ, что ученые, не получившіе почему-либо классическаго образованія, страдаютъ всегда отсутствіемъ строгости мысли, чѣмъ изобличается недостатокъ или ненормальность умственнаго развитія? Съ преуспѣяніемъ такъ-называемаго реализма педагогическаго, необходимо должно остановиться движеніе ума въ области исторіи, политики, философіи и религіи, а чрезъ это самое должны разрушиться основанія общественной жизни и цивилизаціи, съ такимъ трудомъ выработанныя тысячелѣтіями. При этихъ условіяхъ, и утилитарныя стремленія не имѣли бы большаго успѣха. Человѣку нужна внутренняя *человѣческая* сила, чтобы дѣйствовать успѣшно даже на полѣ полезныхъ примѣненій.

Но оставимъ реалистовъ. Ихъ еще не такъ много, да и самыя воззрѣнія ихъ, коль скоро будутъ возведены къ тому крайнему утилитаризму, къ которому они и должны быть возведены, если реалисты хотятъ оставаться послѣдовательными, слишкомъ бросаются въ глаза пренебреженіемъ всего того что̀ для человѣка особенно драгоцѣнно. Обратимся къ возраженіямъ тѣхъ, которые оставаясь *гуманистами*, то-есть признавая необходимость основать умственное воспитаніе въ гимназіяхъ на изученіи словесныхъ наукъ, возстаютъ собственно противъ древнихъ языковъ. Въ основаніе общаго образованія должно быть полагаемо, говорятъ они, изученіе роднаго языка вмѣстѣ съ изученіемъ другихъ живыхъ языковъ; латинскій же и греческій

языки должны быть предоставлены собственно спеціалистамъ по части классической филологіи.

Это мнѣніе особенно опасно, потому что подкрадывается какъ тать; оно производитъ раздѣленіе между самими гуманистами и влечетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ тому, чтобъ избирая средній путь, мириться съ враждебнымъ лагеремъ реалистовъ и допускать въ гимназіи пагубное многоученіе. Если бы это мнѣніе было принято, то неизбѣжно послѣдовало бы отреченіе отъ гуманизма, такъ какъ наши училища не могли бы удержаться на среднемъ пути. По счастію, это мнѣніе основывается на самомъ очевидномъ недоразумѣніи; оно вытекаетъ изъ предположенія, будто важное значеніе, усвоенное классическимъ языкамъ въ европейскихъ школахъ, зависитъ отъ филологическаго сродства древнихъ языковъ съ новыми европейскими и отъ ихъ церковнаго употребленія въ Европѣ. Но ни то, ни другое предположеніе не вѣрно. Вѣдь западные народы полагаютъ въ основаніе образованія не одинъ латинскій языкъ, а вмѣстѣ и эллинскій, который вовсе не былъ родоначальникомъ теперешнихъ образованныхъ языковъ. Да и самый латинскій языкъ полагается въ основу образованія не у однихъ народовъ романскихъ, а одинаково и у Нѣмцевъ, Скандинавовъ, Чеховъ, Мадьяровъ, хотя языки всѣхъ этихъ народовъ принадлежатъ совсѣмъ къ другимъ отраслямъ. Съ другой стороны латинскій языкъ продолжаетъ быть основнымъ предметомъ изученія не въ однихъ католическихъ странахъ, а и въ протестантскихъ,—въ Германіи, Скандинавіи, Англіи и Америкѣ, гдѣ церковнымъ языкомъ давно уже служитъ языкъ національный. Впрочемъ, съ точки зрѣнія религіозной, наравнѣ съ латинскимъ и греческимъ языками, если даже не выше, долженъ быть поставленъ еврейскій; поэтому слѣдовало бы ожидать, что и еврейскій языкъ въ образованныхъ европейскихъ странахъ признанъ будетъ составною частію высшаго образованія. Однако, по общему согласію всѣхъ, этотъ языкъ даже въ богословскомъ воспитаніи признается предметомъ очень спеціальнымъ. Такимъ образомъ очевидно, что изученіе латинскаго и греческаго языковъ сдѣлалось въ теченіи послѣднихъ трехъ столѣтій основаніемъ для высшаго образованія у всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра, не вслѣдствіе своего мѣстнаго или условнаго приложенія, но

по другимъ основаніямъ, равно важнымъ для всѣхъ странъ и народовъ. Главнѣйшее изъ этихъ основаній заключается въ томъ, что весь цивилизованный міръ, независимо отъ политическихъ и религіозныхъ разногласій, чувствуетъ себя одною великою семьей, духовное начало которой лежитъ въ греко-римскомъ мірѣ. Итакъ, хотимъ ли мы, Русскіе, причислять себя къ семьѣ народовъ цивилизованныхъ? Если хотимъ, то мы должны и для себя признать то же начало образованія. Самый жаркій противникъ классицизма не прочь однако утверждать, что для насъ въ то же время необходимо изучать языки живыхъ образованныхъ народовъ, какъ-то французскій, нѣмецкій, англійскій. На какомъ основаніи? Не только на основаніи простой практической приложимости ихъ въ обыкновенныхъ житейскихъ сношеніяхъ, но главнымъ образомъ потому что эти языки дѣлаютъ доступными для учащихся высокія произведенія поэзіи, исторіи, краснорѣчія, философіи, юриспруденціи всего цивилизованнаго человѣчества. А признавая справедливость такихъ побужденій, не должно ли признать въ то же время необходимыми и латинскій и греческій языки для человѣка истинно образованнаго? Вѣдь вся литература французская, нѣмецкая и англійская произошла посредственно или непосредственно отъ литературы классической, есть ея непосредственный плодъ и въ ней одной находитъ свое полное объясненіе. По этому-то ни Великобританія съ Ирландіей, ни Богемія, ни Венгрія, ни Скандинавскій сѣверъ, ни Голландія, ни Германія, ни Швейцарія (не говоря уже о народахъ романскихъ) не могутъ сами уничтожить у себя изученіе латинскихъ и греческихъ источниковъ, сознавая, что чрезъ это они отказались бы отъ самаго корня своей цивилизаціи, осудили бы себя на дальнѣйшую безплодность или пустоцвѣтность въ дѣлѣ мысли. А равнымъ образомъ, и мы, по тѣмъ же самымъ основаніямъ, не имѣемъ права отказаться отъ изученія общеевропейскихъ источниковъ образованія. Всѣ опоры и поддержки, которыя могутъ быть доставлены намъ изъ вторыхъ рукъ отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, очевидно, осудятъ насъ на безплодность мысли и вѣчную подражательность.

Но зачѣмъ же все-таки, скажутъ, поставлять классическіе языки во главу ученія? Они могутъ быть предметами вспомогательными, а основнымъ долженъ быть все-таки

живой и притомъ родной языкъ. Представляющему такое возраженіе слѣдуетъ вспомнить, что родной языкъ изучается нами съ младенчества, а въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ можетъ быть лишь предметомъ ученаго лингвистическаго изслѣдованія, которое въ школахъ не только не умѣстно, но было бы убійственно. Оно не развивало бы способности, а подавляло бы ихъ, приготовляло бы буквоѣдовъ, а не людей готовыхъ вступить въ практическую жизнь. А всякая другая метода изученія роднаго языка есть не что иное какъ переливаніе изъ пустаго въ порожнее, повтореніе фразъ и общихъ мыслей, которыхъ живой источникъ оставался бы недоступенъ учащемуся. Ученіе должно состоять въ постепенномъ овладѣваніи предметомъ неизвѣстнымъ учащемуся: легче распознать характеръ и свойства другаго чѣмъ себя самого; анализъ чужихъ мыслей всегда бываетъ отчетливѣе и возбудительнѣе чѣмъ анализъ нашихъ собственныхъ; о своемъ родномъ языкѣ, о своемъ народномъ бытѣ, мы научаемся судить лишь сравнивая ихъ съ иноземнымъ бытомъ, съ иностранными языками. По этой причинѣ, еслибы даже ограничиваться изученіемъ однихъ новѣйшихъ языковъ, чуждый языкъ все же былъ бы лучшимъ основаніемъ для общаго образованія чѣмъ нашъ собственный. Но въ свою очередь и эти языки, принадлежа народамъ еще существующимъ, и притомъ проживающимъ историческую жизнь совмѣстно съ нами самими, не могутъ быть еще вполнѣ объективнымъ и законченнымъ предметомъ знанія, такимъ предметомъ, при изученіи котораго могли бы мы вполнѣ сохранить умственную и нравственную свободу. Языкъ, какъ и самая исторія этихъ народовъ, не протекъ еще всего своего цикла; онъ еще движется; ему предстоятъ измѣненія,—а лишь нѣчто безусловное, неизмѣнное, вполнѣ законченное, можетъ быть предметомъ вполнѣ удовлетворительнаго знанія: такъ о человѣкѣ еще живущемъ нельзя произнести окончательнаго сужденія, нельзя сказать что его вполнѣ знаешь; онъ самъ еще не вполнѣ высказался; жизнь можетъ-быть еще во многомъ перемѣнитъ его характеръ. Притомъ, при изученіи всякаго живаго языка мы не безопасны отъ двухъ, равно вредныхъ крайностей: съ одной стороны, отъ увлеченія узкимъ національнымъ, можетъ-быть даже безсознательнымъ самолюбіемъ и предубѣжденіемъ, съ другой—отъ

увлеченія лишающимъ свободнаго взгляда пристрастіемъ,— отъ духовнаго, и опять столь же безсознательнаго рабства относительно чужой національности. Ни одной изъ этихъ опасностей, напротивъ, не представляетъ изученіе языковъ классическихъ; они одни, какъ нѣчто совершенно оконченное и отжившее, могутъ имѣть для насъ значеніе вполнѣ объективнаго предмета, на которомъ мы можемъ испытывать и изощрять свои силы, не враждуя съ нимъ и не подчиняясь ему.

Затѣмъ, спросимъ мы въ свою очередь, должно ли быть главною задачей педагога всевозможное *облегченіе* учащимся пути къ образованію, или, напротивъ, пріученіе ихъ къ труду постоянному и энергическому? Стремленіе облегчить во что бы то ни стало образованіе для учащихся было одною изъ важныхъ причинъ той поверхностности, въ которой весьма справедливо обвиняютъ нашу школьную эрудицію, той слабости и испорченности характера, которыми такъ страдаетъ наша неспособная къ труду молодежь. Если мы хотимъ исправить этотъ важный недостатокъ, намъ нужно удалить сперва причину, кроющуюся въ самомъ взглядѣ на воспитаніе. Дѣтей, говорятъ, надобно заохотить къ ученію, нужно питать ихъ молодыя, еще не окрѣпшія духовныя силы предметами легкими, привлекательными для нихъ, и тому подобное. Какъ? Но развѣ сама жизнь для которой мы и воспитываемъ своихъ дѣтей, предлагаетъ намъ одно легкое и сладкое? Развѣ полезное и успѣшное служеніе обществу, ближайшая цѣль школьнаго образованія, заключается въ поверхностномъ исполненіи однѣхъ заманчивыхъ и привлекательныхъ обязанностей? Нѣтъ, если мы хотимъ воспитаніемъ приготовить людей способныхъ къ добросовѣстному труду, мы не должны пріучать дѣтей къ однимъ легкимъ и пріятнымъ занятіямъ, слишкомъ угла́живать имъ тернистый путь жизни и подготовлять имъ въ послѣдствіи горькое разочарованіе: кто всю молодость провелъ въ игрѣ и забавѣ и не получилъ понятія о томъ что̀ такое значитъ трудиться, тотъ не выдержитъ испытанія жизни.[1] Пусть на-

[1] Нѣтъ ничего вреднѣе той фальшивой филантропіи, которая старается облегчить ученику каждый шагъ его и постоянно водитъ его на помочахъ. Такое воспитаніе даетъ ученику совершенно фальшивое направленіе и обманываетъ его насчетъ дѣйствительныхъ свойствъ того что̀ называется ученьемъ. Ученье не игра и не забава, сказалъ еще Аристотель: черезъ

противъ дѣти самымъ воспитаніемъ съ малыхъ лѣтъ пріучаются къ самостоятельному труду, хотя бы на первый разъ и тяжелому; курсъ общаго образованія долженъ быть какъ бы *гимнастикою* духовныхъ силъ, средствомъ къ тому, чтобъ эти силы пріобрѣли ту гибкость и ту твердость, съ помощію которыхъ человѣкъ становится способнымъ усвоять себѣ, не пугаясь ихъ трудности, тѣ или другія спеціяльныя познанія, которыя могутъ оказаться нужными ему въ послѣдствіи, и разумно исполнять въ общественной жизни обязанности гражданина. Если имѣть въ виду именно эту цѣль общеобразовательнаго гимназическаго курса, первостепенная важность классическихъ языковъ становится вполнѣ очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, изучая свой родной языкъ, мы начинаемъ обыкновенно съ половины дороги; первая половина пути, практическое знакомство съ словоупотребленіемъ и отличительными формами, дается намъ сама собою и притомъ безсознательно. То же самое должно сказать и обо всякомъ новѣйшемъ языкѣ. Практическое знакомство съ нимъ можетъ, да и по справедливости должно быть пріобрѣтаемо съ особенною легкостію, отъ простой безсознательной привычки: самый характеръ новѣйшихъ языковъ способствуетъ этому, потому что по своему строю новѣйшіе языки имѣютъ много между собой общаго. Но выполняется ли этимъ задача воспитанія? Напротивъ, при изученіи древнихъ языковъ, мальчикъ постоянно встрѣчаетъ слова, выраженія и обороты рѣчи, совершенно отличные по формамъ, составу и значенію своему отъ того, что̀ представляетъ родной языкъ. По этому, для усвоенія себѣ всего лексическаго и грамматическаго богатства древнихъ языковъ, мальчикъ долженъ постоянно напрягать свою умственную дѣятельность, сознательно прилагать къ ученію свою вникательность, изощрять свои аналитическія силы. Ученику приходится постоянно сличать, сравнивать древній языкъ съ своимъ роднымъ, нисколько не похожимъ на него, и для всего пріискивать разумное основаніе. Подобная работа мало-по-малу сообщаетъ умственнымъ силамъ привычку къ основательному анализу и разумной оцѣнкѣ всякаго явленія, что̀ и составляетъ конечную цѣль общаго образованія.

горечь проходитъ ученье. Οὐ γὰρ παίζουσι μανθάνοντες· διὰ λύπης γὰρ ἡ μάθησις.

Нельзя забыть еще двухъ преимуществъ, какими обладаютъ классическіе языки, вопервыхъ—относительной правильности строенія, и вовторыхъ сравнительнаго удобства къ сохраненію постепенности въ изученіи. Въ первомъ отношеніи, ни одинъ новѣйшій языкъ, конечно, не можетъ быть даже сравниваемъ съ древними. Бѣдность формъ, крайняя простота словосочетанія, случайность лексическаго матеріяла, помѣсь словъ различнаго происхожденія, множество аномальныхъ формъ, таковы отличительныя свойства романскихъ языковъ, — плохіе руководители къ аналитическому мышленію и къ тому сознательному труду, безъ которыхъ образованіе не можетъ принести особенной пользы. Нѣмецкій языкъ еще составляетъ въ этомъ случаѣ нѣкоторое исключеніе, какъ языкъ самостоятельный, языкъ болѣе чистый и болѣе богатый формами. Однако же какъ далекъ онъ отъ того, чтобы равняться своимъ строеніемъ съ строгою логикой языковъ классическихъ! Что касается до сохраненія полной послѣдовательности и постепенности въ изученіи, а слѣдовательно и пріученія чрезъ то къ послѣдовательному преодолѣванію трудностей, то чрезвычайное разнообразіе древнихъ писателей, необыкновенная полнота и въ тоже время элементарность древней литературы, обнимающей всѣ безъ исключенія предметы человѣческаго вѣдѣнія, наконецъ совершенная законченность созерцанія, представляетъ такое къ этому удобство, которому даже малѣйшаго подобія не представляетъ ни одинъ изъ современныхъ языковъ, ни всѣ они взятые вмѣстѣ. Ученикъ, по мѣрѣ развитія своихъ силъ, переходитъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему и когда труднѣйшее достигнуто, знаетъ, что изученіе кончено, и что дальнѣйшихъ трудностей уже не представится.

Впрочемъ самымъ лучшимъ панегирикомъ классическому образованію можетъ служить живой опытъ,—судьба нашего русскаго образованія. Утрированная важность, какая даваема была въ системѣ нашего воспитанія изученію новѣйшихъ языковъ, нѣмецкаго, англійскаго и особенно французскаго, не привела насъ ни къ чему иному какъ къ поверхному знанію, къ полной совершенной зависимости отъ чужихъ идей, склонности безотчетно увлекаться всѣмъ новымъ, и, въ добавокъ наконецъ, къ полнѣйшей несостоятельности въ практической жизни! Не объясняет-

ся ли каждый образованный Русскій съ большею или меньшею легкостію на одномъ или нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, и однако самый общій и главный недостатокъ нашего образованія заключается именно въ отсутствіи той самостоятельной, отчетливой и послѣдовательной умственной дѣятельности, безъ которой нашъ народъ никогда не станетъ на свои ноги и всегда будетъ пасовать передъ западомъ. Немногіе истинно ученые, которые у насъ являлись, всѣ были изъ числа получившихъ классическое образованіе. Наконецъ поразительное пониженіе ученія, обнаружившееся въ нашемъ гимназическомъ и университетскомъ образованіи въ послѣднія десять лѣтъ, не случайно, конечно, совпадаетъ со временемъ ослабленія въ гимназіяхъ классическихъ языковъ.

Какимъ напротивъ яснымъ подтвержденіемъ того истинно благотворнаго и вмѣстѣ всесторонняго въ образовательномъ смыслѣ значенія, которое принадлежитъ классическимъ языкамъ, можетъ служить для насъ примѣръ западныхъ народовъ! Англичане, воспитываясь на древнихъ языкахъ, показываютъ намъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ всю пригодность этихъ языковъ для практической жизни въ ея различныхъ проявленіяхъ. При нынѣшнемъ нашемъ soi-disant практическомъ направленіи умовъ, примѣръ Англичанъ,—народа по преимуществу практическаго,—безъ сомнѣнія заслуживаетъ особеннаго вниманія противниковъ классицизма. Намъ, вѣроятно, возразятъ, что практичность Англичанъ зависитъ отъ ихъ характера, можетъ-быть также отъ ихъ общественнаго устройства, но только никакъ не отъ изученія ими классическихъ языковъ. Но это возраженіе само обличаетъ свою несостоятельность: въ немъ есть внутреннее противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, если (въ чемъ конечно нѣтъ никакого сомнѣнія) Англичане преимущественно передъ всѣми прочими европейскими народами отличаются своею практичностію, если эта практичность (съ чѣмъ также можно согласиться) находитъ себѣ опору въ самомъ характерѣ и общественномъ устройствѣ ихъ,—то возможно ли предполагать, чтобъ они, въ такомъ дѣлѣ, которое у нихъ, какъ у народа практическаго, стоитъ на первомъ планѣ, именно въ дѣлѣ народнаго образованія, были до такой степени *непрактичны*, чтобъ упорно удерживать

и даже дѣлать основою всего своего образованія изученіе древнихъ языковъ, если эти послѣдніе мало приносятъ пользы въ практической жизни? Нѣтъ, кто такъ думаетъ, тотъ очень ошибается. Англичане полагаютъ древніе языки въ основу общаго образованія и созидаютъ на нихъ гуманное воспитаніе юношества не по безсмысленной привязанности къ старинѣ, какъ думаютъ одни,—и не потому только, что древніе языки имѣютъ филологическое сродство съ языкомъ англійскимъ, какъ думаютъ другіе:—англійскій народъ, скажемъ опять, для этого слишкомъ практиченъ. Нѣтъ одно только глубокое, вѣковыми опытами оправданное убѣжденіе въ дѣйствительной, чисто практической пользѣ классическаго ученія,—вотъ истинная причина того упорства, съ какимъ Англичане удерживаютъ древніе языки какъ основу и единственно надежное начало всякаго истиннаго и прочнаго умственнаго образованія. Практическое направленіе Англичанъ, правда, зависитъ можетъ-быть и отъ характера ихъ, и отъ ихъ общественнаго устройства; но если это направленіе, если эта житейская смышленость и мудрость такъ широко у нихъ вырабатывается, и изъ области мелочнаго, непроизводительнаго барышничества (какимъ оно нерѣдко является у нашихъ купцовъ) переходитъ въ ту правильно-организованную и истинно-разумную дѣятельность, которая у Англичанъ невольно поражаетъ насъ, то этимъ они безпорно много обязаны прочности и дѣйствительности общаго своего образованія, пріобрѣтаемаго ими при помощи классицизма. Это подтвердитъ всякій Англичанинъ, воспитанный на древнихъ языкахъ.

Если отъ Англичанъ обратимъ свои взоры на Нѣмцевъ, то и о нихъ мы должны сказать нѣчто подобное. У Нѣмцевъ основное направленіе не практическое, а умозрительное; и это опять зависитъ конечно отъ характера, а не отъ того или другаго метода воспитанія; но если умозрительныя тенденціи Нѣмцевъ пріобрѣли ту строгую форму, ту прочность и стойкость, которая сдѣлала нѣмецкихъ мыслителей корифеями въ области философскихъ умозрѣній, то опять весьма важная причина этого заключается въ значеніи, придаваемомъ въ Германіи классическому образованію. Оно одно можетъ дать человѣку тотъ прочный навыкъ къ самостоятельному умственному труду, безъ

котораго невозможенъ серіозный успѣхъ ни въ наукѣ, ни въ жизни. Оно одно наконецъ служитъ общею связью между всѣми образованными народами.

Соображенія, на которыя мы сейчасъ указали, начинаютъ уже мало-по-малу проникать въ общественное сознаніе, и есть даже надежда, что при готовящемся преобразованіи гимназій, преподаваніе классическихъ языковъ на столько будетъ усилено, что станетъ главнымъ предметомъ гимназическаго курса. Нельзя этому не радоваться, но не мѣшаетъ при этомъ напомнить о трехъ главныхъ условіяхъ, выполненіе которыхъ особенно нужно, чтобы возстановленіе классическаго образованія дало тѣ плоды, которыхъ мы въ правѣ ожидать отъ него.

1. Изученіе латинскаго языка, по нашему мнѣнію, должно начинаться *сколь возможно раньше*. Ложно направленная родительская нѣжность бываетъ причиною того, что систематическое, школьное образованіе начинается у насъ весьма поздно, и не рѣдко бываетъ, что дѣти восьми и девяти лѣтъ едва въ состояніи читать даже по-русски. Этимъ допускается у насъ большая ошибка въ дѣлѣ воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, если справедливо, что цѣль общеобразовательнаго курса есть развитіе способностей и пріученіе дѣтей къ самостоятельному умственному труду, то, безъ сомнѣнія, съ той поры и должно начинаться школьное обученіе вообще, какъ просыпается въ ребенкѣ способность обсуживать предметы, словомъ разсудокъ. Если же, съ другой стороны, латинскій языкъ долженъ быть признанъ за средоточіе и основаніе общеобразовательнаго курса, то съ первымъ же началомъ курса и должно быть вводимо преподаваніе этого языка. Пишущій эти строки считаетъ себя въ правѣ сослаться въ этомъ случаѣ на свой собственный опытъ. Воспитываясь въ Копенгагенѣ въ одной изъ такъ-называемыхъ „латинскихъ школъ“ (соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ), я долженъ былъ съ семилѣтняго возраста приняться за изученіе латинской грамматики. Очень хорошо помню, какимъ тяжелымъ казался сначала и мнѣ, и товарищамъ моимъ по воспитанію, трудъ знакомиться съ многообразными формами и сочетаніями латинскихъ словъ. Латынь казалась тогда намъ непреодолимою, а строгость и взыскательность латинскаго

учителя возбуждала въ насъ совершенную, очень понятную антипатію къ латинскому классу. Казалось бы, какая польза въ подобномъ методѣ воспитанія? Вѣдь онъ только отталкиваетъ дѣтей отъ ученія, вмѣсто того чтобы привлекать и заохочивать ихъ; но послѣдствія доказали противное. Мало-по-малу, мы привыкли къ труду; онъ казался намъ уже не тяжестію, а чѣмъ-то совершенно естественнымъ и необходимымъ; латинскій языкъ, предметъ нашего прежняго отвращенія, становился болѣе и болѣе близкимъ и роднымъ; молодыя души наши какъ-то безсознательно стали ощущать въ себѣ громадное общеобразовательное вліяніе этого языка на развитіе нашихъ умственныхъ силъ, и занятія, въ началѣ казавшіяся намъ скучными и тяжелыми, становились съ каждымъ годомъ болѣе легкими и привлекательными для насъ. Слѣдуетъ ли столь же рано начинать и обученіе греческому языку, и даже долженъ ли этотъ языкъ быть признаваемъ обязательнымъ въ гимназическомъ курсѣ? Нельзя не сознаться, предметовъ нужныхъ для готовящихся къ высшему образованію, считается у насъ обыкновенно такъ много, что съ успѣшнымъ занятіемъ всѣми ими едвали возможно совмѣстить обязательность *обоихъ* классическихъ языковъ для каждаго учащагося. Поэтому многимъ кажется, что изученіе греческаго языка могло бы быть признано спеціяльностію для однихъ желающихъ. Но нельзя не замѣтить, что между латинскимъ и греческимъ языками существуетъ слишкомъ тѣсная, внутренная связь; что изученіе одного изъ нихъ постоянно облегчается и дополняется изученіемъ другаго; нельзя не замѣтить также, что освобожденіе отъ обязанности изучать греческій языкъ едва ли даже много облегчитъ ученика, а полезные результаты, при этомъ ограниченіи, будутъ достигнуты далеко не въ той полнотѣ и широтѣ, къ какой вообще ведетъ классическое образованіе. Поэтому неумѣстною и дурно расчитанною экономіей было бы изключить изъ гимназическаго курса греческій языкъ. Гораздо основательнѣе было бы ограничить число прочихъ предметовъ гимназическаго курса нежели отдѣлить отъ изученія латинскаго языка столь тѣсно связанное съ нимъ изученіе греческаго. Гораздо съ бо́льшимъ основаніемъ можно бояться, что излишнее разнообразіе наукъ въ гимназическомъ курсѣ сдѣлаетъ его полуфилологическимъ и полуреальнымъ, а тѣмъ

и уничтожитъ всю пользу ожидаемую отъ классическаго образованія,—гораздо скорѣе, говорю, можно бояться этихъ крайне вредныхъ послѣдствій чѣмъ недостаточнаго приготовленія юноши къ высшему образованію, вслѣдствіе ограниченія гимназическаго курса небольшимъ числомъ главныхъ предметовъ. Нужно удостовѣриться разъ навсегда, что строго и вполнѣ проведенное классическое образованіе само по себѣ даетъ юношѣ силу безъ постороннихъ пособій и приготовленій восполнить недостаточность своихъ познаній по другимъ частямъ, и тогда необходимое ограниченіе гимназическаго курса не будетъ страшно.

2) Второе условіе, исполненіе котораго необходимо для успѣшнаго преподаванія классическихъ языковъ: къ этимъ занятіямъ не слѣдуетъ искусственно привлекать никого; другими словами: должно готовить для высшаго образованія только такихъ мальчиковъ, которые обладаютъ достаточными умственными дарованіями. Если мы безъ разбора будемъ оставлять въ нашихъ гимназіяхъ и высокодаровитыхъ и малодаровитыхъ учениковъ, то эти послѣдніе, къ несчастію, составляющіе всегда большинство, не пріобрѣтая сами дѣйствительной пользы отъ классическихъ занятій, будутъ своею малоуспѣшностію только задерживать успѣхи прочихъ. Преподаватель по неволѣ долженъ будетъ приноравливаться собственно къ ученикамъ слабосильнымъ, а ученики даровитые поневолѣ должны будутъ подвигаться впередъ съ медленностію далеко не соотвѣтствующею ни степени ихъ умственной воспріимчивости, ни количеству времени посвящаемому на изученіе древнихъ языковъ. Словомъ, общій уровень гимназическаго образованія непремѣнно будетъ низокъ, и слѣдовательно мы вовсе не получимъ тѣхъ плодовъ отъ классическаго образованія, которыхъ въ правѣ ожидать. Ученики, и при окончаніи гимназическаго курса, недалеко уйдутъ за предѣлы первоначальныхъ грамматическихъ понятій; въ теченіе цѣлаго курса они пріобрѣтутъ не многимъ больше того что̀ могло быть пріобрѣтено въ теченіе одного учебнаго года, а этого конечно далеко недостаточно для пріобрѣтенія того навыка къ умственному труду, и того гуманнаго развитія, которое, какъ мы видѣли, бываетъ плодомъ изученія древнихъ языковъ, когда это изученіе идетъ успѣшно и правильно. Я помню, что въ латинской школѣ Копенгагена изъ мальчиковъ по-

ступавшихъ въ низшіе классы многіе скоро охладѣвали къ занятію латинскимъ языкомъ, и не оказывали въ немъ достаточныхъ успѣховъ, несмотря на превосходные педагогическіе пріемы преподавателей. Съ каждымъ днемъ они все болѣе и болѣе отставали отъ своихъ сверстниковъ; сами они тогда приписывали свою малоуспѣшность, конечно, не недостатку собственныхъ дарованій и усилій, а трудности латинскаго языка, къ которому наконецъ вслѣдствіе того они начинали питать совершенную антипатію. Но слѣдовало ли изъ-за ихъ малоуспѣшности останавливать успѣхи болѣе даровитыхъ? Конечно нѣтъ. И въ подобныхъ случаяхъ начальство школы, по совѣту и съ согласія учителей, зорко слѣдившихъ за успѣхами и занятіями каждаго ученика, обыкновенно предлагало родителямъ освободить своихъ дѣтей отъ продолженія классическаго курса и отъ сопряженнаго съ нимъ назначенія къ высшему, университетскому образованію. Дѣти переходили тогда изъ латинской школы въ какую-нибудь реальную, и нерѣдко въ послѣдствіи становились полезными дѣятелями въ той или другой практической спеціальности; а университетъ освобождался отъ поверхностныхъ, плохихъ слушателей, безполезныхъ для науки и для общества. Тотъ же порядокъ существуетъ почти во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ и продолжаетъ приносить благословенные плоды. Отчего же и намъ не усвоить себѣ той же системы? Что пользы въ томъ, когда аудиторіи университетовъ наполняются людьми избалованными легкостію гимназическаго курса, людьми не привыкшими и даже, правильнѣе сказать, неспособными къ основательному и усидчивому труду? Кому отъ этого и какая польза? И даже не прямой ли отсюда вредъ и для развитія науки, и для развитія общественной жизни? Эти крайне поверхностные и малообразованные молодые люди бываютъ обыкновенно проникнуты фальшивымъ понятіемъ о своей зрѣлости и своихъ совершенствахъ. А чрезъ это не подготовляется ли страна къ самому грустному положенію, когда изъ этихъ-то недоспѣлыхъ молодыхъ людей выростутъ въ послѣдствіи руководители общественною жизнію, люди государственные? Кому неизвѣстно, что полуобразованность хуже простаго невѣжества, особенно полуобразованность

проникнутая чувствомъ собственнаго превосходства, а слѣдовательно и соединенная съ неспособностію цѣнить истинный трудъ, истинную науку, даже вообще уважать заслуги и свободу другихъ? Впрочемъ все это такъ ясно говоритъ само за себя, особенно въ настоящемъ положеніи нашего отечества, что распространяться объ этомъ мы считаемъ излишнимъ.

3) Наконецъ, третье условіе плодотворности классическаго образованія: способные и любящіе свое дѣло учителя. Конечно, это условіе общее для всѣхъ наукъ, и мы не стали бы упоминать о немъ, еслибы не случалось намъ слышать упреки классическому образованію за то, въ чемъ между тѣмъ виноваты собственно только плохіе учителя. Нельзя не сознаться, что мы страдаемъ и отсутствіемъ хорошихъ учителей и, въ особенности, отсутствіемъ хорошей методы преподаванія. Но не странно ли винить какой-нибудь инструментъ за то, что не умѣютъ съ нимъ обращаться? Нѣтъ, всякое дѣло, какъ гласитъ пословица, мастера боится. Слушая возгласы нашихъ нынѣшнихъ педагоговъ о безплодности классическихъ языковъ для общаго образованія, невольно вспоминаешь басню Крылова „Мартышка и очки“: вѣдь, право, очки вещь хорошая; только надобно умѣть ими пользоваться. Не то же ли самое и здѣсь? Вѣдь гимназіи наши не выучиваютъ почти никого изъ своихъ воспитанниковъ даже новымъ языкамъ: такъ почему же вы не дѣлаете на этомъ основаніи такого же неблагопріятнаго вывода о пользѣ новыхъ языковъ, какой дѣлаете о пользѣ древнихъ? Странный аргументъ — завести столько училищъ, что съ ними нельзя ни управиться, ни пріискать для нихъ хорошихъ учителей, и потомъ дѣлать педагогическіе выводы изъ практики этихъ училищъ, существующихъ болѣе для парада чѣмъ для дѣйствительной пользы! Плохія училища могутъ привести пожалуй и къ такому заключенію, что и вообще учить людей очень вредно. Но содержите столько училищъ, сколько вы въ силахъ содержать; дайте себѣ трудъ подобрать способныхъ и дѣльныхъ преподавателей, поставьте ихъ въ такое положеніе, чтобъ у нихъ были достаточныя побужденія къ добросовѣстному и усердному труду, строгая и нелицепріятная отвѣтственность передъ обществомъ и начальствомъ, начинайте притомъ пре-

подаваніе древнихъ языковъ съ самыхъ младшихъ классовъ, совмѣстно съ преподаваніемъ русскаго; освободите отъ классицизма и вмѣстѣ, отъ высшаго научнаго образованія дѣтей неспособныхъ и непризванныхъ къ нему, а съ прочими учениками ведите преподаваніе впередъ, неуклонно пріучая ихъ къ посильному постоянному труду,—и передъ вами, вмѣсто теперешней безплодности нашего гимназическаго классицизма, откроется въ благословенныхъ плодахъ своихъ великая общеобразовательная сила древнихъ языковъ и ихъ литературы. Вы этимъ установите у насъ прочное начало истинной цивилизаціи, дадите вѣрный толчокъ основательному и правильному развитію нашихъ богатыхъ умственныхъ силъ, проложите путь къ самостоятельному и дѣйствительному вступленію нашему въ семью истинно-образованныхъ народовъ, и заслужите вѣчную славу и признательность будущихъ поколѣній.

Z.

БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ.

Переводъ съ англійскаго.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

I. Комбъ-Ревенъ, Сомерсетширъ.

Стрѣлка стояла на половинѣ седьмаго утра. Домъ—сельское жилище въ Вестъ-Сомерсетширѣ, по прозванію Комбъ-Ревенъ. День — четвертое марта, годъ — тысяча-восемьсотъ сорокъ шестой.

Лишь однозвучный стукъ часовъ, да тяжелый храпъ большой собаки, растянувшейся на рогожкѣ за дверьми столовой, нарушали таинственную утреннюю тишину передней и лѣстницы. Кто такіе спящіе обитатели дома? Домъ откроетъ намъ свои тайны, и жильцы его, вставая, одинъ за другимъ, сами отрекомендуютъ намъ себя.

Когда часы указали три четверти седьмаго, собака проснулась и поднялась. Прождавъ безполезно человѣка, выпускавшаго ее обыкновенно, она безпокойно обошла всѣ двери нижняго этажа, и возвратясь, сильно разстроенная, къ своей постели, аппеллировала къ спящему семейству долгимъ и меланхолическимъ воемъ.

Прежде чѣмъ замерли послѣдніе звуки этого воя, дубовыя ступени лѣстницы въ самомъ верху заскрипѣли подъ чьими-то медленными шагами. Черезъ минуту, показалась первая изъ женской прислуги, съ толстымъ шерстянымъ платкомъ на плечахъ; мартовское утро было холодно, а ревматизмъ давно уже знакомъ кухаркѣ.

Принимая самымъ нелюбезнымъ образомъ ласки собаки, кухарка тихо пріотворила двери передней и выпустила ее. Утро было ненастное. Надъ обширною поляной, за темною еловою рощей, пронизывались, сквозь группы разрозненныхъ сѣрыхъ тучъ, лучи восходящаго солнца; по временамъ, падали тяжелыя капли дождя; мартовскій вѣтеръ охватывалъ углы дома; уныло покачивались мокрыя деревья.

Пробило семь часовъ, и признаки домашней жизни послѣдовали быстрѣе одинъ за другимъ.

Внизу появилась служанка, высокая и худощавая, съ покраснѣвшимъ отъ весенняго воздуха носомъ. За ней прошла горничная барыни,—молоденькая, бойкая, заспанная. Затѣмъ помощница кухарки, съ сильно опухшимъ лицомъ. Послѣднимъ явился лакей, безнадежно зѣвая, — живая картина человѣка недовольнаго нарушеніемъ его ночнаго покоя.

Разговоръ прислуги, собравшейся передъ небольшимъ кухоннымъ огнемъ, касался послѣдняго домашняго событія, и начался съ вопроса: видѣлъ ли лакей Томасъ что-нибудь изъ клифтонскаго концерта, на которомъ былъ наканунѣ баринъ съ двумя барышнями? Какъ же! Томасъ самъ былъ въ концертѣ; ему дали денегъ на заднее мѣсто; это былъ громкій концертъ, жаркій концертъ, на афишахъ стояло „Большой“; стоилъ ли онъ путешествія въ шестнадцать миль по желѣзной дорогѣ, да въ девятнадцать миль обратно, по простой, въ половинѣ втораго утра, — этотъ вопросъ предоставлялъ онъ рѣшенію барина и барышень; его же мнѣніе, что не стоилъ. Дальнѣйшіе разспросы всей женской прислуги не разъяснили болѣе ничего. Томасъ не могъ ни пропѣть ни одного мотива, ни описать ни одного женскаго наряда. Его слушатели оставили его, поэтому, съ отчаяніемъ, и кухонное каляканіе пошло обычнымъ порядкомъ до восьми часовъ, когда всѣ разошлись на утреннюю работу.

Прошла четверть часа; въ половинѣ восьмаго, изъ области спаленъ, показались новые признаки пробужденія. Первый сошедшій внизъ былъ мистеръ Андру Ванстонъ, хозяинъ дома.

Высокій, плотный и прямой, съ большими голубыми глазами и здоровымъ румянымъ цвѣтомъ лица, въ темномъ плисовомъ камзолѣ, небрежно накòсь застегнутымъ, съ маленькимъ шотландскимъ барсукомъ, лаявшимъ безнаказанно у его ногъ, — засунувъ одну руку въ жилетный карманъ, а другою весело постукивая по периламъ при спускѣ съ лѣстницы, и напѣвая какой-то мотивъ, мистеръ Ванстонъ открыто заявлялъ себя всѣмъ. Спокойный, добрый, веселый баринъ, счастливо проводившій жизнь и желавшій того же каждому—вотъ онъ. Ему было около пятидесяти лѣтъ; но судя по его веселости и сильному тѣлосложенію, онъ былъ не старѣе многихъ тридцатилѣтнихъ.

— Томасъ! кликнулъ мистеръ Ванстонъ, беря со стола свою старую войлочную шляпу и толстую трость. — Завтракъ сегодня въ десять часовъ. Барышни послѣ вчерашняго концерта не будутъ готовы раньше. Кстати, какъ понравился вамъ концертъ, а? вы думаете „Большой“? Да, правда. Только шумъ да трескъ, трескъ да шумъ; дамы разряженныя и затянутыя до смерти, удушливая жара, да ослѣпляющій газъ, и тѣснота, тѣснота, — да, да, Томасъ, „большимъ“ можно назвать его, но никакъ не комфортабельнымъ.

Съ этими словами, мистеръ Ванстонъ свиснулъ своему барсуку, замахалъ палкой, какъ бы храбрясь передъ дождемъ, и вышелъ на свою утреннюю прогулку.

Когда часовая стрѣлка дошла до девяти безъ десяти минутъ, новое лицо показалось на лѣстницѣ,—миссъ Гартъ, гувернантка.

Наблюдательный глазъ тотчасъ бы замѣтилъ, что миссъ Гартъ была сѣверная уроженка. Рѣзкія черты ея лица, мужская угловатость и быстрота ея движеній, упрямая честность ея взгляда и пріемовъ, говорили объ ея сѣверномъ рожденіи и воспитаніи. При сорока съ небольшимъ годахъ, волосы ея были совершенно сѣды, и на ней былъ старушечій чепчикъ. Какъ волоса, такъ и головной уборъ, отвѣчали лицу глядѣвшему старѣе ея лѣтъ: слѣды заботъ зарубились на немъ. Ея пріемы, при спускѣ съ лѣст-

ницы, и повелительный видъ хорошо объяснялъ ея положеніе въ домѣ мистера Ванстона. Очевидно было, что она не принадлежала къ числу смиренныхъ и загнанныхъ гувернантокъ. То была женщина, находившаяся въ почетныхъ отношеніяхъ къ своимъ хозяевамъ, — женщина, которая, казалось, не дала бы спуску никакимъ отцамъ семейства въ цѣлой Англіи, еслибы кто вздумалъ обращаться съ ней ниже ея достоинства.

— Завтракъ въ десять часовъ? повторила миссъ Гартъ, когда лакей явился на зовъ и объявилъ о приказаніяхъ хозяина.

— Да! я такъ и знала чѣмъ отзовется вчерашній концертъ. Когда люди, живя въ деревнѣ, предаются публичнымъ удовольствіямъ, это даромъ имъ не обходится. *Вы* разстроены, Томасъ, я вижу это; глаза у васъ красны, какъ у хорька, а галстухъ смотритъ такъ какъ будто вы спали въ немъ. Подайте чайникъ въ три четверти десятаго, и если не будете сегодня чувствовать себя лучше, то приходите ко мнѣ, я дамъ вамъ лѣкарства. Добрый малый, если тодько не безпокоить его, продолжала про себя миссъ Гартъ, когда Томасъ ушелъ, — но концерты за двадцать миль пути не по силамъ ему. А они еще хотѣли, чтобъ *я* съ ними ѣхала вчера. Да, какъ не такъ!

Пробило девять часовъ, и только когда минутная стрѣлка прошла еще двадцать минутъ, послышались снова шаги на лѣстницѣ. Показались, спускаясь въ столовую, двѣ дамы,— мистрисъ Ванстонъ и ея старшая дочь.

Еслибы прежняя красота мистрисъ Ванстонъ заключалась единственно въ прирожденныхъ Англичанкамъ цвѣтѣ лица и свѣжести, то давно уже не оставалось бы и слѣдовъ ея. Но дѣвическая красота ея заходила далѣе обычныхъ границъ, и особенности ея сохранились до сихъ поръ. Хотя ей минуло теперь сорокъ три года, хотя она перенесла много горя отъ преждевременной кончины дѣтей и отъ долгихъ болѣзней послѣдовавшихъ за этими утратами, однако она сохранила изящество и нѣжность очертаній, которыя соединялись когда-то съ яркостью и свѣжестью красоты, теперь уже невозвратно утраченными. Старшая ея дочь, спускавшаяся съ лѣстницы вмѣстѣ съ ней, была зеркаломъ, въ которое она могла смотрѣться и видѣть отраженіе своихъ юныхъ лѣтъ. Голова дочери

окаймлялась густыми черными волосами, которые начинали уже сѣдѣть у матери. На щекахъ дочери блестѣлъ смуглый румянецъ, который поблекъ уже на щекахъ матери. Миссъ Ванстонъ достигла первой поры женской зрѣлости: ей уже минуло двадцать пять лѣтъ. Наслѣдовавъ величественную красоту своей матери, она не наслѣдовала однако вполнѣ всѣхъ прелестей этой красоты. Хотя лицо ея походило на лицо матери, однако черты были не такъ тонки и не такъ правильны. Она не была такъ стройна. У нея были темные глаза матери, глубокіе и мягкіе, съ блескомъ, утраченнымъ уже мистрисъ Ванстонъ, и, со всѣмъ тѣмъ, ихъ выраженію не доставало той интересности и той утонченности и глубины чувства, какая была въ глазахъ матери; лицо ея было мило и женственно, но омрачалось какою-то холодною сдержанностью, которой чужда была ея мать. При внимательномъ наблюденіи, не замѣчаемъ ли мы, что нравственная сила характера и высшія умственныя способности родителей часто ослабѣваютъ въ передачѣ дѣтямъ? Въ наши дни нервнаго истощенія и нервныхъ болѣзней, то же правило не можетъ ли относиться, чаще чѣмъ мы допускаемъ, и къ физическихъ качествамъ?

Мать и дочь тихо спускались съ лѣстницы, первая въ темномъ платьѣ съ остындскою шалью на плечахъ, вторая въ болѣе простомъ черномъ платьѣ, съ гладкимъ воротничкомъ и рукавчиками, и съ темною оранжевою лентой сверхъ платья. Проходя переднюю и вступая въ столовую, миссъ Ванстонъ поглощена была мыслью о вчерашнемъ концертѣ.

— Мнѣ такъ жалко, мама, что васъ не было вчера съ нами, проговорила она.—Вы чувствуете себя такъ хорошо съ послѣдняго лѣта, даже чувствуете себя какъ будто моложе нѣсколькими годами, какъ сами говорите, что я убѣждена, поѣздка не очень бы утомила васъ.

— Быть-можетъ и такъ, душа моя, но не дурно и поберечься.

— Очень не дурно, замѣтила тутъ миссъ Гартъ, появляясь въ дверяхъ столовой.—Посмотрите на Нору (здравствуйте, другъ мой), взгляните, говорю я, на Нору. Она совершенно разстроена,—живое доказательство, какъ благоразумно поступили мы съ вами, что не поѣхали. Вредный газъ, зараженный воздухъ, поздній часъ: чего тутъ ждать хорошаго? Нора не изъ

желѣза, а потому и страдаетъ. Нѣтъ, другъ мой, вы должны съ этимъ согласиться. Я вижу, у васъ голова болитъ.

Смуглое, пракрасное лицо Норы освѣтилось улыбкой, и потомъ снова приняло свое обычное спокойно сдержанное выраженіе.

— Болитъ немножко; далеко не столько, чтобы заставить меня раскаяваться въ поѣздкѣ, сказала она, и направилась къ окну.

Вдали, за садомъ виднѣлся ручей, за нимъ нѣсколько хозяйственныхъ строеній и скалистое ущелье, поросшее лѣсомъ (что, въ Сомерсетширѣ, называется *комбомъ*), которое здѣсь прорѣзывалось черезъ холмы, окаймлявшіе горизонтъ. Между покатостями открытой мѣстности, видна была, не въ дальнемъ разстояніи, извивавшаяся полоска дороги, на которой высокая фигура мистера Ванстона, возвращавшагося съ своей утренней прогулки, обрисовывалась ясно. Онъ весело замахалъ тростью, завидя у окна свою старшую дочь. Она кивнула головой и махнула въ отвѣтъ ему рукою, граціозно и мило, но съ какою то немножко старосвѣтскою формальностью, которая казалась странною въ такой молодой особѣ и не совсѣмъ гармонировала съ привѣтствіемъ обращеннымъ къ отцу

Пробилъ часъ запоздавшаго завтрака. Когда минутная стрѣлка подвинулась еще на пять минутъ, вверху стукнула дверь, послышалось веселое пѣніе яснаго свѣжаго голоса, на верхнихъ ступенькахъ лѣстницы раздались легкіе быстрые шаги, потомъ прыжки, потомъ снова шаги быстрѣе прежнихъ. Черезъ минуту, младшая изъ двухъ оставшихся въ живыхъ дочерей мистрисъ Ванстонъ мелькнула на скрипучей старой дубовой лѣстницѣ, и, спрыгнувъ съ трехъ послѣднихъ ступенекъ, явилась, запыхавшись, въ столовой, для дополненія семейнаго кружка.

По одной изъ тѣхъ странностей природы, которыхъ наука еще не разъяснила, младшая дочь мистера Ванстона не походила ни на отца, ни на мать. Откуда у ней эти волосы? откуда глаза? Отецъ и мать сами задавали себѣ эти вопросы, когда она подростала, и не знали какъ объяснить себѣ это явленіе. Волоса ея были того чистаго свѣтло-русаго оттѣнка, безъ всякой примѣси желтизны или рыжеватости, который встрѣчается чаще въ перьяхъ птицъ чѣмъ въ волосахъ человѣка.

Они были мягки и густы, вились правильными локонами, спускаясь съ ея низкаго лба, но, въ однообразной чистотѣ своего ровнаго цвѣта, они иному могли бы показаться какъ бы тусклыми и мертвыми. Ея брови и рѣсницы были немного темнѣе волосъ и удивительно шли бы къ синимъ глазамъ, которые, при хорошемъ цвѣтѣ лица, имѣютъ непреодолимую прелесть. Но тутъ-то именно лицо ея и не удовлетворяло требованіямъ. Глаза, которые должны бы быть темны, были, напротивъ, непонятно и странно свѣтлы, того почти безцвѣтнаго сѣраго оттѣнка, который самъ по себѣ не привлекателенъ, но за то передаетъ самые тонкіе переходы мысли, самыя нѣжныя измѣненія чувства, самыя глубокія волненія страсти, съ такою полнотой, съ какою не могутъ передать никакіе темные глаза. Какъ странна была, въ своихъ противорѣчіяхъ, верхняя часть лица дѣвушки, такъ странна была и нижняя. Губы ея были женственно тонко очерчены, щеки имѣли прелестную круглоту и гладкость молодости, но ротъ былъ слишкомъ великъ, а выраженіе его слишкомъ рѣшительно, подбородокъ слишкомъ широкъ для ея пола и лѣтъ. Цвѣтъ ея лица былъ однообразнаго ровнаго оттѣнка, отличавшаго ея волоса, и той же мягкой теплой красоты, безъ капли краски въ щекахъ, появлявшейся развѣ въ случаѣ какихъ-нибудь особыхъ физическихъ движеній или неожиданныхъ нравственныхъ впечатлѣній. Все выраженіе, замѣчательное своими прямо противоположными особенностями, поражало еще къ тому своею необыкновенною подвижностью. Большіе, электрическіе, свѣтло-сѣрые глаза никогда не были спокойны; переливы выраженія слѣдовали одинъ за другимъ на пластическомъ, вѣчно-измѣнчивомъ лицѣ, съ быстротой, дѣлавшею ихъ недоступными для изслѣдованія. Необыкновенная живость дѣвушки сказывалась во всемъ, отъ головы до ногъ. Фигура ея, превосходившая ростъ сестры и средній ростъ женщины, съ прирожденною ей очаровательною, змѣиною гибкостью, легкою и игриво граціозною, напоминавшею котенка, была уже такъ развита, что всѣ видѣвшіе ее давали ей болѣе восемьнадцати лѣтъ. Ея развитіе соотвѣтствовало болѣе дѣвушкѣ двадцати лѣтъ, развитіе, котораго она достигла естественно и неудержимо, по праву своего здоровья и силы. Тутъ-то именно и таилось объясненіе

этой странной организаціи. Ея отчаянный спускъ съ лѣстницы, живость ея движеній, вѣчная игра выраженія на ея лицѣ, заразительная веселость, бравшая штурмомъ самыхъ спокойныхъ людей, даже блескъ яркихъ цвѣтовъ ея полосатаго утренняго платья, ея развѣвавшихся лентъ, большихъ красныхъ розетокъ на ея египетскихъ крошечныхъ башмачкахъ, все это выходило изъ одного источника: изъ избытка здоровья, укрѣплявшаго каждый мускулъ, напрягавшаго каждый нервъ и заставлявшаго биться въ жилахъ ея молодую кровь, словно кровь растущаго ребенка.

Ее привѣтствовали, при входѣ въ столовую, обычными замѣчаніями, которыя вызывала у домашнихъ ея вѣтреная неаккуратность. По любимому выраженію миссъ Гартъ, „Магдалинѣ, при пяти чувствахъ, не доставало еще одного,— чувства порядка“.

Магдалина! Не странно ли, что ей досталось это имя? Да, странно, а между тѣмъ оно было дано ей не по какому-нибудь особенному случаю. Имя это носила одна изъ сестеръ мистера Ванстона, скончавшаяся въ ранней молодости; въ память о ней, отецъ назвалъ свою вторую дочь этимъ именемъ, какъ назвалъ свою старшую дочь Норой, по имени жены. Безспорно, великое старое библейское имя, дышащее какимъ-то скорбнымъ и мрачнымъ достоинствомъ, напоминающее покаяніе и уединеніе, было, какъ доказали событія, дано неудачно. Безспорно, дѣвушка эта ко всѣмъ своимъ противорѣчіямъ прибавляла новое, сложившись въ прямую противоположность своему имени.

— Опять поздно! проговорила мистрисъ Ванстонъ, когда Магдалина, запыхавшись, цѣловала ее.

— Опять поздно! повторила миссъ Гартъ, когда Магдалина подошла къ ней затѣмъ. — Ну? продолжала она, лаская подбородокъ дѣвушки, съ полунасмѣшливымъ и полулюбящимъ вниманіемъ, показывавшимъ, что младшая дочь, со всѣми ея недостатками, была любимицей гувернантки:—ну? что̀ принесъ *вамъ* концертъ? какъ отозвался онъ на *вашемъ* здоровьи сегодня?

— На моемъ здоровьи? проговорила Магдалина, переводя духъ и овладѣвъ языкомъ.—Не понимаю. Если концертъ отозвался чѣмъ-нибудь на мнѣ, то развѣ тѣмъ, что я вполнѣ здорова. На моемъ здоровьи! да я готова снова ѣхать въ концертъ сегодня, на балъ завтра, а въ театръ послѣзавтра. О!

воскликнула Магдалина, бросаясь въ кресла и складывая съ восхищеніемъ свои руки на столѣ:—какъ я люблю удовольствія!

— Вотъ какъ! Коротко и ясно, замѣтила миссъ Гартъ.— Ужь не васъ ли Попъ имѣлъ въ виду, когда писалъ эти строки:

Men some to business, some to pleasure take
But every woman is at heart a rake.*

(Изъ мущинъ одинъ любитъ потрудиться, другой погулять, а изъ женщинъ каждая въ душѣ непремѣнно гуляка.)

— Ого! проговорилъ мистеръ Ванстонъ, входя съ своею собакой въ комнату, во время цитаты миссъ Гартъ.— Вѣкъ живи вѣкъ учись. Если всѣ вы гуляки, миссъ Гартъ, то мужчинѣ осталось на долю сидѣть дома да штопать чулки. Давайте-ка завтракать.

— Ну какъ ты поживаешь, папа? заговорила Магдалина, обнимая мистера Ванстона за шею такъ безцеремонно, какъ будто онъ былъ большая ньюфаундленская собака назначенная для забавы дочери.—Я гуляка, и хочу новаго концерта, или театра, или бала, или какого-нибудь другаго удовольствія, которое одѣло бы меня въ новое платье, бросило бы въ толпу народа, освѣтило бы меня моремъ свѣта и привело бы меня въ волненіе отъ головы до ногъ. Вообще чего-нибудь избавляющаго меня отъ необходимости отправляться спать въ одиннадцать часовъ.

Мистеръ Ванстонъ усѣлся спокойно какъ человѣкъ, привыкшій къ такимъ потокамъ словъ отъ дочери.

— Если мнѣ позволятъ выбрать въ будущемъ родъ удовольствія, сказалъ онъ,—я предпочту театръ концерту. Дѣвицы очень позабавились, другъ мой, обратился онъ къ женѣ. Больше меня, прибавлю. Все тамъ было не по мнѣ. Одинъ музыкальный отрывокъ продолжался сорокъ минутъ, онъ прерывался три раза, а мы, воображая, что піеса кончена и радуясь этому, хлопали каждый разъ. Но она начиналась снова, къ нашему большому удивленію и неудовольствію, пока мы не возненавидѣли ее въ отчаяніи. Милая, Нора! какъ звали эту піесу въ сорокъ минутъ съ тремя перерывами?

— Это симфонія, папа, отвѣчала Нора.

— Да, мой старый милый Готъ, то была симфонія ве-

ликаго Бетговена! прибавила Магдалина.—Какъ это ты говоришь, что концертъ не занималъ тебя? Развѣ ты забылъ желтую иностранку съ непроизносимымъ именемъ? Развѣ ты забылъ ея гримасы при пѣніи и ея нескончаемые поклоны, заставившіе публику просить ее повторить? Смотрите, мама; смотрите, миссъ Гартъ!

Она схватила пустой подносъ, подняла его на манеръ нотъ въ концертахъ и представила ужимки и поклоны пѣвицы съ такою вѣрностью, что отецъ разразился хохотомъ, и даже лакей (принесшій въ это время почтовую сумку) выскочилъ изъ комнаты и, по примѣру барина, громко фыркнулъ за дверьми.

— Письма, папа. Дайте мнѣ ключъ, проговорила Магдалина, бросаясь отъ стола къ буфету, на которомъ лежала сумка, съ ловкою быстротой отличавшею всѣ ея движенія.

Мистеръ Ванстонъ поискалъ въ своихъ карманахъ и покачалъ, съ недоумѣніемъ, головой. Можно было легко догадаться отъ кого Магдалина переняла свои безалаберныя привычки, хотя между ею и отцомъ ни въ чемъ болѣе не было сходства.

— Я кажется забылъ ключъ, вмѣстѣ съ другими, въ библіотекѣ, сказалъ мистеръ Ванстонъ.—Сходи за нимъ, другъ мой.

— Тебѣ слѣдовало бы, право, унимать Магдалину, замѣтила мистриссъ Ванстонъ мужу, когда дочь вышла.—Привычка передразнивать все усиливается въ ней, а къ тебѣ она обращается съ такою вѣтреностью, что непріятно слушать.

— Я это всегда говорила, подтвердила миссъ Гартъ:—она обращается съ мистеромъ Ванстономъ, какъ будто онъ ея маленькій братецъ.

— Вы добры къ намъ во всемъ, папа; вы снисходительны и къ рѣзвому нраву Магдалины, не правда ли? сказала спокойная Нора, принимая сторону отца и сестры, но такъ повидимому равнодушно, что лишь самые проницательные наблюдатели уловили бы тутъ живую натуру.

— Спасибо, другъ мой, отвѣтилъ добрякъ Ванстонъ.—Спасибо за милую рѣчь. Что до Магдалины, продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ и миссъ Гартъ,—это невыѣзженный конекъ. Пускай попрыгаетъ и побрыкается въ волю. Придетъ пора, остепенится.

Дверь отворилась, и Магдалина явилась съ ключомъ. Она открыла почтовую сумку и выбросила кучу писемъ. Бойко разсортировавъ ихъ въ какую-нибудь минуту, она, съ письмами въ обѣихъ рукахъ, подошла къ столу и принялась раздавать ихъ, съ дѣловою торопливостью лондонскаго почтальйона.

— Два письма Норѣ, произнесла она, начиная съ сестры.— Три миссъ Гартъ. Матушкѣ ни одного. Мнѣ одно. А остальныя шесть—папа. Ты, мой старый милый лѣнивецъ, поторопишься отвѣчать на письма, а? продолжала Магдалина, оставляя роль почталіона и принимая тонъ дочери.—Какъ ты станешь ворчать и хлопотать въ кабинетѣ! Какъ бы ты былъ радъ, еслибы вовсе не было писемъ! И какъ твоя хорошенькая лысая головка покраснѣетъ на самой макушкѣ при сочиненіи отвѣтовъ! И сколько отвѣтовъ, со всѣмъ тѣмъ, отложишь ты до завтра! *Бристольскій театръ открытъ папа*, зашептала она вдругъ лукаво на ухо отцу,—я видѣла это въ журналѣ, когда ходила въ библіотеку за ключомъ. Поѣдемъ завтра!

Въ то время, какъ дочь тараторила на ухо мистера Ванстона, тотъ машинально перебиралъ письма. Онъ небрежно пересмотрѣлъ адресы первыхъ четырехъ, но дойдя до пятаго, внимательно остановилъ глаза на почтовой маркѣ, переставъ слушать Магдалину.

Стоя сзади отца и положивъ голову на плечо его, Магдалина могла прочесть совершенно ясно на маркѣ: „Новый Орлеанъ“.

— Письмо изъ Америки, папа! проговорила она.—Кого ты знаешь въ Новомъ-Орлеанѣ?

При этихъ словахъ мистриссъ Ванстонъ поднялась и пристально посмотрѣла на мужа.

Мистеръ Ванстонъ молчалъ. Онъ тихо отнялъ руку дочери отъ своей шеи, какъ бы желая, чтобы никто не мѣшалъ ему, и та сѣла на свое мѣсто. Отецъ держалъ письмо въ рукахъ, какъ бы не рѣшаясь открыть его; а мать, между тѣмъ не сводила съ мужа своего пристальнаго вопросительнаго взгляда, обратившаго на себя вниманіе миссъ Гартъ, Норы и Магдалины.

Послѣ минуты нерѣшимости, мистеръ Ванстонъ распечаталъ письмо.

При первыхъ же прочтенныхъ строчкахъ, лицо его пе-

ремѣнилось, щеки приняли какой-то мутный, темно-желтоватый цвѣтъ, который на лицѣ менѣе свѣжемъ показался бы мертвеною блѣдностью, а выраженіе всего лица омрачилось въ одну минуту. Нора и Магдалина, слѣдя за отцомъ, не замѣтили ничего болѣе, и только миссъ Гартъ уловила впечатлѣніе произведенное этою перемѣной на хозяйку.

Впечатлѣніе этого никто не могъ предугадать. Мистриссъ Ванстонъ казалась болѣе взволнованною чѣмъ испуганною или огорченною. Легкая краска показалась на ея щекахъ, посвѣтлѣли ея глаза, рука нетерпѣливо и безпокойно завозилась съ чаемъ что̀ было неестественно въ ней.

Магдалина, какъ баловница, по обыкновенію, первая прервала молчаніе.

— Въ чемъ дѣло? что̀ случилось, папа? спросила она.

— Ничего, рѣзко отвѣтилъ мистеръ Ванстонъ, не смотря на нее.

— Я увѣрена, что случилось что-нибудь, настаивала Магдалина.—Я увѣрена, папа, что въ этомъ американскомъ письмѣ есть дурныя вѣсти.

— Въ немъ нѣтъ ничего такого, до чего бы вамъ было дѣло, произнесъ мистеръ Ванстонъ.

Это было первое рѣзкое замѣчаніе отца Магдалинѣ. Она взглянула на него съ недовѣряющимъ удивленіемъ, которое было бы очень смѣшно въ менѣе серіозную минуту.

Ни слова не было произнесено послѣ этого. Въ первый разъ въ жизни, можетъ-быть, семейство сидѣло за завтракомъ въ печальномъ молчаніи. Изчезъ и хорошій утренній аппетитъ мистера Ванстона, изчезло и его доброе утреннее расположеніе духа. Безсознательно отломилъ онъ нѣсколько кусочковъ сухаго печенья, безсознательно допилъ свою первую чашку чая, потомъ спросивъ вторую, оставилъ ее нетронутою.

— Нора, проговорилъ онъ, помолчавъ немного,—не жди меня; милая Магдалина, можешь идти, если хочешь.

Дочери тотчасъ же встали, и миссъ Гартъ послѣдовала за ними. Когда человѣкъ добродушнаго и спокойнаго нрава заявляетъ свою волю въ семействѣ, самая рѣдкость такого заявленія усиливаетъ впечатлѣніе, и воля такого человѣка становится закономъ.

— Что могло случиться? спросила шопотомъ Нора, когда онѣ вышли изъ столовой.

— Отчего это папа рѣзокъ со мною? воскликнула Магдалина, подъ вліяніемъ обиднаго замѣчанія.

— А позвольте спросить васъ, какое право имѣете вы вмѣшиваться въ секретныя дѣла вашего отца? возразила миссъ Гартъ.

— Какое право? повторила Магдалина.—Я ничего не скрываю отъ папа: зачѣмъ же онъ имѣетъ секреты отъ меня? Я считаю себя обиженною.

— Вѣрнѣе было бы считать себя справедливо наказанною за вмѣшательство не въ свое дѣло, замѣтила неуступчивая миссъ Гартъ.—Вы какъ и всѣ нынѣшнія дѣвушки: едва одна изъ сотни знаетъ, гдѣ слѣдуетъ остановиться.

Дамы вошли въ утреннюю комнату, при чемъ Магдалина, въ отвѣтъ на замѣчаніе миссъ Гартъ, стукнула дверью.

Уже полчаса, какъ мистеръ Ванстонъ съ женой оставались въ столовой. Служанка, не зная что случилось, вошла убрать со стола, но видя господъ сидящихъ вмѣстѣ и серіозно толкующихъ, тотчасъ же вышла. Лишь по истеченіи еще четверти часа, дверь столовой отворилась и совѣщаніе мужа и жены кончилось.

— Я слышу, что мама вышла изъ столовой, проговорила Нора.—Она хочетъ, можетъ-быть, сказать намъ что-нибудь.

Мистриссъ Ванстонъ вошла въ это время въ комнату. Румянецъ былъ сильнѣе на ея щекахъ, а въ глазахъ свѣтились не обсохшія слезы: походка ея была быстра, движенія торопливѣе обыкновеннаго.

— Я пришла сообщить вамъ вѣсти, дѣти, которыя удивятъ васъ, сказала она, обращаясь къ своимъ дочерямъ:— вашъ отецъ и я ѣдемъ завтра въ Лондонъ.

Магдалина схватила руку матери съ безмолвнымъ удивленіемъ; миссъ Гартъ опустила свою работу на колѣни; даже спокойная Нора поднялась на ноги и съ изумленіемъ повторила: „Ѣдете въ Лондонъ?“

— Безъ насъ? прибавила Магдалина.

— Мы съ отцомъ ѣдемъ одни, отвѣчала мистрисъ Ванстонъ. — На три недѣли, можетъ-быть, не болѣе. Мы ѣдемъ,—и она остановилась въ нерѣшимости,—мы ѣдемъ по важному семейному дѣлу. Не держи меня, Магдалина.

Это непредвидѣнная поѣздка, и мнѣ нужно привести многое въ порядокъ до завтра. Ну, другъ мой, пусти меня.

Она отняла свою руку, поспѣшно поцѣловала въ лобъ младшую дочь и оставила комнату. Магдалина поняла, что матери некогда слушать ея вопросы и отвѣчать на нихъ.

Утро проходило, а мистера Ванстона не было слышно. Съ вѣтренымъ любопытствомъ своихъ лѣтъ и характера, Магдалина, несмотря на запрещеніе миссъ Гартъ и увѣщанія сестры, рѣшилась пойдти въ кабинетъ и посмотрѣть что̀ дѣластъ отецъ. Она попробовала отворить дверь, но дверь была заперта изнутри. „Это я, папа,“ проговорила она и подождала отвѣта.—„Я занятъ теперь, моя милая,“ былъ отвѣтъ: „не мѣшай мнѣ.“

Мистрисъ Ванстонъ была также недоступна. Въ своей комнатѣ, окруженная горничными, она погружена была въ безконечныя приготовленія къ предстоявшему отъѣзду. Прислуга, мало привыкшая въ этомъ домѣ къ внезапнымъ рѣшеніямъ и неожиданнымъ приказаніямъ, исполняла ихъ неловко и нерасторопно. Люди безъ толку бѣгали изъ комнаты въ комнату, и теряли время и терпѣніе толкаясь на лѣстницѣ. Еслибы посторонній человѣкъ вошелъ сюда въ этотъ день, то вообразилъ бы, что въ этомъ домѣ случилось какое-нибудь неожиданное несчастіе, а не просто только неожиданно понадобилось съѣздить въ Лондонъ. Весь домашній порядокъ перевернулся. Магдалина, привыкшая проводить утро за фортепіяно, бѣгала неугомонно по лѣстницѣ и корридорамъ, выскакивала изъ дому, когда прояснилась погода, и скоро возвращалась. Нора, которой любовь къ чтенію стала поговоркой въ домѣ, брала книгу за книгой, но, не имѣя возможности остановить на чемъ-нибудь вниманіе, снова складывала ихъ. Даже миссъ Гартъ невольно поддавалась вліянію домашняго безпорядка, и сидѣла уединенно у огня, угрюмо покачивая головой и отложивъ работу въ сторону.

„Семейныя дѣла?“ думала миссъ Гартъ, останавливаясь на объяснительныхъ словахъ мистрисъ Ванстонъ. „Двѣнадцать лѣтъ живу я въ Комбъ-Ревенѣ, и это первое семейное дѣло при мнѣ. Что̀ же это такое? Какая-нибудь перемѣна? Должно-быть, я становлюсь стара: я не желала бы перемѣны!“

II.

На другой день, въ десять часовъ утра, Нора и Магдалина стояли однѣ въ передней Комбъ-Ревена, ожидая отъѣзда кареты, увозившей отца и мать ихъ къ лондонскому поѣзду желѣзной дороги.

До послѣдней минуты, обѣ сестры ожидали объясненія этого загадочнаго „семейнаго дѣла“, о которомъ лишь мимоходомъ упомянула вчера мистриссъ Ванстонъ, но объясненія этого не было. Даже волненія прощанія, совершенно новыя, при такихъ обстоятельствахъ, въ лѣтописяхъ этого семейства, не поколебали скрытности мистера и мистриссъ Ванстонъ. Они уѣхали, съ теплѣйшими заявленіями любви, съ напутственными поцѣлуями, возобновлявшимися нѣсколько разъ, но не проронивъ ни одного слова насчетъ своей поѣздки.

Когда шумъ колесъ замолкъ на поворотѣ дороги, сестры посмотрѣли другъ другу въ глаза; та и другая чувствовала, та и другая обнаруживала по своему грустное сознаніе перваго явнаго устраненія отъ довѣрія родителей. Обычная замкнутость Норы усиливалась въ ея угрюмомъ молчаніи; она сидѣла на одномъ изъ стульевъ передней и глядѣла насупленно въ отворенную наружную дверь. Магдалина выражала безцеремонно, какъ всегда когда была разстроена, свое неудовольствіе. „Мнѣ все равно знать или не знать; только мы обѣ жестоко оскорблены.“ Съ этими словами молодая дѣвушка послѣдовала примѣру сестры, сѣвъ на стулъ и устремивъ разсѣянно глаза свои въ отворенную дверь.

Въ эту минуту вошла миссъ Гартъ. Быстрый взглядъ ея показалъ ей необходимость вмѣшательства съ какимъ-нибудь практическимъ дѣломъ, а ея здравый смыслъ тотчасъ же указалъ и средство.

— Послушайте меня, начала миссъ Гартъ: — чтобы намъ втроемъ было хорошо, мы должны возвратиться къ нашимъ обычнымъ занятіямъ и дѣлать все попрежнему. Таково положеніе вещей: надобно принять его,

какъ говорятъ Французы. Я покажу вамъ примѣръ. Я только-что заказала отличный обѣдъ къ обыкновенному времени. Теперь я пойду за лѣкарствомъ для кухонной прислужницы; у бѣдной дѣвушки лицо ужасно распухло: все это отъ желудка. Между тѣмъ, вы милая Нора, отправитесь, по обыкновенію въ библіотеку за вашею работой и вашими книгами. А вамъ Магдалина, не лучше ли перестать тормошить свой платокъ, и употребить ваши пальчики для игры на фортепіано? Мы будемъ полдничать въ часъ, а потомъ поведемъ гулять собакъ. Будьте бодры и веселы, какъ я. Ну! вставайте, вставайте. Если вы не измѣните вашихъ нахмуренныхъ лицъ, то также вѣрно, какъ мое имя Гартъ, я напишу къ вашей матушкѣ, что не могу долѣе оставаться у васъ въ домѣ, и уѣду отсюда съ полдневнымъ поѣздомъ.

Окончивъ этими словами свое увѣщаніе, миссъ Гартъ провела Нору къ двери библіотеки, втолкнула Магдалину въ другую комнату, а сама направилась въ тѣ сферы, гдѣ находился шкафъ съ врачебными снадобьями.

Такимъ полушутливымъ, полусеріознымъ способомъ, она сохраняла нѣкоторое дружеское вліяніе на дочерей мистера Ванстона, послѣ того какъ ея прямыя обязанности въ качествѣ гувернантки прекратились. Нора, конечно, давно уже вышла изъ-подъ ея надзора; Магдалина недавно только что кончила свое воспитаніе. Но миссъ Гартъ жила такъ долго, и въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми, въ домѣ мистера Ванстона, что семейство не могло разстаться съ нею по одному формальному поводу; первый намекъ на отъѣздъ, который она сочла своею обязанностію сдѣлать, былъ встрѣченъ такимъ горячимъ протестомъ, что она уже не повторяла его болѣе, развѣ только въ шутку. Съ этого времени, все управленіе домомъ было предоставлено ей; къ обязанностямъ же домоуправленія, она свободна была присоединять какую хотѣла помощь Норѣ въ ея занятіяхъ чтеніемъ, и Магдалинѣ въ ея занятіяхъ музыкой. Таково было положеніе миссъ Гартъ въ домѣ мистера Ванстона.

Около полудня погода разгулялась. Въ половинѣ втораго солнце свѣтило уже ярко, и дамы, въ сопровожденіи собакъ, отправились гулять.

Онѣ перешли ручей, взобрались по каменистой тро-

пинкѣ на сосѣдніе холмы, потомъ свернувъ налѣво, направились домой по окольной дорогѣ, ведущей черезъ самое селеніе Комбъ-Ревенъ.

Подходя къ первымъ домикамъ, онѣ встрѣтили бродившаго по дорогѣ человѣка, который внимательно оглянулъ сначала Магдалину, потомъ Нору. Онѣ замѣтили только, что онъ былъ небольшаго роста, одѣтъ въ черномъ и незнакомъ имъ, и продолжали свой путь, не думая болѣе о встрѣченномъ пѣшеходѣ.

Миновавъ деревню и выйдя на дорогу ведущую прямо къ ихъ дому, миссъ Гартъ была удивлена замѣчаніемъ Магдалины, что незнакомецъ въ черномъ повернулся назадъ, и слѣдуетъ теперь за ними. „Онъ идетъ стороной Норы,“ прибавила она насмѣшливо: „не я значитъ магнитъ; не браните же меня.“

Имъ было все равно теперь, слѣдуетъ ли за ними господинъ или нѣтъ: онѣ уже подошли къ самому дому. Проходя въ ворота, миссъ Гартъ оглянулась и замѣтила, что незнакомецъ ускорилъ свой шагъ, съ намѣреніемъ, повидимому, вступить съ ней въ разговоръ. Она отослала дѣвицъ съ собаками въ комнаты, а сама осталась ждать у воротъ.

Только что окончились эти распоряженія, какъ незнакомецъ подошелъ къ дому. Онъ вѣжливо поклонился повернувшейся миссъ Гартъ. Кто бы такой это былъ? Съ виду, какъ будто духовная особа въ плохихъ обстоятельствахъ.

Снимая съ него портретъ, отъ макушки до пятъ, мы должны начать съ высокой шляпы обтянутой широкимъ, измятымъ траурнымъ крепомъ. За ней слѣдовало худое, длинное, желтоблѣдное лицо, сильно изъѣденное оспой и отличавшееся разноцвѣтными глазами,—одинъ желчно-зеленаго, другой желчно-каряго цвѣта,—глазами очень смышленными; сѣрые волосы его были тщательно зачесаны на вискахъ. Его щеки и подбородокъ были гладко выбриты; носъ римскій; губы, длинныя, тонкія, подвижныя, загибались на углахъ мягко-насмѣшливою улыбкой. Его бѣлый галстухъ былъ высокъ, жестокъ и прямъ, а воротничокъ, еще выше, жестче и прямѣе, торчалъ своими углами съ обѣихъ сторонъ подбородка. Вертлявая фигурка этого господина была обтянута изношеннымъ чернымъ платьемъ. Его фракъ, туго

застегнутый въ таліи, величественно топорщился на груди. Руки его были въ черныхъ бумажныхъ перчаткахъ, тщательно заштопанныхъ на пальцахъ, а зонтикъ, изношенный до нельзя, былъ покрытъ клеенчатымъ чахломъ. Смотря ему въ лицо, можно было дать ему лѣтъ пятьдесятъ и болѣе. Сзади же, спина и плечи его принадлежали, повидимому, тридцати-пятилѣтнему человѣку. Пріемы его отличались спокойною важностью. Открывая ротъ, онъ говорилъ густымъ басомъ, плодовито, обращая строгое вниманіе на обстоятельный выговоръ всѣхъ словъ состоящихъ болѣе чѣмъ изъ одного слога. Убѣжденіе лилось изъ его мягко кривившихся губъ, и какъ ни плохъ былъ его видъ, онъ съ ногъ до головы былъ украшенъ неувядающими цвѣтами учтивости.

— Это, кажется, мѣстопребываніе мистера Ванстона, началъ онъ, указывая круглымъ движеніемъ руки на домъ. —Я имѣю честь говорить съ кѣмъ-нибудь изъ семейства мистера Ванстона?

— Да, отвѣчала ничѣмъ не стѣснявшаяся миссъ Гартъ. —Вы говорите съ его гувернанткой.

Разговорчивый господинъ отступилъ на шагъ, оглянулъ гувернатку мистера Ванстона, потомъ снова сдѣлалъ шагъ впередъ, и продолжалъ разговоръ.

— А двѣ молодыя дѣвицы, произнесъ онъ,—двѣ дѣвицы шедшія съ вами, безъ сомнѣнія, дочери мистера Ванстона? Я узналъ смуглую, и какъ кажется, старшую, по ея сходству съ красавицей матерью. Младшая...

— Вы знакомы, надѣюсь, съ мистриссъ Ванстонъ? перебила миссъ Гартъ рѣчь незнакомца, которая становилась, на ея взглядъ, излишне свободною. Незнакомецъ засвидѣтельствовалъ этотъ перерывъ своей рѣчи однимъ изъ самыхъ вѣжливыхъ своихъ поклоновъ, и продолжалъ какъ будто ни въ чемъ не бывало.

— Младшая, я полагаю, похожа на отца. Ея лицо немного поразило меня. Глядя на него, съ моимъ дружескимъ расположеніемъ къ семейству, я нашелъ его крайне замѣчательнымъ. Я говорилъ себѣ—прелестно, характеристично, замѣчательно. Не похоже, однако, ни на сестру, ни на мать. Безъ сомнѣнія, на отца?

Миссъ Гартъ снова попробовала пріостановить потокъ словъ незнакомца. Ясно было, что онъ и не видалъ ни-

когда мистера Ванстона, иначе онъ не сказалъ бы, что Магдалина похожа на отца. Но лучше ли знаетъ онъ мистриссъ Ванстонъ? Онъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Кто же онъ такой? Какая наглость! Чего онъ хочетъ?

— Быть-можетъ вы изъ числа друзей дома, хотя я и не помню вашего лица, замѣтила миссъ Гартъ.—Что вамъ угодно, если позволите спросить? Вы желали, можетъ-быть, сдѣлать визитъ мистриссъ Ванстонъ?

— Я предвкушалъ удовольствіе видѣться съ мистриссъ Ванстонъ, отвѣчалъ этотъ настойчиво-уклончивый и вѣжливый господинъ.—Что она подѣлываетъ?

— Ничего особеннаго, отвѣчала миссъ Гартъ, чувствуя что ея вѣжливость начинаетъ измѣнять ей.

— Дома она?

— Нѣтъ.

— Надолго уѣхала?

— Уѣхала въ Лондонъ съ мистеромъ Ванстономъ.

Длинное лицо господина вытянулось тутъ еще болѣе. Его желчнокарій глазъ посмотрѣлъ недовольно; такъ же посмотрѣлъ и желчнозеленый. Движенія его стали замѣтно безпокойны, а выборъ словъ еще тщательнѣе прежняго.

— Надолго ли уѣхала мистрисъ Ванстонъ? спросилъ онъ.

— Недѣли на три, отвѣчала миссъ Гартъ. — Надѣюсь, вы достаточно сдѣлали мнѣ вопросовъ, продолжала она, не сдерживая подъ конецъ своего неудовольствія,—скажите же пожалуста ваше имя и объясните ваше дѣло. Если вы имѣете передать что-нибудь мистриссъ Ванстонъ, я могу взять это на себя, потому что буду писать ей съ вечернею почтой.

— Очень благодаренъ! Безподобная мысль! Позвольте мнѣ тотчасъ же воспользоваться ею.

Онъ не былъ нисколько смущенъ строгостью взглядовъ и словъ миссъ Гартъ; ея предложеніе просто вывело его изъ затруднительнаго положенія, и онъ вовсе не скрывалъ своего удовольствія. Въ этотъ разъ, его желчнозеленый глазъ первый принялъ спокойное выраженіе, за нимъ послѣдовалъ и желчнокарій. Его подвижныя губы выпятились впередъ; онъ сунулъ свой зонтикъ подъ мышку и вынулъ изъ боковаго кармана своего фрака большую старомодную записную книжку. Изъ книжки этой вынулъ онъ

карандашъ и листокъ бумаги, подумалъ съ минуту, потомъ быстро написалъ что-то и предупредительно подалъ его миссъ Гартъ.

— Я буду вамъ очень обязанъ, если вы вложите этотъ листокъ въ ваше письмо, проговорилъ онъ.—Приписывать обо мнѣ не стóитъ. Имени моего будетъ довольно, чтобы припомнить мистриссъ Ванстонъ одно семейное обстоятельство, которое, безъ сомнѣнія, было забыто ею. Позвольте поблагодарить васъ. Нынѣшній день былъ днемъ самыхъ пріятныхъ сюрпризовъ для меня. Я нашелъ здѣшнюю мѣстность замѣчательно-красивою; я видѣлъ двухъ прелестныхъ дочерей мистриссъ Ванстонъ; я познакомился съ почтенною наставницей въ семействѣ мистера Ванстона. Поздравля себя со всѣмъ этимъ, прошу у васъ извиненія за отнятіе у васъ дорогаго времени, благодарю еще разъ, и желаю вамъ добраго утра.

Онъ поднялъ свою высокую шляпу. Моргнулъ его карій глазъ, моргнулъ зеленый, изогнутыя губы улыбнулись сладко. Онъ повернулся на каблукахъ, очень эффектно мелькнула его моложавая спина, и быстрыя маленькія ноги зачастили по направленію къ селенію. Разъ, два, три, и онъ ужь у поворота дороги; четыре, пять, шесть, и онъ исчезъ.

Миссъ Гартъ взглянула на листокъ, бывшій въ ея рукѣ, потомъ съ бóльшимъ изумленіемъ посмотрѣла еще. На листкѣ значилось имя и адресъ господина, смотрѣвшаго духовною особой:

Капитанъ Реджъ. Почтовая контора въ Бристолѣ.

III.

Придя домой, миссъ Гартъ не стала скрывать дурнаго впечатлѣнія произведеннаго на нее незнакомцемъ въ черномъ. Онъ желалъ вѣроятно денежнаго пособія отъ мистриссъ Ванстонъ, думала она. Но не понятно, какое право на то имѣлъ онъ? развѣ право бѣднаго родственника? Упоминала ли когда-нибудь мистриссъ Ванстонъ, при своихъ дочеряхъ, о капитанѣ Реджѣ? Ни одна изъ нихъ не слыхала этого имени. Говорила ли когда-нибудь мистриссъ

Ванстонъ о бѣдномъ родственникѣ, зависѣвшемъ отъ нея? Напротивъ, она говорила недавно, что едва ли кто изъ ея родственниковъ остался еще въ живыхъ. А между тѣмъ, капитанъ Реджъ положительно объявилъ, что имя на карточкѣ должно припомнить мистриссъ Ванстонъ одно „семейное обстоятельство.“ Что бы это значило? Ложное показаніе незнакомца, безъ всякаго понятнаго основанія? Или вслѣдъ за таинственною поѣздкой въ Лондонъ является уже новая тайна?

Все заставляло предполагать нѣкоторую загадочную связь между „семейнымъ дѣломъ“, побудившимъ мистера и мистриссъ Ванстонъ оставить такъ быстро домъ, и „семейнымъ обстоятельствомъ“, въ которомъ замѣшано имя капитана Реджа. Сомнѣнія предшествовавшаго дня воскресли въ памяти миссъ Гартъ, когда она запечатывала свое письмо къ мистриссъ Ванстонъ, со вложенною въ него карточкой капитана.

Съ первою почтой пришелъ отвѣтъ.

Вставая всегда раньше всѣхъ господъ въ домѣ, миссъ Гартъ сидѣла одна въ столовой, когда принесено было письмо. Пробѣжавъ его мелькомъ, она убѣдилась въ необходимости прочесть его внимательно и наединѣ, чтобъ избѣгнуть какого-нибудь затруднительнаго вопроса со стороны дѣвицъ. Она приказала служанкѣ передать Норѣ, чтобы та сдѣлала сегодня чай, и ушла наверхъ въ свою комнату.

Письмо мистриссъ Ванстонъ было довольно длинно. Первая его часть касалась капитана Реджа и объясняла подробно кто онъ, и что привело его въ Комбъ-Ревенъ.

Изъ объясненій мистриссъ Ванстонъ оказывалось, что мать ея была два раза замужемъ. Первый мужъ ея матери былъ нѣкто докторъ Реджъ, вдовецъ съ малолѣтними дѣтьми; къ числу ихъ принадлежитъ и этотъ, не похожій на военнаго, капитанъ, съ адресомъ „Почтовая контора въ Бристолѣ.“ Мистриссъ Реджъ не имѣла дѣтей отъ перваго мужа, и по смерти его вышла за отца мистриссъ Ванстонъ. Единственнымъ ребенкомъ отъ этого втораго брака была сама мистриссъ Ванстонъ. Она потеряла своихъ родителей въ молодости, и съ годами родственники ея матери, бывшіе тогда и ей самыми близкими родственниками, перемерли одинъ за другимъ. Въ настоящее время

у нея нѣтъ родственниковъ, развѣ какіе-нибудь очень дальніе, которыхъ она никогда не видѣла и о существованіи которыхъ до настоящей минуты не имѣла положительныхъ свѣдѣній.

При такихъ обстоятельствахъ, какое семейное требованіе можетъ быть у капитана Реджа отъ мистрисъ Ванстонъ?

Никакого. Сына перваго мужа матери мистриссъ Ванстонъ, отъ его первой жены, нельзя было считать родственникомъ, при самой большой любезности. Зная хорошо это (продолжало письмо), онъ навязывался къ ней однако въ дальніе родственники, и она была уступчива къ нему только изъ опасенія, чтобъ онъ въ противномъ случаѣ не навязался къ мистеру Ванстону, и не сталъ бы злоупотреблять его великодушіемъ. Не желая, чтобы ея мужа безпокоилъ и, по всей вѣроятности, обманывалъ человѣкъ, считавшій себя, хотя и неосновательно, ея родственникомъ, она уже нѣсколько лѣтъ помогала капитану изъ собственныхъ денегъ, съ условіемъ чтобъ онъ никогда не приближался къ дому, и никогда ни съ чѣмъ не обращался къ мистеру Ванстону.

Соглашаясь съ неосторожностью этого поведенія, мистриссъ Ванстонъ объясняла, что она тѣмъ охотнѣе рѣшилась на него, что, еще въ дѣтствѣ привыкла видѣть капитана живущимъ насчетъ то одного, то другаго родственника ея матери. Владѣя способностями, при которыхъ онъ могъ бы имѣть успѣхъ на какомъ угодно поприщѣ, онъ однако съ самыхъ раннихъ лѣтъ срамилъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Его выгнали изъ милиціи, въ которомъ онъ получилъ чинъ. Онъ переходилъ потомъ отъ одного гоненія къ другому, и вездѣ безчестилъ себя. Онъ женился на одной бѣдной необразованной дѣвушкѣ, прислужницѣ въ какой-то таверны низшаго разряда, когда этой дѣвушкѣ досталась неожиданно небольшая сумма денегъ, которую онъ промоталъ немилосердо, до послѣдней копѣйки. Короче, это былъ неисправимый негодяй, усугубляющій теперь свои прежнія вины нарушеніемъ условія, подъ которымъ мистриссъ Ванстонъ помогала ему. Вмѣстѣ съ письмомъ къ миссъ Гартъ, она отправила письмо и къ капитану, по указанному на его

карточкѣ адресу, въ такихъ выраженіяхъ, которыя не позволятъ ему, какъ думала и надѣялась она, сунуться въ другой разъ къ дому. Этимъ оканчивалась первая часть письма мистриссъ Ванстонъ, касавшаяся исключительно капитана Реджа.

Хотя эти объясненія заставляли предполагать въ мистриссъ Ванстонъ слабость характера, которой, послѣ многихъ лѣтъ близкаго знакомства, не замѣчала въ ней никогда миссъ Гартъ, однако она приняла ихъ, тѣмъ болѣе что они могли быть вкратцѣ сообщены обѣимъ дѣвицамъ, для успокоенія ихъ раздраженнаго любопытства. Потому-то, въ особенности, она съ удовольствіемъ прочла первую половину письма. Далеко не таково было впечатлѣніе второй его половины.

Она была посвящена объясненію поѣздки въ Лондонъ.

Мистриссъ Ванстонъ начинала словами о долгой и тѣсной дружбѣ, соединявшей съ нею миссъ Гартъ. Во имя этой дружбы, она считала теперь своею обязанностью откровенно объяснить причину, которая заставила ее предпринять эту поѣздку. Миссъ Гартъ не показывала изъ деликатности, но должна была удивляться, и навѣрное удивляется теперь загадочности, которою былъ окруженъ ея отъѣздъ; вѣроятно, она спрашивала себя: чѣмъ связана мистриссъ Ванстонъ (при ея независимости относительно родственниковъ) съ „семейными дѣлами“, касавшимися въ сущности только мистера Ванстона?

Оставляя въ сторонѣ эти дѣла, мистриссъ Ванстонъ говорила потомъ, что она однимъ прямымъ объясненіемъ разсѣетъ всѣ недоразумѣнія миссъ Гартъ касательно себя. Сопровождая своего мужа въ Лондонъ, она желала видѣть одного знаменитаго врача, чтобы посовѣтоваться съ нимъ на счетъ своего здоровья. Короче и проще,—на счетъ возможности стать снова матерью.

Когда мысль о томъ явилась у ней въ первый разъ, она не придала ей никакого значенія. Время, прошедшее со времени рожденія ея послѣдняго ребенка, серіозныя болѣзни перенесенныя ею послѣ ранней смерти этого ребенка, наконецъ ея лѣта,—все заставляло ее отвергать эту мысль. Но мысль эта не оставляла ея. Потому-то она рѣшилась посовѣтоваться съ высшимъ врачебнымъ авторитетомъ и

уѣхала, не желая пугать дочерей приглашеніемъ къ себѣ лондонскаго врача. Мнѣніе врача извѣстно теперь. Предположеніе ея подтверждается; разрѣшеніе, котораго слѣдуетъ ожидать въ концѣ лѣта, при ея лѣтахъ и сложеніи, возбуждаетъ серіозное безпокойство. Медикъ успокоиваетъ ее какъ можетъ, но она понимаетъ смыслъ его вопросовъ яснѣе чѣмъ онъ думаетъ, и знаетъ, что онъ очень опасается за будущее.

Открывъ эти обстоятельства, мистриссъ Ванстонъ просила, чтобъ они оставались тайною между ею и миссъ Гартъ. Она не хотѣла говорить о своихъ предположеніяхъ миссъ Гартъ до тѣхъ поръ пока они не подтвердились; ей особенно хотѣлось бы, чтобы дочери ея не встревожились. Лучше не говорить имъ объ этомъ теперь, и подождать лѣта. Она надѣялась, что всѣ они благополучно свидятся двадцать третьяго числа, назначеннаго мистеромъ Ванстономъ для возвращенія. Этимъ извѣщеніемъ и обыкновенными поклонами письмо оканчивалось отрывисто и неловко.

Въ первое время, по прочтеніи письма, сочувствіе къ мистриссъ Ванстонъ безраздѣльно наполнило душу миссъ Гартъ. Скоро, однако, въ умѣ ея зародилось нѣкоторое сомнѣніе, испугавшее и разстроившее ее. Было ли только что прочитанное ею объясненіе вполнѣ удовлетворительно и полно? Нѣтъ, не совсѣмъ...

Въ день своего отъѣзда, мистриссъ Ванстонъ оставила домъ, положительно, въ хорошемъ расположеніи духа. Въ ея лѣта и при ея здоровьи, совмѣстно ли веселое расположеніе духа съ подобною поѣздкой къ доктору? Затѣмъ, это письмо изъ Новаго Орлеана, вызвавшее отъѣздъ мистера Ванстона, не имѣло ли вліянія также и на отъѣздъ жены? Иначе, отчего бы такъ тревожно взглянула она, когда дочь назвала почтовый штемпель? Всѣ пріемы ея въ день полученія письма и въ день отъѣзда, не заставляютъ ли предполагать другихъ, не выясненныхъ въ письмѣ причинъ?

Если всѣ эти предположенія основательны, то заключеніе, выведенное изъ нихъ миссъ Гартъ, было очень неутѣшительно. Мистриссъ Ванстонъ, во имя своей долгой дружбы къ миссъ Гартъ, повидимому, довѣрялась ей вполнѣ въ одномъ, скрываясь отъ нея въ другомъ обстоятель-

ствѣ. Откровенная и прямая во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, миссъ Гартъ не хотѣла доводить своихъ сомнѣній до такого результата: она пугалась и въ мысли оскорбить испытаннаго, дорогаго друга.

Она заперла письмо въ письменный столъ, встала рѣшительно, чтобы предаться ежедневнымъ занятіямъ, и сошла снова въ столовую. Одно было вѣрно: мистеръ и мистриссъ Ванстонъ возвратятся домой двадцать третьяго числа. Почемъ знать, какія объясненія привезутъ они съ собою?

IV.

Никакихъ объясненій не привезли они съ собою; никакія ожиданія, основанныя на ихъ возвращеніи, не сбылись. О заповѣдномъ предметѣ поѣздки ихъ въ Лондонъ не было рѣчи ни со стороны хозяина, ни со стороны хозяйки. Какова бы ни была цѣль ихъ, они повидимому успѣшно достигли ея, ибо они возвратились совершенно такими, какими были всегда. Мистриссъ Ванстонъ была такъ же спокойна, какъ и прежде; ненарушимая веселость мистера Ванстона была попрежнему непринужденна и безпечна. Вотъ все что̀ можно было замѣтить послѣ ихъ путешествія. Домашній переворотъ совершился ли уже? И тайна, такъ глубоко скрываемая, была ли скрыта на вѣки?

Ничто въ мірѣ не скрыто на вѣки. Золото, невѣдомо лежавшее многія столѣтія въ землѣ, вдругъ показывается на поверхности. Песокъ становится измѣнникомъ, и выдаетъ шаги отпечатлѣвшіеся на немъ; вода вскидываетъ на обличительную поверхность утопленное тѣло. Даже огонь даетъ въ пеплѣ показанія о сожженныхъ на немъ веществахъ. Ненависть обнаруживается глазами; поцѣлуй становится Іудой-предателемъ любви. Неизмѣнный законъ всеобнаруженія есть одинъ изъ законовъ природы: вѣчное храненіе тайны есть чудо еще невѣдомое міру.

Какимъ путемъ должна была открыться комбъ-ревенская тайна? Въ какомъ обстоятельствѣ обычной жизни отца, матери, дочерей, законъ всеобнаруженія долженъ былъ заявить себя? Онъ заявилъ себя (непредвидимо для родителей и дѣтей) въ первомъ обстоятельствѣ случившемся по возвращеніи мистера и мистриссъ Ванстонъ,—обстоя-

тельствѣ, казавшемся съ виду не важнѣе самой обыкновенной церемоніи утренняго визита.

Черезъ три дня по возвращеніи хозяевъ Комбъ-Ревена, всѣ дамы сидѣли вмѣстѣ въ утренней комнатѣ. Изъ оконъ глазъ обнималъ цвѣтникъ и рощицу, обнесенную изгородью, съ калиткой выходившею на полевую дорожку. Въ промежуткѣ разговора, вниманіе дамъ было привлечено къ этой калиткѣ рѣзкимъ звукомъ отодвинутой желѣзной щеколды. Кто-то вошелъ въ рощу, и Магдалина придвинула стулъ къ окну, чтобы подсмотрѣть гостя изъ-за деревьевъ.

Фигура какого-то господина показалась черезъ нѣсколько минутъ у соединенія тропинки изъ рощи съ извивистою садовою дорожкой, ведущею къ дому. Магдалина внимательно посмотрѣла на него, не узнавая сначала. Когда же онъ приблизился, она вскочила, съ удивленіемъ, и объявила матери и сестрѣ, что господинъ въ саду никто иной, какъ „мистеръ Франсисъ Клеръ.“

Названный гость былъ сынъ стараго товарища и ближайшаго сосѣда мистера Ванстона.

Мистеръ Клеръ, отецъ, занималъ простенькій домикъ, почти у самой изгороди сада, означавшей границу комбъ-ревенскихъ владѣній. Принадлежа къ младшей линіи одной очень старинной фамиліи, онъ получилъ отъ своихъ предковъ лишь одно важное наслѣдство,—великолѣпную библіотеку, которая наполняла не только всѣ комнаты его скромнаго жилища, но даже лѣстницы и корридоры. Книги были единственною важною заботой въ жизни мистера Клера. Много лѣтъ уже былъ онъ вдовцомъ, и не скрывалъ своего философическаго равнодушія къ потерѣ жены. На свою семью, состоявшую изъ трехъ сыновей, смотрѣлъ онъ какъ на неизбѣжную домашнюю напасть, постоянно грозившую святилищу его кабинета и безопасности его книгъ. Когда мальчики отправлялись въ школу, мистеръ Клеръ говорилъ имъ: „прощайте“, а себѣ—„славу Богу!“ Съ такой же насмѣшливо-равнодушной точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на свои малыя средства и на свое крошечное хозяйство, любя называть самого себя „нищимъ съ родословной“. Онъ отдалъ все хозяйство въ руки неопрятной старухи, бывшей его единственною служанкой, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она не болѣе одного разу въ годъ

дотрогивалась своею метелкой до его книгъ. Любимыми поэтами его были Горацій и Попъ, избранными философами—Гоббсъ и Вольтеръ. На свѣжій воздухъ выходилъ онъ не охотно, и гулялъ всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ, по самой дурной дорогѣ во всей окрестности. Станъ его былъ сутуловатъ, а нравъ вспыльчивъ; онъ могъ переваривать рѣдьку и спать послѣ зеленаго чаю. Взглядъ его на человѣческую природу былъ діогеновскій, смягченный немного философіей Ларошфуко; привычки въ высшей степени неряшливы, а любимое хвастовство заключалось въ томъ, что онъ не поддается никакимъ людскимъ предразсудкамъ.

Таковъ, снаружи, былъ этотъ странный человѣкъ. А таились ли подъ этою наружностью какія-нибудь высокія качества, этого еще никто не открылъ. Правда, мистеръ Ванстонъ утверждалъ, что лицевая сторона мистера Клера дастъ о немъ и самое невыгодное и самое ошибочное понятіе; но этого мнѣнія не раздѣлялъ никто изъ сосѣдей. Сношенія между этими двумя, столь противоположными людьми, длились уже долго, и были на столько тѣсны, что могли назваться дружбой. Оба привыкли, въ извѣстные дни, сходиться вечеркомъ покурить въ кабинетѣ циника-философа и поспорить о всякой всячинѣ,—мистеръ Ванстонъ потрясая ассерторическою дубинкой, а мистеръ Клеръ подпуская острыя шпильки софистики. Они ссорились обыкновенно вечеромъ, а на другой день сходились помириться на нейтральной почвѣ кустарника. Связь такъ странно утвердившаяся между ними усиливалась со стороны мистера Ванстона, сердечнымъ участіемъ, которое принималъ онъ въ трехъ сыновьяхъ сосѣда,—участіемъ, которое было очень благодѣтельно для нихъ, такъ какъ ихъ отецъ былъ чуждъ предразсудковъ въ пользу своихъ дѣтей.

— Я смотрю на этихъ ребятъ, говорилъ, обыкновенно, нашъ философъ,—съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ; неважной случайности ихъ рожденія я не придаю никакого значенія, и нахожу ихъ ниже обыкновеннаго уровня во всѣхъ отношеніяхъ. Единственное право на существованіе бѣднаго джентльмена въ девятнадцатомъ столѣтіи, это—необыкновенныя способности. Дѣти мои были тупы съ дѣтства. Еслибъ у меня былъ капиталъ, я сдѣлалъ бы Франка мясникомъ, Сесиля булочникомъ, а Артура мелочнымъ торговцемъ; это, кажется, единственныя занятія, въ кото-

рыхъ люди нуждаются всегда. Но у меня нѣтъ денегъ, чтобы помочь имъ, а у нихъ нѣтъ мозгу, чтобы помочь себѣ. Они кажутся мнѣ тремя изліествами въ грязныхъ куртkахъ и шумливыхъ сапогахъ, и если они не сбѣгутъ куда-нибудь сами, то я, право, не знаю что̀ съ ними дѣлать.

Къ счастію для дѣтей, взгляды мистера Ванстона не были свободны отъ обыкновенныхъ людскихъ предразсудковъ. По его ходатайству, сыновья мистера Клера были приняты въ одну очень хорошую школу. Въ праздники, имъ позволялось играть въ паркѣ мистера Ванстона, а домашнее сближеніе съ мистриссъ Ванстонъ и ея дочерьми развивало ихъ нравственно и утончало ихъ манеры. Бывало, мистеръ Клеръ выйдетъ изъ дому (въ своемъ утреннемъ шлафрокѣ и туфляхъ) и посмотритъ въ окно дома или въ щель забора на нихъ, будто на дикихъ звѣрковъ, которыхъ сосѣдъ старается сдѣлать ручными.

— Вы съ женой славные люди, говаривалъ онъ мистеру Ванстону.—Я отъ души уважаю ваше благородное пристрастіе къ моимъ ребятамъ. Но вы, право, слишкомъ балуете ихъ. Я говорю совершенно безпристрастно, замѣтьте мое слово, Ванстонъ: изъ всѣхъ троихъ не выйдетъ ничего путнаго, несмотря на все что̀ вы для нихъ дѣлаете.

Когда Франку минуло семнадцать лѣтъ, эти странныя отношенія сосѣдей заявились еще страннѣе. Одинъ гражданскій инженеръ, въ сѣверной части Англіи, обязанный чѣмъ-то мистеру Ванстону, предложилъ взять къ себѣ въ ученье Франка на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. При этомъ предложеніи, мистеръ Клеръ, какъ всегда, передалъ свои отцовскія обязанности мистеру Ванстону, и затѣмъ сталъ сдерживать, въ качествѣ безпристрастнаго зрителя, родительское рвеніе сосѣда.

— Ничего лучше нельзя было бы пожелать для Франка, кричалъ мистеръ Ванстонъ, въ пылу своего отцовскаго восторга.

— Почтенный другъ мой, ему не пойдетъ это въ прокъ, возражалъ мистеръ Клеръ, съ холодностію безпристрастнаго друга.

— Пойдетъ, настаивалъ мистеръ Ванстонъ.

— Да, еслибъ у него была математическая голова, перебивалъ мистеръ Клеръ,—еслибъ онъ былъ прилеженъ, честолюбивъ, настойчивъ. Нѣтъ! вы смотрите на него не моими без-

пристрастными глазами. Повторяю, у него нѣтъ никакихъ математическихъ способностей, ни прилежанія, ни честолюбія, ни настойчивости. Франкъ—это смѣсь отрицательныхъ качествъ.

— Плюньте вы на ваши отрицательныя качества! кричалъ мистеръ Ванстонъ.—Я не хочу знать ни отрицательныхъ, ни положительныхъ! Франкъ воспользуется этимъ блистательнымъ случаемъ, и я готовъ держать съ вами пари на что угодно, что онъ воспользуется самымъ лучшимъ образомъ.

— У меня нѣтъ средствъ, чтобы часто держать пари, отвѣчалъ мистеръ Клеръ,—но кажется у меня въ домѣ найдется гинея, и я готовъ держать пари на нее, что Франкъ воротится къ намъ какъ фальшивый шиллингъ.

— Извольте, произнесъ мистеръ Ванстонъ.—Впрочемъ, погодите минуту. Я не хочу обижать молодца, держа за него пари на равную сумму; ставлю пять гиней за одну. Стыдитесь говорить о немъ такъ дурно. Какіе у васъ тамъ фокусъ-покусы въ виду—не знаю, но знаю, что вы заставляете меня всегда заступаться за него, какъ будто я его отецъ, а не вы. Дай вамъ только волю, вы станете тотчасъ возражать. Но я не допущу, я не желаю слушать вашихъ доводовъ. По вашему черное выйдетъ бѣлымъ. Пускай такъ по вашему, а по нашему иначе. Говорите въ возраженіе хоть десять словъ на одно, а я напишу утвердительно моему пріятелю, съ сегодняшнею же почтой, въ интересѣ Франка.

Такимъ то образомъ, мистеръ Франсисъ Клеръ отправился, семнадцати лѣтъ, въ сѣверную Англію, чтобы начать свое жизненное поприще въ качествѣ гражданскаго инженера.

Отъ времени до времени, пріятель мистера Ванстона переписывался съ нимъ, по поводу своего ученика. Франка находили тихимъ, приличнымъ, любезнымъ молодымъ человѣкомъ, но нѣсколько тугимъ въ изученіи инженерной науки. Другія письма говорили о немъ, какъ о человѣкѣ слишкомъ мало увѣренномъ и отчаявшемся въ себѣ, котораго послали теперь на работы по желѣзнымъ дорогамъ, чтобы новая обстановка подняла его духъ, что и случилось, но спеціяльныя его занятія подвигались все еще туго. Далѣе, извѣщали объ его отъѣздѣ, подъ надежнымъ надзоромъ, на работы въ Бельгію, говорили о пользѣ, которую принесла ему эта перемѣна, хвалили его

ловкость и любезныя манеры, много помогавшія при сношеніяхъ съ иностранцами, но умалчивали о главномъ вопросѣ,—о его успѣхахъ въ наукѣ. Всѣ эти письма показывались добросовѣстно Ванстономъ отцу Франка. При каждомъ изъ нихъ, мистеръ Клеръ торжествовалъ надъ Ванстономъ, а послѣдній ссорился съ первымъ.

— На дняхъ вы пожалѣете о вашемъ пари, говорилъ циникъ-философъ.

— На дняхъ, я буду имѣть великое удовольствіе прибрать себѣ вашу гинею, кричалъ вспыльчивый другъ.

Два года прошло съ отъѣзда Франка. На третій годъ вопросъ былъ рѣшенъ.

Черезъ два дня по возвращеніи мистера Ванстона изъ Лондона, онъ былъ отозванъ отъ завтрака прежде чѣмъ успѣлъ просмотрѣть письма пришедшія съ утреннею почтой. Сунувъ ихъ въ одинъ изъ кармановъ своей охотничьей жакетки, онъ унесъ ихъ съ собою, и потомъ при удобномъ случаѣ вынулъ ихъ изъ кармана для прочтенія. Онъ зацѣпилъ въ одну горсть всѣ письма, за исключеніемъ одного, именно окончательнаго извѣщенія отъ гражданскаго инженера, который писалъ о прекращеніи своихъ отношеній къ своему воспитаннику, и о немедленномъ возвращеніи Франка домой.

Въ то время какъ это важное извѣщеніе оставалось не прочтеннымъ въ карманѣ мистера Ванстона, Франкъ ѣхалъ домой, не теряя времени. Въ половинѣ одиннадцатаго, вечеромъ, мистеръ Клеръ, сидя въ своемъ уединеніи за книгами и зеленымъ чаемъ, въ компаніи любимой черной кошки, услышалъ вдругъ въ корридорѣ чьи-то шаги; затѣмъ дверь отворилась, и передъ нимъ очутился Франкъ.

Обыкновенные люди удивились бы. Но спокойствіе нашего философа не нарушалось пустяками, въ родѣ неожиданнаго возвращенія старшаго сына. Онъ смотрѣлъ такъ же спокойно изъ-за своей ученой книги, какъ еслибы Франкъ отлучался не на три года, а на три минуты.

— Вышло именно то что я предсказывалъ, произнесъ мистеръ Клеръ.—Не безпокой меня своими объясненіями, и не пугай кошки. Если на кухнѣ есть что-нибудь съѣстное, возьми, и затѣмъ ступай спать. Завтра можешь идти въ Комбъ-Ревенъ и сказать отъ меня мистеру Ванстону: Отецъ кланяется вамъ, сэръ, а меня прислали къ вамъ

обратно какъ „фальшивый шиллингъ“, по его выраженію. Его гинея остается за нимъ, а онъ получаетъ съ васъ пять, и надѣется, что вы припомните его слова. Вотъ и все. Затвори за собою дверь. Спокойной ночи.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ явился на другой день мистеръ Франсисъ Клёръ въ Комбъ-Ревенъ, и, не зная какъ встрѣтятъ его, медленно приближался къ дому.

Неудивительно, что Магдалина не узнала его съ перваго разу. Онъ уѣхалъ семнадцатилѣтнимъ юношей, а возвращался двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Его худощавая фигура пріобрѣла теперь силу и грацію, и достигла средняго роста. Некрупныя черты лица, наслѣдованныя имъ, какъ полагали, отъ матери, сложились и округлились теперь, не потерявъ прежней тонкости. Борода его только что обрастала, и скромно пробивались на щекахъ бакенбарды. Его пріятные блуждающіе темные глаза шли бы болѣе женскому лицу; для мужскаго—имъ не доставало мысли и твердости. Руки его такъ же все ходили какъ и глаза, безпрерывно мѣняя положеніе, тормоша и крутя что-нибудь попадавшееся имъ. Онъ былъ, безспорно, красивъ собою, ловокъ, съ порядочными манерами; но внимательный наблюдатель не могъ не подумать, смотря на него, что сила стариннаго рода износилась въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, и что мистеръ Франсисъ Клеръ представлялъ собою болѣе тѣнь нежели сущность своихъ предковъ.

Когда удивленіе, произведенное его появленіемъ, прошло немного, начали искать извѣстительнаго письма. Оно было найдено на днѣ объемистаго кармана мистера Ванстона и тотчасъ же прочитано имъ.

Главныя объясненія инженера заключались въ слѣдующемъ. У Франка не было необходимыхъ для избраннаго имъ поприща способностей, и безполезно было бы терять время на дѣло, къ которому онъ не имѣлъ призванія. Такъ какъ это убѣжденіе раздѣлялось, послѣ трехлѣтняго испытанія, обѣими сторонами, то инженеръ считалъ лучшимъ отослать ученика домой, и откровенно представить обстоятельства отцу и его друзьямъ. На другихъ поприщахъ, къ которымъ онъ болѣе способенъ и которыми болѣе будетъ интересоваться, онъ выкажетъ, безъ сомнѣнія, трудолюбіе и настойчивость, которыхъ не доставало ему на покинутомъ имъ теперь поприщѣ. Лично любили его всѣ,

и всѣ многочисленные пріобрѣтенные имъ на сѣверѣ друзья желаютъ ему отъ души счастія. Такова была сущность письма.

Многіе сочли бы объясненія инженера слишкомъ осторожными и, заподозривъ его въ желаніи по возможности умалить зло, серіозно отчаялись бы въ будущемъ Франка. Мистеръ Ванстонъ не такъ смотрѣлъ на вещи; онъ былъ слишкомъ мало расположенъ уступать своему старому противнику почву, на которой могъ еще держаться, и потому онъ не могъ такъ неблагопріятно объяснять себѣ это письмо. Чѣмъ Франкъ виноватъ, что у него нѣтъ способностей нужныхъ для инженера? Развѣ другіе молодые люди не ошибаются въ своихъ карьерахъ? Множество начинаютъ этакъ, а потомъ дѣлаютъ чудеса. Проникнутый этими доводами, нашъ добрый баринъ хлопнулъ Франка по плечу. „Не горюй, дружокъ! проговорилъ онъ. „Мы поквитаемся съ твоимъ отцомъ на дняхъ, хоть теперь онъ и выигралъ пари!“

Примѣру хозяина дома послѣдовало все семейство, за исключеніемъ одной Норы, которой неисправимая церемонность и сдержанность не очень любезно заявляли себя въ холодномъ обращеніи съ гостемъ. Всѣ остальные, начиная съ Магдалины (которая была любимою подругой Франка въ дѣтствѣ), безъ труда, стали обращаться съ нимъ по старому. Его называли „Франкомъ“ всѣ, кромѣ Норы, говорившей ему „мистеръ Клеръ“. Даже разказъ его о вчерашнемъ пріемѣ отца не разъ смѣшилъ Нору. Она сидѣла, отвернувъ въ сторону свое смуглое прекрасное лицо съ опущенными глазами и съ краской, игравшею сильнѣе обыкновеннаго на ея щекахъ. Всѣ другіе, и въ томъ числѣ миссъ Гартъ, расхохотались при передачѣ привѣтственной рѣчи мистера Клера. Шумъ и смѣхъ достигли высшей степени, когда вошедшій слуга неожиданно прервалъ его докладомъ о гостяхъ: „Мистеръ Маррабль; мистрисъ Маррабль и миссъ Маррабль; Эвергринъ-Лоджъ, Клифтонъ.“

Нора поднялась такъ охотно, какъ будто новопріѣзжіе были облегченіемъ для нея. За ней встала мистрисъ Ванстонъ. Онѣ отправились первыя на встрѣчу гостямъ. Магдалина, предпочитавшая общество отца и Франка, хотѣла непремѣнно остаться, но миссъ Гартъ, оставивъ ее

на пять минутъ, взяла потомъ и выпроводила изъ комнаты.

Франкъ также всталъ, чтобъ уйдти.

— Нѣтъ, нѣтъ, остановилъ его мистеръ Ванстонъ.—Не уходи. Гости эти не останутся долго. Мистеръ Маррабль—бристольскій купецъ. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ, когда дочки заставляли меня возить ихъ на вечера въ Клифтонъ. Очень дальнее знакомство. Пойдемъ лучше покуримъ сигару въ оранжереѣ. Провалъ бы побралъ всѣхъ этихъ незванныхъ гостей; — тревожатъ только. Я явлюсь подконецъ съ извиненіемъ, а ты придешь спустя немного, въ доказательство того, что я дѣйствительно былъ занятъ.

Шепотомъ условившись въ этомъ, мистеръ Ванстонъ взялъ Франка подъ руку и провелъ его заднимъ ходомъ. Первыя десять минутъ, въ оранжереѣ, прошли спокойно. Но вдругъ, воздушный образъ въ свѣтломъ платьѣ мелькнулъ сквозь стекло, дверь широко отворилась, горшки повалились съ поклономъ передъ чьею-то юпкой, и младшая дочь мистера Ванстона кинулась стремглавъ къ отцу.

— Папа! мечта всей моей жизни сбылась! проговорила она, овладѣвъ языкомъ.—Я улечу отъ восторга. Маррабли пріѣхали съ приглашеніемъ. Отгадай, душечка, отгадай, что у нихъ будетъ въ Эвергринъ-Лоджѣ?

— Балъ, отвѣчалъ, не сомнѣваясь ни минуты, отецъ.

— Домашній спектакль! воскликнула Магдалина, своимъ звучнымъ молодымъ голосомъ, раздавшимся въ оранжереѣ словно звонъ колокольчика, и восторженно хлопая руками, при чемъ ея широкіе рукава откинулись назадъ, обнаживъ круглыя бѣлыя ручки до самыхъ ямочекъ локтей. —Піесу зовутъ Соперники," папа, — „Соперники" сочиненіе знаменитаго автора какъ-бишь-его,—и они приглашаютъ меня играть! Ничего на свѣтѣ мнѣ такъ не хотѣлось!.... Все зависитъ отъ тебя... Мама покачиваетъ головой, миссъ Гартъ смотритъ грозно, а Нора такъ же хмуро, какъ всегда; но если ты скажешь *да*, онѣ всѣ уступятъ. Ну, скажи *да*, просила она, прижимаясь нѣжно къ отцу; и приложивъ съ любовью свои губы къ его уху, прошептала:—Скажи да, и я буду пай-дѣвочкой на всю жизнь.

— Не пай-дѣвочкой, а сумасбродною дѣвочкой, слѣдовало бы сказать, произнесъ мистеръ Ванстонъ.—Провались они и съ ихъ спектаклями! Пойду и узнаю въ чемъ дѣло. Не

бросай сигары, Франкъ. Тебѣ нечего дѣлать тамъ, и ты можешь остаться здѣсь.

— Нѣтъ не можетъ, возразила Магдалина.—И ему есть дѣло.

До этого мистеръ Франсисъ Клеръ скромно оставался назади. Тутъ онъ выступилъ впередъ, оцѣпенѣвъ отъ удивленія.

— Да, продолжала Магдалина, отвѣчая очень спокойно на его изумленный взглядъ.—Вы также играете. Мы съ миссъ Маррабль переговорили уже и рѣшили все въ пять минутъ. Еще двѣ роли не заняты въ піесѣ. Одна—роль Люси, горничной, которую возьму я,—съ позволенія папа, прибавила она, лукаво ущипнувъ руку отца:—и онъ позволитъ, да, да? Позволитъ, вопервыхъ, потому что онъ душечка, вовторыхъ, потому что я люблю его и онъ любитъ меня; втретьихъ, потому что мы никогда не расходимся съ нимъ въ мнѣніяхъ (не такъ ли?); вчетвертыхъ, потому что я поцѣлую его, что̀, естественно, закроетъ ему ротъ и рѣшитъ все дѣло. Боже мой, я совсѣмъ заговорилась. Что̀ я хотѣла сказать? Ахъ да! Что касается до Франка...

— Извините, началъ было тутъ протестовать Франкъ.

— Вторая незанятая роль піесы, продолжала Магдалина, не обращая никакого вниманія на протестъ,—это Фалкландъ, ревнивый любовникъ съ отборными рѣчами. Мы толковали съ миссъ Маррабль особенно о роли Фалкланда, въ то время когда другіе заняты были своимъ разговоромъ. Она восхитительная дѣвушка, такая впечатлительная, такая чувствительная, и безъ всякой аффектаціи. Она довѣрилась мнѣ. Говоритъ: „наша бѣда, что мы не можемъ найдти мущину, который справился бъ съ ужасными трудностями роли Фалкланда.“ Понятно, что мнѣ стало жаль ея. Я и говорю: „я знаю господина, который возьметъ эту роль тотчасъ же.“ — „Ахъ, Боже мой! кто же это?“—„Мистеръ Франсисъ Клеръ.“—„А гдѣ же онъ?“—„Здѣсь въ домѣ, въ настоящую минуту.“—„Будете вы такъ добры, миссъ Вантонъ, чтобы сходить за нимъ?“—„Схожу, съ большимъ удовольствіемъ, миссъ Маррабль.“ Я оставила окно, бросилась въ утреннюю комнату, почуяла запахъ сигары, побѣжала за нимъ, и вотъ, какъ видите, передъ вами.

— Я знаю, что приглашеніе играть—любезность, прого-

ворилъ въ большомъ затрудненіи Франкъ.—Но я надѣюсь, что вы и миссъ Маррабль извините меня...

— Ни за что. Миссъ Маррабль и я, обѣ мы отличаемся твердостью характера. Если мы говоримъ, что такой-то будетъ играть роль Фалкланда, мы не шутимъ. Пойдемте, я представлю васъ.

— Но я никогда не пробовалъ играть, я не умѣю вовсе.

— Ничего не значитъ. Если вы не умѣете, я научу васъ.

— Ты научишь! воскликнулъ мистеръ Ванстонъ.—Да тыто что̀ понимаешь?

— Полно шутить, папа! Я глубоко убѣждена, что могу сыграть всякую роль піесы, не исключая и роли Фалкланда. Не заставляйте меня просить васъ вторично, Франкъ. Пойдемте представляться.

Она взяла отца подъ руку и направилась къ дверямъ оранжереи. На лѣсенкѣ, она обернулась посмотрѣть слѣдуетъ ли за нею Франкъ. То было дѣломъ мгновенія, но въ это мгновеніе ея природная повелительная твердость возвысилась вліяніемъ красоты, приказала и покорила; Нѣжно глядѣла она; легкій румянецъ игралъ на ея щекахъ; радость искрилась въ ея глазахъ; торсъ изогнулся съ таліи и выказалъ всю свою нѣжную силу, всю свою гибкую твердость, всю свою обворожительную змѣиную грацію.—Идемъ! вскрикнула она, кокетливо взбрасывая голову. — Идемъ, Франкъ!

Мало нашлось бы сорокалѣтнихъ людей, которые не покорились бы ей въ эту минуту. Франку только что минуло двадцать лѣтъ. Другими словами, онъ бросилъ сигару, и послѣдовалъ за ней.

Когда, обернувшись, онъ затворялъ дверь и не видѣлъ ее передъ собою, его нежеланіе участвовать въ домашнемъ спектаклѣ воскресло опять. У крыльца, онъ остановился снова, сорвалъ съ ближняго деревца вѣтку, переломилъ ее и сталъ смотрѣть безпокойно направо и налѣво. Тропинка налѣво вела къ дому отца, путь спасенія былъ открытъ. Почему бы не свернуть ему на этотъ путь?

Въ то время, какъ онъ стоялъ внизу въ нерѣшимости, мистеръ Ванстонъ съ дочерью взошли на крыльцо. Снова обернулась Магдалина, и взглянула, непреодолимая красавица, съ своею всепокоряющею улыбкой. Снова кивнула

она головой, и сноза послѣдовалъ онъ за ней, взошелъ на крыльцо и переступилъ порогъ. Дверь затворилась за ними.

Такъ-то, путемъ незначащаго приглашенія съ одной стороны, незначащаго послушанія съ другой, безъ всякаго подозрѣнія съ его стороны, безъ всякой мысли съ ея, о неоткрытой еще тайнѣ путешествія въ Лондонъ, направились они, многими темными извилинами, къ открытію этой тайны.

V.

На разспросы мистера Ванстона насчетъ предполагаемаго спектакля въ Эвергринъ-Лоджѣ, ему отвѣчали драматическимъ разказомъ, въ которомъ миссъ Маррабль олицетворяла невинность, а отецъ и мать были главными жертвами.

Миссъ Маррабль была жесточайшимъ изъ деспотовъ, какъ единственная дочь у своихъ родителей. Она не дала ни одного конституціоннаго права своимъ родителямъ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ прорѣзался у нея первый зубъ. Скоро должно было совершиться ей семнадцать лѣтъ; она рѣшила отпраздновать это торжество спектаклемъ, отдала нужныя приказанія, и покорные родители повиновались ей, какъ всегда, безпрекословно. Мистриссъ Маррабль предоставила въ ея распоряженіе свою гостиную. Мистеръ Маррабль пригласилъ одного почтеннаго спеціалиста для обученія дѣвицъ и джентльменовъ, и для завѣдыванія всѣмъ устройствомъ театра. Помирившись потомъ съ ломкою мебели и мараніемъ стѣнъ, съ шумомъ и гамомъ, съ вѣчнымъ хлопаніемъ дверей и скрипомъ шаговъ по лѣстницамъ, номинальные хозяева дома вообразили, что главныя заботы ихъ кончены. Невинное и злополучное заблужденіе! Въ домашнихъ спектакляхъ мало приготовить сцену и выбрать піесу: надо еще найдти актеровъ. До сихъ поръ Эвергринъ-Лоджъ зналъ только мелкія предварительныя безпокойства по дѣлу; важныя были еще всѣ впереди.

Выбравъ *Соперниковъ*, миссъ Маррабль, безъ сомнѣнія, взяла себѣ роль „Лидіи Ленгвишъ“. Одинъ изъ ея пріятелей взялъ потомъ роль „Капитана Абсолюта“, а другой захватилъ „Сэръ Люсіуса О'Триггера“. За ними, одна любезная пожилая дѣвушка, родственница, согласилась принять труд-

ную роль „Мистриссъ Малапропъ“, и тѣмъ кончилось дѣло. Оставалось раздать еще девять ролей, и тутъ-то начались серіозныя безпокойства.

Всѣ друзья, въ первый разъ въ жизни, оказались вдругъ ненадежными. Одобряя мысль спектакля, они не соглашались однако участвовать въ немъ, или, взявъ роли, бросали ихъ потомъ, ссылаясь на трудности, или требовали ролей, которыя были уже взяты, отказываясь отъ незанятыхъ, или жаловались на слабое здоровье, чувствуя себя дурно именно тогда когда назначалась репетиція, или придумывали какихъ-нибудь пуританскихъ родственниковъ. Между тѣмъ обойщики работали, и сцена воздвигалась. Миссъ Маррабль, дѣвушка очень нервическая, стала приходить въ истерику подъ наплывомъ этихъ нескончаемыхъ заботъ; домашній докторъ объявилъ, что онъ не отвѣчаетъ за нервныя послѣдствія, если все не будетъ устроено къ лучшему. Начались новыя усилія. Стали искать актеровъ и актрисъ, съ отчаяннымъ невниманіемъ къ ихъ годности. Необходимость, не признающая никакихъ законовъ ни въ театрѣ, ни внѣ его, заставила отдать роль „сэръ Антони Абсолюта“ восьмнадцатилѣтнему юношѣ, благо режиссеръ обѣщался снабдить его необходимыми морщинами изъ неограниченнаго запаса сценическихъ средствъ. Одна плотная леди неизвѣстныхъ лѣтъ, но „съ сердцемъ на своемъ мѣстѣ“ вызвалась сыграть роль сентиментальной „Юліи“, обладая однимъ существеннымъ драматическимъ условіемъ, именно тѣмъ что она и въ обыкновенной своей жизни носила парикъ. Благодаря этимъ сильнымъ мѣрамъ, были разобраны главныя роли піесы, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ затруднительныхъ: „Люси“ горничной, и „Фалкланда“ ревниваго любовника „Юліи“. Являлись мущины, видѣли „Юлію“ на репетиціи, замѣчали ея полноту и парикъ, оставляя безъ вниманія то, что ея сердце на мѣстѣ, и пожелавъ успѣха, извинялись и уходили. Дамы читали роль „Люси“ замѣчали, что роль ея хороша въ первой половинѣ піесы, но исчезаетъ во второй, и что такимъ образомъ лицо теряется изъ виду публики, въ то время какъ другія имѣютъ возможность привлечь на себя вниманіе въ концѣ, потомъ закрывали книгу, извинялись и уходили. Черезъ недѣлю наступалъ день представленія; двухсотенная фаланга свѣтскихъ мучениковъ была приглашена на вечеръ; три пол-

ныя репетиціи были необходимы, а между тѣмъ двѣ роли оставались еще незанятыми. Съ этою-то печальною исторіей и съ почтительнѣйшими извиненіями за безпокойство нѣкоторыхъ знакомыхъ, явились Маррабли въ Комбъ Ревенъ предложить дѣвицамъ роль „Люси“ и кому бы то ни было роль „Фалкланда“, съ нищенскою назойливостью семейства въ отчаянномъ положеніи.

Изложеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ передъ слушателями, въ числѣ которыхъ былъ отецъ въ родѣ мистера Ванстона и дочь въ родѣ Магдалины, произвело результаты, которые можно было угадать съ самаго начала.

Не понялъ ли мистеръ Ванстонъ, или не хотѣлъ понять, молчанія жены и миссъ Гартъ, какъ бы то ни было онъ не только позволилъ Магдалинѣ помочь дѣлу, но и обѣщался пріѣхать съ Норой на представленіе. Мистриссъ Ванстонъ отказалась ѣхать, ссылаясь на свое разстроенное здоровье, а миссъ Гартъ обѣщала быть въ „числѣ присутствующихъ“, если только она не будетъ нужна дома. „Роли“ Люси и Фалкланда (возимыя огорченнымъ семействомъ съ собою всюду) были тутъ же вручены актерамъ. Робкія извиненія Франка не обратили на себя никакого вниманія; дни и часы репетиціи были въ точности назначены на оберткахъ „ролей“. Маррабли отецъ, мать и дочь, при отъѣздѣ разсыпáлись въ выраженіяхъ благодарности отъ двери гостиной до самой садовой калитки.

Какъ только уѣхала карета, Магдалина вдругъ измѣнилась.

— Если будутъ сегодня гости, произнесла она съ глубоко-серіознымъ взглядомъ и движеніемъ,—меня нѣтъ дома. Дѣло мое гораздо важнѣе чѣмъ всѣ вы думаете. Ступайте куда-нибудь, Франкъ, и прочтите вашу роль, да какъ можно повнимательнѣе. Меня нельзя видѣть до вечера. Если хотите, то, съ позволенія папа, приходите сюда вечеромъ, послѣ чаю; мои взгляды относительно роли Фалкланда будутъ тогда къ вашимъ услугамъ. Томасъ, скажите садовнику чтобы никакихъ садоводственныхъ шумовъ не происходило подъ моимъ окномъ. Все остальное время дня я буду погружена въ изученіе роли,—и чѣмъ тише будетъ въ домѣ, тѣмъ благодарнѣе буду я каждому его обитателю.

Прежде чѣмъ миссъ Гартъ могла открыть огонь съ своей

ЛАРИНСКАЯ ГИМНАЗІЯ.

батареи, прежде чѣмъ успѣлъ раздаться первый взрывъ задушевнаго хохота мистера Ванстона, она поклонилась всѣмъ съ непоколебимою важностью, пошла, а не побѣжала, какъ всегда, по лѣстницѣ, и удалилась въ свою комнату. Безпомощность и изумленіе Франка еще усиливали куріозное впечатлѣніе этой сцены. Онъ переступалъ съ ноги на ногу, свертывая и развертывая свою роль, и смотря жалостно на окружавшихъ.—„Я знаю, что не могу исполнить роль, проговорилъ онъ: можно мнѣ зайдти сюда послѣ чаю, чтобы послушать Магдалину? Благодарю васъ; я зайду около восьми часовъ. Пожалуста, не говорите ничего объ этомъ дѣлѣ отцу: онъ отъ меня не отстанетъ.“ Вотъ все что онъ могъ найдтись выговорить. Онъ пошелъ по направленію къ рощѣ, съ развернутою ролью въ своихъ рукахъ,—въ рукахъ самаго неспособнаго изъ Фалкландовъ и самаго безпомощнаго изъ людей.

Удаленіе Франка освободило семейство отъ чужаго человѣка и было, поэтому, сигналомъ нападокъ на неисправимую отцовскую слабость мистера Ванстона.

— О чемъ ты думалъ, право, Андру, когда давалъ свое позволеніе? сказала мистрисъ Ванстонъ.—Кажется, молчанія моего было тебѣ достаточнымъ намекомъ, чтобъ отказать.

— Ошибка, мистеръ Ванстонъ, подтвердила миссъ Гартъ.—При самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ—ошибка.

— Быть можетъ и ошибка, вступилась, какъ всегда, Нора за отца;—но я, право, не понимаю, какимъ образомъ папа, или другой кто-нибудь, могъ бы отказать въ подобныхъ обстоятельствахъ.

— Совершенно справедливо, моя милая, подтвердилъ мистеръ Ванстонъ.—Обстоятельства, какъ ты сказала, вынудили меня. Съ одной стороны, эти люди въ бѣдѣ; съ другой бѣшеная Магдалина. „Методистическихъ“ возраженій у меня не нашлось, да и вообще во мнѣ нѣтъ ничего такого. На чемъ другомъ могъ я основать свой отказъ? Маррабли почтенные люди, и у нихъ собирается лучшее клифтонское общество. Какая бѣда можетъ случиться съ ней въ ихъ домѣ? Если вы говорите о приличіи и тому подобномъ, то отчего Магдалина не можетъ дѣлать того что дѣлаетъ миссъ Маррабль? Пусть себѣ дѣвочки веселяться и забавляются. Мы сами были молоды, и нечего теперь вздорить; вотъ вамъ вся моя рѣчь.

Окончивъ эту характеристическую защиту своего поведенія, мистеръ Ванстонъ отправился снова въ оранжерею выкурить другую сигару.

— Я не сказала этого отцу, замѣтила Нора, взявъ мать подъ руку, —но по моему, самымъ дурнымъ послѣдствіемъ игры будетъ излишнее сближеніе между Магдалиною и Франсисомъ Клеромъ.

— Ты предубѣждена противъ Франка, ангелъ мой, отвѣчала ей мистриссъ Ванстонъ.

Глубокіе, загадочные, темные глаза Норы опустились тутъ: она не сказала болѣе ни слова. Мнѣнія ея были непоколебимы, но спорить она не спорила ни съ кѣмъ. Въ ней былъ недостатокъ всѣхъ скрытныхъ характеровъ— упрямство, и великое достоинство ихъ — молчаніе. „Что у тебя въ головѣ?“ думала въ это время миссъ Гартъ, устремляя пристальный взглядъ на смуглое, поникшее лицо Норы. „Ты изъ числа не разъяснимыхъ. Балованная Магдалина видна насквозь; ты же темна какъ ночь.“

Наступалъ вечеръ, а Магдалина все еще оставалась запертою въ своей комнатѣ. Не раздавалось безпокойныхъ шаговъ на лѣстницѣ, не тараторилъ неугомонный язычокъ повсюду, съ кухни до чердака, какъ обыкновенно, и домъ, безъ вѣчно-шумливаго члена своего, не былъ похожъ на себя. Желая убѣдиться собственными глазами въ дѣйствительности необыкновенной перемѣны, происшедшей съ Магдалиною, миссъ Гартъ пошла къ ея комнатѣ, постучала два раза у двери, и, не получая отвѣта, отворила дверь и заглянула внутрь.

Передъ зеркаломъ, въ креслѣ, сидѣла Магдалина въ своемъ утреннемъ платьѣ, съ распущенными по плечамъ волосами, погруженная въ изученіе своей роли. А сзади ея сидѣла горничная, тихо расчесывая длинныя тяжелыя пряди барышниныхъ волосъ, съ соннымъ видомъ женщины уже долгое время занимающейся этимъ дѣломъ. Лучи солнца, проникая сквозь закрытыя зеленыя жалузи, освѣщали мягкимъ свѣтомъ двѣ спокойно сидѣвшія женскія фигуры, маленькую бѣлую постель, съ узлами розовыхъ лентъ, придерживавшими занавѣсь, и съ приготовленнымъ къ обѣду свѣтлымъ платьемъ на ней, расписную ванну съ чистою бѣлою глазурью внутри, туалетъ съ блестящими вещицами, хрустальными сткляночками, серебрянымъ

колокольчикомъ, украшенному фигуркой Купидона вмѣсто ручки, и множествомъ бездѣлушекъ обыкновенно украшающихъ женскую спальню. Спокойная нѣга всей сцены, свѣжій запахъ цвѣтовъ и духовъ разлитый въ воздухѣ, восторженная фигура Магдалины поглощенной чтеніемъ, монотонная правильность движеній локтя и руки дѣвушки, расчесывавшей барышнины волосы,—все производило ласкающее впечатлѣніе дремотнаго, сладостнаго покоя. По одну сторону двери стоялъ бѣлый день съ обычными дрязгами жизни; по другую—міръ елисейскаго блаженства, святилище невозмутимаго отдыха.

Миссъ Гартъ остановилась на порогѣ, и молча оглянула комнату.

Странная страсть Магдалины къ расческѣ, во всякое время, волосъ своихъ принадлежала къ числу извѣстныхъ всему дому особенностей ея характера. Отецъ ея шутилъ всегда надъ этимъ говоря, что она напоминаетъ ему кошку, которую гладятъ по спинѣ, и что когда это чесаніе бываетъ продолжительно, то онъ такъ и ждетъ, что она замурлыкаетъ. При всей странности, сравненіе было довольно удачно. Горячій темпераментъ дѣвушки доводилъ чисто-женское удовольствіе, испытываемое женщинами при проходѣ гребня по волосамъ, до роскошной нѣги погружавшей ее въ такое явное, въ такое глубоко-дремотное наслажденіе, что оно невольно напоминало наслажденіе балованной кошки подъ гладящею рукой. Миссъ Гартъ хорошо знала эту страсть, и теперь, въ первый разъ, видѣла ее въ связи съ умственнымъ занятіемъ Магдалины. Интересуясь, потому, какъ долго продолжалось это чесаніе объ руку съ ученіемъ, она рѣшилась спросить сначала барышню, и не получивъ отвѣта, горничную.

— Да почти что съ самаго полдника, отвѣчала дѣвушка.— Миссъ Магдалина говоритъ, что это ей и пріятно, и полезно.

Зная по опыту, что вмѣшательство, въ этихъ обстоятельствахъ, не будетъ имѣть результатовъ, миссъ Гартъ быстро повернулась и вышла. Улыбка пробѣжала по ея лицу. Случается иногда, что женскій умъ заглядываетъ въ будущее. Миссъ Гартъ пророчески жалѣла будущаго несчастнаго мужа Магдалины.

За обѣдомъ, наша прекрасная ученица была въ томъ же

умственно-поглощенномъ положеніи. Въ обыкновенное время, аппетитъ Магдалины поразилъ бы ужасомъ всѣхъ этихъ сдабодушныхъ сентименталистовъ, которые прикидываются не понимающими значенія пищи въ производствѣ женской красоты. Теперь же, она отказывалась отъ блюда за блюдомъ, съ фанатизмомъ мученичества самаго рѣдкаго въ наше время,— мученичества гастрическаго.

— Я поняла роль Люси, замѣчала она съ самою чинною важностію.—Теперь надо заставить Франка понять роль Фалкланда. Я не вижу тутъ ничего смѣшнаго; при моей отвѣтственности, всѣ вы были бы также серіозны. Нѣтъ, папа, сегодня не надо вина, благодарю тебя. Я не должна мутить ума. Воды, Томасъ, да немного желе, прежде чѣмъ вы уберете его.

Впрочемъ явился Франкъ; онъ не понималъ ни слова въ своей роли, и она взялась за него, какъ пожилая учительница взялась бы за лѣниваго мальчугана. Нѣсколько попытокъ, сдѣланныхъ имъ, для измѣненія строго-практическаго характера вечернихъ занятій, примѣшиваніемъ кой-гдѣ комплиментовъ ей, были отбиты ею съ презрительнымъ самообладаніемъ пожилой особы. Она буквально силою заставляла его учить роль. Отецъ ея задремалъ въ своемъ креслѣ. Мистриссъ Ванстонъ и миссъ Гартъ, не интересуясь этимъ занятіемъ, ушли въ дальній конецъ комнаты и заговорили между собою. Вечеръ подвигался все болѣе и болѣе, а Магдалина ни на минуту не отрывалась отъ своего дѣла, — ни на минуту также не переставала Нора зорко наблюдать за своею сестрою. Подозрѣніе все сильнѣе и сильнѣе выказывалось на ея лицѣ, когда, глядя на сестру и Франка, замѣчала она какъ близко сидѣли они другъ подлѣ друга, занятые однимъ общимъ дѣломъ. Часы на каминѣ пробили половину двѣнадцатаго, когда настойчивая Люси позволила наконецъ бѣдному Фалкланду закрыть на ночь свою учебную книгу.

— Она удивительно умна, говорилъ Франкъ, прощаясь въ дверяхъ съ мистеромъ Ванстономъ.—Если позволите, я приду завтра послушать ее. Мнѣ кажется, я никакъ не одолѣю своей роли; только не говорите ей этого. Пока она вбиваетъ мнѣ въ голову одну реплику, другая въ это время

вылетаетъ вонъ изъ головы. Плохо дѣло, не правда ли? Покойной ночи.

Черезъ день назначена была первая полная репитиція. Наканунѣ мистриссъ Ванстонъ была очень разстроена. Въ уединенной бесѣдѣ съ миссъ Гартъ, она припомнила о своемъ письмѣ изъ Лондона, упрекала себя за слабость, съ которою допустила наглое притязаніе капитана Реджа на родство съ ней, потомъ заговорила о своемъ здоровьи и о томъ что̀ ожидаетъ ее лѣтомъ—такъ уныло, что было грустно слушать ее. Чтобы разсѣять ее, миссъ Гартъ при первой возможности перемѣнила разговоръ, коснулась приближающагося спектакля и успокоила тутъ мистриссъ Ванстонъ, объявивъ, что станетъ сопровождать Магдалину на всѣ репетиціи, не спуская съ нея глазъ до самаго возвращенія домой. Потому-то, когда въ роковой день Франкъ явился въ Комбъ-Ревенъ, онъ нашелъ миссъ Гартъ, готовою, въ качествѣ Аргуса, сопровождать Люси и Фалкланда. Желѣзная дорога, въ назначенное время, доставила ихъ въ Эвергринъ-Лоджъ, и въ часъ началась репетиція.

VI.

— Надѣюсь, что миссъ Ванстонъ знаетъ свою роль? тревожно и шепотомъ спрашивала мистриссъ Маррабль у миссъ Гартъ, въ одномъ изъ угловъ театра.

— Если пріемы и грація составляютъ силу сценическаго искусства, ма'мъ, то игра Магдалины удивитъ насъ всѣхъ.

Съ этими словами миссъ Гартъ вынула свою работу и сѣла для наблюденія, въ самой срединѣ партера.

Режиссеръ усѣлся, между тѣмъ, съ книгой въ рукахъ, прямо противъ сцены. То былъ маленькій, проворный человѣчекъ, пріятнаго и веселаго характера. Онъ подалъ знакъ начинать очень хладнокровно, какъ будто дѣло нисколько не безпокоило его ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Лица, начинающія комедію, „Работникъ“ и „Кучеръ“, вышли на сцену, показались слишкомъ высокими для декорацій, изображавшихъ „улицу въ Батѣ“, заявили обычное неумѣніе владѣть своими руками, ногами и языкомъ, нѣсколько разъ неправильно оставляли сцену и, наконецъ,

выразили хохотомъ за сценой свое полнѣйшее удовлетвореніе результатами.—„Безъ шуму пожалуста, господа, замѣтилъ веселый режиссеръ; — шумите сколько угодно на сценѣ, но публика не должна слышать васъ за сценой. Миссъ Маррабль, готовы ли вы? А вы миссъ Ванстонъ? Легче тамъ съ „Улицей въ Батѣ“, она поднимается криво... Сюда лицомъ, миссъ Маррабль; Миссъ Ванстонъ....“ Онъ вдругъ остановился.—„Удивительно,“ замѣтилъ онъ про себя: „она сама повернулась лицомъ къ публикѣ!“ Люси начинала слѣдующими словами: „Право, сударыня, я обѣжала половину города въ поискахъ; кажется, нѣтъ книжной лавки въ Батѣ, гдѣ бы я не была.“ Режиссеръ приподнялся на своемъ стулѣ. „Чудеса да и только! Она говоритъ безъ подсказыванія!“ Діалогъ продолжался. Люси разказывала, какъ миссъ Лидія Ленгвишъ читаетъ тайкомъ. Режиссеръ вскочилъ на ноги. „Удивительно! Не суетится съ книгами, не роняетъ ихъ.“ Она всматривалась въ заглавія, прежде чѣмъ называла ихъ барынѣ; она отложила „Гомфри Клинкера“ и „Слезы Чувствительности“ съ ужимками, намѣкавшими на ихъ противоположность. Затѣмъ она докладываетъ о визитѣ Юліи,—затѣмъ она присядаетъ съ ловкостью бойкой субретки,—затѣмъ наконецъ она сходитъ со сцены именно въ ту сторону какъ показано въ книгѣ. Режиссеръ вертѣлся на своемъ стулѣ и смотрѣлъ во всѣ глаза на миссъ Гартъ.

— Извините, пожалуста, сударыня, проговорилъ онъ наконецъ:—миссъ Маррабль говорила мнѣ, что миссъ Ванстонъ играетъ въ первый разъ. Можетъ ли это быть?

— Да, дѣйствительно въ первый, произнесла миссъ Гартъ, отражая на своемъ лицѣ удивленный взглядъ режиссера. Неужели въ самомъ дѣлѣ рвеніе, съ какимъ Магдалина изучила свою роль, проистекало изъ серіознаго интереса, который свидѣтельствовалъ о врожденной способности?

Репетиція продолжалась. Полная леди съ парикомъ (и прекраснымъ сердцемъ) представляла сентиментальную Юлію съ крайне-трагической точки зрѣнія и, въ первой сценѣ, тормошила свой платокъ, словно сумашедшая. Старая дѣвушка родственница приняла обмолвки и шутки въ роли „мистриссъ Малапропъ“ такъ серіозно, что рѣчь ея похожа была на упражненіе въ словопроизношеніи. Бѣдняга, спасшій общество

принятіемъ на себя роли „серъ Антони Абсолюта“, изобличалъ свои юные годы и вспыльчивость характера то дрожью въ ногахъ, то безпрестаннымъ стуканьемъ палкой по сценѣ. Медленно и нескладно, съ постоянными перерывами и ошибками, тянулся первый актъ, пока не явилась кончить его Люси съ признаніемъ въ своей притворной простотѣ и въ то же время похваляясь своею ловкостью.

Тутъ сцена представляла затрудненія, какихъ Магдалина не встрѣчала прежде — и ея неопытность была причиной не одной явной ошибки съ ея стороны. Режиссеръ, съ увѣреніемъ незамѣченнымъ въ немъ по отношенію къ другимъ, вмѣшивался тотчасъ же и поправлялъ ее. То ей слѣдовало выждать минуту и пройдтись по сценѣ,—она сейчасъ же и исполнила это. То остановиться, вскинуть голову и смѣло посмотрѣть на зрителей; она исполнила и это. Не можетъ ли она (говорилъ ей режиссеръ), развертывая бумагу, чтобы перечесть полученные ею подарки, щелкнуть пальчикомъ по бумагѣ? (Да.) И похохотать немножко? (Послѣ двухъ попытокъ—да.) Перечисляя пункты, не можетъ ли она, при каждомъ изъ нихъ, лукаво взглядывать на партеръ? (Да, прямо на партеръ, и такъ лукаво, какъ вамъ будетъ угодно.) Режиссеръ былъ чрезвычайно доволенъ; онъ сунулъ свою книгу подъ мышку и весело захлопалъ въ ладони; мужчины, стоявшіе за кулисами, послѣдовали его примѣру; дамы переглянулись, какъ бы говоря, не лучше ли было бы не вербовать этого новаго рекрута. Слишкомъ занятая своею ролью, чтобъ обращать на кого-нибудь вниманіе, Магдалина попросила позволенія повторить свой монологъ. Она повторила его, не сдѣлавъ на этотъ разъ ни одной ошибки съ начала до конца; у режиссера, при видѣ ея вниманія къ его замѣчаніямъ, невольно вырвалось одобрительное восклицаніе.

— Понимаетъ намекъ! воскликнулъ человѣчекъ, хлопнувъ рукой по суфлерской тетради.—Если бываютъ на свѣтѣ природныя актрисы, такъ вотъ она!

„Надѣюсь, что нѣтъ,“ проговорила про себя миссъ Гартъ, поднимая выпавшую изъ ея рукъ работу и глядя на свою воспитанницу съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Она не ожидала этого; самое худшее чего она опасалась отъ этой театральной затѣи была бы развѣ какая-нибудь вѣтренность съ кѣмъ-нибудь изъ джентльменовъ,—но этого она не ожидала. Съ

Магдалиной, какъ вѣтреною дѣвочкой, легко было справиться. Но ладить съ Магдалиной, какъ природною актрисой, дѣло бы вышло нелегкое въ послѣдствіи.

Репетиція продолжалась. Люси возвратилась на сцену во второмъ актѣ,—послѣднемъ, гдѣ она является вмѣстѣ съ серъ-Люсіусомъ и работникомъ. Здѣсь снова неопытность Магдалины была причиной нѣкоторыхъ ошибокъ, и здѣсь снова удивила она всѣхъ своею рѣшимостію атаковать свои ошибки и побѣдить ихъ. „Браво!“ кричали мущины за кулисами, когда она настойчиво исправляла промахъ за промахомъ. „Какъ это смѣшно, замѣчали дамы,—при такой незначительной роли!“ „Господи помилуй!“ думала миссъ Гартъ, невольно соглашаясь съ общимъ мнѣніемъ. „Я готова пожелать, чтобы мы превратились въ папистовъ, и чтобы завтра же можно было посадить ее въ монастырь.“ Одинъ изъ лакеевъ мистера Маррабля явился въ это время. Она немедленно послала его за кулисы сказать, что такъ какъ миссъ Ванстонъ исполнила что слѣдуетъ на репетиціи, то чтобъ она шла сюда и сѣла бы подлѣ. Слуга возвратился съ вѣжливымъ извиненіемъ: „Миссъ Ванстонъ кланяется и проситъ извинить ее; она подсказываетъ мистеру Клеру“. Она такъ хорошо подсказывала ему, что онъ выполнилъ свою роль. Игра другихъ господъ была глупа, однако съ претензіями. Франкъ былъ степенью выше ихъ: онъ былъ плохъ и скроменъ, и выигрывалъ при сравненіи. „Благодаря миссъ Ванстонъ,“ замѣтилъ режиссеръ, слышавшій хлопоты ея. Она вытянула его. Непріятно будетъ, на представленіи, когда кончится второй актъ и публика распрощается съ нею. Ужасно жалко, что ей не досталось лучшей роли!“

– Ужасно счастливо, напротивъ, пробормотала, слыша это, миссъ Гартъ.—Теперь, публика по крайней мѣрѣ не совсѣмъ вскружитъ ей голову аплодисментами. Она оставляетъ сцену послѣ втораго акта,—хоть это хорошо!

Серіозные умы никогда не выводятъ заключеній наскоро; умъ миссъ Гартъ принадлежалъ къ числу серіозныхъ; слѣдовательно, говоря силогизмомъ, миссъ Гартъ не должна была бы дѣлать торопливыхъ заключеній. Высказанная ею про себя утѣшительная мысль была бы умѣстна лишь тогда, когда бы спектакль преодолѣлъ всѣ препятствія и вышелъ бы на долго-жданный путь успѣха. Этого однако

не было. Злая судьбина не покинула еще семейства Марраблей.

Когда кончилась репетиція, никто не замѣтилъ, что полная дама въ парикѣ удалилась куда-то; точно также никто не придалъ значенія ея отсутствію во время завтрака, приготовленнаго гостепріимнымъ мистеромъ Марраблемъ въ одной изъ сосѣднихъ съ театромъ комнатъ. Лишь на второй репетиціи обнаружилось дѣло. Юлія не явилась въ назначенный часъ. Вмѣсто нея, мистрисъ Маррабль мрачно приблизилась къ сценѣ съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ. Она держала себя всегда самымъ скромнымъ образомъ, она вполнѣ владѣла всѣми вѣжливыми выраженіями англійскаго языка; но неудачи, вмѣстѣ съ театральными волненіями, вывели изъ себя даже и эту спокойную матрону Первый разъ въ жизни употребила мистрисъ Маррабль нѣсколько энергическихъ жестовъ и сильныхъ словъ. Во всю длину руки протянула она письмо къ дочери. „Другъ мой, проговорила она съ какимъ-то благоговѣйнымъ видомъ:—надъ нами тяготѣетъ проклятіе.“ Прежде чѣмъ удивленная компанія могла спросить объясненія, она повернулась и вышла. Глаза режиссера почтительно проводили ее, какъ бы одобряя ея удаленіе—съ театральной точки зрѣнія.

Какое же новое бѣдствіе обрушилось на спектакль? Послѣднее и злѣйшее изъ всѣхъ. Полная дама отказалась отъ своей роли.

Не съ злою цѣлью, впрочемъ. Сердце ея, бывшее всегда на мѣстѣ, и теперь не покинуло его. Ея объясненія служили тому новымъ доказательствомъ. Письмо ея начиналось съ того, что на прошлой репетиціи она услышала (совершенно нечаянно) нѣсколько замѣчаній о себѣ. Они относились къ ея волосамъ и фигурѣ; повтореніемъ ихъ она не желаетъ огорчать мистриссъ Маррабль. Она не станетъ также называть именъ, потому что не въ ея характерѣ дѣлать дурное еще болѣе дурнымъ. При ея самоуваженіи, отказъ отъ роли показался ей всего болѣе умѣстнымъ. Она посылаетъ его къ мистриссъ Маррабль, прося много разъ извиненія за смѣлость принять на себя моложавую роль при ея „годахъ,“ какъ выразился одинъ господинъ, и при недостаткахъ ея „волосъ и фигуры,“ какъ замѣтили, безжалостно, двѣ дамы. Найдти болѣе молодую и пріятную исполнительницу роли Юліи, вѣроятно, не трудно. Она

совершенно прощаетъ, въ то же время, обидчикамъ, и душевно желаетъ спектаклю успѣха.

Спектакль долженъ былъ состояться черезъ четыре дня. Да, если какое-либо предпріятіе нуждалось въ добрыхъ пожеланіяхъ, то, безспорно, театральная затѣя въ Эвергринъ-Лоджѣ.

Кресло было принесено на сцену и миссъ Маррабль опустилась въ него, готовясь къ истерическому припадку. Магдалина, не теряя времени, бросилась впередъ, выхватила письмо изъ рукъ миссъ Маррабль и остановила грозившую опасность.

— Она злая старуха, произнесла она, разрывая письмо на кусочки и бросая ихъ на головы черной компаніи.—Но я скажу ей одно,—она не повредитъ спектаклю, я сыграю Юлію.

— Браво! воскликнулъ хоръ мущинъ, и громче всѣхъ изъ нихъ, анонимный господинъ, который участвовалъ и въ проказѣ (иначе мистеръ Франсисъ Клеръ).

— Если вы хотите знать правду, продолжала Магдалина,— то я не стану скрываться. Я, одна изъ тѣхъ дамъ, о которыхъ она упоминаетъ. Я сказала, что у ней волосы точно швабра, а талія настоящій тюфякъ. И правда.

— А я другая изъ двухъ дамъ, прибавила родственница,—но я замѣтила только, что она слишкомъ полна для своей роли.

— А я тотъ господинъ, о которомъ она говоритъ, дополнилъ Франкъ, поощряемый примѣромъ другихъ.—Я ничего самъ не говорилъ, я только согласился съ мнѣніемъ дамъ.

Но тутъ уже миссъ Гартъ обратилась къ сценѣ.

— Позвольте, однако, произнесла она.—Вы все-таки этимъ не поможете бѣдѣ. Если Магдалина станетъ играть Юлію, кто же станетъ играть Люси?

Миссъ Маррабль откинулась снова на спинку кресла, и снова ей сдѣлалось дурно.

— Пустяки! воскликнула Магдалина:—дѣло очень просто; я стану играть и Юлію, и Люси.

Тотчасъ же обратились за совѣтомъ къ режиссеру. Уничтоженіе перваго появленія Люси и обращеніе короткаго діалога о романахъ въ монологъ для Лидіи Ленгвишъ, были важнѣйшими перемѣнами необходимыми для исполненія

предложеній Магдалины. Двѣ сцены съ Люси въ концѣ перваго и втораго актовъ были достаточно отдалены отъ тѣхъ сценъ, гдѣ являлась Юлія, чтобы дать время для перемѣны костюма. Даже миссъ Гартъ, всячески старавшаяся отыскать какія-нибудь затрудненія, не могла найдти новыхъ. Вопросъ былъ окончательно рѣшенъ въ пять минутъ, и репетиція пошла своимъ порядкомъ. Магдалина изучала роль Юліи на сценѣ, съ книгой въ рукахъ, а на возвратномъ пути домой объявила, что намѣрена просидѣть за ролью всю ночь. Франкъ замѣтилъ, что у нея не останется времени помогать ему на сценѣ. Она кокетливо ударила его по плечу своею тетрадкой. „Какъ же мнѣ быть безъ васъ, чудакъ вы? Вы ревнивый любовникъ Юліи, вы всегдашняя причина ея слезъ. Приходите вечеромъ къ чаю, и заставьте меня заплакать. Съ вами играетъ теперь не злая старуха. Вы должны сокрушить мое сердце, — и я научу васъ какъ сдѣлать это.“

Четыре остававшіеся дня прошли хлопотливо, въ вѣчныхъ репетиціяхъ, публичныхъ и непубличныхъ. День представленія приблизился; гости съѣхались; наступило великое драматическое испытаніе. Магдалина сдѣлала все возможное: она усвоила себя все что̀ успѣлъ передать ей за это время режиссеръ. Миссъ Гартъ оставила ее, когда началась увертюра, и сѣла въ углу, за кулисами, серіозная и молчаливая, съ флакономъ въ одной рукѣ, и съ книгой въ другой, приготовляясь выдержать испытаніе до конца.

Спектакль начался со всѣми обычными принадлежностями домашняго театральнаго представленія, съ биткомъ-набитою публикою, африканскою температурой, трескомъ лопавшихся накаленныхъ ламповыхъ стеколъ и съ затрудненіями поднять занавѣсь. „Работникъ“ и „Кучеръ“, открывавшіе первый актъ, потеряли память какъ только вышли на сцену, пропустили половину своего разговора, потомъ вдругъ замолкли; тутъ послышалось громкое приглашеніе невидимаго режиссера уйдти, и они ушли, и хорошо сдѣлали. Въ слѣдующемъ явленіи, предстала миссъ Марраблъ въ роли „Лидіи Ленгвишъ“; хорошенькая, прекрасно одѣтая, прекрасно знавшая роль, она сидѣла граціозно передъ публикой со всѣми шансами на успѣхъ,—исключая впрочемъ голосъ. Дамы восхищались ею, мущины ей апплодировали. Но никто не могъ ничего разслышать, кромѣ словъ

„говорите, миссъ“, шепнутыхъ тѣмъ же голосомъ, который подсказалъ прежде “Работнику“ и „Кучеру“ уйдти. Въ отвѣтъ раздался сдерживаемый смѣхъ между юными зрителями, заглушенный тотчасъ же громкими рукоплесканіями.

Во время этого шума, тихо вошла Магдалина въ роли Юліи. Она была одѣта просто, вся въ черное, и оставалась при своихъ волосахъ; всѣ сценическія принадлежности и прикрасы (кромѣ капли румянъ на щекахъ) приберегла она для второй роли, чтобы лучше скрыть себя въ ней. Изящество и простота ея костюма, спокойное самообладаніе, съ которымъ она глядѣла на толпу передъ собою, подняли шепотъ одобренія и ожиданія. Она заговорила, наконецъ,—преодолѣвъ минутный трепетъ,—съ спокойною внятностью дѣлавшею ея рѣчь слышною каждому и оправдавшею благопріятное впечатлѣніе, которое произвело ея появленіе. Единственнымъ зрителемъ, смотрѣвшимъ на нее и слушавшимъ ее холодно, была ея старшая сестра. Не успѣла артистка, царица вечера, пробыть и пяти минутъ на сценѣ, какъ Нора, къ своему неописанному удивленію, замѣтила, что Магдалина, олицетворяя холодную любезность „Юліи“, приняла за образецъ ея, Нору. Она узнавала всѣ маленькія церемонности своихъ манеръ и движеній, и даже ея голосъ передразнивался, по временамъ, съ такою точностью, что, казалось ей, это она сама говоритъ, а эхо отвѣчаетъ ей на сценѣ. Впечатлѣніе, произведенное на публику (видѣвшую лишь результатъ) этимъ усвоеніемъ личности Норы для театральныхъ цѣлей, сказалось, при уходѣ Магдалины, громомъ рукоплесканій. Двѣ несомнѣнныя побѣды одержаны были ею въ первой сценѣ. Она создала своею искусною игрою живое лицо изъ безцвѣтной роли; она возбудила восторгъ въ двухсотенной публикѣ, задыхавшейся, при недостаткѣ вентиляціи, въ своей собственной теплотѣ. Какая изъ настоящихъ актрисъ сдѣлала бы въ этихъ обстоятельствахъ болѣе?

Но главное событіе вечера было впереди. Появленіе переодѣтой Магдалины, въ концѣ акта, въ роли „Люси“, съ накладными волосами и бровями, съ румянымъ лицомъ и мушками на щекахъ, въ яркомъ платьѣ, съ крикливою рѣчью и бойкими манерами, сбило публику съ толку. Публика обратилась сначала къ афишамъ, въ которыхъ противъ „Люси“ стояло вымышленное имя, потомъ—снова

къ сценѣ, и наконецъ, понявъ въ чемъ дѣло, разразилась въ удивленіи вторымъ громомъ рукоплесканій, еще сильнѣе и задушевнѣе перваго. Сама Нора не могла не признать въ этотъ разъ, что одобреніе было вполнѣ заслуженное. Въ преодолѣніи всѣхъ недостатковъ неопытности, въ пораженіи самыхъ угрюмыхъ изъ зрителей, виденъ былъ рѣдкій сценическій талантъ, сказывавшійся въ каждомъ взглядѣ и движеніи этой, въ первый разъ въ жизни игравшей, восьмнадцатилѣтней дѣвушки. Не совсѣмъ удачно удовлетворяя разнымъ мелкимъ требованіямъ двухъ принятыхъ ею на себя ролей, она успѣла однако, что̀ очень важно, разграничить ихъ въ главныхъ чертахъ. Каждый понималъ, что въ этомъ заключалась главная трудность; каждый видѣлъ, что трудность эта была побѣждена, и каждый раздѣлялъ восторгъ режиссера на сценѣ, назвавшаго Магдалину природною артисткой.

Съ самаго начала первой сцены, Магдалина сосредоточила на себѣ весь интересъ спектакля. Публика вѣжливо апплодировала миссъ Марраблъ, какъ подобало гостямъ собравшимся въ домѣ ея отца, и снисходительно поощряла другихъ играющихъ, чтобы помочь имъ справиться съ дѣломъ, на которое всѣ они были болѣе или менѣе неспособны. Но въ послѣдствіи,уже ничто не заставляло публику выражать свое вниманіе и участіе, когда Магдалина не находилась на сценѣ. Ясно было, что миссъ Марраблъ съ своими друзьями была затемнена новобранкой, къ помощи которой она обратилась лишь въ отчаяніи! И это случилось въ самый день рожденія миссъ Марраблъ! въ самомъ домѣ ея отца! и послѣ страшныхъ шестинедѣльныхъ стараній! Вѣнцомъ всѣхъ домашнихъ бѣдствій, причиненныхъ семейству Марраблей неблагодарнымъ театральнымъ предпріятіемъ, былъ этотъ успѣхъ Магдалины.

Оставивъ мистера Ванстона и Нору, по окончаніи представленія, въ столовой вмѣстѣ съ другими гостями, миссъ Гартъ отправилась за кулисы, повидимому, чтобы взглянуть не нужна ли она, въ сущности же, чтобъ убѣдиться не вскружило ли голову Магдалинѣ ея торжество. Миссъ Гартъ не удивилась бы еслибы застала свою воспитанницу за составленіемъ контракта съ режиссеромъ о скоромъ вступленіи ея на публичный театръ. Она застала ее на сценѣ принимавшею съ улыбкой карточку, которую

режиссеръ, съ театральнымъ поклономъ, подавалъ ей. Замѣтивъ вопросительный взглядъ миссъ Гартъ, вѣжливый человѣчекъ поторопился объяснить, что это его карточка и что онъ просилъ миссъ Ванстонъ рекомендовать его, при случаѣ.

— Молодая леди не въ послѣдній разъ участвуетъ въ домашнихъ спектакляхъ, отвѣчаю за это, замѣтилъ рижиссеръ. — И если нуженъ будетъ распорядитель, она снисходительно обѣщала молвить словечко за меня. По этому адресу, миссъ, меня всегда можно найдти.

Послѣ этихъ словъ, онъ поклонился снова и тихонько вышелъ.

Подозрѣнія зародились въ умѣ миссъ Гартъ, и она потребовала показать ей карточку. Невиннѣе этого лоскутка никогда ничего не передавалось изъ рукъ въ руки. На карточкѣ означено было только имя режиссера, а внизу—имя и адресъ одного театральнаго агента въ Лондонѣ.

— Не стóитъ прятать, сказала миссъ Гартъ.

Но прежде чѣмъ она успѣла бросить карточку, Магдалина поймала ея руку, выхватила листокъ и спрятала его въ свой карманъ.

— Я обѣщала рекомендовать его, проговорила она, — и уже для этого одного я должна сберечь карточку. Кромѣ того, она будетъ напоминать мнѣ о счастливѣйшемъ днѣ моей жизни. Ну! воскликнула она, обнимая съ лихорадочною радостію миссъ Гартъ,—поздравьте же меня съ моимъ успѣхомъ!

— Поздравлю, когда все кончится, произнесла миссъ Гартъ.

Черезъ полчаса Магдалина переодѣлась, сошла къ гостямъ и очутилась въ сферѣ поздравленій недоступной контролю и вліянію миссъ Гартъ. Франкъ, медленный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, послѣднимъ изъ всѣхъ игравшихъ оставилъ театръ. Онъ не пошелъ къ Магдалинѣ въ столовую, но когда стали разъѣзжаться, онъ уже ждалъ ее въ передней съ ея плащомъ.

— Ахъ, Франкъ! проговорила она, оглядываясь на него, при надѣваніи плаща.—Жаль, что все кончено. Приходите завтра утромъ и поговоримъ вмѣстѣ обо всемъ.

— Въ рощу, въ десять часовъ? шепнулъ Франкъ.

Она набросила капоръ и весело кивнула ему. Стоявшая вблизи миссъ Гартъ замѣтила обмѣненные ими взгляды;

но при шумѣ разъѣзда не могла разслушать ихъ словъ. Мягкою, чарующею нѣжностью дышали движенія Магдалины, задумчиво смотрѣло ея лицо, когда она взявъ съ довѣрчивостью руку Франка, направилась къ каретѣ. Ея вниманіе къ нему, какъ къ ученику, не обратилось ли въ болѣе глубокое чувство, какъ къ мущинѣ? На праздной окончившейся теперь театральной забавѣ не лежало ли отвѣтственности болѣе важной чѣмъ за одну безполезную трату времени?

Лицо миссъ Гартъ опечалилось и нахмурилось; разсѣянно стояла она посреди двигавшейся кругомъ ея толпы. Предостереженіе Норы, сдѣланное матери въ саду, припомнилось ей, и тутъ въ первый разъ мысль, что Нора угадала послѣдствія, пришла ей въ голову.

VII.

Рано утромъ, на другой день, сошлись въ саду миссъ Гартъ и Нора, чтобы поговорить наединѣ. Единственнымъ замѣтнымъ результатомъ ихъ свиданія, за завтракомъ, было молчаніе на счетъ спектакля. Все что̀ мистриссъ Ванстонъ узнала о вечерѣ, было разказано ей мужемъ и младшею дочерью. Гувернантка и старшая дочь очевидно рѣшились что незывается, похѣрить, этотъ предметъ.

Когда, по окончаніи завтрака, дамы собрались, по обыкновенію, въ своей комнатѣ, Магдалины не было. Такъ какъ ея привычки были очень безпорядочны, то мистриссъ Ванстонъ не удивилась ея отсутствію и не встревожилась имъ. Но миссъ Гартъ и Нора значительно переглянулись и стали ждать. Прошло два часа, Магдалина не показывалась. Когда часы пробили двѣнадцать, Нора встала и тихо вышла, чтобы поискать сестры.

Она не чистила своихъ брилліянтовъ и не тормошила платьевъ на верху. Ея не было ни въ библіотекѣ, ни въ цвѣтникѣ, ни въ кухнѣ, гдѣ она надоѣдала обыкновенно кухаркѣ, ни на дворѣ, гдѣ играла съ собаками. Не ушла ли она куда-нибудь съ отцомъ? Мистеръ Ванстонъ изъявилъ за завтракомъ намѣреніе, зайдти утромъ къ своему старому пріятелю, мистеру Клеру, и возбудить саркастическое негодованіе философа разказомъ о драматическомъ представ-

ленiи. Комбъ-ревенскiя дамы никогда еще не заглядывали въ жилище мистера Клера. Но при вѣтрености своей, Магдалина могла зайдти туда. Когда мысль эта мелькнула въ головѣ Норы, она входила уже въ рощу.

На второмъ поворотѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ тропинка терялась между деревьями, она встрѣтилась вдругъ лицомъ къ лицу съ Магдалиной и Франкомъ: они шли по направленiю къ ней, подъ руку, склонивъ другъ къ другу голову и, повидимому, перешептываясь между собою. Они смотрѣли ясно и счастливо. Увидя Нору, оба вздрогнули и остановились. Франкъ приподнялъ свою шляпу и повернулъ къ дому отца. Магдалина же пошла на встрѣчу сестрѣ, небрежно покачивая изъ стороны въ сторону своимъ сложеннымъ зонтикомъ и беззаботно напѣвая арiю изъ увертюры, игранной вчера передъ поднятiемъ занавѣси.

— Ужь время полдника! проговорила она, глядя на свои часы.—Вѣрно нѣтъ?

— Неужели вы съ мистеромъ Франсисомъ Клеромъ гуляли въ рощѣ съ десяти часовъ? спросила Нора.

— *Мистеръ* Франсисъ Клеръ! Какъ смѣшна твоя щепетильность! Отчего ты не называешь его Франкомъ?

— Я предложила тебѣ вопросъ, Магдалина.

— Боже мой, какъ мрачно глядишь ты сегодня! Я не въ милости, кажется. Неужели ты не можешь простить мнѣ до сихъ поръ моей вчерашней игры? Другъ мой, я не могла иначе сдѣлать; не возьми я тебя въ образецъ, у меня ничего не вышло бы изъ „Юлiи“. Это чисто художественный вопросъ. На твоемъ мѣстѣ, выборъ польстилъ бы мнѣ.

— На твоемъ мѣстѣ, Магдалина, я дважды подумала бы прежде чѣмъ передразнивать, въ публикѣ, сестру.

— Именно потому что въ публикѣ, я и сдѣлала это. Какъ публикѣ узнать? Ну, полно, полно! не сердись. Ты восьмью годами старѣе меня и должна бы подавать мнѣ примѣръ согласiя.

— Я дамъ тебѣ примѣръ. Мнѣ больнѣе чѣмъ я могу выразить, Магдалина, то, что я встрѣтила тебя здѣсь въ такомъ положенiи.

— Что еще? Ты встрѣтила меня въ нашей рощѣ, когда я разговаривала о домашнихъ спектакляхъ съ старымъ товарищемъ моего дѣтства, котораго я знала когда была не выше этого зонтика. Неужели это, такая вопiющая неприличность? *Honi soit qui mal y pense.* Ты требовала, минуту назадъ, от-

вѣта; вотъ тебѣ, милая, на лучшемъ нормано-французскомъ діалектѣ.

— Я не шучу, Магдалина...

— Увѣрена въ этомъ. Никто не можетъ упрекать тебя въ шутливости.

— Мнѣ очень больно...

— О!

— Не перебивай меня. Совѣсть моя велитъ мнѣ сказать и я скажу тебѣ, что мнѣ непріятно видѣть, какъ развивается эта короткость между вами. Мнѣ непріятно видѣть какія-то таинственныя отношенія между тобой и мистеромъ Франсисъ Клеромъ.

— Бѣдный Франкъ! За что ты ненавидишь его? Чѣмъ обидѣлъ онъ тебя?

Сдержанность Норы начинала измѣнять ей. Покраснѣли ея смуглыя щеки, ея нѣжныя губы задрожали, прежде чѣмъ она заговорила снова. Магдалина была болѣе занята своимъ зонтикомъ чѣмъ сестрой. Она вскидывала его на воздухъ и ловила: „разъ," провозгласила она, и вскинула его. „Два," и она вскинула его выше. „Три!.." Но прежде чѣмъ успѣла она поймать его въ третій разъ, Нора горячо схватила ее за руки, и зонтикъ упалъ между ними на землю.

— Ты бездушно обращаешься со мною, произнесла она. Стыдно, Магдалина, стыдно тебѣ!

Изъ всѣхъ нравственныхъ вліяній, всего труднѣе устоять противъ взрыва сдержанной натуры. Магдалина замолкла. Нѣкоторое время, сестры, такъ мало сходныя наружностью и характеромъ, смотрѣли другъ на друга, не произнося ни слова. На минуту, глубокіе темные глаза старшей и свѣтлые, сѣрые глаза младшей встрѣтились съ пристальною упорною пытливостью. Лицо Норы измѣнилось первое; первая, отвернулась ея голова. Молча, выпустила она руки сестры. Магдалина нагнулась и подняла свой зонтикъ.

— Я стараюсь удерживать себя, проговорила послѣдняя,— а ты стараешься вывести меня изъ терпѣнія. Ты всегда была и всегда будешь дурно расположена ко мнѣ.

Нора сложила свои дрожавшія руки. „Дурно расположена къ тебѣ" повторила она, и взглянула съ горечью.

Магдалина отступила немного назадъ и механически стала стряхивать съ зонтика пыль концомъ своего плаща.

— Да! подтвердила она, угрюмо.—И ко мнѣ и къ Франку.

— Франку! повторила Нора, подвигаясь къ сестрѣ и блѣднѣя такъ же скоро, какъ покраснѣла прежде.—Ты говоришь о себѣ и Франкѣ, какъ будто у васъ были уже одни интересы? Ужели онъ такъ близокъ и дорогъ тебѣ?

Магдалина все болѣе и болѣе отступала. Сукъ ближняго дерева зацѣпилъ ея плащъ; она повернулась съ досадой, сломила его и отбросила. „Какое право имѣешь ты спрашивать объ этомъ?“ спросила она вдругъ. „Какое тебѣ дѣло, нравится ли мнѣ Франкъ или нѣтъ?“ И съ этими словами она двинулась впередъ на сестру, чтобы пройдти домой.

Нора, блѣднѣя все болѣе и болѣе, загородила ей дорогу.

— Если бы даже пришлось мнѣ удержать тебя силой, сказала она,—я заставлю тебя выслушать. Я слѣдила за этимъ Франсисъ Клеромъ и знаю его лучше чѣмъ ты. Онъ не стоитъ и минуты твоего серіознаго чувства; не стоитъ и дорогаго, добраго вниманія къ нему нашего отца. Человѣкъ съ правилами, съ совѣстью, способный къ благодарности, не явился бы назадъ съ такимъ позоромъ, да! позоромъ, вслѣдствіе бездушнаго пренебреженія своими обязанностями. Я слѣдила за нимъ, когда другъ, сдѣлавшій для него болѣе чѣмъ родной отецъ, утѣшалъ и прощалъ его, съ незаслуженною имъ добротой; я слѣдила за нимъ, и не нашла на его лицѣ ни стыда, ни раскаянія; я видѣла на немъ только неблагодарное, малодушное чувство человѣка, у котораго свалилась тяжесть съ плечъ. Онъ себялюбивъ, неблагодаренъ, малодушенъ, и, въ двадцать лѣтъ, у него всѣ дурныя свойства старика. И съ этимъ-то человѣкомъ встрѣчаю я тебя наединѣ,—человѣкомъ, который уже столько дорогъ тебѣ, что ты не желаешь вѣрить истинѣ о немъ даже отъ меня! Магдалина! это дурно кончится. Ради Бога, подумай о томъ что̀ я говорю тебѣ, и удержи себя пока еще не поздно.

Она остановилась, взволнованная, едва переводя дыханіе, и схватила тревожно руку сестры.

Магдалина посмотрѣла на нее съ нескрываемымъ удивленіемъ.

— Ты такъ рѣзка, произнесла она,—и такъ мало похожа на себя, что я на силу узнаю тебя. Чѣмъ болѣе я сдерживаю себя, тѣмъ рѣзче говоришь ты со мною въ благодарность. Ты за что-то спѣсиво разсердилась на Франка, и

теперь сердишься на меня, за то что я не ненавижу его. Ахъ полно, Нора! ты слишкомъ больно жметь мнѣ руку.

Нора презрительно оттолкнула ея руку.

— Никогда не будетъ больно твоему сердцу, проговорила она, и быстро повернулась спиною къ Магдалинѣ.

Нѣсколько времени продолжалось молчаніе. Въ смущеніи посмотрѣла на сестру Магдалина, прождала минуту въ нерѣшимости и потомъ одна направилась къ дому.

На поворотѣ тропинки она остановилась и безпокойно оглянулась назадъ. „Ахъ, Боже мой! думала она про себя,— отчего Франкъ не ушелъ, когда я сказала ему?“ Она подождала и сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ.—„Нора, упрямая, какъ всегда, не сходитъ съ мѣста, хочетъ выдержать характеръ.“ Она остановилась снова.—„Что мнѣ сдѣлать? Я не терплю ссоръ.“ Она возвратилась къ сестрѣ и тронула ея плечо. Нора не двигалась.—„Не часто выходитъ она изъ себя, думала Магдалина, трогая ее опять:—но когда выйдетъ, сколько времени длится это!“

— Полно! сказала она:—поцѣлуй меня, Нора, и забудь все. Неужели ты мнѣ не дашь ни до чего добраться у тебя, кромѣ этого кусочка твоей шейки сзади. За то какая славная шейка, гораздо болѣе моей стоитъ поцѣлуя, и вотъ тебѣ поцѣлуй, на зло тебѣ.

Она крѣпко обняла сзади Нору и поцѣловала ее, забывъ совершенно только что происшедшее, чему однако не отвѣчала сестра. Черезъ мгновеніе, горячій потокъ чувства Норы рванулся наружу, но ледяная сдержанность охладила ее снова. Больно сказать это. Она не произнесла ни слова, не измѣнила своего положенія, и только съ поспѣшностью стала доставать свой платокъ. Когда она вынимала его, въ глубинѣ рощи послышались шаги. Шотландскій барсукъ показался скоро; веселый голосъ запѣлъ пѣсню изъ Шекспировой комедіи: „Какъ вамъ угодно.“

— Это папа! воскликнула Магдалина.—Пойдемъ, Нора, навстрѣчу ему.

Вмѣсто того чтобы послѣдовать за сестрою, Нора опустила свой вуаль, повернула въ противоположную сторону и бросилась къ дому.

Она вбѣжала въ свою комнату, и заперла за собою дверь. Горькія слезы текли по ея лицу...

VIII.

Когда Магдалина повстрѣчала отца, лицо его ясно показывало, что съ нимъ случилось сегодня что-то очень пріятное. Отвѣчая на вопросъ любопытной дочери, онъ объявилъ, что онъ только-что отъ мистера Клера и что у него поймалъ онъ очень интересную для Комбъ-ревенскаго дома новость.

Войдя утромъ въ кабинетъ философа, мистеръ Ванстонъ засталъ своего пріятеля за позднимъ завтракомъ, съ распечатаннымъ письмомъ вмѣсто книги, лежавшей обыкновенно подъ рукой во время стола. Онъ поднялъ вверхъ письмо при входѣ гостя въ комнату, и безцеремонно началъ разговоръ вопросомъ, не разстроены ли нервы мистера Ванстона и считаетъ ли онъ себя достаточно сильнымъ, чтобы перенести ударъ поразительной новости.

— Разстроены ли нервы? повторилъ мистеръ Ванстонъ.— Слава Богу, нервы мои никогда не бываютъ разстроены. Если у васъ есть что-нибудь сказать мнѣ, поразительное или нѣтъ, валяйте смѣло.

Мистеръ Клеръ приподнялъ немного письмо и похмурился на гостя изъ-за стола.

— А что я вамъ всегда говорилъ? спросилъ онъ съ своею кислѣйшею торжественностью во взглядѣ и манерѣ.

— Вы наговорили мнѣ болѣе чѣмъ голова моя могла вмѣстить, отвѣчалъ мистеръ Ванстонъ.

— При васъ и безъ васъ, продолжалъ мистеръ Клеръ,— я всегда утверждалъ, что современное общество отличается однимъ замѣчательнымъ явленіемъ—необыкновеннымъ счастіемъ дураковъ. Покажите мнѣ дурня-индувидуума, и я покажу вамъ общество, которое предоставитъ этому счастливцу девять десятыхъ шансовъ, а остальной десятый пожалѣетъ для умнѣйшаго человѣка. Куда ни взглянешь, на каждомъ значительномъ мѣстѣ сидитъ себѣ какой-нибудь оселъ, да такъ что величайшіе умы на свѣтѣ не достанутъ его тамъ и не стащатъ оттуда. Всею нашею соціальною системой управляетъ самодовольная глупость совершенно безнаказанно, вытѣсняющая отовсюду пытливый умъ, и въ отвѣтъ на всякіе протесты кричащая, словно сова: глядите,

какъ хорошо намъ во мракѣ! Этому дерзкому крику будетъ дано скоро фактическое опроверженіе, и весь перегнившій порядокъ новыхъ обществъ рухнетъ тогда съ громомъ.

— Боже упаси! испугался будто мистеръ Ванстонъ, осматриваясь какъ бы въ ожиданіи, что вотъ-вотъ разразится этотъ громъ.

— Съ громомъ! повторилъ мистеръ Клеръ.—Таково, въ краткихъ словахъ, мое убѣжденіе. Теперь перейдемъ къ этому письму. Тутъ говорится о моемъ олухѣ сынкѣ...

— Ужь не новый ли шансъ для Франка? воскликнулъ мистеръ Ванстонъ.

— Тутъ дѣло идетъ о нашемъ несчастномъ глупышѣ, Франкѣ, продолжалъ философъ.—Самъ онъ ничего не сдѣлалъ для себя въ жизни, и вотъ, какъ всегда, общество вступаетъ въ заговоръ, чтобы поднять его на вершину дерева. Едва успѣлъ онъ развязаться съ однимъ дѣломъ, отысканнымъ вами для него, какъ ему бросаютъ подъ ноги другое. Мой богатый двоюродный братъ (который, по уму, долженъ бы быть въ хвостѣ фамиліи, но который потому именно и стоитъ во главѣ ея) былъ на столько добръ, что вспомнилъ о моемъ существованіи и вызвался помочь своимъ вліяніемъ моему старшему сыну. Читайте письмо, и смотрите какъ сцѣпляются обстоятельства. Мой богатый кузенъ, одинъ изъ тѣхъ дурней, которые процвѣтаютъ на поземельной собственности; онъ одолжилъ какого-то молодца, процвѣтающаго по части политики, а тотъ знаетъ дурня процвѣтающаго по части торговли, который, наконецъ, можетъ сдѣлать нѣчто для послѣдняго дурня, не процвѣтающаго теперь ни по какой части, по имени Франка. Такъ-то складываются обстоятельства. Такъ-то сливочки всѣхъ людскихъ благъ похлебываются вѣчно дураками. Я завтра же погоню Франка. Со временемъ, онъ снова воротится къ намъ, какъ фальшивый шиллингъ: но опять счастливые случаи встрѣтятся ему на пути, какъ необходимыя послѣдствія его совершеннѣйшей глупости. Пройдутъ годы, я, можетъ, не доживу до этого, можетъ не доживете и вы, — это не важно; пустите только Франка на какую угодно дорогу, военную, церковную, политическую, и бросьте его: онъ кончитъ генераломъ, епископомъ, министромъ, во имя великаго новѣйшаго правила, въ силу котораго человѣкъ тѣмъ способомъ къ занятію мѣста, чѣмъ менѣе къ нему приготовлялся.

Съ этимъ краткимъ сказаніемъ о будущемъ житейскомъ пути сына, мистеръ Клеръ презрительно перебросилъ письмо черезъ столъ и налилъ себѣ другую чашку чаю.

Мистеръ Ванстонъ съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ прочелъ письмо. Оно было написано съ нѣсколько-натянутымъ радушіемъ, но практическія выгоды, предлагаемыя имъ Франку, были вполнѣ положительны. Авторъ письма могъ воспользоваться положеніемъ одного друга въ большомъ торговомъ домѣ въ Сити, и онъ воспользовался имъ для старшаго сына мистера Клера. На Франка будутъ смотрѣть въ конторѣ иначе чѣмъ на обыкновеннаго прикащика; ему будутъ „давать ходъ“ при всякомъ удобномъ случаѣ, и первое хорошее мѣсто въ распоряженіи этого дома—въ Англіи или за моремъ—будетъ предоставлено ему. Если въ немъ есть нѣкоторыя способности и нѣкоторое желаніе пользоваться ими, то карьера его сдѣлана, и чѣмъ скорѣе прибудетъ онъ въ Лондонъ, тѣмъ лучше для него.

— Чудесная новость! воскликнулъ мистеръ Ванстонъ, возвращая письмо.—Я въ восторгѣ, и поспѣшу домой разказать ее. Да это въ пятьдесятъ разъ лучше моего шанса! Какого же чорта браните вы общество? Оно вело себя отлично, по моему мнѣнію. Гдѣ Франкъ?

— Прячется гдѣ-нибудь, отвѣчалъ мистеръ Клеръ. — Олухи вѣчно прячутся: это даже ихъ особенность. Моего дурня я не видѣлъ сегодня. Если встрѣтите его гдѣ, то толкните его и скажите, что мнѣ надобно видѣть его.

Мнѣніе мистера Клера о привычкахъ сына могло бы быть выражено повѣжливѣе, относительно формы; но что до смысла, то оно въ этотъ день было совершенно справедливо. Разставшись съ Магдалиной, Франкъ остался ждать въ рощѣ, въ отдаленіи, не разойдется ли она съ сестрою и не возвратится ли къ нему. Появленіе мистера Ванстона тотчасъ по уходѣ Норы, вмѣсто того чтобы заставить его показаться, заставило его возвратиться домой. Съ неудовольствіемъ пришелъ онъ къ себѣ, и тутъ, совершенно не готовый къ такой вѣсти отъ отца, узналъ о своемъ отъѣздѣ въ Лондонъ

Въ это время, мистеръ Ванстонъ сообщилъ новость— сначала Магдалинѣ, а потомъ, возвратившись домой, своей женѣ и миссъ Гартъ. Онъ былъ не наблюдателенъ,

и потому не замѣтилъ, что Магдалина была ужасно поражена, а миссъ Гартъ ужасно обрадована этимъ извѣстіемъ о счастіи Франка... Онъ толковалъ объ этомъ, ничего не подозрѣвая, до самаго звонка къ полднику; тутъ, въ первый разъ, замѣтилъ онъ отсутствіе Норы. Она прислала сказать, что головная боль не позволяетъ ей оставить свою комнату. Когда, вскорѣ послѣ того, миссъ Гартъ взошла на верхъ, чтобы сообщить ей новость насчетъ Франка, Нора, къ удивленію, казалось, была очень мало утѣшена ею. Мистеръ Франсисъ-Клеръ уже уѣзжалъ (замѣтила она), и потомъ возвращался. Онъ снова можетъ возвратиться, и скорѣе чѣмъ кто-либо изъ нихъ думаетъ. Болѣе она ничего не прибавила объ этомъ предметѣ: ничего не сказала она о происшедшемъ въ рощѣ. Ея непобѣдимая сдержанность, казалось, укрѣпилась послѣ этого взрыва. Позднѣе, въ тотъ же день, она встрѣтилась съ Магдалиной, какъ будто ничего не случилось: формальнаго примиренія между ними не послѣдовало. Нора избѣгала вообще всякихъ явно-ратификованныхъ примиреній, и предпочитала мириться втихомолку. По ея взглядамъ и манерѣ, Магдалина ясно видѣла, что утреннее объясненіе сестры было ея первымъ и послѣднимъ протестомъ. Положительно было, что Нора рѣшилась оставаться пассивною на будущее время,—изъ гордости ли, неудовольствія ли, недовѣрія ли къ себѣ, или отчаявшись въ возможности сдѣлать добро.

Послѣ обѣда, мистеръ Ванстонъ предложилъ своей старшей дочери, какъ лучшее средство противъ ея головной боли, прокатиться въ экипажѣ. Она тотчасъ же согласилась сопровождать отца, который затѣмъ, какъ всегда, хотѣлъ предложить и Магдалинѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними. Но Магдалины нигдѣ не могли найдти. Во второй разъ сегодня ушла она куда-то изъ дома. Тутъ миссъ Гартъ, которая, согласившись съ мнѣніемъ Норы, отъ совершеннаго невниманія къ Франку перешла въ другую крайность, и стала считать его способнымъ задумать побѣгъ,—вызвалась сходить немедленно за Магдалиной. Послѣ долгаго отсутствія, она возвратилась безуспѣшно,—глубоко убѣжденная въ душѣ, что Магдалина и Франкъ тайно сошлись гдѣ-нибудь, однако не отыскавъ, въ подтвержденіе тому, никакихъ доказательствъ. Въ это время подали

экипажъ, и такъ какъ мистеръ Ванстонъ не хотѣлъ долѣе ждать, то они съ Норой уѣхали, а мистриссъ Ванстонъ и миссъ Гартъ остались дома за работой.

Черезъ полчаса, Магдалина тихо вошла въ комнату. Она была блѣдна и разстроена. Невнимательно выслушала она замѣчанія миссъ Гартъ, небрежно отозвалась, что она гуляла въ лѣсу, взяла нѣсколько книгъ и положила ихъ обратно, вздохнула нетерпѣливо и ушла наверхъ въ свою комнату.

— Магдалина, кажется, груститъ сегодня по вчерашнемъ днѣ, спокойно проговорила мистриссъ Ванстонъ.—Мы именно такъ и думали. Какъ прошли театральныя удовольствія, ей захотѣлось продолженія.

Здѣсь представлялся случай просвѣтить мистриссъ Ванстонъ. Миссъ Гартъ посовѣтоваться съ своею совѣстью, и поспѣшила воспользоваться этимъ случаемъ.

— Вы забываете, замѣтила она,—что одинъ изъ нашихъ сосѣдей уѣзжаетъ завтра. Сказать ли вамъ правду? Магдалина тоскуетъ объ отъѣздѣ Франсиса Клера.

Мистриссъ Ванстонъ подняла голову съ улыбкой удивленія.

— Что вы! произнесла она.—Очень естественно, что Магдалина нравится Франку, но я не думаю, чтобъ она отвѣчала на его чувство. Франкъ такъ мало похожъ на нее; онъ, бѣдный, такъ тихъ и безотвѣтенъ, такъ скученъ и во многомъ плохъ. Онъ не дуренъ собой, я знаю, но онъ такъ не похожъ на Магдалину, что я не могу допустить этого, никакъ не могу.

— Дорогая моя леди! воскликнула миссъ Гартъ, съ большимъ изумленіемъ: — неужели вы думаете, въ самомъ дѣлѣ, что люди любятъ другъ друга по сходству характеровъ? По большей части бываетъ совершенно наоборотъ. Мущины выбираютъ себѣ такихъ женъ, а жены такихъ мужей, какихъ менѣе всего могли бы прочить имъ ихъ друзья. Не часто ли мы слышимъ въ свѣтѣ: „что заставило такого-то жениться на этой женщинѣ,“ или „что заставило такую-то отдаться этому человѣку?“ Развѣ вся ваша житейская опытность не показываетъ вамъ, что дѣвушки влюбляются въ мущинъ совершенно ихъ недостойныхъ?

— Правда, отвѣчала тихо мистриссъ Ванстонъ.—Я забыла это. А все же это не совсѣмъ понятно, не правда ли?

— Не совсѣмъ понятно, потому что случается ежедневно! возразила шутливо миссъ Гартъ.—Я знаю многихъ отличныхъ людей, которые смотрятъ совершенно также на ежедневопытность, которые, читая по утрамъ журналы, утверждаютъ вечеромъ, что не находятъ въ современной жизни никакихъ новыхъ сюжетовъ для романа и живописи. Право, мистриссъ Ванстонъ, вѣрьте моему слову, Магдалина, вслѣдствіе этого несчастнаго спектакля, можетъ запутаться какъ запутывались до нея многія. Франкъ не заслуживаетъ ея; онъ, во всѣхъ отношеніяхъ, противоположенъ ей, и, не подозрѣвая этого, она потому-то и полюбила его. Она рѣшительна и пылка, умна и властолюбива, она не изъ тѣхъ женщинъ, которымъ нуженъ мужъ для наблюденія за ними и защиты ихъ; ея идеалъ (хотя она сама и не сознаетъ этого)—мужъ, котораго можно держать подъ башмакомъ. Утѣшительно по крайней мѣрѣ, что и изъ такого рода людей можно все-таки найдти что-нибудь получше Франка. Очень хорошо, что онъ уѣзжаетъ, оставляя насъ въ покоѣ и не успѣвъ причинить серіознаго вреда.

— Бѣдный Франкъ! проговорила мистриссъ Ванстонъ, улыбаясь съ сожалѣніемъ.—Мы знали его, когда онъ еще ходилъ въ курточкѣ, а Магдалина въ коротенькомъ платьицѣ. Намъ не удалось пристроить его. Въ этотъ разъ, ему быть-можетъ удастся лучше.

Миссъ Гартъ взглянула съ удивленіемъ.

— Положимъ, что удастся? сказала она.—Что же дальше?

Мистриссъ Ванстонъ обрѣзала нитку въ своей работѣ и засмѣялась:

— Мой милый другъ, замѣтила она, — старая деревенская поговорка учитъ насъ не считать цыплятъ пока они не высижены. Погодимъ еще немножко считать нашихъ.

Трудно было заставить замолчать миссъ Гартъ когда она говорила подъ вліяніемъ сильнаго убѣжденія, но это замѣчаніе закрыло ей уста. Она принялась за свою работу, и перебрала и передумала много такого, о чемъ говорить было не возможно.

Поведеніе мистриссъ Ванстонъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, было очень замѣчательно. Вотъ, съ одной сто-

роны дѣвушка, красавица собой, съ большимъ приданымъ и значительными средствами впереди, съ общественнымъ положеніемъ, которое могло бы привлечь самаго лучшаго жениха въ сосѣдствѣ,—безтолково привязывающаяся къ лѣнивому парню безъ гроша, который оступился на первомъ шагу въ жизни и которому, даже еслибъ ему удался второй шагъ, долго не достигнуть положенія, допускающаго равный бракъ съ богатою дѣвушкой. А вотъ, съ другой стороны, мать дѣвушки, нисколько не смущающаяся мыслію о союзѣ, по меньшей мѣрѣ, не очень желательномъ; мать, ни сколько не убѣжденная, судя по ея словамъ и взглядамъ, чтобы бракъ между дочерью мистера Ванстона и сыномъ мистера Клера не былъ тѣмъ удовлетворительнымъ результатомъ короткихъ отношеній между молодыми людьми, котораго могли желать съ обѣихъ сторонъ родители. Тутъ было что-то темное, что-то столь же необъяснимое, какъ прежняя,—теперь забытая,—тайна поѣздки въ Лондонъ.

Вечеромъ явился Франкъ и объявилъ, что отецъ его безъ милосердія приговорилъ его къ отъѣзду изъ Комбъ завтра утромъ. Онъ сказалъ объ этомъ съ какою-то сентиментальною покорностью, и слушалъ веселыя шутки мистера Ванстона, на счетъ его будущей карьеры, смиренно и безгласно. Интересная грусть его взглядовъ и движеній много способствовала его красивой наружности. При своей женоподобной наружности, онъ былъ красивѣе въ этотъ вечеръ чѣмъ когда-либо. Его мягкіе каріе глаза озирали комнату съ умилительною нѣжностью, волосы его были изящно расчесаны; тонкія руки его свѣшивались съ ручекъ кресла съ какою-то томной граціей. Онъ похожъ былъ на выздоравливающаго Аполлона. Никогда, до того, не выказывалъ онъ такъ удачно свѣтскаго умѣнія играть, по отношенію къ окружающему обществу, роль благовоспитаннаго кошемара. То былъ, безспорно, прескучный вечеръ. Разговоръ поддерживали только мистеръ Ванстонъ и миссъ Гартъ. Мистрисъ Ванстонъ молчала, по обыкновенію; Нора держала себя упорно въ отдаленіи; Магдалина была тиха и молчалива, какъ никогда прежде. Сначала до конца она была осторожна. Нѣсколько брошенныхъ на Франка выразительныхъ взглядовъ мелькнули какъ молніи, не замѣченные ни кѣмъ. Даже, когда она при-

13 апрѣля 3

несла ему чай и когда при этомъ она почувствовала желаніе, которому не можетъ воспротивиться ни одна женщина,—желаніе дотронуться до любимаго человѣка, —даже и тогда она сумѣла держать блюдечко такъ искусно, что ея рука была заслонена. Самообладаніе Франка далеко не было такъ сильно: оно длилось столько времени, сколько онъ оставался въ бездѣйствіи. Когда онъ поднялся прощаться, когда онъ почувствовалъ горячее, липкое пожатіе пальцевъ Магдалины и локонъ сунутыхъ въ его руку волосъ, онъ сконфузился и потерялся. Онъ могъ бы выдать Магдалину и выдать себя, еслибы не было мистера Ванстона, который невинно прикрылъ его отступленіе, провожая его до выхода и хлопая его всю дорогу, по плечу. „Съ Богомъ, Франкъ, съ Богомъ!“ повторялъ дружескій голосъ въ которомъ не было ни одной рѣзкой ноты ни для кого: „Счастіе ожидаетъ тебя! Иди, дружокъ, и побѣди.“

— Да, такъ, отвѣтилъ Франкъ.—Благодарю васъ. Только это немного трудновато—придти да тотчасъ и побѣдить. Дѣло мущины, какъ вы всегда говорили мнѣ, побѣждать затрудненія, а не разсуждать о нихъ. Жаль, что я въ цифрахъ слабъ. О! я стану писать вамъ и извѣщать о моихъ успѣхахъ. Очень благодаренъ вамъ за вашу доброту ко мнѣ; очень жалѣю, что мнѣ не удалось инженерное дѣло. Мнѣ оно было бы болѣе по нраву чѣмъ торговля. Теперь ужъ нечего дѣлать, не такъ ли? Благодарю васъ еще разъ. Прощайте.

И такъ-то снова выступилъ онъ, жалкій, безпомощный джентльменъ, на трудное коммерческое поприще.

IX.

Прошли три мѣсяца. Въ продолженіе этого времени, Франкъ оставался въ Лондонѣ, занимаясь своимъ новымъ дѣломъ и извѣщая по временамъ о себѣ, какъ обѣщалъ, мистера Ванстона.

Письма его не были исполнены восторженныхъ отзывовъ о торговыхъ занятіяхъ. Онъ писалъ, что все еще не можетъ утвердиться въ цифрахъ, что убѣдился теперь сильнѣе чѣмъ когда-либо (къ сожалѣнію поздно), что инженерная часть пріятнѣе для него торговой. Но несмотря на это убѣжденіе, несмотря на головныя боли,

причиняемыя сидѣніемъ на высокомъ стулѣ, въ душной атмосферѣ, за счетными книгами, несмотря на недостатокъ общества, спѣшные завтраки и плохіе обѣды въ харчевняхъ, онъ являлся въ контору аккуратно и работалъ всегда прилежно. Главный по тому отдѣленію, гдѣ онъ занимался, можетъ подтвердить это въ случаѣ надобности. Таковъ былъ общій смыслъ писемъ Франка, и какъ всегда, корреспондентъ его принималъ ихъ иначе чѣмъ отецъ. Мистеръ Ванстонъ видѣлъ въ нихъ доказательство постоянно развивавшагося трудолюбія въ авторѣ. Мистеръ Клеръ же высказывалъ, по этому поводу, свое характеристически-противоположное мнѣніе. „Этотъ лондонскій народъ, говорилъ философъ, не проведешь пустяками. Они такъ осѣдлали Франка, что онъ повернуться не можетъ, и простую необходимость вмѣняетъ себѣ въ заслугу.

Три мѣсяца испытанія Франка въ Лондонѣ прошли въ Комбъ-Ревенѣ грустнѣе чѣмъ всегда.

Съ приближеніемъ лѣта, мистриссъ Ванстонъ, несмотря на всѣ свои усилія, все болѣе и болѣе падала духомъ. „Я употребляю всѣ усилія, говорила она миссъ Гартъ, я стараюсь казаться веселою мужу и дѣтямъ, но я боюсь іюля.“ Тайныя предчувствія Норы на счетъ сестры усилили ее серіозность и несообщительность. Даже мистеръ Ванстонъ немного перемѣнился съ приближеніемъ іюля. Въ присутствіи жены, онъ казался тѣмъ же; но во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ его наружности и манерѣ, замѣтна была доля грусти. Магдалина, послѣ отъѣзда Франка, измѣнилась до того, что только усиливала общую унылость. Утомленными казались всѣ ея движенія; обычныя занятія исполнялись равнодушно; уединенно проводила она цѣлые часы въ своей комнатѣ, не радовалась блестящимъ и красивымъ платьямъ; глаза ея потускнѣли, нервы стали раздражительны, цвѣтъ лица измѣнился къ худшему; она стала и себѣ, и другимъ въ тягость. Какъ ни мужественно переносила миссъ Гартъ эти домашнія тревоги, но и сама она, отъ своихъ усилій, падала духомъ. Чаще и чаще возвращалась она мыслью къ тому мартовскому утру, когда хозяинъ и хозяйка уѣзжали въ Лондонъ, и когда первая важная перемѣна, послѣ многихъ лѣтъ спокойствія, прокралась въ этотъ домъ. Когда успокоится этотъ домъ

снова? Когда изчезнутъ эти облака, уступивъ снова мѣсто ясной тишинѣ прежнихъ, болѣе счастливыхъ дней?

Прошла весна, миновали первые мѣсяцы лѣтней поры. Наступилъ ожидаемый іюль, съ его душными ночами, безоблачнымъ утромъ и знойными днями.

Пятнадцатаго числа случилось обстоятельство, удивившее всѣхъ, кромѣ Норы. Во второй разъ, безъ всякаго видимаго основанія, безъ слова увѣдомленія, явился вдругъ Франкъ въ домикѣ отца!

Ротъ мистера Клера открылся, чтобы по прежнему привѣтствовать возвращеніе сына въ качествѣ фальшиваго шиллинга, но тутъ же закрылся, не произнеся ни слова. Въ манерахъ Франка было нѣчто говорившее, что у него есть вѣсти получше увольненія. На сардоническій вопросительный взглядъ отца, онъ отвѣчалъ, что очень важное для его будущей карьеры предложеніе сдѣлано было ему сегодня утромъ въ конторѣ. Онъ хотѣлъ тотчасъ же написать обо всемъ, но директоры, подумавъ, нашли, что лучше было бы ему лично посовѣтоваться, на счетъ рѣшенія, съ отцомъ и друзьями. Потому-то онъ оставилъ перо, и немедленно отправился на желѣзную дорогу.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, Франкъ передалъ предложеніе своихъ директоровъ, представляя его крайне тяжелымъ.

Большой домъ въ Сити нашелъ, повидимому, въ своемъ прикащикѣ совершенно тѣ же качества, которыя прежде открылъ въ немъ инженеръ. Молодой человѣкъ, какъ деликатно выражались его принципалы, нуждался въ какомъ-нибудь особенномъ возбужденіи или поощреніи для дѣйствія. Директоры (желая обязать человѣка, рекомендовавшаго имъ Франка) думали объ этомъ серіозно и рѣшили, что единственное полезное употребленіе, какое они могутъ сдѣлать изъ мистера Франсиса Клера, это—послать его немедленно въ другую часть свѣта.

Результатомъ этого рѣшенія было предложеніе Франку ѣхать въ Китай, вступить тамъ въ домъ корреспондентовъ лондонской фирмы, пробыть въ немъ пять лѣтъ, для изученія на мѣстѣ торговли чаемъ и шелкомъ, и возвратиться потомъ въ главный лондонскій домъ. Воспользовавшись какъ слѣдуетъ своимъ пребываніемъ въ Китаѣ, онъ возвратится еще молодымъ человѣкомъ, но способнымъ

уже занять довѣренное и доходное мѣсто, и ожидать, въ близкомъ будущемъ, что фирма поможетъ ему основать свой собственный домъ. Таковы были новые шансы, которые сами собою, по теоріи мистера Клера, навязывались вѣчно недовольному, вѣчно безпомощному и вѣчно неблагодарному Франку. Дѣло было къ спѣху. Окончательный отвѣтъ долженъ былъ придти въ контору въ понедѣльникъ, двадцатаго; корреспондентамъ въ Китай слѣдовало написать съ почтой того же дня, а Франкъ долженъ былъ отправиться съ первою окказіей, если не желалъ уступить свое мѣсто болѣе предпріимчивому молодому человѣку.

Мистеръ Клеръ былъ ужасно удивленъ этою вѣстью. Блистательная перспектива изгнанія его сына въ Китай, казалось, вскружила ему голову. Прочный пьедесталъ его философіи зашатался подъ нимъ; общественные предразсудки овладѣли его умомъ. Онъ схватилъ Франка за руку и немедленно отправился съ нимъ въ Комбъ-Ревенъ, въ странномъ для себя качествѣ гостя.

— Честь имѣю представиться вмѣстѣ съ моимъ дурнемъ, произнесъ мистеръ Клеръ, прежде, чѣмъ удивленные члены семейства могли открыть ротъ.—Извольте-ка всѣ вы послушать его. Его исторія, первый разъ въ жизни, помирила меня съ аномаліей его существованія.

Франкъ жалостно разказалъ тутъ во второй разъ о предложеніи ѣхать въ Китай, и сталъ прибавлять къ разказу свои собственныя дополнительныя возраженія и замѣчанія. Но отецъ тотчасъ же остановилъ его, рѣшительно показалъ пальцемъ на юго-востокъ (изъ Сомерсетшира въ Китай) и рѣшительно произнесъ: „поѣзжай!“ Мистеръ Ванстонъ, охваченный золотыми видѣніями будущаго счастія своего молодаго друга, повторилъ отъ всей души это краткое рѣшеніе. Мистриссъ Ванстонъ, миссъ Гартъ и даже сама Нора согласились съ этимъ. Франкъ былъ пораженъ этимъ непредвидѣннымъ единогласіемъ мнѣній, и Магдалина, единственный разъ въ жизни, не нашлась что сказать здѣсь.

Что до практическихъ послѣдствій поѣздки, то семейный совѣтъ начался и кончился единодушнымъ мнѣніемъ о необходимости Франку ѣхать. Мистеръ Ванстонъ былъ до такой степени сбитъ съ толку неожиданнымъ появленіемъ сына, неожиданнымъ визитомъ отца и принесенными ими вѣстями, что предложилъ отсрочить окончательное рѣ-

теніе, пока не будутъ въ подробности соображены всѣ распоряженія необходимо связанныя съ отъѣздомъ его молодаго друга. „Вообразите, что мы уснемъ теперь всѣ, замѣтилъ онъ.—Завтра, головы наши будутъ свѣжѣе и завтра будетъ довольно времени для разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній.“ Мысль эта была немедленно принята, и дальнѣйшія разсужденія были отложены до слѣдующаго дня.

На слѣдующій день пришлось разрѣшить болѣе недоразумѣній чѣмъ мистеръ Ванстонъ воображалъ.

Рано утромъ, напившись одна чаю, какъ обыкновенно, миссъ Гартъ взяла свой зонтикъ и вышла пройдтись по саду. Она дурно провела эту ночь и думала, что десять минутъ на свѣжемъ воздухѣ, прежде чѣмъ все семейство соберется къ завтраку, вознаградятъ ее за дурно-проведенную ночь.

Она дошла до края цвѣтника и стала возвращаться другою дорожкой, которая вела къ дому мимо большаго лѣтняго павильйона, командовавшаго съ открытой луговины окружными полями. При приближеніи къ бесѣдкѣ, какой-то легкій шумъ, похожій и не похожій на щебетанье птицъ, поразилъ ея ухо. Она подошла къ двери, заглянула внутрь и увидѣла сидѣвшихъ вмѣстѣ Магдалину и Франка. Къ ужасу миссъ Гартъ, рука Магдалины положительно обвивала шею Франка, и—что еще хуже—положеніе ея лица, въ минуту открытія, несомнѣнно показывало, что она только что дала бѣдной жертвѣ китайской торговли первѣйшее изъ всѣхъ утѣшеній, которыя женщина можетъ дать мущинѣ. Попросту, она только что поцѣловала Франка.

Въ присутствіи такого обстоятельства, миссъ Гартъ почувствовала инстинктивно, что всѣ обыкновенныя фразы выговора будутъ праздны.

— Надѣюсь, замѣтила она, обращаясь къ Магдалинѣ съ безжалостнымъ самообладаніемъ дѣвушки пожилыхъ лѣтъ, не помнящей за собою грѣха поцѣлуя.—Надѣюсь (чѣмъ бы вы ни извиняли ваше поведеніе), что вы не будете оспаривать моей обязанности передать то что я сейчасъ видѣла отцу вашему?

— Я избавлю васъ отъ этого безпокойства, отвѣчала спокойно Магдалина.—Я сама передамъ ему это.

Съ этими словами, она оглянулась на Франка дрожавшаго въ углу бесѣдки.—Увидите что будетъ, произнесла она,

съ своею ясною улыбкой.—Увидите и вы, добавила она, обращаясь къ миссъ Гартъ, проходя мимо ея къ завтраку. Глаза миссъ Гартъ съ негодованіемъ послѣдовали за ней; Франкъ же, пользуясь этимъ случаемъ, скользнулъ изъ бесѣдки.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ, порядочная женщина могла сдѣлать лишь одно—содрогнуться. Миссъ Гартъ заявила въ этой формѣ свой протестъ, и пошла въ комнаты.

Когда завтракъ былъ снятъ, и мистеръ Ванстонъ опустилъ руку въ карманъ за сигарочницей, Магдалина поднялась, значительно посмотрѣла на миссъ Гартъ и пошла за отцомъ въ залу.

— Папа, проговорила она,—я хочу поговорить съ тобой сегодня наединѣ.

— Вотъ какъ! удивился мистеръ Ванстонъ.—О чемъ же, моя милая?

— О... Магдалина остановилась, поискала удачнаго выраженія и нашла его.—О дѣлѣ, папа, сказала она.

Мистеръ Ванстонъ взялъ свою фуражку, въ нѣмомъ недоумѣніи открылъ глаза, попробовалъ связать въ своемъ умѣ два крайне-противорѣчивыя понятія о Магдалинѣ и „дѣлѣ“, не успѣлъ въ этомъ, и покорно направился въ садъ.

Дочь взяла его за руку и прошла съ нимъ до скамьи, стоявшей въ тѣни, въ достаточномъ отдаленіи отъ дома. Прежде чѣмъ дать отцу сѣсть, она стряхнула пыль со скамейки своимъ щегольскимъ шелковымъ передникомъ. Мистеръ Ванстонъ не привыкъ къ такому необыкновенному акту вниманія. Онъ сѣлъ, недоумѣвая еще болѣе. Магдалина тотчасъ же усѣлась къ нему на колѣни, и склонила голову къ его плечу.

— Я тяжела, папа? спросила она.

— Да другъ мой, порядочно, отвѣчалъ мистеръ Ванстонъ,—но не для меня. Садись хорошенько. Ну, хорошо? Теперь въ чемъ же состоитъ твое дѣло?

— Оно начинается вопросомъ.

— Вотъ какъ! Это не удивляетъ меня. Дѣла, съ вами, женщинами, всегда начинаются вопросами. Ну!

— Папа! думаешь ли ты когда-нибудь выдать меня замужъ?

Глаза мистера Ванстона раскрывались все шире и шире. Вопросъ этотъ ошеломилъ его.

— Ого! Да это горячее дѣло! произнесъ онъ.—Ну Магдалина! Что̀ еще забродило въ твоей бѣшеной головкѣ теперь?

— Навѣрно не знаю еще, папа. Отвѣчай же на мой вопросъ.

— Отвѣчу, если можно, милая моя; ты немного озадачила меня. Гм! право не знаю... Впрочемъ, пожалуй, я сейчасъ бы выдалъ тебя замужъ, еслибы нашелся хорошій женихъ. Какъ горитъ у тебя лицо! Приподымись, и дай воздуху освѣжить его. Не хочешь? Ну, какъ знаешь. Если толковать о дѣлѣ значитъ щекотать свои щеки а мои бакенбарды, я не стану возражать. Продолжай, другъ мой. Что̀ дальше? Къ дѣлу же!

Она была слишкомъ женщина, чтобы приступить къ дѣлу сейчасъ же. Она стала, напротивъ, обходить главный вопросъ и разчитала подступы до тонкости.

— Всѣ мы были очень удивлены вчера, не правда ли, папа? Франкъ удивительно счастливъ, не такъ ли?

— И не встрѣчалъ такихъ счастливыхъ, отвѣчалъ мистеръ Ванстонъ.—Но чѣмъ же онъ связанъ съ твоимъ дѣломъ? Ты кажется знаешь о чемъ говоришь, Магдалина. Меня же хоть повѣсь, не знаю.

Она сдѣлала небольшой подступъ.

— Я думаю, онъ сдѣлаетъ себѣ карьеру въ Китаѣ? сказала она.—Вѣдь это очень далеко, не такъ ли? Замѣтилъ ты, папа, какъ печально глядѣлъ вчера Франкъ?

— Я былъ такъ удивленъ новостью, отвѣчалъ мистеръ Ванстонъ,—и такъ пораженъ появленіемъ у себя въ домѣ остроносаго стараго Клера, что многаго не замѣтилъ. Теперь, какъ ты припомнила мнѣ это, я и самъ припоминаю. Франкъ, кажется, съ неудовольствіемъ принимаетъ свое счастіе, даже съ большимъ неудовольствіемъ.

— Ты удивляешся этому, папа?

— Да, милая, удивляюсь немного.

— Или ты думаешь, что пріятно быть засланнымъ на пять лѣтъ Богъ знаетъ куда, прокладывать себѣ путь въ жизни между отвратительными варварами и разстаться надолго съ своими друзьями? Или ты думаешь, что Франкъ безъ сожалѣнія оставляетъ насъ? Ты думаешь это, папа, а?

— Тише, Магдалина! Я слишкомъ старовать кажется,

чтобы позволять твоимъ ручкамъ душить меня для своей потѣхи. Ты правду сказала, моя дорогая. Ничего въ этомъ мірѣ безъ изнанки не бываетъ. Да, Франку придется разстаться съ своими друзьями въ Англіи; этого нельзя отрицать.

— Ты всегда любилъ Франка, и Франкъ всегда любилъ тебя.

— Да, онъ добрый малый; смирный, славный малый. Мы съ нимъ всегда ладили.

— Какъ отецъ съ сыномъ, такъ ли?

— Совершенно, другъ мой.

— Быть-можетъ ты почувствуешь это сильнѣе, когда его не будетъ здѣсь.

— Очень можетъ-быть, Магдалина; не скажу нѣтъ.

— Быть-можетъ, ты захочешь, чтобъ онъ лучше не уѣзжалъ изъ Англіи? Отчего бы ему и не остаться въ Англіи, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Китай.

— Душа моя! Въ Англіи нѣтъ для него той перспективы, которой я желалъ бы ему для его же счастія. Я желаю молодцу счастія отъ всей души.

— Могу ли я пожелать ему счастія, папа, также отъ всей души?

— Безъ сомнѣнія, другъ мой; отчего же не пожелать счастія старому товарищу дѣтства? Это что? Господи, Боже мой! О чемъ же это моя дѣвочка расплакалась? Иной подумаетъ, что Франка ссылаютъ на всю жизнь. Ну, глупенькая! Вѣдь ты знаешь, такъ же хорошо какъ и я, что Франкъ отправляется въ Китай дѣлать себѣ карьеру.

— Къ чему ему дѣлать карьеру? Онъ можетъ и безъ карьеры обойдтись.

— Чортъ побери! Какъ же это, желалъ бы я знать?

— Боюсь сказать тебѣ, какъ. Ты станешь смѣяться надо мною. Ну, обѣщай, что не будешь смѣяться?

— Изволь, милая, обѣщаю. Ну же кончай! Какъ же Франкъ можетъ обойдтись?

— Женившись на мнѣ.

Еслибы разстилавшійся передъ глазами мистера Вандстона, лѣтній ландшафтъ вдругъ обратился въ печальный зимній видъ, еслибы деревья вдругъ утратили свою листву, а зеленыя поля покрылись бы вдругъ снѣгомъ, лицо его не могло бы выразить бо́льшаго изумленія чѣмъ въ ту

минуту, когда трепетный голосъ дочери произнесъ эти три послѣднія слова. Онъ попробовалъ было взглянуть на нее, но она не давалась ему, припавъ лицомъ къ его плечу. Искренно ли говорила она? Щеки ея, еще мокрыя отъ слезъ, отвѣчали за нее. Наступило долгое молчаніе; она ждала, съ непривычнымъ терпѣніемъ, ждала что онъ скажетъ. Онъ поднялся и произнесъ только: „Ты удивляешь меня, Магдалина,—удивляешь болѣе чѣмъ я могу сказать тебѣ.“

Услышавъ измѣнившійся тонъ его голоса, звучавшій отеческимъ упрекомъ, Магдалина еще крѣпче обвила его руками.

— Огорчила я тебя, папа? спросила она нѣжно и робко.— Не говори этого! Съ кѣмъ могу я подѣлиться своею тайной, какъ не съ тобой? Не давай ему уѣзжать, не давай, не давай! Ты разобьешь его сердце. Онъ боится говорить съ отцомъ; онъ боится даже, чтобъ и ты не разсердился на него. За насъ никто не станетъ говорить, кромѣ меня! О! не позволяй ему уѣзжать! Не позволяй, для его счастія,—и тутъ ея шепотъ слился съ поцѣлуемъ,—не позволяй, для моего!..

Доброе лицо отца омрачилось. Онъ вздохнулъ и нѣжно погладилъ прекрасную голову дочери. „Полно, дорогая моя, произнесъ онъ почти шепотомъ, полно!“ Онъ самъ не понималъ что открывало ему теперь каждое ея слово, каждое ея дѣйствіе. Съ самаго дѣтства и до этихъ поръ, онъ былъ ея забавой, участникомъ ея игръ. Будучи ребенкомъ, она рѣзвилась съ нимъ, и выросла—не перестала рѣзвиться. Никогда не разлучался онъ съ дочерью на столько, чтобъ его поразила, при возвращеніи, какая-нибудь перемѣна въ ней. Съ годами, его безхитростный и простой взглядъ на дочь сказалъ ему только, что она уже подростее дитя, не болѣе. А тутъ вдругъ, словно молнія, поразила его мысль, что она уже женщина. Онъ чувствовалъ это въ трепетѣ припавшей къ его сердцу груди, въ нервной дрожи рукъ обвившихся вокругъ его шеи. Ребенокъ Магдалина — уже женщина, и женщина уже любящая.

— Хорошо ли ты подумала объ этомъ, милая моя? спросилъ онъ, какъ только почувствовалъ возможность заговорить спокойно.—Увѣрена ли ты..

Она отвѣчала на вопросъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить его.

— Увѣрена ли, что люблю его? произнесла она.—О! нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ мое да! Я люблю его!

Ея голосъ оборвался, и конецъ отвѣта потерялся во вздохѣ.

— Ты очень молода еще. Вы оба съ Франкомъ, другъ мой, очень молоды еще.

Въ первый разъ приподняла она тутъ свою голову съ его плеча. Мысль и слово вырвались у нея разомъ.

— Многимъ ли мы моложе теперь чѣмъ ты и мама были тогда? спросила она, улыбаясь сквозь слезы.

Она хотѣла было снова опустить свою голову на его плечо, но при этихъ словахъ ея, отецъ охватилъ ея станъ прежде чѣмъ она успѣла опомниться, заставилъ ее взглянуть себѣ въ лицо, и поцѣловалъ ее со взрывомъ нѣжности, наполнившимъ глаза ея слезами. „Не многимъ, дитя мое, проговорилъ онъ тихимъ, дрожавшимъ голосомъ, не многимъ моложе чѣмъ я и мать были тогда.“ Онъ отклонилъ ее отъ себя, поднялся и быстро отвернулъ въ сторону голову. „Подожди здѣсь и успокойся; я пойду домой и поговорю съ твоею матерью“. Голосъ его снова задрожалъ при этихъ словахъ, и онъ оставилъ дочь, не взглянувъ на нее.

Она ждала, ждала долго, а онъ не приходилъ. Наконецъ, возраставшее безпокойство заставило ее пойдти въ комнаты. Новое опасеніе овладѣло ея сердцемъ, когда она, въ нерѣшимости, приближалась къ двери. Никогда еще добрая простая душа ея отца не раскрывалась передъ ней въ такой глубинѣ какъ теперь, вслѣдствіе ея признанія. Новая встрѣча съ нимъ страшила ея. Пугливо ходила она по залѣ изъ конца въ конецъ, боясь встрѣтиться съ сестрой или съ миссъ Гартъ, и вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ въ домѣ. Дверь утренней сборной комнаты отворилась, когда она стояла спиной къ ней. Оглянувшись и увидѣвъ отца, она сильно содрогнулась; крѣпче забилось ея сердце, и она почувствовала, что блѣднѣетъ. Но взглянувъ второй разъ на подходившаго отца, она успокоилась немного. Тотъ глядѣлъ спокойно, хотя и не такъ весело, какъ обыкновенно. Она замѣтила, что приблизившись къ ней, онъ заговорилъ съ ней тѣмъ нѣжнымъ кроткимъ тономъ, съ которымъ онъ обращался чаще къ матери чѣмъ къ ней.

— Ступай туда, другъ мой, произнесъ онъ, отворяя только что затворенную имъ дверь.—Скажи своей матери все что̀ ты сказала мнѣ, и болѣе, если имѣешь что̀ прибавить. Она болѣе, чѣмъ я, готова выслушать тебя. Сегодня мы подумаемъ объ этомъ, а завтра ты и Франкъ узнаете что̀ мы рѣшимъ.

Ея устремленные на отца глаза засвѣтились, увидѣвъ въ нихъ уже принятое рѣшеніе съ зоркостью женщины, и женщины любящей. Счастливая и прекрасная въ своемъ счастіи, она приложила его руку къ своимъ губамъ и смѣло вошла въ комнату. Тамъ слова отца уже приготовили ей путь, тамъ уже прошла первая минута изумленія, и оставалось лишь чувство удовольствія. Мать ея сама была молода, она захочетъ знать, какъ ея дочь любитъ Франка. Такимъ образомъ, она въ мысляхъ предыспытывала свиданіе съ матерью, и не ошибалась: все именно такъ и вышло. Лишь въ первыя минуты мистриссъ Ванстонъ обнаружила нѣкоторую сдержанность. Но потомъ вопросы матери становились все чаще и откровеннѣе, при сладкихъ, не утраченныхъ еще воспоминаніяхъ о впечатлѣніяхъ собственнаго сердца: слушая Магдалину, она снова переживала свои юные дни,—дни надежды и любви.

На слѣдующій день, великое рѣшеніе было объявлено. Мистеръ Ванстонъ пригласилъ дочь наверхъ, въ комнату матери, и тамъ объявилъ ей результатъ вчерашнихъ совѣщаній. Онъ говорилъ ласково и совершенно спокойно, но короче и серіознѣе чѣмъ всегда, и все время съ нѣжностію держалъ руку жены своей.

Онъ сказалъ Магдалинѣ, что ни онъ, ни мать ея, не считаютъ себя въ правѣ осуждать ея привязанность къ Франку. Привязанность эта была отчасти естественнымъ слѣдствіемъ ея дѣтской короткости съ нимъ; отчасти также слѣдствіемъ сближенія между ними въ послѣднее время. Но тѣмъ не менѣе ея родители обязаны подвергнуть это чувство надлежащему испытанію съ обѣихъ сторонъ,— въ ея интересѣ, потому что ея счастіе составляетъ ихъ главную заботу,—въ интересѣ Франка, потому что они обязаны дать ему возможность показать себя достойнымъ довѣрія. Оба они сознаютъ, что предрасположены въ пользу Франка. Эксцентрическое поведеніе отца, съ первыхъ лѣтъ, сдѣлало мальчика предметомъ ихъ сожалѣній и заботъ; онъ съ сво-

ими младшими братьями замѣнялъ въ ихъ сердцѣ мѣсто потерянныхъ ими дѣтей. Хотя они убѣждены, что хорошее мнѣніе ихъ о Франкѣ основательно; однако, для счастія дочери, считаютъ необходимымъ испытать основательность этого мнѣнія назначеніемъ нѣкоторыхъ условій и отсрочкой брака на годъ.

Въ продолженіи этого года, Франкъ останется въ лондонской конторѣ; его принципаловъ увѣдомятъ, что семейныя обстоятельства не позволяютъ ему принять мѣсто въ Китаѣ. Настоящее рѣшеніе Франкъ долженъ считать благопріятнымъ для себя лишь на слѣдующихъ условіяхъ: Если въ продолженіи этого года испытанія, онъ не оправдаетъ довѣрія къ себѣ,—довѣрія, заставившаго мистера Ванстона принять на себя всю отвѣтственность за будущее Франка, то предполагаемый бракъ не состоится. Если же съ надеждой ожидаемый мистеромъ Ванстономъ результатъ сбудется, если годъ испытанія Франка оправдаетъ довѣріе къ нему, то сама Магдалина наградитъ его тогда всѣмъ чѣмъ можетъ наградить женщина, а состояніе, которое обѣщали ему его директоры, какъ слѣдствіе пятилѣтняго пребыванія въ Китаѣ, достанется ему черезъ годъ съ приданымъ молодой жены.

Когда отецъ кончилъ, Магдалина не могла сдержать взрыва своей признательности. Глубоко тронутая, она заговорила отъ всего сердца. Выждавъ, чтобы дочь и жена успокоились снова, мистеръ Ванстонъ произнесъ въ заключеніе:

— Ты понимаешь, моя милая, что я не намѣренъ позволять Франку жить, ничего не дѣлая, на счетъ жены. Мой планъ,—чтобъ онъ воспользовался вниманіемъ хозяевъ къ нему. При ихъ знакомствѣ съ дѣлами въ Сити, они скоро найдутъ ему случай вступить въ хорошую компанію, а ты дашь ему денегъ на покупку паевъ. Сумму эту я полагаю въ половину твоего состоянія; остальную половину я переведу на тебя. Всѣ мы надѣюсь будемъ живы здоровы,—при этихъ словахъ онъ нѣжно взглянулъ на жену,—къ концу года. Но если меня и не будетъ, Магдалина, то это не сдѣлаетъ никакой разницы. Завѣщаніе мое, сдѣланное еще когда я и не думалъ имѣть зятя, дѣлитъ мое состояніе на двѣ равныя части. Одна половина достается матери; другая—распре-

дѣляется поровну между дѣтьми. Ты получишь свою долю въ день твоей свадьбы (а Нора въ день своей) отъ меня, если я буду живъ; по завѣщанію, если я умру. Ба, ба, ба! прошу не хмуриться, прибавилъ онъ тутъ съ возвратившеюся на минуту своею обычною веселостью.—Твоя мать и я надѣемся жить еще и видѣть Франка богатымъ негоціантомъ. Ну, я предоставляю тебѣ теперь, другъ мой, объяснить дѣло сыну, а самъ пойду въ домикъ отца...

Онъ остановился тутъ; брови его сдвинулись немного, и онъ въ нерѣшимости посмотрѣлъ на мистриссъ Ванстонъ.

— Что тебѣ дѣлать тамъ, папа? спросила Магдалина, не дождавшись окончанія его фразы.

— Я долженъ переговорить съ отцомъ Франка, отвѣчалъ онъ. — Намъ не слѣдуетъ забывать, что для рѣшенія этого дѣла нужно согласіе отца. А такъ какъ дѣло къ спѣху, и мы не знаемъ что̀ еще станетъ онъ возражать, то чѣмъ скорѣе я повидаюсь съ нимъ, тѣмъ лучше.

Онъ сдѣлалъ этотъ отвѣтъ тихимъ, измѣнившимся голосомъ и всталъ полу-охотно, полу-принужденно, что̀ Магдалина замѣтила съ тайнымъ опасеніемъ.

Она посмотрѣла вопросительно на мать. Казалось, мистриссъ Ванстонъ была также взволнована перемѣной въ мужѣ. Она глядѣла тревожно, и быстро отвернула свое лицо къ диванной подушкѣ, какъ бы чувствуя какую-то боль.

— Здорова ли ты, мама? спросила Магдалина.

— Совершенно, другъ мой, кратко и рѣзко, не поворачиваясь, отвѣчала мистриссъ Ванстонъ. — Оставь меня на минуту, мнѣ хочется отдохнуть.

Магдалина вышла съ отцомъ.

— Папа! прошептала она съ безпокойствомъ, спускаясь съ лѣстницы.—Вѣдь мистеръ Клеръ не откажетъ.

— Не знаю впередъ, отвѣчалъ мистеръ Ванстонъ.—Думаю, что не откажетъ.

— Почему бы ему отказать, а?

Она сдѣлала вопросъ этотъ робко, въ то время какъ онъ бралъ свою шляпу и трость; повидимому, онъ не рѣшалъ его. Не зная, повторить его или нѣтъ, она проводила его до самаго саду. Онъ остановилъ ее на лугу и отослалъ домой.

— У тебя голова открыта, другъ мой, замѣтилъ онъ. —

Выходя въ садъ, не забывай какъ горячо жжетъ солнце, и надѣвай всегда шляпу.

Онъ направился къ дому мистера Клера.

Съ минуту простояла она, слѣдя за нимъ глазами, наблюдая обычнбе маханье его трости и видя, какъ бѣжавшій за нимъ, лая и прыгая, маленькій шотландскій барсукъ, оставался незамѣченнымъ. Отецъ былъ разстроенъ, разстронъ сильно. Что бы это значило?

X.

Возвратясь домой и проходя черезъ переднюю, Магдалина почувствовала чье-то прикосновеніе къ своему плечу. Она повернулась и увидѣла сестру. Не успѣла она спросить у нея какъ та, съ разстроеннымъ видомъ, произнесла:—Прости меня; прошу тебя, прости меня.

Съ удивленіемъ посмотрѣла на нее Магдалина. Поглощенная своею новою заботой, она забыла совершенно о рѣзкихъ словахъ, которыми обмѣнялись онѣ съ сестрой въ рощѣ, забыла, какъ будто никогда и не было той непріятной встрѣчи.—Простить тебя? повторила она:—да въ чемъ же?

— Я слышала о твоихъ новыхъ видахъ, продолжала Нора, съ машинальною покорностью, дѣлавшею ее почти непріятною:— я хотѣла помириться съ тобой и выразить свое сожалѣніе о случившемся между нами. Забудешь ли ты? Забудешь ли, и простишь ли мнѣ бывшее въ рощѣ?

Она хотѣла продолжать, но ея закоренѣлая замкнутость и скрытность, или быть-можетъ ея упорство въ своихъ мнѣніяхъ, заставили ее вдругъ замолчать при этихъ послѣднихъ словахъ. Лицо ея омрачилось, и прежде чѣмъ сестра могла сказать ей что-нибудь въ отвѣтъ, она рѣзко повернулась и пошла на верхъ.

Не успѣла Магдалина послѣдовать за ней, какъ дверь библіотеки отворилась, и миссъ Гартъ выступила впередъ, чтобы сказать ей нѣсколько приличныхъ обстоятельствамъ словъ.

То не были искусственно-покорныя слова, только что слышанныя Магдалиной. Нора боролась противъ укоренившагося въ ней отвращенія къ Франку изъ уваженія къ рѣшенію отца и матери, и только скрывала свое нерас-

положеніе, оставаясь въ сущности при томъ же чувствѣ. Миссъ Гартъ не дѣлала такихъ уступокъ хозяину и хозяйкѣ дома. Она до сихъ поръ была высокимъ авторитетомъ во всѣхъ домашнихъ вопросахъ, и она никакъ не хотѣла сойдти съ своего пьедестала изъ уваженія къ какой либо перемѣнѣ въ домашнихъ обстоятельствахъ, какъ бы ни была эта перемѣна поразительна или неожиданна.

— Примите мои поздравленія, произнесла миссъ Гартъ, переполненная возраженій противъ Франка, — поздравленія и извиненія. Когда я поймала васъ на поцѣлуѣ съ мистеромъ Франсисомъ Клеромъ въ павильйонѣ, я не знала, что вы только исполняете желаніе вашихъ родителей. Молчу объ этомъ. Я жалѣю только о своемъ случайномъ появленіи въ качествѣ препятствія на пути истинной любви, которая, повидимому, катится гладко въ павильйонахъ, что̀ бы ни говорилъ Шекспиръ. Впередъ смотрите на меня какъ на препятствіе устраненное, и будьте, если только возможно, счастливы!

Словно западня закрылись затѣмъ губы миссъ Гартъ, а глаза ея, съ зловѣщею зоркостью, устремились въ будущую супружескую жизнь.

Не будь Магдалина такъ серіозно озабочена, у ней сейчасъ же нашелся бы приличный насмѣшливый отвѣтъ. Теперь же миссъ Гартъ только раздражила ее.—„Ну!“сдѣлала она только, и побѣжала наверхъ въ комнату сестры.

Она постучала, но не получила отвѣта. Она попробовала отворить дверь, но та была заперта снутри. Угрюмая, неподатливая Нора заперлась у себя.

Въ другихъ обстоятельствахъ, Магдалина не удовольствовалась бы однимъ стукомъ, а стала бы кричать сквозь дверь все громче и громче, пока наконецъ не подняла бы весь домъ и не достигла своей цѣли. Но тревоги и опасенія утра утомили ее. Она тихо спустилась въ низъ и сняла въ передней съ вѣшалки свою шляпу. „Онъ велѣлъ мнѣ надѣвать шляпу,“ проговорила она про себя съ кроткою дочернею покорностью, которая вовсе не была въ ея характерѣ.

Она отправилась въ садъ, по направленію къ рощѣ, и остановилась тамъ, чтобы подстеречь возвращеніе отца. Прошло полчаса, прошли сорокъ минутъ, и вотъ изъ-за дальнихъ деревьевъ послышался его голосъ. „Пошла сюда!“

кричалъ онъ громко собакѣ. Она поблѣднѣла. „Онъ сердится на Снапа!“ прошептала она. Черезъ минуту, онъ показался, быстро подвигаясь съ опущенною головой, а опальный Снапъ бѣжалъ сзади по пятамъ его. Внезапное волненіе, овладѣвшее ею при видѣ этихъ зловѣщихъ признаковъ, возстановило ея природную энергію и побудило ее узнать, во что бы то ни стало, въ чемъ дѣло.

Она пошла прямо на встрѣчу отцу.

— Лицо твое, папа, говоритъ о дурныхъ вѣстяхъ, кротко проговорила она.—Значитъ мистеръ Клеръ былъ такъ же бездушенъ, какъ и всегда, и отказалъ.

Отецъ ея повернулся къ ней такъ рѣзко и такъ непрывычно себѣ, что она въ испугѣ отступила назадъ.

— Магдалина! произнесъ онъ:—когда тебѣ впередъ случится говорить о моемъ старомъ другѣ и сосѣдѣ, то заруби себѣ въ памяти слѣдующее: мистеръ Клеръ обязалъ меня такъ, что я останусь благодаренъ ему на всю жизнь.

Произнеся эти слова, онъ вдругъ остановился. Замѣтивъ, что испугалъ дочь, онъ, побуждаемый своею природною добротой, постарался тотчасъ же успокоить ее и прекратить сомнѣніе, отъ котораго она сильно страдала. „Поцѣлуй меня, душа моя, замѣтилъ онъ, а я скажу тебѣ за то, что мистеръ Клеръ согласился.“

Она хотѣла благодарить его, но внезапность ея радости лишила ея голоса. Она могла лишь безмолвно повиснуть на его шеѣ. Онъ чувствовалъ ея дрожь съ головы до ногъ, и сказалъ нѣсколько словъ въ успокоеніе. При измѣнившихся звукахъ хозяйскаго голоса, трусливый хвостикъ собаки показался изъ-подъ ея ногъ, а горло скромно заявило о себѣ маленькимъ пробнымъ лаемъ. Принятіе собакой своего прежняго положенія, всего болѣе способствовало развлеченію и успокоенію Магдалины. Она взяла косматую собачонку на руки, и поцѣловала ее. „Душечка Снапъ, воскликнула она, онъ почти также счастливъ, какъ я!“ И взглянувъ на отца съ нѣжнымъ упрекомъ, прибавила:

— Ты испугалъ меня, папа. Ты былъ такъ не похожъ на себя.

— Завтра буду какъ всегда, моя милая. Я немного разстроенъ сегодня.

— Изъ-за меня?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Изъ-за чего-нибудь слышаннаго тобою у мистера Клера?

— Да тебѣ нечего объ этомъ безпокоиться; завтра все объяснится. Пусти меня теперь, моя милая; я долженъ написать одно письмо и хочу поговорить съ твоею матерью.

Онъ оставилъ ее и направился къ дому. Магдалина осталась нѣсколько времени на лугу, предаваясь блаженству своихъ новыхъ впечатлѣній; затѣмъ, повернула она въ рощу, чтобы насладиться еще бо́льшимъ блаженствомъ передать ихъ другому. Собака побѣжала за ней. Она свистнула и хлопнула руками: „Сыщи его!“ крикнула она съ сіяющими глазами.—„Сыщи Франка!“ Зарычавъ кровожадно, собака бросилась въ кусты. Быть-можетъ, она не поняла своей молодой барышни и сочла себя посланною на поискъ крысы

Мистеръ Ванстонъ, между тѣмъ, пришелъ домой. Онъ встрѣтилъ жену, медленно спускавшуюся съ лѣстницы и подошелъ подать ей руку. „Ну какъ дѣло кончилось?“ тревожно спросила она, направляясь съ нимъ къ дивану.

— Такъ счастливо, какъ мы надѣялись, отвѣчалъ мужъ.— Мой старый пріятель доказалъ, что я въ немъ не ошибался.

— Слава Богу, съ жаромъ произнесла мистриссъ Ванстонъ.

— Тяжело тебѣ было, другъ мой? спросила она, когда мужъ устраивалъ подушки на диванѣ.—Очень тяжело?

— На мнѣ лежалъ долгъ, другъ мой, и я исполнилъ его.

Произнеся эти слова, онъ остановился въ нерѣшимости. Замѣтно было, что онъ не досказалъ чего-то, можетъ-быть, о томъ неловкомъ чувствѣ, которое осталось въ немъ послѣ свиданія съ мистеромъ Клеромъ и въ которомъ вопросы Магдалины заставили его сознаться. Взглядъ на жену внушилъ ему рѣшеніе не говорить. Онъ спросилъ только, хорошо ли ей, и затѣмъ повернулся, чтобъ уйдти.

— Ты уходишь? спросила она.

— Надо написать одно письмо, другъ мой.

— Что-нибудь насчетъ Франка?

— Нѣтъ; завтра рѣшимъ на счетъ его. Письмо къ мистеру Пендрилю; онъ нуженъ мнѣ немедленно.

— По дѣлу какому-нибудь?

— Да, другъ мой, по дѣлу.

Онъ вышелъ и заперся въ маленькой комнатѣ, какъ разъ

у входныхъ дверей, которую называли его кабинетомъ. По природѣ и привычкамъ самый неаккуратный изъ корреспондентовъ, теперь онъ немедленно открылъ свой письменый столъ и взялся за перо. Письмо его заняло три большія страницы; оно отличалось и быстротою изложенія, и быстротою почерка, какія рѣдко замѣчались въ его обыкновенной корреспонденціи. На адресѣ стояло: „Очень нужное: Вилльяму Пендрилю, эсквайру, Сирль-Стритъ, Линкольнъ-Иннъ, Лондонъ.“ Онъ отбросилъ потомъ письмо въ сторону, и не вставая, задумался, водя перомъ по протечной бумагѣ. „Нѣтъ, произнесъ онъ, болѣе ничего не могу сдѣлать до пріѣзда Пендриля“. Онъ поднялся и, приложивъ марку къ письму, видимо успокоился. Когда онъ оставлялъ комнату, вся фигура его показывала, что письмо много облегчило его.

На крыльцѣ онъ встрѣтилъ Нору и миссъ Гартъ, отправлявшихся вмѣстѣ гулять.

— Куда вы идете? спросилъ онъ.—Не будете ли близко отъ почтовой конторы? Пожалуста, Нора, отдай тамъ это письмо. Оно очень важно, такъ важно, что я даже не рѣшаюсь довѣрить его Томасу.

Нора тотчасъ же взяла письмо.

— Взглянувъ на адресъ, другъ мой продолжалъ отецъ,—ты увидишь, что я пишу мистеру Пендрилю. Я жду его завтра пополудни. Будьте такъ добры, сдѣлайте необходимыя распоряженія, миссъ Гартъ. Мистеръ Пендриль ночуетъ здѣсь завтра и останется на воскресенье. Впрочемъ, позвольте! Сегодня пятница. У меня, кажется, есть дѣло пополудни въ субботу. — Онъ посмотрѣлъ въ свою записную книжку и прочелъ съ досадой на одномъ изъ листковъ:—„Грелзійская мельница, въ три часа въ субботу.“ Именно тогда, когда Пендриль пріѣдетъ, а я долженъ быть дома, чтобы видѣть его. Какъ устроить дѣло? Въ понедѣльникъ слишкомъ поздно въ Грелзи. Поѣду лучше сегодня, и какъ разъ застану мельника за обѣдомъ.—Онъ взглянулъ на часы.—На лошадяхъ уже некогда, нужно взять мѣсто на желѣзной дорогѣ. Если я отправлюсь тотчасъ же, то захвачу, у нашей станціи, поѣздъ туда и буду съ нимъ въ Грелзи. Позаботься о письмѣ, Нора; къ обѣду я не запоздаю; если не поспѣю на обратный поѣздъ, то возьму у кого-нибудь одноколку и возвращусь на ней.

Когда онъ снималъ свою шляпу, въ дверяхъ появилась Магдалина, возвращавшаяся со свиданія съ Франкомъ. Замѣтивъ торопливость движеній отца, она спросила его куда онъ собирается.

— Въ Грелзи, отвѣчалъ мистеръ Ванстонъ.—Ваше дѣло, миссъ Магдалина, повстрѣчалось съ моимъ, и мое должно посторониться.

По старому, весело проговорилъ онъ эти послѣднія слова и ушелъ, помахивая, какъ всегда, своею тростью.

— Мое дѣло! удивилась Магдалина.—Я думала, что оно уже кончено.

Миссъ Гартъ указала выразительно на письмо бывшее въ рукахъ Норы.—По вашему дѣлу, безъ всякаго сомнѣнія, замѣтила она.—Завтра долженъ прибыть мистеръ Пендриль, и мистеръ Ванстонъ ожидаетъ его, повидимому, съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Законъ съ его представителями всегда ужь какъ-нибудь впутаются. Гувернантки, заглядывающія въ двери бесѣдокъ, не единственныя препятствія на пути истинной любви. Препятствіемъ бываетъ и бумага. Надѣюсь, что бумага будетъ также гибка, какъ я, и я желаю вамъ съ не успѣха. Ну, идемте, Нора!

Вторая стрѣла миссъ Гартъ такъ же мало подѣйствовала, какъ и первая. Магдалина возвратилась домой немного разстроенная, ибо свиданіе ея съ Франкомъ было прервано посломъ отъ мистера Клера за сыномъ. Хотя на свиданіи между мистеромъ Ванстономъ и Клеромъ было рѣшено, что затронутые ими утромъ вопросы будутъ сообщены дѣтямъ не прежде какъ по прошествіи года испытанія, и хотя, при этомъ, мистеръ Клеръ не могъ передать сыну ничего болѣе того что̀ передала ему пріятнѣйшимъ образомъ Магдалина, однако отецъ рѣшился лично извѣстить его о своемъ согласіи, избавлявшемъ его отъ ссылки въ Китай. Слѣдствіемъ этого рѣшенія была посылка за сыномъ, поразившая Магдалину, но не удивившая, повидимому, Франка. Его сыновняя опытность безъ труда угадала причину отцовскаго побужденія.

— Когда отецъ мой въ духѣ, недовольно произнесъ онъ,—онъ любитъ пошумѣть насчетъ моего счастія. Видно собирается и теперь.

— Не ходи, замѣтила Магдалина.

— Не могу не йдти, отвѣчалъ Франкъ.—Съ нимъ не

расквитаешься, если не пойдешь. Онъ теперь заряженъ, и ему надо разрядить себя. Онъ разрядилъ себя въ первый разъ, когда взялъ меня инженеръ; во второй—когда контора въ Сити взяла меня; теперь онъ разрядитъ себя въ третій разъ, когда *ты* берешь меня. Не будь тебя, лучше бы мнѣ было на свѣтъ не родиться. Да, твой отецъ очень добръ ко мнѣ; еслибы не онъ, пришлось бы мнѣ ѣхать въ Китай. Я ему очень благодаренъ. Мы, право, не должны желать ничего болѣе; непріятно только, что насъ заставляютъ ждать цѣлый годъ, не такъ ли?

Магдалина закрыла ему ротъ, и Франкъ съ удовольствіемъ принялъ эту сдержку. Въ то же время она не приминула объяснить, въ хорошую сторону, высказанное имъ неудовольствіе. „Какъ любитъ онъ меня! думала она.—Годъ ожиданія кажется ему бѣдствіемъ?“ Она пошла домой, въ тайнѣ сожалѣя, что не услышала болѣе любезныхъ жалобъ со стороны Франка. Тонкая насмѣшка миссъ Гартъ прошла для нея безплодно въ этомъ расположеніи духа. Что за дѣло Магдалинѣ до всякихъ насмѣшекъ? *Молодости* и *Любви* что имъ за дѣло до всего остальнаго? Она даже не сдѣлала своего „ну!“ въ этотъ разъ. Спокойно сняла она свою шляпу и спокойно направилась въ утреннюю комнату, чтобы побыть тамъ съ матерью. За завтракомъ, предчувствіе какой-нибудь ссоры Франка съ отцомъ начало мучить ее, и не давало ей ѣсть спокойно. Полчаса убила она за фортепіано, играя отрывки изъ пѣсенъ Мендельзона, мазурокъ Шопена, оперъ Верди, сонатъ Моцарта, сливавшіеся вмѣстѣ въ одно безсмертное произведеніе, подъ именемъ „Франкъ“. Она закрыла фортепіано и поднялась въ свою комнату, чтобъ предаться нѣгѣ мечтаній о будущемъ. Зеленые жалузи были закрыты, большое кресло подкачено къ зеркалу, дѣвушка позвана наверхъ, и гребень, расчесывая барышнины волосы, помогалъ и вторилъ барышнинымъ мечтамъ, пока наконецъ теплота и праздная нѣга не усыпили Магдалину.

Пробили уже три часа, когда она проснулась. Спустившись въ низъ, она застала мать, Нору и миссъ Гартъ, наслаждавшихся на террасѣ тѣнью и прохладой дня.

Нора держала въ рукахъ таблицу поѣздовъ. Она разчитывала, успѣетъ ли мистеръ Ванстонъ захватить обратный поѣздъ и возвратиться вовремя домой. Отъ этого

онѣ перешли невольно къ его поѣздкѣ въ Грелзи,—поѣздкѣ предпринятой какъ всегда, съ доброю цѣлью, чтобы пособить мельнику, который служилъ когда-то на его фермѣ и находился теперь въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Отсюда онѣ перешли къ очень обыкновенному, но никогда не изсякавшему предмету разговоровъ между нами,—къ оцѣнкѣ самого мистера Ванстона. У каждой изъ трехъ собесѣдницъ было что-нибудь сказать о его простой, благородной натурѣ. Какъ-то болѣзненно-интересенъ казался теперь этотъ разговоръ для его жены. Время ея разрѣшенія приближалось, и она не могла не быть нервно-чувствительною при разговорѣ о предметѣ, занимавшемъ всегда первое мѣсто въ ея сердцѣ. Когда Магдалина подошла къ маленькой группѣ, сидѣвшей подъ навѣсомъ, глаза матери были наполнены слезами, а руки дрожали, указывая на незанятый стулъ подлѣ нея.

— Мы говорили о твоемъ отцѣ, тихо произнесла она.— Ахъ, другъ мой! Еслибы твоя замужняя жизнь была такъ счастлива...

Голосъ измѣнилъ ей; она быстро приложила платокъ къ своему лицу и осталась съ склоненною къ плечу Магдалины головой. Нора выразительно посмотрѣла на миссъ Гартъ, которая тотчасъ же перемѣнила предметъ, заговоривъ о возвращеніи мистера Ванстона.

— Мы толковали, сказала она, смотря значительно на Магдалину,—успѣетъ ли вашъ отецъ захватить обратный поѣздъ, или же пропуститъ его и будетъ принужденъ воротиться назадъ въ экипажѣ. Какъ вы думаете?

— Я думаю, что папа не захватитъ поѣзда, отвѣчала Магдалина, понявъ тотчасъ же намекъ миссъ Гартъ.—Послѣднимъ его дѣломъ, въ Грелзи, будетъ, какъ всегда, то зачѣмъ онъ поѣхалъ туда. Всегда, когда у него есть дѣло, онъ оставляетъ его до послѣдней минуты; не правда ли, мама?

Вопросъ ея произвелъ на мать именно то впечатлѣніе, какого желала Магдалина.

— Не тогда, когда онъ ѣдетъ съ какою-нибудь благотворительною цѣлью, вступилась миссъ Ванстонъ.— Онъ поѣхалъ теперь помочь мельнику въ большой бѣдѣ...

— А развѣ ты не знаешь что̀ онъ станетъ дѣлать? продолжала Магдалина.—Онъ станетъ возиться съ дѣтьми,

болтать съ женою и подшучивать надъ мельникомъ. Наконецъ, когда у него останется пять минутъ до отправки поѣзда, скажетъ: „ну пойдемъ въ контору, взглянуть въ книги.“ Книги онъ найдетъ, вѣроятно, въ ужасномъ безпорядкѣ, посовѣтуетъ послать за счетчикомъ, тотчасъ же поправитъ дѣло, доложивъ денегъ, потомъ протрясется назадъ въ мельниковой одноколкѣ и разкажетъ намъ послѣ какъ хороша прогулка по вечернему холодку.

Маленькій эскизъ Магдалины былъ очень вѣренъ. Улыбка одобренія появилась на лицѣ мистриссъ Ванстонъ.

— Когда папа возвратится домой, сказала она,—мы повѣримъ твои слова. Я думаю, продолжала она, съ усиліемъ подымаясь со стула,—мнѣ лучше будетъ войдти въ комнаты и подождать его тамъ, на диванѣ.

Общество разошлось. Магдалина ушла въ садъ, чтобъ узнать отъ Франка о его свиданіи съ отцомъ. Три остальныя дамы направились вмѣстѣ въ комнаты. Когда мистриссъ Ванстонъ улеглась на диванѣ, Нора и миссъ Гартъ оставили ее отдохнуть, а сами удалились въ библіотеку просмотрѣть послѣднія, присланныя изъ Лондона книги.

То былъ ясный, безоблачный лѣтній день. Легкій западный вѣтерокъ освѣжалъ воздухъ; съ ближняго поля весело доносились веселые голоса пахарей; звонъ часовъ на деревенской церкви, выбивавшихъ каждую четверть, долеталъ по вѣтру ясно и звучно. Испаренія цвѣтника и поля, вливаясь въ открытыя окна, наполняли домъ ароматомъ, а птички у Норы на верху пѣли солнышку свою пѣсню.

Когда церковные часы пробили четверть пятаго, дверь утренней комнаты отворилась, и мистриссъ Ванстонъ прошла черезъ переднюю. Старанія ея успокоить себя оказались напрасными. Въ тревогѣ своей, она не могла лежать спокойно и заснуть. Она хотѣла было на террасу, но потомъ повернулась назадъ, не зная куда пойдти и что̀ дѣдать. Въ это время полуотворенная дверь мужнина кабинета обратила на себя ея вниманіе. Комната была въ большомъ безпорядкѣ. Ящики оставались не затвореннымиː платья и шляпы, счеты и бумаги, трубки и удочки, все было перемѣшано. Онъ вошла въ комнату, и слегка притворила за собою дверь. „Не дурно будетъ убрать его комнату“, подумала она. „Я желала бы сдѣлать для него что-нибудь, пока еще не слегла въ постель.“ Она стала приво-

дить въ порядокъ его ящики, и въ одномъ изъ нихъ увидѣла его открытую вексельную книгу. „Милый мой добрякъ, какъ онъ не остороженъ! Еслибъ я не замѣтила, то прислуга могла бы узнать всѣ его дѣла.“ Она затворила ящики и затѣмъ обратилась къ разнообразнымъ бездѣлкамъ на столѣ. Между кучами разрозненныхъ листовъ она увидѣла старыя ноты, съ написаннымъ на нихъ поблѣднѣвшими уже чернилами своимъ именемъ. Счастливая находкой, она закраснѣлась, въ первую минуту, словно молодая дѣвушка. „Какъ онъ добръ ко мнѣ! Не забылъ до сихъ поръ моихъ старенькихъ нотъ и бережетъ ихъ у себя.“ Когда она сѣла къ столу и открыла тетрадь, былые дни, со всею ихъ прелестью, воскресли въ ея памяти. Прошла четверть часа, прошла половина, а она сидѣла все на томъ же мѣстѣ съ тетрадкою нотъ на своихъ колѣняхъ, мечтая о прошломъ и вспоминая о дивныхъ дняхъ, когда его рука переворачивала для нея страницы, а голосъ нашептывалъ слова, которыхъ ни одна женщина никогда не забываетъ.

Нора, занятая чтеніемъ книги, поднялась и взглянула на каминные часы библіотеки.

— Если папа воротится по желѣзной дорогѣ, замѣтила она, то онъ долженъ быть здѣсь черезъ десять минутъ.

Миссъ Гартъ вздрогнула и сонно посмотрѣла изъ-за книги, валившейся изъ ея рукъ.

— Я не думаю, чтобъ онъ возвратился съ поѣздомъ, отвѣчала она.—Вѣрнѣе, протрясется обратно, какъ выразилась шутливо Магдалина,—въ одноколкѣ мельника.

Въ эту минуту послышался стукъ у дверей. Вошелъ лакей и обратился къ миссъ Гартъ.

— Васъ кто-то желаетъ видѣть, сударыня.

— Кто такой?

— Не знаю, сударыня. Незнакомый мнѣ человѣкъ, приличной наружности; онъ говоритъ, что ему надо видѣть именно васъ.

Миссъ Гартъ вышла въ переднюю. Лакей затворилъ за ней дверь библіотеки, а самъ спустился въ кухню.

Прибывшій стоялъ у самыхъ дверей. Глаза его блуждали, лицо было блѣдно; онъ казался больнымъ, онъ смотрѣлъ испуганнымъ. Онъ судорожно вертѣлъ въ рукахъ шляпу, передавая ее изъ одной въ другую.

— Вы желали видѣть меня? спросила миссъ Гартъ.

— Извините, сударыня. Вы не митриссъ Ванстонъ?

— Нѣтъ. Я миссъ Гартъ. Къ чему вы спрашиваете это?

— Я служу въ конторѣ Грелзійской станціи...

— Ну?

— И посланъ сюда...

Онъ снова остановился. Блуждающіе глаза его опустились внизъ, а дрожащія руки сильнѣе завозились со шляпой. Онъ смочилъ губы, и началъ опять.

— Я посланъ сюда съ очень важнымъ порученіемъ.

— Важнымъ для *меня?*

— Кажется, для всѣхъ въ этомъ домѣ.

Миссъ Гартъ придвинулась къ нему на шагъ и пристально посмотрѣла на него. Холодъ охватилъ ее посреди лѣтней жары.—Позвольте! проговорила она съ опасеніемъ и посмотрѣла на дверь утренней комнаты. Дверь была плотно затворена.—Говорите все, но не громко. Несчастный случай? Гдѣ именно?

— На желѣзной дорогѣ, близь Грелзійской станціи.

— Съ поѣздомъ въ Лондонъ?

— Нѣтъ: съ обратнымъ поѣздомъ, въ два часа безъ двадцати минутъ...

— Боже милосердый! съ поѣздомъ, въ которомъ мистеръ Ванстонъ отправился въ Грелзи?

— Съ тѣмъ самымъ. Меня послали сюда съ лондонскимъ поѣздомъ, для котораго только что успѣли расчистить дорогу. Не рѣшились писать, а велѣли вызвать „миссъ Гартъ“ и сказать ей лично. Семь пассажировъ сильно ранены, а двое...

Онъ не кончилъ, и въ нѣмомъ ужасѣ поднялъ руку. Широко открывъ глаза, онъ показалъ рукой черезъ плечо миссъ Гартъ.

Она повернулась и взглянула назадъ.

Лицомъ къ лицу съ ней, на порогѣ кабинета, стояла хозяйка дома. Она держала свою старенькую тетрадку нотъ въ обѣихъ рукахъ, и стояла, какъ свой собственный призракъ. Съ страшнымъ выраженіемъ въ глазахъ, съ страшнымъ спокойствіемъ въ голосѣ, она повторила послѣднія слова человѣка:

— Семь пассажировъ ранены, а двое...

Судорожно скрившіеся пальцы ея выпустили тетрадь; ноты выпали изъ нихъ, и сама она тяжело покачнулась впередъ. Но миссъ Гартъ успѣла схватить ее, и съ обмершимъ

тѣломъ жены на рукахъ, повернулась, чтобы дослушать вѣсть о смерти мужа.

— Теперь кончено, произнесла она,—вы можете сказать все. Раненъ онъ или убитъ?

— Убитъ!

XI.

Солнце начинало садиться; западный вѣтеръ струилъ въ комнаты дома свою свѣжесть и прохладу. Съ приближеніемъ ночи, звонъ деревенскихъ часовъ раздавался все ближе и ближе. Поле и садъ благоухали. Птички Норы, посреди вечерней тишины, пѣли отходившему дню свою благодарственную пѣснь.

Дневной порядокъ дома, разстроенный лишь на минуту, шелъ между тѣмъ съ безжалостною точностію. Перепуганная прислуга, какъ бы ища успокоенія, отдалась обычному дѣлу. Лакей медленно накрывалъ на столъ. Подлѣ сидѣвшей въ забывчивости горничной, какъ всегда, стоялъ рядъ кувшиновъ съ теплою водой для спаленъ. Садовникъ, которому приказано было явиться къ барину съ расписками въ передержанныхъ имъ деньгахъ, принесъ ихъ, какъ слѣдовало, говоря, что ему дорога его репутація. Всепокоряющая привычка и ничего нещадящая смерть встрѣтились тутъ, на разбитомъ счастіи людей,—и смерть посторонилась первая.

Тяжело разразилась гроза надъ домомъ, но этимъ не все еще кончилось. Въ пять часовъ этого вечера, совершился новый ужасный ударъ. Черезъ часъ, послѣ открытія неожиданной смерти мужа, жена была при смерти. На овдовѣвшемъ ложѣ, безпомощно лежала она, ожидая смерти себѣ или ребенку.

Лишь одна голова не потерялась въ этомъ положеніи, лишь одинъ умъ продолжалъ, къ счастію, руководить въ это время осиротѣвшимъ домомъ.

Еслибъ юность миссъ Гартъ прошла такъ же спокойно и счастливо, какъ жизнь ея въ Комбъ-Ревенѣ, то она, быть-можетъ, изнемогла бы подъ тяжестью настоящей минуты. Но молодость гувернантки прошла въ печальныхъ испытаніяхъ, и она приняла свои грозныя обязанности съ твердымъ мужествомъ женщины научившейся страдать.

Она рѣшилась на тяжкое испытаніе—сказать дочерямъ, что онѣ сироты. Она же изо всѣхъ силъ билась поддержать ихъ, когда страшная извѣстность впечатлѣлась наконецъ въ ихъ умахъ.

Старшая, менѣе младшей сестры, безпокоила ее. Скорбь Норы нашла себѣ естественный исходъ въ слезахъ. Не то было съ Магдалиной. Безъ капли слезъ въ глазахъ, безмолвно сидѣла она въ комнатѣ, гдѣ вѣсть о смерти отца застигла ее; ея лицо, окаменѣвшее подъ какою-то безплодною старческою горестью, было страшно въ своей неизмѣнной, ничего не выражавшей блѣдности. . Ничто не поднимало, ничто не шевелило ея. „Не говорите мнѣ, не трогайте меня, произносила она только,—я лучше сама все стерплю.“ Первое великое горе, омрачившее жизнь сестеръ, казалось, измѣнило ихъ обычныя расположенія.

Спустились сумерки; ихъ скоро смѣнила свѣтлая ночь. Когда тщательно затѣненный огонь былъ поданъ въ комнату больной, явился потребованный изъ Бристоля докторъ, чтобы посовѣтоваться съ домашнимъ врачомъ. Онъ не могъ дать никакого утѣшенія, и сказалъ лишь: „Надо попытаться и не терять надежды. Внезапная вѣсть о смерти мужа лишила ея силъ въ то время, когда она всего болѣе нуждалась въ нихъ. Все что можно сдѣлать для больной будетъ сдѣлано. Я останусь здѣсь на всю ночь.“

Говоря это, онъ открылъ одно изъ оконъ, чтобъ освѣжить воздухъ. Впереди, передъ домомъ разстилалась площадка и шла дорога. У воротъ собралось нѣсколько кучекъ любопытнаго народу. „Если они зашумятъ, замѣтилъ докторъ, — тотчасъ же отошлите ихъ прочь.“ Но отсылать ихъ не пришлось: то были работавшіе на землѣ умершаго поселяне, да нѣсколько женщинъ и дѣтей изъ деревни. Они вспоминали о хозяинѣ, и видъ дома расшевеливалъ ихъ лѣнивый умъ. „Окрестные господа очень добры къ намъ, говорили мущины, но не такъ, какъ былъ *онъ*.“ Женщины шептались между собою о томъ, какъ онъ бывало навѣщалъ ихъ. „Ласковый такой былъ, бѣдняжка, и заботливый такой; никогда, бывало, не войдетъ во время обѣда, чтобы не помѣшать; другіе тоже помогаютъ намъ, да не такъ ласково.“ По двое, по трое уходили они, толкуя о немъ съ скорбнымъ чувствомъ, что ужъ болѣе не видать имъ его радушнаго лица. Самыя тупыя головы по-

нимали, что нести крестъ бѣдности безъ него будетъ труднѣе.

Черезъ нѣсколько времени пришли сказать въ спальню, что старый мистеръ Клеръ ждетъ въ передней, узнать о мнѣніи врача. Миссъ Гартъ не могла сойдти сама и послала ему записку. „Я зайду черезъ два часа," сказалъ онъ служанкѣ, уходя. Въ немъ, не похожемъ на другихъ людей, неожиданная смерть стараго друга, не произвела никакой замѣтной перемѣны. Чувство, заставившее его придти въ домъ, было, кажется, единственнымъ заявленіемъ человѣческой симпатіи, вырвавшимся у этого суроваго, непроницаемаго старика.

Черезъ два часа онъ явился снова и, въ этотъ разъ, могъ видѣть миссъ Гартъ.

Молча пожали они другъ другу руку. Она крѣпилась, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ о потерянномъ другѣ. Онъ не заговорилъ и не упомянулъ даже о страшномъ случаѣ, не намекнулъ о страшной смерти. „Что, лучше ей или хуже?" спросилъ онъ только. Дань скорби о мужѣ не скрывалась ли за этимъ выраженіемъ безпокойства о женѣ?— Это возможно было въ такомъ человѣкѣ, непримиримо враждебномъ свѣту и всѣмъ свѣтскимъ обычаямъ. Онъ повторилъ свой вопросъ: „Лучше ей или хуже?"

— Не лучше; если есть перемѣна, то къ худшему, отвѣчала миссъ Гартъ.

Слова эти были произнесены ею у окна утренней комнаты, смотрѣвшаго въ садъ. Выслушавъ отвѣтъ, мистеръ Клеръ выждалъ немного, потомъ повернулся чтобъ идти, но вдругъ остановился и спросилъ:

— Что сказалъ докторъ?

— Онъ не скрылъ отъ насъ, что она въ опасности. Намъ остается только молиться.

Старикъ взялъ тутъ миссъ Гартъ за руку, и внимательно посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Вы вѣрите въ молитвы? спросилъ онъ.

Миссъ Гартъ съ испугомъ отстранилась отъ него.

— Вы могли бы избавить меня отъ подобнаго вопроса въ настоящую минуту, сэръ.

Онъ не обратилъ вниманія на ея отвѣтъ и не сводилъ глазъ съ ея лица.

— Молитесь же, произнесъ онъ,—молитесь, какъ ни-

когда не молились, молитесь о сохраненіи жизни мистриссъ Ванстонъ.

Онъ вышелъ. Голосъ и манера его обнаруживали страхъ за будущее, не вполнѣ сказавшійся въ словахъ. Миссъ Гартъ послѣдовала за нимъ въ садъ и кликнула его. Онъ слышалъ ея зовъ но не повернулся, и только, какъ бы желая избѣгнуть ея, ускорилъ свои шаги. Глазами слѣдила она, какъ удалялся онъ лугомъ, освѣщенный теплымъ лѣтнимъ лунымъ свѣтомъ. Она видѣла его сухія бѣлыя руки, видѣла какъ на темномъ фонѣ рощи вдругъ поднялись онѣ и сжались надъ его головой, какъ потомъ онѣ опустились и какъ онъ исчезъ во мракѣ.

Миссъ Гартъ пошла къ больной, съ новымъ грузомъ на сердцѣ.

Было уже болѣе одиннадцати часовъ. Уже довольно давно не видѣла она сестеръ и не говорила съ ними. На разспросы у горничной, послѣдняя отвѣчала, что онѣ въ своихъ комнатахъ. Она рѣшилась, прежде чѣмъ идти къ матери, сказать передъ сномъ нѣсколько успокоительныхъ словъ дочерямъ. Комната Норы была ближе. Тихо пріотворивъ дверь, она взглянула туда. Колѣнопреклоненный, у постели, образъ дѣвушки сказалъ ей, что помощь Божія не оставила сироту въ ея скорби. Радостныя слезы увлажили ея глаза; она тихо затворила дверь и направилась къ комнатѣ Магдалины. Нерѣшимость овладѣла ею на порогѣ, и прежде чѣмъ войдти, она выждала минуту.

Шорохъ то приближающагося, то удаляющагося женскаго платья поразилъ ея слухъ, и показалъ ей, что Магдалина ходитъ въ волненіи по своей комнатѣ. Миссъ Гартъ постучала. Шорохъ прекратился затѣмъ, дверь отворилась и мрачное юное лицо дѣвушки, въ его холодномъ отчаяніи, очутилось передъ ней; безъ выраженія, праздно и безслезно, смотрѣли на нее ея глаза.

Этотъ взглядъ сжалъ сердце преданной женщины, воспитавшей и любившей ее съ дѣтства. Она нѣжно обняла Магдалину.

— Ахъ, ангелъ мой, сказала она, — вы еще не плачете! Ахъ! еслибъ я застала васъ въ такомъ же положеніи какъ Нору! Говорите, Магдалина,—скажите мнѣ что-нибудь.

Она принудила себя и сказала:

— Нору не мучаютъ угрызенія совѣсти. Не для Норы, а для меня хлопоталъ онъ, когда былъ убитъ.

Съ этими ужасными словами, она приложила свои холодныя губы къ щекѣ миссъ Гартъ.

— Дайте мнѣ самой все вытерпѣть, прибавила она и тихо затворила дверь.

И снова шумящее платье заходило туда и сюда, съ какою-то жестокою, механическою правильностью, охлаждавшею всякое сочувствіе и удалявшею всякую надежду на облегченіе.

Минула ночь. Положено было, въ случаѣ если къ утру не будетъ перемѣны къ лучшему, послать за лондонскимъ врачомъ, съ которымъ совѣтовалась, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мистриссъ Ванстонъ. Облегченія не было замѣтно; послали за докторомъ.

Утромъ, отъ мистера Клера пришелъ навѣдаться Франкъ. Отецъ не послалъ ли вмѣсто себя сына изъ нежеланія, послѣ сказаннаго имъ вчера, встрѣчаться съ миссъ Гартъ? Быть-можетъ. Франкъ не могъ объяснить ничего; отецъ не довѣрялся ему. Лицо Франка было блѣдно и разстроено. Первые распросы его о Магдалинѣ показали, какъ поражена была происшедшимъ его слабая натура. Онъ не могъ говорить: слова замирали у него на губахъ, и готовыя слезы навертывались на глаза. Въ первый разъ, миссъ Гартъ почувствовала теплоту къ нему. Печаль обладаетъ тѣмъ благороднымъ свойствомъ, что принимаетъ всякое сочувствіе, откуда бы оно ни шло. Она ободрила нѣсколькими словами молодаго человѣка, и пожала ему руку при прощаніи.

До полудня, Франкъ явился со вторымъ порученіемъ. Отецъ желалъ знать, ожидаютъ ли сегодня мистера Пендриля въ Комбъ-Ревенъ. Если ожидаютъ, то сынъ долженъ былъ отправиться на станцію желѣзной дороги и пригласить его въ домъ отца, гдѣ для него будетъ готова постель. Это порученіе удивило миссъ Гартъ. Оно показывало, что мистеръ Клеръ зналъ о намѣреніи своего покойнаго друга видѣть мистера Пендриля. Разумное предложеніе старика не обнаруживало ли, снова, естественнаго человѣческаго чувства, которое такъ настойчиво скрывалъ онъ? Или зналъ онъ о какой-нибудь тайной необходимости присутствія мистера Пендриля, которой ничего не знало осиротѣвшее семейство? При своемъ разстройствѣ, миссъ

Гартъ не могла останавливаться на этихъ вопросахъ. Она только сказала Франку, что мистера Пендриля ожидаютъ въ три часа, и велѣла поблагодарить отца.

Вскорѣ послѣ его ухода, вѣсть о Магдалинѣ успокоила не много опасенія миссъ Гартъ, возбужденныя вчерашнимъ посѣщеніемъ. Вліяніе Норы поддержало сестру, а терпѣливая симпатія ея дала исходъ ея страданію. Но Магдалинѣ, при ея характерѣ, много стоило это усиліе облегчить себя. Цѣлительныя слезы явились не скоро; мучительнымъ, страстнымъ потокомъ рванулись онѣ наружу, но Нора не оставляла сестры, пока та не успокоилась. Вѣсть эта позволила миссъ Гартъ удалиться въ свою комнату и отдохнуть немного, что было для нея необходимо. Усталая душой и тѣломъ, она уснула отъ изнуренія, и тяжело проспала нѣсколько часовъ. Часовъ около трехъ послѣ обѣда, дѣвушка разбудила ее. Она подала записку, принесенную молодымъ мистеромъ Клеромъ, съ просьбой немедленно передать ее миссъ Гартъ. Внизу конверта стояло „отъ Вилльяма Пендриля". Законникъ прибылъ.

Миссъ Гартъ распечатала записку. Послѣ первыхъ заявленій сочувствія и сожалѣнія, законникъ извѣщалъ о своемъ прибытіи въ домъ мистера Клера, и потомъ, очевидно въ качествѣ своей профессіи, дѣлалъ одно удивительное требованіе.

„Если, писалъ онъ, мистриссъ Ванстонъ почувствуетъ облегченіе, временное ли, или дѣйствительное и продолжительное, котораго мы всѣ ожидаемъ, то прошу васъ немедленно дать мнѣ знать объ этомъ. Мнѣ крайне необходимо видѣться съ ней, если она найдетъ въ себѣ довольно силы посвятить мнѣ пять минутъ и подписать свое имя. Позвольте мнѣ просить васъ сообщить мою просьбу, возможно секретно, врачамъ. Вы и они, поймете необыкновенную важность придаваемую мною этому свиданію, узнавъ, что я оставилъ для него всѣ другія мои занятія, и что я буду ждать вашего извѣщенія во всякій часъ дня и ночи."

Этими словами оканчивалось письмо. Миссъ Гартъ перечла его два раза. При вторичномъ чтеніи, теперешняя просьба стряпчаго и вчерашнія прощальныя слова мистера Клера, смутно слились въ ея умѣ. Значитъ, кромѣ выздоровленія мистриссъ Ванстонъ, былъ въ опасности еще другой важный интересъ, извѣстный мистеру Пендрилю и

мистеру Клеру. Кого касается этотъ интересъ? Дѣтей ли? Безъ подписи матери, не ожидаетъ ли ихъ новая бѣда? Что бы это значило? Ужь не то ли, что мистеръ Ванстонъ скончался безъ завѣщанія?

Огорченная, разстроенная, миссъ Гартъ не могла такъ спокойно размышлять про себя какъ бывало прежде. Она поспѣшила въ переднюю комнату покоя мистриссъ Ванстонъ, и, объяснивъ положеніе мистера Пендриля, показала докторамъ его письмо. Оба отвѣчали рѣшительно и единогласно. Мистриссъ Ванстонъ находится въ такомъ состояніи, что подобное свиданіе совершенно невозможно. Если она сколько-нибудь придетъ въ себя, то миссъ Гартъ будетъ тотчасъ же извѣщена объ этомъ.

А пока остается отвѣчать мистеру Пендрилю однимъ словомъ: „Невозможно“.

— Вы видите, какую важность придаетъ мистеръ Пендриль свиданію? замѣтила миссъ Гартъ.

Оба доктора понимали эту важность.

— Я теряюсь въ недоумѣніяхъ, господа. Кто-нибудь изъ васъ не догадывается ли къ чему нужна подпись? или къ чему необходимо свиданіе? Я видѣла мистера Пендриля всего одинъ разъ, въ его первое посѣщеніе, и не имѣю права разспрашивать его. Не прочтете ли вы еще разъ письма? Не значитъ ли это, что мистеръ Ванстонъ не сдѣлалъ завѣщанія?

— Не думаю, произнесъ одинъ изъ врачей.—Но даже, предположивъ, что мистеръ Ванстонъ умеръ безъ завѣщанія, законъ заботится объ интересахъ вдовы и дѣтей.

— Такъ ли, если напримѣръ имущество заключается въ землѣ? замѣтилъ другой.

— Не знаете ли вы, миссъ Гартъ, имущество мистера Ванстона заключалось въ деньгахъ или землѣ?

— Въ деньгахъ, отвѣчала миссъ Гартъ.—Я не разъ слышала это отъ него самого.

— Въ такомъ случаѣ я могу успокоить васъ собственнымъ моимъ опытомъ. Законъ, если онъ умеръ безъ завѣщанія, отдаетъ треть его имущества вдовѣ, и дѣлитъ остальное поровну между дѣтьми.

— Но если мистриссъ Ванстонъ..?

— Если мистриссъ Ванстонъ скончается, продолжалъ докторъ, доканчивая вопросъ, котораго миссъ Гартъ не имѣла

духа кончить:—я думаю, что собственность, по законному порядку, перейдетъ къ дѣтямъ. Какова бы ни была необходимость свиданія, требуемаго мистеромъ Пендридемъ, мнѣ кажется, нѣтъ повода соединять ее съ завѣщаніемъ мистера Ванстона. Но, во всякомъ случаѣ, спросите объ этомъ самого мистера Пендриля.

Миссъ Гартъ ушла, чтобы поступить по совѣту доктора. Сообщивъ мистеру Пендрилю рѣшеніе докторовъ, отказывавшихъ ему въ его просьбѣ, она написала ему вкратцѣ о юридическомъ вопросѣ, сдѣланномъ ею врачамъ, и деликатно намекнула на естественное свое желаніе знать причину просьбы легиста. Полученный ею отвѣтъ былъ крайне неопредѣленъ; онъ не расположилъ ея къ мистеру Пендрилю. Онъ, въ общихъ словахъ только, подтвердилъ юридическое объясненіе, данное докторами, выразилъ свое намѣреніе остаться у мистера Клера, въ надеждѣ, что перемѣна къ лучшему позволитъ мистриссъ Ванстонъ видѣть его, и кончалъ свое письмо безъ всякаго объясненія причинъ и не говоря ни слова о существованіи или несуществованіи завѣщанія мистера Ванстона.

Замѣтная осторожность въ отвѣтѣ законника непріятно засѣла въ головѣ миссъ Гартъ, пока долго-жданное событіе дня не сосредоточило всѣ ея мысли въ одной всепоглощающей тревогѣ за мистриссъ Ванстонъ.

Вечеромъ, пріѣхалъ лондонскій докторъ. Долго сидѣлъ онъ у кровати больной, еще долѣе совѣтывался съ своими товарищами, и снова отправился къ больной, прежде чѣмъ миссъ Гартъ успѣла спросить его мнѣнія.

Выйдя отъ больной, онъ молча сѣлъ возлѣ миссъ Гартъ. Она посмотрѣла на него, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, потеряла послѣднюю надежду.

— Я долженъ сказать вамъ жестокую правду, проговорилъ онъ тихо.—Все что можно было сдѣлать было сдѣлано. Черезъ сутки сомнѣнія ваши кончатся. Если природа не сдѣлаетъ какихъ-нибудь особенныхъ усилій въ это время, вы должны быть готовы къ худшему.

Слова эти сбылись.

Ночь прошла, и больная пережила ее. Въ слѣдующій день она продержалась до пяти часовъ. Именно въ этотъ самый часъ, за день вѣсть о смерти мужа нанесла ей смертельный ударъ. Въ этотъ самый часъ, Господь при-

звалъ ее въ лучшій міръ. Дѣти стояли у ея постели на колѣняхъ, когда душа ея покидала этотъ міръ. Она скончалась, не замѣчая ихъ присутствія и не испытавъ скорби послѣдняго прощанія.

Ребенокъ ея прожилъ до вечера. Когда стемнѣло, слабое и истомленное дитя скончалось. Прахъ матери и ребенка покоился, въ эту ночь, на одной постели. Ангелъ смерти совершилъ свое грозное посланіе, и обѣ сестры остались однѣ въ мірѣ.

XII.

Утромъ, въ четвергъ, 23 іюля, ранѣе обыкновеннаго, показался мистеръ Клеръ у дверей своего дома и вышелъ пройдтись въ небольшой принадлежащій ему садъ.

Сдѣлавъ нѣсколько круговъ одинъ, онъ встрѣтилъ худаго, приличнаго, сѣдаго господина, фигура котораго не выражала ничего особеннаго; равнодушное лицо и заученно-спокойная манера послѣдняго не внушали ни расположенія, ни нерасположенія. То былъ мистеръ Пендриль, на устахъ котораго висѣла судьба комбъ-ревенскихъ сиротъ.

— Время подвигается, проговорилъ онъ, смотря къ рощѣ.

— Мое свиданіе съ миссъ Гартъ назначено въ одиннадцать часовъ; теперь—одиннадцать безъ десяти минутъ.

— Вамъ нужно видѣть ее одну, или вы увидите и другихъ? спросилъ мистеръ Клеръ.

— Я положился въ этомъ случаѣ на рѣшеніе миссъ Гартъ, сказавъ ей только, что обстоятельства, которыя я долженъ открыть, крайне важны.

— Что же, рѣшила она какъ-нибудь?

— Она писала мнѣ, что говорила дочерямъ о необходимости свиданія со мною, и передала имъ мое предостереженіе. Старшая, какъ и понятно, отказалась отъ разсужденій о своемъ будущемъ черезъ день послѣ похоронъ. Младшая не сказала ничего. На сколько я понялъ, она пассивно слѣдуетъ примѣру сестры. Я увижу слѣдовательно одну миссъ Гартъ, и это много облегчаетъ меня.

Послѣднія слова онъ произнесъ съ большею энергіей чѣмъ говорилъ обыкновенно. Мистеръ Клеръ остановился и внимательно посмотрѣлъ на своего гостя.

— Вы такъ же стары, какъ и я, сэръ, замѣтилъ онъ.— Неужели вся ваша долгая опытность не закалила васъ?

— До моего вчерашняго пріѣзда сюда, чтобы присутствовать при похоронахъ, я и не подозрѣвалъ какъ мало закалила она меня. Мнѣ не сказали, что дочери будутъ провожать своихъ родителей до самой могилы. Ихъ присутствіе тамъ сдѣлало заключительную сцену этой несчастной исторіи вдвое печальнѣе и вдвое трогательнѣе. Вы видѣли, какъ растроганъ былъ собравшійся народъ, а между тѣмъ дочери не знаютъ еще всей истины, не знаютъ ничего о жестокой необходимости призывающей меня сегодня къ нимъ въ домъ. Сознаніе этой необходимости и видъ двухъ бѣдныхъ сиротъ въ ту минуту, когда я съ особенною силою чувствовалъ всю тяжесть моей скорбной обязанности относительно ихъ, растрогали меня болѣе чѣмъ въ подобныхъ обстоятельствахъ бываетъ это съ людьми моихъ лѣтъ и моей профессіи. Я не успокоился сегодня утромъ, и теперь даже не совершенно увѣренъ въ себѣ.

— Люди, какъ вы, умѣютъ владѣть собой когда нужно, сказалъ мистеръ Клеръ.—Вамъ встрѣчались, вѣроятно, обязанности столь же тягостныя, какъ и сегодняшнія.

Мистеръ Пендриль покачалъ головой.—Встрѣчались обязанности столь же важныя, и случаи болѣе романическіе; но не встрѣчалось ни одной обязанности болѣе тягостной, ни одного случая болѣе безнадежнаго.

Они разстались съ этими словами. Мистеръ Пендриль направился черезъ рощу, по тропинкѣ, ведшей къ Комбъ-Ровену. Мистеръ Клеръ вошелъ къ себѣ.

Въ отворенную дверь своей маленькой пріемной, онъ замѣтилъ Франка, въ праздной тоскѣ сидѣвшаго съ склоненною на руку головой.

— Я получилъ отвѣтъ отъ твоихъ лондонскихъ принципаловъ, произнесъ мистеръ Клеръ.—Въ уваженіе къ случившемуся, они откладываютъ твой отъѣздъ на мѣсяцъ.

Франкъ измѣнился въ лицѣ и быстро, поднялся со стула.

— Развѣ моя судьба измѣнилась? спросилъ онъ.—Развѣ воля мистера Ванстона не будетъ исполнена? Онъ сказалъ Магдалинѣ, что озаботился о ней въ своемъ завѣщаніи. Она повторила мнѣ его слова, чтобъ я зналъ все что̀ доброта и великодушіе его сдѣлали для насъ. Развѣ смерть его можетъ измѣнить что-нибудь? Развѣ случилось что-нибудь?

— Подожди возвращенія мистера Пендриля изъ Комбъ-Ревена, сказалъ отецъ.—Разспрашивай его, а не меня.

Слезы покатились изъ глазъ Франка.

— Вы не будете жестоки со мной? спросилъ онъ жалобно.—Вы не отошлете меня въ Лондонъ, не давъ повидаться съ Магдалиной?

Мистеръ Клеръ посмотрѣлъ на сына, и подумалъ не много, прежде чѣмъ отвѣчалъ.

— Можешь утереть свои глаза, произнесъ онъ.—Ты увидишься съ Магдалиной передъ отъѣздомъ.

Сказавъ это, онъ ушелъ въ свой кабинетъ. Книги, какъ всегда, лежали передъ нимъ. Онъ раскрылъ одну изъ нихъ и попробовалъ читать, но не могъ сосредоточить на ней вниманія, и невольно, по временамъ, обращалъ глаза на пустое кресло насупротивъ, кресло, въ которомъ его старый пріятель сиживалъ и добродушно спорилъ съ нимъ столько лѣтъ. Послѣ долгой борьбы онъ закрылъ книгу. „Ахъ проклятое кресло! воскликнулъ онъ: оно станетъ говорить о немъ, а я долженъ слушать.“ Онъ взялъ свою трубку и наложилъ табаку. Руки его тряслись, глаза невольно обращались къ тому же мѣсту, и невольно вырвался у него тяжелый вздохъ. Это пустое кресло было единственнымъ земнымъ аргументомъ, на который не находилось у него отвѣта: сердце признало свое пораженіе и увлажило, на зло ему, глаза его. „Онъ затронулъ лучшее, что есть во мнѣ,“ произнесъ суровый старикъ: „во мнѣ оставалось одно только слабое мѣсто, и онъ нашелъ его.“

Въ это время, мистеръ Пендриль входилъ въ рощу, и слѣдовалъ тропинкой, которая вела къ опустѣвшему саду и печальному дому. У двери, его встрѣтилъ лакей, повидимому ожидавшій его.

— Я долженъ видѣть миссъ Гартъ. Можетъ ли она принять меня?

— Какъ же, сэръ.

— Она одна?

— Да, сэръ.

— Въ бывшемъ кабинетѣ мистера Ванстона?

— Точно такъ, сэръ.

Лакей отворилъ дверь, и мистеръ Пендриль вошелъ въ комнату.

XIII.

Гувернантка стояла у окна. Такъ какъ утро было очень жарко, то при входѣ мистера Пендриля, она подняла, чтобъ освѣжить воздухъ, нижнюю половину рамы.

Они поклонились другъ другу съ принужденною вѣжливостью, въ которой выразилось нѣкоторое недовѣріе ихъ другъ къ другу. Мистеръ Пендриль былъ изъ числа многихъ людей, наружный видъ которыхъ не производитъ выгоднаго для нихъ впечатлѣнія подъ вліяніемъ сдерживаемыхъ ими по необходимости сильныхъ нравственныхъ волненій. Миссъ Гартъ, съ своей стороны, не забыла сухихъ и неласковыхъ словъ, которыми онъ отвѣчалъ на ея письма, а естественное безпокойство, возбуждаемое въ ней свиданіемъ, нисколько не проходило отъ того мнѣнія, которое внушалъ ей человѣкъ желавшій этого свиданія. Они сошлись въ тишинѣ лѣтняго утра, оба въ черномъ. Миссъ Гартъ съ исхудалымъ подъ вліяніемъ горя лицомъ, законникъ съ лицомъ холоднымъ, безцвѣтнымъ и выражавшимъ только дѣловое затрудненіе; смотря на нихъ, казалось, никакого сочувствія не можетъ быть между этими людьми, изъ которыхъ одинъ пришелъ открыть, другой—выслушать тайну усопшихъ.

— Мнѣ непріятно безпокоить васъ въ такое время, миссъ Гартъ. Но обстоятельства, какъ я уже объяснилъ вамъ прежде, принуждаютъ меня къ этому.

— Не угодно ли вамъ сѣсть, мистеръ Пендриль? Вы кажется желали видѣться со мной именно въ этой комнатѣ?

— Неиначе какъ въ этой, потому что въ ней хранятся бумаги мистера Ванстона, а мнѣ придется коснуться нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Послѣ этого формальнаго размѣна вопроса и отвѣта, они расположились другъ противъ друга у стола, примыкавшаго къ окну. Одинъ выжидалъ, чтобы начать говорить, другая ждала когда онъ начнетъ. Съ минуту продолжалось молчаніе. Мистеръ Пендриль прервалъ его обычными разспросами о дочеряхъ и обычнымъ заявленіемъ сочувствія. Миссъ Гартъ отвѣчала ему такъ же церемонно,

тѣмъ же условнымъ тономъ. Снова воцарилось молчаніе. Жужжаніе мухъ въ кустахъ подъ окномъ дремотно проникало въ комнату; топъ шаговъ ломовой лошади раздавался въ тишинѣ, съ большой дороги за садомъ, такъ звучно, какъ бы ночью.

Законникъ наконецъ собрался съ духомъ, и началъ.

— Вы имѣете нѣкоторыя основанія, миссъ Гартъ, проговорилъ онъ, — быть недовольны мною. Во время злополучной болѣзни мистрисъ Ванстонъ, вы предлагали мнѣ въ вашемъ письмѣ вопросы, на которые при ея жизни я не имѣлъ возможности отвѣчать. Горестная кончина ея развязываетъ меня и позволяетъ мнѣ, или вѣрнѣе, обязываетъ меня говорить. Вы узнаете важныя причины, заставлявшія меня ожидать день и ночь этого, къ несчастію, несбывшагося свиданія, и убѣдитесь, къ оправданію памяти мистера Ванстона, собственными глазами, что завѣщаніе было сдѣлано имъ.

Онъ всталъ, отперъ маленькій, въ углу комнаты, желѣзный шкафъ, и возвратился къ столу съ пачкой сложенныхъ бумагъ, которыя развернулъ передъ глазами миссъ Гартъ. Давъ ей прочесть первыя слова: „Во имя Господа Бога, аминь“, онъ перевернулъ страницу и указалъ на послѣднія строки второй. Хорошо извѣстная ей подпись: „Андру Ванстонъ“, представилась ея глазамъ. Она прочла подписи двухъ свидѣтелей, годъ и число составленія этого документа. Убѣдивъ ее, такимъ образомъ, въ законности документа, стряпчій тотчасъ же замѣтилъ ей:

— Я долженъ объявить вамъ, что имѣю особыя причины для предъявленія вамъ этого документа.

— Какія же, сэръ?

— Сейчасъ скажу. Когда вы услышите всю истину, страницы эти поддержатъ ваше уваженіе къ памяти мистера Ванстона...

Миссъ Гартъ откинулась назадъ.

— Что вы хотите сказать? спросила она.

Онъ не обратилъ вниманіе на ея вопросъ, и продолжалъ какъ будто его не бывало:

— У меня есть еще другое побужденіе показать вамъ завѣщаніе. Если вы потрудитесь прочесть нѣкоторые пункты его, по моему указанію, то познакомитесь сами съ обстоятельствами, которыя я долженъ открыть вамъ,—обстоя-

тельствами до такой степени прискобными, что мнѣ, признаюсь, было бы крайне тягостно разказывать вамъ о нихъ.

Массъ Гартъ пристально посмотрѣла ему въ лицо.

— Обстоятельствами, касающимися покойныхъ родителей или оставшихся въ живыхъ дѣтей, сэръ?

— И умершихъ и живущихъ вмѣстѣ, отвѣчалъ стряпчій.—Отъ обстоятельствъ этихъ, я долженъ прямо сказать, зависитъ судьба несчастныхъ дочерей мистера Ванстона.

— Позвольте, произнесла миссъ Гартъ, — подождите немного.

Она откинула съ висковъ свои сѣдые волосы; сердце ея болѣзненно сжалось, смертный ужасъ охватилъ ее, и будь она помоложе или будь она менѣе рѣшительнаго и твердаго нрава, она бы не выдержала и лишилась бы чувствъ. Глаза ея, усталые отъ безпокойныхъ ночей, утомленные скорбію, искали лица стряпчаго.—„Несчастныхъ дочерей?“ проговорила она, въ какомъ-то забытьи. Онъ говоритъ какъ будто ихъ ожидаетъ еще новое несчастіе сверхъ того, которое сдѣлало ихъ сиротами“. Она снова умолкла, собираясь съ силами.—„Я готова пособить вамъ, сэръ, въ вашей обязанности, произнесла она:—укажите мнѣ мѣсто въ завѣщаніи. Я прочту его и узнаю все.“

Мистеръ Пендриль повернулъ снова страницу, и указалъ на одно мѣсто.

— Начните отсюда, сказалъ онъ.

Она попробовала читать, слѣдя за его пальцемъ, какъ прежде при прочтеніи подписей и числа. Но чувства ея раздѣляли волненіе ума: и слова, и строчки смѣшались у ней въ глазахъ.

— Я не могу слѣдить за вами, проговорила она.—Скажите мнѣ въ чемъ дѣло или прочтите.

Она отодвинула свой стулъ отъ стола и старалась собраться съ духомъ. Когда законникъ, съ замѣтною нерѣшимостію и замѣтнымъ отвращеніемъ, взялъ бумагу въ руки, она остановила его.

— Позвольте. Одинъ вопросъ прежде. Завѣщаніе обезпечиваетъ ли дѣтей?

— Во время составленія завѣщанія, оно обезпечивало ихъ.

— Во время составленія? (Въ тонѣ этого вопроса нѣсколько проглянула ея природная жесткость.) А теперь развѣ не обезпечиваетъ?

— Нѣтъ.

Она выхватила завѣщаніе изъ его рукъ и отбросила его въ уголъ комнаты. — У васъ добрая цѣль; вы хотите щадить меня, произнесла она:—но вы напрасно теряете ваше время и тратите мои силы. Если завѣщаніе безполезно, бросьте его. Говорите же правду, мистеръ Пендриль, говорите прямо и безотлагательно!

Онъ понялъ, что не исполнить этой просьбы было бы жестоко и безполезно. Не оставалось ничего болѣе, какъ тутъ же отвѣчать.

— Я долженъ припомнить вамъ весну настоящаго года, миссъ Гартъ. Помните ли вы четвертое марта?

Но мысль ея занята была другимъ, когда онъ говорилъ. Вмѣсто того чтобъ отвѣчать ему, она сама обратилась къ нему съ вопросомъ.

— Позвольте мнѣ самой открыть истину, произнесла она,—позвольте мнѣ предупредить васъ, если можно. Безполезность завѣщанія мистера Ванстона, слова, въ которыхъ вы выражаетесь о его дочеряхъ и о моемъ уваженіи къ его памяти, кажется, бросаютъ мнѣ свѣтъ. Мистеръ Ванстонъ умеръ разорившись,—такъ ли?

— Совсѣмъ нѣтъ. Мистеръ Ванстонъ оставилъ по смерти состояніе болѣе чѣмъ въ восемьдесять тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ вѣрнѣйшихъ фондахъ. Онъ проживалъ доходъ и никогда не превышалъ его; всѣ его долги вмѣстѣ не составятъ и двухъ сотъ фунтовъ. Еслибъ онъ скончался въ разореніи, я очень пожалѣлъ бы его дѣтей, но не сталъ бы такъ долго скрывать отъ васъ истину, какъ скрываю теперь. Позвольте мнѣ повторить мой вопросъ, который, кажется, вы не дослышали. Не помните ли вы, не произошло ли здѣсь чего-нибудь особеннаго въ прошлый мартъ мѣсяцъ?

Миссъ Гартъ покачала головой.—Память моя въ дѣлѣ чиселъ всегда плоха, сказала она. — Я не могу тотчасъ же припомнить обстоятельствъ. Не можете ли вы пояснить вашъ вопросъ?

— Не помните ли вы, спросилъ онъ,—одного домашняго случая, весной этого года, особенно поразившаго мистера Ванстона.

Миссъ Гартъ нагнулась впередъ и посмотрѣла пристально черезъ столъ, на мистера Пендриля.

— Поѣздка въ Лондонъ! воскликнула она.—Поѣздка эта

безпокоила меня съ самаго начала! Да! Я припоминаю, какъ мистеръ Ванстонъ получилъ письмо, какъ онъ читалъ его и какъ измѣнился потомъ, поразивъ насъ всѣхъ.

— Замѣтили ли вы что-нибудь между мистеромъ и мистриссъ Ванстонъ, по случаю этого письма?

— Да, замѣтила. Одна изъ дѣвицъ, Магдалина, упомянула о почтовой маркѣ, кажется, изъ какого-то американскаго города. Я припоминаю теперь все, мистеръ Пендриль. Мистриссъ Ванстонъ, услышавъ названіе города, казалась взволнованною. На другой день, они вмѣстѣ уѣхали въ Лондонъ, ничего не объяснивъ ни мнѣ, ни дочерямъ. Мистриссъ Ванстонъ сказала, что поѣздка вызвана однимъ семейнымъ дѣломъ. Я подозрѣвала что-то недоброе, но не знала, въ чемъ именно дѣло. Мистриссъ Ванстонъ писала мнѣ изъ Лондона, что цѣль ея поѣздки посовѣтоваться съ докторомъ, и просила не пугать дѣтей передачей имъ этого. Что-то въ этомъ письмѣ тогда же какъ будто кольнуло меня. Я подозрѣвала, что истинныя причины поѣздки утаиваются отъ меня. Права ли я была?

— Правы. Была причина, которую утаивали отъ васъ. Открывая эту причину, я разоблачаю печальную тайну, призвавшую меня въ этотъ домъ. Все что я могъ сдѣлать, чтобы приготовить васъ, сдѣлано мною. Позвольте мнѣ высказать вамъ теперь истину въ прямыхъ и возможно краткихъ словахъ. Когда мистеръ и мистриссъ Ванстонъ уѣхали изъ Комбъ-Ревена, въ мартѣ настоящаго года...

Прежде чѣмъ онъ могъ окончить свою фразу, быстрое движеніе миссъ Гартъ прервало его. Она сильно вздрогнула и обернулась къ окну.

— Это вѣтеръ шелеститъ листьями, проговорила она, успокоиваясь. — Мои нервы такъ разстроены, что всякая мелочь пугаетъ меня. Говорите, Бога ради. Скажите прямо, за чѣмъ мистеръ и мистриссъ Ванстонъ ѣздили въ Лондонъ?

Мистеръ Пендриль отвѣчалъ прямо:

— Они ѣздили въ Лондонъ, чтобъ обвѣнчаться.

Съ этими словами онъ положилъ на столъ какой-то листокъ бумаги. То было свидѣтельство о бракѣ родителей, и на немъ значилось двадцатое марта, тысяча восемь сотъ сорокъ шестаго года.

Миссъ Гартъ не шевельнулась и не произнесла ни слова. Актъ лежатъ передъ ней незамѣченнымъ. Оглушенная, без-

чувственная, неподвижно сидѣла она, устремивъ глаза на лицо стряпчаго. Тотъ увидѣлъ, что всѣ его усилія заранѣе ослабить ударъ были потрачены напрасно и, видя необходимость привести ее въ себя, онъ повторилъ твердо и раздѣльно роковыя слова:

— Они ѣздили въ Лондонъ обвѣнчаться. Попытайтесь успокоиться и помириться, прежде всего, съ самымъ фактомъ; объясненія не замедлятъ. Миссъ Гартъ, я сказалъ горькую правду! Весною они уѣхали изъ дому, прожили въ Лондонѣ, около двухъ недѣль, въ строжайшемъ уединеніи, и вступили въ это время въ бракъ. Вотъ копія свидѣтельства, которую я самъ досталъ въ прошлый понедѣльникъ. Прочтите время заключенія брака: пятница, двадцатое марта,— марта нынѣшняго года.

Въ это время какъ онъ указывалъ на актъ, тотъ же шелестъ, который поразилъ прежде миссъ Гартъ, послышался въ кустахъ подъ окнами. Самъ мистеръ Пендриль замѣтилъ его и въ этотъ разъ повернулъ голову къ окну. Вѣтра не было слышно; не замѣтно было и въ комнатѣ нималѣйшей струйки воздуха.

Миссъ Гартъ поднялась и прочла актъ. Повидимому, онъ не произвелъ на нее никакого яснаго впечатлѣнія; совершенно растерянная, она положила его безсознательно въ сторону.—Двѣнадцать лѣтъ, проговорила она, какимъ-то глухимъ безнадежнымъ голосомъ, — двѣнадцать счастливыхъ, спокойныхъ лѣтъ, прожила я въ этомъ семействѣ. Мистриссъ Ванстонъ была моимъ другомъ, моимъ незабвеннымъ, безцѣннымъ другомъ, могу сказать — сестрой. Мнѣ трудно вѣрить этому. Извините меня, но мнѣ трудно вѣрить этому.

— Я могу васъ убѣдить въ этомъ, когда скажу вамъ болѣе, произнесъ мистеръ Пендриль:—вы поймете меня, когда я передамъ вамъ нѣкоторыя обстоятельства прежней жизни мистера Ванстона. Но я желалъ бы, чтобы вы прежде успокоились немного.

Они выждали нѣсколько минутъ. Стряпчій вынулъ изъ своего кармана нѣсколько писемъ, просмотрѣлъ ихъ внимательно и снова спряталъ.

— Можете вы теперь выслушать меня? почтительно спросилъ онъ.

Она кивнула головой въ отвѣтъ. Мистеръ Пендриль подумалъ немного.

— Я долженъ оговориться передъ вами въ одномъ пунктѣ, сказалъ онъ.—Если мое описаніе характера мистера Ванстона покажется вамъ нѣсколько непохожимъ на то что̀ вы знаете, не забывайте, что когда вы узнали его, въ первый разъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, ему было сорокъ лѣтъ, когда же я узналъ его, въ первый разъ, ему было не болѣе девятнадцати.

Его разказъ поднялъ таинственный покровъ, и обличилъ безвозвратное Прошедшее.

XIII.

„Состояніе, которымъ владѣлъ мистеръ Ванстонъ, когда вы познакомились съ нимъ (началъ законникъ), было лишь часть того наслѣдства, которое досталось ему отъ отца. Мистеръ Ванстонъ отецъ былъ фабрикантомъ въ сѣверной Англіи. Онъ женился въ молодыхъ лѣтахъ и имѣлъ шесть или семь человѣкъ дѣтей. Старшій сынъ, Михаилъ, теперь семидесятилѣтній старикъ. За нимъ слѣдовала Селина, старшая дочь, бывшая потомъ за кѣмъ-то замужемъ и скончавшаяся лѣтъ десять или одиннадцать тому назадъ. Послѣ этихъ двухъ, слѣдовали другіе сыновья и дочери, которые померли въ раннемъ возрастѣ, а потому и нѣтъ надобности припоминать ихъ. Послѣднимъ и самымъ младшимъ былъ Андрей, котораго я узналъ въ первый разъ, какъ сказалъ уже вамъ, когда ему было девятнадцать лѣтъ. Мой отецъ оставлялъ тогда свою профессію, и, наслѣдуя ему, я наслѣдовалъ и обязанность повѣреннаго по дѣламъ семейства Ванстоновъ.

Въ это время, Андрей только что выступилъ на жизненное поприще, записавшись въ армію. Черезъ годъ онъ былъ посланъ съ полкомъ въ Канаду. Когда онъ оставлялъ Англію, отецъ и братъ его были уже въ ссорѣ другъ съ другомъ. Объяснять причины ея, я считаю лишнимъ. Я долженъ сказать вамъ только, что отецъ, при многихъ отличныхъ качествахъ, былъ человѣкъ непреклоннаго и суроваго нрава. Старшій сынъ разсердилъ его поступками, которые вывели бы изъ себя и человѣка болѣе мягкаго ха-

рактера; и онъ поклялся никогда не пускать себѣ на глаза Микла. Несмотря на мое заступничество и заступничество его жены, онъ уничтожилъ при насъ завѣщаніе, назначавшее Миклу часть въ наслѣдствѣ. Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла семейства, при отъѣздѣ младшаго сына въ Канаду.

„Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи Андру съ полкомъ въ Квебекъ, онъ познакомился съ одною очень красивою женщиной, говорившею, что она изъ южныхъ штатовъ Союза. Онъ тотчасъ же подпалъ ея вліянію, и она самымъ низкимъ образомъ воспользовалась этимъ вліяніемъ. Вамъ знакомъ добродушный, любящій, довѣрчивый характеръ его въ поздніе годы, и вы можете себѣ представить, какъ легкомысленъ былъ онъ въ молодости. Не зачѣмъ останавливаться на этомъ печальномъ періодѣ его жизни. Ему только-что минулъ двадцать одинъ годъ; недостойная женщина, которой онъ слѣпо покорился, привела его съ безжалостнымъ коварствомъ къ пропасти, отъ которой трудно было уже отступить. Короче, онъ сдѣлалъ роковую ошибку, испортившую всю его жизни; онъ женился на ней.

„Опасаясь вліянія его сослуживцевъ, она убѣдила его не разглашать ихъ предполагаемаго союза до самаго совершенія брачной церемоніи. Этого она могла достигнуть, но не могла отклонить послѣдствій. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ одинъ случай открылъ веденную ею до замужества жизнь. Мужу оставалось одно, тотчасъ же разстаться съ ней.

„О впечатлѣніи, произведенномъ на юношу этимъ открытіемъ, можно судить по слѣдующему: Одинъ изъ начальниковъ Андрея засталъ его, за исповѣдью, которую онъ писалъ отцу, съ заряженнымъ пистолетомъ. Ему обязанъ былъ молодой человѣкъ спасеніемъ своей жизни и заглушеніемъ скандала сдѣлкой. Такъ какъ бракъ былъ вполнѣ законенъ, и такъ какъ „прежнее“ поведеніе жены не давало ему права на разводъ, то лучше всего было дѣйствовать на ея собственные интересы. Ей было обѣщано хорошее ежегодное содержаніе, съ условіемъ, что она возвратится туда, откуда прибыла, не будетъ никогда показываться въ Англіи, и перестанетъ носить имя мужа. Къ этому были прибавлены еще другія условія. Она согласилась на всѣ, и потому были

приняты мѣры, чтобъ обезпечить ей приличное положеніе въ мѣстѣ ея жительства. Какую жизнь вела она потомъ, и исполняла ли всѣ требуемыя условія,—я не могу сказать. Скажу только, что она ни разу не показывалась въ Англіи, никогда не безпокоила мистера Ванстона, и что ежегодное содержаніе выплачивалось ей однимъ мѣстнымъ американскимъ банкиромъ, до самаго дня смерти. Выходя за него замужъ, она желала только денегъ, и получила ихъ.

„Между тѣмъ, Андру оставилъ полкъ. Послѣ случившагося, онъ стыдился своихъ сослуживцевъ. Онъ выпродалъ свое мѣсто и возвратился въ Англію. Первая вѣсть, поразившая его при возвращеніи, была вѣсть о смерти отца. Прежде чѣмъ отправиться домой, онъ явился въ мою лондонскую контору, и узналъ отъ меня, какъ кончилась семейная ссора.

„Завѣщаніе, уничтоженное отцомъ Ванстономъ въ моемъ присутствіи, не было, сколько я зналъ, замѣнено другимъ. Когда послали за мной, послѣ его смерти, я былъ убѣжденъ, что закону придется распредѣлить имущество покойнаго между вдовой и дѣтьми. Къ моему удивленію, между бумагами оказалось завѣщаніе правильно составленное, подписанное и помѣченное числомъ, черезъ какую-нибудь недѣлю по уничтоженіи прежняго завѣщанія. Онъ не забылъ своей мстительной угрозы по отношенію къ старшему сыну, и обратился за юридическимъ пособіемъ къ постороннему юристу, стыдясь, вѣроятно, обратиться ко мнѣ.

„Излишне было бы занимать васъ изложеніемъ всѣхъ подробностей завѣщанія. Оставалось четверо наслѣдниковъ: вдова и трое дѣтей. Вдовѣ былъ предоставленъ только пожизненный процентъ съ одной части имущества завѣщателя. Остальная часть дѣлилась между Андреемъ и Селиной,—въ размѣрѣ двухъ третей брату, и одной трети сестрѣ. По смерти матери, часть имущества, съ которой послѣдняя получала свой процентъ, должно было также пойдти въ раздѣлъ между Андреемъ и Селиной въ той же пропорціи; только пять тысячъ фунтовъ предписывалось вычесть изъ этой суммы для уплаты Михаилу.

„Круглымъ числомъ, наслѣдство распредѣлялось слѣдующимъ образомъ. До смерти матери, у Андрея было семьдесятъ тысячъ фунтовъ, у Селины—тридцать пять тысячъ фунтовъ, у Михаила — ничего. По смерти матери, у

Михаила должно было быть пять тысячъ, противъ ста тысячъ Андрея и пятидесяти тысячъ Селины. Не думайте, чтобъ я безъ всякой цѣли останавливался на этомъ предметѣ. Каждое произносимое мною теперь слово связано съ теперешними жизненными интересами дочерей мистера Ванстона. Въ продолженіи разказа, не выпускайте изъ вниманія огромную разницу въ наслѣдствахъ Михаила и Андрея. Боюсь, что зло этого мстительнаго завѣщанія еще не исчерпало всей своей силы.

„Первое движеніе Андрея, при полученіи извѣстія о наслѣдствѣ, было достойно его благородной, великодушной натуры. Онъ немедленно предложилъ подѣлиться своимъ наслѣдствомъ съ братомъ. Но тутъ встрѣтилось важное препятствіе. Письмо отъ Михаила ждало его въ моей конторѣ, и письмо это приписывало ему первую причину непріятностей между его отцомъ и старшимъ братомъ. Его усилія, неловкія и неосторожныя, но искреннія и честныя, къ погашенію ссоры передъ отъѣздомъ, перетолковывались въ самую дурную сторону, и на него взводились обвиненія въ безчестномъ поведеніи и лживости, и обвиненія эти вывели бы всякаго изъ терпѣнія. Андрей нашелъ то же, что и я, именно, что если эти обвиненія не будутъ взяты назадъ, до исполненія его великодушныхъ намѣреній, то фактъ этого исполненія прямо обратится въ подтвержденіе и оправданіе обвиненій Михаила. Онъ написалъ брату въ самомъ умѣренномъ и примирительномъ тонѣ. Въ отвѣтѣ же того были сосредоточены всѣ возможныя оскорбленія. Михаилъ наслѣдовалъ суровый и жесткій нравъ отца, но эта суровость и жесткость не искупились у него многими хорошими качествами отца; второе письмо подтверждало обвиненія перваго и объявляло, что онъ готовъ принять предлагаемую Андреемъ часть не иначе какъ въ смыслѣ возвращаемой ему покражи. Я написалъ матери, чтобы воспользоваться ея вліяніемъ. Но она сама чувствовала себя обиженною тѣмъ, что ей изъ мужниной собственности предоставлялся только пожизненный доходъ; она рѣшительно держала сторону Михаила, клеймя предложеніе Андрея какъ попытку задобрить взяткой ея старшаго сына. Послѣ этого все было кончено. Михаилъ уѣхалъ съ матерью на континентъ. Она жила довольно долго и могла накопить съ своего дохода довольно денегъ, которыми зна-

чительно увеличилась достававшаяся ему по ея смерти сумма въ пять тысячъ фунтовъ. Онъ увеличилъ потомъ свое состояніе выгоднымъ бракомъ, и живетъ теперь вдовцомъ, съ однимъ сыномъ, то во Франціи, то въ Швейцаріи. Мы скоро возвратимся къ нему. Теперь я только прибавлю, что Андру и Миклъ никогда болѣе не встрѣчались и не сносились даже письменно. Они, во всѣхъ отношеніяхъ, не существовали другъ для друга съ самыхъ тѣхъ давнихъ поръ до настоящаго времени.

„Вы понимаете теперь, въ какомъ положеніи находился Андру, оставивъ службу и возвратившись въ Англію. Съ большимъ состояніемъ, онъ былъ одинъ въ свѣтѣ; будущность его было испорчена при самомъ началѣ жизни, мать и братъ отвернулись отъ него; не давно вышедшая замужъ сестра имѣла свои интересы и надежды, въ которыхъ не было ему доли. Люди болѣе крѣпкаго закала, въ такомъ положеніи, стали бы искать себѣ прибѣжища въ какомъ-нибудь энергическомъ умственномъ дѣлѣ. Но онъ не былъ способенъ къ усиленной дѣятельности; вся сила его характера заключалась лишь въ силѣ сердечныхъ привязанностей, а ихъ-то и жизнь отняла у него. Его назначеніе была спокойная жизнь въ семействѣ, съ любящими дѣтьми и женой,—жизнь, которая, казалось, погибла для него. Онъ не смѣлъ оглянуться назадъ, не могъ посмотрѣть впередъ. Въ отчаяніи, онъ отдался буйнымъ страстямъ молодости, и кинулся въ развратъ лондонской жизни.

„Обманъ одной женщины привелъ его къ паденію; любовь другой спасла его въ началѣ пагубнаго пути. Не будемъ слишкомъ строги къ ней,—только вчера мы опустили ее съ нимъ въ могилу.

„Вы уже довольно поздно познакомились съ мистриссъ Ванстонъ; вы знали ее тогда, когда болѣзни, горе и тайныя безпокойства много измѣнили ее, а потому вы не можете представить себѣ ея физическихъ и умственныхъ прелестей, когда ей было всего семнадцать лѣтъ, и когда ее въ первый разъ встрѣтилъ Андру. Я хотѣлъ отвлечь его, хоть на одинъ вечеръ, отъ унизительныхъ сообщниковъ и унизительныхъ развлеченій, и убѣдилъ его отправиться со мною на балъ, дававшійся одною изъ главныхъ компаній въ Сити. Здѣсь встрѣтились они. При первомъ взглядѣ, она произвела на него сильное впечатлѣніе. Ни

онъ, ни я, мы не знали ея вовсе. Кагда его представляли ей, оказалось что она была дочь одного мистера Блека. Остальное узналъ онъ самъ. Они танцовали вмѣстѣ (незамѣченные въ набитой биткомъ залѣ) въ продолженіи всего вечера.

„ Обстоятельства, съ самаго начала, были не въ пользу ея. Она была несчастлива дома. Ея родные и знакомые не занимали никакого общественнаго положенія; это были незначительные, темные люди, не соотвѣтствовавшіе ей ни въ какомъ отношеніи. Балъ, на которомъ она встрѣтилась съ Андреемъ, былъ ея первымъ баломъ; тутъ въ первый разъ узнала она мущину съ пріемами и рѣчью джентльмена. Могу ли я привести это въ оправданіе ей? Да, если мы не вовсе чужды человѣческаго чувства къ человѣческимъ слабостямъ!

„ Встрѣча эта рѣшила ихъ судьбу. Когда за ней послѣдовали другія, и когда сознаніе любви вырвалось у нея, онъ (невинно и безсознательно) рѣшился на дѣло, опасное для обоихъ. Чувство чести и прямота его не позволяли ему обманывать ее; онъ открылъ ей всю истину. У нея, впечатлительной и великодушной, не было достаточно сильныхъ родственныхъ привязанностей, чтобъ удержать ее дома; къ тому же она страстно любила его, а онъ обращался къ чувству ея жалости, а этому чувству, къ безсмертной чести женщинъ, всего труднѣе имъ противиться. Она видѣла и видѣла ясно, что она одна можетъ спасти его отъ паденія. Отъ нея зависѣла послѣдняя возможность спасти его. Она рѣшилась, и спасла его.

„ Я не желалъ бы быть непонятымъ. Не думайте, чтобъ я легкомысленно относился къ одному изъ самыхъ важныхъ общественныхъ вопросовъ, котораго я долженъ коснуться теперь. Я не стану защищать ея памяти какими-нибудь софизмами, я буду говорить лишь правду. А правда та, что она спасла его отъ гибельныхъ увлеченій, которыя привели бы его къ преждевременной смерти. Правда та, что она принесла ему семейное счастіе, которое вы сами вспоминаете съ такою нѣжностію, а онъ помнилъ съ такою благодарностію, что въ тотъ самый день, какъ стала ему извѣстна его свобода, поспѣшилъ назвать ее своею законною супругой. Пусть строгая нравственность не отступается отъ своихъ правъ, и осуждаетъ ошибку ея молодыхъ лѣтъ. Но значило бы, что я совсѣмъ не понимаю Евангелія, если

христіянское милосердіе не смягчитъ этотъ приговоръ нравственнаго суда, если христіянская любовь не найдетъ ничего въ защиту ея памяти за всю любовь и вѣрность, за всѣ страданія и жертвы ея жизни.

„Нѣсколько словъ перенесутъ насъ къ позднѣйшему времени и къ событіямъ, случившимся уже при васъ.

„Излишне говорить вамъ, что положеніе мистера Ванстона не могло долго оставаться тайной. Попытки скрыть отъ семейства миссъ Блекъ неисправимую ошибку его молодости, оказались тщетными: отецъ разузналъ все. Не знаю, что̀ бы случилось, еслибъ ея родственники были люди порядочные, „респектабельные“ какъ говорится. Съ этими же можно было вступить въ сдѣлку. Единственный, оставшійся до сихъ поръ въ живыхъ родственникъ ея,—плутъ, прозывающій себя капитаномъ Реджемъ. Если я скажу вамъ, что онъ продалъ свое молчаніе, и прибавлю что другіе родственники, при жизни, держали себя не лучше, то вы поймете съ какимъ народомъ приходилось мнѣ имѣть дѣло въ интересѣ моихъ кліентовъ и какимъ способомъ ихъ притворное негодованіе было замирено.

„Отправившись тотчасъ же въ Ирландію, мистеръ Ванстонъ и миссъ Блекъ пробыли тамъ нѣсколько лѣтъ. Не смотря на свою молодость, она твердо переносила свое положеніе. Рѣшившись разъ пожертвовать своею жизнію любимому человѣку, успокоивъ свою совѣсть мыслью, что его бракъ не болѣе какъ юридическая шутка въ сравненіи съ ея союзомъ „передъ лицомъ Божіимъ“, она положила держать себя, въ глазахъ свѣта такъ, чтобы не могло возбудиться ни малѣйшаго подозрѣнія въ законности ея супружества. Вообще женщины способны и принять твердое рѣшеніе, и терпѣливо сообразить планъ дѣйствій и дѣйствовать быстро, тамъ гдѣ бываютъ затронуты самые дорогіе интересы ихъ жизни. Мистриссъ Ванстонъ,—теперь, попомните, она имѣетъ полное право на это имя,—мистриссъ Ванстонъ обладала, по преимуществу, этою женскою настойчивостью и женскимъ тактомъ; она тогда же еще приняла всѣ мѣры предосторожности (на которыя не слишкомъ искусенъ былъ ея мужъ), которыя обезпечили сохраненіе ихъ тайны въ будущемъ.

„Благодаря этимъ мѣрамъ, ни тѣни подозрѣнія не послѣдовало за ними при возвращеніи ихъ въ Англію. Ска-

чала они поселились въ Девонширѣ, для того лишь чтобы быть подалѣе отъ сѣверныхъ провинцій, гдѣ знали семейство и родственниковъ мистера Ванстона. Со стороны своихъ родственниковъ, онъ не опасался любопытныхъ розысковъ. Отъ матери и своего старшаго брата былъ онъ совершенно отчужденъ. Сестрѣ его запретилъ мужъ (духовная особа) всякія сношенія съ нимъ, тогда еще, какъ по возвращеніи изъ Канады, онъ предался распутной жизни. Другихъ родственниковъ у него не было. Оставивъ Девонширъ, онъ, вмѣстѣ съ миссъ Блекъ, поселился въ этомъ домѣ. Не напрашиваясь на ничье вниманіе и не избѣгая его, счастливые собою, дѣтьми и своею спокойною сельскою жизнью, не возбуждая никакого подозрѣнія въ небольшомъ числѣ сосѣдей, составлявшихъ скромный кругъ ихъ знакомства,—они дали возможность истинѣ не быть, до времени, открытою, какъ это случается часто.

„Если, при вашей близости къ нимъ, могло бы показаться страннымъ, что вы никогда ничего не замѣчали, то при соображеніи обстоятельствъ, эта кажущаяся аномалія легко объяснится. Вспомните, что прежде чѣмъ вы прибыли въ этотъ домъ, они жили какъ мужъ и жена, глубоко чувствуя и сознавая себя такими другъ передъ другомъ, жили пятнадцать лѣтъ, и не забывайте въ то же время, что ничто не нарушало счастія мистера Ванстона, не возвращало мысли его къ прошедшему и не пугало будущимъ, до самаго полученія извѣстія о смерти жены въ томъ извѣстномъ вамъ американскомъ письмѣ. Съ того дня, когда ему пришлось вспомнить о ненавистномъ прошедшемъ, и когда передъ ней вдругъ открылась возможность, о которой она не смѣла и думать, они стали измѣнять себѣ, и только совершенное отсутствіе всякаго подозрѣнія въ васъ и дочеряхъ, помѣшало вамъ узнать истину.

„Грустная исторія прошедшаго теперь извѣстна вамъ такъ же хорошо, какъ и мнѣ. Жесткія вещи приходилось высказывать мнѣ. Богу извѣстно, говорилъ ли я съ искреннимъ сочувствіемъ къ живущимъ, съ искреннею любовью къ памяти умершихъ.“

Онъ кончилъ, и отвернувъ немного въ сторону лицо, опустилъ голову на руку, съ своею обычною, вовсе не *демонстративною* манерой. До этого, миссъ Гартъ пре-

рывала разказъ лишь какимъ-нибудь случайнымъ словомъ или восклицаніемъ удивленія. Она не старалась скрывать своихъ слезъ, и когда заговорила теперь, онѣ такъ и лились по ея впалымъ щекамъ.

— Я была несправедлива къ вамъ въ мысляхъ, сэръ, сказала она съ благородною откровенностью. — Теперь, я знаю васъ лучше. Прошу извиненія, прошу васъ дать мнѣ руку.

Эти слова глубоко тронули его. Молча взялъ онъ ея руку. Она заговорила первая, первая подала примѣръ самообладанія. Женщины владѣютъ тѣмъ благороднымъ качествомъ, что ничто такъ не поддерживаетъ ихъ въ борьбѣ съ собственнымъ горемъ, какъ видъ огорченнаго мущины. Спокойно отерла она свои слезы и спокойно придвинула кресло къ столу, съ тѣмъ чтобы сидѣть ближе къ нему.

— Я была сильно разстроена всѣмъ происшедшимъ въ этомъ домѣ, мистеръ Пендриль, проговорила она,—иначе, я выдержала бы лучше то, что̀ вы разказали теперь мнѣ. Не позволите ли вы мнѣ, прежде чѣмъ уйдете, сдѣлать вамъ одинъ вопросъ? Сердце мое разрывается мыслію о судьбѣ дѣтей, „дѣтей моихъ“ теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Нѣтъ ли какой-нибудь надежды? Неужели ихъ ожидаетъ нищета?

Законникъ помолчалъ, прежде чѣмъ рѣшился отвѣчать на вопросъ.

— Они зависятъ отъ чужой милости, проговорилъ онъ наконецъ.

— Вслѣдствіе несчастнаго обстоятельства ихъ рожденія?

— Вслѣдствіе несчастной случайности, которая послѣдовала за бракомъ ихъ родителей.

Съ этими странными словами, онъ всталъ, поднялъ съ полу завѣщаніе, и положилъ его на столъ на прежнее мѣсто.—Скажу вамъ всю правду, произнесъ онъ.—Бракъ упразднилъ это завѣщаніе и поставилъ дочерей мистера Ванстона въ зависимость отъ ихъ дяди.

При этомъ снова послышался шелестъ въ кустахъ подъ окномъ.

— Отъ ихъ дяди? повторила миссъ Гартъ. Она задумалась на минуту и вдругъ тронула рукой плечо мистера Пендриля.—Не отъ Михаила же Ванстона?

— Да, отъ Михаила Ванстона.

Миссъ Гартъ машинально все еще оставалась на плечѣ

юриста. Весь умъ ея былъ поглощенъ теперь усвоеніемъ поразившаго ее новаго открытія.

— Въ зависимости отъ Михаила Ванстона! проговорила она про себя.—Въ зависимости отъ злѣйшаго врага ихъ отца? Можетъ ли это быть?

— Выслушайте меня еще нѣсколько минутъ, замѣтилъ мистеръ Пендриль,—и вы узнаете прискорбное объясненіе. Чѣмъ скорѣе кончимъ мы это все, тѣмъ скорѣе буду я имѣть возможность вступить въ сношенія съ мистеромъ Миклемъ Ванстономъ и тѣмъ скорѣе узнаете вы, что онъ намѣренъ сдѣлать для осиротѣвшихъ дочерей его брата. Повторяю вамъ, онѣ безусловно зависятъ отъ него. Вы лучше поймете какъ и почему, когда мы возвратимся къ нити нашего разказа, къ эпохѣ брака мистера и мистриссъ Ванстонъ.

— Одно слово, сэръ, остановила его миссъ Гартъ.—Знали вы объ этомъ бракѣ, во время его совершенія?

— Къ несчастію, не зналъ. Я не былъ въ Лондонѣ, не былъ даже въ Англіи въ это время. Еслибы мистеръ Ванстонъ могъ снестись со мной, когда письмо изъ Америки извѣстило его о смерти жены, то имущество дочерей его не было бы теперь потеряно.

Онъ остановился, и посмотрѣлъ снова на письма, съ которыми совѣтовался и до того. Изъ нихъ, онъ вынулъ одно и положилъ его на столъ.

— Въ началѣ этого года, продолжалъ онъ,—одно важное дѣло, касавшееся имущества, въ Вестъ-Индіи, одного нашего стараго кліента и пріятеля, потребовало присутствія, въ Ямайкѣ, или моего, или котораго-нибудь изъ моихъ двухъ товарищей. Одинъ изъ нихъ не могъ отлучиться; другому здоровье не позволяло предпринять поѣздку. Ѣхать приходилось мнѣ. Я написалъ мистеру Ванстону, извѣщая его, что оставляю Англію въ концѣ февраля и что дѣло, по всему вѣроятію, не позволитъ мнѣ возвратиться изъ Вестъ-Индіи раньше іюня. Мое письмо не имѣло никакой особенной цѣли. Я считалъ только не лишнимъ увѣдомить его о моемъ отъѣздѣ, зная, что товарищи мои не знакомы съ частными дѣлами мистера Ванстона. Въ концѣ февраля, я уѣхалъ изъ Англіи, не получивъ отъ него никакого извѣстія. Я былъ въ морѣ, когда вѣсть о смерти жены

достигла до него, и возвратился не ранѣе половины прошлаго іюля.

— Вы предувѣдомили его о вашемъ отъѣздѣ, замѣтила миссъ Гартъ.—Увѣдомляли ли вы его о вашемъ возвращеніи?

— Не лично. Мой старшій дьякъ послалъ ему одинъ изъ циркуляровъ, которые разсылались всѣмъ изъ конторы, съ увѣдомленіемъ о моемъ возвращеніи. Въ первый разъ случилось мнѣ прибѣгнуть къ помощи другаго лица въ сношеніяхъ съ нимъ, потому что бездна дѣлъ обрушившихся на меня послѣ моего долгаго отсутствія, не дала мнѣ ни минуты досуга писать къ нему лично. Лишь черезъ мѣсяцъ, я узналъ въ первый разъ о бракѣ изъ его письма, посланнаго въ день злополучнаго случая. Причины, побудившія его писать, были слѣдствіемъ одного не безынтереснаго и не безызвѣстнаго вамъ обстоятельства: я говорю о привязанности между сыномъ мистера Клера и младшею дочерью мистера Ванстона.

— Не скажу, чтобъ я одобряла эту привязанность, отвѣчала миссъ Гартъ.—Я не знала тогда семейной тайны; теперь я знаю ее.

— Очень хорошо. Мотивъ который вы теперь можете оцѣнить, приводитъ насъ къ развязкѣ. Молодая дѣвушка (какъ слышалъ я отъ мистера Клера отца, которому я обязанъ знаніемъ подробностей дѣла) сама созналась своему отцу въ своей привязанности и нечаянно задѣла его заживое намекомъ на его молодые годы. Отецъ имѣлъ долгій разговоръ съ мистриссъ Ванстонъ, при чемъ они рѣшили, что нужно открыть истину мистеру Клеру, прежде чѣмъ позволить усиливаться привязанности молодыхъ людей. Обоимъ, и мужу и женѣ, было въ высшей степени тягостно рѣшиться на это, но съ рѣшимостью, рѣшимостью честною, они преодолѣли себя, и мистеръ Ванстонъ тотчасъ же отправился къ мистеру Клеру. Должно-быть, вы замѣтили по этому случаю что-нибудь особенное въ мистерѣ Ванстонѣ?

Миссъ Гартъ кивнула головой, и мистеръ Пендриль продолжалъ.

— Вы достаточно знакомы съ презрѣніемъ мистера Клера къ всѣмъ общественнымъ предразсудкамъ, чтобъ угадать, какъ принялъ онъ признаніе сдѣланное ему его

сосѣдомъ. Минутъ черезъ пять они были такъ же развязны и не принужденны другъ съ другомъ, какъ всегда. Въ разговорѣ, мистеръ Ванстонъ упомянулъ о финансовомъ распоряженіи, сдѣланномъ имъ для обезпеченія дочери и ея будущаго друга, и при этомъ, естественно, намекнулъ вотъ на это завѣщаніе. Мистеръ Клеръ, вспомнивъ, что бракъ былъ совершенъ въ мартѣ настоящаго года, спросилъ его вдругъ, когда было составлено завѣщаніе?—и узнавъ что пять лѣтъ тому назадъ, объявилъ, къ удивленію мистера Ванстона, что документъ этотъ не имѣетъ законной силы. Мистеръ Ванстонъ какъ и многіе другіе, не зналъ что бракъ, въ юридическомъ какъ и въ общественномъ смыслѣ, считается важнѣйшимъ актомъ жизни, что онъ лишаетъ силы завѣщаніе, сдѣланное до него и непремѣнно требуетъ полнаго подтвержденія распоряженій, въ качествѣ мужа. Объявленіе это поразило мистера Ванстона. Сказавъ, что онъ не забудетъ до смерти этой услуги пріятеля, онъ тотчасъ же оставилъ мистера Клера, возвратился домой и написалъ мнѣ слѣдующее письмо...

И онъ подалъ миссъ Гартъ это письмо. Съ нѣмою, безслезною скорбью, она прочла слѣдующее:

„Любезный мой Пендриль! Съ тѣхъ поръ какъ въ послѣдній разъ обмѣнялись мы съ вами письмами, въ моей жизни произошла очень важная перемѣна. Черезъ недѣлю по вашемъ отъѣздѣ, я получилъ изъ Америки извѣстія, сказавшія мнѣ, что я свободенъ. Нужно ли говорить, какъ поспѣшилъ я воспользоваться этою свободой? Нужно ли говорить, что мать моихъ дѣтей теперь жена моя?

„Если васъ удивляетъ неполученіе отъ меня извѣстія въ минуту вашего возвращенія, то объясняйте себѣ мое молчаніе моимъ полнымъ незнаніемъ юридической необходимости возобновленія завѣщанія. Я узналъ объ этомъ не болѣе получаса тому назадъ (въ обстоятельствахъ, которыя я объясню вамъ при нашемъ свиданіи) отъ моего стараго пріятеля, мистера Клера. Семейныя заботы были отчасти также причиной моего молчанія. Время разрѣшенія жены моей приближается, и, помимо этой важной заботы, моя вторая дочь только что помолвлена. До свиданія съ мистеромъ Клеромъ, тревожная забота о женѣ до того занимала меня, что я не могъ собраться написать вамъ, въ этотъ, впрочемъ

короткій, промежутокъ времени послѣ вашего возвращенія. Я знаю теперь, что завѣщаніе мое должно быть возобновлено, и пишу, не теряя минуты. Бога ради, пріѣзжайте въ день полученія этого письма,—пріѣзжайте и избавьте меня отъ страшной мысли, что мои двѣ дорогія дѣвушки не обезпечены въ настоящее время. Если что-нибудь случится со мною, и если моя поспѣшность воздать должное матери кончится (вслѣдствіе моего несчастнаго незнанія закона) оставленіемъ Норы и Магдалины безъ наслѣдства, мнѣ не будетъ покою въ могилѣ! Пріѣзжайте, во что̀ бы то ни стало, къ вашему навсегда А. В.“

— Въ субботу утромъ, продолжалъ мистеръ Пендриль,— получилъ я эти строчки. Я немедленно бросилъ всѣ другія дѣла и отправился на желѣзную дорогу. На лондонской станціи услышалъ я въ первый разъ о несчастномъ случаѣ бывшемъ въ пятницу, и узналъ число и имена убитыхъ пассажировъ. Въ Бристолѣ извѣстія были точнѣе, и подтвердили страшную вѣсть насчетъ мистера Ванстона. Я имѣлъ время придти въ себя отъ потрясенія, когда прибылъ на вашу станцію, гдѣ нашелъ ожидавшаго меня сына мистера Клера. Онъ привелъ меня къ своему отцу, и тамъ, не теряя минуты, я составилъ завѣщаніе для мистриссъ Ванстонъ. Я хотѣлъ закрѣпить за дочерьми по крайней мѣрѣ теперь часть имущества. По случаю кончины мистера Ванстона безъ завѣщанія, треть его состоянія досталась бы его женѣ, а остальная часть раздѣлилась бы между ближайшимъ родствомъ. Грустная жестокость нашего закона заключается въ томъ, что бракъ родителей не узаконяетъ дѣтей рожденныхъ до него. Дочери мистера Ванстона, по смерти отца въ такихъ обстоятельствахъ, имѣютъ столько же правъ на долю въ его наслѣдствѣ, какъ дочери любаго изъ его работниковъ. Оставалась единственная надежда, что мать найдетъ въ себѣ достаточно силы подписать завѣщаніе объ оставленіи дочерямъ, въ случаѣ смерти, своей третьей части. Теперь вы понимаете, зачѣмъ я настаивалъ на свиданіи съ ней, зачѣмъ ждалъ я день и ночь, въ надеждѣ получить приглашеніе изъ дому. А такъ какъ была еще надежда на сохраненіе жизни мистриссъ Ванстонъ, то я никакъ не могъ рѣшиться открыть вамъ тайну ея брака.

— Вы были правы, сэръ, сказала миссъ Гартъ:—я понимаю ваши причины и уважаю ихъ.

— Послѣднія мои попытки обезпечить дочерей, продолжалъ мистеръ Пендриль,—не могли быть приведены въ исполненіе, вслѣдствіе труднаго состоянія мистриссъ Ванстонъ. Смерть ея оставляла пережившаго ее нѣсколькими часами ребенка (какъ ребенка, прижитаго въ законномъ бракѣ) законнымъ наслѣдникомъ всего состоянія мистера Ванстона. По смерти ребенка, еслибъ онъ пережилъ мать даже нѣсколькими секундами, результатъ не измѣняется; ближайшій родственникъ, по законной линіи, наслѣдуетъ имущество, а этотъ ближайшій родственникъ — ребенка, по отцу, Михаилъ Ванстонъ. Всѣ восемьдесятъ тысячъ имущества положительно перешли къ нему.

— Развѣ нѣтъ другихъ родственниковъ? спросила миссъ Гартъ.—Развѣ не на кого болѣе надѣяться?

— При Михаилѣ Ванстонѣ другихъ нѣтъ, отвѣчалъ стряпчій.—Въ живыхъ не остается ни дѣдушки, ни бабушки умершаго ребенка, съ какой бы то ни было стороны. Да и трудно было бы предположить это, принимая въ соображеніе лѣта мистера и мистриссъ Ванстонъ. Но очень жаль, что не остается еще ни дядей, ни тетокъ. Есть одинъ двоюродный братъ и двѣ сестры отъ старшей сестры мистера Ванстона, вышедшей за архидіакона Бертрама и скончавшейся, какъ я говорилъ вамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но ихъ права исчезаютъ передъ правами ближайшаго родственника. Да, миссъ Гартъ, дѣлать нечего: надобно взглянуть бѣдствію прямо въ лицо. Нашъ законъ, по отношенію къ дѣтямъ рожденнымъ до браку, позоритъ націю. Онъ нарушаетъ всѣ правила христіянскаго милосердія, заставляя страдать дѣтей за грѣхъ родителей, онъ поощряетъ преступленія, устраняя самое живое побужденіе для родителей искупить проступокъ бракомъ, и порождаетъ два эти зла во имя нравственности и религіи. Не таковъ законъ въ Шотландіи, не таковъ и во Франціи теперь. Придетъ время, когда Англія устыдится его, но время это еще не наступило. Дочери мистера Ванстона—ничьи, найденыши, и законъ равнодушно ставитъ ихъ въ зависимость отъ милости ихъ дяди.

Съ энергіей честнаго негодованія произнесъ онъ [illegible] слова и всталъ.

— Нѣтъ болѣе надобности, сказалъ онъ,—перебирать прошлое и настоящее. Утро уходитъ и будущее приближается. Лучшею услугой отъ меня будетъ—сократить время вашего ожиданія. Менѣе чѣмъ черезъ часъ я буду на пути въ Лондонъ. Тотчасъ по пріѣздѣ, я постараюсь какъ можно скорѣе снестись съ мистеромъ Михаиломъ Ванстономъ и тотчасъ же сообщу вамъ о результатѣ. Хотя положеніе сестеръ очень печально, но мы все еще не должны терять надежды.

— Надежды? повторила миссъ Гартъ.—Надежды на Михаила Ванстона?

— Да, надежды, благодаря вліянію на него времени, если не жалости. Какъ я сказалъ уже вамъ, онъ старикъ теперь, и не можетъ ожидать еще долгой жизни. Уже тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разошелся онъ съ своимъ братомъ. Смягчающее вліяніе времени дѣйствуетъ на всѣхъ людей! Можетъ-быть знакомство съ ужасными обстоятельствами, путемъ которыхъ досталось ему наслѣдство, тронетъ его, если ничто другое не тронетъ.

— Дай Богъ, мистеръ Пендриль. — Буду надѣяться. А долго ли придется намъ ждать рѣшенія?

— Не думаю, чтобъ долго. Меня задержитъ только справка о мѣстожительствѣ на континентѣ Михаила Ванстона. Кажеся, у меня есть средство узнать это скоро, и я попытаюсь, какъ только прибуду въ Лондонъ.

Онъ взялъ шляпу и подошелъ къ столу, на которомъ послѣднее письмо и безполезное завѣщаніе отца лежали вмѣстѣ. Подумавъ съ минуту, онъ отдалъ ихъ миссъ Гартъ.

— Бумаги эти помогутъ вамъ открыть горькую истину сиротамъ, произнесъ онъ тихимъ сдержаннымъ голосомъ: — они увидятъ, какъ говоритъ онъ о нихъ въ завѣщаніи, увидятъ, какъ писалъ онъ мнѣ въ послѣдній разъ. Пускай эта память скажетъ имъ, что единственною заботой всей жизни отца ихъ была мысль освятить рожденіе своихъ дѣтей. Если мысль о ихъ рожденіи будетъ не безъ горечи говорилъ онъ мнѣ, при составленіи этого, теперь безполезнаго, завѣщанія,—то они по крайней мѣрѣ не станутъ поминать меня лихомъ. Я не буду перечить имъ ни въ чемъ; они не будутъ знать никакихъ заботъ во всемъ что только зависитъ отъ меня; ни одна потребность ихъ не останется безъ удовлетворенія.“ Онъ велѣлъ мнѣ вне-

сти слова эти въ завѣщаніе, чтобъ они вступились за его память, когда истина, затаенная имъ при жизни откроется по его смерти. Законъ не можетъ отнять это наслѣдство раскаянія и любви. Я оставляю въ ваше распоряженіе завѣщаніе и письмо; пусть они помогутъ вамъ.

Онъ могъ видѣть, какъ этотъ ласковый тонъ его при прощаніи еще пуще взволновалъ ее, и благоразумно ускорилъ свой отъѣздъ. Она обѣими руками сжала его руку, и проговорила нѣсколько отрывочныхъ словъ благодарности. — „Положитесь на меня,“ сказалъ онъ, и быстро повернувшись, оставилъ ее. При яркомъ веселомъ сіяніи солнца явился онъ открыть роковую истину; при яркомъ веселомъ сіяніи солнца,—по открытіи истины,—уходилъ онъ теперь.

XIV.

Было около часу, когда мистеръ Пендриль оставилъ домъ. Миссъ Гартъ снова сѣла къ столу и старалась собраться съ силами, чтобы сообразить обязанность возложенную на нее событіемъ этого утра.

Но голова ея была слишкомъ разстроена. Она пыталась сдержать потокъ своихъ мыслей, забыть свое собственное положеніе, отрѣшиться на нѣсколько минутъ отъ осаждавшихъ ее мыслей. Потомъ она развернула письмо мистера Ванстона и безсознательно стала перечитывать его.

Одно за другимъ, послѣднія слова покойника впечатлѣвались все сильнѣй и сильнѣй въ ея памяти. Уединеніе и тишина способствовали ихъ впечатлѣнію и подняли въ ней невольно то именно воспоминаніе прошедшаго и настоящаго, которыхъ ей всего болѣе хотѣлось избѣгнуть. Прочтя грустныя строки, которыми оканчивалось письмо, она нечувствительно, сначала почти безсознательно развернула въ мысляхъ роковую цѣпь недавнихъ событій, и дошла до перваго звена ея, — до предполагавшагося брака Магдалины съ Франсисомъ Клеромъ.

Союзъ этотъ привелъ мистера Ванстона къ старому пріятелю, и заставилъ его открыть то чего бы иначе онъ не открылъ никогда. Тутъ узналъ онъ обстоятельства, заставившія его потребовать къ себѣ законника. Это требо-

ваніе заставило его, затѣмъ, предпринять субботнюю поѣздку въ пятницу, — пятницу, когда случилось несчастіе, пятницу, когда былъ онъ убитъ. За смертью его, послѣдовали другія бѣдствія; дочери, о будущемъ счастіи которыхъ онъ заботился всего болѣе, остались въ безпомощномъ положеніи; потомъ это открытіе тайны, которое обрушилось на нее въ это утро; наконецъ, страшная предстоявшая ей необходимость открыть эту самую тайну бѣднымъ сиротамъ. Въ первый разъ, предсталъ предъ нею весь рядъ событій,—предсталъ такъ же ясно, какъ лазурь безоблачнаго неба, какъ яркая зелень деревьевъ на солнечномъ свѣтѣ.

Какъ, когда сказать имъ все? Какъ подойдти къ нимъ съ открытіемъ ихъ незаконнаго происхожденія, когда не минуло еще и недѣли со смерти родителей? Кто рѣшится выговорить имъ страшныя слова, когда первыя слезы еще не обсохли на ихъ щекахъ, когда скорбь разлуки чувствуется ими всего сильнѣй, когда съ похоронъ не прошло и сутокъ? Не послѣдній же изъ оставшихся у нихъ друзей, рѣшится на это,—та преданная женщина, которой сердце обливалось за нихъ кровью. О, нѣтъ! лучше хранить во что бы то ни стало молчаніе,—сострадательное молчаніе на первые дни!

Естественная человѣческая жалость смыкала ея уста и закрывала глаза для будущаго, когда она выходила изъ комнаты съ завѣщаніемъ и письмомъ въ рукахъ. Въ передней, она остановилась и стала прислушиваться. Не слышно было ни малѣйшаго звука. Она тихо направилась къ своей комнатѣ, и всходя по лѣстницѣ, прошла мимо спальни Норы. Голоса изнутри, голоса двухъ сестеръ, достигли до нея. Подумавъ минуту, она повернула назадъ и быстро спустилась внизъ. Нора и Магдалина знали о ея свиданіи съ мистеромъ Пендрилемъ, ибо она сочла своею обязанностью показать имъ письмо его. Ея удаленіе въ свою комнату, тотчасъ по уходѣ стряпчаго, не возбудитъ ли въ нихъ подозрѣній? Рука ея дрогнула на перилахъ; она почувствовала, что лицо можетъ измѣнить ей. Самообладаніе, никогда не измѣнявшее ей до того, казалось, въ этотъ разъ измѣнитъ ей.

У дверей передней, она задумалась снова и пошла въ садъ, направляясь къ скамьѣ и столику, расположеннымъ между деревьями, вблизи отъ дома. Въ былое время, она часто сиживала здѣсь съ мистриссъ Ванстонъ, между Но-

рой и Магдалиной, возившеюся на травѣ съ собаками. Теперь она одна сидѣла тутъ, склонивъ голову надъ письмомъ и завѣщаніемъ, которыя она боялась выпустить изъ рукъ, и стараясь поднять свое поникавшее мужество.

Безпокойныя мысли о мрачномъ будущемъ стали волновать ее; ею овладѣлъ, страхъ, чтобы ея молчаніе не стало причиною какого-нибудь вреда въ близкомъ будущемъ. Какой-нибудь случай можетъ вдругъ открыть истину. „Мистеръ Пендриль можетъ написать, лично обратиться къ сестрамъ, въ понятной увѣренности, что я уже объяснила имъ все. Можетъ явиться непредвидѣнная необходимость тотчасъ же оставить домъ....“ Она понимала все это, но жестокая рѣшимость объясниться все еще не могла возникнуть въ ней. Наконецъ скопившіяся у ней тревожныя мысли вырвались наружу словами и движеніями. Она подняла голову и съ отчаяніемъ ударила рукой по столу.

— Господи, помоги мнѣ! произнесла она.—Какъ сказать имъ?

— Не нужно, проговорилъ чей-то голосъ позади ея:— онѣ уже все знаютъ.

Она встала и оглянулась. Передъ ней стояла Магдалина; Магдалина произнесла эти слова.

Да, на зелени листвы очерчивался ея высокій, темный, неподвижный и прелестный образъ, въ траурномъ платьѣ. То была сама Магдалина, съ неподвижнымъ спокойствіемъ на блѣдномъ лицѣ, съ ледяною покорностью въ твердыхъ сѣрыхъ глазахъ.

— Мы знаемъ уже все, повторила она ясно и выразительно.—Дочери мистера Ванстона—ничьи, найденыши, и законъ равнодушно ставитъ ихъ въ зависимость отъ милости ихъ дяди.

Безъ капли слезъ на щекахъ, безъ всякаго содроганія въ голосѣ, повторила она, слово въ слово, сказанное стряпчимъ. Миссъ Гартъ отступила на шагъ и оперлась на скамью, чтобы поддержать себя. Голова ея опустилась, и глаза закрылись на минуту. Когда снова раскрылись они, рука Магдалины поддерживала ее, дыханіе дѣвушки согрѣвало ея щеки, ея холодныя губы цѣловали ее. Она отклонилась отъ поцѣлуевъ; прикосновеніе ледяныхъ устъ дѣвушки производилъ въ ней дрожь ужаса.

Овладѣвъ языкомъ, она тотчасъ же спросила. — Вы слышали насъ? Гдѣ же?

— Подъ открытымъ окномъ.

— Все время?

— Отъ начала до конца.

Эта восьмнадцатилѣтняя дѣвушка, въ первую недѣлю своего сиротства, была въ состояніи выслушать весь страшный разказъ стряпчаго, и ни разу не измѣнить себѣ. Съ начала до конца, невольно вырывавшіяся у ней движенія были такъ осторожны, что можно было принять ихъ за легкій лѣтній шелестъ листьевъ!

— Не говорите, произнесла она мягче и нѣжнѣе.—Не смотрите на меня съ такимъ недоумѣніемъ. Въ чемъ моя вина? Когда мистеръ Пендриль пожелалъ говорить съ вами на счетъ Норы и меня, онъ предоставилъ на нашъ выборъ присутствовать при свиданіи или нѣтъ. Я не могла присутствовать, когда моя старшая сестра рѣшилась не быть. Какъ иначе могла я узнать мою судьбу? Мое подслушиваніе никому не сдѣлало вреда. Оно принесло, напротивъ, пользу, избавивъ васъ отъ печальной необходимости говорить. Вы уже довольно пострадали за насъ; пора намъ учиться страдать за себя. Я, я уже выучилась, а Нора учится.

— Нора!

— Да. Я сдѣлала все, чтобъ облегчить васъ. Я сказала Норѣ.

Она сказала Норѣ? Эта дѣвушка, рѣшившаяся на дѣло, отъ котораго отступила бы женщина вдвое старше ея,—неужели это она воспитанница миссъ Гартъ,—воспитанница, характеръ которой знала она, какъ казалось ей, не хуже собственнаго.

— Магдалина! вскрикнула миссъ Гартъ. — Вы пугаете меня?

Магдалина только вздохнула, и тихо повернулась въ сторону.

— Не думайте обо мнѣ дурно, произнесла она. — Я не могу плакать. Сердце мое замерло.

Она медленно пошла по газону. Миссъ Гартъ слѣдила за стройною темною фигурой удалявшейся дѣвушки, пока та не скрылась за деревьями. Когда она была передъ ней, миссъ Гартъ не могла думать ни о комъ болѣе; когда та

исчезла, она подумала о Норѣ. Въ первый разъ, со дня знакомства съ сестрами, сердце ея инстинктивно повернулась къ старшей изъ двухъ.

Нора не оставляла своей комнаты. Она сидѣла на кушеткѣ у окна, держа на колѣняхъ старенькую тетрадку нотъ матери, — ту тетрадку которую мистриссъ Ванстонъ нашла въ кабинетѣ мужа, въ самый день его смерти. Она отвела отъ нея глаза съ такою покойною грустію и такъ ласково указала на мѣсто возлѣ себя, что миссъ Гартъ не повѣрила сначала словамъ Магдалины.

— Взгляните, проговорила Нора, указывая на первую страницу:—вотъ имя моей матери, а на другой страницѣ нѣсколько стиховъ написанныхъ ею для папа. Этого по крайней мѣрѣ не отнимутъ у нихъ. Она обняла рукой шею миссъ Гартъ, и слабая краска показалась на ея щекахъ.— Я вижу безпокойство на вашемъ лицѣ, прошептала она.— Обо мнѣ ли вы безпокоитесь? Я знаю всю истину. Послѣ быть-можетъ, я почувствую это сильнѣе; теперь еще слишкомъ рано. Видѣли вы-Магдалину? Она пошла отыскивать васъ; гдѣ вы оставили ее?

— Въ саду. Я не могла ни говорить съ ней, ни глядѣть на нее. Магдалина испугала меня.

Нора быстро поднялась, пораженная и опечаленная отвѣтомъ миссъ Гартъ.

— Не думайте дурно о Магдалинѣ, сказала она. — Въ душѣ Магдалина страдаетъ болѣе нежели я. Постарайтесь не очень огорчаться тѣмъ, что вы слышали о насъ сегодня утромъ. Что въ томъ, кто мы такіе, и что мы сохраняемъ или теряемъ? Что это за потеря, послѣ потери отца и матери? О, миссъ Гартъ, въ этомъ все горе! О чемъ можемъ мы думать, когда только вчера опустили ихъ въ могилу? Только о любви ихъ къ намъ, которой мы болѣе уже не увидимъ. О чемъ можемъ мы думать сегодня? Какую перемѣну свѣтъ и его законы могутъ произвести въ нашемъ воспоминаніи объ этомъ отцѣ, объ этой матери...—Она остановилась, и съ усиліемъ подавила возраставшую скорбь. — Подождите меня здѣсь, произнесла она, — я схожу за Магдалиной. Магдалина всегда была вашею любимицей, я желаю ей этого и теперь.—Она положила ноты на колѣни миссъ Гартъ и вышла изъ комнаты.

„Магдалина всегда была вашею любимицей.“ Какъ ни нѣжно были произнесены эти слова, они прозвучали упрекомъ въ ушахъ миссъ Гартъ. Въ первый разъ мысль, что она и всѣ окружающіе ошибались въ оцѣнкѣ сестеръ, пришла ей въ голову.

Она изучала природу двухъ дѣвушекъ въ своихъ двѣнадцатилѣтнихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ ними. Эта природа, которую, казалось ей, она знала до глубины, теперь подверглась неожиданно горькимъ испытаніямъ. Какъ вынесли ихъ сестры? Такъ ли, какъ прежній ея опытъ заставлялъ думать? Нѣтъ,—прямо противоположно тому.

Что̀ могло значить это?

При этомъ удивленномъ и грустномъ вопросѣ, рой мыслей закружился въ ея головѣ.

Независимо отъ внѣшняго видимаго характера, обусловливаемаго окружающею насъ общественною средой, нѣтъ ли въ человѣкѣ внутренняго, невидимаго характера (составляющаго часть насъ самихъ), на который можетъ вліять воспитаніе, но котораго измѣнить оно не можетъ никогда? Философія, отвергающая это и утверждающая, что мы раждаемся съ непочатою душой, будто листъ бѣлой бумаги, сравнивала ли когда-нибудь двухъ новорожденныхъ младенцевъ, и замѣчала ли, что они раждаются со свойствами, которыхъ не могутъ измѣнить произвольно ни матери, ни кормилицы? Нѣтъ ли въ человѣкѣ природныхъ, безконечно разнообразныхъ, началъ добра и зла, не подчиняющихся земной наградѣ и земному осужденію, нѣтъ ли скрытаго добра и скрытаго зла, готовыхъ обнаружиться при удобномъ случаѣ и достаточномъ искушеніи? Земное на землѣ объясняетъ ли все, а людская зоркость въ состояніи ли открыть намъ эти затаенныя въ насъ и объяснимыя не здѣшними силами, свойства?

Впервые возстали такія мысли въ головѣ миссъ Гартъ какъ темныя и грозныя возможности. Въ первый разъ, сопоставила она эти возможности съ прошедшимъ поведеніемъ и характеромъ, а также съ будущею судьбой сиротъ сестеръ.

Разсматривая, какъ въ зеркалѣ, натуры двухъ дѣвушекъ, она мало-по-малу переходила отъ одной возможности къ другой. Быть-можетъ, до сихъ поръ, знала она лишь внѣш-

нюю сторону характера Норы и Магдалины. Быть-можетъ непріятная непроницаемая скрытность одной сестры, и привлекательная откровенность и веселость другой, основывались болѣе или менѣе на тѣхъ физическихъ причинахъ, отъ которыхъ зависятъ иногда нравственные результаты. Быть-можетъ, подъ этою внѣшностью, которую еще ничто не разстраивало въ счастливой и спокойной жизни сестеръ, таились врожденныя свойства, которыя заявилъ теперь первый серіозный ударъ. Не такъ ли? Не свѣтилось ли пророчески будущее сквозь мрачную внѣшность Норы, и не темнѣло ли оно пророчески изъза ясной внѣшности бойкой Магдалины? Если жизнь старшей сестры должна была теперь направиться къ развитію таившагося въ ней добра,—то жизнь младшей, не была ли осуждена на кровавую битву съ возставшимъ въ ней зломъ?

Придя къ этому заключенію, миссъ Гартъ содрогнулась. То было сердце честной женщины; оно радовалось мысли возвышавшей Нору, но не допускало сомнѣнія унижавшаго Магдалину. Она встала и нетерпѣливо заходила по комнатѣ, и скоро съ досадой разогнала мысли, за минуту пришедшія ей въ голову. Если въ характерѣ Магдалины заключались опасные элементы, то не ея ли обязанность была помогать дѣвушкѣ въ борьбѣ съ ними? Какъ исполнила она эту обязанность? Она подчинялась первымъ опасеніямъ и первымъ впечатлѣніямъ; она не подумала, не таился ли въ сегодняшнемъ поступкѣ Магдалины, въ которомъ она такъ чистосердечно созналась, не таился ли въ немъ сильный духъ, способный къ самопожертвованію, не было ли это задаткомъ многаго благороднаго и прекраснаго въ будущемъ? Она предоставила теперь Норѣ пойдти и сказать тѣ нѣжныя ласковыя слова убѣжденія и симпатіи, которыя она сама должна была бы еще прежде сказать. „О! думала она съ горечью, какъ долго живу я на свѣтѣ и какъ мало я знаю собственную слабость и порочность.“

Дверь отворилась, и Нора вошла одна.

— Не забыли ли вы чего-нибудь на столикѣ у садовой скамейки? спросила она спокойно.

Прежде чѣмъ миссъ Гартъ могла отвѣтить, она вынула отцовское письмо и завѣщаніе.

— Магдалина, возвращаясь послѣ васъ, нашла эти бумаги. Она слышала, какъ мистеръ Пендриль называлъ ихъ нашимъ наслѣдствомъ. Я застала ее въ саду за этимъ письмомъ. Мнѣ не зачѣмъ было говорить ей что-нибудь; самъ отецъ изъ могилы обращался къ ней. Взгляните, какъ слушала она его!

Она указала на письмо. Слѣды тяжелыхъ крупныхъ слезъ покрывали послѣднія строчки покойнаго.

— Ея слезы, нѣжно проговорила Нора.

Голова миссъ Гартъ тяжело опустилась при этомъ безмолвномъ свидѣтельствѣ поворота Магдалины къ лучшему.

— О, не сомнѣвайтесь въ ней никогда! вступилась Нора.—Мы однѣ теперь, и должны нести нашъ жизненный крестъ съ возможнымъ терпѣніемъ. Если Магдалина споткнется и упадетъ, пособите ей, ради прошедшаго.

— Всею душой и всѣми силами, Богъ свидѣтель, съ преданностью всей моей жизни!

Этими горячими словами отвѣчала ей миссъ Гартъ. Она взяла протянутую Норой руку, и скорбно и смиренно приложила ее къ своимъ губамъ.

— О, душа моя, простите мнѣ. Я была жалко слѣпа, я никогда не цѣнила васъ, по достоинству!

Нора нѣжно закрыла ей ротъ на этихъ словахъ, и ласково шепнула:

— Пойдемте въ садъ, и помогите Магдалинѣ ожидать терпѣливо будущаго.

Будущее! Кто могъ подмѣтить хоть слабый свѣтъ его? Кто могъ видѣть что-либо другое, кромѣ зловѣщаго образа Михаила Ванстона, мрачно стоявшаго на рубежѣ настоящихъ дней и заслонявшаго все позади себя?

XV.

На другой день получены были вѣсти отъ мистера Пендриля. Мѣстопребываніе Михаила Ванстона на континентѣ было открыто. Онъ жилъ въ Цюрихѣ, и ему уже было послано туда письмо. На будущей недѣли слѣдовало ожидать отвѣта, и содержаніе его будетъ немедленно сообщено комбъ-ревенскимъ дамамъ.

Не смотря на краткость, назначенный срокъ тянулся

мучительно. До полученія ожидаемаго отвѣта прошло десять дней; самый отвѣтъ не принесъ ничего въ сущности. Мистера Пендриля отсылали просто къ одному лондонскому агенту, получившему инструкціи мистера Михаила Ванстона. Нѣкоторыя затрудненія, возникшія по поводу этихъ инструкцій, заставили написать еще разъ въ Цюрихъ. На этомъ пока оканчивались сношенія и переговоры.

Другая часть письма мистера Пендриля сообщала большую новость. Сынъ мистера Михаила Ванстона (и единственное дѣтище его), мистеръ Ноэль Ванстонъ, прибылъ не давно въ Лондонъ и остановился въ квартирѣ своего двоюроднаго брата, Джорджа Бартрама. По своей профессіи, мистеру Пендрилю пришлось побывать въ этой квартирѣ. Онъ былъ очень хорошо принятъ мистеромъ Бартрамомъ, но извѣщенъ въ то же время, что двоюродный братъ его не въ состояніи принимать посѣтителей. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ мистеръ Ноэль Ванстонъ страдалъ какою-то изнурительною и заматерѣлою болѣзнію; онъ прибылъ теперь въ Англію нарочно, чтобы посовѣтываться съ лучшими врачами, и такъ разстроенъ отъ дороги, что не можетъ сойдти съ постели. При такихъ обстоятельствахъ, мистеру Пендрилю оставалось только уйдти. Свиданіе съ мистеромъ Ноэлемъ Ванстономъ могло бы устранить нѣкоторыя изъ затрудненій, возникшихъ по поводу инструкцій его отца. Теперь, приходилось ожидать еще нѣсколько дней.

Дни шли, скучные дни уединенія и ожиданія. Наконецъ, третье письмо законника извѣстило о заключеніи переписки. Окончательный отвѣтъ прибылъ изъ Цюриха, и мистеръ Пендриль лично сообщитъ его, въ Комбъ-Ревенѣ, на слѣдующій день вечеромъ.

Та была среда, двадцатое августа. Ночью погода перемѣнилась и солнце свѣтило утромъ тускло сквозь туманъ и тучи. Къ полудню, все небо заволокло тучами, стало замѣтно холоднѣе, и частый сильный дождь оросилъ сухую землю. Около трехъ часовъ, миссъ Гартъ и Нора сошли въ утреннюю комнату, ожидая мистера Пендриля. Скоро, явилась и Магдалина. Черезъ полчаса знакомый щелкъ задвижки послышался за рощей. Мистеръ Пендриль и мистеръ Клеръ, держа другъ друга подъ руку и прикрываясь однимъ зонтикомъ, показались на садовой тропинкѣ. Проходя мимо оконъ, юристъ кивнулъ головой; мистеръ

Клеръ, погруженный въ свою мысли, шелъ не кланяясь и не замѣчая никого.

Послѣ казавшагося безконечно долгимъ промежутка времени, послѣ мучительнаго обтиранія ногъ о половикъ передней, послѣ загадочнаго шепота за дверью, они вошли наконецъ. Мистеръ Клеръ явился первый, прямо, безъ всякаго привѣтствія, прошелъ къ столу и оглянулъ трехъ дамъ, съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія на своемъ суровомъ морщинистомъ лицѣ.

— Дурныя вѣсти, проговорилъ онъ.—Я врагъ всякихъ безполезныхъ проволочекъ. Въ такихъ обстоятельствахъ необходима прямота да участіе. Кажется, я принимаю въ васъ участіе, и говорю вамъ прямо: дурныя вѣсти.

За нимъ подошелъ мистеръ Пендриль. Безмольно пожалъ онъ руку миссъ Гартъ и двумъ сестрамъ, и сѣлъ подлѣ. Мистеръ Клеръ сѣлъ особо, у окна. Сѣрый дождевой свѣтъ освѣщалъ слабо и тускло лица Норы и Магдалины, сидѣвшихъ рядомъ напротивъ его. Миссъ Гартъ помѣстилась немного позади ихъ, въ тѣни, а профиль законника очерчивался рядомъ съ нею. Такъ расположились присутствующіе передъ мистеромъ Клеромъ, сидѣвшимъ въ своемъ углу, охвативъ колѣни своими длинными пальцами словно клешнями и пытливо перенося свои живые черные глаза съ одного лица на другое. Удары дождевыхъ капель по листьямъ и монотонный стукъ каминныхъ часовъ придали минутному молчанію, послѣдовавшему за размѣщеніемъ лицъ, что-то невыразимо тяжелое. Когда мистеръ Пендриль заговорилъ, всѣ почувствовали облегченіе.

— Мистеръ Клеръ сказалъ уже вамъ, началъ онъ,—что я привезъ дурныя вѣсти. Мнѣ больно сознаться, миссъ Гартъ, что ваши послѣднія предположенія были основательнѣе моихъ. Каковъ былъ этотъ бездушный старшій братъ въ молодости, такимъ онъ остался и въ старости. Признаюсь, я никогда не встрѣчалъ такого совершенно безжалостнаго человѣка, какъ Михаилъ Ванстонъ.

— Неужели беретъ онъ все наслѣдство брата и ничего не оставляетъ дѣтямъ его? спросила миссъ Гартъ.

— На текущія нужды онъ предлагаетъ нѣкоторую сумму, но такую ничтожную, что мнѣ совѣстно назвать ее.

— А на будущее ничего?

— Рѣшительно ничего.

При этихъ словахъ одна и та же мысль мелькнула въ головѣ миссъ Гартъ и Норы. Рѣшеніе, лишавшее обѣихъ сестеръ ихъ состоянія, было чувствительнѣе для Магдалины. Безжалостное рѣшеніе Михаила Ванстона отсылало Франка въ Китай, и разрушало всѣ настоящія надежды Магдалины на бракъ. Когда стряпчій произносилъ эти слова, миссъ Гартъ и Нора съ безпокойствомъ взглянули на Магдалину. Лицо ея поблѣднѣло, но ни одна черта его не двинулась, ни одно слово не вырвалось у ней. Нора, державшая въ своей рукѣ руку сестры, почувствовала, какъ вздрогнула та, похолодѣла,—и только.

— Позвольте мнѣ разказать вамъ все что̀ я сдѣлалъ, продолжалъ мистеръ Пендриль:—мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы не заподозрѣли меня въ недостаткѣ стараній. Когда я писалъ въ первый разъ Михаилу Ванстону, я не ограничился однимъ обычнымъ форменнымъ извѣщеніемъ. Прямо и старательно объяснилъ я ему всѣ обстоятельства, которымъ былъ онъ обязанъ полученіемъ наслѣдства брата. Когда я получилъ отвѣтъ, отсылавшій меня къ его лонлондонскому повѣренному, и когда мнѣ вручили копію съ его инструкцій, я рѣшительно отказался принять ихъ за окончательное рѣшеніе наслѣдника. Я попросилъ повѣреннаго дать намъ нѣсколько времени, попытался повидаться въ Лондонѣ съ мистеромъ Ноэлемъ Ванстономъ. чтобы попросить его ходатайства, и, не успѣвъ въ этомъ, вторично написалъ его отцу. Отвѣтъ, въ обидно-краткихъ словахъ, снова отсылалъ меня къ прежнимъ инструкціямъ и отказывался отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній со мною. Вотъ вамъ вся исторія переговоровъ. Если я проглядѣлъ какое-нибудь средство тронуть этого бездушнаго человѣка, укажите его мнѣ, и я попытаюсь.

Онъ взглянулъ на Нору. Та ободрительно пожала руку сестры, и отвѣчала какъ за себя, такъ и за нее.

— Говорю и за сестру, и за себя, сказала она, покраснѣвъ немного, съ естественнымъ благородствомъ движеній, проникнутыхъ спокойною грустью.—Вы сдѣлали все что̀ было возможно, мистеръ Пендриль. Мы старались не разчитывать на многое, и глубоко благодарны вамъ за вашу доброту, особенно теперь, когда мы всего болѣе нуждаемся въ ней.

На пожатіе сестриной руки, Магдалина отвѣчала тѣмъ же, потомъ отняла свою руку, оправила нетерпѣливо платье, и, вдругъ, быстро придвинула свой стулъ къ столу. Уставивъ на него локоть съ крѣпко-сжатымъ кулакомъ, она устремила глаза на мистера Пендриля. Ея всегда матовое лицо поражало теперь своею прозрачною безкровною блѣдностью. Но большіе сѣрые глаза свѣтились какъ всегда, а голосъ, хотя и тихій, былъ звученъ и твердъ.

— Мнѣ показалось, проговорила она, — вы сказали, мистеръ Пендриль, что братъ моего отца прислалъ письменныя инструкціи въ Лондонъ, и что вы получили копію съ нихъ. Сохранили вы ее?

— Безъ сомнѣнія.

— При васъ она?

— При мнѣ.

— Позвольте мнѣ взглянуть на нее.

Мистеръ Пендриль замялся и посмотрѣлъ на миссъ Гартъ, потомъ снова на Магдалину.

— Прошу васъ не настаивать на вашей просьбѣ, сказалъ онъ.—Право, довольно и того, что вамъ извѣстенъ результатъ инструкцій. Къ чему вамъ волновать себя чтеніемъ ихъ? Онѣ выражены съ такою жестокостью, въ нихъ замѣтно такое печальное отсутствіе всякаго чувства, что я, право, не могу рѣшиться показать ихъ вамъ.

— Благодарю васъ, мистеръ Пендриль, за ваше желаніе избавить меня отъ дурнаго впечатлѣнія. Но я сумѣю перенести его и обѣщаю не разстроить никого. Позвольте же мнѣ повторить мою просьбу.

И она протянула свою руку,—нѣжную, бѣлую, цѣломудренную руку, непочатую еще и не огрубѣвшую ни отъ какой работы.

— О, Магдалина, подумай прежде! сказала Нора.

— Вы разстраиваете мистера Пендриля и всѣхъ насъ, прибавила миссъ Гартъ.

— Вы не выиграете ничего, убѣждалъ законникъ,—извините, что я говорю такъ,—вы не вынесете ничего хорошаго изъ чтенія этихъ инструкцій.

„Дурни! думалъ мистеръ Клеръ: не видятъ, что она ужь возьметъ свое?“

— Что-то говоритъ мнѣ, что вынесу, настаивала Магдалина.—Рѣшеніе это очень важно. Оно болѣе важно для меня...

Она не кончила и оглянулась на слѣдившаго за ней мистера Клера, и потомъ повернулась снова, въ первый разъ измѣнивъ своему спокойствію.—По нѣкоторымъ причинамъ, оно еще болѣе важно для меня, продолжала она,—чѣмъ для моей сестры. Я знаю только, что братъ нашего отца отнялъ у насъ наше имущество. У него должны быть какія-нибудь особенныя основанія для этого. Ни для него, ни для насъ невыгодно скрывать эти причины. Онъ намѣренно ограбилъ Нору и ограбилъ меня; мы имѣемъ поэтому право, если хотимъ узнать за что?

— Я не желаю знать этого, замѣтила Нора.

— А я желаю! повторила Магдалина, и снова протянула свою руку.

Тутъ мистеръ Клеръ поднялся и вмѣшался въ разговоръ.

— Ваша совѣсть спокойна, произнесъ онъ, обращаясь къ законнику.—Уступите ей требуемое. Она имѣетъ на то право, если желаетъ.

Мистеръ Пендриль медленно вынулъ изъ кармана письменныя инструкціи.

— Я предупреждалъ васъ, произнесъ онъ, и, не прибавивъ болѣе ни слова, передалъ бумаги черезъ столъ. Одна изъ страницъ была загнута на концѣ, и рукопись открылась именно на этой страницѣ, когда Магдалина взяла ее въ руки.

— Тутъ ли мѣсто, касающееся меня и сестры? спросила она. Мистеръ Пендриль кивнулъ головой, а Магдалина раскрыла на столѣ рукопись.

— Рѣши, Нора, обратилась она, повернувшись къ сестрѣ,—вслухъ мнѣ читать или про себя?

— Про себя, отвѣтила миссъ Гартъ за Нору, въ нѣмомъ недоумѣніи и безпокойствѣ.

— Хорошо, сказала Магдалина. Затѣмъ она снова обратилась къ рукописи, и прочла слѣдующія строчки:

„....Вы знаете теперь мое рѣшеніе на счетъ денегъ и на счетъ продажи мебели, экипажей, лошадей, и такъ далѣе. Послѣднее, о чемъ я должевъ сказать вамъ, касается особъ, живущихъ въ домѣ, и нѣкоторыхъ нелѣпыхъ требованій, по этому поводу, со стороны какого-то законника по имени Пендриля, который, обращаясь ко мнѣ, не чуждъ, вѣроятно, корыстныхъ разчетовъ.

„Я знаю, что покойный братъ мой оставилъ двухъ незаконнорожденныхъ дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ, способныхъ въ эти лѣта зарабатывать свой хлѣбъ. Ихъ повѣренный представляетъ мнѣ различныя соображенія въ ихъ пользу. Будьте такъ добры, передайте ему, что ни вамъ, ни мнѣ, нѣтъ никакого дѣла до сентиментовъ; затѣмъ, объясните ему прямо причины моего поведенія и моего распоряженія по отношенію къ дѣвушкамъ. Объ этихъ двухъ пунктахъ вы найдете подробныя свѣдѣнія ниже.

„Я желаю, чтобы вышеупомянутыя особы знали разъ на всегда, какъ смотрю я на обстоятельства отдавшія въ мое распоряженіе имущество брата. Объясните имъ, что я смотрю на эти обстоятельства какъ на дѣйствіе Провидѣнія, возвратившаго мнѣ наслѣдство, которое всегда должно было принадлежать мнѣ. Я принимаю деньги, не только какъ слѣдуемую мнѣ часть, но и какъ должное вознагражденіе за несправедливость ко мнѣ отца и приличное удовлетвореніе, заплаченное мнѣ братомъ за интриги его, лишившія меня наслѣдства. Поведеніе его въ молодости было во всѣхъ отношеніяхъ предосудительно. Каковъ былъ онъ въ молодости, такимъ остался онъ и по разрывѣ моихъ сношеній съ нимъ (какъ показываетъ разказъ собственнаго его адвоката). Повидимому, онъ систематически представлялъ обществу, въ качествѣ своей жены, женщину не бывшую его женой, и повершилъ свою безнравственность женитьбою на ней. Такое поведеніе подвергаетъ осужденію и его и дѣтей. Я не стану грѣшить, помогая имъ продолжать обманъ ихъ родителей и занимать мѣсто въ свѣтѣ, на которое они не имѣютъ права. Пускай, какъ слѣдуетъ имъ по рожденію, зарабатываютъ они свой хлѣбъ. Если онѣ согласны помириться съ своимъ положеніемъ, я готовъ помочь имъ выступить съ честью на поприще жизни, подаривъ каждой по сту фунтовъ. Сумму эту, я позволяю вамъ выплатить имъ, по ихъ личному требованію, съ полученіемъ необходимыхъ расписокъ, и съ объясненіемъ имъ, что этимъ я начинаю и кончаю всѣ мои сношенія съ ними. Распоряженіе относительно дома я предоставляю вамъ; мнѣ остается только прибавить, что рѣшеніе мое, насчетъ этого и всего другаго, твердо и нерушимо.“

Слово за словомъ, ни разу не отрываясь отъ бумаги,

прочла Магдалина, съ начала до конца, эти жестокія рѣшенія. Присутствовавшіе, внимательно слѣдя за ней видѣли какъ быстрѣй и быстрѣй подымалось платье на груди ея, какъ пальцы, которыми придерживала она рукопись, сжимали и мяли бумагу съ приближеніемъ къ концу, но другихъ наружныхъ признаковъ происходившаго въ ней не видѣли. Кончивъ чтеніе, она безмолвно оттолкнула отъ себя бумагу и закрыла лицо руками. Всѣ присутствовавшія лица замѣтили въ ней перемѣну, когда она отняла ихъ. Нѣчто незримо и неслышно перемѣнилось въ ней; нѣчто такое, что̀ странно измѣнило ея черты, даже въ глазахъ сестры и миссъ Гартъ; нѣчто такое, чего нельзя ни забыть никогда, ни описать никогда.

Первыя произнесенныя ею слова были обращены къ мистеру Пендрилю.

— Позвольте мнѣ побезпокоить васъ, сказала она, — прежде чѣмъ вы приступите къ отправленію вашей обязанности.

Мистеръ Пендриль, движеніемъ, сухо выразилъ свое согласіе. Повидимому, требованіе Магдалины прочесть инструкціи произвело на него неблагопріятное впечатлѣніе.

— Вы упоминали о̀ томъ что̀ сдѣлали въ нашемъ интересѣ, когда въ первый разъ писали мистеру Михаилу Ванстону, продолжала она.—Вы сказали, что объяснили ему всѣ обстоятельства. Мнѣ хотѣлось бы, если позволите, знать навѣрное, что̀ именно было извѣстно ему, когда онъ посылалъ своему повѣренному эти приказанія. Извѣстно ли было ему, что отецъ мой сдѣлалъ завѣщаніе, и что имъ оставлялъ онъ наше состояніе сестрѣ и мнѣ?

— Ему было извѣстно это, отвѣчалъ мистеръ Пендриль.

— Писали ли вы ему, какимъ образомъ попали мы въ настоящее положеніе?

— Я писалъ ему, что вашъ отецъ не зналъ о необходимости возобновленія завѣщанія послѣ брака.

— И что еслибы не помѣшала смерть, завѣщаніе было бы возобновлено послѣ свиданія съ мистеромъ Клеромъ?

— Ему было извѣстно и это.

— Извѣстно ли было ему, что глубокая любовь отца къ обѣимъ намъ...

Тутъ въ первый разъ измѣнилъ ей голосъ; она вздохнула и медленно поднесла руку къ головѣ. Сначала Нора, потомъ

миссъ Гартъ стали умолять ее успокоиться; мистеръ Клеръ молчалъ, все внимательнѣй и внимательнѣй наблюдая за ней. На уговоры сестры она отвѣчала легкою усмѣшкой. „Я сдержу слово, сказала она. Я не никого не огорчу.“ Съ этими словами она снова обратилась къ мистеру Пендрилю, и настойчиво, въ другой лишь формѣ, повторила свой вопросъ.

— Зналъ ли мистеръ Михаилъ Ванстонъ, что главною заботой моего отца было обезпеченіе сестры и меня?

— Онъ зналъ это изъ собственныхъ словъ вашего отца. Я выписалъ ему отрывокъ изъ послѣдняго письма вашего отца ко мнѣ.

— Того письма, которое призывало васъ, именемъ Бога, для избавленія его отъ страшной мысли, что его дочери не обезпечены? Письмо, гдѣ было сказано, что ему не будетъ покою въ могилѣ, если онъ оставитъ насъ безъ наслѣдства?

— Это письмо, и эти слова.

Она остановилась, не сводя своего пристальнаго взгляда съ лица законника.

— Я желала бы запечатлѣть все это въ моей памяти прежде чѣмъ буду продолжать, произнесла она.—Мистеръ Михаилъ Ванстонъ зналъ о существованіи перваго завѣщанія; онъ зналъ что̀ помѣшало возобновленію его; онъ зналъ о письмѣ и читалъ тѣ самыя слова. Что̀ было извѣстно ему, кромѣ этого? Писали ли вы ему о послѣдней болѣзни матери? Говорили ли вы ему, что ея доля наслѣдства досталась бы намъ, еслибъ она была въ состояніи поднять свою умирающую руку въ вашемъ присутствіи? Упоминали ли вы ему о жестокомъ законѣ, называющемъ дѣвушекъ, въ нашемъ положеніи, ничьими, найденышами, и позволяющемъ дѣлать съ ними то что̀ дѣлаетъ теперь онъ?

— Обо всемъ этомъ я говорилъ ему; все это разъяснилъ я, и ничего не забылъ.

Она медленно взяла копію съ инструкціи и медленно сложила ее, какъ прежде.—„Очень благодарна вамъ, мистеръ Пендриль“, и съ этими словами, она кивнула ему головой и передала рукопись черезъ столъ обратно. Потомъ она повернулась къ сестрѣ:

— Нора! произнесла она, если мы доживемъ до старости и если ты позабудешь когда-нибудь чѣмъ обязаны мы Михаилу Ванстону, спроси меня, я припомню тебѣ.

Она встала и черезъ всю комнату направилась къ окну. Въ то время какъ она шла мимо мистера Клера, послѣдній живо схватилъ ее своими длинными клешнями за руку.

— Что кроется у васъ тамъ, подъ этою маской, а? спросилъ онъ, наклоняя ее къ себѣ и смотря ей прямо въ лицо.— Скажите, мертвый ли холодъ, бѣлый ли закалъ ваше мужество?

Она отшатнулась отъ него и молча отвернула въ сторону голову. Ее оскорбило бы это безцеремонное обращеніе со стороны всякаго другаго, а не отца Франка. Мистеръ Клеръ также быстро выпустилъ ея руку какъ схватилъ прежде, и оставилъ ее идти къ окну. „Нѣтъ, проговорилъ онъ про себя. Что-нибудь другое, но не холодъ. Тѣмъ хуже для нея и для всѣхъ близкихъ ей.“

На минуту воцарилось молчаніе, и снова шумъ падавшихъ дождевыхъ капель, да однообразный стукъ часовъ одни лишь нарушали тишину. Мистеръ Пендриль спряталъ инструкціи въ карманъ, подумалъ немного, и, обернувшись къ Норѣ и миссъ Гартъ, напомнилъ имъ о дѣлахъ настоятельныхъ и нетерпящихъ отлагательства.

— Разговоръ нашъ безполезно затянулся печальными воспоминаніями о прошломъ, сказалъ онъ.—Мы лучше сдѣлаемъ, переговоривъ теперь о будущемъ. Сегодня же вечеромъ долженъ я возвратиться въ Лондонъ. Пожалуста, скажите, чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ; пожалуста, скажите, что мнѣ сдѣлать для васъ; я готовъ принять на себя всякій трудъ и всякую отвѣтственность.

Въ первую минуту, ни Нора, ни миссъ Гартъ не могли ничего отвѣчать. Впечатлѣніе произведенное на Магдалину вѣстью, уничтожавшею такъ недавно обѣщанное ей отцомъ будущее, поразило и разстроило ихъ одинаково. Онѣ готовились встрѣтить въ ней или страстную скорбь, или, что тяжеле, безмолвное отчаяніе. Но къ ея твердой рѣшимости прочесть инструкціи, онѣ не были готовы, какъ не были готовы къ страшнымъ вопросамъ сдѣланнымъ ею стряпчему и къ непоколебимому рѣшенію ея запечатлѣть въ своей памяти всѣ обстоятельства, при которыхъ отданы были приказанія Михаиломъ Ванстономъ. И вотъ, стояла она теперь у окна, непроницаемою загадкой для сестры никогда не покидавшей ея, для воспитательницы знавшей ее съ раннихъ лѣтъ. Миссъ Гартъ вспомнила

мрачныя думы, мелькнувшія въ ея головѣ въ день встрѣчи съ Магдалиной въ саду. Нора въ первый разъ взглянула съ серіознымъ опасеніемъ на будущее, думая о сестрѣ. До того обѣ не рѣшались ни на что, не зная что дѣлать. Теперь обѣ молчали, не зная что сказать.

Мистеръ Пендриль терпѣливо и ласково помогъ имъ, возвратившись къ вопросу о ихъ планахъ на счетъ будущаго.

— Мнѣ непріятно безпокоить васъ дѣлами, сказалъ онъ, когда вы, очень естественно, не въ состояніи заняться ими. Но я долженъ знать ваши рѣшенія сегодня, возвращаясь въ Лондонъ. Вопервыхъ, рѣшеніе нужно насчетъ обиднаго денежнаго предложенія, о которомъ я уже говорилъ. Младшая миссъ Ванстонъ, будучи знакома съ инструкціями, не нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ съ моей стороны. Старшая позволитъ мнѣ сказать ей (мнѣ совѣстно говорить, но необходимость принуждаетъ меня), что мистеръ Михаилъ Ванстонъ предлагаетъ дочерямъ своего брата ни болѣе ни менѣе какъ по сту фунтовъ каждой.

Лицо Норы вспыхнуло отъ негодованія. Она вскочила, какъ еслибы Михаилъ Ванстонъ находился въ комнатѣ и лично оскорбилъ ее.

— Вижу, проговорилъ, щадя ее, законникъ,—я долженъ сказать мистеру Михаилу Ванстону, что вы отказываетесь отъ денегъ.

— Скажите ему, вспыльчиво воскликнула Нора,—что еслибъ я умирала съ голоду на большой дорогѣ, то и тогда не взяла бы ни фардинга изъ этихъ денегъ.

— Передать ли мнѣ и вашъ отказъ также? спросилъ мистеръ Пендриль, обращаясь къ Магдалинѣ.

Она повернулась отъ окна, но оставила лицо свое въ тѣни, держась спиной плотно къ окну.

— Скажите ему отъ меня, произнесла она, — чтобъ онъ еще подумалъ прежде чѣмъ выгонитъ меня со ста фунтами. Я дамъ ему время подумать.

Странныя слова эти были произнесены ею съ замѣтнымъ удареніемъ; но быстро повернувшись снова лицомъ къ окну, она скрыла отъ присутствовавшихъ выраженіе своего лица.

— Вы обѣ отказываетесь, сказалъ мистеръ Пендриль, вынимая свой карандашъ и дѣлая свои замѣтки. Закрывъ потомъ свою записную книжку, онъ съ недоумѣніемъ по-

смотрѣлъ на Магдалину. Она возбудила въ немъ то тайное подозрѣніе, которое такъ свойственно людямъ его профессіи; онъ заподазривалъ и взглядъ ея, заподазривалъ и рѣчь. Такъ какъ казалось, что сестра имѣетъ на нее болѣе вліянія чѣмъ миссъ Гартъ, то онъ рѣшился до отъѣзда поговорить съ Норой.

Въ эту минуту, новый вопросъ Магдалины обратилъ на себя его вниманіе.

— Что, старъ онъ? спросила она быстро, не оборачиваясь.

— Если вы говорите о мистерѣ Михаилѣ Ванстонѣ, то ему семдесятъ пять или семдесятъ шесть лѣтъ.

— Вы, кажется, упоминали о его сынѣ. Есть у него другіе сыновья или дочери?

— Другихъ нѣтъ.

— Извѣстно ли вамъ что-нибудь на счетъ его жены?

— Она давно уже скончалась.

Магдалина замолчала.

— Къ чему ты дѣлаешь эти вопросы? вмѣшалась Нора.

— Виновата, холодно отвѣчала Магдалина: — болѣе не стану дѣлать.

Въ третій разъ напомнилъ мистеръ Пендриль о рѣшеніи необходимыхъ вопросовъ.

— Не забудьте прислуги, произнесъ онъ;—ее надо разчитать и отослать потомъ; я переговорю съ людьми передъ отъѣздомъ. Хозяйственныя принадлежности не должны васъ безпокоить. Экипажи и лошади, мебель и сервизы, и прочее, пусть все это просто останется въ домѣ до полученія дальнѣйшихъ распоряженій мистера Михаила Ванстона. Но вещи лично принадлежащія вамъ или сестрѣ вашей, миссъ Ванстонъ,—ваши брилліянты и платья, и всякаго рода мелкіе подарки, — остаются въ вашемъ полномъ распоряженіи. Что до вашего отъѣзда, то, полагаю, мистеръ Михаилъ Ванстонъ оставитъ Цюрихъ не ранѣе мѣсяца, и увѣренъ, что сойдусь съ его повѣреннымъ, если...

— Позвольте, мистеръ Пендриль, перебила Нора; — я поняла, что нашъ домъ и все что въ немъ находится, принадлежитъ....?—Она не кончила, какъ будто одно названіе имени было противно ей.

— Принадлежитъ Михаилу Ванстону, произнесъ мистеръ

Пендриль.—Домъ, какъ и все другое имущество переходитъ къ нему.

— Въ такомъ случаѣ, я готова оставить его завтра же!

При этихъ словахъ сестры, Магдалина вздрогнула у окна и взглянула на мистера Клера, съ первымъ замѣтнымъ волненіемъ и безпокойствомъ.

— Не сердитесь на меня, прошептала она, подходя къ старику, съ кроткимъ смиреніемъ во взглядѣ и внезапною дрожью въ тѣлѣ.—Я не могу уѣхать, не повидавшись прежде съ Франкомъ!

— Вы увидите его, отвѣчалъ мистеръ Клеръ.—Я пришелъ сюда, чтобы поговорить съ вами объ этомъ по окончаніи дѣлъ.

— Совершенно безполезно торопить такъ вашъ отъѣздъ, продолжалъ между тѣмъ мистеръ Пендриль, обращаясь къ Норѣ.—Я могу смѣло предложить вамъ остаться здѣсь недѣлю.

— Если этотъ домъ принадлежитъ мистеру Михаилу Ванстону, повторила Нора,—то я готова оставить его завтра же.

Она съ нетерпѣніемъ оставила свой стулъ и сѣла поодаль, на кушеткѣ. Когда рука ея дотронулась до спинки, лицо измѣнилось вдругъ. Тутъ покоились подушки, поддерживавшія мать ея, когда та прилегла, въ послѣдній разъ, отдохнуть. Подлѣ стояло простое старое кресло, на которомъ сиживалъ обыкновенно, въдождливые дни, отецъ, когда она съ сестрой занимали его игрою любимыхъ арій. Неудержимый, глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди.

„О! думала она:—я и забыла всѣ эти вещи, забыла этихъ старыхъ друзей нашихъ! Какъ-то разстанемся мы съ ними, когда наступитъ время!“

— Позвольте мнѣ спросить васъ, миссъ Ванстонъ, произнесъ мистеръ Пендриль,—на что рѣшились вы въ будущемъ. Выбрали ли вы себѣ какое-нибудь мѣсто жительства.

— Я буду отвѣчать вамъ, сэръ, за нихъ сказалъ миссъ Гартъ,—они оставятъ этотъ домъ вмѣстѣ со мною. Мой домъ станетъ ихъ домомъ, а мой хлѣбъ ихъ хлѣбомъ. Ихъ родители окружали меня уваженіемъ и довѣріемъ, и любили меня. Въ продолженіи двѣнадцати счастливыхъ лѣтъ, они обращались со мною всегда, не какъ съ гувернанткой, а

какъ съ другомъ. Они оставили во мнѣ глубокое воспоминаніе о ихъ неизмѣнной добротѣ и великодушіи, и вся жизнь моя будетъ уплатою долга благодарности ихъ сиротамъ дѣтямъ.

Нора быстро поднялась съ кушетки, Магдалина быстро оставила окно. Въ этотъ разъ не было различія въ образѣ дѣйствій сестеръ; въ этотъ разъ, сходное чувство взволновало ихъ сердца, сходное чувство вызвало и слова ихъ. Миссъ Гартъ выждала, пока не прошла первая вспышка волненія; затѣмъ она встала, и взявъ руки Норы и Магдалины, обратилась къ мистеру Пендрилю и мистеру Клеру. Сильная сознаніемъ своего долга, — не придавая особенной цѣны своему доброму дѣлу, она говорила твердо и спокойно.

— Даже объясненіе маленькихъ моихъ обстоятельствъ будетъ не безъ значенія, въ настоящую минуту, сказала она.—Я желала бы, чтобъ оба вы, господа, поняли, что я предлагаю дочерямъ вашего стараго друга лишь возможное съ моей стороны. Я вступила въ этотъ домъ въ такомъ независимомъ положеніи, какъ рѣдко случается съ гувернантками. Въ молодости, я вмѣстѣ съ старшею сестрой занималась преподаваніемъ; мы завели школу въ Лондонѣ, которая обѣщала идти прекрасно. Я сдѣлалась частною гувернанткой потому только, что тяжелыя школьныя обязанности были выше моихъ силъ. Мою долю въ доходахъ я оставляла нетронутою, и теперь еще связана съ заведеніемъ въ денежномъ отношеніи. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ мое положеніе. Я предлагаю, оставивъ этотъ домъ, отправиться въ нашу лондонскую школу, которая до сихъ поръ успѣшно содержится моею старшею сестрой. Мы можемъ жить тамъ совершенно спокойно пока время не научитъ насъ нести скорбь легче чѣмъ въ состояніи мы теперь. Если измѣнившіяся обстоятельства Норы и Магдалины заставятъ ихъ работать для независимаго существованія, я могу пособить имъ устроиться, какъ прилично дочерямъ джентльмена. Лучшіе дома обращаются къ сестрѣ за совѣтомъ о воспитаніи дѣтей, а за ея стараніе быть полезною дочерямъ мистера Ванстона, я отвѣчаю заранѣе какъ за свое. Если вы, господа, одобряете мое предложеніе (я вижу по вашимъ лицамъ, что да), то не станемъ затруднять наше положеніе безполезными отсрочками. Позвольте

намъ приступить къ нашимъ обязанностямъ, и по рѣшенію Норы, завтра же оставить этотъ домъ. Вы только что упоминали о прислугѣ, мистеръ Пендриль; я готова собрать ее въ сосѣдней комнатѣ и помочь вамъ въ объясненіяхъ съ нею.

Не дожидаясь отвѣта законника, не давъ сестрамъ времени представить себѣ вполнѣ свое тяжкое положеніе, она направилась къ двери. Она рѣшилась, въ предстоящемъ испытаніи, болѣе дѣйствовать и менѣе говорить. Мистеръ Клеръ вдругъ послѣдовалъ за нею и остановилъ ее на порогѣ.

— Никогда прежде не придавалъ я цѣны женскимъ чувствамъ, проговорилъ старикъ.—Вы удивитесь, услышавъ, что я придаю цѣну вашимъ. Позвольте! я долженъ сказать вамъ еще слово. Остается устранить еще одно затрудненіе,—Франка. Пособите мнѣ сбыть его съ рукъ. Возьмите съ собой старшую сестру, и оставьте мнѣ младшую. Хотѣлось бы мнѣ узнать изъ какого метала вылита эта дѣвушка.

Въ то время какъ мистеръ Клеръ говорилъ съ миссъ Гартъ, мистеръ Пендриль воспользовался случаемъ, чтобы перемолвиться съ Норой.

— До отъѣзда моего въ Лондонъ, сказалъ онъ,—я желалъ бы обмѣняться съ вами словомъ наединѣ. Изъ происшедшаго сегодня, миссъ Вапстонъ, я составилъ себѣ высокое понятіе о вашемъ благоразуміи, и, какъ старый другъ вашего отца, я беру смѣлость поговорить съ вами о вашей сестрѣ.

Но прежде чѣмъ Нора могла отвѣчать, ее позвали присутствовать при объясненіяхъ съ прислугой. Мистеръ Пендриль, разумѣется, послѣдовалъ за миссъ Гартъ. Когда эти три лица вышли, мистеръ Клеръ вошелъ снова въ комнату, затворилъ за собою дверь, и движеніемъ руки показалъ Магдалинѣ на стулъ.

Она повиновалась безмолвно. Онъ прошелся разъ другой по комнатѣ, засунувъ руки въ боковые карманы своего длиннаго, широкаго и неуклюжаго сюртука.

— Который вамъ годъ? спросилъ онъ, вдругъ остановившись и говоря съ ней съ другаго конца комнаты.

— Девятнадцатый, отвѣчала она кротко, не подымая на него глазъ.

— Вы показали мужество необыкновенное для восьмнадцатилѣтней дѣвушки....

Она сильно сжала свои руки; слезы выступили на ея глазахъ и тихо покатились по щекамъ.

— Я не могу покинуть Франка, проговорила она тихо.— На меня я знаю, вы не обращаете вниманія, но вы были дружны съ моимъ отцомъ. Ради отца, будьте же добры ко мнѣ...

Послѣднія слова замерли въ шепотѣ; она не могла говорить болѣе. Никогда не чувствовала она такъ полно безконечной возможности женской любви поглощать всѣ другія обстоятельства, всѣ другія житейскія радости и скорби. Никогда еще съ такою нѣжностью, не соединяла она мысль о Франкѣ съ воспоминаніемъ объ утраченныхъ родителяхъ. Никогда еще непроницаемая атмосфера иллюзіи, сквозь которую женщины смотрятъ на своихъ избранниковъ,—атмосфера, помѣшавшая ей видѣть все что въ Франкѣ было слабаго, тупаго, малодушнаго,—не окружала его болѣе блестящимъ ореоломъ чѣмъ теперь, когда она говорила съ отцомъ объ обладаніи сыномъ. „О! не отнимайте его у меня!“ произнесла она, стараясь ободриться и вздрагивая вся, съ головы до ногъ. И вдругъ, съ быстротой молніи, бросилась она въ противоположную крайность.

— Я не отдамъ его! вспыльчиво вскрикнула она.—Ни за что, хоть бы тысячи отцовъ требовали этого!

— Я всего одинъ, отвѣчалъ мистеръ Клеръ.—И я не требую этого.

Въ первую минуту удивленія и радости отъ этихъ неожиданныхъ словъ, она вскочила, кинулась къ старику и хотѣла обнять его шею. Ужь лучше бы ей было попытаться сдвинуть домъ съ своего основанія. Онъ взялъ ее за плечи и усадилъ снова на стулъ. Потомъ, онъ посмотрѣлъ на нее повелительно своими холодными глазами и погрозилъ костистымъ указательнымъ пальцемъ, словно шаловливому ребенку.

— Обнимайте Франка, сказалъ онъ, — а меня не обнимайте. Я не кончилъ еще съ вами; когда кончу, можете пожать мнѣ руку, если хотите. Погодите немного, и успокойтесь въ это время.

Онъ отошелъ отъ нея, и засунувъ руки въ карманы, снова сталъ ходить изъ конца въ конецъ.

— Успокоились? спросилъ онъ, оставливаясь вдругъ. Она хотѣла было отвѣчать. — Ну, даю вамъ еще двѣ минуты, сказалъ онъ, и снова, съ правильностью маятника, заходилъ по комнатѣ. „Вотъ эти созданія, думалъ онъ про себя, которымъ люди, въ другихъ отношеніяхъ довольно разсудительные, вручаютъ счастіе всей своей жизни. Есть ли въ мірѣ что-либо, такъ дурно отвѣчающее этой цѣли?“

Онъ снова остановился передъ ней. Она дышала свободнѣе, и краска на лицѣ ея стала слабѣе.

— Успокоились? повторилъ онъ.—Наконецъ-то. Выслушайте же меня и дайте намъ кончить. Я не отнимаю у васъ Франка; я прошу только подождать.

— Я стану ждать, сказала она.—Ждать терпѣливо и охотно.

— Велите ли вы и Франку ждать?

— Да.

— Пошлете ли вы его въ Китай?

Голова ея опустилась на грудь, и она снова, безмолвно, сжала свои руки. Мистеръ Клеръ понялъ, въ чемъ главное затрудненіе, тотчасъ же прямо пошелъ на него.

— Я не вмѣшиваюсь въ ваши чувства къ Франку, или обратно, сказалъ онъ.—Предметъ этотъ не занимаетъ меня. Но я долженъ высказать вамъ двѣ совершеннѣйшія истины. Первая изъ нихъ та, что вы не можете обвѣнчаться пока не будетъ у васъ денегъ для уплаты за вашъ кровъ, за вашу одежду, за вашу пищу. Вторая та, что вы не можете достать денегъ, что я не могу достать ихъ, и что единственная возможность достать ихъ Франку — ѣхать въ Китай. Если я скажу ему ѣхать, онъ запрячется въ уголъ и примется плакать, если я буду настаивать, онъ согласится и обманетъ меня. Если я пойду дальше, выпровожу его самъ и посажу на корабль, онъ скользнетъ въ какую-нибудь лоцманскую лодку и проберется обратно къ вамъ. Такова натура нашего молодца.

— Нѣтъ! сказала Магдалина.—Это не по натурѣ, а изъ любви ко мнѣ.

— Называйте какъ хотите, возразилъ мистеръ Клеръ.— То ли другое ли, только я, знаю, что моимъ пальцамъ не удержать его. Затвори я двери, онъ явится обратно; за-

творите вы, ни за что. Въ состояніи ли вы рѣшиться на это? Любите ли вы его столько, чтобы не мѣшать ему?

— Люблю ли! Я готова умереть за него!

— Готовы ли вы отослать его въ Китай?

Горько вздохнула она.

— Будьте немного снисходительны ко мнѣ, произнесла она.—Я потеряла отца, потеряда мать, потеряла состояніе, и теперь принуждена потерять и Франка. Вы не любите женщинъ, я знаю; но помогите мнѣ хоть каплею состраданія. Я не отвергаю, что поѣздки въ Китай требуетъ его польза; я говорю только, что это больно, очень, очень больно для *меня*.

Старикъ былъ глухъ къ ея волненію, равнодушенъ къ ея ласкамъ, слѣпъ къ ея слезамъ, но подъ твердою корой его философіи все-таки билось въ немъ сердце, и оно-то отвѣчало на отчаянный зовъ, оно-то почувствовало эти трогательныя слова дѣвушки.

— Не говорю, чтобы ваше положеніе не было тяжко, произнесъ онъ.—Я не желаю дѣлать его еще тяжеле; я только прошу васъ рѣшить, въ интересѣ Франка, то на что самъ Франкъ не въ состояніи рѣшиться. Не по вашей и не по моей ошибкѣ, но несомнѣнно, однако, что состояніе, которое вы должны были принести ему, перешло въ другія руки.

Она быстро подняла голову и сверкнула глазами съ угрожающею усмѣшкой на губахъ.

— Можетъ снова перейдти въ другія руки, проговорила она.

Мистеръ Клеръ замѣтилъ, какъ измѣнилось выраженіе ея лица и голосъ. Но слова, произнесенныя тихо, какъ будто про себя, ускользнули отъ него на другомъ концѣ комнаты. Онъ остановился, и спросилъ что она сказала.

— Ничего, отвѣчала она, поворачивая голову къ окну и смотря равнодушно нападающія капли дождя.—Такъ, я про себя сказала.

Снова заходилъ мистеръ Клеръ, и возвратился къ своему предмету.

— Франкъ долженъ ѣхать столько же въ вашемъ интересѣ, сколько и въ своемъ. Въ Китаѣ онъ можетъ нажить довольно денегъ, чтобы жениться на васъ; здѣсь же сдѣлать это онъ не можетъ. Если онъ останется здѣсь, то

погубитъ и себя, и васъ. Онъ не будетъ принимать въ соображеніе никакихъ благоразумныхъ идей объ обезпеченіи себя въ будущемъ, а станетъ только надоѣдать вамъ выйдти за него; когда же достигнетъ этого, то первый спохватится и будетъ говорить, что вы для него бремя. Выслушайте меня! Вы влюблены въ Франка, я нѣтъ, и я знаю его. Начните сходиться чаще другъ съ другомъ, позвольте ему обнимать васъ, плакать, надоѣдать, умолять, и, я знаю, дѣло кончится тѣмъ, что вы выйдете за него.

Онъ затронулъ ее, наконецъ, за живое. Прежде чѣмъ могъ онъ выговорить слово, она отвѣчала ему:

— Вы не знаете меня, сказала она твердо.—Вы не знаете что̀ я въ состояніи вытерпѣть для Франка. Онъ не можетъ жениться на мнѣ, прежде чѣмъ я не принесу ему того что̀ обѣщалъ ему отецъ. Я не буду ему бременемъ, когда онъ женится на мнѣ, обѣщаю вамъ это! Я буду добрымъ ангеломъ Франка. Я не пойду къ нему нищею, и не погублю его.

Она быстро встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ мистеру Клеру и остановилась посреди комнаты. Руки ея опустились, и слезы брызнули изъ глазъ.

— Онъ уѣдетъ, сказала она;—хотя мое сердце и разрывается при этомъ, но я скажу ему завтра, что мы должны разстаться.

Мистеръ Клеръ подошелъ къ ней, и протянулъ свою руку.

— Я помогу вамъ въ этомъ, сказалъ онъ.—Франку будетъ извѣстно каждое произнесенное нами слово. Являясь завтра къ вамъ, онъ будетъ знать уже, что пришелъ проститься.

Она обѣими руками схватила его руку, подумала, взглянула на него,—и прижала ее къ своей груди.

— Могу ли я попросить васъ еще объ одномъ? робко спросила она.

Онъ попытался отнять свою руку, но она знала свое преимущество и держала ее крѣпко.

— Вообразите, что дѣла измѣнятся къ лучшему, продолжала она.—Вообразите, что я явлюсь къ Франку такъ, какъ желалъ отецъ мой?...

Прежде чѣмъ она успѣла докончить свой вопросъ, мистеръ Клеръ снова попытался отнять свою руку.

— Какъ желалъ отецъ вашъ? повторилъ онъ, пристально смотря на нее.

— Да, подтвердила она.—Странныя вещи случаются иногда. Если „странныя вещи“ случатся и со мною, позволите ли вы Франку возвратиться до истеченія пяти лѣтъ?

„Что бы это значило? Не хваталась ли она, въ отчаяніи, за надежду смягчить сердце Михаила Ванстона?“ Изъ произнесенныхъ ею словъ, мистеръ Клеръ не могъ вывести никакого другаго заключенія. Въ началѣ свиданія онъ грубо уничтожилъ бы ея обольщеніе; въ концѣ, онъ изъ жалости, оставилъ ее при немъ.

— Вы надѣетесь на безнадежное, замѣтилъ онъ,—но если это утѣшаетъ васъ, надѣйтесь. Если эта невозможность случится когда-нибудь, скажите мнѣ, и Франкъ возвратится. До того....

— До того, перебила она безпокойно,—вотъ вамъ мое слово.

Снова проницательные глаза мистера Клера пристально устремились на ея лицо.

— Я вѣрю вашему слову, отвѣчалъ онъ.—Завтра вы увидите Франка.

Она задумчиво возвратилась къ своему стулу и безмолвно опустилась на него. Мистеръ Клеръ направился къ двери, не прощаясь „Глубока! думалъ онъ, оглядываясь на нее у двери: всего восьмнадцать лѣтъ, а очень глубока и непроницаема!“

Въ передней онъ встрѣтилъ Нору, съ безпокойствомъ спросившую его:

— Все кончено? Франкъ ѣдетъ въ Китай?

— Обращайтесь, смотрите, осторожно съ этою вашею сестрицей, произнесъ онъ, не обращая вниманіе на вопросъ.—Въ ней одна бѣда: не для обыкновенной женской жизни сдѣлана она. Я не говорю, что вижу до конца все ея добро и все ея зло,—я только предупреждаю васъ, что судьба ея не будетъ похожа на обыкновенную женскую судьбу.

Черезъ часъ, мистеръ Пендриль оставилъ домъ, а съ вечернею почтой миссъ Гартъ написала своей сестрѣ въ Лондонъ.

Конецъ первой сцены.

КЪ ПОСЛѢДНЕЙ ИЗЪ МОГИКАНЪ.

(Посвящено П. М. Садовскому.)

Іюль. Безоблачень палящій сводъ небесъ;
Въ туманѣ дымчатомъ вдали синѣетъ лѣсъ;
Тяжелымъ колосомъ склонясь къ землѣ сонливо,
Блистаетъ золотомъ, величественно нива;
Рѣка, красуяся на солнечныхъ лучахъ,
Спокойно нѣжится въ цвѣтистыхъ берегахъ;
Перекликаются въ лѣсу лѣниво птицы;
Припавши на снопы, заснули крѣпко жницы;
Въ деревнѣ не видать нигдѣ души живой —
Все будто вымерло отъ язвы моровой.
И съ поля, сонными гонимы пастухами,
Стада, измучены и зноемъ и слѣпнями,
Лѣниво тянутся по зелени луговъ
Въ прохладу темную сараевъ и хлѣвовъ.
Всѣхъ давитъ жаръ и зной; все жадно ищетъ тѣни
На всемъ видна печать бездѣйствія и лѣни,
И въ мыслящемъ умѣ раждается вопросъ —
Что лучше на Руси: жара или морозъ?
И въ этотъ жаръ и зной васъ, свѣтскую княгиню

Забросила судьба въ самарскую пустыню!
Съ веселыхъ береговъ красавицы-Невы
Впервые въ эту глушь и дичь попали вы.
Васъ утомляетъ зной, васъ раздираетъ скука:
Въ деревнѣ жить одной, вѣдь это просто мука.
Кто жъ наложилъ на васъ тяжелый этотъ крестъ?
Все онъ (увы!), все онъ, февральскій манифестъ!
Чтобъ не корили васъ въ постыдномъ нерадѣньи,
Явились лично вы теперь въ свои владѣнья —
Своимъ присутствіемъ народъ свой осѣнить
И словомъ мудрости въ немъ страсти утушить.
И вы, какъ Русская, по прихоти Зевеса,
Въ народномъ языкѣ не смысля ни бельмеса —
Предъ сонмомъ выборныхъ держали тронный спичь;
Но даже староста никакъ не могъ постичь
Чего вамъ хочется. Внимая галлицизмамъ,
Народъ исполнился глубокимъ скептицизмомъ,—
И вашу кроткую родительскую рѣчь
Онъ принялъ за приказъ: всю волость пересѣчь,—
И вмигъ парламентъ вашъ пришелъ въ негодованье,
И страшно бурное открылось засѣданье,
И дерзко завопилъ какой-то смѣлый вигъ,
Что нынче молъ ужь нѣтъ помѣщичьихъ веригъ!
И грубо раздались слова его по залѣ,
И вы... вы распустить парламентъ приказали.
Парламентъ вышелъ вонъ, испачкавъ вамъ паркетъ,
И вы подумали, глядя ему во слѣдъ:
„Неблагодарные!.. и этому народу
Тупому, дикому рѣшились дать свободу!
Нѣтъ, правду говорилъ покойный князь Андрей,
Что наши мужики глупѣе дикарей.
Какія странныя у нихъ все выраженья
И кто имъ объяснить сумѣетъ Положенье,
Тогда какъ я сама едва могу понять
Что значитъ, напримѣръ, угодья разверстать.“
Такъ размышляли вы... Но не прошло недѣли
Вы снова выборныхъ призвать къ себѣ велѣли.
И вашихъ словъ они опять не взяли въ толкъ:
Вы говорили имъ про ихъ священный долгъ
Къ помѣщицѣ, къ властямъ, и говорили долго
О томъ, какъ пагубно несоблюденье долга,

И дружно грянули вамъ мужики въ отвѣтъ:
„За нами, матушка, вѣдь недоимокъ нѣтъ.“
И сессія опять должна была закрыться,
И вы, не зная какъ къ народу приступиться,
Уѣхать въ Петербургъ совсѣмъ ужь собрались,
Но боги, сжалившись, вамъ сдѣлали сюрпризъ:
Не дожидаяся открытія палаты,
Явились сами къ вамъ съ поклономъ депутаты.
„Что вамъ любезные?“ „Мы къ милости твоей:
Пожалуй намъ лѣску на срубку сто корней!“
И вы приходите мгновенно въ умиленье:
Les pauvres gens, vraiment! имъ въ рѣдкость и коренья!
Имъ негдѣ ихъ достать! Ахъ, бѣдный нашъ народъ!
Имъ нужно сто корней! „Возьмите хоть семьсотъ,“
Вы говорите имъ чуть-чуть не со слезами,
И депутаты въ прахъ простерлись передъ вами,
Дань благодарности обычную платя,
И вы сконфузились какъ скромное дитя.
„Ахъ, встаньте!.. Ахъ, зачѣмъ такое униженье...“
Проговорили вы, краснѣя отъ смущенья,
„Вы кланяетесь мнѣ, какъ Богу, до земли
„Ахъ, встаньте, это грѣхъ...“ Тѣ встали и ушли.
И сжала сердце вамъ чувствительная жалость.
„Какъ благодарны мнѣ! И за какую малость!“
Вы восклицаете въ волненьи и слезахъ...
И вдругъ къ вамъ староста вбѣгаетъ въ попыхахъ,
И говоритъ навзрыдъ въ испугѣ и печали:
—„Крестьяне говорятъ, что вы де приказали
Семьсотъ большихъ корней на срубку имъ отдать!..
Вы ихъ изволите, княгиня, баловать...“—
И вы приходите сейчасъ въ негодованье:
„Жестокій! Нѣтъ въ тебѣ ни капли состраданья
Тебѣ совсѣмъ не жаль несчастныхъ мужичковъ:
Ты даже въ малости имъ отказать готовъ.
Какъ всѣ зазнались вы—всѣ старосты, бурмистры—
Воображаете, что вы почти министры,
И презираете свой прежній бѣдный классъ.
И оттого народъ не понимаетъ насъ
И недовѣрчиво такъ смотритъ на дворянство,
Что въ управителяхъ нѣтъ искры христіанства.
Нѣтъ, вижу, надо намъ во все самимъ входить,

Чтобы довѣріе народа заслужить,
И я возьмусь теперь сама за управленье...
Ступай и исполняй мои распоряженья!“
И староста ушелъ, потупя странно взоръ.
И глухо застоналъ сосновый древній боръ:
Гуляютъ заступы и топоры лихіе,
И съ трескомъ валятся деревья строевыя,
И поле новое довольно широко
Залоснилось, какъ плѣшь. „Какое quiproquo!“
Вы восклицаете: „какъ низко, какъ коварно
Со мною поступилъ народъ неблагодарный!
Въ немъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести, ни стыда...
Вотъ дали вы кому свободу, господа!“
И, сдѣлавъ реверансъ предъ книгой съ „Положеньемъ“,
Вы обратились къ ней съ такимъ правоученьемъ:
„Вотъ русскій вашъ народъ! Вотъ онъ любимецъ вашъ!
Любуйтесь, господа, на этотъ пейзажъ
(Тутъ указали вы на новую просѣку)
Нѣтъ страшно волю дать такому человѣку!
Я говорила вамъ... Вотъ онъ—ce peuple russe!“
—„Я ефто тоже вамъ, княгиня, говорю-съ,“
Вашъ Несторъ-староста вступаетъ въ разсужденье:
—„Мужикъ, сударыня, не знаетъ обращенья,
И къ деликатности, выходитъ, не привыкъ;
Что хошь ему толкуй—онъ, значитъ, все мужикъ,
А кабы сѣчь его покрѣпче, да почаще,
Такъ онъ бы затвердилъ, что нѣсть, молъ, власти аще.“
И тутъ совѣтникъ вашъ разчислилъ вамъ какъ могъ
Что̀ обошелся вамъ въ вокабулахъ урокъ.
И много съ вами бѣдъ случилось въ этомъ родѣ,
И вы отчаялись совсѣмъ въ своемъ народѣ.

О, полурусская красавица моя,
Какъ живо васъ теперь воображаю я
Томимы скукою, бездѣйствіемъ и зноемъ,
Вы бродите какъ тѣнь по дѣдовскимъ покоямъ;
Вездѣ тоска и жаръ васъ душитъ и томитъ;
Все какъ-то не по васъ, все жметъ, все тяготитъ—
И платье легкое изъ кисеи воздушной,
И обувь и коса. Вездѣ вамъ душно, скучно,
И день вашъ тянется какъ вѣчность, какъ процессъ;

Не манитъ васъ ни садъ, ни рощица, ни лѣсъ;
Все валится изъ рукъ—и книга и работа.
Межь тѣмъ украдкою всесильная дремота,
Васъ нѣжно осѣнивъ невидимымъ крыломъ,
Уноситъ бережно таинственнымъ путемъ
Въ предѣлы вашего возлюбленнаго міра,—
И вотъ вамъ грезится полночная Пальмира.
Какая красота, какой волшебный видъ!
Вотъ зеркало Невы, оправленной въ гранитъ,
Вотъ грозный памятникъ монарха-великана,
Вотъ храмъ Исакія—созданье Монферрана,
Вотъ стройные ряды дворцовъ и колоннадъ,
Вотъ крѣпость, вотъ манежъ, казармы, плацъ-парадъ!
Вотъ Невскій вашъ проспектъ, а вотъ и онъ... о Боже!..
Михайловскій театръ! Вамъ снится будто въ ложѣ
Сидите вы, бинокль на сцену устремивъ.
Безпеченъ, пустъ и милъ, кокетливо-игривъ
Французскій водевиль рѣзвится передъ вами:
Онъ разсыпается небрежно остротами,
Щекочетъ умъ и слухъ пріятно и легко,
Кипитъ и искрится какъ рѣзвое клико
И каламбурами бѣснуется и хлещетъ,
И чопорный партеръ въ восторгѣ рукоплещетъ.
Вы улыбаетесь, вы счастливы... и вдругъ
До васъ доносится какой-то странный звукъ:
То пѣсня русская на пробужденной нивѣ
Внезапно грянула—и разбудила васъ,
И широко, раздольно понеслась,
Какъ Волга-матушка во всемъ своемъ разливѣ.
Несется и гремитъ по нивамъ и полямъ
То замираетъ вдругъ, то дружнымъ хоромъ снова
Гремитъ, удалая, и, вторя голосамъ,
Ей откликается сосѣдняя дуброва.
И откликается, заслышавъ звукъ родной,
Ей сердце русское, восторгомъ замирая,—
То поетъ вмѣстѣ съ ней бездольною тоской,
То рвется на просторъ надеждой оживая.
Ахъ, пѣсня русская! Прекраснъ и глубокъ
Твой ясный токъ, раздольный и свободный!
Ты сокровенныхъ силъ народный нашъ залогъ,
Родникъ поэзіи живой и самородной.

Ахъ! слушая тебя, растроганный душой,
Все милой родинѣ безропотно прощаешь:
Ты молишь за нее съ упрекомъ и тоской,
Ты за нее въ грядущемъ обѣщаешь.

Но вамъ, Петрополя законнѣйшая дщерь,
Вамъ пѣсня русская лишь нервы раздражаетъ,
Какъ будто бы скрипитъ немазанная дверь,
Иль вьюга зимняя въ каминѣ завываетъ.
Да, звуки русскіе не очень вамъ сродни—
Совсѣмъ иной языкъ, совсѣмъ иное пѣнье
Вашъ слухъ лелѣяли въ младенческіе дни,
И ваши первыя, святыя впечатлѣнья
Не въ русскомъ лепетѣ впервые излились;
Не нянька русская, когда вы родились,
Васъ, крестнымъ знаменемъ съ молитвой осѣняя,
Укладывала спать, но англійская миссъ—
Британка кровная, Британка выписная.
Когда жъ вы подросли, на вашъ незрѣлый умъ
Набили кандалы грамматики французской,
И всѣ зародыши едва возникшихъ думъ
Сдавили фразою опошленной и узкой;
Родной словесностью не занимались вы—
Вамъ все въ ней кажется такъ пошло и такъ грубо:
И только чтите вы, внявъ голосу молвы,
Творенья Мятлева, да графа Сологуба.
Отъ милой родины, какъ собственность свою,
Вы только приняли имѣніе да вѣру—
Вамъ родственнѣй звучитъ „Malbroug s'en va-t-en guerre“
Чѣмъ даже „баюшки-баю“.

Б. АЛМАЗОВЪ.

Москва 24 іюня.

О НАШЕМЪ НИГИЛИЗМѢ

ПО ПОВОДУ

РОМАНА ТУРГЕНЕВА[1]

Въ одинъ прекрасный день, два молодые прогрессиста пріѣхали съ сѣвера въ мирное деревенское затишье, живьемъ везя съ собою новый духъ, который доходилъ туда прежде лишь въ смутныхъ отголоскахъ, или слабыхъ и карикатурныхъ проявленіяхъ. Одинъ изъ этихъ молодыхъ прогрессистовъ уже не самой первой молодости человѣкъ,—человѣкъ вполнѣ сложившійся и зрѣлый,—и въ немъ-то главнымъ образомъ сидитъ этотъ новый духъ.

„Что у васъ на душѣ?.. Кто вы, что вы?“ спрашиваютъ этого гостя. — „Вы меня удивляете, отвѣчаетъ онъ:—вамъ извѣстно, что я занимаюсь естественными науками.“

Итакъ, въ нашу глушь пожаловалъ духъ изслѣдованія, ясной и точной мысли, положительнаго знанія. Какъ кстати! Его-то намъ и не доставало. Да, это дѣйствительно духъ новаго времени, завоевывающій одну область за другою. Этотъ духъ ясной и точной мысли не ограничивается въ наше время только тѣми науками, которыя обыкновенно называются естественными; онъ простирается повсюду, и нѣтъ умственной сферы, которая бы въ наше время не полагала

---

[1] См. *Русскій Вѣстникъ*. № 5.

своей силы и достоинства въ ясной мысли и положительномъ знаніи.

Первымъ дѣломъ Базарова, по пріѣздѣ въ деревню къ отцу своего молодаго поклонника, было отправиться въ болото за лягушками. Онъ выложилъ свои снаряды и наполнилъ свою комнату химическимъ запахомъ. Компанія сидитъ за утреннимъ чаемъ, а онъ, суровый труженикъ, тащитъ свою добычу съ болота, и, не останавливаясь, отрывочно отвѣчаетъ на докучные разспросы... Это разказано такъ, что ни на чемъ не запнешься, и въ самомъ дѣлѣ повѣришь, что вотъ пріѣхалъ неутомимый изслѣдователь тайнъ природы, который не хочетъ терять ни минуты времени, и не успѣвъ протереть глаза со сна послѣ дальней дороги, не успѣвъ осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, ознакомиться съ хозяевами и напиться чаю, спѣшитъ на ученую экскурсію, посылаетъ мальчишекъ въ болото за лягушками, въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ объясняетъ имъ, для чего онѣ ему нужны, и что въ сущности человѣкъ и лягушка одно и то же. „Ну полѣзай, философъ“, говоритъ онъ шестилѣтнему мальчишкѣ, который слишкомъ заболтался, между тѣмъ какъ нашему естествоиспытателю дорога каждая минута: онъ долженъ немедленно произвести важный опытъ надъ нервною системой.

Что̀ проглянуло въ этомъ: серіозное дѣло или нѣтъ? Авторъ оставляетъ насъ безъ всякаго намека. Еслибы съ его стороны былъ какой-нибудь умыселъ, то умыселъ этотъ непремѣнно отозвался бы такъ или иначе въ тонѣ его разказа. Подозрительные глаза инквизиторски наблюдали за всѣми движеніями автора въ его произведеніи и готовы были видѣть во всемъ злонамѣренный умыселъ; но ни одному критику не пришло въ голову остановиться на этомъ пунктѣ. Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ ни малѣйшей иронiи. Авторъ только взялъ тотъ духъ науки, какой представила ему наша общественная среда, и пустилъ его дѣйствовать, ни за что̀ не принимая на себя отвѣтственности. Очень можетъ быть, что автору вовсе и на мысль не приходило спросить себя, серіозное ли это дѣло или нѣтъ; но, безъ сомнѣнія, въ суммѣ общаго впечатлѣнія, всѣми должно было чувствоваться, что это дѣло не серіозное. Что за Дюбуа Ремонъ, или Рудольфъ Вагнеръ, или, пожалуй, самый этотъ Джорджъ Генри Люисъ, о которомъ было у насъ такъ много

толковъ, появился на святой Руси? А еслибъ и появился, такъ неужели эта типическая черта, которою обрисованъ Базаровъ, эта черта исполненная такой художественной истины въ романѣ г. Тургенева,—неужели эта черта годилась бы и для нихъ? Что за удивительное рвеніе, какъ будто лягушки въ болотѣ не могли подождать день-другой! И мы тѣмъ сильнѣе чувствуемъ неестественность этого рвенія, что нашъ естествоиспытатель вовсе не какой-нибудь чудакъ ученый, вовсе не какой-нибудь зарывшійся спеціалистъ; онъ живетъ какъ всѣ, и гуляетъ, и праздноословитъ, и ничего не дѣлаетъ.

„Я разсматривалъ виды Саксонской Швейцаріи въ вашемъ альбомѣ, говорилъ однажды Базаровъ заинтересовавшей его дамѣ,—а вы мнѣ замѣтили что это меня занять не можетъ. Вы это сказали потому что не предполагаете во мнѣ художественнаго смысла, да во мнѣ и дѣйствительно его нѣтъ; но эти виды могли заинтересовать меня съ точки зрѣнія геологической, съ точки зрѣнія формаціи горъ, напримѣръ.“

Не является ли передъ нами опять образъ того же самаго натуралиста, который такъ спѣшилъ накрыть врасплохъ лягушекъ въ болотѣ? Онъ презираетъ художественный интересъ; онъ даже дамскій альбомъ разсматриваетъ не иначе какъ „съ точки зрѣнія геологической, съ точки зрѣнія формаціи горъ“.

Свѣтская скучающая женщина заинтересовалась нашимъ ученымъ. Онъ возбуждаетъ ея любопытство, и она дѣлаетъ его предметомъ своихъ наблюденій и опытовъ, а въ немъ между тѣмъ начинаетъ закипать страсть. Пусть бы нашъ естествоиспытатель, забывъ о своихъ химическихъ снарядахъ, о своемъ микроскопѣ и лягушкахъ, сѣлъ съ прялкой у ногъ своей Омфалы; нѣтъ, онъ не забываетъ и тутъ, что онъ ученый; онъ не видитъ, что эта дама, заговаривающая съ нимъ о физикѣ и химіи, вовсе не намѣрена изучать свойства кислорода или опыты съ лейденскою банкой; онъ не видитъ, что она хочетъ изучать не что-либо другое, а его самого, и онъ рекомендуетъ ей курсъ химіи Пелуза и Фреми, да курсъ физики Гано, и пускается въ исчисленіе всѣхъ достоинствъ этихъ учебниковъ; онъ вдругъ заговорилъ какъ вытверженный урокъ, и не остановился бы, пока не прервала бы его сама собесѣдница и не

направила разговоръ въ другую сторону. Вотъ съ г-жою Кукшиной онъ не пускается въ подобный разговоръ; этой онъ не рекомендуетъ *Физику* Гано; тутъ онъ не натянутъ; тутъ онъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ; тутъ онъ не заботится о контенансѣ и не пускается въ науку.

Наконецъ, эта книжка Бюхнера, играющая роль какого-то талисмана, книжка, о которой всего менѣе могъ бы подумать серіозный естествоиспытатель, притомъ человѣкъ положительный, не желающій терять минуты времени на пустые разговоры („человѣкъ положительный, не интересный, говорить не умѣю"), распространяющій повсюду химическій запахъ, вѣчно трудящійся надъ лягушками и инфузоріями: могло ли бы такое праздномысліе, какъ книжка Бюхнера, остановить на себѣ вниманіе серіознаго спеціалиста, какимъ хочетъ казаться въ своихъ глазахъ Базаровъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что наука здѣсь не есть что-либо серіозное, и что ее надобно сложить со счетовъ. Если въ этомъ Базаровѣ сидитъ дѣйствительная сила, то она что-нибудь другое, а никакъ не наука. Своею наукой онъ можетъ имѣть значеніе лишь въ томъ окруженіи, куда онъ попалъ; своею наукой онъ можетъ подавлять только своего старичка-отца, юнаго Аркадія и мадамъ Кукшину. Онъ лишь бойкій школьникъ, который лучше другихъ вытвердилъ урокъ, и котораго за то поставили въ авдиторы. Впрочемъ, онъ на столько уменъ, что и самъ это сознаетъ, самъ это высказываетъ, хотя не о себѣ лично, но вообще о своихъ соотечественникахъ, въ сравненіи съ настоящими изслѣдователями въ тѣхъ странахъ, гдѣ это есть дѣло серіозное. Онъ и самъ не признаетъ особеннаго значенія за своими учеными занятіями; они для него только точка опоры, только средство для дальнѣйшей цѣли, а цѣль его совсѣмъ другаго свойства и не имѣетъ ничего общаго съ наукой. Его опыты надъ лягушками не повели бы къ открытіямъ. Онъ усердно занимается всѣмъ этимъ, но точно также какъ въ былое время молодые и даже довольно зрѣлые люди усердно занимались философіей, ѣздя изъ одного нѣмецкаго университета въ другой, слушали, записывали и религіозно перечитывали въ своихъ тетрадкахъ ученіе о *Sein* и *Nichts*. Бѣдные молодые люди! Они никого не хотѣли морочить, они морочили только самихъ себя. Они

надувались, напрягались и губили свои умственныя силы на безплодное дѣло казаться въ своихъ глазахъ великими философами. Сколько тяжелыхъ минутъ переживали они, какой предавались хандрѣ, какъ они страдали при малѣйшемъ намекѣ, что они трудятся даромъ! Они готовы были плакать и истязать себя, при малѣйшемъ просвѣтѣ собственнаго сознанія, что они балуются попусту, что они вовсе не философы, что гораздо было бы полезнѣе заняться какимъ-нибудь болѣе скромнымъ дѣломъ или какою-нибудь наукою, которая болѣе бы соотвѣтствовала ихъ дѣйствительнымъ потребностямъ, что они губятъ самихъ себя, заглушая въ себѣ эти потребности, отвлекая себя отъ дѣльныхъ занятій и становясь черезъ то ни къ чему неспособными.

Правда, науки, на которыя предъявляетъ претензію Базаровъ—другаго свойства. Онѣ общедоступны и просты, онѣ школятъ мысль и пріучаютъ ее къ трезвости и самоограниченію. Эти науки отказываются отъ преслѣдованія первыхъ причинъ и сущности вещей. Каждая держится своего факта, и не отходитъ отъ него, или отходитъ лишь на сколько нужно, чтобъ охватить его въ общности; наблюденіе и опытъ—ихъ единственный источникъ, и вся ихъ цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы привести въ извѣстность фактъ. За этимъ дѣломъ можетъ найдти себѣ мѣсто всякій умъ, отъ самаго скромнаго до геніальнаго. Умный и способный человѣкъ, каковъ нашъ герой, могъ бы конечно заниматься и химіей, и физіологіей не безъ успѣха. Но онъ вовсе не о томъ хлопочетъ, чтобы стать спеціалистомъ по той или другой части; ему важна вовсе не положительная сторона науки; онъ занимается естественными науками болѣе въ качествѣ мудреца, въ интересѣ первыхъ причинъ и сущности вещей. Онъ потому занимается этими науками, что онѣ, по его мнѣнію, прямо ведутъ къ рѣшенію вопросовъ объ этихъ первыхъ причинахъ. Онъ уже заранѣе увѣренъ, что естественныя науки ведутъ къ отрицательному рѣшенію этихъ вопросовъ, и онѣ ему нужны какъ орудіе уничтоженія предразсудковъ, и для вразумленія людей въ той вдохновительной истинѣ, что никакихъ первыхъ причинъ не имѣется, и что человѣкъ и лягушка въ сущности одно и то же.

Этою мудростью, дѣйствительно, характеризуется со-

временная умственная фаза въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Естественныхъ наукъ у насъ нѣтъ, и вообще нѣтъ никакихъ наукъ; наши юные химики, по замѣчанію г. Тургенева, не умѣютъ отличить кислородъ отъ азота; наши журнальные физіологи въ жизнь свою не бывали въ анатомическомъ театрѣ, а между тѣмъ, кстати и некстати, то и дѣло толкуютъ о мозгахъ и нервахъ. Дѣло въ томъ, что мы естественными науками занимаемся по книжкамъ Фейербаха и Бюхнера, или, еще лучше, по журналу Noaka. Подъ видомъ естественныхъ наукъ, мы все также занимаемся нѣмецкою философіей или тѣмъ побочнымъ выродкомъ ея, который столько же походитъ на философію, сколько и на естественныя науки.

Узкій и трудный путь натуралиста намъ не по нраву. Мы возьмемъ у него лишь кое-что, для *форса* или для *контенанса*, и пойдемъ другимъ, болѣе широкимъ путемъ; мы не изслѣдователи, не испытатели,—пусть другіе корпятъ надъ фактами и занимаются наукою для знанія,—мы мудрецы и вѣроучители. Мы проповѣдуемъ религію нигилизма, мы *отрицаемъ*: вотъ наше назначеніе, наша гордость и слава. Кто-то изъ критиковъ замѣтилъ, что этотъ нигилизмъ вноситъ духъ плодотворнаго сомнѣнія, которое освобождаетъ умъ отъ слѣпой вѣры въ авторитетъ, и припуталъ сюда и Картезія, и Канта, и даже Конфуція. Можно навѣрное сказать, что нашъ критикъ столько же знакомъ съ философскимъ сомнѣніемъ, сколько и съ языкомъ, на которомъ вѣщалъ любомудрый Конфуцій. Сомнѣніе дѣло не легкое и не всякому доступное. Только немногіе сильные умы способны къ настоящему, серіозному сомнѣнію относительно высшихъ вопросовъ знанія. Вотъ Декартъ и Кантъ, тѣ были къ нему способны, и еслибы нашъ критикъ былъ въ свою очередь способенъ познакомиться съ ними, то онъ узналъ бы отъ нихъ что̀ такое сомнѣніе, какъ оно дѣлается и къ чему приходитъ. Наши философы вполнѣ увѣрены, что сомнѣваться и отрицать одно и то же, и что кто сомнѣвается, тотъ непремѣнно долженъ придти къ отрицанію. Но сомнѣніе ни полагаетъ, ни отрицаетъ; сомнѣніе, настоящее, истинное сомнѣніе, допускаетъ возможность противоположныхъ рѣшеній. А гдѣ допускается возможность противоположныхъ рѣшеній, тамъ значитъ не

принято рѣшеніе ни въ ту, ни въ другую сторону. Сомнѣніе ставитъ вопросъ, возбуждаетъ энергію къ изслѣдованію, къ критикѣ, къ точнѣйшему опредѣленію силы нашихъ понятій, къ разграниченію того, что̀ мы знаемъ и чего не знаемъ; оно приводитъ къ воздержанію и терпимости, если не къ окончательному удостовѣренію. Но если наше сомнѣніе склоняется въ ту или другую сторону, такъ это признакъ, что рѣшеніе уже принято нами и что въ нашей критикѣ уже присутствуетъ догматическій элементъ. Если наше сомнѣніе склоняется къ отрицанію, то мы уже не просто сомнѣваемся, мы уже болѣе или менѣе увѣрены, и не нуждаемся въ сомнѣніи. Если мы отрицаемъ, то, значитъ, дѣло уже рѣшено нами заранѣе, рѣшено несомнѣнно; мы только обманываемъ себя, воображая будто мы сомнѣваемся; мы порѣшили дѣло просто и непосредственно. Мы обошлись безъ всякихъ изслѣдованій и вопросовъ, безъ всякой критики; намъ не въ чемъ удостовѣряться, и отвергая возможность противнаго рѣшенія, мы съ большею или меньшею нетерпимостію относимся не только къ тѣмъ, которые приняли рѣшеніе противоположное, но и къ тѣмъ, которые допускаютъ возможность того и другаго; мы становимся нетерпимы къ самой терпимости. Такого рода отрицательное направленіе не есть дѣло мысли; напротивъ, оно служитъ признакомъ отсутствія всякаго интереса мысли и знанія. Оно не просто только воздерживается отъ рѣшенія, — что̀ вовсе не значитъ отрицать, — оно уже рѣшило всѣ вопросы, еще не задавая ихъ себѣ. *Sic volo, sic jubeo*, говоритъ оно, какъ Ювеналова матрона. Люди, предрасположенные такимъ образомъ, люди предубѣжденные въ отрицаніи, не хотятъ доказательствъ; имъ утомительны и скучны всякія изслѣдованія, потому что всякія изслѣдованія кажутся имъ излишними; они уже убѣждены, и считаютъ себя вполнѣ знающими. Отрицательное направленіе есть своего рода религія, — религія опрокинутая, исполненная внутренняго противорѣчія и безсмыслицы, но тѣмъ не менѣе религія, которая можетъ имѣть своихъ учителей и фанатиковъ. Интересъ отрицанія, преобладая надъ всѣмъ, влечетъ этихъ фанатиковъ ко всему что̀ только запечатлѣно характеромъ отрицанія. Какимъ бы образомъ ни былъ добытъ отрицательный результатъ, лишь бы онъ былъ православно отрицательный, и онъ какъ вдохновеніе овла-

дѣвастъ этими умами, и принимается какъ догматъ безъ всякаго колебанія и сомнѣнія. Въ этомъ отрицательномъ догматизмѣ прекращается всякая умственная производительность, исчезаютъ всѣ влеченія истины и знанія. Добиваться нечего, все рѣшено, и все вздоръ.

Религія отрицанія направлена противъ всѣхъ авторитетовъ, а сама основана на грубѣйшемъ поклоненіи авторитету. У нея есть свои безпощадные идолы. Все что имѣетъ отрицательный характеръ есть уже eo ipso непреложный догматъ въ глазахъ этихъ сектаторовъ. Чѣмъ рѣшительнѣе отрицаніе, чѣмъ менѣе обнаруживаетъ оно колебаній и сомнѣній, тѣмъ лучше, тѣмъ могущественнѣе авторитетъ, тѣмъ возвышеннѣе идолъ, тѣмъ непоколебимѣе вѣра. Отрицательный догматикъ ничѣмъ не связанъ; слово его вольно какъ птица; въ умѣ его нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ формацій, никакихъ положительныхъ интересовъ, которые могли бы останавливать и задерживать его; ему нечего отстаивать, нечего охранять; онъ избавленъ отъ необходимости сводить концы съ концами. Ему нужна только полная самоувѣренность и умѣніе пользоваться всѣми средствами для цѣлей отрицанія. Чѣмъ менѣе онъ разбираетъ средства, тѣмъ лучше. Онъ въ этомъ отношеніи совершенно согласенъ съ отцами іезуитами, и вполнѣ принимаетъ ихъ знаменитое правило, что цѣль освящаетъ всякія средства.

Есть ли этотъ отрицательный догматизмъ, эта религія нигилизма — явленіе характеризующее духъ нашего вѣка? Дозволительно ли думать, чтобъ это явленіе было всемірною историческою фазой, которую переживаютъ образованные народы нашего времени? Нѣтъ, наше время славится по преимуществу своею свободой и терпимостію, своею наукой, духомъ изслѣдованія и критики, не пренебрегающей ничѣмъ и ничего не предосуждающей. Духъ догматическаго отрицанія не можетъ быть общимъ признакомъ какой бы то ни было всемірной эпохи; но онъ возможенъ во всякое время въ большей или меньшей степени, какъ общественная болѣзнь, овладѣвающая нѣкоторыми умами и нѣкоторыми сферами мысли. Какъ частное явленіе, оно встрѣчается и въ наше время, въ большей или меньшей степени, въ нѣкоторыхъ общественныхъ средахъ; но, какъ и всякое зло, оно вездѣ находитъ себѣ противодѣйствіе въ могущественныхъ силахъ цивилизаціи.

Образованіе, наука, политическая и промышленная жизнь, развитіе и состязаніе всевозможныхъ интересовъ, свобода совѣсти, воспитательное вліяніе среды, живая сила преданія,—вотъ препятствія, которыя встрѣчаетъ это явленіе въ образованныхъ обществахъ нашего времени. Но если въ этомъ явленіи нельзя видѣть общій признакъ нашего времени, то несомнѣнно узнаемъ мы въ немъ характеристическую черту умственной жизни въ нашемъ отечествѣ за текущій моментъ. Ни въ какой другой общественной средѣ Базаровы не могли бы имѣть обширнаго круга дѣйствій и казаться силачами или гигантами; во всякой другой средѣ, на каждомъ шагу, отрицатели сами безпрерывно подвергались бы отрицанію; при каждой встрѣчѣ приходилось бы имъ повторять про себя то что̀ сказалъ Базаровъ передъ смертію: „Да, поди, попробуй отрицать смерть: она меня отрицаетъ, и баста.“ Но въ нашей цивилизаціи, не имѣющей въ себѣ никакой самостоятельной силы, въ нашемъ маленькомъ умственномъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего стоящаго твердо, гдѣ нѣтъ ни одного интереса, который бы не стыдился и не конфузился самого себя и сколько-нибудь вѣрилъ въ свое существованіе,—духъ нигилизма могъ развиться и пріобрѣсти значеніе. Эта умственная среда сама собою подпадаетъ подъ нигилизмъ и находитъ въ немъ свое вѣрнѣйшее выраженіе.

Мы не можемъ пожаловаться, чтобы наша цивилизація была скудна. Напротивъ, чего въ ней нѣтъ? Въ нашемъ умственномъ обращеніи ходятъ всевозможныя идейки. Мы знаемъ всѣ языки, и знакомы со всѣми литературами. Мы касаемся предметовъ всѣхъ знаній и всѣхъ сферъ жизни. Но это богатство, какъ всѣмъ извѣстно,—ассигнаціи и, при томъ фальшивыя. Богатство нашего образованія есть богатство мнимое: это истина ужѐ избитая, повторенная тысячекратно на всѣ лады, начиная отъ знаменитаго изреченія: „grattez le Russe“, до столь же знаменитаго ученія объ оторванности отъ народной почвы. Всѣ способы фигуральныхъ выраженій были истощены въ нашей литературѣ, чтобы выразить эту мысль. Дѣло въ томъ, что понятія составляющія наше умственное образованіе не имѣютъ значенія дѣйствительныхъ силъ. Сколько бы ихъ ни было у насъ, какъ бы ни были они разнообразны, и даже какъ бы ни были они ясны и сильны въ отдѣльныхъ людяхъ (что̀ впрочемъ великая рѣдкость),

они не являются организующими, то-есть общественными силами. Только тѣ идеи—силы дѣйствительныя, которыя не ограничиваются процвѣтаніемъ въ разрозненныхъ умахъ, но простираютъ свое дѣйствіе далѣе и обнаруживаются какъ начала соединяющія людей. Все же, что̀ не обнаруживаетъ такой силы, остается мнимымъ, воображаемымъ, недѣйствительнымъ. Идеи собирающія людей въ группы, связывающія ихъ въ разнообразныя, болѣе или менѣе крѣпкія формаціи, все это и есть то что̀ мы называемъ общественными силами. Гдѣ этихъ силъ нѣтъ, или гдѣ онѣ подавлены, тамъ образованіе всегда будетъ призракомъ, и какъ бы повидимому ни было богато его содержаніе, оно не будетъ имѣть никакого значенія, и отдѣльные люди всегда будутъ чувствовать безсиліе своего образованія. Что̀ бы ни совершалось въ ихъ головѣ, на всемъ будетъ лежать печать мнимаго, недѣйствительнаго; между ихъ словами и мыслями не будетъ ладу, между ихъ мыслями и дѣйствіями не будетъ органической связи. Все въ нихъ будетъ зыбко и шатко, все для нихъ будетъ сомнительно, и ихъ собственная нравственная личность будетъ мерещиться имъ какъ призракъ, ихъ собственная умственная организація будетъ пугать ихъ какъ привидѣніе. Человѣка въ отдѣльности нѣтъ; человѣкъ вездѣ есть часть какой нибудь живой связи, какой нибудь общественной организаціи; вездѣ онъ связанъ съ другими людьми, и вездѣ его жизнь и образованіе условливаются окружающею средою. Человѣкъ взятый отдѣльно отъ среды есть не болѣе какъ фикція или отвлеченность. Его нравственная и умственная организація, или говоря вообще, его понятія только тогда дѣйствительны въ немъ, когда онъ преднаходитъ ихъ какъ организующія силы среды, въ которой привелось ему жить и мыслить. Но характеристическое отличіе нашей среды въ томъ и состоитъ, что она лишена этихъ организующихъ силъ, которыя группируютъ людей какъ общій имъ всѣмъ интересъ, проходящій чрезъ нихъ и живущій между ними. Нѣтъ ничего труднѣе какъ найдти въ нашей общественной средѣ что-нибудь положительное, на чемъ могли бы сойдтись между собою люди. Вы не свяжете трехъ человѣкъ въ одно цѣлое на какомъ-нибудь положительномъ интересѣ; во всякомъ случаѣ, связь между ними не продер-

жится долго и не окажется плодотворною. Но за то нѣтъ ничего легче, какъ соединить между собою людей въ чемъ-нибудь отрицательномъ. На положительномъ всѣ перессорятся, и дѣло не пойдетъ; на отрицательномъ всѣ легко сдружатся, и дѣло закипитъ. Даже въ сферѣ такъ-называемыхъ матеріяльныхъ интересовъ мы замѣчаемъ то же явленіе. Такова историческая судьба нашей цивилизаціи. Исторія разбила у насъ всѣ общественныя завязи, и дала отрицательное направленіе нашей искусственной цивилизаціи. Она сама вся основана на отрицаніяхъ; нѣтъ ни одной общественной основы, которая бы чувствовала себя неприкосновенною, нѣтъ ни одной общественной силы, которая не была бы подавлена или которой была бы дана возможность развитія. Ничему не предоставлено самопроизвольнаго и естественнаго теченія, и, вмѣсто живыхъ органическихъ силъ, люди чувствуютъ себя въ механическихъ сочетаніяхъ, совершенно внѣшнихъ и чуждыхъ для жизни. Люди живутъ такимъ образомъ двойною жизнію,—внѣшнею, въ которой они не принимаютъ умственнаго и нравственнаго участія, и внутреннею, которая болѣе походитъ на міръ сновидѣній чѣмъ на дѣйствительность.

Итакъ, сила нашего нигилизма заключается не въ свойствѣ его содержанія,—онъ въ томъ и состоитъ, чтобы не имѣть никакого существеннаго содержанія, — а въ обстоятельствахъ среды. Среда дѣлаетъ его силою, она условливаетъ его значеніе и развитіе. Отрицаніе за отрицаніемъ порождаетъ склонность къ отрицанію, образуетъ навыкъ, и изъ этой склонности, изъ этого навыка, вырастаетъ наконецъ непреодолимая страсть, которая, какъ и всякая страсть, можетъ доходить до степени помѣшательства, теряя всякую опредѣленность и всякій предметъ. Отрицаніе для отрицанія—вотъ сущность этой страсти.

Характеръ силы сообщаетъ нигилизму также его безусловный догматическій характеръ. Сила его въ томъ, что онъ не допускаетъ никакого сомнѣнія и колебанія, и вслѣдствіе этого исполненъ самоувѣренности и рѣшимости. А все что имѣетъ характеръ несомнѣннаго догматизма производитъ обаятельное дѣйствіе на людей. Бывали же, да и теперь есть, цѣлые религіозные культы, которые были основаны на идеѣ уничтоженія; массы людей охватывались этимъ фанатизмомъ разрушенія, въ которомъ

видѣли они конечную цѣль всего. Есть же и теперь въ Индіи знаменитая секта *таговъ*, которая приноситъ свои страшныя жертвы тайному идолу, непреодолимо и слѣпо владѣющему своими поклонниками. Въ сущности, то же явленіе повторяется и въ нигилизмѣ, повторяется въ другой сферѣ, при другой обстановкѣ, при иныхъ условіяхъ. Это, въ маломъ видѣ, тотъ же духъ, только говорящій инымъ языкомъ и дѣйствующій въ другихъ формахъ.

Духъ этого новаго культа, разумѣется, дѣйствуетъ на людей въ различной степени. Одни воплощаютъ въ себѣ его духъ; другіе покоряются ему внѣшнимъ образомъ, потому что видятъ въ немъ господствующую силу, противъ которой не находятъ въ себѣ никакого отпора. Являются ловцы душъ, жрецы и учители, и слабосильные люди покоряются ихъ авторитету и слѣпо слѣдуютъ за ними.

Что однако побуждаетъ людей къ такому служенію? Какимъ образомъ можетъ воплощаться въ нихъ такая странная сила? Какъ они сами отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ стремленіяхъ, и какой интересъ можетъ имѣть для нихъ эта пропаганда? Но во всемъ ли мы можемъ отдавать отчетъ изъ того что̀ владѣетъ нами и что̀ увлекаетъ насъ? Всякая страсть, всякая склонность, и даже всякій навыкъ, владѣютъ человѣкомъ безотчетно, хотя люди тѣмъ не менѣе чувствуютъ побужденіе объяснять и оправдывать даже то, чему они слѣпо покорствуютъ. Эти объясненія и оправданія нисколько не касаются сущности дѣла, и ими люди только обманываютъ себя. Приверженцы религіозныхъ культовъ уничтоженія имѣли свои вѣроучительныя системы; у нихъ были свои обѣтованія. Маленькій культъ нашего нигилизма имѣетъ также свое вѣроученіе, свои догматы, и у него есть свои обѣтованія. Учители нигилизма находятъ въ различныхъ утопіяхъ, съ одной стороны, оправданіе для своего культа, съ другой—вспомогательное средство пропаганды. Но утопіи имѣютъ для нихъ еще и другое, болѣе существенное значеніе; утопіи сами служатъ наилучшимъ орудіемъ отрицанія и разрушенія. Несбыточное, неестественное, невозможное, представляясь дѣломъ совершенно возможнымъ и естественнымъ, дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ на умы и довершаетъ разложеніе ихъ организаціи—что̀ и требуется. Все близкое, практически-возможное, все дѣйствительное, легче отвергается въ

силу отдаленнаго и мечтательнаго, опьяняющаго людей,— а въ этомъ-то и интересъ нигилизма.

Тѣмъ не менѣе нигилизмъ не состоитъ въ утопіяхъ: онѣ служатъ ему только вспомогательнымъ средствомъ. Люди умные, жрецы и учители, не могутъ не сознавать во глубинѣ своей души всю тщету этихъ фантазій, но они не считаютъ нужнымъ подрывать вѣру въ нихъ; напротивъ, они считаютъ нужнымъ и должнымъ поддерживать эту вѣру и даже поощрять другихъ ко всевозможнымъ дурачествамъ.

Чѣмъ болѣе проникается человѣкъ своимъ служеніемъ, чѣмъ болѣе воплощается въ немъ духъ, которому онъ служитъ, тѣмъ полнѣе и крѣпче связываются съ этимъ служеніемъ всѣ его личные интересы. Это-то и значитъ воплощеніе. Всѣ интересы человѣка болѣе или менѣе непосредственно связываются съ этимъ господствующимъ интересомъ. Все получаетъ отъ него питаніе, и все въ свою очередь питаетъ его. Человѣку въ немъ и яснѣе, и теплѣе, и привольнѣе, а наконецъ, и выгоднѣе. Съ нимъ соединяется самолюбіе, гордость, самоуваженіе и уваженіе другихъ. Какъ и всякій культъ, нигилизмъ можетъ въ числѣ своихъ послѣдователей имѣть и лицемѣровъ, и фанатиковъ, и простыхъ обманщиковъ, и болѣе или менѣе безкорыстныхъ служителей. Подъ его знамя могутъ собираться люди разныхъ сортовъ. Люди дѣятельные и способные могутъ предаваться ему тѣмъ съ большею охотой, что чувствуютъ въ немъ силу. Видя какъ легко нигилистическія понятія овладѣваютъ умами, какъ мало они встрѣчаютъ себѣ отпора, какъ напротивъ все поблажаетъ имъ и все питаетъ ихъ, люди *импульсивные* пристращаются къ нимъ, потому что они могутъ давать имъ значеніе, и въ ихъ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ. ...

Въ Базаровѣ нашъ авторъ взялъ одинъ изъ лучшихъ типовъ нигилизма. Онъ принадлежитъ къ числу людей *импульсивныхъ*. Какъ и всѣ наши образованные люди, онъ прямо изъ школы вынесъ добрый задатокъ этого духа отрицанія,—вынесъ сѣмя его, которое нашло въ немъ благодарную почву. Какъ и у всѣхъ нашихъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей, въ его умѣ живучими и сильными элементами оказывается лишь то что̀ запечатлѣно отрицающимъ характеромъ; все прочее оказывается слабымъ, мертвымъ, гнилымъ, подлежащимъ отрицанію. Онъ держитъ про

себя весь этотъ хламъ только для произведенія надъ нимъ операцій разложенія. Онъ—совершенная противоположность тѣмъ „грызунамъ“, „самоѣдамъ“, „гамлетикамъ“, которыхъ такъ мастерски изображалъ г. Тургеневъ въ другихъ своихъ типахъ. Тѣ во всемъ сомнѣвались; но сомнѣвались самымъ фальшивымъ и самымъ безплоднымъ образомъ. Они сомнѣвались не изъ любви къ истинѣ, не въ интересѣ дѣла; напротивъ, они сомнѣвались во всемъ отъ пустоты и бездѣлья. Собственно говоря, они ничѣмъ другимъ и не были заняты кромѣ своей собственной личности, и ее-то подвергали они пыткѣ сомнѣнія, ее-то они мучили, терзали и раздирали. Не находя въ себѣ силы ничѣмъ заняться и позабыть себя въ чемъ-нибудь, они вѣчно сравнивали себя съ разными носившимися передъ ними идеалами, и вѣчно обращались къ себѣ съ разными претензіями, и вѣчно оставались недовольны, и вѣчно грызли себя. Но нигилисты—люди совсѣмъ другаго свойства; они ничего не держатся, и сразу отъ всего отказались; сомнѣваться имъ не въ чемъ, они—готовые дѣятели. Свою особу чтятъ они какъ сосудъ великой силы и не сравниваютъ себя ни съ какими идеалами; они находятъ полнѣйшее удовлетвореніе своему самолюбію въ ходкой дѣятельности повальнаго отрицанія и всеуничтоженія. Имъ не зачѣмъ грызть и ломать себя; они собою вполнѣ довольны,—они вполнѣ довольны тѣмъ, что все легко подается, легко ломается, легко отрицается. Имъ не за чѣмъ обращаться на себя, они нападаютъ на другихъ, и нападаютъ тѣмъ охотнѣе, что все само собою валится. „Ты не доросъ до насъ“, говоритъ Базаровъ юному Аркадію, „ты невольно любуешься собою, тебѣ пріятно самого себя бранить; а намъ это скучно—намъ другихъ подавай! намъ другихъ ломать надо!“ Мѣру своего достоинства и самоуваженія находятъ они въ той пустотѣ, которая вокругъ нихъ образуется. Они любятъ и чествуютъ себя всѣмъ тѣмъ презрѣніемъ, которое внушаетъ имъ ничтожество окружающей среды, лишенной всякой силы сопротивленія. Эти люди непремѣнно будутъ имѣть видъ людей сильныхъ и притомъ дѣловыхъ, прямо идущихъ къ цѣли, свободныхъ отъ всякой мнительной и разслабляющей думы, отъ всякихъ праздныхъ мечтаній. Таковъ на видъ и герой Тургеневскаго романа. Въ этомъ отношеніи особую характеристическую черту придаетъ ему

и то обстоятельство, что онъ не принадлежитъ къ породѣ *баричей*. Эти послѣдніе никогда не бываютъ серіозными отрицателями; нигилизму предаются они изъ дилеттантства, по молодости лѣтъ, по глупости, также потому что видятъ въ немъ передовую мудрость и потому что легко попадаются въ сѣти, находя, что лучше быть орудіемъ отрицанія нежели служить ему мишенью.

Авторъ произвелъ своего героя отъ бѣдныхъ родителей, изъ той волнующейся среды, которая приливаетъ къ нашему привилегированному сословію, группируется на его окраинахъ, и просачивается въ него съ разныхъ сторонъ. Отецъ его разночинецъ, дослужившійся до дворянства и ставшій мелкимъ помѣщикомъ, владѣльцемъ одной или двухъ дюжинъ душъ. Еще характеристичнѣе то обстоятельство, что Базаровъ—внукъ дьячка,—„какъ Сперанскій“, сказалъ онъ разъ своему юному пріятелю, скрививъ губы. Можетъ-быть фигура Базарова вышла бы еще типичнѣе, еслибъ авторъ прямо произвелъ его отъ дьячка.

Когда у насъ говорятъ о замкнутыхъ сословіяхъ, то разумѣютъ обыкновенно дворянство, и рѣдко вспоминаютъ о цѣломъ огромномъ сословіи, которое, вслѣдствіе своей разобщенности, еще болѣе походитъ на касту чѣмъ дворянство. Мы разумѣемъ духовное сословіе. Въ настоящее время, въ цѣломъ христіянскомъ мірѣ, нѣтъ ничего похожаго на эту особую касту, которая образовалась у насъ случайно подъ именемъ духовнаго сословія. Въ католическихъ странахъ, какъ извѣстно, духовенство набирается изъ всѣхъ классовъ общества, и, при всей замкнутости, при всей строгости церковной организаціи, люди, вступающіе въ нее, не составляютъ особой породы, уже по одному тому что католическое духовенство безбрачно. Въ странахъ протестантскихъ духовныя лица не связаны безбрачіемъ; но и они не составляютъ особой породы, не образуютъ касты, вслѣдствіе общаго гражданскаго положенія этихъ странъ. Такимъ образомъ, и католическій, и протестантскій міръ уберегись отъ левитизма, такъ мало совмѣстнаго съ духомъ христіянства, а съ тѣмъ вмѣстѣ такъ мало благопріятнаго развитію народной и гражданской жизни. Левитизмъ образовался у насъ самъ собою, вслѣдствіе косности нашей жизни, подъ вліяніемъ чуждыхъ, внесенныхъ въ нее юри-

дическихъ началъ. Коль скоро образовалась замкнутая дворянская порода, каста воиновъ,—то сама собою образовалась порода левитовъ, духовная каста. Входъ въ эту послѣднюю юридически не замкнуть, точно также не замкнутъ и выходъ; но входъ въ нее совсѣмъ заросъ травою, и если изъ нея многіе выходятъ, то масса пребываетъ. Церковныя должности передаются изъ рода въ родъ, оставаясь въ постоянномъ обладаніи особой общественной породы. Если къ дворянству до послѣдняго времени притягивались элементы изъ разныхъ общественныхъ слоевъ, то къ духовенству такой тяги не могло быть, и бѣлое духовенство не возобновлялось новыми элементами, а плодилось нарожденіемъ. То положеніе, которое заняла у насъ церковь относительно общества и государства, равно какъ и преобладаніе въ ней чернаго духовенства, были причиною обособившею духовное сословіе и пресѣкшею къ нему пути изъ другихъ общественныхъ слоевъ. При всемъ высокомъ назначеніи своемъ, бѣлое духовенство стало у насъ сословіемъ униженнымъ, стѣсненнымъ въ своей дѣятельности и лишеннымъ всякаго значенія въ дѣлѣ общественнаго развитія.

Начала, создающія нравственную организацію, начала собирающія людей въ одно тѣло, тѣмъ сильнѣе выражаются и дѣйствуютъ, чѣмъ разнохарактернѣе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ бываютъ элементы собирающіеся на ихъ зовъ. Могущество всякаго начала всего вѣрнѣе измѣряется тѣмъ соединяющимъ дѣйствіемъ, которое оказываетъ оно на разнородные элементы. Если, по какимъ-либо историческимъ судьбамъ, живущія въ обществѣ начала перестаютъ оказывать такое единящее дѣйствіе, то они мало-по-малу слабѣютъ и теряютъ чувство собственнаго существованія. Они исчезаютъ и изъ сознанія, и изъ воли людей, оставляя за собой праздное, часто обезславленное имя. Этотъ законъ нравственныхъ организацій очевиденъ: коль скоро нѣтъ разнокачественности въ элементахъ собирающихся на одно служеніе, то оно не можетъ обнаруживать своей силы въ ихъ соединеніи; эти элементы не нуждаются въ сильномъ жизненномъ движеніи, для того чтобы собраться и составить одно цѣлое; они уже находятся между собою въ случай-

номъ единеніи; они уже такъ близки между собою, что имъ не за чѣмъ, да и нѣтъ мѣста, энергически придвигаться другъ къ другу; въ своемъ единеніи они не испытываютъ живаго дѣйствія того начала, которое случайно покрываетъ ихъ своимъ именемъ; связь между ними существенно чужда этому началу; оно не заявляетъ себя въ ней, оно въ ней не дѣйствуетъ,—и вотъ отъ этого-то весьма часто происходитъ прискорбное противорѣчіе между именемъ и вещью, между словомъ и дѣломъ, между назначеніемъ и дѣйствительностію. При такихъ обстоятельствахъ, всякое званіе теряетъ свой духъ, или въ немъ заводится духъ особаго рода, дурной или хорошій, но во всякомъ случаѣ чуждый его сущности. Всякое начало дѣйствуетъ лишь тамъ, гдѣ люди сближаются между собою въ его имя, и дѣйствуетъ оно въ той мѣрѣ, въ какой превозмогаетъ въ людяхъ другія тяготѣнія, пересиливаетъ другія влеченія; только при этомъ условіи могутъ являться люди съ плодотворнымъ чувствомъ призванія, съ дѣйственною силой убѣжденія. Каста и все что̀ ей подобно не представляетъ такого условія. Гдѣ каста, тамъ не можетъ быть духа призванія, тамъ не можетъ быть никакого живаго интереса. Гдѣ люди сгруппированы между собою по породѣ, тамъ не можетъ развиться общій духъ служенія по призванію. Пока каста остается въ разобщеніи съ жизнію, пока въ нее не проникаютъ жизненные токи извнѣ, пока живущіе въ ней люди застрахованы общею косностію отъ всякихъ постороннихъ тяготѣній и влеченій, отъ всякаго рода испытующихъ напитій и искушеній, до тѣхъ поръ внутреннее противорѣчіе остается скрытымъ, и существованіе общественнаго тѣла поддерживается его оцѣпенѣлостію. Но при первомъ движеніи вольнаго воздуха, это противорѣчіе окажется сразу, и признаки гніенія будутъ развиваться въ ужасающихъ размѣрахъ. Общественное тѣло, въ своихъ отщепенцахъ, можетъ стать съ обильнымъ источникомъ злобныхъ отрицаній того самаго начала, чье имя оно носитъ.

И нашъ нигилизмъ не можетъ не находить себѣ поживы въ отпрыскахъ духовнаго сословія. Благодаря сложившимся обстоятельствамъ, именно между ними онъ можетъ вербовать себѣ самыхъ *импульсивныхъ* поборниковъ. Отсюда-

то всего легче и вѣрнѣе могутъ выходить его вѣроучители, и достаточно способные, и достаточно сильные для своего дѣла. А потому, повторимъ, очень вѣрный инстинктъ побудилъ г. Тургенева привести своего нигилиста въ нѣкоторую связь съ этимъ сословіемъ. Эта черта была бы очень выразительна, еслибы художникъ болѣе воспользовался ею; физіономія героя была бы яснѣе, и многое въ немъ стало бы еще натуральнѣе; не было бы надобности прибѣгать къ нѣкоторымъ усиліямъ оттѣнить эту фигуру, къ дуэлямъ и тому подобному; не было бы надобности въ нѣкоторыхъ чертахъ слишкомъ исключительныхъ и мало типическихъ, для того чтобы рѣзче обозначить ее.

Вообще, какъ случилось уже намъ замѣтить, въ фигурѣ этого героя есть нѣкоторыя неясности. Въ иныхъ мѣстахъ фантазія автора какъ будто колебалась, и слѣдствіемъ этихъ колебаній выходитъ то, что иногда трудно бываетъ отдѣлить чисто индивидуальное свойство изображаемаго лица отъ его типическихъ свойствъ. Базаровъ не на столько играетъ роль, чтобы получить значеніе какъ индивидуальный характеръ, а потому всѣ черты въ этой фигурѣ, которыя лишены опредѣленнаго типическаго значенія, кажутся въ немъ неясностью и недодѣланностію. Но мы не имѣли намѣренія разбирать романъ и изображенные въ немъ характеры; мы только касаемся нѣкоторыхъ пунктовъ, имѣющихъ общее значеніе, и по поводу ихъ стараемся уловить и обозначить типическія черты летучаго явленія нашей современной общественной среды.

Базаровъ врагъ фразы,—это признакъ очень хорошій. Онъ терпѣть не можетъ лжи и аффектаціи,—чего же лучше? Онъ вооружается противъ всякихъ вычуръ и праздномыслія: не должны ли мы за это почтить въ немъ человѣка суровой истины и искренняго дѣла? Итакъ, вотъ онъ, грозный преслѣдователь фразы заѣдающей нашу мысль, безпощадный истребитель всѣхъ этихъ мыльныхъ пузырей, которые носятся надъ нашею цивилизаціей искусственной и фальшивой,—всѣхъ этихъ призраковъ, которые лишаютъ насъ чувства дѣйствительности! Вотъ онъ, отрезвитель, котораго мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждали. Какая нужда, что онъ называется нигилистомъ? Будемъ рукоплескать ему, нигилисту.

Такъ вотъ, стало-быть, почему онъ и отъ искусства отрекается; вотъ почему онъ остерегается всякой игры фантазіи! Призванный къ отрезвленію нашей умственной жизни, онъ гнушается всего, что оказываетъ разнѣживающее вліяніе на слабый умъ человѣческій. Вотъ почему одинъ изъ критиковъ провозгласилъ его умственнымъ аскетомъ, а другой поклонился ему какъ человѣку дѣла по преимуществу. Да и какъ не поклониться? Онъ пришелъ положить конецъ нашему праздномыслію, пустословію и фразерству; своимъ аскетизмомъ онъ искупитъ насъ отъ этой зловредной язвы, онъ выведетъ насъ изъ тумана на ясный свѣтъ положительнаго дѣла.

Увы, все это напрасно! Все это такой же обманъ чувствъ какъ и наука, съ ея лягушками и микроскопами. Нашъ герой не только не врагъ фразы, не только не врагъ аффектаціи и фальши, но напротивъ—онъ самъ фраза, самъ аффектація и фальшь. Онъ не терпитъ извѣстный родъ фразы, потому что самъ преданъ другому роду. Онъ преслѣдуетъ не фразу, а только тотъ родъ или тотъ видъ ея, который ему не по нутру и который противоположенъ его собственному роду. Онъ не любитъ, напримѣръ, „красивую“ фразу. „О, другъ мой, Аркадій Николаевичъ, говоритъ онъ своему юному поклоннику, объ одномъ прошу, не говори такъ красиво!“ Онъ побиваетъ красивую фразу, а самъ красуется своею шероховатостью и жесткостью; щеголяетъ своимъ умственнымъ аскетизмомъ, фразерствуетъ своею ненавистію къ фразѣ, рисуется въ своихъ притязаніяхъ на простоту мысли и дѣла. Убѣдиться въ этомъ очень легко. Ненавидѣть ложь искренно, а не фальшиво, можно только изъ любви къ истинѣ. Отрицать фальшивое въ мысли и жизни можно только въ силу чего нибудь положительнаго. Тамъ же, гдѣ господствуетъ отрицаніе, гдѣ оно начало и конецъ, гдѣ вся мудрость состоитъ изъ ряда нулей и минусовъ, тамъ не возможна истинная ненависть ко лжи, тамъ эта ненависть ко лжи окажется сама еще пущею ложью. Противодѣйствіе дурному и фальшивому можетъ зародиться лишь въ чувствѣ тѣхъ началъ, которыя искажаются и безславятся въ фальшивыхъ явленіяхъ. Нельзя возненавидѣть ложь съ бухту-барахту; нельзя ни съ того, ни съ сего, возненавидѣть фразу. Надобно

чувствовать и уважать тѣ положительныя нормы, на которыя фраза посягаетъ. Въ человѣкѣ, испытывающемъ сильное чувство, понятно и презрѣніе, и негодованіе ко всякой аффектаціи, ко всякому притворному выраженію того же самаго чувства. Кто извѣдалъ собственнымъ опытомъ какое-нибудь нравственное настроеніе, тому легко распознать его карикатуру, и тому она будетъ по справедливости противна. Человѣкъ истинно знающій будетъ возмущенъ фальшивою наружностію знанія, гораздо больше чѣмъ простымъ невѣдѣніемъ. Человѣкъ истинно вѣрующій будетъ возмущенъ корыстно-лицемѣрною наружностію вѣры, еще болѣе чѣмъ невѣріемъ. Человѣкъ, дѣйствительно имѣющій въ своей душѣ инстинктъ свободы, будетъ оскорбленъ ея фальшивымъ видомъ, еще болѣе чѣмъ грубымъ и наивнымъ отсутствіемъ всякаго инстинкта свободы. Вездѣ и во всемъ, наши отрицанія будутъ имѣть истину лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы чувствуемъ и признаемъ силу положительныхъ началъ, извращаемыхъ въ своихъ фальшивыхъ проявленіяхъ. Но эта маленькая мудрость, которая знаменуетъ послѣднюю фазу нашего умственнаго развитія, состоитъ изъ однихъ отрицаній. Мы уже хорошо знаемъ эту немногосложную систему; она уже совершила полный циклъ своего теоретическаго развитія; она высказана у насъ на всѣ лады. Отрицаніе для отрицанія, вотъ вся ея тайна; ничего въ началѣ и ничего въ концѣ, вотъ вся ея сила. Откуда же у нигилиста можетъ взяться ненависть къ фальши и фразѣ? Будетъ ли истина въ этой ненависти? Не будетъ ли эта ненависть сама ничѣмъ инымъ какъ ненавистнѣйшею фразой?

Нигилизмъ есть милѣйшее добродушіе въ молодомъ Аркадіи, ученикѣ и поклонникѣ нашего героя. То же ученіе есть отвратительная аффектація и смѣшная пошлость въ мадамъ Кукшиной и Ситниковѣ, другихъ поклонникахъ того же героя. А что оно такое въ самомъ героѣ? Содержаніе этой мудрости вездѣ одно и то же, но только въ разныхъ людяхъ оно принимаетъ разный цвѣтъ. Оно и въ Базаровѣ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ какъ пустотою. Однако въ немъ есть нѣчто такое, чего въ другихъ нѣтъ. Въ немъ есть нѣчто такое что пустотѣ придаетъ нѣкоторую силу, что лжи придаетъ нѣкоторую искренность, что фразѣ сообщаетъ

до нѣкоторой степени характеръ дѣйствительной мысли и истиннаго чувства. Въ Базаровѣ нигилизмъ не есть простодушная наивность; онъ не есть въ немъ и пошлая вычура. Въ немъ есть одно довольно искреннее чувство, которое болѣе или менѣе примѣшивается ко всему, и всему болѣе или менѣе даетъ печать чего-то серіознаго и какъ бы дѣльнаго. Этотъ элементъ, котораго нѣтъ у учениковъ и который есть у учителя,—этотъ элементъ есть довольно искреннее и неподдѣльное чувство озлобленія, которое въ немъ проглядываетъ. Его научныя изслѣдованія—фраза; его заботы объ общественныхъ язвахъ—фраза; его общія воззрѣнія, его толки объ искусствѣ, о знаніи, о людяхъ, объ общественныхъ учрежденіяхъ, о всеобщей несостоятельности, о необходимости повальной ломки, о непризнаваніи авторитетовъ, объ отрицаніи всѣхъ началъ жизни и мысли, — все это совершеннѣйшее праздномысліе и пустословіе. Такъ; но ко всему этому примѣшивается маленькая капля истиннаго яда, дѣйствительной злобы, и вотъ все это смѣшеніе принимаетъ болѣе или менѣе серіозное значеніе и внушаетъ респектъ окружающимъ. Отъ фразы спасаетъ Базарова единственно только эта доза натуральнаго яда, которая сообщаетъ жизненный румянецъ его мысли. Въ ней источникъ его умственной энергіи, въ ней его вдохновеніе, въ ней его сила, ею отличается онъ отъ своихъ поклонниковъ, которые въ своей умственной организаціи не имѣютъ никакого серіознаго элемента.

Всякій дѣйствительный элементъ въ умѣ человѣка, хотя бы то была частица яда, сообщаетъ его проявленіямъ силу и жизнь; все правдиво существующее, хотя бы то было и самаго дурнаго свойства, обладаетъ этою тайной, въ противоположность мнимому, сочиненному, фальшиво-существующему, налганному. Гдѣ и какъ выработалась эта капля яду, которая дѣйствуетъ въ нашемъ нигилистѣ,—этого мы разыскивать не будемъ; да объ этомъ нѣтъ рѣчи и въ самомъ романѣ. Но часто, въ жизни обществъ, эта капля выработанная при весьма опредѣленныхъ условіяхъ, потомъ обобщается и передается отъ человѣка къ человѣку, отъ поколѣнія къ поколѣнію, соединяясь съ самыми разнообразными воззрѣніями, замѣшиваясь въ самыя разнообразныя системы, выражаясь въ самыхъ разно-

образныхъ дѣйствіяхъ. Здѣсь пришлось ей жить въ умѣ нигилиста, одушевлять его слова и придавать краску реальности его мыслямъ. Считайте вздоромъ содержаніе его мыслей,—да и содержанія въ нихъ нѣтъ никакого,—но извольте уважить эту каплю яда, признайте ее дѣйствительностію и воздайте ей должное серіозными заботами, чтобъ она потеряла свою силу и уступила свое мѣсто другимъ лучшимъ источникамъ умственной энергіи.

Смотря на Тургеневскаго Базарова, всякій скажетъ, что это человѣкъ честный. Несмотря на всѣ злоухищренія критиковъ, обвинявшихъ автора во враждебномъ чувствѣ къ его герою, дѣло несомнѣнное, что авторъ не уронилъ его нисколько, и не отнялъ у него ни одной черты, которая можетъ производить выгодное для него впечатлѣніе. Все, что говоритъ въ пользу героя, бросается въ глаза. Этого мало, смотря на Тургеневскаго Базарова, вы должны сознаться, что честность въ немъ не есть какое-нибудь случайное, чисто-индивидуальное свойство; вы должны сознаться, что это въ немъ черта типическая. Вы чувствуете, что онъ не пойдетъ на всякую подлость, подобно, напримѣръ, Ситникову. Правда, онъ еще молодъ, жизнь еще не попробовала его; но вы чувствуете, что отъ всего мелкаго и презрительнаго онъ довольно застрахованъ своею гордостію, громадно развившимся самомнѣніемъ. Если отъ пошлости спасаетъ его то искреннее чувство озлобленія, которое даетъ тонъ его уму, то отъ мелкой подлости спасаетъ его эта гордость. Ему невозможно не быть, въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстной степени, человѣкомъ честнымъ; иначе онъ долженъ былъ бы сломить себя и отказаться отъ высоты, на которой стоитъ въ собственныхъ глазахъ. Онъ чтитъ въ себѣ силу, и ему не возможно оскорбить ее позывами на презрительное и мелкое дѣло. Ему невозможно представить себя въ такомъ положеніи, которое съ какой-нибудь стороны показало бы его въ жалкомъ видѣ. Онъ долженъ быть высокъ и силенъ; онъ долженъ внушать къ себѣ уваженіе, — и это въ немъ не просто разчетъ, это въ немъ жизненная потребность. Люди такого разбора могутъ дойдти, пожалуй, до героизма въ этомъ отношеніи.

Что жъ? это не худо, скажемъ мы опять. Каковы бы ни были мнѣнія этихъ людей,—не должны ли мы воздать почетъ

этимъ мнѣніямъ по крайней мѣрѣ за то, что они возвышаютъ человѣка надъ презрительнымъ и подлымъ? Конечно, нельзя было бы не воздать этого почета; но при малѣйшемъ вниканіи мы разочаровываемся снова. Для подобныхъ людей, не безнравственное—безнравственно, а только впечатлѣніе презрительнаго и жалкаго. Норма ихъ нравственности не опредѣляетъ качества поступка; она опредѣляетъ только его размѣры и относительное значеніе. Каковъ бы ни былъ источникъ поступка и каковъ бы ни былъ его предметъ, они спрашиваютъ только какими они покажутся въ немъ, большими или малыми, будетъ ли то въ глазахъ другихъ, или въ своихъ собственныхъ. Тотъ же самый поступокъ, при одинаковой комбинаціи своихъ факторозъ, будетъ, по этой нормѣ, казаться и безчестнымъ и честнымъ, смотря по тому, какой будетъ онъ имѣть видъ, мелкій или крупный, какое будетъ онъ производить впечатлѣніе, — презрительной мелочи или уважительнаго событія, — водевильнаго фарса или эпической рапсодіи. На мелкій обманъ не пойдетъ нашъ нигилистъ, потому что мелкій обманъ уронитъ его даже въ собственномъ чувствѣ, въ его самомнѣніи; но на тотъ же обманъ, только въ грандіозныхъ размѣрахъ, онъ пойдетъ съ полною готовностію, потому что обманъ въ такихъ размѣрахъ будетъ чувствоваться имъ какъ сила и будетъ экзальтировать въ немъ чувство собственнаго достоинства. „Ты, братъ, глупъ, еще, я вижу,“ говорилъ Базаровъ своему юному поклоннику, „Ситниковы намъ необходимы. Мнѣ, пойми ты это, мнѣ нужны подобные олухи. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать!“

Итакъ, на подлость нашъ герой не пойдетъ; но онъ не потому ею гнушается, что мотивы ея гнусны, что смыслъ подлаго поступка противорѣчитъ его нравственному чувству и сознанію долга,—онъ это нравственное чувство и сознаніе долга отрицаетъ въ ихъ основахъ,— нѣтъ, онъ гнушается подлостію лишь по ея мизерному характеру, по ея мелочности и унизительности для его особы. Отнимите этотъ мизерный характеръ, раздайте размѣры того же въ сущности поступка, экзальтируйте этотъ поступокъ какими-нибудь далекими цѣлями, такъ чтобъ онъ не казался презрительнымъ и мелкимъ, — нашъ герой охотно совершитъ его и будетъ имъ гордиться. Слѣдовательно, во-

просъ здѣсь можетъ быть не о нравственномъ или безнравственномъ, не о честномъ или безчестномъ, а только о впечатлѣніи силы или безсилія, только о размѣрахъ дѣйствія,— о размѣрахъ презрительныхъ и подлыхъ по своей малости, или уважительныхъ и почетныхъ по своему объему, по многочисленности ожидаемыхъ послѣдствій, по отдаленнымъ цѣлямъ, къ которымъ оно можетъ повести.

Да откуда и можетъ взяться чувство положительной нравственности въ томъ умѣ, который разлагаетъ и гноитъ въ себѣ ел основы? Было бы странно требовать отъ Базарова другой нравственности кромѣ той, которая опредѣляется его гордостью и самомнѣніемъ. Надобно брать его какъ онъ есть; надобно, пожалуй, и на этомъ сказать ему спасибо. Тѣмъ не менѣе художественное изображеніе этого типическаго лица должно было отозваться горечью и униженіемъ въ умахъ, ему симпатическихъ.

Въ заключеніе спросимъ себя, имѣетъ ли у насъ этотъ нигилизмъ серіозное значеніе, и суждено ли ему будущее? Капля яда въ немъ есть, это такъ; поэтому и нельзя отказывать ему въ серіозномъ значеніи. Правда, значеніе это все-таки должно измѣряться объемомъ той среды, въ которой онъ обнаруживается. Наша умственная среда еще такъ мала, такъ ничтожна, что происходящія въ ней явленія, какого бы то ни было свойства, не могутъ имѣть очень большое значеніе. Но среда эта постоянно расширяется, число принадлежащихъ къ ней людей растетъ непрерывно, и то что не имѣетъ большаго значенія, можетъ съ теченіемъ времени вырости до весьма уважительныхъ размѣровъ, если не повстрѣчаетъ серіознаго противодѣйствія. Въ чемъ же можетъ состоять это противодѣйствіе? Напрасны будутъ всякаго рода отрицательныя мѣры противъ этихъ отрицательныхъ явленій,—не только напрасны, но и вредны. Всякаго рода стѣсненія и преслѣдованія, оказывая только палліативное дѣйствіе, могутъ съ теченіемъ времени усилить болѣзнь и сдѣлать ее хроническою. Есть только одно вѣр-

ное радикальное средство противъ этихъ явленій,—усиленіе всѣхъ положительныхъ интересовъ общественной жизни. Чѣмъ богаче будетъ развиваться жизнь во всѣхъ своихъ нормальныхъ интересахъ, во всѣхъ своихъ положительныхъ стремленіяхъ, религіозныхъ, умственныхъ, политическихъ, экономическихъ, тѣмъ менѣе будетъ оставаться мѣста для отрицательныхъ силъ въ общественной жизни. При такихъ обстоятельствахъ, Базаровымъ было бы крайне неловко: имъ приходилось бы чувствовать себя въ положеніи презрительномъ и безсильномъ, а это для нихъ самая лютая смерть.